

Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский государственный педагогический университет»

**КУЛЬТУРА, ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО
В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ И ПОСТ-ПАНДЕМИИ:
МЕТОДОЛОГИЯ, ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

**Материалы XXV Международной конференции
памяти профессора Л. Н. Когана**

Екатеринбург 2022

УДК 316.7
ББК Ч10
К88

Редакционная коллегия: А. Д. Гурарий, Е. В. Грунт, А. В. Меренков,
Е. А. Беляева, ответственный редактор – А. Н. Новгородцева

К88 Культура, личность, общество в условиях пандемии и пост-пандемии: методология, опыт эмпирического исследования : материалы XXV Международной конференции памяти профессора Л. Н. Когана / Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина ; Уральский государственный педагогический университет ; ответственный редактор А. Н. Новгородцева. – Электрон. дан. – Екатеринбург : УрГПУ, 2022. – 1 CD-ROM. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-7186-2043-6

В материалах конференции представлен достаточно широкий спектр тем – преимущественно общественно-политической направленности. В контексте происходящих социальных, технологических изменений общество ежедневно сталкивается с глобальными вызовами, касающимися культуры, образования, мобильности, миграции, семьи, межкультурной коммуникации, политики и т. д. в период постпандемии. В материалах конференции опубликованы исследования, выявляющие готовность разных индивидов и социальных групп к успешной адаптации к требованиям нового общества. Материалы конференции предназначены для социологов, политологов, философов и всех, кто интересуется этими проблемами.

УДК 316.7
ББК Ч10

ISBN 978-5-7186-2043-6

© ФГАОУ ВО «УрФУ», 2022
© ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1: «МОЛОДЕЖЬ И ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ И ПОСТПАНДЕМИИ»

Буянов Н. А. Проблема появления новых и отмирания старых профессий в условиях пандемии.....	8
Гофман А. А., Тимошук А. С. Образовательная культура в условиях пандемии и пост-пандемии.....	18
Калинина А. В., Распасиенко А. А. Внутренний аудит компании в период пандемии: требования к специалистам.....	32
Колесник Е. А. Детерминанты трудовой мобильности населения региона в условиях цифровизации и трансформации рынка труда.....	46
Лебедкина Е. Г. Изменение организационных условий реализации образовательного процесса в СПО при переходе на дистанционное обучение.....	54
Мищенко А. С. Педагог профессиональных лицеев и колледжей как специалист XXI века: десять лет исследований.....	66
Остапченко Г. С. Электронное или дистанционное обучение? ...	78
Пашина А. В. Опыт развития дистанционного образования в зарубежных вузах до 2020 года и в условиях пандемии COVID-19.....	85
Савельева Е. Ю. Влияние пандемии COVID-19 на рынок труда: изменение спроса на навыки работников.....	96
Санникова О. В., Яруллина К. И. Влияние региональных эпидемиологических ограничений на досуговые предпочтения молодежи.....	106
Чалых Н. А. Новые формы обучения в высшей школе в условиях пандемии.....	113
Шаронова С. А., Авдеева Е. В. Анализ подходов к реализации концепций смарт-образования на государственном уровне.....	120
Шибанова Е. К. Прогнозы развития глобальных и региональных рынков труда и тенденции в области профессиональной подготовки.....	128
Щедрина Е. А. Научная деятельность студентов в период пандемии.....	138
Яковлева И. П., Соколова М. Д., Баскова М. И. Здоровьесберегающие стратегии поведения студенческой молодежи г. Краснодара в условиях пандемии.....	145

СЕКЦИЯ 2: «ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО: ЦИФРОВЫЕ КОНТУРЫ ПУБЛИЧНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ»

Архипова Л. А., Новгородцева А. Н., Сивкова Н. И. Эксперты об «Умном городе»: риски внедрения.....	153
Банных Г. А., Баранова М. Е., Режецкая А. И. Специфика коммуникаций органов власти с молодежью в цифровую эпоху.....	162
Головко Р. В. Цифровизация социальных процессов в парадигме «умного» государственного управления.....	174
Мещерякова Н. Н. Традиционные и цифровые методы в социологии: российский и мировой опыт.....	181
Назарова Е. А., Селюкова А. А. Коммуникативные и цифровые ресурсы региональной социальной политики.....	188
Олейникова Е. Э. Реактивный потенциал поколения миллениум в преобразовании цифровых социальных пространств.....	200
Савич О. Ю. «Умное государство» в условиях кризисной ситуации.....	208
Селиверстова А. Д. Симбиотический интеллект: его понятие, структура и функции применительно к управленческой деятельности.....	223
Щепетов Ф. И. Публикации жителей Москвы в районных сообществах в социальных сетях в период избирательной кампании 2021: уровень электоральной культуры.....	229

СЕКЦИЯ 3: КУЛЬТУРА, ИДЕНТИЧНОСТЬ. КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ И ПОСТПАНДЕМИИ

Быстров В. С. Социальные боты в политике, как распознавать электронных пропагандистов и мошенников?	233
Василькова В. В., Легостаева Н. И. Детектирование тематического разнообразия ботнетов: подходы и методика.....	239
Вострикова Е. А., Руденкин Д. В. Использование визуальной атрибутики при продвижении через веб-сайт бренда	249
Котляров И. В. Культурный код: с чего начинается будущее (социально-философский дискурс).....	255
Кручинина П. М. Особенности создания и потребления информации пользователями в social media.....	268
Югурта Лаллауи. Социальные сети как средство получения информации в процессе обучения: пример алжирских студентов	276

Лиханов Н. С., Хайрутдинова Е. Л.	
Специфика современной европейской идентичности: к вопросу о перспективах социокультурного развития.....	284
Меренков А. В. Трансформация культуры в условиях пандемии	292
Набокова А. Д. Коммуникация в теориях информационного общества.....	301
Нейман К. П. СМИ как вид массовой коммуникации. Соотношение понятий медиа, массмедиа, СМИ.....	309
Омелаенко Н. В. Идентичность в современном обществе: основные характеристики, формирование, типы.....	321
Симонс М. Русскоязычные из Латвии в Швеции: между идентичностями и воспоминаниями.....	331
Самарцева Г. Е. Отношение российской молодежи к трансгендерам.....	340
Шелгинская В. А. Специфика «пористого» времени в жизни социально активного индивида в эпоху цифровизации.....	347

СЕКЦИЯ 4: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ И ПОСТПАНДЕМИИ

Басимов М. М. Психологическая типология как причина проявления различных видов политической активности.....	357
Баутина Ю. Е. Проблема профессионального выгорания в контексте концепции эмоционального труда.....	370
Белова Е. Р., Старшинова А. В. Мобильное приложение «Уверенный шаг» как компонент технологии сопровождения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выпускников интернатных учреждений.....	382
Лушникова О. Л. Сельская занятость в условиях крупного и малого села.....	388
Павенков О. В., Рубцова М. В., Рубцова А. В. Проблемы инклюзивного образования в современной Индии.....	394
Павенков В. Г., Рубцова М. В., Павенков О. В. Социальные последствия невротизации в условиях пандемии.....	401
Павлова Д. Г. Социальные проекты НКО, поддержанные Фондом президентских грантов (кейс Свердловской области).....	410
Петриченко А. Д. Региональные аспекты взаимодействия государства и НКО Челябинской области в условиях пандемии: поддержка, партнерство и перспективы.....	422
Повесина Д. А. Особенности и направления использования социальной рекламы в деятельности некоммерческих организаций.....	436

Рахманкулова А. А. Отношение молодежи к участию в социально-предпринимательской деятельности.....	444
Родионова Н. В., Редюк А. Л. Межсекторное взаимодействие в контексте социальной политики России.....	454
Семёнов Р. О. Проблемы физического, психического и социального здоровья, а также здорового образа жизни в современных условиях пандемии COVID-19.....	464

СЕКЦИЯ 5: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аксёнов И. В. Референдум на постсоветском пространстве: институт партиципации или политическая манипуляция?	472
Басимов М. М. Своеобразие зависимостей для политических предпочтений в группе молодых респондентов, образованных по их отношению к «гражданскому браку».....	483
Бахтин Е. Л. Низовые инициативы горожан как основа гражданского общества в концепции «право на город».....	494
Браславец К. О. Проблемы декоммунизации в Российской Федерации.....	503
Глушкова С. И., Летунов Е. Д. Особенности развития прав человека в контексте политико-правовых коммуникаций в цифровую эпоху.....	511
Доцатов А. А. Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти «Открытость 2.0».....	521
Дубровский Г. Д., Куньшиков С. В. Протесты в Республике Казахстан: предпосылки и последствия.....	529
Иванов Е. В., Хайрутдинова Е. Л. О перспективах влияния «третьих партий» на политику США.....	539
Конькова А. А. Крупные агломерации в России: возможность или угроза для будущего страны.....	548
Лебедев М. С. Общественное доверие как фактор развития гражданского общества в условиях цифровизации.....	556
Метельских Е. В., Холова Д. Ф., Шибанова Е. К. Бренд политического лидера в представлениях современной молодежи.....	565
Мубаракшина А. В. Феномен солидарности как основа формирования и воспроизводства социума: размышления античных философов и теории классиков социальной мысли.....	575
Начапкин М. Н. Консервативный публицист М. О. Меньшиков о социальных проблемах России и трудностях в формировании гражданского общества в начале XX века.....	587

Новосёлов Э. А. Роль симулякров в освещении западными СМИ конфликта на Донбассе.....	596
Пантюшев А. В., Олин А. И. Партия «Шведские демократы» в условиях миграционного кризиса.....	604
Симонова Е. В., Трошкова А. В. Особенности формирования политических ориентаций современных российских школьников	610
Соловьев И. М. Проблемы формирования консолидированного бюджета на примере России.....	615
Степанидина Е. Е. «Один пояс – один путь»: развитие инициативы Китая в условиях пандемии COVID-19.....	622
Устинов Д. И. Электронное правительство как средство противодействия коррупции в России: практика и перспективы применения.....	632
Харисова А. И., Беркутова А. С. Анализ аккаунтов российских политических деятелей в TikTok.....	641
Черкашина Т. В. Проблемы поиска национальной идеи в современной России.....	651
Чиркин Д. Ю., Колмаков А. Д. Активность в социальных сетях как фактор победы кандидата на примере праймериз в Свердловской области.....	657
Шабалина А. И. Влияние «фейковой» информации на политическое сознание граждан России.....	670
Швецова О. В. Политическая активность молодежи как фактор развития гражданского общества (на примере Тюменской области).....	678
Ямина П. Д. Анализ факторов электорального поведения в условиях пандемии.....	689

СЕКЦИЯ 1: «МОЛОДЕЖЬ И ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ И ПОСТПАНДЕМИИ»

УДК 331.5:616-036.21

Буянов Никита Александрович,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
nikitabuyanov98@gmail.com

ПРОБЛЕМА ПОЯВЛЕНИЯ НОВЫХ И ОТМИРАНИЯ СТАРЫХ ПРОФЕССИЙ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Аннотация. Развитие рынка труда и его расширение – очень важные составляющие для благополучной социально-экономической жизни любого государства и его населения. В статье исследованы качественные изменения рынка труда под действием быстрого распространения коронавирусной инфекции, раскрыты основные изменения, касающиеся возникновения и исчезновения отдельных профессий. Рассмотрен вопрос необходимости адаптации к цифровой экономике большинства сфер экономической деятельности и сотрудников во избежание повторной ситуации и для увеличения прибыли посредством предоставления услуг и товаров не только офлайн, посредством прямого общения с потребителем, но и с применением новых цифровых технологий, включающих удаленную работу, онлайн-сферу.

Ключевые слова: рынок труда; цифровая экономика; профессия; современные технологии; пандемия COVID-19; удаленная работа

Buyanov Nikita Alexandrovich,
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
nikitabuyanov98@gmail.com

THE PROBLEM OF THE EMERGENCE OF NEW AND THE DEATH OF OLD PROFESSIONS IN A PANDEMIC

Abstract. The development of the labor market and its expansion are very important components for a prosperous socio-economic life of any state and its population. The article examines the qualitative changes in the labor market under the influence of the rapid spread of coronavirus infection, reveals the main changes concerning the emergence and disappearance of individual professions. The issue of the need to adapt to the digital economy of most areas of economic activity and employees in order to avoid a repeat situation and to increase profits by providing services and goods not only offline, through direct communication with the consumer, but also with the use of new digital technologies, including remote work, online sphere.

Keywords: labor market; digital economy; profession; modern technologies; COVID-19 pandemic; remote work

Возникшая весной 2020 года пандемия оказала существенное влияние на социально-экономическую сферу Российской Федерации и всего

мирового сообщества в целом. Одним из наиболее уязвимых и подверженных последствиям распространения коронавирусной инфекции и ограничительных мер оказался рынок труда. Изменения носили системный характер и коснулись всей организационно-функциональной структуры рынка труда.

Сложившаяся социально-экономическая ситуация обусловила необходимость изучения вопросов трансформации рынка труда как в России, так и за рубежом. Помимо общепринятых (базовых) показателей, характеризующих рынок труда в условиях распространения коронавирусной инфекции, таких как занятость населения и уровень безработицы, в России и за рубежом наблюдается трансформация профессий в целом. Данная тенденция усиливается в условиях повсеместного внедрения цифровых технологий и становления цифровой экономики и цифрового государства. По мнению Ю. Г. Одегова и А. Е. Разинова, в условиях пандемии Россия и мировое сообщество в целом переживают очередной этап эволюции рынка труда [Одегов, Разинов 2021: 18].

Наибольший исследовательский интерес в рамках данной статьи представляет качественное изменение рынка профессий. Объектом исследования являются рынки труда главным образом Российской Федерации, стран Западной Европы и США. Предметом изучения данной статьи являются особенности изменения рынка профессий в условиях распространения коронавирусной инфекции. Цель исследования состоит в определении перечня новых профессий, возникших в период пандемии, а также перечня профессий, для которых наблюдается существенное снижение их востребованности на рынке труда.

Несмотря на временное снижение деловой активности, появление новых профессий в период пандемии является закономерным следствием трансформации социально-экономических процессов и ограничительных мер, наблюдавшихся в разной степени на территории всех государств без исключения. Тем не менее, как было сказано ранее, пандемия лишь ускорила существующие тенденции на рынке труда. Как отмечают О. П. Чекмарев, П. М. Лукичев, П. А. Конев, помимо краткосрочных эффектов пандемия активизировала те тенденции, которые развивались под влиянием общих закономерностей развития экономических и трудовых отношений [Чекмарев, Лукичев и др. 2021: 330].

Изучив научную отечественную и зарубежную литературу, а также данные интернет-изданий, мы составили перечень профессий, которые возникли в связи с распространением коронавирусной инфекции и приобрели особую актуальность на рынке вакансий. Также с целью обеспечения практической значимости данной работы нами дана краткая характеристика специфики таких профессий и представлены ключевые требования к знаниям и компетенциям, которые необходимы для успешного получения и освоения указанных должностей. Люди, потерявшие работу,

были вынуждены освоить другую профессию, научиться новым навыкам, переквалифицироваться [Беляков 2020: 5].

В период пандемии в связи с ограничительными мерами высокая доля сотрудников была переведена на удаленную работу. Согласно данным Минтруда РФ, еще год назад в нашей стране официально дистанционно работали 30 тысяч человек. Сегодня в таком формате работают порядка 6,5% трудоустроенных граждан – 3,5 млн человек. Это в 110 раз больше, чем в прошлом году [Взгляд-инфо 2022]. Примечательно, что еще до начала коронавируса прогнозировалось, что к 2025 году 70% рабочей силы по всему миру будут работать удаленно, как минимум пять дней в месяц [Одегов, Разинов 2021]. Нами была проведена классификация актуализированных и возникших профессий в период пандемии, и были выделены три основных группы профессий:

1. Профессии, возникшие непосредственно в период пандемии и обусловленные государственными мерами по борьбе с распространением коронавирусной инфекции; такие профессии, по нашему мнению, имеют исключительно временный характер.

2. Профессии, возникновение которых сопряжено со сложившимися социально-экономическими и политическими тенденциями, курсом на цифровизацию ключевых сфер функционирования общества и государства; пандемия выступила исключительно в роли катализатора сложившихся тенденций.

3. Профессии, возникшие непосредственно в период пандемии, однако их актуальность на рынке труда сохранится и в случае стабилизации эпидемиологической ситуации; такие профессии еще долго будут котируются на рынке труда.

К первой группе, по нашему мнению, целесообразно отнести следующие профессии:

1. Скринеры температуры. После того как руководство государств, в том числе Российской Федерации, ввело обязательное измерение температуры тела сотрудников и посетителей культурно-деловых учреждений и объектов социальной инфраструктуры, например торговых центров, больниц и т. д., работодатели активно принимали на работу людей именно для этого. Типичный диапазон заработной платы в России составляет 150–300 рублей в час в зависимости от региона, в США – 14–25 долларов в час, и объявления о таких вакансиях появляются в различных секторах, включая строительство и управление персоналом. Вакансии открыты для людей с самым разным опытом, однако многие из этих вакансий даже не публикуются, а предоставляются существующим работникам, которые были перепрофилированы, например секретарю в кабинете врача. До пандемии таких вакансий практически не было.

2. Тестеры COVID-19 или сборщик экспресс-тестов для лабораторной диагностики на наличие COVID-19. Эти люди проводят тесты мазков

из носа и полости рта на COVID-19 на полигонах, в больницах, домах престарелых или офисах. В США типичный диапазон заработной платы составляет от 20 до 45 долларов в час, в зависимости от квалификации. В России с аналогичными должностными обязанностями сотрудники могут претендовать на заработную плату в диапазоне от 15 до 45 тысяч в месяц в зависимости от региона. В основном эти роли будут выполнять дипломированные медсестры или сертифицированные помощники медсестер. Обычно требуется некоторый специализированный опыт; вы не можете просто прыгнуть в него, как специалисты по отслеживанию контактов. На эти рабочие места нанимает широкий круг работодателей, в том числе медицинские государственные учреждения, частные больницы и лаборатории, а также крупные корпорации и организации. Занятость может быть неполный или полный рабочий день, и сообщения предупреждают, что возможно воздействие COVID-19.

3. В США и отдельных странах Западной Европы активное распространение получила такая профессия, как отслеживатели контактов заболевших COVID-19. Отслеживание контактов заключается в выявлении людей, которые могли подвергнуться воздействию COVID-19. Один из экспертов отметил, что эта роль требует навыков, аналогичных навыкам специалистов по обслуживанию клиентов: «Вы звоните людям, которые могли подвергнуться воздействию коронавируса, даете медицинские рекомендации и помогаете людям назначить встречи для тестирования на COVID-19. Работу обычно можно выполнить из дома и можно работать неполный рабочий день или полный рабочий день». С марта на ZipRecruiter были размещены тысячи объявлений о вакансиях для специалистов по отслеживанию контактов с типичным диапазоном заработной платы от 17 до 25 долларов в час. Многие объявления о вакансиях направлены на заполнение нескольких вакансий и обычно поступают от городских и окружных агентств здравоохранения, университетов, крупных работодателей, больниц и систем здравоохранения. К примеру, совсем недавно в Литве появилась новая профессия: инспектор «паспорта возможностей». Согласно порталам существующих вакансий, в данной новой сфере вы сможете зарабатывать от 700 до 1 200 евро в месяц. Новая специальность возникла из-за жестких ограничений для людей, не имеющих при себе сертификата от COVID, а также документа, подтверждающего личность обладателя данного сертификата. В ресторан, торговые центры и крупные магазины станут допускаться только лишь вакцинированные, а также ранее заболевшие и имеющие отрицательный результат теста: QR-коды жителей страны проверяются на входах, что привело к потребности повышения количества инспекторов [Саенко 2021: 78].

В Российской Федерации опыт появления и масштабирования данной профессии отсутствует.

Таким образом, правительственные меры, направленные на борьбу с распространением коронавирусной инфекции, потребовали кадровые ресурсы. Коммерческие и государственные компании активно принимали на работу персонал, в частности студентов и пожилых граждан ввиду размера заработной платы. Мы предполагаем, что данные профессии актуальны исключительно в период пандемии.

Ко второй группе, по нашему мнению, целесообразно отнести следующие профессии:

1. Инженер веб-интерфейса – горячая работа во время вспышки коронавируса. Инженер в основном отвечает за проектирование и реализацию интерфейсной сети на основе требований, выполняет проверку кода и дает рекомендации по оптимизации. Цель состоит в том, чтобы создать первоклассный веб-интерфейс для продуктов и услуг, представленных на сайте. Эта горячая работа требует сильного интереса к инновациям в области веб-технологий и разработке многофункциональных интернет-приложений, а также глубокого понимания пользовательского опыта, процессов взаимодействия и потребностей пользователей. Для лучшего командного сотрудничества вам также необходимы навыки общения и формулирования дизайна и технологий с вашими коллегами, чтобы они могли четко понимать и следовать указаниям.

2. Из-за развития Интернета спрос на разработчиков программного обеспечения быстро растет во многих отраслях. Инженеры-разработчики программного обеспечения должны разрабатывать тестовые, модифицировать и отлаживать программные приложения, контролировать производительность программ, а также разрабатывать программные решения, исходя из потребностей пользователей. Поскольку разработка программного обеспечения сопряжена с огромным объемом работы, инженеры обычно работают с группой производителей контента – дизайнеров и других инженеров, – а также сосредотачиваются на определенной области в течение некоторого времени. В конкурентной отрасли доход тесно связан с техническими способностями и опытом человека. Превью опыт интеграции баз данных и клиентских приложений очень поможет. Если вы хотите работать инженером-разработчиком программного обеспечения, важно много учиться и много практиковаться.

3. Существует множество приложений для больших данных во многих отраслях, и спрос на квалифицированных инженеров-разработчиков больших данных растет. Из-за огромных объемов данных становится все труднее манипулировать и анализировать данные, в конечном итоге извлекая из них ценную информацию. Независимо от уровня технической глубины или развития, инженер по разработке больших данных в настоящее время является самой популярной вакансией, и спрос будет продолжать расти в будущем. Требуется несколько сложных навыков: SQL, программирование, навыки исследовательского анализа и Hadoop / pa-

раллельная обработка. Что касается мягких навыков, у вас больше шансов быть принятым на работу, если вы умеете моделировать, оптимизировать и симулировать. В последнее время большую популярность приобрели машинное обучение и интеллектуальный анализ данных. Инженеры по разработке больших данных должны быть готовы постоянно повышать квалификацию и накапливать практический опыт.

4. В эпоху Интернета конкуренция чрезвычайно высока, и продукту, приложению или веб-сайту трудно добиться успеха без маркетинговых операций. Интернет-маркетинг / операции играют важную роль в усилиях компании по выходу на рынок, особенно если она в значительной степени полагается на цифровой маркетинг для увеличения трафика и доходов. Несмотря на то, что все большее число людей выходит на рынок, талантливых менеджеров по интернет-маркетингу и операциям не хватает.

Резюмируя представленные профессии, можно отметить, что они связаны со сферой ИТ. С учетом текущей повестки Российской Федерации и мирового сообщества в целом рост актуальных вакансий в сфере ИТ будет только расти. Возросла необходимость профессиональной помощи цифровых кураторов, организаторов виртуальных бизнес-туров и онлайн-консультантов по оптимизации бизнес-процессов. Это обусловлено стремительной цифровизацией бизнес-процессов органов государственной власти и коммерческих структур. Более того, наблюдается интеллектуализация всех сфер государства и общества. Создание «умных городов» и т. д. требует высококвалифицированных кадров, навыки и компетенции которых позволяют создавать и внедрять современные информационные решения с целью рационализации и аккумуляции имеющихся ресурсов. Пандемия в этой связи ускорила необходимость цифровизации работы государственных структур и коммерческого сектора. Отдельно стоит отметить, что в период ограничительных мер во всех регионах Российской Федерации и за рубежом резко вырос спрос на курьеров.

Также после окончания пандемии вырастет спрос на услуги сиделок, помощников по уходу, социальных работников, онлайн-врачей общей практики, прогнозируют специалисты Института прогрессивного образования. Распространение COVID-19 приведет к повышенной заботе людей о своем здоровье и своих близких, пояснили они. Также после карантина станет востребованной помощь психологов по семейным вопросам, антикризисных консультантов и консультантов по личным финансам.

Третья группа является наиболее интересной с исследовательской точки зрения и включает в себя целый перечень необычных профессий, о потенциальном возникновении которых даже несколько лет назад никто не подозревал. Основные изменения коснулись рынка услуг, поскольку большинство его представителей перешли в онлайн, что спровоцировало трансформацию многих профессий. Так, появились онлайн-тренеры, ре-

петиторы и дистанционные няни. Также в условиях пандемии возникли такие профессии, как:

– организатор VR/AR-трансляций – поначалу коронавирус стал причиной отмены многих концертов и мероприятий. Затем представители шоу-бизнеса начали переводить свои концерты и собрания в виртуальную платформу – Zoom, YouTube. Специалисты рынка труда утверждают, что онлайн-концерты и в будущем не потеряют свою актуальность, поэтому нужны организаторы концертов и мероприятий уже в онлайн-формате;

– специалисты телемедицины. В то время, как врачи боролись за жизнь больных коронавирусом, потребность лечиться у остальных людей, которые сидят дома, не исчезла. Боязнь заразиться заставляет многих обращаться за онлайн-услугами. По данным аналитиков рынка труда, количество запросов в телемедицинские компании за время пандемии выросло.

Таким образом, пандемия оказала существенное влияние на качественное изменение рынка труда как в Российской Федерации, так и за рубежом. Возникновение и актуализация отдельных профессий позволили обеспечить сокращение уровня безработицы и выступали существенной социально-экономической основой для многих граждан. В первую очередь сложная эпидемиологическая ситуация выявила острую необходимость цифровизации бизнес-процессов.

Тем не менее, несмотря на положительные тенденции и изменения на рынке труда, вызванные пандемией, наблюдаются и фактическое исчезновение отдельных профессий либо резкое сокращение спроса со стороны работодателей. В 2020 году в России около 1,5 миллионов людей потеряли работу, и это только по официальным данным. Еще были ликвидированы 1,5 миллиона компаний (оформленных в виде ООО или ИП). В 2021 году этот процесс продолжается во многих странах. Например, в Великобритании до мая прогнозируется выход на рынок труда около 1,2 миллионов специалистов, такие данные представил Банк Англии. Эксперты уверяют, что далеко не все профессионалы смогут вернуться к привычному им занятию. Многих ныне безработных ждет обязательная смена квалификации.

В первую очередь пострадают от невозможности найти работу те люди, чьи должностные обязанности перекладываются на автоматiku. Развитие технологий позволяет работодателям сокращать количество работников в офисе и на производстве.

Есть целые отрасли, которые столкнулись с системными изменениями в кризис. Часть профессий в них исчезнет. А другие специальности ждут сокращение количества рабочих мест.

1. Офисная недвижимость (аренда и обслуживание). Во время пандемии люди научились работать удаленно. Не все они вернутся в офисы, значит, сократится число рабочих мест, связанных с обслуживанием

коммерческих помещений. Секретари, офис-менеджеры, уборщицы, менеджеры больше не вернутся к своей работе.

2. Деловой туризм. В туристической отрасли более всего пострадали агентства и отели, которые специализируются на деловых конференциях и командировках. Теперь такие события стали проводиться в сети. И некоторые фирмы не смогут снова подняться и вернуть себе клиентскую базу. Агенты, администраторы отелей, организаторы конференций останутся не у дел. Не все, но какая-то часть уволенных не вернутся к своей работе.

3. Ритейл (магазины и бутики). За год пользователи Интернета научились больше доверять интернет-магазинам. В периоды жесткого карантина у них не было выбора. Даже самые осторожные покупатели стали доверять онлайн-продавцам доставку им дорогой техники, парфюмерии, одежды, обуви, продуктов питания. То есть таких товаров, которые требуют больших вложений или личного участия в выборе. Если продавец-консультант, который привык работать в торговом зале, не освоил онлайн-продажи, он рискует больше не найти себе место в новой компании. Таких специалистов будет в избытке, ведь процесс продаж переложен на онлайн-сайты, а там они проводятся автоматически, почти без участия людей. Армия удаленных сотрудников пополнится нынешними безработными и уволенными из офисов людьми.

С учетом данных, представленных американской компаний Glassdoor существенно пострадали следующие профессии:

1. Специалист по кредиторской задолженности:

- количество вакансий в октябре 2020 года – 3 417;
- количество вакансий в октябре 2019 года – 5 413;
- снижение – 37%.

Многие сотрудники, которые оплачивают счета, уже были вытеснены автоматическим программным обеспечением, которое может выполнять эти функции. Пандемия ускорила переход, говорит Чемберлен, поскольку компании продолжают сокращать расходы на фоне снижения продаж.

2. Специалист по персоналу:

- количество вакансий в октябре 2020 года – 3 314;
- количество вакансий в октябре 2019 года – 5 286;
- снижение – 37%.

По словам Чемберлена, специалистов, которые общаются по электронной почте с соискателями, назначают собеседования и тестируют потенциальных сотрудников, в последние годы стало меньше из-за нового программного обеспечения, и эта тенденция будет усиливаться.

3. Демонстратор продукции:

- количество вакансий в октябре 2020 года – 2 567;
- количество вакансий в октябре 2019 года – 6 932;
- снижение – 63%.

Количество людей, демонстрирующих в торговых центрах средства для уборки дома и личной гигиены или другие товары первой необходимости, уменьшилось, поскольку американцы все больше предпочитают делать покупки в Интернете. По словам Чемберлена, во время пандемии переход к онлайн-торговле резко активизировался. Теперь вместо демонстрационной продукции в магазинах многие компании выкладывают на своих сайтах видеоролики, которые смогут просмотреть миллионы.

4. Профессор:

- количество вакансий в октябре 2020 года – 8 651;
- количество вакансий в октябре 2019 года – 14 247;
- снижение – 39%.

Чемберлен подчеркнул, что финансы как государственных, так и частных колледжей подорваны кризисом в области здравоохранения, и это ограничивает их возможности нанимать профессоров. По его словам, финансовое напряжение вряд ли уменьшится даже после того, когда вспышка стихнет. Стоит отметить, что в Российской Федерации, несмотря на перевод образовательного процесса в онлайн-формат, существенные изменения, касаемые востребованности профессий учителя и преподавателя, не наблюдались.

По официальным данным Федеральной службы по труду и занятости Российской Федерации, часть профессий, в первую очередь связанных с разработкой данных и ИТ, оказались в привилегированном положении во время коронакризиса. При этом работники, чья деятельность связана с личным взаимодействием с другими людьми, попали в более тяжелую ситуацию. Сложнее другим пришлось туроператорам, экскурсоводам, секретарям, пилотам и бортпроводникам, а также бизнес-тренерам [Одегов, Разинов 2021].

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что пандемия показала важность цифровизации экономики и необходимости кардинальных изменений. Именно поэтому нужно системно координировать инновационное развитие рынка труда, представляющее собой возникновение совершенно новых форм занятости и рабочих мест. Уже сейчас на рынке труда появляются и развиваются новые массовые профессии. Вот несколько из них: цифровой куратор, менеджер онлайн бизнес-туров, онлайн-консультант по оптимизации бизнес-процессов и другие. Нетрудно догадаться, что все они связаны с новыми цифровыми технологиями и возможностями. Более того, в будущем необходимость в цифровых компетенциях возрастет практически во всех профессиях.

Список источников

1. *Беляков С. А., Степина И. О., Эйрих В. Е.* Влияние пандемии COVID-19 на рынок труда: социально-экономические изменения, цифровизация // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2020. № 5 (46). С. 4-8. DOI: 10.24153/2079-5912-2020-11-5-4-8.

2. Кошелев А. Число работающих на удаленке за год выросло в 110 раз (новостной материал) // Взгляд-инфо [веб-сайт]. URL: <https://www.vzsar.ru/news/2020/11/25/chislo-rabotauschih-na-udalenske-za-god-vyroslo-v-110-raz.html> (дата обращения: 24.02.2022).

3. Названы наиболее пострадавшие от коронавируса профессии (Кадры и HR) // Взгляд-инфо [веб-сайт]. URL: <https://www.hr-director.ru/news/69238-qqn-20-m07-posle-epidemii-vozniknet-serezhnaya-problema-s-poiskom-raboty> (дата обращения: 24.02.2022).

4. Одегов Ю. Г., Разинов А. Е. Пандемия COVID-19 и ее влияние на мировой рынок труда: анализ складывающихся тенденций (часть вторая) // Уровень жизни населения регионов России. 2021. № 2. С. 9-20.

5. Оксиденко В. 6 причин, по которым удаленная работа не закончится после карантина (Webinar Group) // Взгляд-инфо [веб-сайт]. URL: https://webinar.ru/blog/research_remote_work/ (дата обращения: 24.02.2022).

6. Саенко И. И., Федорова Ю. Е. Возникновение новых профессий в период пандемии // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 11-3 (81). С. 77-79. DOI: 10.24412/2411-0450-2021-11-3-77-79.

7. Чекмарев О. П., Лукичев П. М., Конев П. А. Факторы изменений рынка труда России под влиянием пандемии COVID-19 и стратегии адаптации работодателей // Экономика труда. 2021. Т. 8, № 4. С. 329-340. DOI: 10.18334/et.8.4.111966.

Гофман Александр Анатольевич,
доцент кафедры боевой и тактико-специальной подготовки,
Владимирский юридический институт ФСИН России,
gofman2351@gmail.com

Тимошук Алексей Станиславович,
доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Владимирский юридический институт ФСИН России,
human@vui.vladinfo.ru

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ И ПОСТ-ПАНДЕМИИ

Аннотация. Усложнение социотехнического уклада 4.0 вызвано рядом самых разнородных факторов, среди которых авторы выделяют гибридизацию управления постколониальным миром, использование медиа для виртуализации и гибридизации войны. В статье ставится вопрос об условиях «новой нормальности» как экономического, социального и образовательного тренда; актуализируется тема сложности развития цивилизации, угроз устойчивого развития. Затрагивается вопрос условий обучения в сложной эпидемиологической обстановке.

Ключевые слова: новая нормальность; дистанционное обучение; дистант; онлайн-педагогика

Gofman Alexander Anatolievich,
Associate Professor of Department of Combat, Tactical
and Special Training, Vladimir Law Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
gofman2351@gmail.com

Timoschuk Alexey Stanislavovich,
Doctor of Philosophy, Professor of Human, Social
and Economic Studies Department, Vladimir Law Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
human@vui.vladinfo.ru

EDUCATIONAL CULTURE IN PANDEMIC AND POST-PANDEMIC SETTINGS

Abstract. The formation of sociotechnical pattern 4.0 is caused by a number of very heterogeneous factors, among which the authors distinguish hybridization of postcolonial world governance, use of media for virtualization and hybridization of warfare. The paper touches upon the issue of the conditions of the “new normal” as an economic, social and educational trend; the topic of the complexity of the development of civilization, of the threat to sustainable development is being actualized. The issue of educational conditions in a difficult epidemiological situation is discussed.

Keywords: new normal; distance learning; study by correspondence; e-learning

Исторически условия возникновения новой нормальности связывают с посткризисным состоянием: 1) после мирового финансового кризиса 2008 года, 2) после пандемии коронавируса в 2020 г. Первый кризис продемонстрировал пределы экономического роста. Демографическая неравномерность развития планеты, снижение темпов экономического роста, безработица означают невозможность возвращения к докризисным показателям профицита бюджета, наличию резервов для стратегического развития, финансирования социальных программ в привычном объеме, возвращения премиальных выплат и стимулирующих надбавок. Новая экономическая реальность – это уменьшение конкурентной среды в сфере туризма и рекреации, авиации, event-агентств, фитнес-клубов; это продолжающаяся прекаризация, падение благосостояния. Финансовый кризис продемонстрировал ограниченность экономических моделей: макроэкономические теории не смогли предсказать кризис, избежать его или быстро выйти из него. Как и после Великой депрессии, возник спрос на кейнсианские идеи: медленное, сберегательное развитие, неустойчивость рынка и вмешательство государства [Tuagi 2020].

Новая нормальность связана с достижением инвестиционных пределов, связанных с пределами роста научных технологий. Из множества инвестиционных проектов реализуются лишь единицы, т. к. инвесторов и сбережений больше, чем осуществимых идей.

Второй кризис XXI века показал самоуверенность человечества в области науки и технологии. Новая нормальность пост-КОВИД означает «неприкасаемое», «дистантное» существование человечества: постоянный масочный режим и повышенные санитарно-гигиенические стандарты, пролонгированную самоизоляцию, цифровизацию образования, угасание доковидных видов предпринимательства, сокращение международных контактов, социальное дистанцирование, усиление иерархического контроля и отказ от массовых мероприятий.

Значительная роль в формировании новой нормальности принадлежит коммуникативной рациональности, формируемой через неинституциональные формы: социальные сети, сетевые сообщества, стриминг, комментирование на форумах, любительскую журналистику, вирусную рекламу, визуальную сетевую культуру. Медиатизация международных отношений также опосредована вбросами, распространением слухов, негатива, фейков. Постправа – могущественный фактор в коммуникационном менеджменте политическими процессами.

Классические представления об истине предполагали ее устойчивость, эмпирическую проверяемость, общезначимость. Неклассика оставляет нам вместо истины след, игру, дискурс, мнение, постправду, фейковые утверждения и т. п. Вместе с тем жизненный мир сообществ опирается на ключевые элементы дискурса, которые не подвергаются сомнению в группе. Место классического понятия «факт» заняла «дис-

курсема», концепт мира медийной реальности. Нельзя сказать, что современное человечество не нуждается в классическом понятии «истина», что остались одни дискурсы, знаки присутствия правды. Это не так. Самолеты летают, олимпийские рекорды ставят, и торговые операции совершаются. Современная жизнь очень требовательна к результативной, эффективной, проверяемой деятельности. И только медиатизированная реальность предлагает вариативность конструирования и деконструкции, интерпретации и негоциации.

Говоря о новой нормальности, мы не можем игнорировать социокультурную реальность в целом и модификацию научных описаний. Сам концепт «новой нормальности» указывает на когнитивный сдвиг, переход от одного массива дескрипций к иному, совершенно различному. Такими новыми описаниями занимается философия науки, обобщающая частные дисциплинарные исследования и вырабатывающая новый дескриптивный язык для усложняющегося социокультурного мира.

Проблема новой нормальности уже давно занимает философию науки и описывается в терминах научного реализма – направления, которое стремится разрешить антиномии несоизмеримости старых и новых систем. Каждый новый крупный ученый в фундаментальных науках претендует на создание полной теории действительности, которая претендует на признание и доминирование как истинная форма отражения реальности. Конфликты между системами Коперника и Птолемея, Галилея и Аристотеля, Эйнштейна и Ньютона – все это великие сражения за истинное понимание реальности, за то, что считать нормальной наукой.

Томас Кун, Хилари Патнэм, Бас ван Фраассен, Нэнси Картрайт, Ян Хакинг опираются на историческую перспективу разрешения конфликта, рассматривая фундаментальные преобразования как сменяющие формы все более детализированного реализма. Прогресс технологий не аннулирует идеи, но способствует увеличению количества описаний. Несомненно, отдельные концепты, такие как «материя», «атом», «электрон», получают другое наполнение, однако мы не продолжаем наполнять все те же категории. Рост количество референций денотата и наращивание коннотаций продолжают существовать внутри той же схемы понимание – описание – интерпретация – объяснение.

Сфера международных отношений образуется вокруг тех же принципиальных координат, таких как суверенитет, национальный интерес, безопасность. К числу новелл можно разве что отнести парадигму устойчивого развития, которая концептуализировала на новом этапе идеи о вечном мире.

Концепт «новой нормальности» представляет альтернативный вариант сохранения традиции в открытом обществе, находящемся в неопределенности, нуждающемся в примирении с общественным сознанием. «Новая нормальность» снимает неопределенность устойчивого развития

доминантой текущего благополучия. Поэтому эту функцию адаптации к меняющимся условиям следует признать разновидностью гомеостаза *homo sapiens*. Цикл «нормальность – кризис – революция – нестабильность – новая нормальность» сопровождает человечество с незапамятных времен, но он был отрефлексирован в философии науки, т. к. наука является одним из самых быстро развивающихся институтов [Хакинг 1998].

Существенным аспектом новой нормальности является тренд на имиджевую составляющую деловой жизни, государственного управления, правоохранных органов. Рассмотрим новые условия функционирования уголовно-исполнительной системы, которая является своеобразным показателем социального здоровья, нормального развития общества. Те процессы, которые проходили в закрытых условиях в этом социальном институте, сегодня подвержены быстрой медиатизации. СМИ и СМК не позволяют спрятаться в башне от общества, и каждый негативный новостной повод дорого обходится пенитенциарному ведомству [Тимошук 2019].

Существенным компонентом имиджа УИС выступают курсанты ведомственного вуза, которые еще не сформировали саморегуляцию своего служебного поведения, но находятся под пристальным общественным вниманием. Социальные ожидания в отношении курсантов носят деонтический характер, поскольку опираются на сложившийся образ сотрудника правоохранных органов, который должен быть примером в поведении [Тимошук 2017].

Подобные ожидания можно почерпнуть, читая комментарии к публицистическим материалам на нарушения курсантов. Это позволяет составить представление об общественном мнении части общества о правоохранных органах. В целом имеет место отставание общественной осведомленности от технологического развития. Из-за плотности информационного шума значительное число граждан не осведомлено о стандартах уголовно-исполнительной системы, о том, что тюремное дело и пенитенциарная безопасность являются предметом научного исследования и образовательного процесса [Тимошук 2018].

Пенитенциарное дело, оперативно-розыскная деятельность и иные виды правоохранных деятельности не могут позволить себе отставать от процессов модернизации. Если это произойдет, то модель общественного устройства не будет сбалансированной. Во всем мире сейчас актуальна проблема соблюдения прав человека, построения эффективного функционального образа правоохранных органов. Уровень доверия граждан не только укрепляет авторитет государства, но и способствует более четкой работе органов, отвечающих за безопасность общества. Когда приходится выступать на больших научных форумах, где представляешься сотрудником образовательной организации УИС, то можно заметить, что в сознании отдельных ученых наблюдаются застарелые скелеты в шкафу:

снобизм по отношению к тюремной теме, архаичные образы ГУЛАГа, предрассудки по отношению к пенитенциарной науке.

Коммуникация образа сотрудника ФСИН осуществляется ежедневно действующими сотрудниками на своих рабочих местах при контакте с гражданами. Усилия сотрудников пресс-служб в территориальных органах могут лишь косметически воздействовать на общественное сознание. Поэтому постоянные усилия по совершенствованию комплектования кадров в правоохранительных органах, повышение качества образования сотрудников суть неотъемлемые направления современного государства. В современных условиях требуется выработка новых профессиональных компетенций для репрезентации УИС как технологичной, современной, передовой организации [Адамов 2021].

Високосный год 2020 станет мемориальной вехой XXI века как год «принуждения к дистанту», когда пандемия проверила качество работы образовательных онлайн-сервисов и интернет-платформ, а российские вузы обеспечили многократный рост зарубежному провайдеру телеконференций Zoom. Вынужденное удаленное обучение вызвало бурю обсуждений в российском обществе, появилось много публикаций на эту тему [Батанов 2020; Блинов 2020; Гофман 2020; Петрунева 2020, Тимошук 2020]. ДОТ особенно превозносят его ключевые организаторы, решившие перенести эту практику и на последующее обучение. Такие вузы как ВШЭ и РАНХиГС приветствуют образовательные новеллы пост-пандемии, используя переход на ДОТ как способ оптимизации образовательного процесса, экономии на преподавательском труде. Увеличивая удаленные объемы, мы решаем кадровые проблемы и закрываем дефицит фонда оплаты труда. Чиновники и технологи от образования поэтому активно разрабатывают рекомендации, программы, методики, технологии, платформы для обезличенного обучения. Тренд на деперсонализацию совпадает также с динамикой массовости, технологичности и потребительским комплаенсом.

Неоднозначность пост-ковида заключается в повышении управляемости процессами. Бесперебойность, надежность – это тема № 1 современного общества, и ФСИН не может быть в стороне от этой глобальной повестки дня. Коронавирус продемонстрировал необходимость расширения онлайн-режима, который предоставляет широкие возможности для управленцев [Тимошук 2020].

Ситуация «КОВИД-19», несомненно, ускорила развитие виртуальной обучающей среды и системы цифровых компетенций [Трофимова 2019]. Реализация ДОТ требует от современного преподавателя быть продвинутым пользователем, способным устанавливать программы, обслуживать технику. Ситуация с принуждением к ДОТ стала обучением прежде всего самих преподавателей технологическим навыкам. За время

пандемии мы все прошли крэш-курс цифровых навыков и медиакоммуникации XXI века [Тимошук 2020].

В разгар пандемии 2020 г. получил распространение интернет-мем, отображавший когнитивный диссонанс руководителя и работника. Атланты, известные по фасадам Санкт-Петербурга, представляли саморепрезентацию работавших на изоляции, которым приходилось прилагать значительно больше усилий, нежели до дистанта. Преподаватели сообщали, что ДОТ отнимает все время, даже то, которое раньше было свободным. Атланты, повернутые на 90 градусов, уже были похожи на лежачих Гипноса и Морфея и отображали образ сотрудников «на удаленке» в глазах начальства, оставшегося в офисах и недовольного снижением показателей отчетности и управляемостью коллектива. «Вы же бездельничаете на дистанте» – вот такую оценку можно было услышать руководителям среднего звена о деятельности подчиненных. В этой картинке лучше, чем в тысяче слов, представлены несводимые представления об удаленной работе со стороны начальства и подчиненных. Опыт дистанционного обучения в вузе в период COVID-19, конечно же, неоднозначный. Существуют положительные и отрицательные стороны дистанционного обучения в вузе, обозначились особые зоны риска [Тимошук 2020].

В число компетенций современных субъектов образовательного процесса педагога неизбежно входят медиакомпетенции, включающие базовые навыки работы в онлайн [Тимошук 2018]. Их можно разделить на следующие направления: инструментальные, коммуникативные, прокторинговые.

Инструментальные компетенции – это динамические способности по овладению необходимым программным обеспечением. Цифровая среда обучения сегодня разнообразна, созданы десятки платформ для онлайн-обучения. В России наиболее известны Moodle, Google class, Учи.ру, СЭДО. Один из главных результатов пандемии-2020 заключается в том, что дистанционный труд обучил нас веб-занятиям, познакомил или сделал более продвинутыми в использовании технологий облачного хранилища, проведении онлайн-мероприятий и групповых обсуждений, использовании электронной среды. Вслед за флагманом пандемии, программой Zoom, пришедшей на смену Skype, увеличили свою аудиторию сервисы видеоконференций Trueconf, Microsoft Teams, CISCO-WebEx, облачные хранилища Google Docs и Yandex disk, мессенджеры Viber и WhatsApp. Последние оказали существенное содействие в организации обучающихся [Трофимова 2019].

Нагрузки на техническую систему требуют поддержки ее работоспособности: проверки жесткого диска на ошибки, профилактики программной части ПК, установки антивирусных программ, своевременной инсталляции обновлений. Все, что обеспечивают сотрудники отдела ТСО, необходимо научиться делать самому, и это большой вызов для

личностного роста! Несомненно, очень интересно изучать, как заменить клавиатуру на ноутбуке или установить заплатку, чтобы обойти программу активации для работоспособности офиса, но это требует значительных временных затрат. Так же как и обеспечение ДОТ, – выкладка материалов, проверка тестов, ответы на письма обучающихся, – все это не регламентированная работа Инструкцией по нормированию труда.

ДОТ подразумевают, что дома преподаватель имеет надежную современную информационную технику с обновленным лицензионным ПО, защитой от вирусов, широкополосным доступом в Интернет. К нагрузке 10 часов в день, а именно столько приходится работать, не все домашние ресурсы были готовы. Если образовательные организации закупают программное обеспечение, то индивидуальные пользователи в России делают это достаточно редко, и преподаватели по своим доходам не входят в их число. Для устойчивой дистанционной работы необходимо приобрести операционную систему, офисные продукты, сумма чека за которые составит более 20 тысяч руб. Снизить персональную финансовую нагрузку могло бы обучение и внедрение ПО с открытым кодом. Однако обновление «железа» для пользователей – это то, что нужно делать за свой счет, и стоит это будет в два раза дороже.

Администрация вузов по-разному реагирует на жалобы персонала на технические проблемы обеспечения работы. В лучшем случае могут предложить ноутбук на время или разрешить приходить на работу в критические дни (прием экзаменов, телеконференция). В худшем случае руководство отбивает желание у подчиненных обращаться с подобными жалобами угрозой увольнения [Гофман 2020].

Часто в ответ на вопрос, чему учат компьютерные игры, дается ответ, что они учат лучше действовать в рамках топологии самой игры. Это можно перенести и на ДО. В целом результаты дистанционного обучения хороши только для самого дистанционного обучения, т. к. обучающиеся лучше научились пользоваться электронной почтой, вести деловую переписку, подключаться к онлайн-лекциям в Zoom, Teams, получать задания в мессенджерах, проводить занятия во внутренней электронной системе Moodle [Тимошук 2019].

С одной стороны, нагрузка на всех участников процесса возросла. До COVID мы столько не читали, не писали и не получали заданий в реальном времени. Офлайн-обучение – более щадящее по сравнению с дистанционным. Большие объемы информации передаются через личный опыт преподавателя в живой, непосредственной форме. Удаленное обучение требовательно к личной вовлеченности, возрастает нагрузка на глаза, на нервную систему [Тимошук 2020].

Не будем забывать, что не все обучающиеся, в свою очередь, были готовы к удаленной работе. Приобретение современной оргтехники (десктоп, ноутбук, планшет) может обеспечить далеко не каждая российская

семья. Поэтому основная нагрузка легла на смартфоны, которые имеют не все полноценные функции для онлайн-обучения и пользование которыми в ведомственных вузах ранее пресекалось [Добровинский 2018]. В вузах ФСИН много обучающихся из регионов, из сельской местности, где неустойчиво передается радиосигнал сети. Все эти особенности перехода на ДОТ следует учитывать в работе.

Коммуникативные компетенции – это совокупность умений устанавливать, поддерживать и завершать адекватный деловой контакт в меняющейся среде. Другими словами, обучающиеся должны быстро учиться искусству образовательного общения по YouTube и Zoom. Выигрывает такой субъект образовательного процесса, который способен адаптироваться к новым формам обучения, развивать познавательную активность с использованием телекоммуникационных и информационных устройств [Морозов 2017].

При всех высоких императивах, что касается предметов, то качество образования ухудшилось, а нагрузка на преподавателей и студентов увеличилась; посещаемость студентами лекций и семинаров уменьшилась, а их активность на семинарах уменьшилась. Очень часто обучающиеся делают вид, что выполняют задание, а сами копируют друг у друга; в свою очередь, преподаватели стараются загрузить их по самую макушку, что также свидетельствует о защитной реакции в условиях пандемии.

Порядка 10% обучающихся в каждой группе оказались неспособны обеспечить полноценную удаленную коммуникацию. Распространены отказы на требование включить камеру: «не работает», «отсутствует», хотя Zoom определяет устройство. Самые безнадёжные пользователи писали абзацы в заголовке письма: «Интернет ловит только на березе рядом с трассой. Не могу на дереве выполнять задание». Стандартный ответ преподавателя на претензии к качеству связи, функционированию оборудования был такой: «Вам жить и работать в этом цифровом мире. Учитесь решать технологические задачи по обеспечению устойчивого сигнала в Вашей местности».

Прокторинговые компетенции – это способность контролировать успеваемость обучающихся удаленно. «Proctor» в англоязычном мире – это служащий, обеспечивающий соблюдение правил прохождения экзамена. В условиях ДО прокторинг заключается в контроле присутствия на виртуальных лекциях и просмотра видеоматериалов; фейс-контроле экзамена; наблюдении за прохождением теста; проверка результатов испытаний.

Прокторинг должен обеспечить добросовестность обучения и проверки знаний и имеет комплексное содержание, начиная от идентификации личности обучающегося до фиксации попыток списывания. В число актуальных задач современных ИКТ входят автоматизация прокторинга, повышение точности машинного зрения, усовершенствование процедур

сбора и анализа данных, развитие распознавания клавиатурного почерка испытуемого.

Самоизоляция выявила проблемы в проведении итоговых аттестаций в вузе в системе дистанционного обучения. Одна крайность – это выставление зачетов и экзаменов по письменным, выполненным удаленно работам; а другая – требования отвечать с закрытыми глазами во время экзамена по Zoom (предосторожность, чтоб студент не наложил экран с ответами на окно чата и не читал с него).

Дистанционный экзамен критикуется как бутафорский. Обучающиеся делают вид, что получают задания вновь, хотя вопросы были известны заранее. Ответ «глаза в глаза» было трудно обеспечить, глаза убежали, студентам суфлировали. В целом возросло количество академического мошенничества (списывание, копирование, плагиат, помощь других людей на экзамене). Вместе с тем в сессию пришлось поставить больше хороших и отличных оценок по формальным показателям.

Итак, онлайн-педагогика зависит от технологической грамотности. Преподаватели должны развивать навыки и знания, характерные для сетевых образовательных систем. Полный дистанционный цикл включает в себя способность создавать удаленный образовательный продукт и актуализировать его в режиме реального и виртуального времени; вести коммуникацию с обучающимися; оценивать онлайн-результаты обучения. Попутно нужно научиться решать технологические задачи продвинутого пользователя без обращения к персоналу службы технической поддержки. Современный обучающийся, соответственно, должен обладать развитым тайм-менеджментом посещения занятий и выполнения заданий в срок.

Создание эффективного и действенного цифрового класса требует от онлайн-педагогов развития исключительных коммуникативных навыков. Преподавателям XXI века нужны все навыки, необходимые для разработки занятий для традиционного обучения в классе, при этом они должны уметь применять их в цифровой среде обучения [Гофман 2020].

Предоставление дистанционных образовательных услуг будет только развиваться. По мере их совершенствования основная задача преподавателей и администраторов будет заключаться в поиске новых технологий и разработке среды обучения ответственным, практичным и результативным образом. Для повышения продуктивности онлайн-образования требуются четкие и краткие инструкции. Педагогам, имеющим опыт очного обучения в классе, возможно, потребуется развить более сильные письменные коммуникативные навыки.

Влияние пандемии на досуг курсантов. Народная мудрость гласит: нет худа без добра и добра без худа. Философия облакает эту правду жизни в теоретические лекала: динамика социального бытия диалектична. Рассмотрим, что положительного принесли новые санитарные правила труда. Новым обстоятельством, связанным с санитарным режимом,

является приостановка деятельности увеселительных заведений как мест массового скопления граждан.

Одной из обязанностей куратора во ВЮИ ФСИН является участие в контроле курсантов в ночное время суток, когда они должны находиться либо в казарме, либо по домашнему адресу съемного жилья. Посещение ночных клубов для курсантов запрещено. Для проверки курсантов ОРЛС составляет списки кураторов и курсовых офицеров, которые в ночное время проверяют значные места на предмет присутствия там курсантов.

Проверки связаны с профилактикой правонарушений обучающихся, у которых посещение увеселительных заведений может вызвать неадекватную реакцию после синдрома абстиненции в виде кутежа, конфликтности, агрессии, дебоша, наркотизации, виктимизации, вандализма, разврата, демонстративной девиации.

Возможные последствия посещения значных мест – алкогольное или наркотическое опьянение, скандалы, драки, ДТП, травмы, что может привести с административной и уголовной ответственности, стать основанием для служебной проверки и привести даже к отчислению из правоохранительных органов. Нарушения общественной морали, совершаемые курсантами, особенно заметны, т. к. становятся медийным событием, привлекают общественное внимание.

Во время патрулирования ночных заведений идентификация затруднена тем, что в движущейся массе людей не просто угадать лица курсантов, для этого нужно хорошо знать в лицо курсантов, которым разрешено домашнее проживание.

Десять лет назад служебная машина могла перемещаться по ночному городу, и этого было достаточно, чтобы выявлять группы гуляющих курсантов по ночному городу. Сегодня многие пользуются такси, используют личный автотранспорт. Молодежный стиль одежды сегодня предполагает большую анонимность (худи, джемперы, пуловеры, тренчи, кардиганы, свитшоты, толстовки и куртки с капюшоном).

Для кураторов и курсовых офицеров эффективность ночных рейдов не столь очевидна по нескольким причинам. Во-первых, курсанты знают о том, что их будут проверять ночью в определенных местах, и могут не посещать именно массовые ночные клубы, а приходить в иные места (караоке-бары, пабы, кафе, рестораны, квартиры-вписки и т. п.).

Сложность также представляет идентификация курсантов в неформальной обстановке и одежде casual. Особенно непросто разглядеть курсанта-девушку в посетительнице ночного клуба, т. к. внешний вид меняется кардинально.

Программа барьера попадания курсантов в ночные клубы нуждается в новых идеях. Конечно, это хорошо, что за последние годы во ВЮИ ФСИН не было задержано курсантов на домашнем проживании за нарушение режима дня. Это достижение сотрудников курсового звена, ОРЛС, начальни-

ка института. Следует также учесть, что формат ночных клубов постепенно теряет свою привлекательность среди молодежи. В 90-е и в нулевые клубы были маяком рейва, символом «движа». Сегодня же они утрачивают привлекательность и не собирают большой аудитории. В качестве причин называют закат индустрии, кризис танцевальной музыки, дефицит новых клубных идей, проблемы с развлекательной программой, появление конкурентных видов развлечений и виртуализацию реальности, смену ориентиров у молодежи. Бар, танцпол и чил-аут потеряли свою привлекательность для поколений XYZ и ЗОЖ. Во Владимире ушли с рынка клубы «Фреш», «Солнце», «Моника», «Черчилль холл», «Studio». Самый массовый клуб «ZZZed» с бесплатным входом известен как возрастной, где проводят девичники, включают медленные композиции и ретро диско. Рестобар «Пятница» ведет политику фейс-контроля и дресс-кода, создавая ореол элитарности атмосферного заведения. Другие делают это за счет высокого расчетного чека отдыха («Зажигалка», «Чача»). Иначе говоря, курсантам сейчас некуда пойти, да и сами в своей массе уже не хотят в такие заведения устаревшего формата. Кураторы и курсовые офицеры еще дополнительно обеспечивают эффект присутствия, чтобы у курсантов не было даже мысли появиться в ночных клубах.

Вместе с тем современная индустрия развлечения изменилась. Дифференциация потребления приводит к индивидуации мест развлечения. Сегодня в каждой части города существует масса ресторанов, кафе, баров. Задача, стоящая перед воспитателями, существенно усложнилась, т. к. им приходилось стремиться к практически недостижимой цели проверить огромное количество всех развлекательных заведений города. Однако все это упростил COVID-19. Из-за коронавируса мы стали более деловыми и сосредоточенными на деле. Разумное увеличение трудовой нагрузки – это залог успеха, социального лифта и повышения качества жизни.

Выводы. Хорошо известный сегодня каждому обывателю термин «кризис» означал в греческом языке «судебное решение». Кризис выносит решение о том, где у нас слабые места, к чему мы не готовы, что нужно подтянуть. Коронавирус научил нас работать дистанционно. Постграмотность – это коммуникативная компетентность, владение информационными технологиями.

Некоторые выводы требуют долгосрочных решений. Приемная компания 2020 г. стала испытанием для самих вузов, причем трудности с набором коснулись и ведомственных образовательных организаций. Вместе с тем эпидемиологическая обстановка лишь усугубила давние проблемы с приемом поступающих. Динамику набора во ВЮИ ФСИН России следует рассматривать в контексте общероссийской демографической ситуации. Число абитуриентов последовательно уменьшалось все эти годы, что приводило к снижению конкурса при поступлении. Во Владимирскую школу милиции в прошлом веке было также трудно посту-

пить, как в столичный вуз. Затем количество поступающих постепенно сокращалось, и уже с 2019 г. стала ощущаться нехватка абитуриентов. В этой связи возник вопрос, каким образом обеспечить приток молодых специалистов для УИС [Тимошук 2018]. Помимо агитации по школам, которую проводят преподаватели, существует ряд мер, которые могли бы увеличить количество абитуриентов.

Так, входные требования по здоровью по-прежнему высоки, несмотря на то, что качество здоровья молодежи снизилось, что учитывает набор в армию, предоставляющий возможность пройти военную службу тем, кто ранее был освобожден от призыва на военную службу по состоянию здоровья.

Далее, улучшение внутренней обстановки на курсе также может способствовать привлечению молодых людей к набору. В частности, новое поколение курсантов не воспринимает коллективную ответственность, когда за одного (нескольких) наказывают взвод или курс, как эффективный метод воздействия. Действительно, социальный мир стал более атомизированным, и методы воздействия на обучающихся должны быть индивидуализированы.

В условиях конкуренции за абитуриентов следующие установки курсовых командиров могут быть контрпродуктивными: «курсант должен бояться своего начальника», «курсант должен быть постоянно занят, чтобы не было нарушений». Обучающиеся исходят из другой установки: чем больше нагрузка по службе, тем хуже учеба. Дисбаланс в сторону формальной занятости (строевая каждый день по несколько часов, дополнительные занятия по физической подготовке, построения в выходные дни) порождает нервную обстановку и сказывается на качестве подготовки к занятиям. Запреты на использование мобильных телефонов также создают препятствия в быстром доступе к образовательной информации.

Жесткие методы контроля курсантов, возможно, должны быть заменены на требовательное отношение к ним как к разумным существам. Если исходить из того, что это «дети, которые могут что-то натворить», то результатом будет только то, что они всего боятся, включая осужденных, с которыми им работать. Коронавирус показал, что драконовская дисциплина – не преграда. Попытки во ВЮИ ФСИН сдержать распространение инфекции среди обучающихся заселением на казарму и запретом на выход в город привели к скученности, в условиях которой вирус распространялся очень быстро. Угроза может прийти откуда угодно, включая экипаж скорой помощи, которую так часто вызывали в условиях изоляции. Известно, что врачи были более всего подвержены заболеванию и были, соответственно, одним из факторов риска. Таким образом, вопреки усилиям не допустить распространения болезни, в летний период общее количество инфицированных и контактировавших в институте составило около 70 человек.

Пандемия подтолкнула нас ближе к умному обществу. Человечество никогда не было так готово к глобальной эпидемии, как сейчас. Если бы не информационные технологии, которые повышают управляемость общества, то последствия COVID-19 были бы катастрофическими. Для того чтобы быть, вузы должны быть современными и технологичными.

Список источников

1. *Адамов М. В., Никишкин Н. М., Тимощук А. С.* Необходимость повышения технологических компетенций преподавателей в условиях цифровизации образовательного процесса // Евразийский юридический журнал. 2021. № 1 (151). С. 460-462.
2. *Батанов А.* Онлайн-обучение: от вынужденной модели к идеальной // Акредитация в образовании. 2020. № 3 (119). С. 52-57.
3. *Гофман А. А., Тимощук А. С.* Высшая школа в условиях цифровой трансформации // Стратегические приоритеты социально-экономического развития региона в условиях цифровой трансформации: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Уфа, 2020. С. 43-47.
4. *Гофман А. А., Тимощук А. С.* Оцифрованные и дистантные: новые возможности, практики, риски // Социальные отношения. 2020. № 4 (35). С. 98-107.
5. *Гофман А. А., Тимощук А. С.* Философия и технология цифрового образования // Евразийский юридический журнал. 2020. № 1 (140). С. 474-476.
6. *Дегтярева А. Р., Кузнецова А. Р., Ахметова Г. Ф.* Республика Башкортостан. Демографический доклад. Выпуск 4. Уфа: Институт стратегических исследований Республики Башкортостан, 2020. 252 с.
7. *Добровинский Д. С., Ловецкий И. В., Попов М. А.* Прокторинг как инструмент развития дистанционного образования // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. 2018. Т. 2. С. 27-32.
8. *Морозов В. М., Тимощук А. С.* Актуальные вопросы ведомственного образования (на примере ВЮИ ФСИН России) // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 3 (44). С. 43-46.
9. *Петрунева Р. М., Авдеюк О. А., Петрунева Ю. В., Авдеюк Д. Н.* Проблемы дистанционного образования глазами преподавателей: уроки коронавируса // Primo aspectu. 2020. № 2 (42). С. 65-71.
10. *Тимощук А. С.* Социальные эффекты медиатизации // Трансформация медиасреды в XXI веке: материалы международной научно-практической конференции / ответственный редактор Д. В. Неренц. М.: РГГУ, 2019. С. 136-142.
11. *Тимощук А. С.* Социальные ожидания от курсантов ведомственных вузов // Социальные отношения. 2017. № 3 (22). С. 25-32.
12. *Тимощук А. С.* Психолого-педагогическое сопровождение курсантов // Актуальные проблемы совершенствования высшего образования: материалы конференции (XIII научно-методическая конференция с международным участием, 22–23 марта 2018 г., Ярославль). Ярославль: ЯрГУ, 2018. С. 569-570.
13. *Блинов В. И., Сергеев И. С., Есенина Е. Ю.* Внезапное дистанционное обучение: первый месяц аврала // Профессиональное образование и рынок труда. 2020. № 2. С. 6-33.
14. *Тимощук А. С.* Медиа компетентность в образовательной среде // Педагогическая деятельность как творческий процесс: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, ФГБОУ ВО «Че-

ченский государственный педагогический университет», г. Грозный, 17 октября 2018 г. Махачкала: АЛЕФ, 2018. С. 409-421.

15. Тимощук А. С. Информационные технологии в устойчивом развитии цивилизации ПОСТ-COVID // Информационные технологии в экономике и управлении: сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Махачкала: Формат, 2020. С. 120-123.

16. Тимощук А. С. Кастомизация образования // Возможности и угрозы цифрового общества: материалы конференции / под ред. А. В. Соколова, А. А. Фролова. Ярославль: Изд-во ООО «Цифровая типография», 2020. С. 223-225.

17. Тимощук А. С. Глобализация, гетерономия и образование 4.0 // Научные труды КубГТУ. 2020. № 3. С. 494-501.

18. Тимощук А. С. Пандемия: мир по одну сторону баррикады // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 4. С. 121-129.

19. Тимощук А. С. Процессы глобализации и тенденции развития образования // Управление человеческими ресурсами в сфере физической культуры, спорта и здорового образа жизни. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2019. С. 211-215.

20. Тимощук А. С. ПОСТ-КОВИД: проблемы устойчивости и управляемости // Медицинская этика. 2020. № 2. С. 60-64.

21. Трофимова Н. Н., Тимощук А. С. Информатизация образовательной среды: борьба за внимание молодежи // Философия и культура информационного общества: тезисы докладов Седьмой международной научно-практической конференции: в 2-х частях. Ч. 2. СПб.: СПб ГУАП, 2019. С. 198-200.

22. Трофимова Н. Н., Тимощук А. С. Практики ограничения использования гаджетов в образовательных организациях // Евразийский юридический журнал. 2019. № 9 (136). С. 355-357.

23. Хакинг Я. Представление и вмешательство. Введение в философию естественных наук. М.: Логос, 1998. С. 16.

24. Tyagi R., Vishwakarma S., Sanwar S. Y., Timoshchuk A. S. Community Self-Help Projects // No Poverty. Encyclopedia of the UN Sustainable Development Goals. Springer, 2020. P. 1-9.

Калинина Анна Викторовна,
доцент кафедры маркетинга и муниципального управления,
Тюменский индустриальный университет,
kutaevaa@inbox.ru

Распасиенко Александра Александровна,
магистрантка 2 года обучения направления обучения
«Государственный аудит», Тюменский индустриальный университет,
sraspasienko@mail.ru

ВНУТРЕННИЙ АУДИТ КОМПАНИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ: ТРЕБОВАНИЯ К СПЕЦИАЛИСТАМ

Аннотация. В условиях пандемии COVID-19 изменились условия функционирования бизнеса, требования к проведению аудита организаций различных видов и форм собственности, ситуация на рынке труда. Во всех сферах деятельности, в том числе в сфере аудита, наблюдается переход к диджитал коммуникациям. Российское государство ввело новые регламенты деятельности аудиторов и аудиторских проверок. В статье показаны направления деятельности внутреннего аудита в период пандемии коронавируса. Дана характеристика изменений функционала специалиста-аудитора. На конкретных примерах показана взаимосвязь антикризисного менеджмента и внутреннего аудита.

Ключевые слова: внутренний аудит компании; пандемия; COVID-19; коронавирус; профессиональные компетенции; внутренние аудиторы; кризисные коммуникации

Kalinina Anna Viktorovna,
Associate Professor Department of Marketing and Public Administration,
Industrial University of Tyumen,
kutaevaa@inbox.ru

Raspasienko Alexandra Aleksandrovna,
2nd year Master's Degree Student in the Direction of Study
"State Audit", Industrial University of Tyumen,
sraspasienko@mail.ru

INTERNAL AUDIT OF A COMPANY DURING A PANDEMIC: REQUIREMENTS FOR SPECIALISTS

Abstract. In the context of the COVID-19 pandemic, the conditions for the functioning of a business, the requirements for auditing organizations of various types and forms of ownership, and the situation on the labor market have changed. In all areas of activity, including in the field of audit, there is a transition to digital communications. The Russian government has introduced new regulations for the activities of auditors and audits. The article shows the activities of internal audit during the coronavirus pandemic. The characteristic of changes in the functional of a specialist-auditor is given. Specific examples show the relationship between anti-crisis management and internal audit.

Keywords: internal audit of the company; pandemic; COVID-19; coronavirus; professional competencies; internal auditors; crisis communications

Мировое бизнес-сообщество, включая сферу аудиторской деятельности, в последние годы столкнулось с высокими рисками ведения хозяйственной деятельности, связанными с пандемией новой коронавирусной инфекции (COVID-19). По различным оценкам экспертов серьезные риски локдауна могут продлиться вплоть до конца 2022 года, а экономические последствия будут ощутимы еще в течение долгого времени (как минимум в течение 3–5 лет). В сфере изменившихся экономических реалий конкуренция на рынке труда будет возрастать. Вызовом новой реальности будет повсеместный переход к диджитал коммуникациям, в том числе между государством, бизнесом и населением, который, несомненно, коснется и сферы аудиторской деятельности РФ. Так, с 1 января 2022 года вступили в силу поправки в Федеральный закон от 2 июля 2021 года № 359-ФЗ «Об аудиторской деятельности». Среди прочих нововведений – появление особого вида аудита «общественно значимых организаций», ужесточение требований к аудиторским фирмам, его осуществляющим, постоянное ведение электронного документооборота с Федеральным казначейством и Банком России. Среди обязательных требований ко всем аудиторским фирмам – наличие и ведение своего сайта и размещение на нем информации в сроки и по перечню, установленным Минфином РФ [Бельковец-Краснов 2021: 1].

В ФЗ № 359 определен предмет аудита – бухгалтерская (финансовая) отчетность организации и консолидированная фин. отчетность, предусмотренная ФЗ «О консолидированной финансовой отчетности». Новшества в законе направлены на реализацию положений Концепции развития аудиторской деятельности в России до 2024 года, которая утверждена распоряжением Правительства РФ от 31.12.2020 № 3709-р, нацеленных на предоставление более качественных аудиторских услуг и повышающих требования к аудиторским компаниям и их профессиональной компетенции. Персонализация ответственности за предоставление аудиторской услуги реализуется во введении законом понятия «руководитель аудита», отсутствовавшего в прежней редакции.

Для понимания изменяющихся процессов на рынке аудиторских услуг следует учитывать и рельеф потенциальных субъектов ведения бизнеса. Статистические данные показывают неутешительную динамику в отношении малого и среднего бизнеса. За последние два года почти во всех российских регионах количество ликвидированных предприятий малого и среднего бизнеса превысило число открывшихся. Одна из наиболее пострадавших форм собственности в период пандемии – индивидуальные предприниматели (ИП). Количественная убыль ИП началась в кризисном 2020 году, а в 2021 мы видим ее ускорение в восемь раз. Это следует из изученных Forbes данных СПАРК-Интерфакс (агрегирует све-

дения Федеральной налоговой службы) [Ломская 2021: 3]. До этого столь массово ИП в России сокращались лишь в 2013 году, когда правительство удвоило для их владельцев ставки страховых взносов.

Следует отметить, что кризисные явления в экономике России – нередкое явление. За последние четверть века самыми чувствительными для населения и рынка труда были дефолт 1998 года, кризисы 2008–2009, 2014–2015 годов. Кризисные явления были преодолены в том числе за счет адаптационных механизмов рыночной системы и предпринимаемых правительством РФ мер. Как представляется, ни один из предшествующих кризисов не был настолько глубоким и системным, как текущий. Беспрецедентная ситуация со смертностью населения вынудила государство целенаправленно ограничить деловую активность, предпринять меры по искусственному поддержанию ликвидности отдельных компаний с целью переждать острую фазу пандемии COVID-19.

В данных условиях классический функционал внутреннего аудита подлежит пересмотру. В быстро меняющейся обстановке взгляд в прошлое и анализ исторических данных, рекомендации по улучшению системы внутренних контролей могут быть уже нерелевантны ни для собственников бизнеса, ни для менеджмента, ни для подготовки специалистов. Кроме учета изменившейся нормативно-правовой базы необходимы знания антикризисного менеджмента. На первый план в существующих реалиях выходит консультативная функция аудита, позволяющая провести независимую оценку реакции компании (предприятия) на кризис. Она должна обеспечить экспертную оценку в том числе по реализации антикризисных мероприятий, проводимых руководством компаний. В этой связи возрастают обучающая и информационная функции специалиста-аудитора, которые должны базироваться на соответствующих компетенциях аудиторских компаний. В условиях кризиса в арсенале специалистов-аудиторов должны быть системные знания о мерах поддержки субъектов предпринимательской деятельности региональными и федеральными органами власти. Это касается в первую очередь государственных программ финансовой, информационно-консультационной поддержки, при реализации которой учитывается местная специфика и уровень доходов от предпринимательской деятельности.

С 2020 года наблюдается определенный тренд на смягчение требований проведения обязательного аудита бухгалтерской (финансовой) отчетности по критерию финансовых активов компании. С 01.01.2021 были повышены финансовые критерии для обязательного аудита:

- по выручке – с 400 до 800 млн рублей;
- по сумме активов бухгалтерского баланса – с 60 до 400 млн рублей.

Таким образом, предприятия, относящиеся к малому бизнесу согласно федеральному закону от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ», доход которых за предшествующий

календарный год не превышает 800 млн рублей, освобождаются от обязательного аудита финансовой отчетности. Также от проведения обязательного аудита освобождаются благотворительные фонды. Эти меры среди прочего позволяют данным организациям сократить расходы на проведение внутреннего аудита и освободят от штрафов (предупреждений) за непредоставление отчета аудиторской проверки [Каурова 2020: 113].

Очевидно, что текущий экономический кризис затронул большую часть организаций среднего и малого бизнеса и вынудил их искать любые возможные резервы сокращения затрат, в числе которых оказались и аудиторско-консалтинговые услуги. Клиенты стали отказываться от инициативного аудита, откладывая его на более поздние сроки. В то же время ужесточение налогового контроля средних и крупных предприятий показало насущную необходимость аудиторских услуг и повысило требования заказчиков к их качеству. Это позволяет аудиторским компаниям с высокой деловой репутацией воспользоваться такого рода спросом и предъявлять своим специалистам дополнительные требования к актуальности знаний: в том числе по установлению корректных связей внутреннего и внешнего аудита.

В фокусе внимания внутреннего и внешнего аудита находится объект – организация и ее функционирование. Для аудитора, который проводит установленный законом внешний аудит, весьма важно исследовать роль, которую играет в организации внутренний аудит, с целью уменьшения дублирования работы. Это не зависит от того, охватывает внутренний аудит финансовую систему или контролирует такие сферы, как управление движением товарно-материальных ценностей или финансовый менеджмент. Внутренний аудит в значительной мере является информационной базой для внешнего аудита, то есть эффективный внутренний аудит может снизить затраты организации на внешний аудит.

Независимые аудиторы могут привлекать к своей работе внутренних аудиторов проверяемого предприятия. Объем и виды этих работ должны быть определены заранее в соответствующей программе, разработанной внешним аудитором при планировании своей работы, и согласованы с руководителем отдела внутреннего аудита, так как названные работы будут являться дополнительными для работников отдела внутреннего аудита.

Взаимодействие внешних и внутренних аудиторов начинается уже на стадиях согласования условий, планирования аудита. В соответствии с прикладными рекомендациями к Международному стандарту аудита (МСА) 260 «Сообщение аспектов аудита лицам, наделенным руководящими полномочиями» в перечень вопросов, обсуждаемых с лицами, наделенными руководящими полномочиями, в частности, входит обсуждение того, в какой степени внешний аудитор может пользоваться результатами работы внутренних аудиторов в тех случаях, когда в организации имеется служба внутреннего аудита, и каким образом внешние и

внутренние аудиторы могут организовать работу конструктивным и взаимодополняющим образом [Мальхин 2021: 5].

Задачи и суть внутреннего аудита могут меняться в зависимости от внешних и внутренних факторов в острой фазе пандемии или в период ее ослабления, но он всегда будет направлен на снижение вероятности финансовых потерь и банкротства компании. Внутренний аудит призван диагностировать «финансовое здоровье» организации и его устойчивость к рискам, а также максимально защищать экономические интересы собственника.

Службы внутреннего аудита в текущей ситуации турбулентности рынка постоянно корректируют подход к своей работе, им приходится действовать более инициативно. Функционал аудитора видоизменяется, подстраиваясь под текущие задачи компании, в том числе антикризисным менеджментом. Это выходит за рамки внутреннего аудита в его классическом понимании. В компетенции аудитора входит не только проведение аудита финансовых операций и бухгалтерской отчетности, но и умение преподносить его результаты высшему менеджменту компании и совету директоров (акционеров) в удобном для принятия решений формате с использованием дистанционных технологий. Специалисту аудитору нужно прилагать усилия для раскрытия своего потенциала в роли консультанта, советника, тренировать навыки использования цифровых технологий.

В 2020 году компании столкнулись с необходимостью ведения своей деятельности в удаленном формате, что подразумевает новые вызовы и условия взаимодействия со стороны всех участников процесса аудита. В режиме удаленной работы приходится оптимизировать использование имеющихся ресурсов, например Skype, Zoom и др., для взаимодействия сотрудников, в том числе необходимо обеспечить использование защищенных каналов связи для работы с «чувствительной» коммерческой информацией. Поскольку удаленный режим работы сопряжен с повышенным риском в части кибербезопасности, в ряде случаев создается дополнительная инфраструктура (специальные ноутбуки для аудиторов, дополнительные сервера и программное обеспечение).

Рассмотрим комплекс обязательных мероприятий в период пандемии, которые необходимо учитывать специалисту внутреннего аудита. Для бизнеса, чтобы пережить кризис, связанный с пандемией, важно было еще в его начале изменить сам подход к ведению своей деятельности и правильно подготовиться. А именно – разработать план антикризисных мероприятий, а также провести стресс-тесты и на их основании проанализировать способности компании противостоять резким внешним изменениям.

В данных условиях специалисты внутреннего аудита обязательно должны принимать участие в качестве независимых наблюдателей и тестируемых при моделировании и проработке различных стресс-сценариев, при этом особое внимание должно было быть уделено всем

выявленным недостаткам и комплексу мер по контролю за их устранением [Ряховский, Корягин 2020: 6].

Особое внимание уделяется оценке готовности IT-инфраструктуры к переводу части или всех сотрудников на удаленную работу и возникающим в связи с этим нагрузкам и рискам утечки данных.

По результатам проведенных мероприятий сотрудники внутреннего аудита должны дать уверенность стейкхолдерам (комитет по аудиту/собственники и высшее руководство) о готовности или неготовности организации к продолжению своей деятельности в условиях кризиса. В случае неготовности должна быть проведена повторная проверка после устранения менеджментом всех выявленных замечаний и недостатков.

Также аудитору необходимо предпринимать усилия по установлению регулярных контактов с персоналом и заинтересованными сторонами – планировать совещания в онлайн-формате с коллегами, использовать новые способы для представления отчетности. В условиях кризиса у руководства наблюдается дефицит времени для ознакомления с традиционными аудиторскими отчетами. В связи с этим необходим поиск оптимальных инновационных способов представления отчетности руководителям, упрощающих восприятие информации. Аудиторы могут опробовать разные способы представления своих выводов, получать отзывы и при необходимости вносить коррективы. Сообщество по внутреннему аудиту СВА РЕМПАЛ сгруппировало предпочтительные виды представления информации в условиях пандемии. К ним относятся:

1. «Тепловая карта» аудита – визуализирует ключевые тестируемые механизмы контроля. Весь процесс показан поэтапно, с применением цветовой кодировки по типу «светофора».

2. Информационная панель проекта – также использует «светофорную индикацию» в отношении всех этапов проекта. В данной панели обычно указываются существующие риски и их рейтинг, благодаря чему руководители могут сосредоточить внимание на менее благополучных областях.

3. Наглядное представление (визуализация) проекта – показывает связи между различными этапами процесса и позволяет выявить процессы, которые обойдены или приносят ограниченную пользу.

4. Схема обеспечения проекта – облегчает ознакомление с ролью различных подразделений в проекте, какого рода уверенность они обеспечивают и где может потребоваться более высокая степень уверенности [СВА РЕМПАЛ 2020: 20-22].

По результатам предоставленной отчетности службам внутреннего аудита следует пересмотреть выданные ранее рекомендации, по которым не были предприняты необходимые действия (их часто называют «незакрытые замечания»). Одно из требований – оперативность предоставления отчетов (иногда даже в режиме реального времени), опираясь на мониторинг ключевых показателей процессов, которые в настоящее время

находятся в состоянии стресса. Аудиторам после анализа актуальности приоритетных «стрессовых» зон и рассмотрения оперативных данных следует готовить обновленные рекомендации для быстроменяющихся текущих условий.

В период пандемии наметился перенос акцента в работе внутренних аудиторов: консультирование на опережение. Международный опыт аудиторской деятельности свидетельствует о корректировке запросов на приоритетный функционал внутреннего аудита в период пандемии. Как известно, аудиторы имеют компетенции в области финансового анализа, консалтинга, прогнозирования и исследования рынков. В данный период акцент в работе внутренних аудиторов смещается в сторону консультационной функции. Этот вывод о смене приоритетов был сделан в результате исследования воздействия пандемии COVID-19 на роль и мероприятия внутреннего аудита в 2020 году сообществом по внутреннему аудиту (CBA) REMPAL [Воздействие пандемии 2020: 9]. В таблице мы видим, как изменились приоритеты в 2020 году во внутреннем аудите разных стран.

По мнению экспертного сообщества, внутренние аудиторы должны перенести акцент в своей работе, переключившись с выполнения аудиторских заданий, целью которых является предоставление гарантий, к заданиям с целью предоставления рекомендаций и консультаций, ориентированных на будущее. При переходе к работе со смещением акцента на предоставление консультаций необходимо помнить, что это может сказаться на независимости внутреннего аудита, поэтому важно аккуратно и четко формулировать границы предоставляемых консультаций. В связи с этим к аудиторам предъявляются повышенные требования. Они должны грамотно решать поставленную задачу на основе актуальных данных и применения существующих регламентов. Консолидированное мнение разных авторов склоняется к тому, что гибкость и готовность оперативно реагировать – эффективный способ обеспечить необходимый уровень независимости при обеспечении соблюдения условий технического задания и целей аудиторской экспертизы. Важно, чтобы службы внутреннего аудита имели необходимые компетенции и навыки, позволяющие формулировать надежные рекомендации.

В период пандемии коронавируса бизнес находится в условиях крайнего напряжения. Внутренний контроль – одно из действенных средств достижения целей организации. Во время кризиса управление должно находить баланс между контролями краткосрочного плана, которые допускается ослабить, и долгосрочными контролями, которые обязательно должны сохраняться. Компетенции и навыки внутренних аудиторов должны предоставлять необходимую поддержку и обеспечивать уверенность руководителей операционных подразделений (например, в отношении степени риска и актуальности используемых механизмов кон-

троля), а также содействовать обеспечению всестороннего мониторинга протекающих процессов в организации.

Таблица

**Пандемия COVID-19:
приоритеты в деятельности внутренних аудиторов**

Приоритеты до пандемии COVID-19	Приоритеты в новых реалиях	Примеры
Последующее обеспечение уверенности в достаточности и действенности механизмов ВК	Консультационная работа с ориентиром на будущее и консультации руководству	Специалисты ВА включены в состав министерских антикризисных групп (Нидерланды)
Аудит экономии, эффективности и результативности использования ресурсов	Консультационные задания с ориентиром на будущее по запросу руководителей и по приоритетным вопросам компании	Ситуативные обзорные проверки по запросу руководства (Украина)
Консультационные задания с ориентиром на будущее по запросу руководителей и по приоритетным вопросам компании	Аудиты экономии, эффективности и результативности использования ресурсов	Включение и прикомандирование сотрудников к операционными группам (Великобритания)
Консультационная работа с ориентиром на будущее и консультации руководству	Последующее обеспечение уверенности в достаточности и действенности механизмов ВК	Помощь в информировании представителей сектора о воздействии вируса (ЮАР)

Сконцентрируем внимание на основных направлениях деятельности внутреннего аудита во время пандемии. Во время кризиса во многих организациях выходит на первый план вопрос о запасе ликвидности: хватит ли запаса прочности и ресурсов организации, чтобы продолжать и далее полноценно выполнять свои функции и обязательства.

Компетенции службы аудита в связи с дополнительными рисками, вызванными пандемией COVID-19, необходимо задействовать и оказывать помощь клиентам в анализе рисков в следующих ключевых областях [СВА РЕМПАЛ 2020: 11-13]:

1. Персонал. Здоровье и благополучие сотрудников в период пандемии – один из ключевых рисков, а также необходимое условие для продолжения управления рисками в других областях.

Оценивать риск и регулярно анализировать результаты такой оценки, чтобы обеспечить персоналу и подрядчикам безопасное место работы, включая соблюдение правил гигиены и должное снабжение индивидуальными средствами защиты. Оказывать поддержку сотрудникам, находящимся в группе повышенного риска из-за состояния здоровья, которое может потребовать от них защиты от возможного заражения вирусной инфекцией. Разработать и осуществлять планы, предусматривающие сокра-

щение поездок, и по возможности организовать работу в удаленном режиме. Крайне важным будет использовать технологии, позволяющие продолжать работу без непосредственного физического контакта. Четко проинструктировать персонал о том, когда необходимо приходить на работу и когда этого не требуется. Регулярно обновлять эти инструкции с учетом меняющейся обстановки и качественной управленческой информации.

2. Операционная деятельность. Организации обычно используют элементы планирования по обеспечению непрерывности своей деятельности. От аудиторов потребуются оценка плана антикризисных мероприятий, подготовленного менеджментом, оценка расчетов по сокращению затрат. В условиях кризиса возможна приостановка выполнения такого планирования, в том числе и годового плана аудита, так как в постоянно меняющихся условиях кризиса установленные ранее плановые показатели могут быстро утрачивать свою актуальность. В этих условиях необходимо проявлять гибкость и без сожаления менять приоритеты, пересматривать ключевые цели в свете меняющейся информации.

Аудиторам необходимо планомерно проводить оценку риска с учетом воздействий на ключевые цели, предлагать возможные планы реагирования, включая меры в краткосрочной перспективе.

3. Цепочка поставок (система снабжения). Поставщики в данных условиях тоже задействуют элементы своих планов обеспечения непрерывности деятельности, при этом в первую очередь необходимо определить критические допущения в части обеспечения ими выполнения своих обязательств и оценить потенциальные риски в связи с их невыполнением. Аудитор должен дополнительно проверить контракты с поставщиками на предмет договоренностей в случае возможных рисков в условиях пандемии и обеспечить сохранение безопасности при возможном использовании других поставщиков.

4. Управление финансами. Важно поддерживать эффективное управление финансами в соответствии с требованиями, а также обеспечивать отдачу от ресурсов, сохранять доверие и прозрачность, используя для этого всю необходимую отчетность. От службы внутреннего аудита требуется независимая оценка текущего финансового состояния бизнеса. Нужно предусмотреть возможность совершать все необходимые платежи, поддерживать работу организации, оплачивать работу сотрудников и поставщиков. Подготовить план реагирования и обеспечить наличие достаточных денежных средств в условиях различных возможных сценариях развития в ближайшей перспективе, такие планирования должны проводиться с определенной периодичностью с внесением корректировок в зависимости от изменений внешних факторов. Необходимы проверка финансовых моделей, оценка разумности использованных в них предпосылок, их реалистичности и правдивости в существующих реалиях. Служба аудита должна предусмотреть, чтобы разработка и внедрение расширенных или новых

платежных механизмов (включая возможные субсидии и займы) поддерживались эффективными процессами управления риском, в том числе риском мошенничества. Необходима проверка выбранных источников финансирования, обоснованности стоимости привлечения денежных средств (сравнение с рыночными ставками), срока использования привлеченных денежных средств и обеспечение полной и ясной картины относительно допущений, сценариев и оснований, на которых строятся последние прогнозы и оценки. Также служба внутреннего аудита может предложить иные направления, не рассмотренные менеджментом, в которых возможно провести немедленное сокращение расходов.

5. **Технология/Безопасность.** Поскольку часть работы по определению будет выполняться в удаленном режиме, организации сталкиваются с беспрецедентным ростом трафика при удаленном подключении к сетям, при этом возможны периодические или длительные сбои, связанные с использованием технологий. Аудит в данном вопросе должен быть направлен на проверку функционирования сетей, их работоспособности при увеличенном объеме трафика. Проработать вопросы, связанные с соблюдением стандартов защиты и безопасности данных при работе из дома.

В подобных мероприятиях внутренний аудит может стать помощником высшему руководству либо полностью или частично заменить внешних консультантов. Этот процесс носит нелинейный характер для предприятий различных сфер деятельности и форм собственности.

Всем без исключения организациям при внутреннем аудите пришлось контролировать соблюдение новых требований, которые были приняты из-за распространения коронавирусной инфекции. В связи с постановлением Правительства доступ в торговые центры был ограничен в течение нескольких месяцев в 2020 и 2021 годах. В связи с этим претерпела изменения и программа внутреннего аудита, добавились новые критерии, оценки, дополнительные функции. Рассмотрим данные изменения на примере розничной торговой организации СЦ «А-мега» (г. Тюмень). Для этого подробно разберем мероприятия, которые были осуществлены организацией в условиях пандемии, и участие внутреннего аудита в этих процессах. Уточним, что функцию аудиторов в данном случае выполняло обособленное подразделение компании, наделенное полномочиями и функциями по осуществлению внутреннего аудита, подчиненное непосредственно генеральному директору.

1. Перевод каналов сбыта офлайн в онлайн (в период действия карантинных мер, когда все торговые центры по распоряжению Правительства РФ и Оперативного штаба по противодействию распространения коронавирусной инфекции COVID19 Тюменской области были закрыты для посещения) с минимизацией потерь. Был пересмотрен и расширен функционал сайта компании для удобства оформления заявки, организован запуск доставки с учетом всех требований, произведено налаживание

процесса работы в режиме онлайн от момента приема заявки, ее обработки до получения покупателем своего заказа.

Функция внутреннего аудита: анализ рисков и проверка системы контроля за процессами отгрузки товара, отражения операций в учетных системах, получения денежных средств за отгруженный товар, соблюдения санитарных требований, разработка сигнальной системы по распознаванию угроз и разработка рекомендаций по их устранению и т. д.

2. В направлении корректировки маркетинговых мероприятий организация отказалась от размещения баннера на здании и оплаты арендуемого для него места, от любой рекламы в печатных изданиях и от всех предложений по размещению наглядной рекламной информации у компаний, которые предлагали стать партнерами. Маркетинговый бюджет был перенаправлен в digital сферу, в частности – оперативное внесение актуальной информации посредством РСЯ, дополнительная настройка поисковых систем. Выделен дополнительный бюджет на телевизионную рекламу из расчета на существенно возросшую в связи с кризисом ТВ-аудиторию. Вследствие оперативно внесенных изменений в рекламную политику договор на ТВ рекламу был заключен одними из первых среди конкурентов, по согласованным ценам с учетом скидок за комплексное размещение. В плановом режиме с учетом изменений ситуации проводились работы с клиентами в социальных сетях ВК, Instagram (принадлежит признанной экстремистской и запрещенной в России Meta), где размещалась информация об акциях, товарах. Был создан Viber-чат для покупателей компании с целью оперативной связи.

Функция внутреннего аудита: контроль за приостановлением оплат по действующим договорам наружной рекламы, рекламы в печатных изданиях и т. д. Проверка процесса выбора медийных поставщиков рекламы и договоров. Проверка контролей за платежами проводимых мероприятий, формирование наглядной системы отчетности.

3. Обеспечение перехода сотрудников на удаленную работу, обеспечение безопасности собственных и клиентских данных во время такого перехода.

Функция внутреннего аудита: проверка безопасного соединения с корпоративной сетью, почтовым сервисом, проверка, что на всех компьютерах, которые будут переведены на удаленную работу, установлены и действуют последние версии антивирусов, формирование наглядной системы отчетности.

4. Закрытие розничной торговой точки СЦ «А-мега», расположенной в торговом центре «Орион» (г. Тюмень) на период объявления карантина. В результате переговоров арендодателей и руководства компании были достигнуты договоренности о частичном снижении арендных платежей.

Функция внутреннего аудита: проверка списка требований региональных властей и их соблюдение, контроль за предоставлением аренд-

ных каникул из-за вынужденного закрытия торгового центра. Проверка отражения зафиксированных договоренностей в дополнительных соглашениях к договорам аренды (проверка полноты списка), проверка корректного отражения периодов достигнутых договоренностей, проверка фактического выполнения платежей по достигнутым договоренностям.

5. Со всеми поставщиками (контрагентами) компании проведены переговоры по отсрочке платежей на максимально допустимые сроки, достигнуты договоренности во избежание штрафных санкций.

Функция внутреннего аудита: контроль фиксации достигнутых договоренностей, проверка контроля заморозки платежей.

6. Руководством компании было принято решение о минимизации оплаты труда в период удаленной работы за счет перевода сотрудников на окладную часть оплаты труда. Часть сотрудников была переведена на другой функционал внутри организации: прием интернет-заказов, усиление службы поддержки, работа с покупателями посредством телефонных консультаций.

Функция внутреннего аудита: проверка принимаемых мер оптимизации затрат на предмет соответствия Трудовому кодексу и внутренней политики компании.

7. На основании нормативных документов были приостановлены платежи по договорам клининга, сервисного обслуживания в торговой точке и в офисных помещениях компании.

Функция внутреннего аудита: контроль полноты охвата всех контрагентов в торговой точке, офисных помещениях компании, проверка контролей за платежами.

8. Заморозка всех командировок сотрудников, запланированных офлайн мониторингов и прочих трат, не влияющих на функционирование бизнеса в режиме онлайн и удаленной работы. Переход контроля и анализа расходов, входящих в категорию «прочие», с ежемесячного на еженедельный контроль.

Функция внутреннего аудита: проверка контроля за приостановлением всех расходов, кроме тех, что были согласованы для осуществления в кризисный период, контроль авторизации данных расходов.

9. Вследствие пандемии организация была вынуждена приостановить проект по переоборудованию торговой точки.

Функция внутреннего аудита: проверка, что все дополнительные проекты и платежи по ним приостановлены или перенесены на более поздние сроки.

10. Была произведена переоценка составленных ранее планов по всем торговым направлениям организации, как в плане ожидаемой прибыли, так и в плане заложенных бюджетов на время карантина.

Функция внутреннего аудита: проверка предоставления обновленных бюджетов и планов всеми отделами с учетом сокращения всех активностей.

11. Организация участвовала в подписании открытого письма к Правительству Тюменской области с разъяснением ситуации, в которой оказался бизнес, и просьбой о дополнительных мерах поддержки. В компании изучались варианты получения возможной оказываемой господдержки.

Функция внутреннего аудита: проверка излагаемых в письме данных на предмет соответствия законодательству. Рассмотреть все возможности получения господдержки и предоставления корректных данных собственнику компании. К сожалению, организация не вошла в перечень для получения субсидий.

12. В период карантина проводился периодический плановый анализ рыночной ситуации, в том числе анализ конкурентов, на основе мониторинга была введена новая услуга – доставка товара на «дизайнерскую примерку» на дом покупателю с условием соблюдения всех карантинных мер.

Функция внутреннего аудита: контроль за проведением мониторинга и оценка его результатов, контроль за соблюдением всех мер по соблюдению требований о карантинных мероприятиях.

Таким образом, своевременное осуществление данных мероприятий в СЦ «А-мега» и качественное выполнение функций внутреннего аудита структурным подразделением компании привели к минимизации потерь для бизнеса в 2020 и 2021 годах. Осуществление антикризисных мероприятий, а также контроль за их выполнением позволили организации перенести период закрытия на карантин с наименьшими потерями, и впоследствии некоторые введенные новшества стали использоваться в текущей деятельности.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что текущий кризис – это время перемен и возможностей, а внутренний аудит должен стараться быть в авангарде происходящих изменений. Создание эффективно функционирующей службы внутреннего аудита на предприятии, находящемся в кризисной ситуации, позволяет обеспечивать достоверную диагностику кризиса, разработку антикризисной программы, контроль и оценку результативности ее выполнения, а также осуществление последующего мониторинга деятельности предприятия, своевременное информирование его руководства об опасностях и о возможности их нейтрализации.

Новая реальность постпандемийного периода потребует переработки и переосмысления деятельности служб внутреннего аудита с учетом произошедших изменений. С позиции менеджмента становятся очевидными поиск гибкого подхода к планированию аудита, готовность к маневру ресурсами и смене мероприятий с учетом рисков и приоритетов. Вышеперечисленные факторы влияют на требования к компетенциям аудиторов.

Пандемия заставила внутренних аудиторов работать по-другому (в удаленном режиме, активно применяя новейшие диджитал технологии). Были внесены корректировки в функционирование внутреннего аудита со стороны государства и регулирующих органов, а со стороны

хозяйствующих субъектов внедрены эффективные, удобные и экологичные формы взаимодействия с подразделениями внутреннего аудита. После пандемии бизнес пройдет долгий период восстановления, когда возникнет понимание плановой необходимости проектов по анализу и оценке релевантности операционных бизнес-процессов.

После окончания пандемии для служб внутреннего аудита также важно будет оценить отработанные системы управления рисками организации, разумность осуществленных планов действий в кризисной ситуации и эффективность проведенных процедур по поддержанию непрерывности функционирования бизнеса, применение положительно зарекомендовавших практик. Это поможет бизнесу быть более устойчивым в долгосрочной перспективе.

Ситуация в реалиях пандемии COVID-19 еще раз показала, что проведением аудита должны заниматься профессионалы с системным и адекватным пониманием бизнес-процессов и их структуры, что может быть гарантировано регулярным повышением квалификации внутренних аудиторов.

Список источников

1. *Бельковец-Краснов В.* Новое и изменения в аудите с 2022 и 2023 года // Бухгалтерский интернет-журнал [веб-сайт]. URL: <https://buhguru.com/effektivniy-buhgalter/novoe-i-izmeneniya-v-audite-s-2022-i-2023-goda.html> (дата обращения: 27.01.2022).

2. Воздействие пандемии COVID 19 на роль и мероприятия внутреннего аудита. Руководство Сообщества по внутреннему аудиту (CBA) PEMPAL. URL: https://www.pempal.org/sites/pempal/files/IACOP/covid_publication_ru_pages.pdf (дата обращения: 05.02.2022).

3. *Ломская Т.* Год умирающего бизнеса: где и почему в России исчезают индивидуальные предприниматели // Forbes [веб-сайт]. URL: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/437999-god-umirausego-biznesa-gde-i-pocemu-v-rossii-iscezaut-individual-nye-predprinimateli> (дата обращения: 16.02.2022).

4. *Каюрова И. Н.* Состояние рынка аудиторских услуг в условиях пандемии // Молодой ученый. URL: <https://moluch.ru/archive/339/76163/> (дата обращения: 06.02.2022).

5. *Мальхин Д.* Взаимодействие внутреннего и внешнего аудитов (обзор нормативных актов и рекомендаций надзорных органов). URL: <https://wiseeconomist.ru/poleznoe/49321-vzaimodejstvie-vnutrennego-vneshnego-auditov-obzor-normativnyx-aktov> (дата обращения: 13.01.2022).

6. *Ряховский В., Корягин А.* Меняющаяся роль внутреннего аудита в период пандемии. Сайт Института внутренних аудиторов. URL: https://www.iaa.ru.ru/inner_auditor/publications/articles/member_articles/menyayushchayasya-rol-vnutrennego-audita-v-period-/ (дата обращения 18.01.2022).

Колесник Елена Андреевна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры
маркетинга и муниципального управления,
Тюменский индустриальный университет,
eakolesnik-10@mail.ru

ДЕТЕРМИНАНТЫ ТРУДОВОЙ МОБИЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ РЫНКА ТРУДА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению детерминант трудовой мобильности населения региона в условиях цифровизации и трансформации рынка труда. В процессе исследования было определено, что в условиях постиндустриального общества происходит трансформация труда и его форм в качественно новое состояние, что отражается в смене доминирующих тенденций в социально-экономическом развитии. Это не только порождает формирование новых форм и видов занятости, но и приводит к интенсификации трудовой мобильности населения. В разрезе объекта исследования – Тюменской области – трудовая мобильность обуславливается социально-экономическим развитием региона; в то же время наблюдается концентрация трудовых ресурсов вокруг городов и предприятий, обеспечивая стабильность рабочего места. При этом цифровизация обуславливает необходимость переосмысления труда и места человека в системе производственных отношений, закономерным образом отображаясь на рынке труда вообще и на трудовой мобильности в частности.

Ключевые слова: цифровые технологии; рынок труда; трудовые ресурсы; население; региональный аспект; трудовая мобильность; детерминанты

Kolesnik Elena Andreevna,
Candidate of Economics, Associate Professor of Department of Marketing
and Municipal Management, Tyumen Industrial University,
eakolesnik-10@mail.ru

DETERMINANTS OF LABOR MOBILITY OF THE REGION'S POPULATION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION AND TRANSFORMATION OF THE LABOR MARKET

Abstract. The article is devoted to the consideration of the determinants of labor mobility of the population of the region in the conditions of digitalization and transformation of the labor market. In the course of the study, it was determined that in the conditions of a post-industrial society, labor and its forms are transformed into a qualitatively new state, which is reflected in the change of dominant trends in socio-economic development. This generates not only the formation of new forms and types of employment, but also leads to the intensification of labor mobility of the population. In the context of the research object – the Tyumen region – labor mobility is conditioned by the socio-economic development of the region; at the same time, there is a concentration of labor resources around cities and enterprises, ensuring the stability of the workplace. At the same time, digitalization causes the need to rethink labor and the place of a person in

the system of industrial relations, naturally reflected in the labor market in general and labor mobility in particular.

Keywords: digital technologies; labor market; labor resources; population; regional aspect; labor mobility; determinants

На рубеже веков понимание роли и значимости труда в жизни человека и становлении стабильного экономически развитого общества менялось. Не вдаваясь в более детальный анализ генезиса понимания понятия «труд» в различных историко-культурный период, лишь отметим, что еще античным философом Аристотелем была сформулирована мысль о том, что именно труд является потребностью и внутренним свойством человеческой личности. А разработанная Платоном модель разделения труда впоследствии преобразовалась в «интегральный вектор цивилизационного развития» [Шкуркин 2014: 44], опередив не только свое время, но и заложив основу формирования социологической теории разделения труда Эмиля Дюркгейма.

Средневековый философ Фома Аквинский в своем учении об общественном разделении труда исходил из того, что человеческие потребности невозможно удовлетворить силами одного человека, поэтому божественным провидением установлено было его разделение. В своих трудах он писал: «как у пчел, одни собирают мед, другие строят из воска ячейки, а королева совершенно не участвует в материальных трудах, так и у людей: одни должны возделывать землю, другие – строить дома, а часть людей, будучи свободна от мирских забот, должна посвящать себя духовному труду во имя спасения остальных» [Розенберг 1940: 37]. Подобный уклад, несмотря на изменяющиеся в средневековом разрезе философские воззрения, научные трактовки, подходы и парадигмы, все же оставался незыблемой основой труда. Научно-технический прогресс, сопровождающий общество, конечно же, обогащал и развивал саму суть труда, его формы и виды, при этом сохранилась нерушимой стабильность производительного труда как основы развития общества и формирования общественно значимых богатств, факторов «экономического роста, обеспечивающих улучшение уровня жизни населения» [Меркулова 2019: 35]. Но вместе с тем в условиях постиндустриального общества происходит трансформация труда и его форм в качественно новое состояние, что отражается в смене доминирующих тенденций в социально-экономическом развитии.

И если ранее трудовая мобильность, характеризующаяся способностью приспособления работника к условиям производства и новой технике, имела главным образом социально-экономический характер, то в настоящее время трудовая мобильность характеризуется прежде всего сменой видов трудовой деятельности и условий работы (условий труда) в связи с ростом интеллектуализации производства, переходом на выпуск новой продукции (или совершенствование технологического процесса) и т. п. В основе трудовой мобильности лежит стремление человека к пере-

мене работы, обусловленное профессиональной и трудовой мотивацией. Таким образом, трудовая мобильность зависит от профессиональных устремлений, от способности к обучению, от отношения к труду и в условиях цифровизации усиливается.

В условиях цифровизации на «отношение населения к занятости ... воздействуют глобальные процессы, оказывающие непосредственное влияние на сферу занятости и рынок труда» [Колесник 2020: 162]. Уже сегодня становится ясно, что цифровизация труд повращает «в глобальный ресурс, выходя за национальные границы» [Колесник 2020: 162].

Цифровизация перед людьми раскрывает не только иные, совершенно новые возможности, но и предлагает иные, ранее неизвестные формы и виды деятельности (рисунок 1), выводя трудовую мобильность на совершенно иной уровень развития.

При этом тенденция к изменению и интенсификации трудовой мобильности была отмечена еще в 2016 году в работе исследователей ВШЭ В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшникова и А. В. Шарунина. Ими отмечалось, что нарастание трудовой мобильности повсеместно возрастает «благодаря повышению гибкости рынка труда, структурному сдвигу в пользу сектора услуг и глобальному усилению конкуренции» [Гимпельсон и др. 2016: 9]. Это закономерно приводит к формированию предприятиями политики отхода «от модели пожизненного найма... в пользу альтернативной модели, предполагающей активный найм на внешнем рынке труда на всех этапах должностной иерархии» [Гимпельсон и др. 2016: 9], привлекая так называемых «сторонних» работников. Продолжая свою мысль, авторы выделяют как положительные, так и отрицательные стороны трудовой мобильности с двух позиций – работодателей и работников. На рисунке 2 представлены плюсы трудовой мобильности персонала с позиции работодателей.

Новые виды занятости:

Фриланс – характеризуется вольнонаемным трудом
Удаленная (дистанционная) работа на дому – трудовые отношения, связанные с выполнением трудовых функций вне стационарного рабочего места и оформленные на временной основе
Телеработа или e-work (работа в «облаке») – удаленная занятость с обязательной координацией своей деятельности через сеть Internet
Краудсорсинг – вовлечение широкого круга людей в решение задач инновационной производственной деятельности с целью использования их творческих способностей, знаний и опыта с использованием информационных технологий
Краудфандинг – реализация собственных проектов с участием добровольного финансирования
Хобо – странствующие рабочие
Аутстаффинг – привлечение «внешнего персонала» для выполнения определенных работ для стороннего предприятия
Заемный труд – деятельность, выполняемая по распоряжению работодателя, но в интересах физического или юридического лица, не являющегося работодателем

Рисунок 1. Некоторые новые виды занятости. Источник: обобщено автором самостоятельно согласно [Колесник 2020: 162-163]

Рисунок 2. Положительные стороны трудовой мобильности персонала с позиции работодателей. Источник: обобщено автором самостоятельно согласно [Гимпельсон и др. 2016: 4]

С позиции работников трудовая мобильность обеспечивает дополнительные возможности карьерного роста, профессионального развития, по-

вышает степень удовлетворения от работы и др. возможности. В. Е. Гимпельсоном, Р. И. Капелюшниковым и А. В. Шаруниной выделяются несколько иные стороны трудовой мобильности работников (рисунок 3).

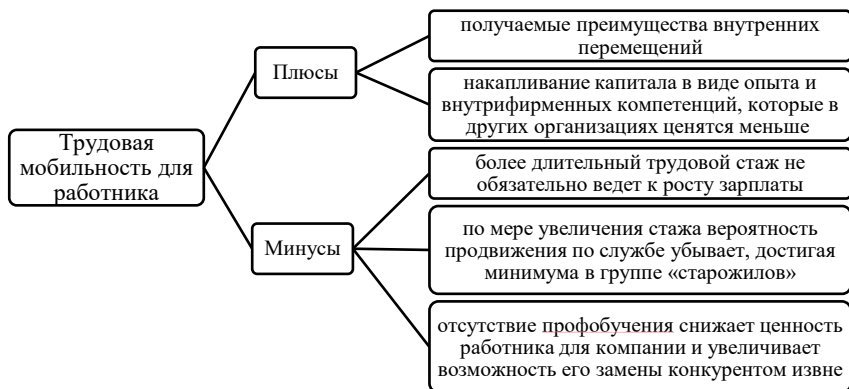

Рисунок 3. Стороны трудовой мобильности персонала с позиции работника. Источник: обобщено автором самостоятельно согласно [Гимпельсон и др. 2016: 4]

Ситуацию усугубляют и неблагоприятные футурологические сценарии, описывающие возможное развитие рынка труда в условиях цифровизации (рисунок 4).

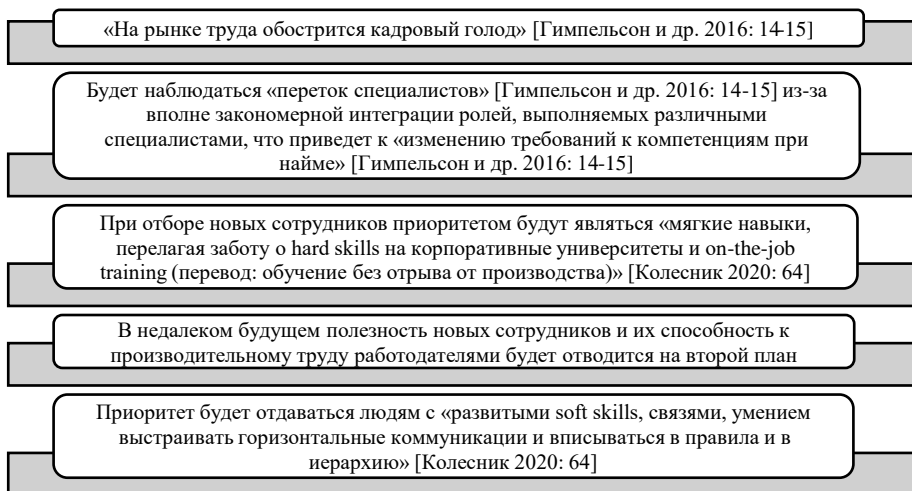

Рисунок 4. Некоторые футурологические сценарии, описывающие возможное развитие рынка труда в условиях цифровизации. Источник: обобщено автором самостоятельно согласно [Гимпельсон и др. 2016: 14-15; Колесник 2020: 64]

Таким образом, производительная роль труда человека постепенно нивелируется. Труд из производительной силы общества превращается в фактор, который лишь закрепляет разделение труда и тем самым снижает его производительную силу. Постепенно изменяется и место человека в производственной среде, которое начинает формироваться через призму, построенную интернет-сетью, отчасти нивелируя значимость профессий, ранее определявших место человека в обществе. Это закономерным образом экстраполируется и на трудовую мобильность человека, способствуя смене вида деятельности, профессиональных пристрастий и желаний, сокращая, таким образом, время нахождения в профессии, что способствует росту мобильности.

Формируясь под влиянием внешних и внутренних факторов, трудовая мобильность все же зависит от социально-экономического развития региона. На рисунке 5 представлена численность населения Тюменской области без автономных округов.

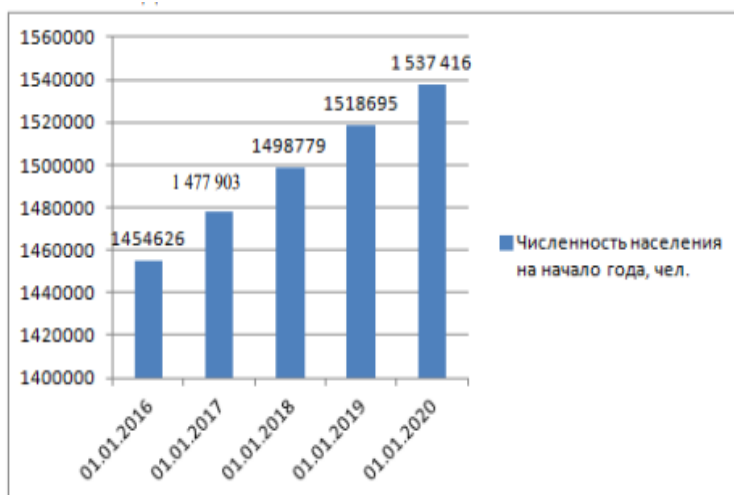

Рисунок 5. Численность населения Тюменской области (без автономных округов) на начало года.

Источник: согласно данным Департамента труда и занятости населения Тюменской области [Итоговый отчет 2020]

Несмотря на рост естественного прироста населения региона (за 2019 г. прирост составил 3072 чел., за период январь-апрель 2020 г. – 579 чел.) и миграционного прироста в 10,2% (численность населения региона в 2019 году увеличилась на 16 тыс. чел.), наблюдается снижение численности населения трудоспособного возраста с 874 026 чел. в 2020 году до 870 705 чел. в 2021 году, что указывает на демографическое старение населения региона, что может сказаться негативно на экономи-

ческих показателях развития региона. Усугубляется ситуация и продолжающимся оттоком населения из сельских территорий области. Так, за период 2020 г. по 2021 г. снижение численности сельского населения Тюменской области составило 0,4% при увеличении городского на 2,3%, что является угрозой развитию сельских территорий и обостряет дефицит кадров для сельской местности.

Согласно данным Мониторинга и прогнозирования кадровых потребностей Тюменской области (без автономных округов) за 2020 год и на перспективу 2021–2025 гг., уровень потребности в рабочей силе со стороны предприятий области за 2011–2020 гг. выглядит следующим образом: спрос на сотрудников максимален в самой краткосрочной перспективе (1 год) со снижением в более далеких периодах (2 года и больше) (рисунок 6), что указывает на активную кадровую политику, успешно реализуемую предприятиями области. Но при этом она не в полной мере гарантирует стабильность рабочего места для персонала в условиях перевода предприятий на цифровые рельсы.

Возможная оптимизация кадрового состава так или иначе будет подталкивать людей к поиску новых возможностей трудоустройства. Этот процесс будет способствовать увеличению трудовой мобильности, что, в свою очередь, будет стимулировать развитие рынка труда в целом. Очевидно, на практике это приведет к увеличению общего количества новых рабочих мест и новых возможностей. При этом, с другой стороны, это может вызвать ряд неудобств, в том числе связанных с возникновением трудовых конфликтов. Это касается в первую очередь работников предпенсионного и пенсионного возраста, которые, лишившись возможности трудоустройства ввиду сокращения кадров, могут потерять свой социальный статус, в том числе и в глазах общества.

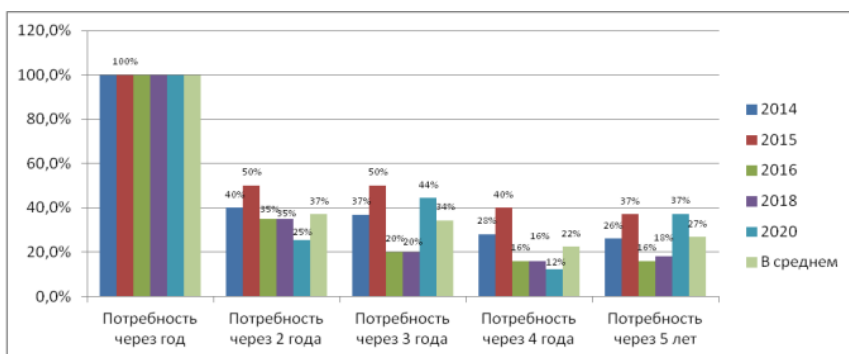

Рисунок 6. Динамика уровня прогнозируемой потребности в рабочей силе по годам замеров, %. Источник: согласно данным Департамента труда и занятости населения Тюменской области [Итоговый отчет 2020]

Таким образом, цифровизация «приводит к необходимости переосмысления функционального предназначения» [Степанов и др. 2021: 171] труда и места человека в системе производственных отношений, закономерным образом отображаясь на рынке труда вообще и на трудовой мобильности в частности.

Список источников

1. Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И., Шарунина А. В. Дороги, которые мы выбираем: перемещения на внешнем и внутреннем рынке труда: препринт WP3/2016/02. Нац. исслед. ун-т Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 48 с.

2. Индустриальный форсайт «Будущее исследовательской индустрии». Результаты форсайт-сессии «Исследовательская индустрия: тренды и окна возможностей» (11 сентября 2020 г.) // ВЦИОМ [веб-сайт]. URL: https://profi.wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2020/forsait_2020.pdf (дата обращения: 20.02.2022).

3. Итоговый отчет по мониторингу и прогнозированию кадровых потребностей Тюменской области (без автономных округов) за 2020 год и на перспективу 2021–2025 годов // Департамент труда и занятости Тюменской области [веб-сайт]. URL: https://czn.admtumen.ru/cms_data/usercontent/regionaleditor/документы/отчеты/итоги%20мониторинга%20рынка%20труда/итоговый%20отчет%202020.pdf (дата обращения: 20.02.2022).

4. Колесник Е. А. Информатизация экономического пространства России: приоритет в выборе форм занятости // Modern Economy Success, 2020. № 6. С. 160-167.

5. Меркулова Е. Ю. Влияние производительности труда на экономический рост // Киберленинка [веб-сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-proizvoditelnosti-truda-na-ekonomicheskij-rost> (дата обращения: 20.02.2022).

6. Розенберг Д. И. История политической экономии. М.: Академия наук СССР. Институт экономики, 1940. 484 с.

7. Социодиггер, 2021. Том 1. Выпуск 6: Бизнес и предпринимательство // ВЦИОМ [веб-сайт]. URL: https://profi.wciom.ru/fileadmin/file/nauka/podborka/wciom_sociodigger_012021.pdf (дата обращения: 20.02.2022).

8. Степанов В. Г., Калинина А. В. Среда умного города в обеспечении общественной безопасности // Modern economy success. 2021. № 6. С. 171-174.

9. Шкуркин А. М. Учение о труде в философских концепциях античных мыслителей // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. № 1 (41). С. 43-53.

Лебединка Екатерина Георгиевна,
аспирант кафедры прикладной социологии,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
katerina.taleriko@gmail.com

ИЗМЕНЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ УСЛОВИЙ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В СПО ПРИ ПЕРЕХОДЕ НА ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ

Аннотация. В марте 2020 года в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции в Российской Федерации произошел временный перевод обучения по всем уровням образования в дистанционный формат. Переход не был запланированным процессом, а скорее вынужденной мерой в целях обеспечения безопасности граждан и минимизации рисков распространения COVID-19. Не все участники образовательного процесса оказались готовы к дистанционному обучению исходя из объективно разного уровня развитости информационной инфраструктуры, отсутствия технических средств и необходимых цифровых компетенций. Трансформации организационных условий реализации образовательного процесса коснулись как всего института образования, так и отдельных его элементов, в частности среднего профессионального образования. В связи с этим в феврале-мае 2021 года было проведено исследование в профессиональных образовательных организациях Свердловской области. Методология исследования построена на количественной стратегии. Результаты исследования выявили существенные изменения в организационных условиях образовательного процесса СПО, в частности ключевые противоречия в готовности технической инфраструктуры, особенности применения различных технологий реализации образовательного процесса с учетом формирования единой информационно-коммуникативной среды. В ходе исследования выявлены особенности реализации дистанционного обучения в СПО с учетом его практикоориентированности.

Ключевые слова: дистанционное обучение; дистанционные образовательные технологии; формы обучения; информационные технологии; информатизация образования; информационная образовательная среда; организация образования; образовательный процесс; организационные условия; среднее профессиональное образование; практико-ориентированное обучение

Lebedkina Ekaterina Georgievna,
Postgraduate Student of Department of Applied Sociology,
Ural Federal University named after
the first President of Russia B. N. Yeltsin,
katerina.taleriko@gmail.com

CHANGES IN THE ORGANIZATIONAL CONDITIONS FOR THE IMPLEMENTATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS IN SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION DURING THE TRANSITION TO DISTANCE LEARNING

Abstract. In March 2020, due to the threat of the spread of a new coronavirus infection in the Russian Federation, there was a temporary transfer of education at all levels of education to a distance format. The transition was not a planned process, but rather a forced measure in order to ensure the safety of citizens and minimize the risks of the spread of COVID-19. Not all participants in the educational process were ready for distance learning based on the objectively different level of development of the information infrastructure, the lack of technical means and the necessary digital competencies. The transformation of the organizational conditions for the implementation of the educational process affected both the entire institution of education and its individual elements, in particular, secondary vocational education. In this regard, in February-May 2021, a study was conducted in professional educational organizations of the Sverdlovsk region. The research methodology is based on a quantitative strategy. The results of the study revealed significant changes in the organizational conditions of the educational process of secondary vocational education, in particular, key contradictions in the readiness of the technical infrastructure, features of the use of various technologies for the implementation of the educational process, taking into account the formation of a unified information and communication environment. The study revealed the features of the implementation of distance learning in SVE, taking into account its practice orientation.

Keywords: distance learning; distance educational technologies; forms of education; Information Technology; informatization of education; information educational environment; organization of education; educational process; organizational conditions; secondary vocational education; practice-oriented training

В марте 2020 года в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции в Российской Федерации произошел временный перевод обучения по всем уровням образования в дистанционный формат. Переход не был запланированным процессом, а скорее вынужденной мерой в целях обеспечения безопасности граждан и минимизации рисков распространения COVID-19. Не все участники образовательного процесса оказались готовы к дистанционному обучению исходя из объективно разного уровня развитости информационной инфраструктуры, отсутствия технических средств и необходимых цифровых компетенций. Дистанционное обучение стало своеобразным индикатором функциональности образования как социального института в России, который отражает его возможность вовремя и эффективно реагировать на быстро меняющиеся условия современного мира. При этом стоит отметить, что тенденции в части цифровизации образования имели место быть задолго до начала пандемии, кроме того, данное направление с 2018 года является одной из целей реализации национального проекта «Образование» в рамках федерального проекта «Цифровая образовательная среда» образовательных технологий и электронного обучения.

Проблема реализации различных форм дистанционного обучения актуализировалась в научном дискурсе в период последних 20 лет, но наиболее пристальное внимание со стороны научного сообщества получила, безусловно, в 2020–2021 годах, когда сложившиеся обстоятельства вынудили многие страны принять решение о переводе образовательного

процесса в дистанционный формат. Здесь стоит акцентировать внимание на том, что одним из ключевых элементов успешного внедрения форм дистанционного обучения является формирование эффективных и гибких организационных условий реализации образовательного процесса. Так, Р. Гаррисон, рассматривая вопрос конструирования коммуникативной образовательной среды в рамках дистанционного образования, отметил, что развитие информационно-коммуникативных технологий позволило сочетать различные методы и каналы взаимодействия между обучающимися и преподавателем. Одним из эффективных методов исследователь отмечает проведение вебинаров в реальном времени с возможностью обратной связи, в рамках которых установленные межличностные связи «обучающийся – обучающийся», «преподаватель – обучающийся» конструируются в устойчивую и прочную коммуникативную образовательную среду, что позволяет повысить качество образовательного процесса и минимизировать риски, препятствующие достижению образовательных целей [Garrison 2000: 13].

Британский исследователь Д. Стюарт, напротив, считает, что попытка приближения коммуникативной среды дистанционного образования к уровню и структуре традиционного не позволяет достигнуть особых образовательных потребностей обучающихся. В условиях их нахождения за пределами аудитории без возможности прибегнуть к помощи одногруппников или преподавателей приобретаемые в рамках образовательного процесса знания, умения и навыки опираются на личный жизненный и трудовой опыт. В связи с этим дистанционное образование требует абсолютно иных, отличных от традиционного образования методов организации образовательного процесса, в том числе в части обеспечения коммуникативной среды [Sewart 1987: 176].

В российском научном дискурсе вопрос построения информационно-образовательной среды как основы дистанционного образования и обучения также активно рассматривается. Так, В. А. Смирнова выделяет несколько принципов построения такой среды: многокомпонентность, интегральность, функциональное разнообразие, адаптивность, вариативность. При этом эффективность информационно-образовательной среды будет зависеть от степени интеграции традиционных и инновационных технологий, применение которых в определенном балансе позволит создать условия не только для получения обучающимися знаний, умений и навыков, но и для формирования способов действий обучающихся [Смирнова 2015: 6].

Анализируя отечественные научные разработки, стоит отметить, что многие исследователи склоняются к тому, что дистанционное обучение в большей степени основано на самостоятельном изучении обучающимися значительного массива информации. Так, А. А. Давлетова и О. А. Алексеев характеризуют дистанционное обучение следующими принципами:

«установление интерактивного общения между студентом и преподавателем без обеспечения их непосредственной встречи и самостоятельного освоения определенного массива знаний и умений по выбранному курсу и его программе с учетом заданной информационной технологии» [Давлетова, Алексеев 2021: 73].

Анализируя научные разработки в области дистанционного обучения, стоит обратить внимание на то, что проблема создания эффективных организационных условий дистанционного обучения достаточно часто поднимается исследователями в рамках рассмотрения различных аспектов данного исследования. Так, А. Чома, Д. Ковальчик, Э. Селицкая определяют следующие условия эффективности дистанционного обучения: сформированность и постоянное развитие цифровых компетенций преподавательского состава, с одной стороны, соответствующая техническая инфраструктура, с другой [Choma, Kowalczyk, Sielicka 2020: 20].

А. П. Беликова [Беликова 2011: 215] при рассмотрении направлений изменений дистанционных форм обучения в образовательных организациях высшего образования склоняется к тому, что наиболее эффективным вариантом реализации образовательного процесса является сочетание дистанционных и очных форм обучения. К такому же выводу приходят А. Н. Самойленко [Самойленко 2011: 230], Н. Д. Агафонова, Ю. Б. Нектаревская, Н. И. Лопина, Л. Н. Лоскутова [Агафонова, Нектаревская, Лопина, Лоскутова 2021: 51].

Е. Г. Радыгина в своем исследовании отмечает, что для адекватного определения результативности дистанционного обучения необходимо сформулировать набор факторов, от которых непосредственно зависит эффективность реализации образовательного процесса, учитывая техническую оснащенность преподавателей и обучающихся, мотивацию участников образовательного процесса, а также «развитие функциональных и коммуникативных навыков в процессе обучения» [Радыгина 2022: 15].

Таким образом, необходимо отметить, что под организационными условиями образовательного процесса в рамках данного исследования будут пониматься:

- технические условия реализации образовательного процесса;
- технологические условия реализации образовательного процесса;
- компетентностные условия реализации образовательного процесса.

С вызовом дистанционного обучения с 2020 года столкнулась вся система образования Российской Федерации, однако степень готовности, в первую очередь организационной, на каждом уровне образования оказалась различной. Достаточное количество отечественных исследований, посвященных так или иначе дистанционным формам обучения в период пандемии, касаются систем общего и высшего образования, в то время как среднее профессиональное образование в данном контексте остается без должного внимания.

Среднее профессиональное образование продолжает быть востребованным как с точки зрения потенциальных студентов, так и с точки зрения субъектов экономики, которые нуждаются в высококвалифицированных кадрах именно с этим уровнем образования. Наравне с другими студентами СПО с марта 2020 по февраль 2021 года получали образование именно посредством дистанционного обучения. В последующем технологии дистанционного обучения применялись достаточно часто при ухудшении эпидемиологической обстановки в регионах Российской Федерации. Таким образом, изучение феномена дистанционного обучения в рамках реализации программ среднего профессионального образования является в современных условиях достаточно актуальным аспектом, поскольку с учетом постоянно меняющихся условий, в том числе санитарно-эпидемиологических, дистанционное обучение становится одним из основных инструментов непрерывного образовательного процесса.

Однако степень готовности школ, профессиональных образовательных организаций и организаций высшего образования к дистанционному обучению объективно различалась. Школы и высшие учебные заведения оказались в более выигрышном положении, поскольку их информационная инфраструктура, наличие специальных программных продуктов, онлайн-ресурсов позволили обучающимся менее безболезненно пройти процесс перехода на дистант. Безусловно, дистанционное обучение обострило многие проблемы и для этих уровней образования, однако именно среднее профессиональное образование оказалось в самом невыгодном положении в условиях полного локдауна в связи со своей спецификой – практикоориентированностью и сильной связью между теоретическим и практическим обучением молодых профессионалов.

Для изучения изменения организационных условий реализации образовательного процесса в СПО при переходе на дистанционное обучение в период с марта по май 2021 года автором проведено исследование в профессиональных образовательных организациях Свердловской области. Объект исследования – среднее профессиональное образование в условиях безальтернативного дистанционного обучения в период пандемии. Предмет исследования – особенности дистанционного обучения как технологии реализации образовательного процесса по программам СПО в период пандемии. Одной из задач исследования стало формирование «новых» организационных условий реализации образовательного процесса по программам СПО при переходе на безальтернативное дистанционное обучение. Методология исследования построена на применении количественной стратегии. В анкетных опросах приняли 1 571 обучающийся профессиональных образовательных организаций Свердловской области и 353 преподавателя и мастера производственного обучения профессиональных образовательных организаций Свердловской области.

Анкета для обучающихся содержала 25 вопросов, для преподавателей и мастеров производственного обучения – 35 вопросов.

Ранее были определены три ключевых элемента организационных условий: технические, технологические и компетентностные.

При рассмотрении технических условий в первую очередь необходимо обратиться к вопросам технической готовности рабочих мест преподавателей и студентов, а также наличия технических условий построения единой информационно-коммуникативной среды для реализации образовательного процесса. Под технической готовностью следует понимать наличие компьютерной техники (смартфона, планшета, ПК), дополнительного оборудования (колонки, микрофон, наушники), программного обеспечения у преподавателя и обучающегося, дающее возможность установления взаимодействия посредством информационно-коммуникационных технологий и включения в образовательный процесс. 13% опрошенных студентов отмечают как одну из сложностей при переходе отсутствие некоторых технических устройств, позволяющих подключаться к видеоролкам и онлайн-трансляциям, 23,7% обучающихся отметили низкую скорость домашнего Интернета либо его отсутствие. То есть изначально некоторые обучающиеся столкнулись с проблемой полноценного включения в образовательный процесс в связи с технической неготовностью к переходу на дистанционное обучение. Кроме того, 8% опрошенных отмечают, что и вовсе получали и выполняли задания на бумаге, передавая их куратору (преподавателю) колледжа или техникума. В основном к данной категории относятся обучающиеся из отдаленных районов области, где наблюдаются проблемы со связью и наличием интернет-соединения. Однако данный факт свидетельствует, что эти 8% обучающихся оказались не вовлечены наравне с остальными в образовательный процесс, несмотря на использование механизма получения и передачи заданий.

В период пандемии вопрос оснащенности средствами связи, компьютерной техникой и Интернетом встал крайне остро, особенно это касалось отдаленных районов области и малоимущих граждан. 16,4% ответивших делили компьютерную технику с членами семьи, что также не способствовало созданию комфортных технических условий для обеспечения качественного дистанционного обучения. Таким образом, 50,7% опрошенных имели в период дистанционного обучения серьезные проблемы с техническими условиями, что влияет на степень вовлеченности обучающихся в образовательный процесс.

В то же время, обращаясь к технической готовности преподавателей, отметим, что им в большей степени не хватало дополнительного оборудования: 13,9% отметили нехватку веб-камеры, 11,6% – недостаток качественного и высокоскоростного Интернета. Кроме того, отмечались такие варианты, как необходимость отдельного кабинета (комнаты) для работы, различных видов компьютерной техники. 40,6% ответивших на

вопрос «Каких технических средств Вам не хватало для дистанционного обучения?» указали на то, что им было достаточно технических условий при переходе на дистанционное обучение.

Анализируя техническую оснащенность дистанционного образовательного процесса в СПО, стоит еще раз акцентировать внимание на ключевой особенности среднего профессионального образования, а именно его практикоориентированность. С учетом деятельностно-компетентностного подхода, который доминирует при реализации программ среднего профессионального образования, отмечается, что процесс обучения в СПО должен сопровождаться приобретением не только знаний, умений, навыков, но и опыта практической деятельности, что становится зачастую невозможным в условиях дистанционного обучения. Закрепление теоретического материала часто связано с работой на конкретном оборудовании, программном обеспечении и в конкретных производственных условиях, которые создать в домашних условиях невозможно. Даже в тех случаях, когда речь идет о программном обеспечении при наличии компьютерной техники, следует учитывать, что для некоторых ПО требуются определенные характеристики техники, на которую она устанавливается, и они зачастую не присутствуют на домашних компьютерах обучающихся. Более того, работа с таким ПО требует вовлеченности и контроля со стороны преподавателя.

Обучающиеся по образовательным программам, где получаемая профессия/специальность связана с работой на компьютерной технике (Информационные системы, Экономика и бухгалтерский учет, Земельно-имущественные отношения, Операционная деятельность в логистике), в большей степени отмечают удобство перехода на дистанционное обучение, нежели обучающиеся по образовательным программам, где обучение связано с работой на сложной технике (Машинист крана, Повар, Механизация сельского хозяйства). При этом 43,8% обучающихся отмечают одним из основных недостатков дистанционного обучения отсутствие возможности отрабатывать получаемые знания и навыки на реальном оборудовании в мастерских и лабораториях образовательного учреждения. При том, что это является одним из основных условий качества получаемого образования, несоответствие технических условий ставит под вопрос достижение образовательных целей.

Стоит также обратить внимание при анализе трансформации организационных условий реализации программ СПО в «дистанте» на изменение графиков учебного процесса. В период срочного перехода на дистанционное обучение образовательным организациям пришлось менять графики учебного процесса с учетом санитарно-эпидемиологических ограничений. И если в самом начале пандемии эти изменения носили временный характер (перенос практических занятий на неделю/две недели, изменение дат начала и окончания учебных и производственных практик), то через месяц

после введения режима самоизоляции возникла необходимость кардинально изменить графики учебного процесса с переносом практической части, учебных и производственных практик для невыпускных групп на следующий семестр, в то время как теоретические курсы, дисциплины, модули были перенесены в текущий семестр. Это повлекло за собой и трансформацию логики учебного плана: закономерность «теория-практика» была нарушена, теперь, освоив одну теорию, обучающиеся переходили к освоению новой теории, не закрепив знания и навыки на реальном оборудовании в рамках смоделированного учебного процесса.

Изменение организационных условий затронуло и вопрос определения форматов проведения занятий.

71,4% опрошенных обучающихся отмечают, что их занятия «проходили» следующим образом: «получение заданий в мессенджерах, выполнение заданий, направление фото-видео выполненных заданий преподавателю». 70,8% опрошенных преподавателей также отмечают данный формат. Таким образом, обучение на дистанте в СПО во многом стало сравнимо с самообучением, поскольку непосредственно поиск и освоение материала, решение задач по темам на основе освоенного материала являются обязанностью обучающихся. Преподаватель в данной модели выступает лишь в роли оценивающего результаты самообучения. При этом прямого взаимодействия – диалога – в рамках дистанционного обучения не устанавливается, либо его установление заключается в коммуникации относительно проверки выполненных заданий и определения новых. При этом стоит обратить внимание на то, что лишь 27,8% опрошенных указывают на проведение занятий в режиме видеотрансляций, тогда как 73,4% преподавателей отмечают использование ресурсов для видеотрансляций (Zoom, Skype и т. д.) – механизм, который ими применялся в условиях дистанционного обучения. Здесь наблюдается некоторое противоречие между ответами обучающихся и преподавателей, что можно объяснить следующим образом: часть преподавателей действительно использовали технологии видеоконференций, однако делали это не на постоянной основе, а лишь как дополнение к механизму «обучение через мессенджеры». Применение технологии видеотрансляций позволяет обеспечить обратную связь между участниками образовательного процесса, поскольку каждый имеет возможность задать вопрос любому участнику видеоконференции, включиться в дискуссию и т. д. – формат вебинара. Использование аудиовизуальных материалов обеспечивает высокий уровень запоминания, не исключая разнообразия видов деятельности, а также позволяет в полной мере обеспечить обратную связь с преподавателем, что в условиях безальтернативного дистанционного обучения является крайне важным.

То есть можно выделить еще одну проблему, возникшую при трансформации организационных условий дистанционного обучения в СПО в

период пандемии – низкий уровень использования технологий, обеспечивающих качественную обратную связь и формирование благоприятной информационно-образовательной среды.

Однако стоит отметить, что 41,1% опрошенных студентов отметили, что выполняют задание в личном кабинете на онлайн-платформах. Использование такого механизма играет важную роль в части целеполагания образовательного процесса: обучающийся в личном кабинете имеет возможность:

а) отследить образовательные задачи, которые перед ним ставит преподаватель;

б) продемонстрировать уровень проработки этих задач, выполняя задания по изучаемым темам;

в) проанализировать и отразить собственные достижения в рамках дисциплины в целом и конкретной темы в частности, отслеживая свой прогресс.

Безусловно, такой подход в сравнении с вариантом «обучение в мессенджерах» является более эффективным, поскольку предполагает более конкретную и прозрачную систему реализации образовательного процесса, а также с учетом применения различных интерактивных механизмов организации (размещение видеуроков по теме занятия, предложение различных заданий для выполнения, тестирование как механизм закрепления полученного материала) повышает уровень вовлеченности обучающихся в образовательный процесс, что, как уже отмечалось, является основополагающим при его качественной организации. Удобство в организации образовательного процесса на дистанте становится ключевым фактором, который влияет на успеваемость обучающихся, по их собственному мнению. Так, чем неудобнее обучающиеся определяют свое дистанционное обучение, тем ниже оценки они получают в процессе дистанционного обучения.

Рассматривая категории комфорта и дискомфорта дистанционного обучения в СПО в период пандемии в представлении преподавателей, отметим следующие моменты: 56,4% респондентов указывают в качестве преимущества дистанционного обучения возможность работать в спокойной обстановке, 34,9% отмечают возможность работать в своем ритме. При этом 16% преподавателей не выделяют никаких преимуществ у дистанционного обучения. В то же время при определении недостатков дистанционного обучения 50% преподавателей выделяют как недостаток отсутствие возможности непосредственно со студентами обсуждать тему занятий; видеть их реакцию; отвечать на вопросы, а 56,6% респондентов указывают на увеличение количества письменных работ обучающихся, требующих проверки. Исходя из ответов респондентов, можно сделать вывод, что, как и обучающиеся, преподаватели испытали дискомфорт в части трансформации организационных условий, таких как изменение

графиков учебного процесса, изменение привычных форматов взаимодействия. Дискомфорт проявлялся у преподавателей в том числе и в оценке временных затрат в условиях дистанционного обучения.

Для обучающихся трансформация организационных условий в период пандемии стала одним из основных факторов их оценки дистанционного обучения, а также готовности дальше продолжать обучаться на «дистанте». Например, 61,9% тех, кто так или иначе ощутил психологический комфорт в период дистанционного обучения, хотели бы продолжать обучение в том же режиме.

Таким образом, рассмотрев трансформацию организационных условий реализации образовательного процесса в период дистанционного обучения в пандемию, автор приходит к следующим выводам.

Организационные условия реализации образовательного процесса в системе среднего профессионального образования по прошествии года после перехода на безальтернативное дистанционное обучение претерпели значительные изменения. В большинстве случаев респонденты отмечают серьезные противоречия в организации, в частности в вопросах технического и технологического обеспечения учебного процесса, изменения учебных графиков и так далее. Несмотря на это стоит отметить использование различных инструментов, позволяющих нивелировать данный фактор, в том числе передачу компьютерной техники обучающимся и преподавателям, модемов для устойчивого интернет-соединения в отдаленных районах области, а при крайне неблагоприятных условиях – взаимодействие путем обмена письменными работами и заданиями. Безусловно, аспект технического оснащения значительно влияет на эффективность реализации образовательного процесса, поскольку от этого зависит степень вовлеченности всех участников образовательного процесса в его реализацию.

Отмечается серьезный перекосяк в сторону «обучения в мессенджерах», то есть тотальное сокращение роли преподавателя и перевод студентов в плоскость самоподготовки и самообучения, что вызывает дискомфорт у всех участников образовательного процесса, но является, по сути, компромиссом между полной «выключенностью» отдельных субъектов образовательных отношений из процесса и полноценным вовлечением их в образовательный процесс. Последнее стало невозможным ввиду технических и технологических трансформаций, которые произошли при переходе на дистанционное обучение [Казанцев, Мазуров, Пиманов 2021: 15].

Дистанционное обучение вызвало существенный дискомфорт как у обучающихся [Нуруллаева 2020: 45], так и у преподавателей именно с точки зрения организации, поскольку становятся очевидными низкий уровень коммуникации между участниками учебного процесса, невозможность отработки теоретических знаний на практике, увеличение

нагрузки и временных затрат, неготовность к смене привычных форматов взаимодействия.

Отсутствие полноценной возможности реализации практического обучения является существенной проблемой при формировании эффективных организационных условий, решение которой на данный момент не найдено. Однако, очевидно, что именно этот аспект является ключевым при оценке результативности образовательного процесса, в связи с чем при организации дистанционного обучения для обучающихся СПО необходимо учитывать особенности каждой образовательной программы в отдельности. Очевидна также потребность в конструировании адресных цифровых ресурсов, которые позволяют моделировать практические занятия в режиме онлайн. Это не станет полной заменой реальной практики, но позволит, некоторым образом, укрепить возможности дистанционного обучения в контексте цифровизации системы образования. При успешном сочетании данных технологий с реальной практической деятельностью очевидными становятся перспективы развития среднего профессионального образования с учетом permanently меняющихся условий.

Список источников

1. *Агафонова Н. Д., Нектаревская Ю. Б., Лопина Н. И., Лоскутова Л. Н.* О результативности методики дистанционного обучения первокурсников в контексте современных требований к познавательной деятельности // Вестник педагогических наук. 2021. № 2. С. 49-53.

2. *Бацуровская И. В., Самоиленко А. Н.* Технологии дистанционного обучения в системе высшего образования // Информация и образование: границы коммуникаций. 2011. № 3 (11). С. 229-230.

3. *Беликова А. П.* О некоторых тенденциях развития дистанционного образования в системе высшей школы России // Информация и образование: границы коммуникаций. 2011. № 3 (11). С. 213-216.

4. *Давлетова А. А., Алексеев О. А.* Дистанционное обучение // Достижения науки и образования. 2021. № 1 (73). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/distantcionnoe-obuchenie-2> (дата обращения: 17.02.2022).

5. *Казанцев С. Я., Мазуров И. Е., Пиманов А. К.* Организация дистанционного обучения в условиях пандемии // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-distantcionnogo-obucheniya-v-usloviyah-pandemii> (дата обращения: 23.02.2022).

6. *Нуруллаева А. И.* Влияние дистанционного обучения на самочувствие студентов во время пандемии // Скиф. 2020. № 5-1 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-distantcionnogo-obucheniya-na-samochuvstvie-studentov-vo-vremya-pandemii> (дата обращения: 25.02.2022).

7. *Радыгина Е. Г.* Построение эффективной модели дистанционного обучения // Концепт. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postroenie-effektivnoy-modeli-organizatsii-distantcionnogo-obucheniya> (дата обращения: 25.02.2022).

8. *Смирнова В. А.* Особенности формирования современных информационно-образовательных сред // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 6.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-sovremennyh-informatsionno-obrazovatelnyh-sred> (дата обращения: 17.02.2022).

9. *Choma A., Kowalczyk D., Sielicka E.* Challenges arising from studying in higher education in remote mode // Евразийский союз ученых. 2020. № 9-4 (78). P. 18-22.

10. *Garrison R.* Theoretical challenges for distance education in the 21st century: A shift from structural to transactional issues // International Review of Research in Open and Distance Learning. 2000. № 1 (1). P. 3-15.

11. *Sewart D.* Mass Higher Education: Where are We Going? // Ortner G. E., Graff K. and Wilmersdoerfer H. Distance Education as two-way communication. Essays in Honour of Börje Holmberg. Frankfurt am Main, Berlin, Berne, New York, Paris, Vienna, 1987. P. 176.

Мищенко А. С.,
эксперт, Общественная организация
«Непрерывное образование для всех»,
Mischenko-al@yandex.ru

ПЕДАГОГ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЛИЦЕЕВ И КОЛЛЕДЖЕЙ КАК СПЕЦИАЛИСТ XXI ВЕКА: ДЕСЯТЬ ЛЕТ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. В работе исследуется ряд вопросов, касающихся формирования педагогов российских профессиональных лицеев и колледжей в качестве специалистов XXI века. Исследование проходило в течение десяти лет, с 2008 по 2017 гг. Объектом экспериментального исследования выступали свыше 1 200 педагогов профессиональных лицеев и колледжей Ленинградской области и Санкт-Петербурга. В нем были изучены культурные и профессионалогические предпосылки формирования педагогов лицеев и колледжей в качестве специалистов XXI века, а также ряд характеристик, выражающих их междисциплинарную подготовку как акторов образовательного процесса.

Ключевые слова: педагоги; педагогическая деятельность; профессиональные лицеи; профессиональные колледжи; историко-культурные предпосылки; гуманитарные предпосылки; профессионалогические предпосылки

Mishchenko A. S.,
Expert, Public Association “Lifelong Education for All”,
Mischenko-al@yandex.ru

TEACHER OF PROFESSIONAL LYCEUMS AND COLLEGES AS A SPECIALIST OF THE XXI CENTURY: TEN YEARS OF RESEARCH

Abstract. The paper examines a number of issues related to the formation of teachers of Russian professional lyceums and colleges as specialists of the XXI century. The study took place for ten years, from 2008 to 2017. The object of experimental research was more than 1 200 teachers of professional lyceums and colleges of the Leningrad region and St. Petersburg. It examined the cultural and occupational prerequisites for the formation of teachers of lyceums and colleges as specialists of the XXI century, as well as a number of characteristics expressing their interdisciplinary training as actors of the educational process.

Keywords: teachers; pedagogical activity; professional lyceums; professional colleges; historical and cultural background; humanitarian background; professional background

Актуальность исследования. На исследование педагогов профессиональных лицеев и колледжей автора подвигли несколько обстоятельств. *Первое обстоятельство.* Мы исходили из того, что современная государственная политика в области профессионального образования молодежи все больше и больше вынуждена сопрягаться с повышением качества ее человеческого капитала – с подлинным двигателем будущего развития материального и нематериального производства. *Второе обстоя-*

тельство. В этих условиях деятельность образовательных организаций профессионально-технической направленности должна обеспечивать потребности работодателей в молодых специалистах максимально высокой квалификации. Учреждения среднего профессионального образования, став неотъемлемым компонентом деятельности предприятий и организаций, все более и более должны будут способствовать переходу отечественного производства на продвинутое технологические и организационные уклады. Повышение качества деятельности и профессионализма педагогов также будет способствовать реализации заинтересованности отечественного бизнеса в повышенной отдаче своей хозяйственной деятельности [Мегатренды мирового развития 2001: 16-17, 54-59; Бодрунов 2013: 12]. *Третье обстоятельство.* При достижении таких целей сами педагоги профессиональных лицеев и колледжей неизбежно превратятся в специалистов, отвечающих требованиям нового – XXI – века.

Объект и методы исследования. Основным объектом исследования выступали педагоги и мастера производственного обучения профессиональных лицеев и колледжей Ленинградской области и Санкт-Петербурга. Исследование охватывает десятилетний период (2008–2017 гг.). В нем участвовали свыше 1 200 респондентов. В самом исследовании, помимо автора доклада, принимали участие следующие научные сотрудники: В. И. Ключкин, А. В. Мартюшевский, Л. Г. Набиуллин, А. И. Скиба и А. В. Федоров. Для сбора фактических данных о деятельности и развитии педагогов профессиональных лицеев и колледжей нами использовались стандартные социологические методы исследования. Были разработаны две – дополняющие друг друга – многопрофильные социологические анкеты модульного типа. Каждая анкета включала в себя более 300 единичных индикаторов. Они позволяли достаточно полно рассмотреть педагогов лицеев и колледжей с точки зрения их личностных, профессиональных и гражданских качеств. Для обработки и научного анализа полученных нами результатов использовались статистические пакеты SPSS for Windows и Statistica for Windows.

Основные результаты исследования. Десятилетнее изучение педагогов профессиональных лицеев и колледжей позволило выделить базовые предпосылки, а также личностные, профессиональные и гражданские характеристики, необходимые и достаточные для их превращения в специалистов XXI века. В данном докладе, из-за его небольшого объема, вначале мы лишь кратко остановимся на гуманитарных сдвигах, произошедших в современном гражданском обществе; на исторически и культурно детерминированном погружении педагогов в интеграционные евроазиатские процессы; на динамике профессиональных компетенций педагогов лицеев и колледжей, определяемых современной эволюцией материального и нематериального производства; на предпосылках их превращения в специалистов XXI века. Затем мы рассмотрим ряд личностных и профессиональ-

ных характеристик преподавателей и мастеров производственного обучения, выражающих их междисциплинарную подготовку.

Гуманитарные сдвиги в современном гражданском обществе и погружение педагогов профессиональных лицеев и колледжей в интеграционные евроазиатские процессы. Здесь, как отмечает В. Н. Скворцов, необходимо опираться как минимум на три группы базовых предпосылок, способствующих превращению педагогов вообще (и среднего профессионального образования в частности) в специалистов XXI века [Скворцов 2011].

Во-первых, на становление институтов рыночной экономики, обеспечивающих динамичное обновление профессиональной культуры работников, включая и педагогический корпус лицеев и колледжей, переходы от статусных достаточно устойчивых социальных иерархий к мобильным структурам современного гражданского общества; от относительно замкнутых, монокультурных к открытым национальным и наднациональным, гражданским и политическим практикам его субъектов. Перечисленные феномены имплицитно порождают новые формы организации среднего профессионального образования молодежи, структурируют его связи с отечественным бизнесом и производством.

Во-вторых, на неуклонный рост интенсивности экономической жизни и профессиональной деятельности; на кардинальные изменения технологической, интеллектуальной и ценностно-смысловой ее насыщенности у экономических субъектов и акторов производственно-технического образования. Как подчеркивает российский экономист В. М. Симчера, с высокой долей вероятности можно ожидать, что человечество в предстоящее столетие в два-три раза повысит эффективность использования всех ресурсов, увеличит в десятки, а то и в сотни раз нынешние объемы совокупного общественного производства [Симчера 2006: 386]. Как мы полагаем, это неизбежно реформирует всю парадигматику современной и в особенности будущей подготовки педагогов среднего профессионального образования как специалистов XXI века.

В-третьих, на сдвиги и изменения в современном гражданском обществе России, произошедшие совсем недавно, на рубеже веков. Наступивший век, по мнению С. П. Ивановой, должен стать временем, когда образование молодежи должно базироваться на гуманистически ориентированном полисубъектном взаимодействии человека с окружающим миром и обществом [Иванова 2003: 10-60]. Нельзя не заметить, что в условиях динамичной (а для нашей страны поистине революционной) метаморфозы общества и всех его подсистем (образования в том числе) подспудно усиливается необходимость учета в реальной практике *неосознаваемого*, но интуитивно чувствуемого подтекста реальной жизни российских граждан, возрастает необходимость при принятии тем или иным педагогом важных решений в области обучения и воспитания молодежи, понимания им лишь

подразумеваемых, потенциальных смыслов современной жизни и деятельности своих коллег и учащихся, а они не лежат на поверхности, они – не очевидны, они – не вытекают напрямую из прошлого опыта средней профессиональной школы. Как заметил в свое время известный психолог В. Франкл, жизнь во второй половине XX века (после Второй мировой войны) не только максимально *убыстрилась* в пространстве и времени, но и стала более *плотной*, приобрела *многовекторность и многослойность* в личностном, профессиональном и нравственном смысле [Франкл 1990: 39]. Это – в новом веке – неизбежно должно привести к реальному повышению культуроцентричности общественного производства и среднего профессионального образования молодежи, в частности к усилению симфонизма в ее социализации, профессионализации и культурации; к превращению педагогов в творцов – инноваторов, в создателей новых учебных технологий и методов воспитания, в специалистов, способных чувствовать и предвидеть перспективы развития техники и технологий материального и нематериального производства, в личность, способную к рефлексии на ключевые культурологические, экономические и инженерно-технические темы современного общественного прогресса.

Превращение педагогов среднего профессионального образования в специалистов XXI века, помимо выше сказанного, в значительной мере детерминируется также и объединительными процессами национальных экономик стран, входящих в евроазиатскую ойкумену. Оно сопряжено с оставшимися историческими связями, с культурными и эдукационными сдвигами их жизнедеятельности. Данные феномены (через развитие профессиональной культуры педагогов лицеев и колледжей) в последнее тридцатилетие влияют на развитие среднего профессионального образования молодежи [Ежегодный доклад 2014: 9]. Они зиждутся на реализации определенных принципов интеграции и необходимости взаимопроникновения национальных систем среднего профессионального образования, на достижении странами евроазиатской ойкумены определенного наднационального единства в экономическом и хозяйственном устройстве, на трансверсализации содержания среднего профессионального образования молодежи, в частности [Колесников 2012: 4]; наконец, они зиждутся на достижении средним профессиональным образованием своей системной зрелости. Это позволяет учреждениям среднего профессионального образования институализировать механизмы обновления их человеческого капитала, включая гармонизацию его национальных и наднациональных компонентов на всей территории евроазиатской ойкумены [Мищенко 2016].

Перечисленные позиции предполагают, что развитие среднего профессионального образования и его педагогов в наступившем столетии должно опираться на формирование у них компетенций, позволяющих им формировать духовный мир своих учащихся не только как акторов

учебной деятельности, но и как субъектов иных жизненных процессов. Это позволяет уменьшить перекосы в соотношении прагматического и ценностного аспектов образования вообще и профессиональной подготовки молодых специалистов в частности. Опираясь на перечисленные выше аспекты развития среднего профессионального образования и его акторов, необходимо более целенаправленно и активно усиливать его со-бытийный эффект за счет насыщения профессиональной подготовки молодежи культурными и ценностными, нравственными компонентами. Для этого требуется существенным образом изменить гражданские и социальные, профессиональные и поведенческие приоритеты педагогов лицеев и колледжей, так или иначе влияющие на их поступки и идеалы; более результативно воздействовать на рост их личностного, профессионального и нравственного потенциала.

Профессиологическая динамика современного производства и превращение педагогов среднего профессионального образования в междисциплинарно подготовленных специалистов. Становление педагогов среднего профессионального образования как специалистов XXI века детерминировано также и фундаментальными метаморфозами профессионального сегмента современного материального и нематериального производства. Это касается не только профессий, но и социально-экономического статуса многих видов производственной деятельности, самого человека как субъекта различных предметных промышленных и непромышленных областей жизни общества. Педагоги среднего профессионального образования, чтобы отвечать вызовам текущего столетия, должны уметь эффективным образом содействовать генезису современного молодого человека как личности, профессионала и гражданина. Понимать, что здесь зависит от процессов макроэволюции материального и нематериального производства, что – от локальной организации учебного и воспитательного процесса в конкретном лицее и колледже; что – от совершенствования, например, материального стимулирования и поощрения качественного труда педагогов; что – от их профессиональной подготовки и внутренней мотивации, а что – от обычного желания учиться самих учащихся – будущих специалистов высокой квалификации. Естественно, что важнейшую роль здесь должны играть процессы, связанные с формированием нового по своему качеству творческого потенциала педагогов профессиональных лицеев и колледжей. Он должен позволить педагогам лицеев и колледжей понять и связать в единый узел уже известные методы и приемы воспитания молодежи с новыми формами их трудового поведения, с их профессиональным включением в рыночно устроенное материальное и нематериальное производство, в другие сферы жизни общества. Здесь обновленные инструменты (методы обучения и приемы воспитания молодежи) должны быть понятны педагогам как с точки зрения

истории и экономики, так и с точки зрения их нового дидактического содержания [Мищенко 2021].

В текущем столетии преподаватели и мастера производственного обучения как междисциплинарно подготовленные специалисты должны овладеть в равной степени компетенциями в естественных и гуманитарных областях знания [Бушковская 2010]. Это означает, что в ближайшем будущем на место слабо стыкующихся явлений учебных и воспитательных процессов сложной многоликой образовательной системы профессиональных лицеев и колледжей должны прийти практики интегрирования педагогики с другими научными дисциплинами – философией и социологией, психологией и физиологией, техническими и эргономическими науками и т. д. Профессиональная педагогика и профессиональное образование должны стать *особой эдукационной политеорией* [Беляева 2003]. Она должна олицетворять собой результат фундаментальных изысканий в области междисциплинарного взаимодействия педагогической науки с другими сферами познания и деятельности человека как субъекта учебно-воспитательной сферы. Каждая из названных наук (в сравнении с ее современным состоянием) должна в ближайшем будущем занять свое место в широкой системе междисциплинарно интегрированного педагогического знания. Данный синтез должен органично обогатить развитие образовательных объектов новыми принципами и закономерностями. Относительная замкнутость педагогической науки на себя в эпоху былой широко распространенной дифференциации различных профессиональных практик непременно сменится онтологической, гностической и методической их интеграцией. В основе этих процессов будут находиться механизмы формирования междисциплинарно объемной, процессуально гибкой и мобильной подготовки современных специалистов (а значит и педагогов). Вполне ясно, что инновационный потенциал такого специалиста (педагога в том числе) станет ведущим компонентом в его обновленной общей и профессиональной культуре. Последняя же должна зиждиться на новой системе ценностей педагога – специалиста XXI века.

Возникновение потребности в междисциплинарно компетентном педагоге, будучи исторически укоренено в фундаментальных метаморфозах последних десятилетий XX века, не менее этого сопряжено и с психолого-ментальными изменениями в образовательных процессах, тесно связанных с общественным и технологическим прогрессом (с законами рыночной экономики и современной динамикой различных видов производительного труда). Научный анализ синтеза и переплетения объективных и ментальных характеристик современного общества, по нашему мнению, позволяет подчеркнуть, что сам по себе технический прогресс не только обогащает труд и жизнь человека искусственной средой обитания, но и одновременно с этим усложняет их содержание, расширяет число связей и контактов человека с миром, отчасти «релятивирует» гра-

ни добра и зла, превращает глубинное и потому вдумчивое личностное общение людей в поверхностное, «виртуально опосредованное» тусование [Скворцов 2011]. Для современного человека (учащегося, педагога и т. д.) это оборачивается потерей глубины, прочности и многомерности его реальной жизненной практики. Современное воздействие искусственной среды (знаков и символов, цифровизации) на жизнь общества, ее усиленное влияние на опосредованность взаимоотношений между людьми в определенной степени сужают сферу непосредственного личного общения, затрудняют приобретение живого эмоционального опыта, создают возможности для распространения инструментальности и излишнего практицизма в общении между субъектами образовательного процесса. Это еще больше требует и обуславливает (с «внешней» и «внутренней стороны» современных общественных изменений) необходимость ускорения перехода к подготовке междисциплинарно образованных педагогов на принципах синтеза их культуры и профессии.

По нашему мнению, междисциплинарный синтез в подготовке педагогов лицеев и колледжей может стать успешным, если в нем органически пересекутся философско-исторические и культурологические, социальные и психолого-педагогические компоненты наших знаний о мире, обществе и человеке как предмете воспитания. В частности, подходя к становлению профессионального потенциала педагога с философской и исторической точки зрения, мы сможем включить в систему его подготовки самые глубокие онтологические основания существования современного общества. С исторической точки зрения при организации междисциплинарной подготовки педагогов возникает возможность показать им всю сложность возникновения и становления профессии, которой они обучают молодежь, ее изменение в ходе сложной эволюции потребностей той или иной социальной общности людей в их определенном трудовом жизнеустройстве и т. д. Рассматривая профессиональный потенциал педагогов лицей и колледжа через призму культурологии и экономики, социологии и психологии и т. д., мы можем более предметно выразить их этнические, специальные и личностные качества, их способность выстраивать целую гамму социально-экономических и профессиональных моделей поведения в образовательном процессе, отвечающих общественным требованиям, интересам и мотивам, которые свойственны новому столетию. Помимо этого, перечисленные характеристики, образуя особые «силовые линии» формирования профессионального потенциала педагогов, позволяют комплексно рассмотреть их влияние и на ценностные основы жизнедеятельности учащейся молодежи.

Подготовка педагогов, ее философичность, историчность, экономические основания, а также ее психологические паттерны, как показывают наши исследования, должны выражаться в постоянном возрастании роли дисциплин, аспектов и нюансов, формирующих духовную культуру и

нравственность преподавателей и мастеров производственного обучения, в насыщении образовательных дисциплин социально значимыми и ценностными элементами. Это позволит педагогам в процессе своей профессиональной деятельности научиться «особой логике диалога» – овладеть новыми гуманитарными компетенциями – понять сущность и новизну философии двадцать первого века [Библер 1990]. Ведь диалогические навыки всегда сопряжены с умением слушать и воспринимать сложную динамичную информацию, с навыками работы в условиях «двуединого прогресса сознания современного человека» [Лотман 1992: 228-229], с конструктивными беседами педагогов и учащихся в сложных учебных и воспитательных ситуациях. Только через инновации и творческое отношение к делу; через эффективное разрешение возникающих в учебном и воспитательном процессе проблем; через выстраивание человеческих отношений и связей между субъектами эдукационного процесса; через непрерывное развитие своих качеств и квалификации; через формирование и воспитание в себе базовых установок на надежность и честность, на здравомыслие и последовательность, на инициативность и лидерство, на волю и коммуникативность преподаватели и мастера производственного обучения смогут стать незаменимым звеном развития своих образовательных учреждений.

Для эффективного осуществления данных процедур необходимо опираться на вполне определенные междисциплинарные аспекты развития современной науки вообще [Кедров 1983: 182] и педагогической деятельности в частности. Во-первых, *на законы формирования смежных научных дисциплин*: от координации наук к их субординации; от изолированности и замкнутости наук к их взаимодействию; от субъективности к объективности и субстратности обоснования междисциплинарных связей наук; от моноаспектного развития наук к их комплексному и многомерному взаимопроникновению; от дифференциации наук к их интеграции, от множественности промежуточных наук к единой науке. Во-вторых, *на категориальный междисциплинарный синтез*. Междисциплинарность педагогической деятельности и подготовки преподавателей и мастеров производственного обучения должна реализоваться, прежде всего, через категориальный синтез более высокого уровня, не только внутри гуманитарной и естественно-научной сферы, но и на их пересечении. Говоря о категориальном синтезе, на наш взгляд, необходимо иметь в виду интеграцию трансверсального состояния (сейчас и здесь) с трансторическими паттернами (от «сейчас» к «прошлому» и от него к «будущему») профессиональной культуры педагогов лицеев и колледжей. В этом случае можно преодолеть размытость границ и смыслов современной социальной жизнедеятельности людей и выработать приемы гуманитарно продуманной интеграции всей истории и культуры России в новых смыслах и ценностных ориентирах профессионального развития и воспитания новых поколений молодых россиян. В-третьих, *на методный междисци-*

плинарный синтез. Методный междисциплинарный синтез в подготовке педагогов профессиональных лицеев и колледжей есть важнейшая стержневая форма взаимопроникновения педагогики и социологии, педагогики и культурологии и т. д. На заре своего развития социология широко заимствовала методы психологии и математической статистики. Сейчас статистические и социологические методы широко используются в педагогических исследованиях и аналитической практике продвинутого учительства (построение выборки, оценка достоверности их результатов, так как они носят выборочный характер, не охватывают всю генеральную совокупность изучаемых объектов и т. д.). В условиях модернизации педагогического образования данная междисциплинарная компонента должна стать фундаментом для выработки новых способов и средств интенсификации не только подготовки будущих преподавателей и мастеров производственного обучения, но и их последующей учебно-воспитательной практики внутри лицея или колледжа. В-четвертых, *на прикладной характер междисциплинарного синтеза.* Сфера действия компонентов, положенных в основание междисциплинарного синтеза, должна охватывать весь процесс учебно-воспитательной деятельности педагогов. С педагогической точки зрения центральное место в ее содержании должен занимать комплекс дидактических и методических требований, относящихся к формированию ими профессиональных знаний, умений и компетенций учащейся молодежи: с социальной, экономической и профессиологической точки зрения междисциплинарные компоненты такой деятельности педагогов должны вытекать из будущего производительного труда учащихся. Производительный труд как категория позволяет системно раскрыть взаимозависимости образовательных институтов и основных факторов развития современного материального и нематериального производства, синтезировать в едином терминологическом пространстве культурологические, социологические, психологические и педагогические понятия, деятельно представить междисциплинарный характер подготовки современных преподавателей и мастеров производственного обучения, выявить и проработать систему целевых и ценностных компонентов их деятельности.

Выводы исследования. Завершая доклад, отметим еще несколько итоговых позиций.

Наше десятилетнее исследование показывает, что нацеленная в будущее подготовка педагогов профессиональных лицеев и колледжей должна опираться на принципы, которые детерминируются не только внутренними экономическими и социальными преобразованиями в нашей стране, но и многообразными внешними тенденциями и факторами ее развития. При этом внешний контекст такого развития обязательно должен включать в себя момент его сопряженности с экономическими, социальными и научно-техническими процессами совершенствования

мирового и отечественного производственно-технического образования. Принципы такого взаимодействия позволяют отечественной системе лицеев и колледжей опираться на различные национальные и наднациональные нормы, ценности и традиции, осознать их преподавателям свое место в современном контексте такого межкультурного взаимодействия. С точки зрения развития институтов материального и нематериального производства должны быть предприняты усилия по расширению их модернизационных возможностей. Пока наше производство, после 90-х годов, для кого – лихих, для кого – «святых», нуждается в обычном достижении прежних дореформенных производственных позиций и личностного потенциала (но с обновленной внутренней философией его действия). Трудность решения данной проблемы, с одной стороны, обусловлена тем, что пока лишь некоторые наши предприятия достигли классических стандартов современного менеджмента, с другой стороны, иные отечественные организации по своему личностному потенциалу пока не отвечают таким перспективам и требованиям к развитию отечественной экономики в XXI веке. Они лишь выводят нас, так сказать, на стационарную орбиту догоняющей хозяйственной эволюции.

Разорвать дурную бесконечность такого развития (питающего по старинке действующее взаимодействие средней профессиональной школы и работодателей) можно, если мы сумеем выйти на качественно новые уровни технико-гуманитарных соотношений в производстве и воспроизводстве национального богатства страны и прежде всего ее личностного потенциала. С одной стороны, это должно выразиться в движении капитала из сырьевых, перерабатывающих первичное сырье отраслей в наукоемкие секторы экономики; в институциональных и структурных преобразованиях общественного производства; в появлении высокотехнологичного машиностроения и увеличении его финансирования как по линии государственного заказа и федеральных целевых программ, так и за счет привлечения капиталов частных инвесторов, преимущественно за счет внутренних отечественных резервов. С другой стороны, в личностном человеческом потенциале – результате деятельности профессиональных лицеев и колледжей: на смену обычным работникам должны прийти специалисты с иным, более высоким личностным этосом профессионального и трудового поведения. Они как субъекты новой профессиональной культуры, соответствующей нормам XXI века, должны проявлять, помимо разнообразных специальных компетенций, инициативу и творчество, отвечать современным принципам динамичного и гибкого производства [Ядов 2006: 29-30]. Для этого в ближайшие годы учреждениям среднего профессионального образования придется искать новые точки, механизмы и формы роста, позволяющие вывести специальное образование молодежи на качественно иной уровень своего развития. Подчиняясь законам обратной связи, эти процессы дадут им возможность более активно

участвовать в модернизации сложных технико-гуманитарных отношений уже внутри производства, тем самым способствовать изменениям структурных пропорций накопления национального богатства нашей страны, в том числе и человеческого капитала. Последнее неизбежно должно выразиться в изменении самого характера деятельности педагогов как специалистов XXI века.

Подключение междисциплинарного подхода к подготовке педагогов профессиональных лицеев и колледжей позволяет им более многогранно выполнить свои важнейшие функции в отношении общества, а обществу – в отношении учреждений среднего специального образования: осуществлять трансляцию культуры, общественных и социально-профессиональных отношений в образовательную среду, с одной стороны, и передачу содержательных сигналов о жизнедеятельности педагогического сообщества всему социуму, с другой стороны. Собственно, такая подготовка педагогов наиболее полно может быть обеспечена через взаимодействие различных наук; через перенос идей и методов из одной науки в другую; через исследование развития педагогической реальности как сложной системы внутридисциплинарных и междисциплинарных взаимодействий; через междисциплинарное обогащение педагогической практики, обучения, воспитания и развития учащихся их педагогами. Наконец, междисциплинарный синтез педагогики, социологии, культурологии, других научных и учебных дисциплин при подготовке педагогов, а также исследование данного процесса (при рассмотрении вопросов образования, воспитания и развития личности в качестве фундаментальных оснований ее самоопределения) позволят достичь педагогам лицеев и колледжей определенного симфонизма культурации, социализации и профессионализации учащейся молодежи.

Список источников

1. *Беляева А. П.* Политеория профессиональной педагогики и профессионального образования. СПб.: Ин-т профессионально-технического образования РАО, 2003. 448 с.

2. *Библер С. Б.* От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1990. 413 с.

3. *Бодрунов С. Д.* Реиндустриализация российской экономики – возможности, ориентиры, императивы, ограничения, риски. СПб., 2013. 37 с. Серия «Модернизация промышленности» Института нового индустриального развития (ИНИР).

4. *Бушковская Е. А.* Феномен междисциплинарности в зарубежных исследованиях // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 330. С. 152-155.

5. Ежегодный доклад интеграционного клуба при председателе Совета Федерации за 2013 год. М.: Изд-во Совета Федерации Российской Федерации, 2014. 91 с.

6. *Иванова С. П.* Учитель XXI века: ноопсихологический подход к анализу профессионально-личностной готовности к педагогической деятельности. Псков: ПГПИ им. С. М. Кирова, 2002. 228 с.

7. *Кедров Б. М.* Беседы о диалектике: Шестидневные философские диалоги во время путешествия. М.: Мол. гвардия, 1983. 239 с.

8. *Колесников А. С.* Компаративная педагогика и культура // Кросс-культурный подход в науке и образовании: материалы ежегодного международного семинара. Выпуск 7. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2012. С. 3-12.

9. *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. М.: Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992. 272 с.

10. Мегатренды мирового развития / отв. ред. М. В. Ильин, В. Л. Иноземцев. М.: Издательство «Экономика», 2001. 295 с.

11. *Мищенко А. С.* Наднациональные культурные компетенции российских граждан как основа взаимодействия России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР: материалы Второй Всерос. научно-практ. конф. с междунар. участием, Владивосток, 7–8 декабря 2016 г. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. С. 662-664.

12. *Мищенко А. С.* Евразийское образовательное пространство: гуманитаризация и наднациональная трансверсализация как принципы его развития // Universe of university: сборник материалов Международной научной интернет-конференции / отв. ред. Т. Е. Зерчанинова, М. Б. Ворошилова. Екатеринбург: РАНХиГС, 2021. С. 186-189.

13. *Симчера В. М.* Развитие экономики России за 100 лет: 1900–2000. Исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы. М.: Наука, 2007. 683 с.

14. *Скворцов В. Н.* Формирование личности XXI века: о европейской доминанте развития современного российского образования // Образование через всю жизнь: Непрерывное образование в интересах устойчивого развития: тр. междунар. сотрудничества. Вып. 9 / сост. Н. А. Лобанов; под науч. ред. Н. А. Лобанова и В. Н. Скворцова; ЛГУ им. А. С. Пушкина, НИИ соц.-экон. и пед. пробл. непрерыв. образования. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2011. С. 16-28.

15. *Франкл В.* Человек в поисках смысла: сборник: пер. с англ. и нем. / общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева; вст. ст. Д. А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

16. *Ядов В. А.* Проблемы российских трансформаций. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. 52 с.

Остапченко Галия Сахитулловна,
старший преподаватель кафедры иностранных языков,
Тюменский индустриальный университет,
gostapchenko@mail.ru

ЭЛЕКТРОННОЕ ИЛИ ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ?

Аннотация. В статье анализируется возникновение ключевых проблем, связанных с переводом вузов на удаленный режим работы. Большинство университетов осуществляли свою деятельность с помощью электронных образовательных технологий, использование которых всегда имело положительный результат. Принимая во внимание безграничные ресурсы технологий электронного обучения, таких как мотивация к учебе и творчеству, предоставление большого выбора подачи учебного материала и интерактивное общение всех акторов образовательного процесса, обилие средств и методов обучения, которые могут повысить качество образования, возникает вопрос: почему преподаватели и студенты отнеслись отрицательно к переходу на данный формат? Автор исследования предполагает, что кризис сопротивления и отрицательных реакций объясняется недостаточностью понимания терминов «электронное обучение» и «дистанционное обучение», а в частности подменной понятий. *Цель* – выявить подмену понятий «электронное обучение» на «дистанционное обучение». *Материал и методы.* Работа проведена на основе исследования контент-анализа публикаций на русском языке, связанных с возникшими трудностями в образовательном процессе вуза во время пандемии COVID-19. Также был проведен сравнительный анализ техник «дистанционного» и «электронного обучения». *Результаты и научная новизна.* Выводы, сделанные в статье, могут быть применены при корректировке систем управления вузами, при разработке рабочих программ и для преодоления кризиса, вызванного COVID-19.

Ключевые слова: электронное обучение; дистанционное обучение; формы обучения; информационно-коммуникационные технологии; информатизация образования; информационная образовательная среда; высшие учебные заведения; студенты; преподаватели; пандемия; COVID-19; коронавирус; образовательный процесс

Ostapchenko Galiya Sachitullova,
Senior Lecturer of Foreign Languages Department,
Industrial University of Tyumen,
gostapchenko@mail.ru

E-LEARNING OR DISTANCE LEARNING?

Abstract. The article analyzes the emergence of key problems related to the transfer of universities to remote operation. Most of them carried out their activities using electronic educational technologies, the use of which has always had a positive effect. Considering the limitless resources of e-learning technologies, such as motivation to study and creativity, the provision of a large choice of teaching material and interactive communication of all actors in the educational process, the abundance of teaching tools and methods that can improve the quality of education, the question arises why teachers and students reacted negatively to the transition to e-learning? The author of the study suggests that the crisis of resistance and negative reactions is explained by a lack of understanding of the terms

“e-learning” and “distance learning” and in particular by the substitution of concepts. *The aim* is to identify the substitution of the concepts of “e-learning” for “distance learning”. Practical application. Scientific novelty. The conclusions made in the article can be applied when adjusting the management systems of universities, when developing work programs and to overcome the crisis caused by COVID-19. *Material and methods.* Work is carried out on the basis of a research content analysis of the publications in Russian connected with the arisen difficulties in educational process of higher education institution during COVID-19 pandemic. A comparative analysis of remote and electro techniques was also conducted. *Results and scientific novelty.* The conclusions made in the article can be applied when adjusting the management systems of universities, when developing work programs and to overcome the crisis caused by COVID-19.

Keywords: e-learning; distance learning; forms of education; information and communication technologies; informatization of education; information educational environment; higher educational institutions; students; teachers; pandemic; COVID-19; coronavirus; educational process

Введение. Эпидемия Covid-19 внезапно и коренным образом поменяла наш уклад жизни, способ организации работы и взаимодействия друг с другом. Не остались в стороне и высшие учебные заведения, которые были вынуждены закрыть свои двери. 8 мая 2020 года правительством РФ был издан приказ о работе высших школ в период ограничительных мер, в котором говорилось о способе передачи образовательных программ: «...с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий». Но большинство участников образовательного процесса восприняли информацию как «переход на дистант».

Дискуссии о внедрении дистанционных технологий в образовательный процесс ведутся давно, и в большинстве случаев имеется положительный опыт их использования. Но в период карантинных мер возник прямо противоположный эффект – внедрение данных технологий, с их существенными преимуществами и возможностями, вызвало негативную реакцию у многих участников образовательного процесса [Нарбут, Алешковский, Гаспаришвили, Крухмалева 2020: 615-617].

Автор исследования предполагает, что кризис сопротивления и возникновение ключевых проблем вызваны недостаточностью понимания терминов «электронное образование», «дистанционное образование», а в частности подменой их понятий.

Цель – выявить подмену понятий «электронное обучение» на «дистанционное обучение» во время карантинных мер, связанных с пандемией COVID-19.

Задачи исследования:

1. Проанализировать исследования по проблемам перехода вузов на удаленный режим в период пандемии COVID-19.
2. Изучить сущность и принцип понятия «дистанционное» и «электронное обучение».

Методология. На сегодняшний день в Федеральном законе № 273 «Об образовании в Российской Федерации» прописано только одно определение – «дистанционные образовательные технологии», а термина «дистанционное образование» нет. «Под “дистанционными образовательными технологиями” понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников» [Федеральный закон от 29.12.2012 № 273 «Об образовании в Российской Федерации» 2012: 16].

Содержание же термина «дистанционное обучение» часто может разниться. Например, одни авторы понимают его как «ступень заочного обучения» [Воробьева 2014: 146]. Другие считают, что это «технология дистанционного обучения» [Шаров 2009: 237]. Третьи рассматривают как «самостоятельную форму обучения» [Луковцева, Кривошеева 2018: 160].

Основа дистанционного обучения – установить интерактивное общение без прямого контакта между учениками и учителями и обеспечить самостоятельное овладение новой дисциплиной и ее учебной программой при запланированной информационной технологии [Водолад, Зайковская, Ковалева, Савельева 2010: 2].

Для того чтобы лучше понять сущность понятия дистанционного обучения, рассмотрим ряд его особенностей:

1. «Гибкость». Студент обучается самостоятельно, по своему расписанию и времени. Усвоение курса займет столько времени, сколько ему необходимо для достижения нужного уровня знаний по дисциплине.

2. «Модульный принцип». Это учебный формат, при котором каждая дисциплина изучается в течение отдельного времени. Кроме того, модульность позволяет приглашать к чтению курса ведущих ученых и преподавателей.

3. «Параллельность». Свободный график во времени дает возможность совмещать профессиональную деятельность с учебой.

4. «Охват». От одного и более участников.

5. «Экономическая эффективность дистанционного обучения».

6. «Обучающий персонал». Педагогический работник выполняет новые функции и роли.

7. «Обучающийся». Обязанности студента существенно отличаются от традиционных – самостоятельное изучение курса.

8. «Интернациональность». Предполагает участие студентов со всего мира [Водолад, Зайковская, Ковалева, Савельева 2010: 2]. Первостепенная функция данных образовательных технологий – обеспечить доступность обучения.

Исходя из особенностей «дистанционного обучения», можно выделить основные принципы:

- основывается на удаленном взаимодействии преподавателя и слушателя;
- самостоятельное обучение студента в усвоении учебной дисциплины по выбранному курсу;
- занятия реализуются на разных носителях информации – начиная от печатных, записанных видеолекций и заканчивая сетевыми;
- многие программы работают посредством переписки. Студент сдает задания после усвоения программы в удобное для него время;
- положительный результат дистанционного обучения нельзя достигнуть путем преобразования традиционных текстовых учебных материалов в компьютерные.

При этом основными свойствами такой формы обучения являются удаленное взаимодействие педагога и обучаемого и увеличение объема самостоятельной работы студента в процессе освоения дисциплины, а сама дистанционная форма рассматривается как вариант заочного обучения.

Электронное обучение. В законе «Об образовании в Российской Федерации» «под электронным обучением понимается организация образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников...». Соответственно, электронное обучение (e-learning) – это осуществление учебной деятельности в условиях территориальной удаленности с применением цифровых технологий и предоставление материала в электронном формате [Можаева 2013: 133]. Здесь меняется роль преподавателя – он становится автором курса и тьютором.

Некоторые ученые полагают, что электронное обучение – это разновидность дистанционного. Основной принцип обучения – использовать очевидный и общеобразовательный потенциал образования, разработать методы применения и тем самым предоставить возможность подготовить специалистов современного уровня. Оно рассматривается: «... как средство развития личностного и профессионального потенциала обучаемых» [Власова 2014: 47].

Smart гаджеты и сеть Интернет должны быть значительными элементами образовательного процесса [Можаева 2013: 133].

Результаты и обсуждение результатов исследования. На сегодняшний день имеется достаточное количество работ, содержащих опросы, мониторинг и анализы влияния пандемии COVID-19 на сектор образования. Большинство из них посвящены трудностям перехода вузов на дистанционный формат обучения, но перечень основных можно найти в аналитическом докладе по инициативе Минобрнауки «Высшее образова-

ние: уроки пандемии. Оперативные и стратегические меры по развитию системы».

Исходя из предоставленных результатов, можно выделить основные препятствия к переходу на «дистант»:

1. Трудности в организации учебного процесса:

- регламент составления и выполнения заданий;
- информация о новых правилах обучения в электронном формате;
- несвоевременная обратная связь со стороны преподавателей.

2. Отсутствие инструментов коммуникации.

3. Недостаточный уровень внутренней мотивации.

4. Ограниченное количество инструментов для контроля знаний – однотипность заданий.

5. Отсутствие опыта получения информации на слух.

Также в других источниках было отмечено, что материал для самостоятельного изучения увеличился в разы. Студенты жаловались на отсутствие доступа к необходимой литературе, возникли проблемы из-за недостаточных знаний в области использования информационных технологий.

Педагоги также высказали свое отрицательное мнение об онлайн-обучении. В первую очередь это связано с:

– тем, что с переходом на онлайн-формат участие студентов в семинарах и дискуссиях резко сократилось. (Трудности с интернетом мешали рабочей обстановке – студенты отвлекались и, возможно, даже занимались своими делами, что приводило к потерям функциональности обучения);

– большими затратами труда;

– отсутствием методических рекомендаций, охватывающих нехватку знаний и практики по включению онлайн-форматов и инструментов в реализацию образовательных курсов и программ;

– запросом на новую цифровую дидактику и методику работы [Нарбут, Алешковский, Гаспаришвили, Крухмалева 2020: 614].

Обобщая вышесказанное, можно предположить, что педагогический состав вузов воспринял приказ Правительства о переходе на «электронное обучение посредством дистанционных технологий» как «дистанционное образование» и вел образовательный процесс с помощью технологий, которые были хорошо известны, доступны и не предполагали освоения дополнительных навыков.

Использование электронного обучения требует совершенно нового подхода к образовательному процессу, который не может основываться на старых технологиях и методах обучения.

Итак, значимой и нерешенной (по меньшей мере на момент подготовки настоящей публикации) проблемой организации университетского образования в условиях пандемии коронавируса и глобальных ограничительных мер остается вопрос о форме ведения занятий.

Анализ литературы позволяет нам предположить, что нас ждет стремительная цифровизация большинства процессов. Уже сегодня в современном мире существуют различные формы электронного образования. Приведем наиболее распространенные:

1. Смешанное обучение – способ обучения, сочетающий традиционные уроки в классе с уроками, в которых используются компьютерные технологии и которые могут проводиться через Интернет.

2. Learning Communities – образовательные онлайн-объединения в определенной предметной области.

3. Content Sharing – предоставляют электронную передачу материала для обучения.

4. Massive Open Online Course (MOOC) – форма электронного обучения, включающая в себя учебный курс по предмету.

Следует отметить, что использование информационных технологий предъявляет новые требования к профессиональной квалификации преподавателей и сотрудников: они овладевают необходимыми знаниями, обогащают их личный опыт и практическое применение новейших технологий в учебном процессе.

Университетам, перешедшим на электронный формат обучения с использованием дистанционных технологий, также следует обратить внимание на недостатки в образовании и, учитывая особенности электронного образования, необходимо выполнить следующие требования:

- проработать цели и стандарты обучения;
- скорректировать показатели усвоения материала;
- иметь наличие ресурсов и технологий, помогающих пройти учебный материал в полном объеме без обращения к иным источникам информации и без привязки к местонахождению ученика. На практике это означает создание электронных библиотек;
- преподаватели и сотрудники должны полностью освоить использование информационных систем, задействованных в развитии учебного процесса;
- предоставить возможность интерактивной диалоговой связи;
- учитывать разницу при оценке качества обучения на расстоянии с применением ИКТ.

Таким образом, становится ясно, что вопрос неудовлетворенности учащихся учебным процессом связан не только с ограничениями передачи знаний, но и с отсутствием соответствующих методик, навыков и регламентирующих документов. Поэтому необходимо создавать новые дидактические материалы: учебники с приложениями в виде аудио- и видеосервисов, процесс создания которых необходим для приобретения практических и теоретических знаний и умения использовать новые информационные технологии.

Вывод. Обобщая данные, можно сделать вывод, что вынужденный переход вузов на удаленный режим работы показал наиболее слабые зве-

ня в методической, технологической и информационной работе, что привело к неверному применению техник обучения и терминологической путанице, которые отчасти стали причиной отрицательного опыта.

Список источников

1. Аналитический доклад «Высшее образование: уроки пандемии. Оперативные и стратегические меры по развитию системы» // Тюменский государственный университет [веб-сайт]. URL: https://www.tsu.ru/upload/iblock/аналитический%20доклад_для_МОН_итог2020_.pdf (дата обращения: 21.01.2022).

2. *Власова Е. З.* Электронное обучение в современном вузе: проблемы, перспективы и опыт использования // *Universum: Вестник Герценовского университета*. 2014. № 2. С. 43-49.

3. *Водолад С. Н., Зайковская М. П., Ковалева Т. В., Савельева Г. В.* Дистанционное обучение в вузе // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета [веб-сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/distsionnoe-obuchenie-v-vuze> (дата обращения: 20.02.2022).

4. *Воробьева Т. А.* К вопросу о понятии электронного обучения // Идеи и идеалы: [веб-сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-elektronno-obucheniya> (дата обращения: 03.02.2022).

5. *Закабунин А. В., Ферябков А. В.* Особенности формирования Электронно-библиотечной системы вуза // Профессиональное образование в современном мире. 2015. № 2 (17). С. 173-179.

6. *Луковцева В. Н., Кривошеева Е. Н.* Образование в высшей школе сегодня и завтра: дистанционное и онлайн обучение // Проблемы современного педагогического образования [веб-сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-v-vysshey-shkole-segodnya-i-zavtra-distsionnoe-i-onlayn-obuchenie> (дата обращения: 09.09.2021).

7. *Можяева Г. В.* Электронное обучение в вузе: современные тенденции развития // Гуманитарная информатика [веб-сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnoe-obuchenie-v-vuze-sovremennye-tendentsii-razvitiya> (дата обращения: 21.02.2022).

8. *Нарбут Н. П., Алешковский И. А., Гаспаривили А. Т., Крухмалева О. В.* Вынужденное дистанционное обучение как стимул технологических изменений высшей школы России // Вестник РУДН. Серия: Социология: [веб-сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vynuzhdennoe-distsionnoe-obuchenie-kak-stimul-tehnologicheskikh-izmeneniy-vysshey-shkoly-rossii> (дата обращения: 19.02.2022).

9. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 8 мая 2020 г. № 648 «О деятельности подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации организаций в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_352166/ (дата обращения: 30.12.2021).

10. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273 «Об образовании в Российской Федерации», ст. 16. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70291362/paragraph/261:0> (дата обращения: 30.12.2021).

11. *Шаров В. С.* Дистанционное обучение: форма, технология, средство // Известия РГПУ им. А. И. Герцена: [веб-сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/distsionnoe-obuchenie-forma-tehnologiya-sredstvo> (дата обращения: 02.09.2022).

Пашина Алёна Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков,
Тюменский индустриальный университет,
pashinaav@tyuiu.ru

ОПЫТ РАЗВИТИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ ВУЗАХ ДО 2020 ГОДА И В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация. В статье проведен анализ становления и развития дистанционного обучения в зарубежных вузах. Установлено, что до пандемии странами Европы и США был накоплен значительный опыт дистанционного обучения, разработана его методология, были выявлены его достоинства и недостатки. Всеобщее дистанционное обучение в период пандемии характеризуется как экстренное и неподготовленное. Большинство западных университетов и колледжей перешло на смешанную модель ведения занятий. Были созданы бесплатные библиотечные базы и образовательные каналы. Однако полностью предотвратить потерю качества образования не удалось. Автор рассматривает возможные перспективы трансформации высшей школы, связанные с дальнейшим развитием этого формата обучения.

Ключевые слова: дистанционное обучение; дистанционные образовательные технологии; формы обучения; информационно-коммуникационные технологии; информатизация образования; информационная образовательная среда; пандемия; COVID-19; коронавирус; образовательный процесс; высшие учебные заведения; учебная мотивация; жесткие навыки; гибкие навыки; зарубежные вузы

Pashina Alyona Vladimirovna,
Candidate of Philology, Associate Professor of Department
of Foreign Languages, Industrial University of Tyumen,
pashinaav@tyuiu.ru

EXPERIENCE IN THE DEVELOPMENT OF DISTANCE EDUCATION IN FOREIGN UNIVERSITIES UNTIL 2020 AND IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC

Abstract. The article analyzes the formation and development of distance learning in foreign universities. It was established that before the pandemic, the countries of Europe and the USA had accumulated considerable experience in distance learning, developed its methodology, and identified its advantages and disadvantages. Total distance learning during the pandemic is characterized as emergency and unprepared. Most Western universities and colleges have switched to a blended learning. Free library bases and educational channels were created. However, it was not possible to completely prevent the loss of the quality of education. The author considers the possible prospects for the transformation of higher education related to the further development of this format of education.

Keywords: distance learning; distance educational technologies; forms of education; information and communication technologies; informatization of education; information educational environment; pandemic; COVID-19; coronavirus; educational pro-

cess; higher educational institutions; learning motivation; hard skills; soft skills; foreign universities

В начале 2020 года в связи с пандемией COVID-19 во всем мире высшая школа была вынуждена перейти на удаленную форму организации образовательного процесса. Уникальность ситуации заключалась в том, что без какой-либо подготовки в кратчайшие сроки университет должен был или приостановить свою деятельность, или перейти на иной формат обучения. Большая часть западноевропейских и американских учебных учреждений в кратчайшие сроки перевели всю образовательную и административную деятельность в формат, предполагающий тотальное использование дистанционных цифровых технологий.

Следует отметить, что термин «дистанционное образование» (distance education), обозначающий способ обучения, основанный на использовании технологий, которые позволяют осуществлять взаимодействие между учеником и учителем, находящимися на существенном расстоянии друг от друга, в западном образовании появился задолго до пандемии. Согласно некоторым данным, дистанционное образование появилось в 1840 году, когда сэру Исааку Питману пришла в голову идея создать профессиональные курсы стенографии по переписке [Penedo, Pereira 2018]. Концепция оказалась настолько успешной, что в течение нескольких лет образовательные программы уже были доступны в Великобритании, Германии, США и Японии. В 1900 году в Чикагском университете появилось первое заочное отделение образования, а в 1911 году оно появилось в Австралии, в Университете Квинсленд, на факультете иностранных исследований. В США с 1926 года действует Комиссия по аккредитации дистанционного образования DEAC (Distance Education Accrediting Commission). Это было связано с тем, что в 1920 году только треть американского населения жила в городах с населением 100 000 и более человек; чтобы охватить остальных, необходимо было использовать методы переписки. В Австралии, с ее огромными расстояниями, в 1911 Университет Квинсленда создал свой факультет заочного обучения [Ли 2022]. Международная конференция по заочному образованию провела свое первое заседание в 1938 году. Цель состояла в том, чтобы обеспечить индивидуальное образование для студентов по низкой цене, используя педагогику тестирования, записи, классификации и дифференциации. С тех пор организация была переименована в Международный совет по открытому и дистанционному образованию (ICDE) со штаб-квартирой в Осло. Международный совет по открытому и дистанционному образованию (ICDE) является ведущей глобальной организацией по открытому, дистанционному, гибкому и онлайн-образованию, включая электронное обучение, и привлекает своих членов из учреждений, органов образования, коммерческих субъектов и частных лиц [ICDE 2022].

По словам М. Бернс, дистанционное обучение всегда заключалось в предоставлении возможностей для обучения сообществам, которые исторически были исключены из формальных систем обучения – женщинам, религиозным и культурным меньшинствам, жителям постконфликтных районов или жителям отдаленных географических регионов. Речь всегда шла об использовании комбинаций доступных технологий – печатного станка, почты, грузовиков, судов, радио, телефона, компьютеров или оптоволоконных кабелей – для преодоления проблем географии, демографии, ресурсов и местности, чтобы предоставить знания и возможности тем, кто больше всего нуждается их. Речь всегда шла о внедрении инноваций – технических или методологических – для предложения новых методов и способов обучения, чтобы нетрадиционные учащиеся могли учиться способами, которые могут быть более полезными, чем те, которые предлагаются в традиционной школе. Речь всегда шла о расширении ограниченных возможностей обучения и предоставлении удобства обучения тем, кто не может – в силу своего возраста или профессии – воспользоваться преимуществами традиционного школьного образования [Бернс 2022].

Во второй половине XX века научно-технический прогресс приобретает взрывной характер: в короткие сроки возникают совершенно новые отрасли народного хозяйства, а часть традиционных отраслей кардинально изменяются или исчезают. Концепция непрерывного образования, впервые провозглашенная ЮНЕСКО в 1968 году, признает необходимость обучения и переобучения специалистов на протяжении всей жизни. При этом к организации обучения взрослых должны применяться жесткие временные рамки, поскольку образовательный процесс либо протекает одновременно с трудовой деятельностью, либо отрыв от нее предельно сжат по срокам [Зайцева 2009].

Спрос на ускоренное удаленное обучение очень быстро стал удовлетворяться образовательными учреждениями различного типа.

В конце 70-х годов Открытый университет (Open University), расположенный в Великобритании, инициировал этап развития дистанционного образования, в ходе которого студентам университета были отправлены учебные материалы, такие как тексты, аудио- и видеоматериалы, а также завершено изучение радио- и телевизионных передач. Кроме того, преподаватели проводили телефонные сеансы со своими учениками, чтобы обеспечить качественное обучение. В настоящее время Открытый университет – это крупнейшее академическое учреждение в Соединенном королевстве с филиалами в Европе и США и одно из крупнейших образовательных учреждений высшей школы в мире. В Соединенных Штатах первым дистанционным колледжем стал Эмпайр-стейт-колледж штата Нью-Йорк (NYSE) в 1971 году. NYSE стремился сделать высшее образование более доступным для студентов, которые не могли посещать занятия в университетских кампусах [Penedo, Pereira 2018].

В эти же годы на Западе растет интерес к обучению предпринимательству (entrepreneurship education) – по большей части дистанционному – как области бизнеса, направленной на инновации, действия которой выполняются конкретными лицами, которые стремятся определить средства для воплощения своих идей на практике путем определения возможностей [Penedo, Pereira 2018].

Некоторые учебные заведения предлагают самостоятельные программы, которые обеспечивают непрерывное зачисление, и продолжительность времени для завершения курса определяется временем, навыками и уровнем приверженности учащегося. Самостоятельные курсы почти всегда предлагаются асинхронно. Каждый способ доставки имеет свои преимущества и недостатки для студентов, преподавателей и учреждений.

А. Каплан и М. Хенлейн классифицируют дистанционное образование на четыре группы в соответствии с «зависимостью от времени» и «количеством участников»:

1. MOOCs (Massive Open Online Courses): открытый онлайн-курс, который допускает неограниченное (массовое) участие.

2. SPOCs (Small Private Online Courses): онлайн-курс, который предлагает только ограниченное количество мест и поэтому требует некоторой формы формального зачисления.

3. SMOCs (Synchronous Massive Online Courses): открытый онлайн-курс, который допускает неограниченное участие, но требует, чтобы студенты «присутствовали» одновременно (синхронно).

4. SSOCs (Synchronous Private Online Courses): онлайн-курс, который предлагает только ограниченное количество мест и требует, чтобы студенты «присутствовали» одновременно (синхронно) [Каплан, Хенлейн 2016: 140-50].

Преимущества и недостатки дистанционного обучения взрослого населения были очевидны уже к концу XX века.

Студенты к положительным сторонам такой организации учебного процесса относят:

- возможность устанавливать свой собственный гибкий график обучения, который можно совмещать с работой;

- сверхдоступность контента: содержание (обычно записанное на видео и аудио) доступно учащемуся для просмотра, когда это необходимо;

- доступность присоединения к различным категориям курсов, таким как выпускной, технические курсы, профессиональное и дополнительное обучение;

- низкую стоимость: вы можете найти на рынке предложения курсов различных уровней образования по гораздо более низким ценам по сравнению с ценами на традиционные аудиторные курсы.

Для университета дистанционное образование также имеет свои положительные стороны:

– более низкая стоимость: благодаря дистанционному образованию учебное заведение может охватить более широкую аудиторию студентов, используя те же или меньшие ресурсы, чем традиционные курсы, потому что на курсах обучается гораздо большее количество студентов, чем в обычных классах, что в конечном итоге приводит к снижению затрат учебного заведения;

– один урок (видео) предназначен для нескольких классов: в случае обычных занятий учитель должен вести один и тот же урок для разных классов в разное время;

– при дистанционном обучении учитель и репетитор записывают свои уроки в видеоформате, и учебное заведение предлагает эти видео учащимся;

– снижается потребность в специально оборудованном физическом пространстве, исчезает необходимость его лицензирования: поскольку занятия могут проводиться в виртуальной среде [Penedo, Pereira 2018].

Однако эффективность и дешевизна дистанционного образования была поставлена под сомнение еще в начале 2000-х. По словам доктора А. Ленн из Государственного университета Северной Каролины (США), администраторы образовательных учреждений вкладывают все свои ресурсы в дистанционное образование, чтобы контролировать общие институциональные затраты, однако такое отношение является рискованным. Из-за высокого износа оборудования и высокого процента отсева в этом режиме затраты на одного студента в конечном итоге оказываются такими же или даже больше, чем традиционные затраты на обучение. Согласно проведенным анализам, уровень отсева при дистанционном обучении достигает 35% учащихся, в то время как при традиционном обучении этот показатель составляет всего 20%. Если подсчитать все затраты на дистанционное образование, такие как затраты времени, опыта, необходимых технологий, то способ дистанционного обучения, будучи высококачественным, будет иметь ту же или более высокую стоимость на одного студента физической школы [Ленн 2004].

Среди недостатков дистанционного образования называют:

– качество самого образования;

– отношение учителей, которые не могут адаптироваться к методам преподавания, требуемым дистанционным образованием;

– необходимость жесткой самодисциплины обучаемых: чрезмерная гибкость графика при недостаточной самомотивации может представлять собой существенный недостаток;

– затрудненность в получении обратной связи [Penedo, Pereira 2018].

Также отсутствие непосредственной коллаборации между студентами, которая приводит к недостатку социализации и недостаточному развитию гибких навыков.

Результаты исследования студентов колледжа штата Вашингтон показали, что студенты дистанционного обучения, как правило, бросают учебу чаще, чем их традиционные коллеги, из-за трудностей в языке, управлении временем и навыках обучения. Студенты, которые сдавали онлайн курсовые работы в ранние сроки, также имели немного, но значительно меньше шансов вернуться в школу в последующие сроки, а студенты, которые брали более высокую долю кредитов онлайн, имели немного, но значительно меньше шансов получить образовательный грант или перейти в четырехлетнее учебное заведение. Напротив, студенты на гибридных курсах были похожи на студентов на очных курсах [Джаггарс 2022].

В период пандемии COVID-19 около 1,5 миллиарда учащихся – около 90% всех учащихся начальных, средних и высших учебных заведений в мире – перестали посещать учебные заведения очно [Плаксина, Манжосова, Иванов 2021].

Результаты опроса, проведенные комиссией ЮНЕСКО, показывают, что две трети вузов смогли перевести преподавание в онлайн, в то время как одна треть – нет. Затруднения в переходе на онлайн-обучение испытывали в первую очередь страны, страдающие от цифрового неравенства, – университеты, расположенные в Африке [UNESCO 2020].

Большинство учебных заведений столкнулись с внезапным и неподготовленным переходом на онлайн-обучение в ответ на необходимость продолжения преподавательской и учебной деятельности (emergency distance teaching and learning) [International Association of Universities 2020].

Вузы в Великобритании стали активно внедрять формат смешанного образования active blended learning (активное смешанное обучение). В отличие от традиционного дистанционного формата обучения, обладающего рядом существенных недостатков, перечисленных выше, формат blended learning обладает достоинствами, которые при корректном использовании делают его сопоставимым по качеству с очным обучением: лекции перенесены в онлайн-формат, семинары проводятся в очном режиме. Студенты сами выбирают время для учебных занятий и индивидуально выстраивают свою нагрузку. Необходимые библиотечные источники в вузах Великобритании предоставляются студентам в режиме онлайн. С целью обеспечения образовательными ресурсами весной 2020 года в Британии создан единый виртуальный образовательный центр – Oak National Academy. В центре собраны бесплатные материалы, ресурсы для преподавателей, а также для студентов специализированных учреждений, которые могут быть интегрированы с такими платформами, как Microsoft Teams и Google Classroom. В помощь педагогам запущены программы для организации дистанционного обучения: The British Educational Suppliers Association's LendED platform и Isaac Physics. Национальная телекомпания BBC разработала ресурсы для семей в рамках самого

всеобъемлющего образовательного пакета в их истории, доступного по телевидению и онлайн [Плаксина, Манжосова, Иванов 2021].

Перед преподавателями вузов стала задача методического переформатирования учебных материалов, помещения их в новый, дистанционный, формат, размещения их на образовательных онлайн-платформах. В целом организация учебного процесса в вузах Великобритании в период пандемии продемонстрировала необходимость адаптации системы подготовки педагогов к новым условиям.

Особенностью традиционного дистанционного обучения в западных открытых (дистанционных) университетах является то, что за каждым студентом закреплен наставник (tutor), который является не только преподавателем в процессе обучения, но и отвечает за посредничество между учителем-учеником и учеником-учеником, направляет и корректирует индивидуальную траекторию обучения и поддерживает мотивацию студента. В условиях пандемии вуз не имеет возможности прикрепить к каждому обучающемуся тьютора, соответственно, проблема прокрастинации студентов и срыва графика индивидуального образовательного процесса стоит чрезвычайно остро. Организация процесса обучения в британских вузах в условиях пандемии показала, что качество и количество образовательных ресурсов, необходимых для изучения определенных дисциплин, оказываются либо недостаточными, либо избыточными, если студентам предложено использовать все материалы по соответствующему направлению подготовки, расположенные в открытом доступе на признанных образовательных платформах, но без соответствующей навигации. Кроме того, инфраструктура многих западноевропейских университетов на данном этапе не обладает достаточной мощностью для организации онлайн-обучения [Плаксина, Манжосова, Иванов 2021].

Наиболее успешные университеты, помимо использования современных подходов к онлайн-образованию, создали онлайн-сообщество студентов, преподавателей, административного персонала, что позволило улучшить качество образования и снизить стресс от социальной изоляции. Для привлечения иностранных студентов университеты организуют большое количество онлайн-мероприятий, вебинаров для абитуриентов. Университеты также подчеркивают важность использования онлайн-форматов для общения с абитуриентами. Взаимодействие со студентами в этом формате требует поддержки многих бизнес-процессов, таких как зачисление, оценка студентов и данных, документооборот. Объединив студентов и преподавателей в едином «цифровом поле», образовательное сообщество совершит революционный скачок вперед. Но, конечно, все еще будут лекционные классы, семинарские классы и классы физического воспитания. Таким образом, речь идет о большей интеграции обучения и цифрового администрирования образовательных учреждений [Гринюк, Зайцева 2020]. Некоторые предметные области, такие как медицина, не-

которые технические и творческие специальности, невозможно преподавать в формате онлайн.

Одна из главных проблем, возникших перед западными университетами в период пандемии – утрата академической мобильности иностранными студентами. Так, британские университеты за год пандемии потеряли четверть дохода. Четыре ведущих австралийских университета, привлекавших ежегодно тысячи студентов из Китая, – Нового Южного Уэльса, Сиднея, Мельбурна и Монаша – получали больше трети своих доходов за счет оплаты обучения иностранцами. Во всем мире университеты вынуждены запрашивать финансовую помощь у государства. Британское правительство объявило, что вузы, получающие кредиты из-за коронавируса, должны будут делать больший акцент на дисциплинах, которые либо позволяют выпускникам рассчитывать на более высокую зарплату (например, инженерное дело), либо имеют важное значение для страны (например, преподавание). Премьер-министр Великобритании Борис Джонсон также пообещал провести реформы, направленные на поддержку профессионального технического образования [Гринюк, Зайцева 2020].

Таким образом, пандемия COVID-19 внесла свои коррективы во все сферы человеческой жизнедеятельности, и, конечно же, не обошли они систему образования. Педагогическому сообществу всего мира в нереально короткие сроки пришлось найти действенные решения для организации дистанционного образования, которое на первых порах сталкивалось с многочисленными трудностями и проблемами. Однако безвыходность ситуации способствовала быстрой адаптации педагогов и студентов к новым реалиям обучения. Вынужденный онлайн-формат обучения стал серьезным шагом на пути к новой образовательной парадигме [UNESCO 2020].

С одной стороны, современное цифровое оборудование, доступное среднестатистическому потребителю, сделало возможным синхронную трансляцию занятий и организацию конференций с помощью сервисов беспроводного взаимодействия (Zoom, Skype, Microsoft Teams и др.). Онлайн-занятия существенно повысили качество обратной связи при опосредованном обучении, однако полностью этой проблемы не решили, так как не все студенты имели техническую возможность посещать такие занятия, включать видеотрансляцию и т. п.

Отдельным пунктом стоит отметить недостаточную подготовленность преподавателей, вынужденных самостоятельно в кратчайшие сроки осваивать навыки работы с сервисами беспроводного взаимодействия. Электронные образовательные платформы и MOOC, созданные ведущими университетами до пандемии, существенно облегчили переход на тотальное дистанционное обучение. Однако неизбежное увеличение доли самостоятельной работы привело к тому, что не все студенты справились с задачей организации собственного обучения.

Еще одна проблема – качество и способы оценки полученных компетенций. Весной 2020 некоторые западные университеты отложили запланированные экзамены, однако вскоре стало понятно, что противоковидные меры будут продлены и на следующий семестр. Вакцинация населения и снятие ограничений сделали возможным возвращение к традиционным формам обучения, однако угроза последующих локдаунов навсегда изменила видение перспектив развития высшей школы.

Некоторые университеты начинают тестировать прокси-роботов для обеспечения более привлекательных синхронных гибридных классов, где студенты могут присутствовать и взаимодействовать с помощью телеботанических устройств [Браун 2013]. Помимо уже привычных вебинаров и веб-трансляций дистанционное обучение может также использовать интерактивную радиоинструкцию (IRI), интерактивное аудиообучение (IAI), виртуальные онлайн-миры, цифровые игры [Бернс 2022].

Таким образом, внезапный переход системы высшего образования в онлайн-формат без соответствующей подготовки отрицательно сказался на качестве образования. Для нормализации процесса обучения во время локдаунов стоит использовать опыт дистанционного образования, накопленный западными открытыми университетами. Также следует произвести анализ наиболее эффективных решений проблем экстренного внедрения дистанционного обучения как в зарубежных, так и в российских вузах.

В ряде случаев незапланированный и неподготовленный эксперимент в области дистанционного преподавания и обучения привел к наращиванию потенциала сотрудников и преподавателей, которые изучили и протестировали новые инструменты и системы для обеспечения дистанционного преподавания и обучения. Стоит признать, что достаточно традиционная высшая школа была вынуждена измениться под влиянием внешних факторов. Опыт тотального дистанционного обучения открыл новые горизонты возможностей для преподавания.

Потенциал гибкого, смешанного обучения еще недостаточно изучен, однако уже сейчас можно говорить о том, что онлайн-обучение станет более неотъемлемой частью учебных планов. Многие исследователи данной проблемы ожидают увидеть рост инноваций в области преподавания педагогики, а также методов преподавания и обучения [International Association of Universities 2020].

Конкуренция традиционного вузовского образования и коммерческих онлайн-курсов приведет к сокращению сроков обучения, расширению очно-заочного дистанционного формата, совместимого с работой. Однако не стоит недооценивать преимущества традиционного кампусного образования, которое обеспечивает развитие гибких навыков (коммуникация, коллаборация, лидерские качества, тайм-менеджмент и т. п.). Современный университет должен привлекать возможностью работы на новом лабораторном оборудовании и реализацией собственных исследо-

вательских проектов в команде единомышленников, что в условиях пост-пандемии предполагает реорганизацию образовательной среды, совершенно новые решения в организации внутреннего пространства университетов, обеспечивающих безопасное офлайн-общение и комфортную работу в онлайн-режиме.

Список источников

1. Браун Р. Вращающийся прокси, который даже будет носить пачку // Нью-Йорк Таймс [веб-сайт]. URL: <https://www.nytimes.com/2013/06/08/education/for-homebound-students-a-robot-proxy-in-the-classroom.html> (дата обращения: 20.02.2022).
2. Гринюк С., Зайцева И. Влияние COVID-19 на высшее образование. Международный уровень // Научное наследие. 2020. № 54. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/the-impact-of-covid-19-on-higher-education-international-level> (дата обращения: 20.02.2022).
3. Джаггарс Ш. С. Онлайн и гибридные курсы. Зачисление и производительность в общинах и технических колледжах штата Вашингтон. URL: <https://ccrc.tc.columbia.edu/publications/online-hybrid-courses-washington.html?UID=872> (дата обращения: 20.02.2022).
4. Зайцева О. В. Непрерывное образование: основные понятия и определения // Вестник ТГПУ. 2009. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nepregruyvnoe-obrazovanie-osnovnyie-ponyatiya-i-opredeleniya> (дата обращения: 20.02.2022).
5. Каплан А., Хенляйн М. Высшее образование и цифровая революция: о MOOC, SPOC, социальных сетях и Cookie Monster // Горизонты бизнеса. 2016. № 59 (4). С. 441. doi:10.1016/j.bushor.2016.03.008 (дата обращения: 20.02.2022).
6. Ли Ф. Письма и байты: Социотехнические исследования дистанционного образования. URL: https://books.google.ru/books?id=6_V7z998PlgC&pg=PA48&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 20.02.2022).
7. Плаксина Н. В., Манжосова Ю. А., Иванов В. А. Трансформация высшего образования в Великобритании в период пандемии COVID-19 // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2021. № 2 (58). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-vysshego-obrazovaniya-v-velikobritanii-v-period-pandemii-covid-19> (дата обращения: 22.02.2022).
8. Риган Э. Робот приносит класс больным студентам. URL: http://www.norwichbulletin.com/artic/20141109/NEWS/141109566?pagewanted=all&_r=0 (дата обращения: 22.02.2022).
9. Бернс М. Дистанционное образование для подготовки учителей: формы, модели и методы. URL: <http://idd.edc.org/resources/publications/modes-models-and-methods> (дата обращения: 20.02.2022).
10. DEAC. URL: <https://www.deac.org/> (дата обращения: 20.02.2022).
11. International Association of Universities, IAU Global Survey Report: The Impact of COVID-19 on higher education around the world, 2020. URL: https://www.iau-aiu.net/IMG/pdf/iau_covid19_and_he_survey_report_final_may_2020.pdf (дата обращения: 20.02.2022).
12. Lenn A. Investigating the relationship between cost, reach, and richness in distance education // Online Journal of Distance Learning Administration. 2004. Vol. 7, № 4.

13. *Penedo A., Pereira V.* Distance education: advantages and disadvantages of the point of view of education and society // Dialogia. August 2018. DOI: 10.5585/dialogia.N29.7661. URL: https://www.researchgate.net/publication/328032761_Distance_education_advantages_and_disadvantages_of_the_point_of_view_of_education_and_society (дата обращения: 20.02.2022).

14. UNESCO, International Commission on the Futures of Education, “Education in a post COVID-19 world: Nine ideas for action”. 2020. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000373717/PDF/373717eng.pdf.multi> (дата обращения: 20.02.2022).

15. Who we are // ICDE [веб-сайт]. URL: <https://web.archive.org/web/20190325213612/https://www.icde.org/who-we-are> (дата обращения: 20.02.2022).

Савельева Евгения Юрьевна,
студент магистратуры 2 курса,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
savelich.zheka@gmail.com

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА РЫНОК ТРУДА: ИЗМЕНЕНИЕ СПРОСА НА НАВЫКИ РАБОТНИКОВ

Аннотация. В статье рассмотрено влияние экономического кризиса, вызванного вспышкой и распространением коронавирусной инфекции COVID-19, на рынок труда. Отмечено изменение спроса на знания, умения и навыки трудоспособного населения в период изоляции и удаленной работы. Выявлено, что за время пандемии вырос спрос на навыки в области информационно-коммуникационных технологий, а также социально-поведенческие навыки. Особое внимание уделено ряду источников, посвященных концепции «Общества 3.0» или обществу знаниевых кочевников.

Ключевые слова: профессиональные компетенции; трудовые навыки; трудовые ресурсы; работники умственного труда; рынок труда; пандемия; COVID-19; коронавирус

Savelyeva Evgenia Yurievna,
Master's Degree Student, 2 course,
Lomonosov Moscow State University,
savelich.zheka@gmail.com

IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON THE LABOR MARKET: CHANGING DEMAND FOR WORK SKILLS

Abstract. The article considers the impact of the economic crisis caused by the outbreak and spread of the coronavirus infection COVID-19 on the labor market. In particular, the change in the demand for knowledge, skills and abilities of the able-bodied population during the period of isolation and remote work is analyzed. It was found that during the pandemic, the demand for skills in the field of information and communication technologies, as well as socio-behavioral skills, has increased. Particular attention is paid to a number of sources devoted to the concept of "Society 3.0" or the society of knowledge nomads.

Keywords: professional competencies; work skills; labor resources; knowledge workers; labor market; pandemic; COVID-19; coronavirus

В постиндустриальном обществе ценность знаний как одного из главных ресурсов развития организации начала получать признание в теоретической и практической областях, ставя работников умственного труда в центр организационного внимания. С возникновением и развитием информационных технологий происходит переустройство социально-трудовой жизни общества, рабочий контекст претерпевает некоторые трансформации: меняется характер труда, размываются границы места работы, появляются новые формы занятости, возрастает степень неопре-

деленности в отношении рабочих задач и должностных обязанностей. Пандемия COVID-19 вскрыла дифференциацию по уровню владению цифровыми навыками среди рабочего населения и необходимость освоения новых компетенций для трудоустройства в условиях турбулентного рынка труда, что подтверждают экспертные публикации. Согласно результатам исследования международной стаффинговой группы ANCOR, 44% опрошенных работодателей заявили о нехватке digital-навыков у сотрудников [ANCOR 2020]. Отмечается, что в период пандемии и массового перехода в онлайн среди работников наблюдается рост потребности в цифровых компетенциях: 67% опрошенных сотрудников готовы инвестировать в развитие своей цифровой грамотности.

Целью статьи является выявление влияния пандемии COVID-19 на рынок труда с точки зрения изменения спроса на рабочую силу, или более конкретно – спроса на необходимые для трудоустройства и дальнейшей работы навыки работников в период нестабильности, вызванной вспышкой и распространением коронавирусной инфекции.

Запущенные процессы цифровизации и автоматизации еще больше ускорились в кризисный период распространения коронавирусной инфекции, появилась необходимость перевода сотрудников на дистанционный режим работы. Уже в постпандемийный период компании планируют перевести в удаленный режим 44% сотрудников [Шугаль 2020: 117], однако не во всех сферах занятости подобный перевод может быть осуществлен (рисунок 1).

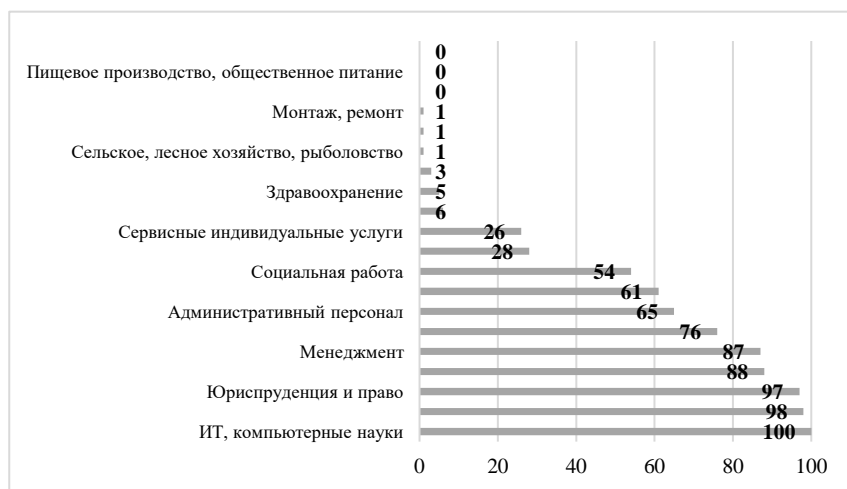

Рисунок 1. Возможность удаленной работы в различных сферах занятости (%). Источник: [Dingel, Neiman 2020]

Как видно из рисунка, в дистанционном режиме, как правило, трудятся высококвалифицированные специалисты из сферы информационных технологий, образования, юриспруденции, бизнеса и управления. Некоторые сферы, такие как уборка, общественное питание, строительство и др., испытывают куда большие сложности в кризисный период.

Многие изменения, произошедшие на рынке труда в период изоляции, связаны не столько с уровнем квалификации работников, сколько со спецификой бизнеса [Мальцева, Розенфельд 2020: 2]. Пандемия негативно отразилась на сфере услуг, выявила дефицит цифровых квалификаций и навыков, обострила конкуренцию среди работников за возможность получения рабочего места и его сохранения, поскольку среди рабочего населения существуют некоторые различия в доступе к возможностям повышения квалификации. В то время как 46% людей с высшим образованием говорят, что их работодатель предоставляет им достаточно ресурсов для улучшения цифровых навыков, только 28% людей со средним образованием говорят то же самое [Публикация PwC 2021]. Стоит также указать на тот факт, что сфера здравоохранения, принявшая на себя основной удар в связи со скачком заболеваемости, оказалась недостаточно подготовленной к новым условиям работы. Несмотря на то, что данный сектор входит в число отраслей с высокими требованиями к цифровым компетенциям, во время пандемии был отмечен заметный дефицит цифровых навыков у специалистов в индустрии здравоохранения [ANCOR 2020]. Хотелось бы отметить, что еще до 2019 года, когда мир столкнулся с глобальными изменениями во всех сферах общественной жизни, рядом исследователей были выдвинуты предположения относительно необходимых навыков для работников будущего, которые будут рассмотрены далее.

До пандемии COVID-19 многие авторы в своих работах обозначали ценность знаний для современного работника и характеризовали общество как реляционное [Cobo, Moravec 2011], «общество без границ» [Kubik 2013] и цифровое общество. Широкое распространение получила концепция «общества 3.0» Джона У. Моравека [Moravec 2008], также известная как концепция общества «knowmad».

Термин «knowmads», обозначающий группу так называемых знаниевых кочевников, явился расширенной версией концепции работников интеллектуального труда Питера Друкера. Во второй половине прошлого века Питер Друкер ввел широко известный ныне термин «работник умственного (интеллектуального) труда», описывающий тех, кто работает со знаниями, полученными в результате систематического образования, т. е. с концепциями, идеями и теориями.

«Знаниевые кочевники» – более расширенное понятие. Такие работники благодаря технологиям могут работать в конкретном месте, виртуальном пространстве либо в их смешанной комбинации. Они легко ре-

конфигурируют свою рабочую среду и обладают рядом специфических навыков, которые описаны далее.

Для начала хотелось бы отметить, что исследованием общества знаниевых кочевников помимо Моравека занимались и другие авторы. Так, например, Ясмин Аббас, автор работы-бестселлера «Новое кочевничество: мобильность», на Конференции LIFT в 2011 году акцентировала внимание на нео-номадизме с точки зрения урбанистического планирования. В своей книге она продолжает мысль не только о пространственном, но и идейном и электронном росте мобильности людей [Abbas 2011].

Цугио Макимото и Дэвид Мэннерс в книге «Digital nomad» раскрывают понятие «цифрового кочевника», который является активным пользователем цифровых технологий для осуществления своей профессиональной деятельности [Makimoto, Manners 1997].

Экономист и социолог Ричард Флорида еще в 2002 г. писал о креативном классе, состоящем из творческих и инновационных людей, которые значительно повлияли на экономическую и социально-трудовую сферы общества. Автор указывает, что креативность – это движущая сила экономического развития... [Florida 2002].

Ричард Оливер, британский исследователь, лектор и писатель, развивает идею о необходимости ощущения цели и опоры на внутреннюю человечность в период неопределенности и турбулентности [Oliver 2007]. Он выступает в качестве автора концепции «дрейфа цели».

В настоящее время в литературе, посвященной «knowmad»-работникам, основной фокус направлен на развитие традиционного образования и виртуальных сред, предназначенных для совершенствования навыков (платформы электронного обучения). В современном обществе, как было отмечено ранее, все больше внимания уделяется навыкам в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) как ключевым ресурсам обучения на протяжении всей жизни. Хотя навыки, основанные на ИКТ, представляют собой компетенции, которые впервые были внедрены работниками умственного труда, они традиционно включались в организационную деятельность и давали оперативные преимущества при выполнении рабочих задач.

Кобо и Моравек (2011) предложили набор необходимых для современного мира навыков знаниевых кочевников, разделенных на три основные группы: навыки эффективного сотрудничества, критического мышления и управленческие навыки [Cobo, Moravec 2011]. В работах исследователя Бьянки Гарсиа были выделены специфические компетенции, которыми обладают данные работники. Среди них [Garcia 2012]:

- высокий уровень изобретательности и интуиции, способность к кооперации и генерации новых идей;

- способность легко адаптироваться к новым условиям и задачам, отсутствие страха;

- умение использовать информацию и генерировать знания для решения неизвестных задач;
- способность создавать социально сконструированные смыслы (socially-constructed meaning);
- способность налаживать каналы связи (нетворкинг);
- способность генерировать горизонтальные сети знаний;
- цифровая грамотность, знания использования и назначения технологий;
- способность внимательно определять контекст и адаптировать под него информацию;
- умение ценить обмен знаниями и свободный доступ к информации и содействовать этому;
- желание практиковать обучение на протяжении всей жизни, быстрая обучаемость.

В статье о знаниевых кочевниках для RealKM Брюс Бойс, ведущий автор и директор журнала, с опорой на материал Бьянки Гарсиа ставит три ключевых вопроса, ответы на которые пока еще не даны [Boyes 2021]:

- как эти десять компетенций могут наиболее эффективным способом развиваться и передаваться?
- как работодатели могут использовать knowmads наилучшим образом?
- как работодателям предотвратить потерю критических знаний, если knowmads уйдут по прошествии небольшого периода времени?

Данные вопросы сейчас особенно актуальны, поскольку пандемия COVID-19 стала одной из причин нежелания многих работников возвращаться в традиционный формат работы и оставить удаленный, а также из-за роста числа увольнений и потери вовлеченности у сотрудников. По данным исследования «Делойт» в СНГ и X5 Group, проводимом среди 80 компаний, более 90% сотрудников предпочитают новые форматы работы традиционному: около 60% сотрудников предпочитают работать в гибридном формате, примерно 35% – полностью удаленно [Deloitte 2021].

Еще одни исследователи концепции «общества 3.0», Хокансон и Карлсон [Hokanson, Karlson 2013], стремятся выйти за рамки идеи, что профессиональный опыт и технические знания в определенной области являются наиболее важными ресурсами современного работника. Авторы, акцентируя внимание на важности soft-skills, придерживаются мнения о том, что креативность, настойчивость и выдержка становятся главным инструментом для достижения успеха на рабочем месте. Их выводы подкрепляются новыми требованиями бизнес-среды, где отличные коммуникативные навыки или навыки решения проблем являются предпосылками для получения желаемых рабочих должностей. По мнению авторов, знаниевые кочевники, которые обладают сильной выдержкой или настойчивостью в профессиональной среде, – это те люди, которые до-

стигнут своих целей и выполняют все поставленные перед ними профессиональные задачи. Следовательно, это создаст для таких сотрудников предпосылки роста внутри компаний, поскольку им, скорее всего, предложат интересные с функциональной точки зрения обязанности, задачи и полезные проекты [Hokanson, Karlson 2013: 109]. Для того чтобы определить, каким образом изменилась ситуация с распространением коронавирусной инфекции COVID-19 и насколько актуальными являются навыки знаниевых кочевников в нынешний кризисный период, необходимо обратиться к международным экспертным публикациям и данным ключевых академических исследований, опубликованных с начала пандемии.

В период пандемии COVID-19 и глобальной изоляции перевод большинства бизнес-процессов в онлайн-формат заставил работников осваивать новые компетенции. Согласно данным Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, наиболее востребованы в цифровой сфере компетенции по обработке, обмену, хранению и защите информации. Неуклонно возрастает спрос на работу с базами данных, а владение языком программирования становится необходимым наряду со знанием иностранного языка [ИСИЭЗ НИУ ВШЭ исследование].

В данном докладе представлен список значимых компетенций и навыков в цифровой среде. Среди них отмечены как digital-, так и soft-навыки:

- работа с базами данных;
- владение английским языком;
- машинное обучение;
- владение методами защиты информации;
- взаимодействие с клиентами;
- управление проектами;
- работа в команде;
- разработка программного обеспечения (ПО);
- владение языком программирования;
- анализ больших данных;
- ведение переговоров;
- разработка мобильных приложений;
- коммуникативные навыки;
- разработка и внедрение информационных систем;
- аналитическое мышление.

Согласно докладу о мировом развитии, спрос на низкоквалифицированных работников снижается. Их труд постепенно заменяется машинным. В то же время растет спрос на продвинутое когнитивные и социально-поведенческие навыки, а также навыки адаптации. Уже очевидная в развитых странах, эта тенденция начинает проявляться и в некоторых развивающихся странах. Эти изменения проявляются не только за счет появления рабочих мест, заменяющих старые, но и за счет появления новых требова-

ний к профессиональной квалификации для работы по существующим специальностям [Цифровая трансформация отраслей 2021: 239].

Также во время пандемии COVID-19 был отмечен спрос на обучающие курсы, связанные с психическим здоровьем и эмоциональным благополучием. Очевиден тот факт, что нестабильная ситуация на рынке труда, чувство неопределенности влияют на психоэмоциональное состояние населения. В связи с этим можно говорить о вероятном росте спроса на навыки в рамках так называемого селф-менеджмента. На данный момент существует несколько трактовок понятия «селф-менеджмент». Некоторые из них звучат следующим образом:

- самоорганизация, умение управлять собой, руководить процессом управления в самом широком смысле слова (во времени, пространстве, общении, деловом мире) [Майданова 2013: 28];

- потребность истинно, разумно строить свою целостную жизнь, т. е. всестороннюю и гармоничную самореализацию [Байлук 2013: 335];

- управление собственной жизнью, развитие качеств, умений и навыков, самообразование и формирование своего окружения [Котенева 2015];

- набор навыков, стратегий и тактик, которые могут быть использованы для достижения желаемых личных и профессиональных результатов, представление о трех основных аспектах самоуправления, а именно управление временем, управление жизнью и персональный менеджмент [Pland 2013: 102].

В исследовании глобальной занятости населения от PwC [PwC публикация], представляющем собой опрос 32 500 работников в 19 странах мира, отмечается, что 49% респондентов сосредоточены на развитии предпринимательских и управленческих навыков и заинтересованы в открытии собственного бизнеса. Эта тенденция наиболее заметна в Саудовской Аравии (82%), Южной Африке (82%), Индии (79%) и Катаре (79%). Среди негативных тенденций указано, что 39% респондентов утверждают о возможном устаревании их рабочих компетенций в течение 5 лет.

Однако есть и позитивные тенденции, например 40% работников говорят, что их цифровые навыки были улучшены за время длительного периода изоляции, и утверждают, что они будут продолжать заниматься обучением и развитием навыков. 77% «готовы освоить новые компетенции или полностью переквалифицироваться» [Публикация PwC].

В 2020 году, согласно докладу Всемирного экономического форума (World Economic Forum) «Будущее рабочих мест», наиболее востребованными для работников считались soft skills, а конкретно: критическое мышление, способность решать комплексные проблемы, креативный подход в решении трудовых задач, навык взаимодействия с людьми и управление ими, эмоциональный интеллект, клиентоориентированность, быстрая обучаемость, навыки ведения переговоров и другие. Однако не-

смотря на то, что работодатели и сотрудники наиболее важными считают soft skills, они неохотно инвестируют в их развитие. На данный момент, согласно исследованиям ANCOR, digital-навыки опережают «мягкие» по инвестиционной привлекательности. Ожидается, что к 2025 году изменения коснутся 40% профессий [ANCOR 2020]. Каждый второй трудоспособный человек столкнется с необходимостью прохождения переквалификации, а технологические трансформации в компании существенно повлияют на изменение структуры рабочих мест и глобальное переустройство бизнес-задач.

Из отчета следует, что новые требования к профессиональным навыкам создадут значительный разрыв между текущим и ожидаемым уровнем квалификации работников. Одними из самых востребованных навыков станут:

- критическое мышление и способность к анализу данных;
- умение решать комплексные проблемы;
- навыки самоорганизации или так называемого селф-менеджмента;
- способность быстро и активно обучаться;
- психологическая устойчивость, стрессоустойчивость и гибкость.

В целом все перечисленные навыки, так или иначе, отмечаются в ранее упомянутых исследованиях. Стоит указать, что во время пандемии особенно востребованными считаются не названные ранее навыки самоконтроля и стрессоустойчивость. Становится очевидным, что возникшая неопределенность на рынке труда сказывается на психоэмоциональном состоянии работника и впоследствии на качестве выполняемых им задач.

Отмеченные авторами концепции «Общества 3.0» навыки сотрудника будущего, такие как креативность, адаптивность, постоянное обучение, во время пандемии COVID-19 также стали достаточно востребованными в силу того, что турбулентность рынка заставила работников освоить новые знания и навыки, подходить к вопросу решения задач творчески, быть гибкими и подстроиться под новые формы работы. Удаленный формат работы еще раз выявил существенный разрыв в навыках ИКТ среди населения и подчеркнул необходимость их освоения. Таким образом, пандемия COVID-19 спровоцировала массовое внедрение цифровых технологий в рабочий процесс, повлиявшее на трудовую сферу общественной жизни и изменение спроса на навыки работников. В рамках рассмотренных исследований прослеживается единство мнения, что пандемия оказывает существенное влияние на трудовую сферу, а возрастание роли интернет-среды в обществе стало толчком к совершенствованию и развитию цифровой грамотности не только среди занятого, но и всего населения в целом

Список источников

1. Байлук В.В. Человекознание. Духовная самореализация личности: законы успеха: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 511 с.

2. Топ-15 компетенций и навыков в цифровой сфере. 2021 // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ [веб-сайт]. URL: <https://issek.hse.ru/news/540276172.html> (дата обращения: 20.02.2022).

3. *Котенева Р. П.* Self-менеджмент // Экономика и социум. 2015. № 2 (15). URL: www.iurp.ru (дата обращения: 18.10.2015).

4. *Майданова Т.В.* Самоменеджмент как условие самореализации студентов // Педагогическое образование в России. 2013. № 2. С. 27-30.

5. *Мальцева В. А., Розенфельд Н. Я.* Изменения спроса на навыки работников и обучение в условиях пандемии: обзор международных // ВШЭ [веб-сайт]. URL: https://www.hse.ru/data/2020/12/15/1358038721/release_40_2020.pdf (дата обращения: 20.02.2022).

6. Публикация PwC: пандемия ускорила темпы повышения цифровой грамотности, но значительное число сотрудников все еще не имеют возможности обучения. 2021. URL: <https://www.pwc.ru/ru/press-center/2021/pandemiya-uskorila-tempy.html> (дата обращения: 21.02.2022).

7. Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты: докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2021/ Г. И. Абдрахманова, К. Б. Быховский, Н. Н. Веселитская, К. О. Вишнеvский, Л. М. Гохберг [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 239с.

8. *Шугаль Н.Б.* Мониторинг экономики образования. Т. II. Высшее образование и рынок труда. 2020. 256 с. URL: https://www.hse.ru/data/2021/09/21/1474204340/memo_2020_t_2.pdf (дата обращения: 20.02.2022).

9. *Abbas Y.* Design for transience: Distributed selves / distributed spaces. 2011. URL: klewel.com/conferences/lift11/index.php?talkID=11.

10. ANCOR-исследование: Навыки глазами сотрудников и руководителей. 2021. URL: <https://ancor.ru/upload/research/skills-2021.pdf> (дата обращения: 22.02.2022).

11. *Boyes B.* The emergence of “knowmads” as new knowledge workers. 2021. URL: <https://realkm.com/2021/10/31/the-emergence-of-knowmads-as-new-knowledge-workers/> (дата обращения: 22.02.2022).

12. *Cobo C. & Moravec J. W.* Aprendizaje invisible: Hacia una nueva ecología de la educación. Barcelona: Laboratori de Mitjans Interactius // Publicacions i Edicions de la Universitat de Barcelona.

13. Deloitte: Удаленная работа: тренд или новая реальность? 2011. URL: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/human-capital/articles/2021/remote-work-research.html> (дата обращения: 22.02.2022).

14. *Dingel J. I., Neiman B.* How many jobs can be done at home? // Journal of Public Economics. 2020. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0047272720300992> (дата обращения: 21.02.2022).

15. *Florida R.* The rise of the creative class: and how it is transforming work, leisure, community and everyday life. Basic Books, 2002.

16. *García B.C.* New e-learning environments: e-merging networks in the relational society. 2012. URL: https://www.researchgate.net/profile/Blanca_Garcia5/publication/224830017_New_e-Learning_Environments_e-Merging_Networks_in_the_Relational_Society/links/00b49531629495ce78000000.pdf (дата обращения: 22.02.2022).

17. *Hokanson B., Karlson R.M.* Borderlands: Developing character strengths for a knowmadic world // *On the Horizon*. 2013. № 21 (2). P. 107-113. URL: <https://doi.org/10.1108/10748121311323003> (дата обращения: 20.02.2022).

18. *Pand A.* Self-Management: Time Management, Life Management and Personal Management. 2013. 102 p.

19. *Kubik G. H.* Limitless: becoming remarkable in the borderless economy // *On the Horizon*. 2013. № 21 (2). P. 114-126. <https://doi.org/10.1108/10748121311323012>.

20. *Makimoto T., Manners, D.* Digital nomad. New York: Wiley, 1997.

21. *Moravec J. W.* A new paradigm of knowledge production in higher education // *On the Horizon*. 2008. № 16 (3). P. 123-136. <https://doi.org/10.1108/10748120810901422>.

22. *Oliver R.* Purposive drift: Making it up as we go along. 2007. URL: changethis.com/manifesto/31.06.PurposiveDrift/pdf/31.06.PurposiveDrift.pdf (дата обращения: 21.02.2022).

Санникова Ольга Владимировна,
доктор социологических наук, профессор кафедры социологии,
Удмуртский государственный университет,
alexbor@udm.ru

Яруллина Камила Игоревна,
студентка направления «Социология»,
Удмуртский государственный университет,
11kamila999@mail.ru

ВЛИЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ НА ДОСУГОВЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема изменения досуговых предпочтений студенческой молодежи промышленного города в условиях пандемии коронавируса. Молодежный досуг понимается как время, свободное от трудовой и учебной деятельности. Изменения в досуговых предпочтениях молодежи связываются с ограничениями в выборе условий проведения досуга, обусловленными введением мер профилактики распространения коронавирусной инфекции. В статье приведены эмпирические результаты пилотажного исследования отношения молодежи к ограничительным мерами. Приводится сравнение изменений в досуговых предпочтениях молодых людей, произошедших в различные периоды (март – апрель и сентябрь – октябрь) введения противоэпидемиологических ограничений в 2020 г. Установлено, что в условиях пандемии 2020 г. произошла адаптация молодежи к ограничениям в выборе форм проведения досуга.

Ключевые слова: молодежный досуг; досуговые предпочтения; типы досуговых практик; пандемия; коронавирус; COVID-19; ограничительные меры

Sannikova Olga Vladimirovna,
Doctor of Sociology, Professor of Department of Sociology,
Udmurt State University,
alexbor@udm.ru

Yarullina Kamila Igorevna,
Sociology Student, Udmurt State University,
11kamila999@mail.ru

EFFECT OF REGIONAL EPIDEMIOLOGICAL RESTRICTIONS ON YOUTH LEISURE PREFERENCES

Abstract. The article discusses the issue of change in student leisure preferences in industrial city over the COVID pandemic. Youth leisure is seen as the time off from work and studies. Change in youth leisure preferences is linked to the restrictions in options of conditions to spend leisure which is based on restriction measures to prevent from COVID spread. The article presents empirical results of pilot research that focuses the attitude of youth towards restriction measures. The comparison of change in youth leisure preferences is carried out over different periods of 2020 epidemiological re-

strictions (March – April, and September – October). It is stated that youth adapted to restrictions in choices of leisure over the period of 2020 pandemic.

Keywords: youth leisure; leisure preferences; types of leisure practices; pandemic; coronavirus; COVID-19; restrictive measures

Досуг является важной сферой жизнедеятельности молодых людей, позволяет молодежи реализовывать себя и свои потребности, полностью раскрыть себя, определить и выбрать форму для отдыха, саморазвития, расширить область возможных профессионально и личностно направленных коммуникаций. Однако в условиях социальных ограничений, вызванных пандемией COVID-19, меняются формы досуговой деятельности молодежи, а также доступность некоторых из них.

Поэтому необходимо выявить влияние противоэпидемиологических ограничений на изменение досуговых предпочтений молодежи.

Пандемия COVID-19 привнесла множество изменений в жизнь общества, модификация проведения свободного времени образует новые формы досуговой деятельности. Молодежь является группой, самой восприимчивой к изменениям в условиях жизни, при этом находится в зоне высокого риска из-за нестабильности своего социально-экономического положения.

В настоящее время среди исследователей нет единого взгляда на понятие и структуру досуга, на понимание досуговых предпочтений. В настоящее время в отечественной литературе имеется несколько трактовок этого понятия. Досуг трактуется как часть свободного времени, которым самостоятельно распоряжается человек [Кравченко 2004: 110]. Досуг понимается также как время, которое нуждается в планировании и проведении, регулируется личностью [Вишневецкий, Шапко 2014].

Исследователи досуговых предпочтений полагают, что на них влияют культурные стереотипы проведения досуга, которые сохранились у россиян еще с советских времен (например: чтение газет/книг, рукоделие, работа на даче) [Нуксунова 2010], а самым важным фактором в выборе досуговых практик являются материальные возможности людей.

Трактовка основной функции досуга как удовлетворения определенных потребностей, которые не могли быть удовлетворены в условиях трудовой или учебной деятельности, приводит к понятию досуговой деятельности.

К элементам структуры досуговой деятельности относят самообразование; самодеятельность; общение с окружающим по интересам; общественную деятельность; релаксацию; научно-техническое развитие; занятия физической культурой и др.

Особенности досуговых предпочтений зависят от двух групп факторов: объективных и субъективных. К группе объективных факторов можно отнести внешние – те, которые не подлежат деформированию со сто-

роны индивида и являются управляемыми со стороны общества, а к субъективным – внутренние.

Объективными факторами формирования досуговых предпочтений считаются: социально-экономическое состояние; условия организации досуга; доступность некоторых досуговых практик; информационно-культурное пространство; окружение, традиции, национальность, религия.

К субъективным факторам формирования досуговых предпочтений относятся: социально-демографические признаки (пол, возраст, семейное положение, образование, тип поселения); мотивы и ценности людей; нервно-психологическое состояние; состояние здоровья (организма); особенности темперамента и поведения; способность к взаимодействию; интересы.

Помимо этого, досуговые предпочтения формируются исходя из принадлежности к той или иной социальной группе. Большинство россиян считают очень важным показателем качества жизни наличие свободного времени. Степень социальной активности, традиции, которые сформировались в семье и общественном окружении, особенности взаимодействия в обществе – все это определяет характер проведения досуга молодого поколения.

Гендерные особенности тоже влияют на выбор досуга. Согласно исследованиям [Нуксунова 2010], более активные формы досуга выбирают мужчины, показывая этим активную общественную позицию. К основным функциям досуга исследователи относят развлекательную и рекреационную [Бутенко 1998]. Рассматривается также влияние на досуговые предпочтения социально-демографических факторов: пола, возраста, профессии, семейного положения и др. [Жаркова 2017].

Ряд исследователей указали на особенности формирования досуговых предпочтений молодежи. Основой для развития досуговой деятельности являются города с благоприятным месторасположением, устойчивой экономикой, высоким уровнем жизни людей и развитой инфраструктурой [Фатов 2006: 85]. Но в современном обществе городская молодежь имеет большую свободу в перемещении, тем самым не привязывается к социокультурной системе города [Григорьева 2013: 109]. В условиях городской среды фактором формирования досуговых предпочтений является наличие разнонаправленных специализированных досуговых центров [Горнова 2005]. В городах достаточное количество разнообразных центров социально-культурного развития для молодых людей, однако досуговая деятельность молодежи может быть ограничена экономическими факторами, что может лишать выбора видов досуга.

К особенностям досуговых предпочтений молодежи относят [Седова 2009] тот факт, что современная молодежь большое количество своего свободного от учебной или трудовой деятельности времени посвящает общению в компании сверстников, где может формироваться негативная

субкультура. Поэтому целенаправленное формирование досуговых предпочтений в учебных и досуговых учреждениях является важным фактором воспитания и развития молодых людей [Мяло 1991].

Еще один важный фактор, который повлиял на досуг молодежи России и всего мира – пандемия коронавируса. В условиях эпидемиологических ограничений люди по всему миру были лишены привычного образа жизни, в том числе привычного досуга. 11 марта 2020 г. ВОЗ объявила о пандемии, в дальнейшем в России был введен режим самоизоляции. Вследствие чего в стране стали недоступны привычные формы досуга: прогулки, походы в кафе и рестораны, кино, театры, путешествия и многое другое.

По всему миру произошла полная трансформация общества, жизнедеятельность людей изменилась, в том числе изменения коснулись досуга и досуговых предпочтений людей. С введением мер по предотвращению распространения инфекции коронавируса многие россияне перешли на удаленную работу, следовательно, были вынуждены изменить условия жизни, учебы и работы, общения и организации досуга.

Ограничительные меры изменили функционирование привычных социальных институтов, в том числе институтов досуга и развлечений. Целый ряд досуговых практик перешли в онлайн-формат, стали более персонализированными и ориентированными на домашнее времяпрепровождение. Поскольку часть досуговой деятельности переместилась в цифровой онлайн-формат, расширились возможности использования досуга для самообразования и саморазвития. Широкое распространение получили бесплатные онлайн-курсы и образовательные платформы, где молодые люди могут повысить квалификацию, овладеть необходимыми навыками и научиться новому.

Исследователи выявили появление во время пандемии особого вида досуговой деятельности молодежи – общественной работы на добровольных основаниях, волонтерства [Пугачев 2013; «Черный лебедь» 2021: 120-124].

При этом в начальный период введения противоэпидемиологических ограничений в 2020 г. принятие ограничительных мер происходило в два этапа: весенний (март – апрель) и осенний (сентябрь – октябрь). Необходимо выявить, как менялись досуговые предпочтения молодежи в зависимости от этапа введения противоэпидемиологических ограничений в 2020 г., поскольку в этот период изменения в досуговых практиках потребовали освоения молодежью новых форматов проведения досуга.

Под досугом в исследовании понимается добровольно выбранная деятельность человека, не связанная с работой, семьей или обществом, направленная на удовлетворение индивидуальных потребностей и приносящая удовольствие. Ограничительные меры – это действия, направленные на предотвращение чего-либо. Пандемия – это форма эпидемиче-

ского процесса, характеризующаяся массовым распространением инфекционного заболевания на территорию всей страны.

Выборку пилотажного исследования составили жители г. Ижевска от 18 до 25 лет. Отбор респондентов осуществлялся при использовании стихийной выборки. Пилотажное исследование было проведено при участии 100 респондентов в возрасте 18–21 года (50%), 21–25 лет (50%) с использованием количественного метода исследования, анкетного онлайн-опроса.

Было выявлено изменение отношения респондентов к введению ограничительных противоковидных мер в г. Ижевске. Так в марте – апреле 2020 г. 72% респондентов были согласны и скорее согласны с введением таких мер и 84% респондентов соблюдали и скорее соблюдали требования противоэпидемиологических ограничений. Осенью же (сентябрь – октябрь) 2020 г. в так называемую вторую волну распространения коронавирусной инфекции только 52% респондентов были согласны с принятыми мерами, и только 56% респондентов соблюдали ограничительные требования.

Были установлены изменения в досуговых предпочтениях респондентов в связи с введением противоэпидемиологических мер. Так, в «доковидный» период при выборе досуга молодые люди отдавали предпочтение «встрече (общению) с друзьями дома или в гостях», (48% ответивших), «отдыху, расслаблению» (44% ответивших) и «прослушиванию музыки, чтению книг, просмотру видео» (42% ответивших).

С введением противоэпидемиологических мер респонденты почувствовали ограничения в проведении привычного досуга. 33% респондентов обнаружили ограничения в проведении досуга в общественных местах (кафе, рестораны, бары, клубы, кинотеатры), 27% обнаружили ограничения в общении (встречах) с друзьями; 24% обнаружили ограничения в занятиях спортом.

В период эпидемиологических ограничений 27% респондентов отдали предпочтение проведению досуга в интернет-сети, 23% занялись самообразованием, 19% посвятили свой досуг домашним делам.

При этом половина респондентов нашли для себя новые формы досуга, которых не было в допандемийный период. Так, саморазвитием занялись 15% респондентов, открыли для себя возможности для творчества 13%, для спорта и интернет-досуга – по 10% респондентов.

При общей оценке изменений в формах проведения досуга респондентами было отмечено, что по сравнению с доковидным периодом в весеннюю волну ограничений такие изменения оказались существенными для 75% опрошенных. В осеннюю волну ограничений 2020 г. по сравнению с весенней волной 2020 г. такие изменения в формах проведения досуга посчитали существенными для себя только 50% опрошенных.

При этом респонденты отметили такие формы досуга, к которым они в период осенних ограничений стали обращаться чаще, чем в период весенних ограничений. Так, в период осенних ограничений чаще, чем в период весенних ограничений, проводить досуг на природе стали 40% опрошенных против 37%, встречаться (общаться) с друзьями дома или в гостях стали 36% против 27%, посещать спортклубы, секции, тренировки стали 22% против 12%.

Таким образом, наибольшие изменения в досуговых предпочтениях у респондентов произошли с введением первой (весенней) волны противоковидных ограничений 2020 г. Респонденты обнаружили сокращение доступности привычных видов досуга, связанных с посещением общественных мест и общением с друзьями. Внимание респондентов переключилось на уже используемые и более доступные виды досуга в периоды самоизоляции (проведение свободного времени в интернет-сети, самообразование, домашние дела). При этом более половины опрошенных воспользовались новыми для себя формами проведения досуга (саморазвитие, творчество, интернет-досуг, спорт).

Можно сказать, что произошла своеобразная адаптация к новым условиям проведения досуга посредством компенсации ограничений в привычных форматах проведения досуга как другими используемыми форматами, так и новыми их вариантами. Благодаря такой вариативности стратегий формирования досуговых предпочтении респонденты ощутили меньше изменений в формах проведения досуга при переходе от весеннего этапа противоковидных ограничений к весеннему этапу 2020 г.

Таким образом, в отношении досуговых предпочтений молодежи противоковидные ограничения на первом этапе распространения пандемии сыграли роль условий адаптационного варьирования форматов проведения досуга.

Список источников

1. *Бутенко И. А.* Качество свободного времени у богатых и бедных // Социологические исследования. 1998. № 7. С. 82-90.
2. *Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т.* Социология молодежи – о молодежи, для молодежи // Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры, образования и управления: материалы всероссийской научно-практической конференции. Т. 1. Екатеринбург: УрФУ, 2014. С. 5-9.
3. *Горнова Г. В.* Феномен города в духовном мире человека: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Омск, 2005. 150 с.
4. *Григорьева Н. В.* Молодежный досуг в условиях современного города // История. Политология. Социология. 2013. № 2. С. 109.
5. *Жаркова Л. С.* Педагогическая модель мотивационного развития личности в социально-культурном измерении. М.: МГИК, 2017. С. 18-29.
6. *Кравченко С. А.* Социологический энциклопедический русско-английский словарь. М., 2004. 512 с.

7. *Мяло К. Г.* Время выбора: Молодежь и общество в поисках альтернативы. М.: Наука, 1991. 253 с.

8. *Нуксунова А. М.* Досуговое поведение россиян // Мониторинг. 2010. № 2 (96). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dosugovoe-povedenie-rossiyan> (дата обращения: 01.02.2022).

9. *Пугачев А. С.* Социализация учащихся в сфере досуга // Молодой ученый. 2013. № 1. С. 365-368.

10. *Фатов А. В.* Проблемы досуговой деятельности молодежи и пути их преодоления // Закон и право. 2006. № 10. С. 85-86.

11. «Черный лебедь» в белой маске. Аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19 / под ред. С. М. Плаксина, А. Б. Жулина, С. А. Фаризовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 336 с.

Чалых Наталья Анатольевна,
кандидат филологических наук, доцент,
Тюменский индустриальный университет,
natali.stafeeva.78@mail.ru

НОВЫЕ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Аннотация. В статье рассматривается влияние пандемии на формы обучения студентов в высшем учебном заведении. Выявлены особенности организации дистанционного образования. Тьюторская система соответствует требованиям партнерских отношений между преподавателем и студентами. Автор раскрывает причины эффективности тьюторской системы. Данная система должна стать основой становления творческой личности, средством формирования у них активности и самостоятельности, развития их умственных способностей.

Ключевые слова: тьюторская деятельность; тьюторство; тьюторы; учебная деятельность; дифференцированное обучение; индивидуализированное обучение; дистанционное обучение; дистанционные образовательные технологии; формы обучения; информационно-коммуникационные технологии; информатизация образования; информационная образовательная среда; пандемия; COVID-19; коронавирус; образовательный процесс; высшие учебные заведения

Chalyh Natalya Anatoljevna,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Industrial University of Tyumen,
natali.stafeeva.78@mail.ru

NEW FORMS OF EDUCATION IN A PANDEMIC TIME

Abstract. The article discusses the impact of the pandemic on the forms of education in a higher educational institution. Features of the organization of distance education are revealed. The tutor system meets the requirements of partnerships between teacher and students. The author reveals the reasons for the effectiveness of the tutor system. This system should become the basis for the formation of a creative personality, a means of forming their activity and independence, and developing their mental abilities.

Keywords: tutor activity; tutoring; tutors; educational activity; differentiated learning; individualized training; distance learning; distance educational technologies; forms of education; information and communication technologies; informatization of education; information educational environment; pandemic; COVID-19; coronavirus; educational process; higher education institutions

Эпидемия коронавируса оказала значительное воздействие на все области существования человека, в особенности на систему образования.

Следует выделить основные проблемы образования в условиях пандемии:

1. Отсутствие надлежащей организации дистанционного образования.
2. Слабая техническая подготовленность педагогического состава.

3. Проблемы с техническим оснащением учащихся.
4. Снижение общего уровня экономического развития населения.
5. Недоступность начального образования для детей из малообеспеченных семей.

Тяжелая эпидемиологическая ситуация затронула все ступени обучения: дошкольное, школьное, профессионально-техническое и, конечно, систему высшего образования во всех странах.

Подробнее рассмотрим высшее образование, наиболее подготовленное к сложным ситуациям. Университеты незамедлительно ввели дистанционную профессиональную подготовку.

Однако удаленное образование, к сожалению, не входит в программу обучения, и учителя были не знакомы с данной формой ведения занятий. Современный педагог должен уметь работать с новыми информационными технологиями, в частности проводить уроки в Zoom, Skype и других образовательных платформах.

Многообразные образовательные предложения, даже при всей их доступности для студентов, еще не являются достаточным условием реализации принципа открытости образования как качественной характеристики современного образования, оставаясь лишь потенциальной возможностью.

От преподавателей дистанционного обучения, их профессионализма зависит успех в дистанционной форме обучения. Одной из главных задач образовательного учреждения является максимально возможное удовлетворение всех возможных интересов учащихся, а также их всестороннее развитие [Ковалева 2012: 145].

Для дистанционного образования используется технология, которая позволяет обучаемому не только получать знания в режиме онлайн, но также общаться с преподавателем. Дистанционное обучение – это система обучения с помощью средств телекоммуникаций, при которой субъекты дистанционного обучения (учащиеся, педагоги, тьюторы и другие), находясь на расстоянии друг от друга в пределах одного учебного заведения или региона страны, осуществляют общий учебный процесс, направленный на создание ими внешних образовательных продуктов и соответственных внутренних изменений (приращений) участников образовательного процесса (педагогической деятельности, учебной деятельности и т. д.). Данное образование предлагает организационные, педагогические и информационные технологии. При этом педагог архитектурными и структурно-динамическими решениями обеспечивает открытое стандартное пространство для коммуникации, формы и протоколы обмена информацией с целью повышения мобильности, стабильности и эффективности образовательного учреждения. Изменение традиционной расстановки ролей преподавателя и студента в дистанционном образовании требует изменения привычной расстановки ролей.

Именно поэтому перед нами стоит задача подготовки тьюторов к дистанционному обучению в системе повышения квалификации педагогических работников. Рассмотрим место тьютора в системе дистанционного обучения.

В настоящее время это направление является перспективным и эффективным для развития.

Ассоциация тьюторства уже существует и активно работает. В Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова выпускают бакалавров и магистров в этой области.

На мой взгляд, становление тьюторской деятельности происходит благодаря тому, что мир изменился и появились новые образовательные предложения, в которых необходимо уметь ориентироваться и выбирать из них то, что соответствует личному интересу или предпочтениям.

Тьюторская система способствует формированию у студентов способности к самоанализу, а также к самооценке и самоконтролю. Студент начинает активно участвовать в учебном процессе.

Для того чтобы повысить качество подготовки специалистов технических специальностей, необходимо решить ряд важных вопросов: какими качествами должен обладать будущий специалист, какие задачи он будет решать на рабочем месте, какие границы его профессиональной деятельности? При попытке получить ответы на поставленные вопросы была создана новая, современная модель специалиста.

Новый человек должен обладать новой культурой мышления, по-новому подходить к решению возникающих проблем в профессиональной деятельности, уметь находить нестандартные решения в ситуациях, связанных с общением, и предугадывать возможные последствия своих действий. Специалист должен уметь применять полученные знания на практике. Если же говорить о профессиональной компетентности, то она включает в себя такие качества, которые позволяют выпускнику стать квалифицированным специалистом: социально-личностные; организационно-управленческие; общенаучные; специальные [Пилипчевская 2009: 112].

Тем не менее в настоящее время наблюдается медленное формирование профессионала нового поколения – недостаточность теоретической и методической основы для повышения профессионального уровня специалистов. Социальная практика требует от субъекта новых знаний, навыков в области саморазвития и профессиональной успешности. И субъект не имеет такого социального и профессионального опыта, который бы позволил ему удовлетворить новые требования.

На сегодняшний день, когда пандемия охватила весь мир, возникла необходимость в персонально ориентированном образовании для субъекта и личности в целом. С целью повышения качества образования, а также для развития личности студента изменяются цели и содержание обу-

чения, в ходе которого происходят раскрытие и сохранение индивидуальных способностей студентов.

У человека есть один из основных психических механизмов реализации профессиональной деятельности – его сознательная направляемая саморегуляция, способность к самопознанию и самоконтролю. Наличие развитых рефлексивных умений позволяет личности принимать осмысленные решения при установлении реальных отношений с различными сторонами деятельности.

С помощью самооценки человек оценивает себя и свое окружение. Очень важным является контроль за собой. Он позволяет отслеживать динамику учебного процесса и профессиональную деятельность, а также корректировать их результат [Рогинский 1990: 63].

Самооценка и самоконтроль имеют разную природу, поэтому студентам с низким уровнем регуляции сложно справиться с работой и трудностями на пути к профессиональному росту.

Для освоения новых умений или навыков необходимо активное участие студента в анализе и понимании действия, а не только заучивание уже готовых чужих объяснений, которые жестко регулируются правилами и способами выполнения действий. Неопределенность, связанная с поставленной целью, самостоятельным пониманием ее смысла и поиска условий ее решения, не должна смущать обучаемого. Это ограничивает не только его собственную активность, но и деятельность, которая необходима для формирования самосознания. Умение быстро осваивать новые приемы и виды деятельности не гарантирует человеку успешной адаптации к ситуации, требующей быстрых действий для ее решения. Обучающиеся с развитыми рефлексивными способностями могут успешно овладеть новыми, непривычными для них формами деятельности.

Я считаю, что индивидуальный подход к дисциплине должен стать основой для развития творческого потенциала личности, средством для упорядочивания у студентов навыков самоконтроля. Для того чтобы сформировать индивидуальную студенческую работу, необходимо использовать метод обучения, который выполняет различные взаимозависимые функции. Из них можно выделить следующие: обучающая и воспитательная. В их системной взаимосвязи осуществляется учебная работа, направленная на формирование творческой личности.

Особое внимание следует уделить первому году учебы в вузе, когда студент должен перестроить свою учебную деятельность. Если рассматривать этот этап в качестве адаптивного, то это не всегда оправдано.

На основании данных опросов мы можем сделать вывод о том, что большая часть студентов (87%) имеет достаточно четкое понимание отличия учебного процесса от школьной программы. Однако понимание этих различий не всегда обусловлено пониманием способов познания и обучения, общения в вузе.

Основным показателем успешной работы учащегося является его способность к выполнению всех требований учебной деятельности. Однако в исследованиях по данной тематике отмечается, что большая часть студентов не умеют воспринимать информацию, которую им доносят на лекциях. По данным последнего десятилетия, общая картина неполной сформированности умений и отношения к учебному делу в целом остается.

К отрицательным факторам организации дистанционного образования студентов относятся: высокая загруженность лекционными занятиями учебного плана; многоуровневая специализация; отсутствие программ, регулирующих взаимоотношения преподавателей и студентов при формировании самостоятельной работы студента; слабая направленность педагогов на организацию самостоятельной работы студентов [Жучуряну 1997: 12].

В качестве негативных факторов, влияющих на качество самостоятельной работы студентов, можно отметить недостаточное развитие методов дифференцированного и индивидуализируемого обучения. Тьюторская система формирует способность студентов к самоанализу деятельности, к самооценке и самоконтролю. В процессе обучения студент активно участвует в учебном процессе. Сотрудничество с преподавателем предполагает выполнение студентом заданий, которые имеют отдаленный контроль, позволяющий оценить промежуточный и итоговый результаты.

По мнению ряда исследователей, именно Великобритания стала родиной тьюторства. С 1350 года в Оксфорде и Кембридже начали преподавать индивидуальные наставники студентов, которые были связаны с университетом. Они являлись «третьей силой», которая должна была стать между профессорами и студентами. Именно тьюторы помогали в разработке индивидуального плана обучения слушателей европейских университетов для получения максимально полезной для их студентов информации и возможности сдать все необходимые экзамены [Шалимова 2012: 15].

В России слово «тьютор» не употреблялось до последнего времени. Однако это не означает, что функции тьютора никто никогда не исполнял – гувернеры и учителя из богатых семей или монастырские наставники были всегда. Однако официально утверждена должность тьютора только в 2008 году согласно приказу Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации.

Кто же такой тьютор и что означает тьюторское сопровождение?

«Tutor» – в переводе с английского языка означает наставник, опекун.

В словаре В. И. Даля сопровождение трактуется как «определенное действие. Сопровождать – значит сопутствовать, идти вместе, быть рядом и помогать» [Даль 2003: 638]. Согласно этому определению, под педагогическим сопровождением понимаются такие учебно-воспитательные взаимоотношения, в ходе которых ученик совершает действие по заранее известным нормам и правилам, а педагог создает условия для успешного осуществления этого действия.

Тьютор должен быть человеком с огромным желанием развиваться как личность, обладать умением ориентироваться в происходящем в образовании. Также его важными качествами являются организационный талант и активная жизненная позиция. Кроме того, в работе тьютора необходимы умение общаться с людьми и терпимость. Как правило, тьютор проводит встречи с другими специалистами для обсуждения образовательных программ, а также организывает различные мероприятия. Для того чтобы сделать образовательное пространство открытым, вариативно-интересным, тьютор должен быть в курсе всех нововведений и изменений в образовательной сфере. У каждого человека должна быть своя индивидуальная образовательная программа. Мир вокруг нас настолько разнообразен и сложен, что порой трудно найти решение даже самой простой задачи. А это значит, что каждый из нас должен уметь строить свой путь, в том числе и образовательный.

Тьюторский подход в работе со студентами заключается в том, что они самостоятельно разрабатывают приемлемые для себя нормы, которые затем обсуждаются с наставниками.

Система тьюторской поддержки создана для того, чтобы помочь участникам взаимодействовать на всех этапах обучения. При этом этапы взаимодействия включают в себя:

- 1) определение потребностей студента;
- 2) целеполагание и планирование;
- 3) организацию деятельности и контроль за ее выполнением;
- 4) принятие решений, вызванных результатами деятельности [Титовец 2012: 17].

На разных этапах взаимодействия роль тьютора может изменяться в зависимости от целей дистанционной работы, объема учебного материала, уровня подготовки студентов. Он может быть наставником, координатором, экспертом и советчиком.

Однако на сегодняшний день цели обучения студентов в российских вузах чаще всего формулируются преподавателем и «называются» студенту. Тьюторская система предполагает партнерское соглашение студента и преподавателя, а именно по направлениям учебного процесса, по этапам, которыми студент может достичь определенных результатов, и по тому, как этого достичь. Наставник и студент обсуждают, в каком формате будет проходить их работа. С помощью тьютора студент может получить возможность работать в той или иной степени самостоятельно, чтобы достичь поставленной цели.

Тьюторское сопровождение осуществляется с помощью следующих технологий:

– «Кейс-обучение» (интерактивная методология, основанная на решении конкретной проблемы).

– «Портфолио» (способ фиксирования, накопления и оценивания достижений).

– «Дебаты» (обсуждение темы, которая была предложена в рамках контрольной дискуссии).

Среди форм взаимодействия студента с тьютором можно выделить написание и обсуждение рефератов, дискуссионные обсуждения. Целью является не только научить студентов писать рефераты самостоятельно или же контролировать их выполнение, но и развить у них навыки работы с информацией, которые необходимы для написания работы. С помощью дискуссии с тьютором можно узнать о том, как студент относится к учебе и к преподавателям.

Таким образом, все перечисленные условия способствуют эффективной организации дистанционной работы студентов в вузах. На наш взгляд, данная технология обучения является эффективной и востребованной на сегодняшний день. При помощи тьюторской системы развивается мощный внешний ресурс программной мыслительной деятельности, формируются запросы на специалиста, способного к творчеству, обладающего приемами самостоятельной исследовательской и творческой деятельности.

Список источников

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык – Медиа, 2003. 866 с.

2. *Ковалева Т. М., Кобыща Е. И., Попова (Смолик) С. Ю., Теров А. А., Чередилина М. Ю.* Профессия «тьютор». М.; Тверь: СФК-офис, 2012. 246 с.

3. *Кучурияну М. Г.* Самостоятельная работа студентов в высших учебных заведениях Великобритании: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Ярославский гос. пед. ун-т. Ярославль, 1997. 19 с.

4. *Пилитчевская Н. В.* Тьюторская деятельность: теория и практика. Красноярск, 2009. 136 с.

5. *Рогинский В. М.* Азбука педагогического труда. М.: Высшая школа, 1990. 111 с.

6. *Титовец Т. Е.* Формы самостоятельной подготовки студентов в системе педагогического образования Великобритании // Самостоятельная работа и академические успехи. Теория. Исследования. Практика: материалы пятой международной научно-практической конференции. Минск: БГУ, 2005. С. 307-315.

7. *Шалимова Н. А.* Тьюторское сопровождение профессионального самоопределения учащихся в условиях старшей школы: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Кострома, 2012. 26 с.

8. *Hock M. F., Pulvers K. A., Deshler D. D., Schumaker J. B.* The Effects of an After-School Tutoring Program on the Academic Performance of At-Risk Students and Students with LD // Remedial and special education. 2001. Vol. 22, № 3. P. 172-186.

9. *Palfreyman D.* The Oxford tutorial: Sacred Cow or Pedagogical Gem? // The Oxford Tutorial: Thanks, You taught me how to think. Oxford: OxSHEPS, 2008. P. 14-30.

10. *Ryan A.* The Oxford Tutorial: History and Myth // Tutorial education assessment conference. Lawrence University, 2007. P. 2-10.

Шаронова Светлана Алексеевна,
доктор социологических наук, профессор ИМЭБ,
Российский университет дружбы народов,
sharounova-sa@rudn.ru

Авдеева Елена Вячеславовна,
кандидат социологических наук,
Московские информационные технологии,
lena-sharik@yandex.ru

АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИЙ СМАРТ-ОБРАЗОВАНИЯ НА ГОСУДАРСТВЕННОМ УРОВНЕ

Аннотация. В статье на основе обзора литературы и законодательных документов дается анализ внедрения смарт-образования в различных странах: России, Южной Кореи, ОАЭ и др. Целью исследования является выявить концептуальные представления смарт-образования на государственном уровне, определить стратегические тенденции реализации проекта «смарт-образование».

Ключевые слова: смарт-образование; смарт-устройства; интеллектуальные технологии; смарт-педагогика; кейс-модели

Sharounova Svetlana Alekseevna,
Doctor of Sociology, Professor of IMEB,
Peoples' Friendship University of Russia,
sharounova-sa@rudn.ru

Avdeeva Elena Vyacheslavovna,
Candidate of Sociology, Moscow Information Technologies,
lena-sharik@yandex.ru

ANALYSIS OF APPROACHES TO THE IMPLEMENTATION OF SMART EDUCATION CONCEPTS AT THE STATE LEVEL

Abstract. Based on a review of the literature and legislative documents, the article analyzes the implementation of smart education in various countries: Russia, South Korea, the United Arab Emirates, etc. The purpose of the study is to identify the conceptual representations of smart education at the state level, to determine the strategic.

Keywords: smart education; smart devices; intellectual technologies; smart pedagogy; case models

Введение

Концепция смарт-образования возникла благодаря бурному развитию цифровых технологий и искусственного интеллекта. Впервые проект «смарт»-образования был реализован в Малайзии в 1997 г. как «План внедрения смарт школ Малайзии» [Chan 2002]. Следующая волна внедрения идей смарт-образования приходится на первую декаду 21 столетия. Сингапур с 2006 года реализует генеральный план Intelligent Nation [New York Smart Schools Commission Report 2014], Австралия в сотрудничестве с

IBM разработала многопрофильную систему смарт-обучения [Smart Education 2012], Южная Корея на правительственном уровне разработала образовательный проект SMART [Choi, Lee 2012], Америка в Нью-Йорке реализует Программу Smart School [Taisiya, Yeon, Lee 2013], Финляндия в 2011 году реализовала проект смарт-образования «SysTech» [Kankaanranta, Mäkelä 2014], Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) в 2012 году начали инвестировать в программу смарт-обучения под названием «Программа смарт-обучения Мохаммеда бин Рашида» [Zhu, Yu, Riezebos 2016].

Сам термин «смарт-образование» еще неустойчив. Более раннее определение, данное Чжу и Хэ [Zhu, He 2012: 10], состоит в том, что «суть более разумного образования заключается в создании интеллектуальной среды с использованием интеллектуальных технологий, чтобы можно было упростить интеллектуальную педагогику, чтобы предоставлять персонализированные услуги обучения и давать учащимся возможность развивать мыслительные способности, которые имеют лучшую ценностную ориентацию, более высокое качество мышления и более сильную способность к поведению». Согласно Баджадж и Шарма [Baja, Sharma 2018: 839], смарт образование – это «предоставление персонализированного обучения в любом месте и в любое время. Более того, они заявляют, что интеллектуальное образование – это обучение за пределами традиционных классов; и это деятельность, которой можно заниматься где угодно и когда угодно». Джанг определяет смарт-образование как «образовательную систему, которая позволяет учащимся учиться с использованием современных технологий и позволяет учащимся учиться с использованием различных материалов в зависимости от их способностей и интеллектуального уровня» [Jang 2014: 76]. Умная среда обучения, иногда используемая для обозначения смарт-образования, «представляет собой новую волну образовательных систем, включающую эффективное и действенное взаимодействие педагогики, технологий и их слияние для улучшения процессов обучения» [Shoikova, Nikolov, Kovatcheva 2017: 33].

Анализ употребления термина «смарт-образование» в трактовке российских ученых дает Е. С. Мироненко [Мироненко 2018]. В результате ее исследования в дискурсе кроме термина «смарт-образование» используются термины: смарт-обучение, е-обучение, м-обучение. Четкого различия между этими терминами нет.

Если для западных ученых при определении феномена «смарт-образование» на первом месте стоит развитие и внедрение высоких технологий, хотя они затрагивают и новые подходы к преподаванию и обучению, то для российских ученых чаще всего смарт-образование расматривается с педагогической платформы.

Государственные концепты смарт-образования *Российский опыт*

Для отражения новой стадии развития образовательной сферы, построения новой формы и траектории в образовании в мире активно применяют слова-приставки *smart* и *intelligent*, что в русском значении преимущественно обозначает «умное». В научном мире, как было сказано выше, уже закрепились термины *смарт-образование* и *смарт-обучение*, однако на уровне правительства, т. е. законодательном уровне, пока практически не используются. Согласно ФЗ «О государственном языке РФ» [2005] допускается использовать иностранные слова, не имеющие общеупотребительных аналогов в русском языке. При переводе терминов *smart* и *intelligent* возникает эффект дублирования понятия, в связи с этим на законодательном уровне предпочтение отдается использованию терминов «электронное, дистанционное и цифровое образование». Термины «электронное и дистанционное образование» уже закреплены в ст. 16 ФЗ «Об образовании в РФ» в редакции от 1 марта 2022 года.

На законодательном уровне активно используется термин «цифровая образовательная среда», а не «цифровое образование», что, несомненно, имеет свои отличия. Цифровая образовательная среда – это прежде всего материально-техническая база и инфраструктура, а не перестройка всего образовательного процесса [Приказ Министерства просвещения РФ 2019 года].

Расхождение задач учебного плана и индивидуальные траектории

В концепциях *смарт-образования* достаточно много внимания уделяется вопросам построения индивидуальных образовательных траекторий, плана обучающегося. В настоящее время данные аспекты нашли свое отражение в Распоряжении Правительства РФ от 2 декабря 2021 г. № 3427-р «О стратегическом направлении в области цифровой трансформации образования, относящейся к сфере деятельности Министерства просвещения РФ» [Распоряжение Правительства РФ 2021]. В этом документе дается описание проектов, которые будут реализованы в области цифровой трансформации образования до 2030 года. Среди них в данном контексте вызывают интерес следующие проекты: сервисы для обучающихся «Цифровой помощник ученика» и «Цифровое портфолио ученика». При описании первого сервиса говорится, что данный сервис позволяет «с учетом подборки верифицированного цифрового образовательного контента выстраивать индивидуальный план обучения в соответствии с интересами и способностями обучающегося, а также управлять образовательной траекторией в соответствии с уровнем подготовки и интересами», а второго – что сервис обеспечивает обучающимся «возможность управления образовательной траекторией». Исходя из этого, к 2030 году должны заработать сервисы, позволяющие реализовать один из аспектов *смарт-обучения*. Но здесь встает вопрос о том, как он будет реализовыв-

ваться в рамках образовательного процесса. В образовательных учреждениях процесс обучения строится по образовательной программе и учебному плану. В ст. 2 ФЗ «Об образовании РФ» (редакция, действующая с 1 марта 2022 года) [ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» 2012] дается следующее определение учебному плану. Это документ, который определяет перечень, трудоемкость, последовательность и распределение по периодам обучения учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), практики и иных видов учебной деятельности и, если иное не установлено настоящим ФЗ, формы промежуточной аттестации обучающихся. Образовательная программа, в свою очередь, представлена в виде учебного плана, календарного учебного графика, рабочих программ учебных предметов, курсов, дисциплин и иных компонентов.

Таким образом, любая образовательная программа имеет план и график, который должен быть выполнен обучающимся, т. е. он должен получить определенный объем знаний за определенный период. Это накладывает определенные ограничения на образовательную программу. Индивидуальные траектории предполагают наличие некой свободы выбора и отхождение от общего плана. В связи с этим какие-то материалы могут быть не усвоены обучающимся в рамках его траектории обучения, поскольку они не вошли в его зону интересов или ему не хватило времени. Второй вопрос возникает относительно контроля освоения материала по индивидуальной траектории. Если изучение материала может быть дистанционным, через развитые электронные ресурсы, которые создаются, то вопрос контроля остается на преподавателе. В таких условиях либо у него возрастает нагрузка по контролю за качеством усвоения материала каждым учеником, идущим по своей образовательной траектории, либо он также оценивает по общим стандартам. В последнем случае теряется смысл введения индивидуального плана.

Внедрение понятия индивидуального плана обучения подразумевает пересмотр всей структуры построения образовательного процесса, либо она будет касаться внеклассной, внеурочной программы.

Подготовка педагогического состава

Согласно паспорту федерального проекта «Цифровая образовательная среда» от 7 декабря 2018 года № 3 [Паспорт федерального проекта «Цифровая образовательная среда 2018» в 2019 и 2020 гг. повышение квалификации должны были получить не менее 2 тыс. работников (каждый год не менее 2 тыс.), привлекаемых к осуществлению образовательной деятельности, что позволит обеспечить актуализацию знаний, умений и навыков ведущего кадрового состава системы образования в части широкого внедрения и использования современных цифровых технологий в образовании, а также инструментов электронного обучения. Акцент ставился на развитии сервисов по предоставлению электронного и дистанционного образования за счет развития цифровой образовательной

среды. Но вопрос кадров оставался открытым. В 2021 году был создан Многофункциональный портал ДПО, в задачи которого входит консолидировать «образовательные возможности участников системы дополнительного профессионального образования, унифицировать подходы к обучению педагогических работников и развитию их профессиональных компетенций» [Многофункциональный портал ДПО 2021].

Зарубежный опыт

Южная Корея. Изначально восприняла образовательный проект SMART как стратегически важное направление для страны. Первый этап реализации образовательного проекта SMART (2001–2007 гг.) был в основном ориентирован на синхронную доставку учебного контента локальным и удаленным/онлайн-учащимся, а также на синхронное общение «учитель – ученик» и локальное общение «ученик – удаленный ученик».

Второй этап (с 2008 г. по настоящее время) в основном нацелен на активное использование Интернета, мобильных технологий, мобильных устройств пользователя/студента/учащегося и автоматической связи между ними и интеллектуальной среды. Smart Learning основано на двух различных типах технологий: интеллектуальных устройствах и интеллектуальных технологиях.

Смарт-устройства относятся к артефактам, которые демонстрируют некоторые свойства вездесущих вычислений, включая искусственный интеллект. Они представлены в виде аксессуаров, таких как очки, рюкзак или даже одежда, облачные вычисления, аналитика больших данных (аналитика обучения) сосредоточены на том, как данные могут быть собраны, проанализированы и направлены на улучшение обучения и преподавания. Интеллектуальные технологии или сервисы дополненной реальности позволяют широкому кругу пользователей видеть в режиме реального времени контекстную информацию об их интеллектуальных, подключенных продуктах [Taisiya, Yeon, Lee 2013].

В настоящее время в Корее имеется превосходная информационная и коммуникационная инфраструктура, необходимая для цифровой образовательной среды. Высокоскоростной Интернет установлен по всей стране, среда Smart Learning позволяет учащимся использовать все доступные учебные устройства в любом месте и в любое время, даже социальные сети.

Чтобы решить задачу объединения возможностей интеллектуальных устройств и интеллектуальных технологий Корейское правительство пытается внедрить глобальную стандартизацию в среде цифрового обучения на основе результатов многолетних пилотных проектов. Государственная система образования Кореи готовится к запуску образовательного сервиса Smart Learning на основе сервисов облачных вычислений, особенно уделяется внимание созданию модели кейсов [Taisiya, Yeon, Lee 2013].

Объединенные Арабские Эмираты. В ОАЭ правительство выделяет первоочередные задачи: введение «умных классов», в рамках которых учащиеся будут использовать смарт-устройства как средство получения знаний, включение специализированных учебных программ для учителей и введение новых учебных программ, создание и поддержка деятельности платформ электронного обучения, поддержка проектов интеллектуального радио и 3D-печати, развитие курсов для обучения на протяжении всей жизни, чтобы работающие специалисты имели возможность ознакомиться с последними достижениями в своих областях, создание и поддержка развития цифровой библиотеки.

Примером успешной практики реализации правительственной программы может служить опыт Hamdan Bin Mohammed Smart University. В ОАЭ в рамках «Программы смарт-обучения Мохаммеда бин Рашида» (MBRSLP) действует HBMSU [Hamdan 2022] – это научно-исследовательский университет (электронный), который строится на модели непрерывного обучения, предлагающий множество форм и возможностей обучения, а также сочетает академические и неакадемические программы и курсы. Здесь используются технологии в форме мобильного обучения, дискуссионных блогов, онлайн-классов, образовательных игр и социальных сетей, которые подходят для удовлетворения потребностей работы как специалистов, так и выпускников высших учебных заведений. Акцент на непрерывном образовании дает новое восприятие образовательного процесса: не ступенчатого, как это принято в классическом образовании, а непрерывного – за счет постоянного повышения квалификации на курсах. Особенно остро это касается педагогического состава, который должен транслировать все инновации, реализуемые в науках и сферах жизнедеятельности человека. Значительный прогресс в технологиях требует новых видов грамотности. Скорость изменений цифровой среды настолько высока, что педагогический состав должен практически ежегодно проходить курсы по повышению квалификации в области построения образовательного процесса и применения инновационных технологий.

Заключение

В заключение хочется отметить, что наиболее продуманной на концептуальном уровне государственной программой внедрения Smart образования является образовательный проект SMART Южной Кореи. Изначально данный проект рассматривался как стратегически важный для развития экономики страны.

Практически все страны, которые приняли курс на внедрение смарт-образования, проходят одни и те же этапы развития: обеспечение смарт-устройствами образовательного процесса, использование смарт-технологий для развития форм дополнительной реальности, создание единого облачного бесшовного сетевого пространства, разработка кейс-модели в смарт-обучении. Прорывные тенденции смарт-образования все

более концентрируются вокруг новых методов смарт-педагогике и компетенций преподавателей в области смарт-технологий и смарт-устройств.

Российская практика внедрения смарт-образования пока не имеет единого концептуального видения. Мы продолжаем решать задачи насыщения образовательной среды необходимыми смарт-устройствами. Среди российских вузов нет практик создания образовательной смарт-среды (вместо традиционных учебных планов), основанной на сетевых связях с социумом. Чаще всего встречаются обращения к отдельным элементам смарт-технологий для решения организационных задач. Вопросы смарт-педагогике и постоянного развития компетенций преподавателей в области смарт-технологий и смарт-устройств не являются повесткой дня.

Список источников

1. *Мироненко Е. С.* Задачи и перспективы внедрения смарт-технологий в образовательный процесс // Социальное пространство. 2018. № 1 (13). DOI: 10.15838/sa/2018.1.13.5.

2. Многофункциональный портал ДПО. 2021. URL: <https://dppo.apkpro.ru/about> (дата обращения: 02.02.2022).

3. Паспорт федерального проекта «Цифровая образовательная среда» от 7 декабря 2018 года № 3. URL: <https://edu54.ru/upload/files/2016/03/%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%20%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F%20%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D1%81%D1%80%D0%B4%D0%B0.pdf> (дата обращения: 02.02.2022)

4. Приказ Министерства просвещения РФ от 2 декабря 2019 года № 649 «Об утверждении Целевой модели цифровой образовательной среды». URL: <https://docs.cntd.ru/document/564066705> (дата обращения: 02.02.2022).

5. Распоряжение Правительства РФ от 2 декабря 2021 г. № 3427-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112070025> (дата обращения: 02.02.2022).

6. ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 № 53-ФЗ (ред. от 30.04.2021). URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=217751> (дата обращения: 02.02.2022).

7. ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ (ред. от 01.03.2022). URL: <https://docs.cntd.ru/document/902389617> (дата обращения: 02.03.2022).

8. *Bajaj R., Sharma V.* Smart education with artificial intelligence based determination of learning styles // Procedia Computer Science. 2018. № 132. P. 834-842. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2018.05.095>.

9. *Chan F. M.* ICT in Malaysian schools: Policy and strategies // ICT in Education. 2002. P. 15-22.

10. *Choi J. W., Lee Y. J.* The Status of SMART Education in KOREA // World Conference on Educational Multimedia, Hypermedia and Telecommunications. 2012. № 1. P. 175-178.

11. IBM, Smart Education. 2012. URL: https://www.ibm.com/smarterplanet/global/files/au_en_uk_cities_ibm_smarter_education_now.pdf. (дата обращения: 25.02.2022).

12. *Jang S.* Study on service models of digital textbooks in cloud computing environment for SMART education // International Journal of u- and e-Service, Science and Technology. 2014. № 7 (1). P. 73-82. <https://doi.org/10.14257/ijunesst.2014.7.1.07>.

13. *Hamdan B. M.* Smart University. 2022. URL: <https://www.hbmsu.ac.ae/about/hbmsu-in-brief#overview> (дата обращения: 02.02.2022).

14. *Kankaanranta M., Mäkelä T.* Valuation of emerging learning solutions // World Conference on Educational Multimedia, Hypermedia and Telecommunications. Tampere, Finland, 2014.

15. *Taisiya K., Yeon C. J., Lee B. G.* Evolution to Smart Learning in Public Education: A Case Study of Korean Public Education // In IFIP International Federation for Information Processing. 2013. P. 170-178.

16. MEST: Ministry of Education, Science and Technology of the Republic of Korea, Smart education promotion strategy, President's Council on National ICT Strategies. 2011.

17. New York Smart Schools Commission Report. 2014. URL: http://www.governor.ny.gov/sites/governor.ny.gov/files/archive/governor_files/SmartSchoolsReport.pdf. (дата обращения: 25.02.2022).

18. Realising the in 2015 Vision Singapore: an intelligent nation, a global city, powered by infocomm. URL: <https://www.tech.gov.sg/files/media/corporate-publications/2015/01/realisingthevisionin2015.pdf> (дата обращения: 25.02.2022).

19. *Shoikova E., Nikolov R., Kovatcheva E.* Conceptualising of smart education // E+E. 2017. № 52 (3-4). P. 29-37.

20. *Zhu Z.-T., Yu M.-H., Riezebos P.* A research framework of smart education // Smart Learning Environments. 2016. Vol. 3, № 4. URL: <https://slejournal.springeropen.com/track/pdf/10.1186/s40561-016-0026-2.pdf> (дата обращения: 25.02.2022).

21. *Zhu Z.-T., He B.* Smart Education: new frontier of educational informatization // E-education Research. 2012. Vol. 12. P. 1-13.

Шибанова Елена Климентьевна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры политологии, истории
и философии, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
shibanova-ek@ranepa.ranepa.ru

ПРОГНОЗЫ РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ ТРУДА И ТЕНДЕНЦИИ В ОБЛАСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Аннотация. В статье представлена оценка перспектив развития глобальных и региональных рынков труда с учетом тенденций подготовки специалистов в образовательных учреждениях. Отдельно представлены запросы по рынку труда стейкхолдеров образовательных учреждений и молодых ученых, выделены востребованные профессии как на мировом рынке, так и на региональном уровне. На основе прогнозных методов определено, что подготовка будущих специалистов для различных сфер экономики и социума постепенно переходит из государственного офлайн-сектора в коммерческий онлайн, что приводит к формированию новых образовательных коучингов, которые быстро перестраиваются под текущие запросы и адаптируют цифровые разработки.

Ключевые слова: рынок труда; профессиональная подготовка; подготовка специалистов; трудовые ресурсы; образовательные организации; региональный аспект

Shibanova Elena Klimentievna,
Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Department
of Political Science, History, Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation,
Chelyabinsk Branch,
shibanova-ek@ranepa.ranepa.ru

GLOBAL AND REGIONAL LABOR MARKETS FORECASTS AND TRAINING TRENDS

Abstract. The article presents an assessment of the prospects for the development of global and regional labor markets, taking into account the trends in the training of specialists in educational institutions. Separately, inquiries on the labor market of stakeholders of educational institutions and young scientists are presented, professions in demand both in the world market and at the regional level are highlighted. Based on predictive methods, it has been determined that the training of future specialists for various sectors of the economy and society is gradually moving from the offline state sector to the commercial online one, which leads to the formation of new educational coaching that quickly adapts to current requests and adapts digital developments.

Keywords: labor market; professional training; training of specialists; labor resources; educational organizations; regional aspect

Введение

Образовательные учреждения перешли на новые модели развития еще более века назад. В большинстве случаев раздробленные попытки реформы и модернизации доказали свою неэффективность, недостаточность для устранения растущего разрыва между традиционными системами образования, современными трендами и новыми рынками труда.

Правительства, предприятия и обучающиеся должны знать потребность реального, всеобъемлющего рынка труда в целях сокращения разрывов между подготовкой специалистов и реальными запросами общества.

Образование с раннего детства имеет большой потенциал в борьбе с неравенством и раскрытием возможностей индивидов. Сегодня качество и доступность образования по-прежнему широко варьируются в разных странах, в зависимости от множества факторов, таких как пол, социально-экономический статус или географическое положение. Например, сегодня в странах Африки к югу от Сахары и в Южной Азии меньше 2/3 молодых женщин умеют читать. В качестве примера можно привести и латиноамериканскую Бразилию, где во всех регионах потребность работать и отсутствие интереса к учебе затрагивают около 70% молодых людей, что свидетельствует о необходимости принятия мер, побуждающих молодых людей продолжать обучение [PNAD Continuous 2020].

В основе любой «будущей» образовательной системы лежат учебные программы, предназначенные для распространения знаний и навыков, которые будут востребованы на рабочем месте. Учитывая стремительную эволюцию на рынке труда, большинство людей, полагающихся только на один набор навыков или узкую специализацию, не смогут «вписаться» в экономику будущего. Отсюда есть два ключевых компонента: во-первых, чему учить; и, во-вторых, как учить этому.

В мировом образовательном пространстве существует растущий консенсус в педагогических подходах о том, что прогнозные учебные программы должны быть сосредоточены на: лингвистических, математических и технологических секвенциях, обеспечении широты и глубины предметных знаний и способности разработать междисциплинарные курсы; развитии глобальной ценности гражданина, включая сопереживание и характер; некогнитивных профессиональных навыках, таких как решение проблем, критическое мышление, креативность [Шибанова 2017: 98].

К 2030 году потребуется дополнительно 26 миллионов учителей для достижения целей устойчивого развития (Цур) на образование. Кроме того, встает вопрос о том, чтобы привить способность научиться учиться – прививать любознательность и критическое мышление, столь необходимые на сегодняшнем рынке труда. Необходимо вовлекать преподавателей в их собственное профессиональное развитие. Здесь важную роль могут сыграть интернет-технологии.

В среднем во всем мире около 53% от трудоспособного населения являются работниками какого-то рода – работают официально, работают без официального контракта в неформальном секторе экономики. В семейном бизнесе работают в основном 4% населения, которые считаются также работодателями. Еще 7% являются безработными и 13% работают по найму. Кроме того, около 20% неактивны – никогда не работали или, как правило, занимались неоплачиваемой работой [IBGE 2019].

Большинство работ претерпевает глубокие сдвиги как в развитых, так и в развивающихся странах мира. Новые технологии, глобализация, изменение потребительских предпочтений и демографические изменения меняют бизнес-модели и приводят к появлению новых, доселе непредвиденных рабочих мест, происходят быстрый отток навыков в рамках существующих рабочих мест и снижение многих традиционных работ, как синих, так и белых воротничков.

То, что до сих пор считалось квалифицированной работой, сейчас проходит трансформацию, требующую быстрой адаптации как работников, так и их работодателей. Эти тенденции влияют на гендер и географию по-разному.

Совершенно новые рабочие места возникли и востребованы в период цифровой экономики. Возникла необходимость в профессиях, которые строятся на базе науки, техники, инженерии, математики, цифровых медиа и коммуникаций.

Современные ученые в области высшего образования Т. Л. Клячко, С. Г. Синельников-Мурылев отмечают, что те вызовы, которые уже стояли перед образованием, связаны с технологическим развитием и мощными экономическими изменениями, происходящими в современном мире, дополнились интенсивными социальными переменами [Клячко 2018: 7].

В тренде ли российское образование? Этот вопрос стал одним из ключевых при принятии Национального проекта «Образование».

Цифровая экономика требует постоянного развития и самосовершенствования, образование стало массовым и постоянным явлением. В России учатся 40% взрослого населения, а значит, спрос на переподготовку и повышение квалификации постоянно растет. Модули, симуляторы виртуальной реальности и компьютерные игры с обучающим элементом – самые потребляемые услуги.

«Скорость изменений высока, базовое образование не успевает своевременно реагировать. Поэтому массивный сектор корпоративного обучения возник как запрос на дополнительную подготовку. Принципиальная разница с предыдущими периодами – это то, что мы подстраиваемся под запросы бизнеса. Ежегодно мы пересматриваем свои программы обучения с учетом новых трендов», – отметила Татьяна Терентьева, директор по персоналу Госкорпорации «Росатом».

Рынок образования постепенно переходит из государственного офлайн-сектора в коммерческий онлайн, обретая независимость. Это приводит к формированию новых образовательных коучингов, которые быстро перестраиваются под текущие запросы и адаптируют последние разработки. Международные коммерческие образовательные платформы строятся на опыте ведущих иностранных специалистов. Они помогают молодым ученым овладеть передовыми технологиями и продвинуть собственные изобретения. Онлайн-овый, частный и глобальный – таким будет рынок образования к 2030 году.

Рынок испытывает дефицит в квалифицированных кадрах. Цифровые компетенции, оперативное и критическое мышление, опыт работы в команде в эпоху цифровой экономики являются неотъемлемыми. Понятие «профессия» постепенно растворяется, теперь специфику работы определяют система навыков, которые могут чередоваться в зависимости от поставленных задач. Биоинженерия, киберспорт, молекулярная кухня – коллаборация различных компетенций открывает дорогу молодым креативным специалистам. Особое внимание уделяется конвергентным лабораториям, за их плечами стоит множество современных разработок.

«В ближайшие 7 лет искусственный интеллект полностью вытеснит бумажный учебник и сломает привычную методику общеобразовательной школы. Индивидуализация обучения в корне изменит и роль учителя», – отметил российский экономист Ярослав Кузьминов [Кузьминов 2020].

Искусственный разум адаптируется под каждого ребенка, создает персональную подборку заданий в зависимости от способностей учащегося. Это дает возможность не перегружать отстающих, а преуспевающим позволит интенсивней грызть гранит науки. Квалификация учителя также претерпевает изменения. Концентрация на проектной деятельности, организация дискуссионных и экспериментальных площадок, персональная консультация – основные требования к современным педагогам. Школа перестраивается на соревновательный аспект и в будущем будет работать по 2 ключевым направлениям: разработка коллективных проектов и подготовка к ЕГЭ. Количество обязательных государственных экзаменов с каждым годом увеличивается. По мнению экспертов, таким образом ученики не теряют мировоззренческую способность.

Запросы стейкхолдеров и потребности в молодых ученых

Министерство образования РФ с 2018 года решило внедрить в учебный процесс высших учебных заведений уникальное нововведение: отныне каждый студент вуза сможет выбирать, в каком университете слушать лекции по определенной дисциплине. При этом абсолютно неважно, где он учится на данный момент и куда он изначально поступал. Старт программы, названной «Академическая мобильность», намечен на сентябрь 2018 года. То есть с этого времени вы самостоятельно сможете выбирать вуз, в который ходить на лекции, если являетесь студентом.

Еще одной особенностью академической мобильности молодежи является то, что современная молодежь «свободна» в своем выборе. Это касается как места обучения или практики, так и стажировки, выбора страны для проживания. И этот процесс будет только усиливаться благодаря нарастающим темпам цифровизации, новым технологиям и, следовательно, новому требованию со стороны социума.

Приведем пример запросов трудоспособного населения на мировом рынке труда. Так, по составленному нами прогнозу развития научных сфер стран БРИКС до 2030 г. (прогноз составлен на основе данных Peterson Institute for International Economics (PIIE), Asian Development Bank, ADB) можно констатировать, что в странах БРИКС национальное образование ориентируется на две основные области: медицину и компьютерные технологии. Второе по рейтингу место занимают биологические науки, третье – экономические науки. Вместе с тем приоритетными для стран БРИКС выступают право и политические науки; математика; физика, астрономия, ядерная энергетика; гуманитарные науки; история и сельскохозяйственные науки [Shibanova 2020: 44].

Нововведение должно благоприятно сказаться как на качестве образования, так и на личном взаимодействии студентов и преподавателей из разных вузов.

Отношение россиян к трудоустройству

Цифровизация расширила «горизонты» мирового и регионального рынка труда. Приверженность профессии становится архаизмом. Все больше наблюдается тенденция «смены работы». Большинство россиян (5 000 респондентов) планируют сменить работу в 2022 году, выяснил сервис «Работа.ру». Если в прошлом году такие планы были у 43% россиян, то в начале 2022 г. об этом намерении сообщили 71% участников опроса сервиса.

От новой работы чаще всего ожидают высокой зарплаты – об этом рассказали 76% участников опроса, 58% респондентов на новой работе хотели бы встретить адекватный коллектив и руководство, а 48% надеются соблюдать баланс между работой и отдыхом, выяснили исследователи.

Треть респондентов (33%) ищет возможности обучения, примерно столько же (32%) – интересные задачи, 37% участников опроса ищут новые возможности для карьерного роста.

Для 27% опрошенных важна близость работы к дому, а для 24% – гибкий график труда, 22% хотели бы работать дистанционно, а 12% – без дресс-кода.

По результатам опроса, 39% из тех, кто планирует менять работу в этом году, настроены сменить профессию. Почти половина (49%) из них сейчас подбирают подходящие вакансии по новым специальностям.

Треть участников опроса (29%) указала, что пока изучает потенциально подходящие профессии, еще 12% рассказали, что уже получают

необходимые знания и навыки для новой специальности. Исследование проводилось в декабре 2021 года. В нем приняли участие более 5 000 человек старше 18 лет.

К сравнению, в 2021-м сменить работу собирались 43% россиян. Еще 21% планировали устроиться на подработку.

В таком случае возникает вопрос: «А как на рынке труда “ощущает” себя работодатель?».

Как рынок труда адаптируется к новым постковидным реалиям

В 2021 году работодатели особенно остро ощутили последствия демографической ямы 90-х: количество резюме от молодых специалистов по сравнению с 2020 годом сократилось, уехавшие из страны мигранты до сих пор не вернулись, а для автоматизации процессов, призванных спасти e-commerce и другие сферы от стагнации, как и прежде, не хватает главной движущей силы – IT-специалистов [Федоткин 2021].

Нехватка рабочей силы в последние месяцы 2021 года вынудила работодателей предлагать более конкурентоспособные пакеты вознаграждения, чтобы привлечь и удержать работников.

Приведем пример. Так, в дополнение к своим сезонным бонусам Target также инвестирует 200 миллионов долларов в течение следующих четырех лет в бездолговую помощь в области образования. Он предлагает своим более чем 340 000 штатных и неполных сотрудников в США возможность бесплатно участвовать в программах младшего специалиста и бакалавра, а также в учебных лагерях в рамках партнерства с Guild Education; Target будет платить до 10 000 долларов в год за магистерские программы.

Даму Маккой, вице-президент Target по привлечению талантов, говорит, что такие привилегии приносят пользу как отдельным сотрудникам, так и корпоративной культуре. «Успех компании заключается в корпоративной культуре», – утверждает Маккой, который пришел в компанию в качестве стажера почти 30 лет назад [McCoу Dame 2021].

Target была лишь одной из 236 американских компаний, попавших в список 2021 года. Немецкие компании заняли 91 место, за ними следует Китай с 57. Хотя фирмы в области машиностроения и производства были одними из самых представленных, в первую десятку вошли технологические компании, включая южнокорейские Samsung (№ 1), IBM (№ 2), Майкрософт (№ 3). Amazon заняла 4-е место, несмотря на недавние обвинения в дискриминации по расовому признаку и беременности, а также в неравенстве в оплате труда.

Тенденции настоящего и профессии будущего

Нобелевский лауреат по экономике К. Писсаридес утверждает, что в современном мире сохранится немного областей, где бы человека не вытеснили роботы-машины. К таким областям он относит: здравоохране-

ние, образование, сервисное обслуживание, недвижимость, социальные услуги [Petrongolo, Pissarides 2008: 256-262].

Используя метод экстраполяции трендов, отметим, что, например, среди южноафриканских, бразильских студентов популярностью пользуются медицинские специальности, компьютерные, инженерные профессии, маркетинг и журналистика. Студенты России и КНР предпочитают управленческие специальности, бизнес и менеджмент. Индийские студенты нацелены на медицину, аграрные направления подготовки и инженерные науки [Shibanova 2020: 40].

В 2016 году был запущен первый российский биопринтер, который умеет печатать живые ткани и органы. Это предвещает кардинальные изменения и в медицине. В транспортной сфере появляются беспилотные автомобили, в экономической – интернет-банкинг, в сельском хозяйстве – мультисенсорные датчики изучения корней растений.

Релевантные для России данные о профессиях будущего привела руководитель НН.гу Юлия Сахарова, ссылаясь на исследования, проведенные московской школой управления «Сколково» и Агентством стратегических инициатив. По данным их совместного проекта, до 2030 года появятся 136 новых профессий.

В будущем специалистам нужно будет все чаще пополнять запас своих личных компетенций, получать новые навыки, которые будут актуальны и востребованы в стремительно развивающемся мире.

Таким образом, три из пяти самых востребованных профессий – медицинские. А в антирейтинге расположились экономист (42 вакансии, 829 резюме), бухгалтер (75 вакансий, 1 259 резюме) и юрист (36 вакансий, 585 резюме).

Отдельно подчеркнем, что знание английского языка перестает быть конкурентным преимуществом на рынке труда, а становится необходимостью для любого специалиста.

По мнению ученого-экономиста, роботы смогут заменить практически все профессии. В первую очередь это бухгалтер, секретарь и служащие, поскольку в этих профессиях используются алгоритмы. Но сохранятся и профессии, где по-прежнему прерогатива останется за человеком: юристы, работники творческих специальностей, здравоохранения, образования, гостиничного хозяйства и сферы услуг. Эти профессии пока сложно алгоритмизировать [Pissarides 2008: 256-262].

В качестве примера выделим запросы регионального рынка труда г. Челябинска по наиболее востребованным кластерам.

ТОП-5 рабочих профессий:

1. Регулировщик радиоэлектронной аппаратуры и приборов.
2. Проходчик.
3. Электроэрозионист.
4. Слесарь по ремонту оборудования тепловых сетей.

5. Моторист/машинист.

ТОП-5 профессий служащих:

1. Врач.

2. Медсестра.

3. Участковый полиции.

4. Фельдшер.

5. Провизор.

Рынок труда постоянно меняется, и можно констатировать, что уже на ближайший год вполне может потерять свою актуальность. Анализ востребованных профессий в мире показал 3 основных кластера: информационные технологии, инженерия, медицина.

Такие профессиональные кластеры, как индустрия гостеприимства, мода и дизайн, характерны для некоторых европейских стран и не актуальны для России. Для Российской Федерации востребованными в ближайшие 5–10 лет будут специалисты в области медицины, биологии, генетики, инженерии, IT-специалисты. И, если обратиться к конкретному региону, например Челябинску и Челябинской области, на местах затребованы наиболее «конкретные» профессии: инженерного и медицинского блоков.

Выводы и рекомендации

Рынок образования постепенно переходит из государственного офлайн-сектора в коммерческий онлайн, обретая независимость. Это приводит к формированию новых образовательных коучингов, которые быстро перестраиваются под текущие запросы и адаптируют последние разработки.

Наблюдается консенсус в образовательном сообществе и запросах работодателей. Прогнозные учебные программы должны быть сосредоточены на: лингвистических, математических и технологических секвенциях, обеспечении широты и глубины предметных знаний и способности разработать междисциплинарные курсы; развитии глобальной ценности гражданина, включая сопереживание и характер; некогнитивных профессиональных навыках, таких как решение проблем, критическое мышление, креативность.

Прогнозные учебные программы должны быть:

1) обновлены и адаптированы на основе выводов и прогнозов развития местных и глобальных рынков труда и тенденций в области профессиональной подготовки;

2) разработаны и пересмотрены совместно со всеми заинтересованными сторонами, включая предприятия;

3) актуализированы в соответствии с новыми достижениями науки и технологий.

Прогнозы развития местных и глобальных рынков труда включают четыре основных кластера в профессиональной сфере – культура, креа-

тивная и цифровая экономика, сетевое пространство и базы данных, медицина и фармацевтика.

Анализ востребованных профессий в мире показал 3 основных кластера: информационные технологии, инженерия, медицина. Для Российской Федерации востребованными в ближайшие 5–10 лет будут специалисты в области медицины, биологии, генетики, инженерии, IT-специалисты. В конкретном регионе, например Челябинске и Челябинской области, на местах затребованы наиболее «конкретные» профессии: инженерного и медицинского блоков.

Меры образовательной политики должны быть направлены на создание условий получения образования на всей территории России. Наиболее значимым трендом выступает цифровая трансформация кадрового состава системы образования. Это обусловлено тем, что фигура преподавателя в образовательном пространстве остается ключевой, при расширении возможностей компьютерных технологий.

Должны проводиться профориентационные съезды для школьников и их родителей, т. к. многие могут не знать о существовании той или иной профессии, ведь они из другого поколения. Родители должны быть просвещены, понимать, что в принципе происходит в мире, какие профессии устаревают, а за какими будущее.

Список источников

1. *Клячко Т. Л., Синельников-Мурылев С. Г.* Стратегия для России: образование. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. С. 7.

2. *Кузьминов Я.* О вызовах и феноменах будущего. URL: <https://issek.hse.ru/news/403073233.html> (дата обращения: 20.01.2022).

3. *Федоткин А.* Рынок кандидата и паника работодателей: как рынок труда заканчивает 2021 год // Форбс [веб-сайт]. URL: <https://www.forbes.ru/svoibiznes/449367-gynok-kandidata-i-panika-rabotodatelej-kak-gynok-truda-zakancivaet-2021-god> (дата обращения: 28.01.2022).

4. *Шибанова Е. К.* Мониторинг вузов как основа трудоустройства выпускника // Актуальные проблемы государственного, регионального и муниципального управления: теория, аналитика, практика: сб. ст. / ред. кол. О. М. Масюто [и др.]; отв. ред. Е. В. Годовова. Оренбург: Типография «Агентство Пресса», 2017. С. 96-101.

5. IBGE, Diretoria de Pesquisa, Coordenação de Trabalho e Rendimento, Pesquisa Nacional por Amostra de Domicílios Contínua 2016–2019 // Biblioteca [веб-сайт]. URL: https://biblioteca.ibge.gov.br/visualizacao/livros/liv101736_informativo.pdf (дата обращения: 27.01.2022).

6. *McCoy Dame.* The World's Best Employers 2021 // Forbes [веб-сайт]. URL: <https://www.forbes.com/sites/samanthatodd/2021/10/12/meet-the-worlds-best-employers-2021/?sh=3b70d2823b37> (дата обращения: 28.01.2022).

7. *Petrongolo B, Pissarides K.* Pros and cons of European unemployment // American Economic Review. 2008. № 98 (2). P. 256-262.

8. PNAD Continuous // IBGE [веб-сайт]. URL: <https://www.ibge.gov.br/estatisticas/sociais/educacao/9127-pesquisa-nacional-por-amostra-de-domicilios.html?=&t=o-que-e> (дата обращения: 27.01.2022).

9. *Shibanova E. K.* BRICS countries education export: challenges and Forecasts // XXIII International Conference Culture, Personality, Society in the Conditions of Digitalization: Methodology and Experience of Empirical Research Conference. Conference date: 19–21 March 2020. P. 37-45.

10. UNESCO 2019 // UNESCO [веб-сайт]. URL: <http://www.unesco.org/> (дата обращения: 22.01.2022).

Щедрина Екатерина Александровна,
студент 4 курса бакалавриата,
Воронежский государственный университет,
smaygdi@gmail.com

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Аннотация. Время пандемии привнесло множество событий в общественную жизнь. Точки зрения на различные социальные процессы, явления и феномены приобрели новые краски. Особое внимание уделено дистанционному образованию и дистанционной научной деятельности студентов. Большое количество статей СМИ, статьи научного толка освещают такие проблемы, как положительные и отрицательные стороны дистанционного образования в процессе научной деятельности, отношение студентов к научной деятельности, проблемы мотивации и многое другое. Раскрываются двоякие стороны технологизации и информатизации удаленного обучения, освещаются проблемы экономического характера, психологического, технологического.

Ключевые слова: научная деятельность; научные исследования; студенты; пандемия; COVID-19; коронавирус; студенческая наука

Shchedrina Ekaterina Aleksandrovna,
4th year Student of Bachelor's Degree,
Voronezh State University,
smaygdi@gmail.com

SCIENTIFIC ACTIVITIES OF STUDENTS DURING THE PANDEMIC

Abstract. The time of the pandemic brought a lot of events into public life. The points of view on various social processes, phenomena and phenomena have acquired new colors. Special attention is paid to distance education and distance scientific activity of students. A large number of media articles, scientific articles cover such problems as the positive and negative aspects of distance education in the process of scientific activity, the attitude of students to scientific activity, motivation problems and much more. The two sides of technologization and informatization of distance learning are revealed, the problems of an economic, psychological, technological nature are highlighted.

Keywords: scientific activity; scientific research; students; pandemic; COVID-19; coronavirus; student science

Перед лицом глобальной пандемии COVID-19 новые методы работы и обучения были введены почти во всех странах из-за ежедневного распространения коронавируса, а также для ограничения количества личных контактов, чтобы предотвратить распространение вируса.

Вирусная пандемия привнесла множество трудностей в жизнь каждого человека. Тяжело назвать хоть одну сферу жизнедеятельности общества, которую бы не затронуло это огромное препятствие. В то же время пандемия дала огромное количество возможностей посмотреть на

различные феномены, явления, процессы с иной точки зрения, которой не могло бы быть в ином случае.

Распространение вируса дало толчок развитию системы образования, привело к новым инновациям в образовании и к неожиданно позитивным изменениям. Пандемия, вызванная распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19, и связанные с ней ограничительные меры заставили множество людей отказаться от традиционных повседневных практик, сильно видоизменили процесс работы образовательных организаций.

Полный масштаб изменений, затронувших человеческое сообщество, станет понятен лишь спустя месяцы или даже годы после начала пандемии. Тем не менее уже сейчас социологи могут отметить многие важные тенденции трансформации всего общества и его отдельных подсистем. В сложившихся условиях дистанционная научная деятельность студентства приобретает особую актуальность.

Интерес к научно-исследовательской деятельности студентов вызван несколькими причинами. Во-первых, научно-исследовательская деятельность студенческой молодежи является важным элементом на пути становления будущих специалистов, способных конкурировать в профессиональной среде на рынке труда, уметь адаптироваться под постоянные изменения в обществе, анализировать их и принимать рациональные решения [Коллини 2016: 7]. Во-вторых, статистические данные свидетельствуют, что в отечественной науке наблюдается постоянное старение научных кадров, и их омоложение входит в число приоритетных задач государственного уровня [Дежина 2003: 0].

Научно-исследовательская деятельность формирует у студентов творческое мышление при решении различных задач и стремление к поиску глубинных причин явлений и процессов, развивает аналитические, прогностические и коммуникативные навыки студентов, личностные и профессиональные качества [Мартюшев 2013: 48]. То есть полезность научной деятельности высока, но, возможно, понимание этого факта и есть, только в действительности очень малое количество студентов занимаются этим. Это можно подтвердить проведенным исследованием, результаты которого представлены в статье А. В. Ермиловой [Ермилова 2015].

Данное утверждение также можно подтвердить научными работами и зарубежных авторов: приобретение опыта научного исследования влияет на личностно-профессиональное развитие, умение мыслить критически, улучшает успеваемость студентов [Кремень 2021: 142].

Научно-исследовательскую работу со студентами можно рассматривать как процесс и как результат. Чаще всего научно-исследовательская деятельность представляется как результат, выраженный в количестве опубликованных статей, количестве участников и побед в олимпиадах и различных конкурсах и т. д. [Коган 2020: 179].

Вовлечение в научную деятельность может быть сопряжено с многочисленными препятствиями. Недостаток знаний о самом процессе проведения исследования и, следовательно, неуверенность в правильности своих действий, финансовые затруднения. Молодые люди нередко разочаровываются в научной работе, не приобретя нужных им навыков или не получив одобрения со стороны научного руководителя. Отрицательный исследовательский опыт может пагубно повлиять на учебу в университете и даже на последующую профессиональную карьеру, может заставить засомневаться в правильности выбора именно той специальности, на которой учится студент.

Как видно из вышеизложенного, в самой научной деятельности студентов как явлению существует множество противоречий.

Что касается научной работы в ситуации пандемии, то мониторинг исследований показывает, что количество публикаций за это время значительно выросло, особенно отмечают исследования касательно самой пандемии, возрос также и уровень международного соавторства [Кремень 2021: 143]. В этой связи повысились возможности студентов начать занятия научно-исследовательской деятельностью. Необходимо отметить, что вынужденная изоляция стала причиной определенных затруднений в процессе реализации тех или иных исследовательских проектов, приостановлен обмен исследователями, и после пандемии ситуация может только усугубиться в силу того, что университеты, испытывающие недофинансирование, не будут спонсировать исследования, не связанные с пандемией [Кремень 2021: 143].

Во время пандемии многие студенты испытывают затруднения при дистанционном обучении в силу низкого уровня технической оснащенности, недостатка средств, который как раз и влечет за собой затруднения в приобретении аппаратуры для эффективного обучения и, следовательно, для занятий по научному профилю деятельности [Малиновский 2020: 4]. Кроме того, вынужденная изоляция, отсутствие живого общения, нахождение вдали от родственников и друзей, невозможность в большинстве случаев заниматься хобби и скука сильно повлияли на их психологическое состояние: повысился уровень стресса, упаднических настроений, возникло чувство одиночества [Кремень 2021: 143]. Необходимо также акцентировать внимание на том, что наложение напряженности во многих направлениях, давящих как на сознание, так и на физическую составляющую студента, влечет за собой «выгорание».

Продолжая эту мысль, важно упомянуть исследование А. В. Жукоцкой и И. А. Васильева [Жукоцкая 2018: 82]. Ими была определена взаимосвязь и взаимозависимости многообразных социальных и психологических мотивов, определяющих социально-познавательную деятельность абитуриентов и студентов-первокурсников различных ступеней и профилей образования. В ходе исследования ими был выявлен комплекс факто-

ров, затрудняющих образовательный процесс и оказывающих определенное негативное влияние на формирование мотивационных позиций обучающихся: неумение хорошо планировать свое время; чрезмерная учебная нагрузка; не вполне удовлетворительное качество преподавания ряда дисциплин и др.

Так, дистанционное образование, дистанционная научная деятельность студентов не получили бы столь широкого обоснования, рассмотрения, а также «стресс-теста» всей системы научного знания. Научная деятельность подвергается некоторым затруднениям, которые преследовали данную сферу всегда, например, с объективной точки зрения существуют следующие препятствия: недостаточное финансирование, недостаточный акцент на важности НИР, слабая научная мобильность, с субъективной можно указать: перманентное отсутствие свободного времени и уверенности в своих силах у студентов, финансовые трудности, стрессы, состояние здоровья [Кремень 2021: 141].

Однако, помимо устоявшихся причин, появились новые вызовы пандемии COVID-19. Так, на Международной научной конференции «Сорокинские чтения: Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности», состоявшейся 4 марта 2021 года на социологическом факультете МГУ, были приведены другие стороны дистанционного образования и проведения научной деятельности. Выделяют четыре основные проблемные особенности формирования системы дистанционного образования в России [Сорокинские чтения 2021: 088]. Первая включает в себя факторы технического характера, подразумевающие низкий уровень развития компьютерных сетей и интернета. Экономический фактор, в частности безработные, у которых нет возможности приобрести и оплатить доступ к интернету. Третьей является педагогический фактор. Преподаватели в большинстве своем никогда не сталкивались с дистанционным форматом обучения, в связи с чем им необходимо внести значительные коррективы в образовательную программу, радикально изменить технологические приемы и стиль общения с учащимися. Четвертым выступает психологический аспект. Современное поколение быстрее адаптируется к изменениям, но в психологическом плане сложнее привыкнуть, что процесс получения знаний уже не будет прежним и необходимо приспособливаться к нововведениям, стараться усваивать материал новым способом и отказаться в определенной мере от «живого общения» как с преподавателем, так и со своими сверстниками. Стоит отметить, что дистанционное обучение и самообразование, в том числе и научная деятельность, требуют более высокого уровня мотивации, чем обучение, проводимое в традиционном формате.

Исследуя мотивационный аспект, нельзя не упомянуть о его огромной зависимости в целом от отношения студентов к научной деятельности. Исследование отношения студентов к научной деятельности в пери-

од пандемии было проведено в Смоленском государственном университете [Кремень 2021: 144]. Анализ результатов исследования показал, что научная деятельность студентов в ситуации пандемии COVID-19 (апрель – декабрь 2020 г.) стала проходить активнее, чем до этого. Так, если до пандемии формами научно-исследовательской деятельности занимались 54,7%, причем вне учебного процесса в вузе только 27,2%, то с апреля 2020 года количество занимавшихся выросло до 59,9%.

Согласно результатам исследования, около 29,7% студентов не знают, чем в целом занимается студенческое научное общество. Практически половина опрошенных (48,4%) знают, что оно организует различные научные мероприятия. 42,9% респондентов не знают, если ли студенческое научное общество на их факультете и в вузе. Следствием этого является то, что студенты, желающие заниматься настоящей научной деятельностью на младших курсах (62,5%), приступают к ней только на старших, в основном при написании курсовых и дипломных работ.

Также было отмечено, что мотивация студентов к занятию научной деятельностью разнородна. Большинство (57,8%) стремится к личностному саморазвитию и самосовершенствованию, развитию в профессиональном плане (53,1%). Другие же хотят получить новые знания о той или иной проблеме (35,9%) или возможности для дальнейшего карьерного роста в научной среде (32,8%).

Причем только 21,9% респондентов связывают занятия наукой с последующим поступлением в магистратуру, а затем в аспирантуру, большинство же (62,5%) не планируют заниматься научной деятельностью после окончания университета.

В целом исследование в Смоленском государственном университете показало, что интерес к научной деятельности в условиях пандемии COVID-19 незначительно возрос. Практически все опрашиваемые ответили, что занимались научно-исследовательской работой в рамках учебного процесса. Некоторые студенты не знают, что в университете и на всех факультетах действует студенческое научное общество. В то же время осведомленные студенты свободно называют направления его работы. Кроме того, большинство студентов младших курсов уверены, что научную деятельность можно вести только на старших курсах, а старшекурсники считают, что нужно начинать как можно раньше.

Исходя из приведенных положительных и отрицательных качеств дистанционной научно-исследовательской деятельности студенчества, стоит обратить внимание на результаты круглого стола «Плюсы и минусы дистанционного обучения в научно-исследовательской деятельности студентов» Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (НТГСПИ), в рамках которого и были рассмотрены некоторые важные аспекты дистанционного процесса обучения и научной деятельности, напрямую затрагивающие сам процесс

включенности [Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт 2020].

Основой для анализа заявленной темы стали материалы опроса студентов филиала, в котором приняли участие 206 человек. Кроме того, материалом для обсуждения выступили результаты в области научно-исследовательской деятельности студентов филиала, отраженные в годовых отчетах кафедр. Были выделены следующие ключевые вопросы:

1. Достаточно ли, по Вашему мнению, в период дистанционного обучения освещаются мероприятия в рамках студенческой науки (мастер-классы, семинары, форумы, конкурсы)?

2. Из каких источников Вы предпочитаете узнавать о мероприятиях по студенческой науке?

3. Что, по Вашему мнению, можно добавить в студенческую науку в период дистанционного обучения?

4. Какие темы Вы хотели бы рассмотреть в рамках мастер-класса / семинара?

5. Возникло ли у Вас желание попробовать себя в роли ведущего мастер-класса в рамках студенческой науки?

В результате исследования были выявлены следующие особенности научно-исследовательской деятельности студентов НТГСПИ в период дистанционного обучения:

1. Снижение показателей результативности НИРС в области участия студентов в научно-практических конференциях и конкурсах на лучшие студенческие научные работы (в среднем на 20–25%).

2. Рост публикационной активности студентов (от 14% до 70%).

3. Малая востребованность студентами филиала выставок студенческих работ.

4. Практически всех студентов (91,3%) вполне устраивают организованные вузом научные мероприятия.

5. Студенты предпочитают узнавать о научных мероприятиях из социальных сетей (63,1% – из группы «PRO-знание» в VK; 27,7% – из аккаунта в Instagram (принадлежит признанной экстремистской и запрещенной в России Meta)).

Была проведена дискуссия по поводу основных причин снижения показателей научно-исследовательской деятельности студентов в период дистанционного обучения. Среди общих и итоговых причин, связанных с особенностями работы и учебной деятельности в период пандемии, были отмечены следующие:

1. Увеличение учебной нагрузки преподавателей и студентов, что привело к нехватке времени на другие виды деятельности, в том числе на научно-исследовательскую работу.

2. Отсутствие жесткого контроля НИД студентов со стороны преподавателей.

Подводя итог приведенного выше круглого стола, можно указать на то, что была рассмотрена лишь одна сторона данного явления, а значит, предстоит еще множество вероятных исследований на эту проблему.

Переходя к выводу, стоит отметить, что тема дистанционного образования, дистанционного занятия наукой и проблемы, связанные с этим явлением, еще не проработаны. Скорее всего, анализ большого количества сторон этого двоякого процесса еще только предстоит и сложно предугадать, какие временные рамки можно назвать, так как сегодняшняя ситуация указывает лишь на нескорое движение в направлении решения этой задачи.

Список источников

1. *Дежина И. Г.* Молодежь в науке // Социологический журнал. 2003. № 1. С. 71-87.
2. *Ермилова А. В.* Место науки в жизни и планах студентов (на примере ННГУ им. Н. И. Лобачевского) // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-nauki-v-zhizni-i-planah-studentov-na-primere-nngu-im-n-i-lobachevskogo> (дата обращения: 01.02.2022).
3. *Жукоцкая А. В., Васильев И. А.* Мотивационные позиции студенческой молодежи на образовательном поле // Вестник Института социологии. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsionnye-pozitsii-studencheskoi-molodezhi-na-obrazovatelnom-pole> (дата обращения: 01.02.2022).
4. *Коган Е. А.* Отношение студентов вузов к научно-исследовательской работе // Человеческий капитал. 2020. № 8 (140). С. 179-187. URL: https://humancapital.su/wp-content/uploads/2020/06/202008_p179-187.pdf (дата обращения: 01.02.2022).
5. *Коллини С.* Зачем нужны университеты? / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 264 с.
6. *Кремень С. А., Цицикашвили К. П.* Исследование отношения студентов к научной деятельности в условиях пандемии COVID-19 // VII Международный форум по педагогическому образованию: сборник научных трудов. Часть II. 26.05.2021 – 28.05.2021. С. 140-147. URL: <https://kpfu.ru/portal/docs/F1480949677/2.tom.pdf> (дата обращения: 01.02.2022).
7. *Малиновский С. С., Шибанова Е. Ю.* Региональная дифференциация доступности высшего образования в России / под общ. ред. Я. И. Кузьмина, И. Д. Фрумина; науч. ред. Л. Н. Овчарова. М.: НИУ ВШЭ, 2020.
8. *Мартюшев Н. В., Синогина Е. С., Шереметьева У. М.* Система мотивации студентов высших учебных заведений к выполнению научной работы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 1 (129). С. 48-51.
9. Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт. URL: https://www.ntspi.ru/about_academy/academy_news/55830/ (дата обращения: 01.02.2022).
10. Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности: XV Международная научная конференция «Сорокинские чтения»: сборник материалов. Москва: МАКС Пресс, 2021. 1241 с. URL: <https://www.socio.msu.ru/documents/sorokinsbornik2021.pdf> (дата обращения: 01.02.2022).

Яковлева Ирина Павловна,
доцент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом,
Кубанский государственный технологический университет,
pariny@rambler.ru

Соколова Мария Денисовна,
студентка 2 курса,
Кубанский государственный технологический университет,
mmmashshaaa@gmail.com

Баскова Милана Игоревна,
студентка 2 курса,
Кубанский государственный технологический университет,
milisa.ard@mail.ru

ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИЕ СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ Г. КРАСНОДАРА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Аннотация. В статье анализируется влияние пандемии COVID-19 на здоровьесберегающие стратегии студенческой молодежи г. Краснодара. Авторы обосновывают актуальность исследования отношения молодых людей к собственному здоровью в условиях эпидемиологической угрозы. В качестве социальной базы исследования выбраны студенты Кубанского государственного технологического университета. Основными методами исследования, используемыми в работе, являются анкетный опрос и вторичный анализ данных всероссийских и региональных опросов. Авторы делают вывод о конформистской стратегии молодежи в отношении выбора стратегии сохранения здоровья. Отмечается ряд проблем в плане профилактики заболеваний и ведения здорового образа жизни у студентов. В отношении к вакцинации проявляется та же тенденция, что и в целом среди россиян.

Ключевые слова: здоровье студентов; студенты; здоровьесбережение; здоровьесберегающие технологии; сохранение здоровья; система ценностей; стратегии поведения; пандемия; коронавирус; COVID-19; инфекции

Yakovleva Irina Pavlovna,
Associate Professor of Department of Sociology, Law and Human Resources,
Kuban State Technological University,
pariny@rambler.ru

Sokolova Maria Denisovna,
2nd year Student, Kuban State Technological University,
mmmashshaaa@gmail.com

Baskova Milana Igorevna,
2nd year Student, Kuban State Technological University,
milisa.ard@mail.ru

HEALTH-SAVING BEHAVIOR STRATEGIES OF KRASNODAR STUDENTS IN PANDEMIC CONDITIONS

Abstract. The article analyzes the impact of the COVID-19 pandemic on the health-saving strategies of student youth in Krasnodar. The authors substantiate the relevance of studying the attitude of young people to their own health in the context of an epidemiological threat. Students of the Kuban State Technological University were chosen as the social base of the study. The main research methods used in the work are a questionnaire survey and secondary analysis of data from all-Russian and regional surveys. The authors draw a conclusion about the conformist strategy of young people regarding the choice of a strategy for maintaining health. There are a number of problems in terms of preventing diseases and maintaining a healthy lifestyle among students. In relation to vaccination, the same trend is manifested as in general among Russians.

Keywords: student health; students; health saving; health-saving technologies; maintaining health; system of values; behavior strategies; pandemic; coronavirus; COVID-19; infections

События 2020–2021 гг., связанные с распространением коронавирусной инфекции, радикально изменили социальные практики населения всего мира, в том числе России, практически во всех сферах общественных отношений, способствовали постепенной трансформации системы ценностных ориентаций обществ, социальных групп, личностей. Неблагоприятная эпидемиологическая ситуация привела к социальному дистанцированию, переводу большинства социальных интеракций в дистанционный режим, усилению кризисных явлений в экономике многих стран и, как следствие, ухудшению социально-экономического положения граждан. Исследователи отмечают проявления экзистенциального кризиса [Котлярова 2020: 71], обострение социальных страхов и панических настроений среди населения [Карта страхов 2020], увеличение уровня конфликтности в обществе [Нестик 2020: 54] и другие негативные тенденции.

Большое значение в условиях распространения эпидемиологической угрозы приобретает анализ здоровьесберегающих стратегий жителей страны. В рамках социологического подхода здоровьесберегающее поведение предполагает повышение места здоровья в системе терминальных и инструментальных ценностей личности как мотивации к выбору соответствующих ресурсов и механизмов воздействия на индивидуальное физическое и ментальное самочувствие. Как показал В. Я. Шклярчук, для России актуальность этого сопряжена не только с текущей ситуацией, но и с имеющимися изначально негативными демографическими тенденциями (старением населения, ухудшением показателей здоровья человека) [Шклярчук 2019: 176], требующими как коррекции поведения человека в отношении своего личного здоровья, так и государственной политики в области здравоохранения.

В плане российской молодежи проблема сохранения здоровья стоит не менее остро, чем в отношении других возрастных групп. Ряд авторов на основании различных исследований (как социально-психологических, так

и медицинских) делают вывод о прогрессивном ухудшении здоровья молодежи, прежде всего учащейся, под воздействием различных неблагоприятных факторов [Конобейская 2021: 102; Карпикова 2015: 373]. Среди значимых проблем они, в частности, отмечают доминирование малоподвижного образа жизни, наличие у значительного процента учащихся различных хронических заболеваний, интенсификацию учебного процесса на всех ступенях обучения, которая негативно влияет на здоровье молодежи.

Традиционно молодежь относится к тем категориям населения, для которых ценность собственного здоровья не носит превалирующего характера. Вместе с тем в условиях распространения коронавирусной инфекции вопрос здоровья, безусловно, актуализировался для значительной доли населения страны. Как показали всероссийские социологические опросы (ВЦИОМ), среди ключевых страхов россиян помимо опасений, связанных с социально-экономическим положением человека (опасения роста социальной несправедливости, снижения доходов и недоступности привычных товаров в связи с их дороговизной), появляются страхи, связанные с состоянием здоровья респондентов. Более того, определенные периоды сезонных пиков заболеваемости продуцировали рост беспокойства о здоровье (своем и близких), выдвигая его на первое место в карте страхов россиян [Коронавирус 2020].

В рамках данного исследования предпринята попытка проанализировать, как повлияла сложившаяся эпидемиологическая и связанная с ней социально-экономическая ситуация на отношение учащейся молодежи г. Краснодара к своему здоровью и на выбор стратегии его сохранения. С этой целью был проведен социологический опрос среди студентов Кубанского государственного технологического университета (КубГТУ). В опросе приняли участие 240 студентов очной формы обучения. 36,4% опрошенных – мужчины, 63,6% – женщины. Возраст опрошенных составил от 18 до 23 лет. 72,7% респондентов – жители г. Краснодара, 27,3% – проживают в других населенных пунктах Краснодарского края.

Как показали результаты проведенного нами опроса, здоровье ситуативно стало одной из важнейших категорий в системе ценностных ориентаций студентов. Данная ценность заняла второе место (61,1%) в рейтинге наиболее значимых для молодых людей вещей после близких межличностных отношений (дружбы и любви). Полные данные распределения ответов на вопрос «Что из перечисленного наиболее важно для вас на данный момент (выберите не более трех вариантов ответов)?» представлены в таблице 1.

Ценностные ориентации студентов КубГТУ

Варианты ответов	% наблюдений
Дружба, любовь	72,2
Здоровье	61,1
Чувство собственного достоинства, самоуважение	44,5
Семья, дети	38,9
Богатство, деньги	33,7
Статус, престиж	16,7
Религия, вера	11,2
Карьера, власть	5,6
Родина	–

Иллюстрируемая данными таблицы тенденция отмечается и авторами аналогичных исследований. Так, В. В. Ковалев, А. В. Дятлов и В. В. Узунов по результатам опроса крымской молодежи в 2020 г. делают вывод о том, что пандемия, а также пугающая информация о ней в СМИ актуализировали для молодежи отношение к здоровью как терминальной ценности [Ковалев 2021: 147]. Оценить произошедшие изменения позволяет анализ данных социологических опросов «допандемийного» периода, согласно которым в системе ценностей студенческой молодежи ценность здоровья была ниже среднего уровня значимости [Горяинова 2018: 37; Алешина 2016: 72].

По самооценке опрошенных студентов большинство респондентов (77,8%) считают состояние своего здоровья удовлетворительным, 16,5% характеризуют его как хорошее, 5,7% – как плохое. Какие-либо изменения в своем самочувствии за последние два года отмечает половина опрошенных. При этом об улучшении (значительном и незначительном) состояния здоровья во время пандемии заявили 27,2% студентов (4,5% и 22,7% соответственно), об ухудшении – 22,9% (из них немного ухудшилось у 18,2%, значительно ухудшилось у 4,7%). 49,8% опрошенных никаких изменений в этом плане не заметили.

В период пандемии большинство студентов так или иначе отслеживают информацию об эпидемиологической ситуации в стране и региона. Однако не всех эта информация стимулирует предпринимать какие-либо меры индивидуальной защиты от инфекции. Данный вывод подтверждает распределение ответов на вопрос «Как вы относитесь к эпидемиологической ситуации в России?». 27,3% опрошенных студентов следят за обстановкой и делают все возможное, чтобы не заболеть. 36,4% следят и предпринимая отдельные меры, 18,3% следят, но никаких мер не принимают, 18,1% не следят и ничего не делают.

Наиболее популярными среди опрошенных мерами по профилактике заболеваемости в условиях пандемии являются следующие: «регулярно мыть и дезинфицировать руки» – этот вариант выбрали 90,9% моло-

дых людей, «носить маску» – 81,8%, «регулярно дезинфицировать одежду, телефон и т. д.» – 72,7%, «пить витамины, БАД и т. п.» – 68,2%, «носить резиновые перчатки» – 45,6%. В данный список в основном вошли те меры, которые рекомендовали официальные власти и медицинские работники в течение всего периода с начала пандемии. В целом конформистская позиция молодежи в этом вопросе подтверждается предыдущими исследованиями одного из авторов данной работы. При этом, как отмечала И. П. Яковлева, мотивами к соблюдению этих мер для респондентов являются в равной степени желание позаботиться о здоровье других людей, прежде всего своих близких (33,3%), и о своем собственном (31,3%) [Яковлева 2021: 64].

Менее популярны у молодежи г. Краснодара такие способы защиты здоровья, как своевременно «обращаться к врачам, не заниматься самолечением, проходить диспансеризацию» (данный вариант отметили 36,6% респондентов) и «заниматься спортом, укреплять здоровье» (36,4%). Обе тенденции отражают традиционное для россиян в целом поведение. Так, по результатам опроса Фонда общественного мнения (ФОМ) меньше трети россиян (32%) проходят диспансеризацию по собственной инициативе, 63% респондентов при плохом самочувствии предпочитают лечиться самостоятельно, не обращаясь к врачам [Образ жизни 2017]. Среди опрошенных студентов КубГТУ регулярно проходят медицинский осмотр 5,4%, иногда – 27,8%. Более половины респондентов (55,7%) диспансеризацию проходили редко, еще 11,2% по собственной инициативе не делали это никогда.

Не менее показательны отношение молодежи к спорту и ведению здорового образа жизни. Как известно, категория «здорового образа жизни» включает отказ от вредных привычек, соблюдение режима дня, правильное питание, физические нагрузки, закаливание и т. д. Из данных опроса видно, что менее половины студентов (44,3%) никогда не курили, треть (33,3%) никогда не употребляли алкоголь. Есть проблемы с соблюдением режима дня: 61,1% признаются, что проводят много времени в интернете, 72,3% редко или никогда вовремя не ложатся спать. Аналогичная ситуация с питанием студентов. Полные данные, полученные в ходе опроса, можно увидеть в таблице 2.

Таблица 2

Соблюдение студентами КубГТУ правил здорового образа жизни, %

Как часто Вы...	часто	иногда	редко	никогда
курите	27,7	22,4	5,6	44,3
употребляете алкоголь	5,6	27,7	33,4	33,3
проводите много времени в интернете	61,1	38,8	–	–
едите фаст-фуд	–	61,1	33,2	5,7
ложитесь спать до 23:00 и высыпаетесь	–	27,7	55,6	16,7

Продолжение таблицы 2

Как часто Вы...	часто	иногда	редко	никогда
вовремя завтракаете, обедаете, ужинаете	16,6	33,3	50	–
занимаетесь спортом	5,8	55,2	38,9	–
обливаетесь холодной водой, закаливаетесь	–	10,9	11,3	77,8
попадаете в стрессовые ситуации	33,2	61,3	5,5	–
находитесь в состоянии депрессии, сильно огорчены	11,2	44,5	44,3	–

Вместе с тем социальное дистанцирование как способ во время эпидемии сохранить свое здоровье не вызывает у студенческой молодежи позитивного отклика. Лишь 9,1% стараются не посещать многолюдных мест, никто из опрошенных не согласился ограничить круг своего общения (друзья, родственники).

Одна из мер по защите здоровья во время пандемии, которую предлагают населению, – вакцинация. Было выявлено, что у опрошенных нет единства мнений по отношению к данной мере. 54,5% респондентов относятся к вакцинации положительно, считают, что она необходима для защиты здоровья. 45,5% оценивают отрицательно, считают, что она не защищает должным образом. Полученные данные коррелируются с результатами всероссийских опросов, например ВЦИОМ, согласно которому 55% россиян положительно относятся к массовой вакцинации граждан от коронавируса, 32% относятся к ней отрицательно, а 9% – безразлично [Вакцинация 2021].

Примерно такое же соотношение прослеживается в отношении привившихся и невакцинированных студентов. 50% заявили, что уже вакцинировались, 4,5% собираются сделать прививку в ближайшее время, 9,1% не могут сделать прививку по состоянию здоровья. Чуть больше трети опрошенных (36,4%) не собираются вакцинироваться.

По мнению студентов, наиболее действенной мерой по стимулированию их к вакцинации, помимо собственного добровольного желания это сделать, является введение QR-кодов в кафе, ресторанах, ТРЦ. Как эффективный способ стимуляции его оценили 45,5% респондентов, еще 22,7% считают его скорее эффективным, чем нет. На второе место по степени воздействия на людей студенты поставили рекомендации от администрации учебных заведений, руководителей рабочих организаций (по 27,3% считают эту меру очень эффективной и скорее эффективной). Меньше влияют на общественное мнение просветительская работа, реклама вакцинации.

Таким образом, эпидемиологическая угроза, связанная с распространением COVID-19, повлияла на систему ценностных ориентаций российской молодежи, актуализировав значение здоровья. Молодежь

признает основные меры по профилактике распространения инфекции, связанные с личной гигиеной. Меньшее значение студенты придают необходимости обращаться за квалифицированной медицинской помощью и вести здоровый образ жизни. Чуть больше половины опрошенных выступают за вакцинацию от коронавируса как средство предотвращения распространения инфекции и сохранения здоровья. Это отражает общероссийскую тенденцию.

Список источников

1. *Алешина С. Н., Алешин С. В.* Культура здоровья и современная студенческая молодежь // Апробация. 2016. № 12. С. 71-73.

2. Вакцинация от коронавируса: отношение россиян. Аналитический обзор от 26 ноября 2021 г. // ВЦИОМ [веб-сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vakcinacija-ot-koronavirusa-otnoshenie-rossijan> (дата обращения: 08.01.2022).

3. *Горяинова Н. С., Попова М. В., Самыгин С. И.* Здоровье и спорт в системе ценностных ориентаций студенческой молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 5. С. 36-39.

4. *Карпикова И. С., Трохинова У. В., Оношко О. Ю., Журавлева Т. Г.* Особенности поведенческих стратегий учащейся молодежи в области сохранения здоровья // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25, № 2. С. 371-378.

5. Карта страхов россиян 2020: аналитический обзор // ВЦИОМ [веб-сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/karta-strakhov-rossijan-osen-2020> (дата обращения: 08.01.2022).

6. *Ковалев В. В., Дятлов А. В., Узунов В. В.* Крымская молодежь в условиях первой волны распространения COVID-19: здоровьесберегающие стратегии // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 12, № 5. С. 144-157.

7. *Конобейская А. В.* Особенности самосохранительного поведения студентов технических специальностей в период самоизоляции (социальное исследование в условиях пандемии COVID-19) // Социология. 2021. № 2. С. 101-111.

8. Коронавирус: борьба продолжается! Аналитический обзор // ВЦИОМ [веб-сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/koronavirus-borba-prodolzhaetsya> (дата обращения: 08.01.2022).

9. *Котлярова В. В., Киреева Л. Е.* Виды страхов и саморегуляция поведения студенческой молодежи в ситуации вынужденной самоизоляции // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 7 (75). С. 70-76.

10. *Нестик Т. А.* Влияние пандемии COVID-19 на общество: социально-психологический анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5, № 2 (18). С. 47-83.

11. Образ жизни и здоровье: Внимательны ли россияне к своему здоровью? Что делают, чтобы его поддерживать? 12 декабря 2017 // ФОМ [веб-сайт]. URL: <http://fom.ru/Zdorove-i-sport/13883> (дата обращения: 23.01.2022).

12. *Шклярук В. Я.* Ценности здоровья и его сбережение сельской и городской молодежи: сравнительный анализ // Актуальные проблемы устойчивого развития сельских территорий: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции / отв. за выпуск А. А. Хагуров. Краснодар, 2019. С. 174-179.

13. *Яковлева И. П.* Социальное благополучие молодежи и уровень конфликтности в условиях ограничений, связанных с COVID-19 (на примере студентов КубГТУ) // *Общество: социология, психология, педагогика.* 2021. № 9 (89). С. 62-66.

СЕКЦИЯ 2: «ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО: ЦИФРОВЫЕ КОНТУРЫ ПУБЛИЧНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ»

УДК 352:004

Архипова Лилия Алексеевна,
студент 4 курса бакалавриата, Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
liliaarkhipova@gmail.com

Новгородцева Анастасия Николаевна,
кандидат социологических наук, доцент кафедры
прикладной социологии, Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
a.n.novgorodtseva@urfu.ru

Сивкова Надежда Ивановна,
кандидат социологических наук, доцент кафедры политических наук,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
n.i.sivkova@urfu.ru

ЭКСПЕРТЫ ОБ «УМНОМ ГОРОДЕ»: РИСКИ ВНЕДРЕНИЯ

Аннотация. В основе статьи – результаты двадцати интервью с представителями «Экспертного клуба Свердловской области», собранных в 2021 году кафедрой политических наук УГИ УрФУ. В фокусе внимания – реализация проекта «Умный город» на территории города Екатеринбурга и Свердловской области в целом. Авторы приходят к выводу, что как со стороны субъектов власти, так и со стороны населения существуют страхи и недоверие к цифровизации взаимодействия. В целом это и риски учета особенностей развития территории, понимания функций и полномочий отдельных субъектов власти и компьютерная неграмотность определенной части населения.

Ключевые слова: Умный город; эксперты; Екатеринбург; цифровые технологии; уральские города; проектная деятельность; управление городом; риски внедрения; городские проекты

Arkhipova Liliya Alekseevna,
4th year Student, Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
liliaarkhipova@gmail.com

Novgorodtseva Anastasia Nikolaevna,
Candidate of Sociology, Associate Professor of Department
of Applied Sociology, Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
a.n.novgorodtseva@urfu.ru

Sivkova Nadezhda Ivanovna,
Candidate of Sociology, Associate Professor of Department
of Political Science, Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
n.i.sivkova@urfu.ru

SMART CITY EXPERTS: IMPLEMENTATION RISKS

Abstract. The article is based on the results of twenty interviews with representatives of the “Expert Club of the Sverdlovsk region”, collected in 2021 by the Department of Political Sciences of the UGI UrFU. The focus of attention is the implementation of the Smart City project in the territory of Ekaterinburg and the Sverdlovsk region as a whole. The authors come to the conclusion that both on the part of the subjects of power and on the part of the population there are fears and distrust of the digitalization of interaction. In general, these are the risks of taking into account the peculiarities of the development of the territory, understanding the functions and powers of individual subjects of power and computer illiteracy of a certain part of the population.

Keywords: smart city; experts; Ekaterinburg; digital technologies; Ural cities; project activity; city management; implementation risks; city projects

Развитие России связано с реализацией нескольких взаимосвязанных программ и проектов, это программа «Цифровая экономика» [Правительство России 2017] и национальный проект «Жилье и городская среда», проект «Умный город» [Минстрой России 2020]. При этом в научном сообществе достаточно много внимания уделяется проблемам в реализации проекта «Умный город». С одной стороны, проблемы внедрения связываются с кибербезопасностью и кибератаками [Варшавский 2020], в том числе на примере транспортной системы [Крундышев, Калинин 2020]. С другой стороны, это риски и проблемы более широкого спектра, в том числе экологические и продовольственные [Макаров, Бахтин, Беклярян, Акопов 2019].

По мнению исследователя А. В. Одинцова, «основными угрозами реализации концепции “Умного города”... являются рост цифрового неравенства и появление нового жесткого инструмента контроля; риск исключения горожан из процесса принятия решений; риск подмены реальной повестки интересами элит; риск замены социальной и политической повестки техническими вопросами; игнорирование особенностей каждого отдельного города; технические риски» [Одинцов 2019]. Как видно, автор выделяет конкретные угрозы, которые могут быть учтены в процессе реализации концепции «Умного города» в городах России и в Екатеринбурге в частности.

Данная статья посвящена анализу реализации проекта «Умный город» в городе Екатеринбурге [Информатизация города Екатеринбурга 2022]. По данным опубликованного рейтинга городов на сайте МИНСТРОЙ России, активно участвующих в реализации проекта «Ум-

ный город», по итогам 2021 года Екатеринбург занимает 11 место с баллом 60,22 (в сравнении: Москва занимает 1 место с баллом 117,16) [МИНСТРОЙ 2021]. Очевидно, что в Екатеринбурге есть сдерживающие факторы реализации проекта, что не позволяет занять более высокие показатели в рейтинге городов России. Риски реализации проекта «Умный город» и стали предметом реализованного экспертного опроса на кафедре политических наук Департамента политологии и социологии УГИ УрФУ в ноябре 2021 года. Объектом исследования выступили члены «Экспертного клуба Свердловской области» [Экспертный клуб 2022], представители образования и науки, политики и власти, СМИ. Отбор экспертом осуществлялся методом «снежного кома». Итогом стали двадцать экспертных интервью.

Обратимся к результатам исследования. По мнению экспертов Свердловской области, основные трудности и риски реализации концепции «Умного города» связаны с социальными факторами, а именно доступностью и уровнем готовности населения использовать цифровые технологии при обращении за муниципальными услугами. С одной стороны, это могут быть возрастные особенности освоения цифровых ресурсов, с другой стороны, это может быть выбором в пользу личных обращений вне зависимости от возрастных особенностей, например из-за отсутствия достаточного финансирования на технические средства или иных мотивов.

Отдельно стоит осветить тему финансовой возможности приобретения необходимых технических средств для участия в различных формах взаимодействия в рамках цифровых коммуникаций различными группами населения. Этот риск, выделенный экспертами, также представлен в научной литературе, Ю. С. Афанасьева и Н. Е. Попова поднимают проблему «риска дискриминации и исключения отдельных категорий граждан из процесса потребления общественных благ при использовании умных технологий» [Афанасьева, Попова 2022].

«Наше население России в целом, в целом оно достаточно небогатое и для них, так скажем смартфоны, какие-то сервисы достаточно экзотическая вещь, особенно для пенсионеров, для всех» (Эксперт – политика)¹.

Для России, Свердловской области это люди из небольших городов, где есть трудности с доступом в интернет, а также с более низким уровнем жизни.

«Неспособны как-то с этими сервисами взаимодействовать – это возрастные группы населения, условно старшие 65–70 лет. Но опять же имею примеры, когда возрастные группы населения вполне адекватно взаимодействуют и с цифровой реальностью в том числе.

¹ Орфография и пунктуация сохранены.

Возможно, какой-то процент будет не готов, но мир меняется и нужно, как-то приспособливаться к этому» (Эксперт – наука).

«Ну, понятно, что проблемно будет людям, которые... элементарно, там, не разбираются в компьютерах, не владеют какими-то навыками на самом элементарными – выход, там, в интернет и др. А уж с остальными то я не вижу никаких проблем. То есть вообще, условно говоря, 70- и 80-летние, на мой взгляд, могут испытывать какие-то проблемы, допустим, в использовании такого рода сервисов» (Эксперт – наука).

«Пенсионеры, люди старшего возраста. Некоторые школьники, то есть, младших классов. Хотя, тоже такой вопрос, это как бы мы, то есть, то поколение не с телефоном родились, а сейчас-то дети даже лучше нас пользуются компьютером. Ну, пенсионеры» (Эксперт – власть).

Важно отметить, что обеспокоенность адаптацией пожилых в среду «Умного города» выражают эксперты из группы власть. Это дает надежду, что возрастные особенности будут учтены при реализации концепции «Умного города» в Екатеринбурге. И такая практика уже существует в европейских городах, в частности в Барселоне была разработана программа «через цифровую “сеть доверия”, целями которой были устранение некачественного обслуживания и повышение уровня жизни этой уязвимой группы горожан» [Василенко 2020]. В Екатеринбурге есть опыт помощи пожилым в повышении их цифровой грамотности, например программа «Бабушка за компьютером».

«Вы знаете, вот в своё время, в Екатеринбурге была такая программа, она называлась “Бабушка за компьютером” ... просто брали вот пожилых людей, за 70 лет и обучали их компьютерному... вот я работал с советом ветеранов там, ветераны сидели за компьютерами, заводили аккаунты в социальных сетях, мы там с ними переписывались, мы с ними там, были в друзьях. Поэтому без волонтерского движения здесь не обойтись, никак не обойтись» (Эксперт – СМИ).

По мнению экспертов, необходима специальная просветительская работа, позволяющая представителям более старших возрастов освоить уже имеющиеся информационные ресурсы.

«Поэтому сперва нужно заняться цифровым образованием граждан, а это вот уже отдельная гос. программа или частная инициатива и всё в этом духе. Хорошо финансируемая» (Эксперт – образование, политолог).

«Ну, во-первых, это будет старшему поколению, оно не очень понимает, что это такое, им нужно всё это объяснять их нужно вовлекать, вот и, мне кажется, что их проблемы, мягко говоря, не всегда учитываются. Ну, во-первых, они не владеют этими технология-

ми, например, МФЦ тормозиться, потому что бабушек активно переводят, в цифру...

... и сейчас они получают qr-коды ... при привлечении к Госуслугам они того не понимают, им нужно всё это объяснять, поэтому все эти кружки компьютерной грамотности не реализовало себя в полной мере, потому что должно быть, 100% компьютерная грамотность» (Эксперт – политика).

Причем эта просветительская работа должна повысить не только уровень адаптированности к существующим сервисам, но и уровень доверия к их использованию.

Отдельно выделим как трудность внедрения концепции «Умного города» критическое отношение населения к современным техническим средствам коммуникации. По словам эксперта из сферы образования, негативное отношение наблюдается у разных возрастных групп.

«...У нас ненавидят эти вышки 5G, всё в этом духе, всё в этом роде. Но вот, это очень хороший пример, да. То есть в принципе показывающий не особо яркую цифровую образованность, как говорится... Причем, самое, что страшно, это касается не только людей в возрасте... Да, то есть там за 30, за 40 и так далее...» (Эксперт – образование).

Эксперты отмечают высокий уровень недоверия к цифровым технологиям, особенно таким, которые затрагивают социально-политические вопросы, такие как голосование, референдумы с использованием цифровых ресурсов.

«На мой взгляд, онлайн голосование вообще бред сивой кобылы, как говорится. Ну, учитывая уровень информационных технологий можно всё, что угодно там нарисовать» (Эксперт – образование).

«Потому что никто не доверяет политике, которая идёт через электронные услуги. Последние выборы показали, насколько народ ей не доверяет. Если вы посмотрите на выборы в Мосгордуму, которые в разы отличается от количества проголосовавших за того или иного кандидата в электронном голосовании, то в списке, которые были. ... Более того, очень многие опасаются, что сбор персональных данных он проводится не только для того, чтобы облегчить жизнь, а для того, чтобы контролировать их действия...» (Эксперт – СМИ).

Было выявлено, что «умный город» как система коммуникации имеет свои плюсы, но как система принятия управленческих решений она пока еще не работает.

«... Не доверяют всем этим, электронным вещам в политике и управление государства. Т. е. как система коммуникации, электронная, как система облегчения жизни, безусловно. Как система, принятия политических решений, как участника, как элемент, учёта мне-

ния, безусловно, электронное, но отдавать всё это на откуп, условно, электронному голосованию, ни в коем разе» (Эксперт – СМИ).

«Потому что, эти изменения большой степени технологические и они инфраструктурные, т. е. они касаются инфраструктуры, но не касаются социальной инженерии, это как раз таки то, что мы называем внутреннем управлением и вот эти все политические нюансы, в том числе, не учитываются» (Эксперт – политика).

Стоит отметить, что реализация концепции «Умного города» не учитывает основные политические силы, акторов, действующих на муниципальном и региональном уровнях. А их воздействие может носить как конструктивный, так и тормозящий характер.

«.. То, о чем я сказал, политическое противостояние, его никто не учитывал... мы понимаем откуда это всё происходит, потому что те, кто вовлечены в эту политическую жизнь, они понимают, что да, что определённый чиновник может не быть заинтересован, а почему, а потому что за ним стоят определённые группы, финансово-экономические, производственные... Потому что, они всё уже там поделили, попилили...» (Эксперт – политика).

На проблему реализации можно посмотреть и со стороны лиц, вовлеченных непосредственно в реализацию политической повестки. Было выявлено, что нет ясности в том, как внедрение концепции «Умного города» отразится на самих чиновниках, их занятости, уровне заработной платы, объеме влияния и т. д. Как показало исследование, их позиция по отношению к «Умному городу» скорее отрицательная.

«Тут, может быть, связано частично со страхом людей, что машины начнут нами управлять. Ну и конечно не все согласны с тем, чтобы сокращать количество тех же самых чиновников, потому что у чиновников большое количество тех же полномочий, которые можно осуществлять как онлайн, так и оффлайн. Некоторые только оффлайн можно осуществлять. Поэтому, так скажем, цифровизовать и отдать часть работы чиновников будет тоже не очень хорошо, потому что надо будет пересчитывать опять же зарплаты, выбирать, кого сокращать, поэтому, я думаю, и обходят эту сферу» (Эксперт – власть).

В своей работе А. В. Орфониций также отмечает, что при формировании информационных систем для обеспечения цифровизации муниципальных услуг и функций произойдет рост расхода бюджетов всех уровней, что может быть неконтролируемо в связи с большим объемом работ [Орфониций 2021]. Возникает необходимость покупки не только оборудования, но и программного обеспечения [Буракова, Банных 2019]. Последнее в современных условиях требует особого внимания в связи с необходимостью перехода на российское программное обеспечение, которое еще находится в стадии формирования и развития.

Возникает и иная угроза – сами органы власти будут препятствовать его реализации:

«... я думаю, если будет риск для определенных лиц потери, там, своих полномочий, потери своих, там власти и так далее, будут тормозить, будут сознательно тормозить и возможно даже саботируют данный проект (Эксперт – образование, политолог).

Следовательно, в первую очередь необходимо повысить заинтересованность участия в реализации «Умного города» самих субъектов власти, разъяснить, как повысится не только качество городской жизни, но и эффективность их собственного труда.

«Скорее всего, потому что сами управленцы пока не готовы к принятию этой идеи Умного города. Люди привыкли к тому, что всё идет по накатанной и идет. Ну, вот пока и идет до определённого момента» (Эксперт – политика).

«Нужно изменить городскую власть, наверное, да. Ну, то есть, проблема-то в чём? В том, что не внедряется это всё, не используется, значит, нет понимания важности этого у тех, кто находится у власти, поэтому нужно поменять подход властей, видимо. Ну, либо сами власти немножко как бы мыслят устаревшими категориями» (Эксперт – образование).

Политические риски, как отмечает Д. Р. Мухаметов, только усиливаются в ситуации цифровизации, так как происходит увеличение воронки недоверия к политическим технологиям, возникает страх использования коммерческих данных в политических целях и т. д. [Мухаметов 2019]. Следовательно, цифровизация политики вызывает опасения как у самих субъектов политической власти, так и у населения.

В ситуации современной социально-политической и экономической ситуации, особого внимания Президента страны к развитию ИТ-сферы и цифровизации в целом актуальность внедрения концепции «Умный город» только возрастает, и, следовательно, возрастает актуальность понимания угроз и рисков ее реализации для эффективного совершенствования процессов с учетом возникающих проблем. Благодаря анализу экспертного мнения можно выделить две группы рисков – на уровне субъектов власти и на уровне населения. Условно первая группа рисков – это доступность и готовность субъектов власти к реализации своих полномочий через сервисы и системы «Умного города». Начиная от наличия необходимых сервисов и средств защиты данных и заканчивая пониманием, как и в каком объеме будут реализовываться конкретные функции в цифровой среде. Н. А. Стефанова особо обращает внимание на проблемы неполадок различных устройств, что может приводить к получению недостоверной и неактуальной информации и сбою баз данных [Стефанова, Хисравава 2018]. Условно вторая группа рисков – это экономическое положение регионов и компьютерная грамотность населения области,

включая малые города, а не только мегаполисы, и самое главное – доверие в рамках цифрового взаимодействия. Начиная от покрытия связи на территории и способности населения купить смартфоны, ноутбуки и т. д. и заканчивая доверием при обращении за всем комплексом возможных услуг и форм взаимодействия с субъектами власти.

Список источников

1. *Афанасьева Ю. С., Попова Н. Е.* «Умные» города России: риски и возможности // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2022. Т. 84, № 1. С. 282-287.

2. *Буракова А. А., Банных Г. А.* Концепция «умный город» и цифровизация городского управления: перспективы Екатеринбурга // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий. Т. 1. Екатеринбург, 2019. С. 118-123.

3. *Варшавский Л. Е.* Концепция «умного города» и риски информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) // Теория и практика институциональных преобразований в России: сб. научных трудов / Б. Г. Ерзнкян (ред.). М.: ЦЭМИ РАН. 2020. Вып. 50. С. 116-127. DOI: 10.33276/978-5-8211-0788-6-116-127.

4. *Василенко И. А., Михайлова Е. В.* Европейский опыт формирования социально-политической концепции «умного города» // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 9. С. 85.

5. *Крундышев В. М., Калинин М. О.* Анализ рисков кибербезопасности в сетевых инфраструктурах умного города // Кластеризация цифровой экономики: Глобальные вызовы. 2020. С. 536-541.

6. *Макаров В. Л., Бахтизин А. Р., Бекларян Г. Л., Акопов А. С.* Имитационное моделирование системы «умный город»: концепция, методы и примеры // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2019. Т. 15, № 2 (371). С. 200-224.

7. *Мухаметов Д. Р.* Технологии big data в политических процессах: возможности и риски // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-big-data-v-politicheskikh-protsessah-vozmozhnosti-i-riski> (дата обращения: 17.05.2022).

8. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Правительство России [веб-сайт]. URL: <http://government.ru/docs/28653/> (дата обращения: 31.07.2017).

9. *Одинцов А. В.* Основные риски реализации концепции «умного города» // Социодинамика. 2019. № 10. С. 1-8.

10. *Орфонидий А. В.* «Умные города»: преимущества и риски // Проблемы эффективного использования научного потенциала общества: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции (Самара, 19 августа 2021 г.). Стерлитамак: АМИ, 2021. 113 с.

11. Проект «Умный город» // Информатизация города Екатеринбурга [веб-сайт]. URL: https://информатизация.екатеринбург.рф/%D1%83%D0%BC%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%V3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4 (дата обращения: 10.03.2022).

12. Проект Цифровизации городского хозяйства «Умный город» // Минстрой России [веб-сайт]. URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/trades/gorodskaya-sreda/proekt-tsifrovizatsii-gorodskogo-khozyaystva-umnyy-gorod/> (дата обращения: 25.12.2020).

13. Результаты оценки хода и эффективности цифровой трансформации городского хозяйства Российской Федерации (IQ городов) по итогам 2021 года // МИНСТРОЙ России [веб-сайт]. URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/672/REZULTATY-OTSENKI-KHODA-I-EFFEKTIVNOSTI.pdf> (дата обращения: 01.03.2022).

14. Стефанова Н. А., Хисрамова Я. Ш. Риски «умных» городов // Карельский научный журнал. 2018. Т. 7, № 2 (23). С. 125-126. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/riski-umnyh-gorodov/viewer> (дата обращения: 27.03.2019).

15. Экспертный клуб Свердловской области // Экспертный клуб [веб-сайт]. URL: <https://expert-club.online/clubs/4> (дата обращения: 01.03.2022).

Банных Галина Алексеевна,
кандидат социологических наук, доцент кафедры теории, методологии
и правового обеспечения государственного и муниципального
управления, Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
g.a.bannykh@urfu.ru

Баранова Марина Евгеньевна,
студентка 3 курса, Институт экономики и управления,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
marina-baranova-01@mail.ru

Режецкая Анастасия Игоревна,
студентка 3 курса, Институт экономики и управления,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
rezhetskaya@yandex.ru

СПЕЦИФИКА КОММУНИКАЦИЙ ОРГАНОВ ВЛАСТИ С МОЛОДЕЖЬЮ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация. Открытость, прозрачность как принципы современного государственного управления неизбежно приводят к актуализации коммуникативного аспекта взаимодействия органов публичной власти с населением. Возрастающая потребность в цифровых коммуникациях стимулирует властные структуры все чаще и активнее использовать различные интернет-технологии, особенно ярко эта тенденция проявляется при коммуникациях с молодежью. Обусловлен данный феномен тем, что молодое поколение является наиболее адаптивной частью населения, которая способна оказывать влияние на общественные и государственные процессы. Цель статьи – изучить особенности современных цифровых способов коммуникации органов власти с молодежью. В статье рассматриваются цифровые технологии, которые органы власти и их должностные лица используют для взаимодействия с молодым поколением. Проводится анализ подобных коммуникаций, уточняется степень использования различных вариантов цифровой коммуникации, оценивается успешность такой коммуникации, осуществляется оценка осведомленности подрастающего поколения о данных средствах и способах коммуникации и их вовлеченности в них. В статье делаются выводы о важности применения коммуникативных приемов органами государственной власти как наиболее эффективного способа взаимодействия с молодежью в цифровую эпоху.
Ключевые слова: цифровые коммуникации; цифровизация общества; цифровые технологии; молодежь; органы власти; социальные сети; интернет-коммуникации; интернет-технологии

Bannykh Galina Alekseevna,

Candidate of Sociology, Associate Professor of Department of Theory,
Methodology and Legal Support of State and Municipal Administration,
Ural Federal University named after first President of Russia B. N. Yeltsin,
g.a.bannykh@urfu.ru

Baranova Marina Evgenievna,

3rd year Student, Institute of Economics and Management,
Ural Federal University named after first President of Russia B. N. Yeltsin,
marina-baranova-01@mail.ru

Rezhetskaya Anastasiia Igorevna,

3rd year Student, Institute of Economics and Management,
Ural Federal University named after first President of Russia B. N. Yeltsin,
rezhetskaya@yandex.ru

SPECIFICS OF GOVERNMENT COMMUNICATIONS WITH YOUNG PEOPLE IN THE DIGITAL AGE

Abstract. Openness and transparency as the principles of modern public administration inevitably lead to the actualization of the communicative aspect of the interaction of public authorities with the population. The growing need for digital communications encourages government structures to use various Internet technologies more and more often, this trend is especially pronounced when communicating with young people. This phenomenon is due to the fact that the younger generation is the most adaptive part of the population, which is able to influence public and state processes. The purpose of the article is to study the features of modern digital ways of communication between authorities and young people. The article discusses digital technologies that authorities and their officials use to interact with the younger generation. The analysis of such communications is carried out, the degree of use of various variants of digital communication is clarified, the success of such communication is evaluated, the awareness of the younger generation about these means and methods of communication and their involvement in them is assessed. The article draws conclusions about the importance of using communicative techniques by public authorities as the most effective way of interacting with young people in the digital age.

Keywords: digital communications; digitalization of society; digital technologies; youth; government; social networks; Internet communications; Internet technologies

Эпоха цифровизации, сменившая традиционную индустрию, способствовала появлению новых видов и инструментов информационных технологий, которые резко изменили специфику коммуникаций между людьми. Коммуникативные формы и методы обеспечили развитие иных возможностей взаимодействия, открыли перспективы для сотрудничества государственных структур и населения, а также создали условия для формирования информационного пространства и культуры. Вступление России в глобальное информационное общество привело к тому, что передача информации стала фундаментальным источником производительности власти. К такому выводу приходит социолог М. Кастельс, анализи-

руя влияние цифровизации на общество в целом и отдельные его части [Кастельс 2000: 42].

Принципы открытости, прозрачности и гласности в деятельности органов государственной власти основываются на правовых механизмах взаимодействия государства и населения в качестве равноправных партнеров, что приводит к актуализации изучения коммуникативного аспекта между сторонами. В условиях цифровизации возрастает роль цифровых коммуникаций как важнейшего средства взаимодействия общества с властными структурами, позволяя каждому человеку получить интересующую информацию.

Известный социолог П. Бергер отмечает, что переход к информационно-коммуникативному обществу связан не только с проникновением коммуникации во все сферы жизнедеятельности человека, развитием новых видов коммуникативных структур, но и с качественным переосмыслением природы коммуникативной социальной реальности [Бергер 1995: 76]. Через коммуникации возможно конструирование новой реальности. Классическое «отдаление» власти от населения может быть преодолено путем налаживания диалога, двусторонней коммуникации. Только изучив истинный смысл термина «коммуникация», мы сможем прийти к специфике взаимодействия органов власти и населения.

Под коммуникацией П. В. Якупов понимает «многоплановый процесс развития контактов между людьми, порождаемый потребностями совместной жизнедеятельности». Коммуникативная сторона общения предполагает обмен информацией, связанной с конкретным поведением его участников [Якупов 2016: 263]. Значимость сообщения при условии, что оно не только принято, но и осмыслено, играет главную роль для каждого собеседника.

Ученый Г. Лассуэлл в 1948 году разработал и предложил модель коммуникации, которая позволяет отправителю улучшить взаимодействия с адресатом, оценивает эффективность каналов передачи информации, способствует прогнозированию воздействия сообщения на целевую аудиторию [Лассуэлл 2021: 21]. Эта модель может быть использована для оценки процессов коммуникации между органами государственной власти и населения.

Г. В. Гудименко и Л. И. Салихова утверждают, что «для эффективного управления органам власти необходима общественная поддержка и заинтересованное участие граждан в разрешении тех или иных вопросов, что возможно только при наличии постоянного конструктивного диалога» [Гудименко, Салихова 2015: 117]. Особой характеристикой взаимодействия государственных органов и населения являются степень открытости власти, прозрачности информации и возможность доступа общественности к ней.

Таким образом, коммуникация органов власти с населением – обмен информацией при помощи общей системы символов, социальное воздействие, обладающее специфическими особенностями и направленное на регулирование поведения людей, работы государственных институтов для достижения определенной цели. Воздействуя на компоненты коммуникации, органы государственной власти реализуют свои сильные стороны и нейтрализуют слабые. Только организованная и управляемая коммуникация позволяет повысить эффективность функционирования органов власти, упростить достижение общей цели государственного управления – повышение качества жизни и благосостояния граждан.

Традиционно наиболее восприимчивую к нововведениям и основную активную часть населения представляет молодежь. По данным, представленным на Официальном сайте Росстата, 25,1% от всего населения России составляет молодежь, среди них 5,5% в возрасте от 13 до 17 лет, 6,5% – от 18 до 24 лет, 13,1% – от 25 до 34 лет [Росстат 2021]. В связи с тем, что молодежь – это важнейший социальный и электоральный ресурс общества, который может быть использован органами государственной власти в своих интересах, 25% от всего населения страны – достаточно весомая доля с точки зрения значимости для органов власти.

На данный момент одними из самых эффективных способов взаимодействия органов власти с населением являются интернет-коммуникации, поскольку количество пользователей социальных сетей, различных сайтов и платформ увеличивается с каждым годом. В январе 2022 года в России насчитывалось 129,8 млн интернет-пользователей [DataReportal 2022]. В соответствии с этим уровень проникновения интернета в России на начало 2022 года составлял 89,0% от общей численности населения [DataReportal 2022]. В январе 2022 года в России было зафиксировано 106,0 млн пользователей социальных сетей, то есть 72,7% от общей численности населения [DataReportal, 2022], но важно отметить, что пользователи социальных сетей могут не представлять собой уникальных лиц. Согласно данным, опубликованным в рекламных ресурсах Meta, в начале 2022 года у Facebook было 8,60 млн пользователей в России, у YouTube насчитывалось 106,0 млн, у Instagram – 63,00 млн пользователей [WebCanape 2022]. Данные, опубликованные на рекламных ресурсах ByteDance, свидетельствуют о том, что на начало 2022 года у TikTok в России зафиксировано 54,94 млн пользователей в возрасте от 18 лет и старше [DataReportal 2022]. ВЦИОМ выяснил, что только 8% россиян не мыслят свою жизнь без ежедневного доступа в интернет и соцсети. Согласно результатам исследования, среди респондентов в возрасте 18–24 лет без интернета не представляют свой день только 19%, в возрасте 25–34 лет – 13%, 35–44 лет – 11%, 45–59 лет – 6%, 60 лет и старше – 4%. При этом мужчины более интернет-зависимы (11%), чем женщины (7%) [ВЦИОМ 2022]. На основании рассмотренных статисти-

ческих данных можно сделать вывод, что проникновение и распространение интернет-коммуникаций в современной жизни – это оптимальный и результативный инструмент для осуществления взаимодействия органов власти с населением, реализации принципа открытости и прозрачности, а также вовлечения населения в принятие решений.

По мнению Е. Л. Вартановой, умение работать в «цифровой культуре» – ключ к успеху во взаимодействии с молодежной аудиторией [Вартанова 2017: 9]. Органы власти обязаны сконцентрироваться на виртуальном пространстве, в котором молодое поколение осуществляет основную коммуникацию и выделяется своим поведением среди остальных представителей других возрастных групп. Государство должно быть заинтересовано в потенциале молодого поколения и поддерживать с молодежью диалог. Поэтому необходимо создавать новые и совершенствовать уже имеющиеся коммуникативные механизмы для взаимодействия.

В гражданском обществе непрерывно создаются условия для активного взаимодействия населения и органов власти при помощи каналов коммуникации. Они позволяют обеспечить не только прямую, но и обратную связь при общении. Выделяют следующие типы взаимодействия с гражданами:

- очное обслуживание (службы «единого окна»). Обслуживание граждан происходит в специальных центрах при взаимодействии с администраторами и консультантами. Обратная связь ограничена;

- заочное обслуживание (почта и телефон). При данном типе взаимодействия возникают трудности – длительный ответ со стороны органов государственной власти. В случае отсутствия решения проблемы гражданину предоставляют возможность обратиться в центр очного обслуживания. Таким образом, исчезает эффективность заочного обращения;

- интерактивное обслуживание (интернет-сеть). Коммуникации организуются на сайтах органа власти. Интерактивные возможности проявляются в наличии обратной связи с субъектом коммуникации;

- самообслуживание и автоинформирование (без участия сотрудника организации).

Данное деление типов взаимодействия органов государственной власти общее, то есть направлено на все возрастные категории. В большинстве случаев очным обслуживанием пользуется часть населения, которая в силу определенных причин не имеет возможности заочно обратиться и не желает приспособляться к цифровым технологиям. Интерактивное обслуживание, самообслуживание в основном направлены на молодое поколение.

На 2022 год выделяют особую группу инновационных форм коммуникаций. Они созданы на основе системы электронного правительства 2.0. С их помощью интернет-технологии «убирают» барьеры между органами власти и молодежью в процессе потребления и создания информации. В данную группу входят такие сервисы, как:

- социальные сети;
- видеохостинги;
- сайты на основе CMS;
- мобильные приложения.

Органы власти, используя инновационные коммуникативные технологии по взаимодействию, осознают необходимость установления диалога с молодым поколением на доступном, современном и понятном ему уровне. По мнению директора по политическому анализу Института социального маркетинга В. Потуремского, «Цифровизация – это огромные возможности, это качественно меняет коммуникацию “гражданин – власть”, помогает получать более качественные, эффективные и в конце концов сложные решения» [РИА новости 2020]. Выделенные сервисы доказывают правдивость утверждения.

Для того чтобы сократить расстояние между государством и его гражданами, в 2019 году был создан всероссийский межведомственный центр компетенций в сфере интернет-коммуникаций и оператор цифрового диалога между властью и обществом «Диалог». Благодаря объединению технологических и управленческих практик в цифровой среде произошло ускорение решения вопросов, с которыми население обращается к органам власти. В настоящее время «развивается система государственной интернет-коммуникации, появляются новые платформы обратной связи с обществом» [Рамблер 2021].

Всероссийский межведомственный центр компетенций в сфере интернет-коммуникаций и оператор цифрового диалога между властью и обществом «Диалог» ежегодно публикует рейтинги Федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ) в Интернете по качеству обратной связи, рейтинг личных страниц глав регионов в соцсетях, а также официальных пабликов. За 2021 год согласно рейтингу ФОИВ по работе в Интернете среди 62 федеральных министерств и ведомств на первом месте – Роспотребнадзор, на втором – Росмолодежь, на третьем – Минпросвещения [ДИАЛОГ 2022]. Оценка работы федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ) в интернете проводится по 5-ти направлениям: официальные паблики, планирование контента, собственные проекты, интеграции с блогерами, интеграции с неофициальными пабликами. Рассмотрим уровень информационной работы Росмолодежи в социальных медиа. Официальные страницы Росмолодежи представлены в большинстве популярных социальных сетей: на платформе Instagram¹ у данного агентства 77,3 тысячи подписчиков. На официальном сайте Росмолодежи представлена система учета молодежной активности АИС «Молодежь России». АИС «Молодежь России» – это виртуальная площадка, где встречаются молодежь, общественные организации и органы исполнительной власти. На инфор-

¹ Принадлежит признанной экстремистской и запрещенной в России Meta (прим. ред.).

мационном портале можно узнать о предстоящих молодежных мероприятиях в муниципальном районе, регионе и о мероприятиях всероссийского или международного уровня, а также о грантовом конкурсе Росмолодежи. Через АИС «Молодежь России» проведено уже более 600 всероссийских мероприятий [Росмолодежь 2021]. Доступ к АИС «Молодежь России» можно получить как со стационарного компьютера, так и с любого другого гаджета, скачав мобильное приложение «Росмолодежь» в Google Play или App Store. Таким образом, Федеральное агентство по делам молодежи старается выходить на новые и доступные для молодого поколения каналы коммуникации, активно ведет свои паблики и предоставляет отличные возможности взаимодействия органов исполнительной власти как в офлайн-, так и в онлайн-формате.

Когда речь идет об учете онлайн-обращений граждан в органы государственной или муниципальной власти, стоит упомянуть о появлении Центров управления регионами (ЦУР) – это инструмент прямой и эффективной коммуникации жителей и власти с целью решения проблем и предотвращения их возникновения в будущем. Все ЦУР в России занимаются мониторингом, обработкой и анализом обращений и сообщений жителей, обеспечивают межведомственное взаимодействие органов власти для максимального сокращения времени получения ответа и решения проблемного вопроса гражданина. «Среди задач ЦУРа – формирование комплексной картины проблем на основании анализа обращений граждан с множества государственных и муниципальных сервисов», – подчеркнул С. Бидонько [Официальный сайт Правительства Свердловской области 2021]. На данный момент в группе ВКонтакте ЦУР Свердловской области насчитывается 3 506 подписчиков. Это достаточно мало, следовательно, у сайта низкая узнаваемость, которая приводит к неэффективности работы [ЦУР Свердловской области 2022]. В 2021 году специалисты ЦУР Свердловской области получили 37 653 обращения по социальной тематике [ЦУР Свердловской области 2022]. В Центре с помощью информационных систем круглосуточно собираются и анализируются обращения граждан по различным аспектам жизни. Среднее время ответа специалиста на обращение – 3 часа 16 минут. Следовательно, ЦУР играет важную роль во взаимодействии органов власти с населением, достижении цифровой трансформации страны.

Правительство РФ развитие новых систем и платформ коммуникации с гражданами ставит в качестве одной из приоритетных задач. Например, в настоящее время на фоне фейков и слухов был запущен информационный ресурс «Объясняем.рф», на котором публикуется только проверенная и достоверная информация. На портале уже размещены ответы на самые актуальные вопросы граждан по всем сферам, которые были собраны из соцсетей в каждом регионе страны без исключения – от транспортного сообщения до вопросов финансовой стабильности и рабо-

ты учебных заведений [Объясняем.рф 2021]. Благодаря данной платформе граждане имеют возможность задать свой вопрос через систему личных сообщений в социальных сетях ресурса и получить «проверенный» ответ в разделе Вопрос-ответ на официальном сайте «Объясняем.рф», тем самым Правительство РФ налаживает прямую связь между органами власти и населением страны.

Для мониторинга и работы с вопросами и обращениями людей используются федеральные системы «Инцидент Менеджмент» и «Госуслуги. Решаем вместе» – ключевые инструменты прозрачности. Система мониторинга и реагирования на комментарии и публикации граждан в социальных сетях «Инцидент Менеджмент» выстроена на основе сервисного подхода: все сообщения, содержащие проблему социально-бытовой тематики, независимо от того, адресованы они органу власти или другому пользователю, автоматически фиксируются алгоритмами мониторинга, затем перенаправляются в профильные ведомства, где отрабатываются, после чего пользователю в кратчайшие сроки получает ответ на вопрос в комментариях к своему обращению в социальных сетях. Платформа обратной связи «Госуслуги. Решаем вместе» обрабатывает обращения, поступившие через портал госуслуг, мобильное приложение и виджеты обратной связи на сайтах органов власти. Такая схема работы помогает государству оперативно слышать граждан на разных цифровых площадках, решать их проблемы, координировать нацпроекты и программы помощи. Согласно данным, размещенным на Официальном сайте цифровых коммуникаций «Диалог», через представленные федеральные системы фиксируют более 370 тыс. обращений в месяц и более 4,5 млн обращений в год [ДИАЛОГ 2021]. С января 2018 года через систему «Инцидент Менеджмент» зафиксировано 10 млн обращений граждан [Lenta.ru 2021].

Всероссийский межведомственный центр «Диалог» ежегодно проводит исследование готовности к цифровизации в России, в рамках которого изучаются в том числе активность медиакоммуникации органов государственной власти и вовлеченность их в диалог с гражданами посредством цифровых средств, а также восприятия молодежью цифровизации и их включенности в цифровые процессы. Значение индекса готовности к цифровизации для России в октябре 2021 года – 42 пункта из 100 [ДИАЛОГ 2021], что соответствует среднему уровню готовности. Отмечаются высокие показатели по объективным направлениям выстраивания диалога. Действуют национальные, множество региональных и местных платформ коммуникации граждан с государством. Федеральные органы власти используют социальные сети для информирования пользователей и в некоторых случаях для выстраивания диалога с ними. При этом ожидания относительно эффективности потенциальной коммуникации с государством в социальных сетях относительно невысоки, отмечается суще-

ственный запрос на более активное информирование пользователей о работе органов власти [ДИАЛОГ 2021].

Одной из главных проблем в России, возникающей при использовании информационно-коммуникационных технологий в деятельности органов власти при взаимодействии с населением в целом и молодежью в частности, является недостаточный уровень финансирования закупки и внедрения технологий связи. Также существует ограниченность доступа к сети Интернет, из которой вытекает следующее: не все государственные служащие обладают высоким уровнем квалификации для использования информационно-коммуникативных технологий. Таким образом, государственные органы не обеспечивают гражданам возможность обратиться во властные структуры. Анализируя правительственные сайты, следует отметить, что не все органы государственной власти имеют собственные страницы в интернет-сети. А те, которые имеют, не всегда отчитываются о проделанной работе. В результате отсутствия информационной открытости исчезает важнейший элемент взаимодействия с гражданами – коммуникация.

В 2017 году после многочисленных молодежных митингов, которые были связаны не с политическим интересом, а с повторением и копированием взглядов старшего поколения, органы власти стали активно развивать тему соцсетей, своего присутствия в них и влияния на молодых людей. Это связано с тем, что с 2017 года технологии воздействия оппозиционеров на умы подростков изменились. В 2021 году сторонники Навального воздействовали главным образом на несовершеннолетних путем размещения в социальных сетях TikTok, ВКонтакте, Facebook, Twitter, Instagram, на сервисе YouTube призывов к участию в митингах в Москве и в других городах России. В социальных сетях началось распространение фейков, касающихся несанкционированных митингов, подростки стали активно записывать видео в поддержку Алексея Навального. По оценкам Роскомнадзора, на тот момент главным «полигоном» для агитации послужил TikTok. В связи с высокой динамикой распространения оппозиционных видеороликов в TikTok сотрудники надзорных и правоохранительных ведомств первыми подключились к данной социальной сети. Благодаря своевременным действиям на основании требований Генеральной прокуратуры и Роскомнадзора администрации соцсетей заблокировали доступ к ложной информации: с завышенными показателями о количестве участников незаконных митингов, о якобы имевших место фактах насилия и столкновений, гибели участников акций. Втягивание молодежи в политические игры через социальные сети, интернет-сервисы и платформы во время событий 2021 года послужило активизации деятельности органов государственной власти в интернет-пространстве. Интернет-пользователи чаще выбирают коммуникативную активность, которая максимально эффективна в цифровом пространстве,

и только небольшая часть пользователей предпочитает более активные формы связи с органами власти. Интернет превратился в главную площадку коммуникации органов власти с молодежью.

Государственные органы, активно осваивая цифровое пространство, становятся инициатором диалога с молодым поколением, создавая условия для взаимодействия. На 2022 год организовано множество форумов, посвященных современной политической ситуации в стране. Повысилось количество аккаунтов, созданных политическими деятелями в социальных сетях TikTok, Telegram, с помощью которых они взаимодействуют с молодежью. Многие из них выбрали стратегию постепенной политизации подрастающего поколения, которая не отталкивает, а, наоборот, привлекает молодежь.

Таким образом, можно сделать вывод, что Россия использует определенные механизмы для внедрения информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизни общества. Однако эффективность применения этих технологий органами государственной власти на данный момент находится на среднем уровне. Для поднятия эффективности следует осуществить реформирование единой государственной политики и стратегии использования коммуникационных технологий.

Диалог власти с молодежью предполагает становление социально активного поведения молодежи, обеспечение их эффективного участия в реализации государственной политики. Для достижения данной цели необходимы целенаправленное создание оптимальной системы материально-технических и информационных условий, выявление и анализ особенностей проявления социальной активности молодежи в современном мире. Установление конструктивного диалога между молодым поколением и органами власти, направленного на реализацию социального партнерства, и развитие молодежной политики, которая обеспечит использование потенциала молодежи в интересах человека, государства и общества в целом, позволят усовершенствовать коммуникативные технологии.

Для молодежи интернет – естественная среда жизни, без которой они не могут представить свое существование. Пандемия 2020 года только усилила погружение общества в цифровые технологии и коммуникации. Однако налаживая цифровые коммуникации с населением, органы власти преимущественно используют такие интернет-площадки, как ВКонтакте, Instagram и Telegram. Данные платформы отвечают потребностям и интересам молодежи, предоставляя неограниченные коммуникативные возможности.

На данный момент органы государственной власти активно используют интернет-платформы и социальные сети для взаимодействия с молодежью. Благодаря созданию таких ресурсов, как Центры управления регионами, «Инцидент Менеджмент», «Госуслуги. Решаем вместе», «Объясняем.рф», органы власти непосредственно или через определенные подразде-

ления работают с другими возрастными группами, но молодежи нужен именно диалог. Должностные лица, государственные служащие также выходят на прямую связь с молодежью посредством ведения личных страниц в социальных сетях. Данный способ коммуникации путем отслеживания лайков, комментариев и репостов позволяет выявлять интересующие молодежь темы, а также своевременно реагировать на возникающие проблемы. Таким образом, органы государственной власти, переходя на интернет-коммуникации, не только поддерживают взаимодействие с населением страны, но и воздействуют на молодое поколение путем повышения заинтересованности в политической жизни общества.

Список источников

1. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Всероссийский центр компетенций в области общественных связей и интернет-коммуникаций // ДИАЛОГ [веб-сайт]. URL: <https://dialog.info/> (дата обращения: 20.02.2022).
3. Всероссийский центр изучения общественного мнения // ВЦИОМ [веб-сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/objazatelnyeveshchi-ili-bez-chego-my-ne-muslim-svoi-den> (дата обращения: 20.02.2022).
4. Вартанова Е. Л. Прорывные медиатехнологии в контексте общественного запроса // МедиАльманах. 2017. № 4. С. 8-13.
5. Гудименко Г. В., Салихова Л. И. Роль и значение массовых коммуникаций в государственном управлении // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 6. С. 116-119.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкартана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
7. Лассуэл Г. Д. Техника пропаганды в мировой войне: пер. с англ. / ИНИОН РАН. М.: ФГБУН, 2021. 237 с.
8. Медийно-сервисный интернет-портал // Рамблер [веб-сайт]. URL: <https://news.rambler.ru/internet/47091342-startovala-pervaya-programma-podgotovke-spetsialistov-v-sfere-novyh-media/> (дата обращения: 20.02.2022).
9. Официальный интернет-ресурс для информирования о социально-экономической ситуации в России // Объясняем РФ [веб-сайт]. URL: <https://xn--90aivcdt6dxbc.xn--p1ai/> (дата обращения: 20.02.2022).
10. Официальный сайт Правительства Свердловской области [веб-сайт]. URL: <http://midural.ru/news/list/document174272/> (дата обращения: 20.02.2022).
11. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // Росстат [веб-сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_naselrv_01-01-2021.pdf (дата обращения: 20.02.2022).
12. Официальный сайт ВКонтакте Центра Управления Регионом Свердловской области // ЦУР Свердловской области [веб-сайт]. URL: <https://vk.com/tsur66> (дата обращения: 20.02.2022).
13. Официальный сайт WebCanape – digital 2022. Интернет в России в 2022 году [веб-сайт]. URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-v-rossii-v-2022-godu-samyevazhnyecifry-i-statistika/> (дата обращения: 20.02.2022).

14. Российское новостное интернет-издание Lenta.ru. Центры управления регионами обработали более 10 миллионов обращений граждан // Lenta.ru [веб-сайт]. URL: <https://lenta.ru/news/2021/12/03/cur/> (дата обращения: 20.02.2022).

15. Сетевое издание «РИА новости». Цифровизация и коммуникации: как изменится общение россиян с властью // РИА новости [веб-сайт]. URL: https://ria.ru/20200131/1564102264.html?chat_room_id=1564102264 (дата обращения: 20.02.2022).

16. Федеральное агентство по делам молодежи // Росмолодежь [веб-сайт]. URL: <https://fadm.gov.ru/> (дата обращения: 20.02.2022).

17. Якунов П. В. Коммуникация: определение понятия, виды коммуникация и ее барьеры // Вестник университета. 2016. № 10. С. 261-266.

18. DataReportal. Digital 2022: The Russian Federation // DataReportal [веб-сайт]. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2022-russian-federation> (mode of access: 22.02.2022).

Головко Роман Викторович,
Институт государственной службы и управления, РАНХиГС,
golovko.mailbox@gmail.com

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В ПАРАДИГМЕ «УМНОГО» ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме цифровизации государственного управления как ключевой ступени к реализации концепции «умного» государственного управления социальными процессами. Особое внимание уделяется определению понятия «цифровой двойник» в контексте трансформации подходов к государственному управлению. С целью исследования выбранной предметной области автор использует как общефилософские методы теоретического исследования, так и анализ вторичных данных социологических исследований. Целью исследования является определение социальных рисков, связанных с цифровой трансформацией в системе государственного управления. Для достижения поставленной цели необходимо проанализировать сформировавшиеся в российской и зарубежной научной литературе теоретико-методологические подходы к проблеме, интерпретацию основных понятий, определить прикладное значение теоретических разработок для прикладной реализации при разработке и принятии управленческих решений. В ходе исследования выявлены преемственность в теоретической разработке проблем влияния научно-технического прогресса на социальные практики и конкретные проблемы внедрения цифровых технологий.

Ключевые слова: цифровизация социальных процессов; социальные процессы; цифровые технологии; цифровые двойники; государственное управление

Golovko Roman Viktorovich,
Institute of Public Service and Management, RANEPa,
golovko.mailbox@gmail.com

DIGITALIZATION OF SOCIAL PROCESSES IN THE PARADIGM OF “SMART” PUBLIC ADMINISTRATION

Abstract. The article is devoted to the actual problem of digitalization of public administration as a key step to the implementation of the concept of “smart” public administration of social processes. Particular attention is paid to the definition of the concept of “digital twin” in the context of the transformation of approaches to public administration. In order to study the chosen subject area, the author uses both general philosophical methods of theoretical research and analysis of secondary data from sociological research. The purpose of the study is to determine the social risks associated with digital transformation in the public administration system. To achieve this goal, it is necessary to analyze the theoretical and methodological approaches to the problem formed in the Russian and foreign scientific literature, the interpretation of the basic concepts, to determine the applied significance of theoretical developments for applied implementation in the development and adoption of management decisions. The study revealed continuity in the theoretical development of the problems of the impact of scientific and technological progress on social practices and specific problems of the introduction of digital technologies.

Keywords: digitalization of social processes; social processes; digital technologies; digital twins; public administration

Introduction

Футурологические исследования XX века, в которых поднимается проблема влияния научно-технического прогресса, основывались на философии техники, которая активно развивалась в работах таких известных ученых, как М. Хайдеггер, Г. Маркузе, К. Ясперс, Л. Мэмфорд, и была призвана обосновать, описать и всесторонне исследовать сам феномен техники и научно-технического прогресса, осмыслить проблемы техники как материального продукта цивилизации во всемирно-историческом контексте. Первостепенное значение научно-техническому прогрессу уделялось и в философском направлении русского космизма, в частности К. Э. Циолковским.

Очень продуктивными в плане прогнозирования социально-экономических, политических, культурных и мировоззренческих последствий научно-технического прогресса оказались 60-е гг. XX века, когда помимо прогностических исследований ученых «Римского клуба» получили широкое распространение идеи технологической сингулярности Ирвинга Гуда, а также А. Кларка, С. Лема и др.

Именно в это время формировался и обосновывался запрос на развитие искусственного интеллекта, прогнозирование и преодоление социальных и этических последствий его внедрения.

Теоретико-методологический базис исследования искусственного интеллекта в условиях цифровой экономики актуализируется и дополняется.

С внедрением и расширением искусственного интеллекта и Интернета как коррелятов общественной жизни поменялись способы и формы социальной и межличностной коммуникаций, приходится вносить коррективы в культуру и традиции.

Искусственный интеллект принято определять как интеллектуальную систему, обладающую творческими функциями в рамках отдельной предметной области, в связи с чем возникает онтологический спор о том, может ли машина и (или) программный продукт обладать мышлением.

В контексте исследования проблемы «умного» правительства, функционирующего за счет широкого внедрения цифровых механизмов взаимодействия между субъектами управленческой системы, назревает необходимость в дополнении уже имеющихся теоретических подходов.

Methodology and methods

В исследовании использовались общеполитические методы исследования, обобщения имеющегося исследовательского опыта в обозначенной предметной области. Методологической базой работы являются методы: анализ литературы, индуктивный анализ понятий, дедуктивный анализ понятий, диалектический, системный анализ социальных проблем современности.

Results and Discussion

В отечественных и зарубежных исследованиях основной акцент в интерпретации понятий «умного правительства» сводится к минимизации издержек и повышению качества коммуникации между государственными институтами с одной стороны, гражданами и организациями с другой, тем самым указывая на формирование и эффективное использование средств «обратной связи», социальные и экономические преимущества [Hariguna, Ruangkanjanases, Sarmini 2021].

Концепция «умного правительства», основанная на широком внедрении технологии цифровых двойников, появилась относительно недавно и связана с появлением первых подходов на рубеже XX–XXI веков.

Хронологически ряд исследователей указывают на то, что первая интерпретация и описание данного феномена была дана М. Гривзом в его статье «Цифровые двойники: превосходство в производстве на основе виртуального прототипа завода» в 2003 году.

Зарубежные источники акцентируют внимание на сферах применения технологий цифровых двойников в бизнес-процессах и примерах цифрового управления производственными предприятиями.

Однако трансформация общественных институтов в ходе перехода к информационному обществу и глобальный характер цифровой экономики указывают на необходимость появления новых форм государственного управления с использованием современных технологий.

Цифровизация государственного управления находится в зависимости от темпов научно-технического прогресса в стране.

В США законодательные основы концепции электронного правительства были заложены еще в начале 2000-х годов и получили свое отражение в «Стратегии создания электронного правительства» от 2002 года. Содержание концепции электронного правительства заключается в отступлении от бюрократической модели государственного управления, упрощающей процедуру обратной связи, движения юридически значимых документов, хранения информации [Eugene 2006].

Цифровая трансформация определила информационные технологии как главный драйвер социально-экономических преобразований и технологизации управленческих процедур.

В своей работе С. А. Иванов, К. Ю. Никольская, Г. И. Радченко, Л. Б. Соколинский, Л. М. Цымблер дают определение цифрового двойника как масштабной вероятностной модели симуляции сложного объекта, основанной на синтезе нескольких моделей (имитационных, математических, физических, экономических и т. д.) [Иванов, Никольская, Радченко, Соколинский, Цымблер 2020].

Одним из ключевых в этой связи является вопрос о применимости цифровых технологий в управлении социальными процессами, характеризующимися нелинейными, синергетическими свойствами.

Один из социально-этических вопросов, которые возникают в исследовании данной предметной области, связан с насыщением информационной сферы жизни общества. Опыт преодоления последствий пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 показал, что регулирование информационного пространства с целью донесения объективной и проверенной информации, а также коммуникации в медицинской сфере столкнулось с трудностями, вызванными широким выбором каналов передачи информации [Белохина, Гуров 2020].

Результаты социологических исследований, проведенных с респондентами из крупнейших городов страны, указывают на повышенную значимость для социальной коммуникации феномена социальных сетей [Asochakov, Bogomiagkova, Ivanov 2021]. Состояния социального самочувствия дополняют результаты исследования, которые указывают на то, что уровень доверия в социальных сетях выше, чем при межличностном общении. «Полностью доверяют» своим «друзьям» в социальных сетях 15,2% респондентов и частично доверяют 44,3% (в сфере бизнеса эти показатели выше – 16,9 и 61,4%) [Veselov, Skvortsov 2021].

В Internet-диалоге коммуникант может быть не тем, за кого себя выдает. В виртуальном пространстве каждый реципиент может иметь много id-адресов, в массе которых очень сложно идентифицировать настоящий account. Поэтому подобное общение напоминает бесконечную континуальность, коммуникацию в игровом пространстве, создающем иллюзию свободы, правила которого регулируются только ограниченностью воображения общающихся и техническими возможностями провайдера и компьютеров.

Другой важный исследовательский вопрос, ответ на который на данный момент не сформирован, – последствия внедрения цифровых двойников для рынка труда.

Следует отметить, что на данный момент уже существуют примеры замены работников на цифровых двойников.

Цифровые двойники способны заменить работников с высокой формализацией труда, в профессиональной деятельности которых отсутствуют ярко выраженные факторы неопределенности.

В этом смысле труд работников творческих профессий, в том числе и принятие управленческих решений сотрудниками и руководителями государственных учреждений, не могут быть заменены цифровыми двойниками.

Требования индивидуального подхода в профессиях социальной сферы (здравоохранение, образование, социальное обслуживание, культура и др.) вряд ли могут быть автоматизированы в ближайшей перспективе.

Процесс внедрения «цифровых двойников» в экономику должен сопровождаться программой на государственном уровне. Программой, которая купирует все минусы, неизбежно возникающие [Гаранин 2018].

Разработка данной проблемы в рамках программно-целевого подхода требует глубокого изучения потребностей, интересов и потенциала отдельных социальных и профессиональных групп, прогнозирования последствий трансформации социальных институтов.

Российский опыт цифровизации государственного управления направлен на положительные изменения в выполнении функций контроля, взаимодействия с гражданами, хранения информации [Тихонов, Богданов 2020].

Дальнейший анализ вторичных данных социологических исследований показывает, что существуют практические проблемы с реализацией стратегических целей цифровизации.

Так, в статье С. П. Косарина, И. В. Милькиной были опубликованы результаты исследований в большинстве регионов страны, в результате которых 40% респондентов высказались о цифровизации государственных и муниципальных услуг положительно и только 6% отрицательно. Однако среди других результатов этого исследования можно отметить и то, что не все респонденты свободно владеют компьютерной техникой и адаптированы к этим изменениям [Косарин, Милькина 2019].

Анализ вторичных данных социологических исследований указывает на то, что достаточно большое количество функций государственного управления социальными процессами уже сейчас имеют цифровой инструментарий.

В то же время отмечаются неготовность части населения, а также отсутствие консолидации цифрового государственного управления в единую систему. В российской научной литературе ощущается нехватка как статистических, так и социологических прогностических исследований на тему социальных последствий отдельных аспектов цифровизации.

Conclusions

Цифровизация экономики, общественной жизни, государственного управления является актуальной предметной областью мультидисциплинарных исследований.

Сейчас очевидно, что цифровизация государственного управления – сложный и многоаспектный трансформационный процесс, сопряженный со значительными социальными рисками.

Цифровая модернизация накладывается на разное по своей сущности нравственное пространство и не может иметь однозначное воплощение. Процесс цифровой трансформации крайне противоречив. Противоречива сама постановка проблемы. Акцент сделан на положительное. Действительно, цифровые инновации – важный инструмент экономического развития страны. Однако последствия смены формата жизни несут не только положительный заряд [Афанасенко, Борисова 2018].

Несмотря на то, что в российском законодательстве в одном из первых было зафиксировано определение понятия «цифровой двойник»,

очевидно, что предстоит еще достаточно долгий процесс разработки нормативно-правовых основ.

Как отмечает Т. Н. Михеева, реакция законодательства на существующие изменения, которые уже де-факто институционализировались как общественные отношения, несколько запаздывает, но уже сейчас есть ряд законопроектов, призванных дать необходимое юридическое обеспечение [Михеева 2019].

Как отмечалось выше, наиболее болезненным из социальных рисков, сопряженных с цифровизацией и широким применением цифровых двойников и искусственного интеллекта, является вытеснение с рынка труда ряда профессиональных групп.

И. В. Понкин, А. И. Редькина в своем исследовании указывают на то, что уже в недалеком будущем цифровые двойники будут широко применяться при правовом регулировании социальных процессов [Понкин, Редькина 2020]. Представляется, что это возможно в качестве фиксирования установления правовых границ и контроля их соблюдения, такие менее формализованные виды деятельности, как законотворческая, вряд ли могут осуществляться при помощи информационных технологий.

Ответ на технологические вызовы кроется в опыте применения цифровых платформ, алгоритм действия которых предполагает быструю обработку и передачу информации, таким образом, устраняя проблемы «человеческого фактора», связанные с медленным выполнением процедур регистрации, обработки информации и принятия решения.

Бесспорно, что цифровые технологии несут в себе ряд потенциальных угроз, в том числе и социального характера. При этом большинство специалистов предпочитают давать оптимистические прогнозы цифровой трансформации.

Acknowledgment(s)

Автор выражает благодарность своему научному руководителю – доктору социологических наук, профессору, почетному работнику высшего профессионального образования Василенко Людмиле Александровне за помощь в проведении исследования и написании статьи.

Список источников

1. *Афанасенко И. Д., Борисова В. В.* Цифровая экономика и социально-этические ценности // Известия СПбГЭУ. 2018. № 5 (113). С. 7-11.

2. *Белохина Ю. С., Гуров О. Н.* Об этике цифрового двойника общества // Искусственные общества. 2020. Т. 15, вып. 4 URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800012583-0-1>.

3. *Гаранин М. А.* Влияние «цифровых двойников» на экономику общественного сектора // Креативная экономика. 2018. Т. 12, № 11. С. 1733-1758. doi: 10.18334/ce.12.11.39605.

4. *Иванов С. А., Никольская К. Ю., Радченко Г. И., Соколинский Л. Б., Цымблер М. Л.* Концепция построения цифрового двойника города // Вестник

ЮУрГУ. Серия: Вычислительная математика и информатика. 2020. Т. 9, № 4. С. 5-23. DOI: 10.14529/cmse200401.

5. *Косарин С. П., Милькина И. В.* Оценка отношения граждан России к процессам цифровизации государственных услуг // *E-Management*. 2019. Т. 2, № 4. С. 51-63.

6. *Михеева Т. Н.* К вопросу о правовых основах цифровизации в Российской Федерации // *Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2019. № 9. С. 114-122.

7. *Понкин И. В., Редькина А. И.* Цифровое государственное управление: метод цифровых моделей-двойников (ВМ) в праве // *Государственная служба*. 2020. № 2. С. 64-69.

8. *Тихонов А. В., Богданов В. С.* От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // *Социологические исследования*. 2020. № 1. С. 74-81.

9. *Asochakov Yu., Bogomiagkova E., Ivanov D.* New Dimension of Social Development: Activities and Creativity in the Internet Communications// *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2021. No. 1. P. 75-86. DOI: 10.31857/S013216250012083-4.

10. *Akers E. J.* A study of the adoption of digital government technology as public policy innovation in the American States. A Dissertation Submitted to the Graduate Faculty of Auburn University in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. 2006. P. 194.

11. *Hariguna T., Ruangkanjanases A., Sarmini.* Public Behavior as an Output of E-Government Service: The Role of New Technology Integrated in E-Government and Antecedent of Relationship Quality // *Sustainability*. 2021. No. 13. 7464. <https://doi.org/10.3390/su13137464>.

12. *Veselov Yu., Skvortsov N.* Trust in the Age of Digital Transformations: A Sociological Study // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2021. No. 6. P. 57-68. DOI: 10.31857/S013216250012556-4.

Мещерякова Н. Н.,
НИ ТПУ, НИ ТГУ,
natalia.tib@mail.ru

ТРАДИЦИОННЫЕ И ЦИФРОВЫЕ МЕТОДЫ В СОЦИОЛОГИИ: РОССИЙСКИЙ И МИРОВОЙ ОПЫТ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о том, насколько методы традиционной социологии (опрос, анализ документов, наблюдение и эксперимент) совместимы с методами цифровой социологии, построенными на анализе больших данных, которые мы можем извлечь из сети Интернет. Эти данные характеризуют онлайн-сообщества и коммуникацию, которая осуществляется в сети. До сих пор представители традиционной и цифровой социологии относятся друг к другу с недоверием, но, как это показано в данной работе, их методы могут обогатить друг друга. Цифровая социология, которая имеет дело с необтрузивными данными большого масштаба, применяя алгоритмы искусственного интеллекта, способна обнаруживать неочевидные паттерны и корреляции в массивах данных. А традиционная социология предлагает арсенал опробованных, обоснованных интерпретационных методик для подтверждения или опровержения наличия причинно-следственных связей в обнаруженных цифровыми методами корреляциях. И это только одна из ее возможностей.

На текущий момент уже спроектированы простые и надежные инструменты для извлечения данных из различных цифровых источников; разработаны методы цифровой социологии, например метод анализа социальных сетей; используются в конкретных эмпирических исследованиях гибридные методы (вебометрика, нетнография), построенные на элементах как цифровой, так и традиционной социологии.

Ключевые слова: традиционная социология; цифровая социология; необтрузивные методы; цифровые технологии; базы данных

Meshcheryakova N. N.,
TPU, TSU,
natalia.tib@mail.ru

TRADITIONAL AND DIGITAL METHODS IN SOCIOLOGY: RUSSIAN AND WORLD EXPERIENCE

Abstract. The article examines the question of how the methods of traditional sociology (survey, document analysis, observation and experiment) are compatible with the methods of digital sociology based on the analysis of big data that we can extract from the Internet. These data characterize online communities and the communication that takes place on the network. Until now, representatives of traditional and digital sociology treat each other with distrust, but, as shown in this paper, their methods can enrich each other. Digital sociology, which deals with non-intrusive large-scale data, using artificial intelligence algorithms, is able to detect non-obvious patterns and correlations in data arrays. And traditional sociology offers an arsenal of proven, well-founded interpretive techniques to confirm or refute the presence of cause-and-effect relationships in correlations detected by digital methods. And this is only one of its possibilities.

At the moment, simple and reliable tools for extracting data from various digital sources have already been designed; methods of digital sociology have been developed, for example, the method of analyzing social networks; hybrid methods (webometrics, netnography) based on elements of both digital and traditional sociology are used in specific empirical studies.

Keywords: traditional sociology; digital sociology; non-intrusive methods; digital technologies; Database

Введение

Под традиционными социологическими методами мы подразумеваем опросные методы, методы наблюдения, анализа документов и эксперимента, каноны которых были заложены Чикагской школой социологии, Элизабет Ноэль-Нойман в Европе, В. А. Ядовым в Советском Союзе и др., наследниками которых мы все являемся. Цифровые методы в социологии работают прежде всего с так называемыми большими данными, которые агрегируют в сети Интернет.

Классические репрезентативные массовые опросы основываются на базовом принципе, что практически любой представитель генеральной совокупности может быть включен в выборку и будет доступен для опроса. Если это условие невозможно соблюсти, то фактически все здание традиционной эмпирической социологии разрушается. С чем мы сталкиваемся сегодня? Мы, социологи, собираем и обобщаем мнения только тех, кто соглашается ответить на наши вопросы. Такой типичный респондент может стать темой самостоятельного исследования. Но типичный ли он представитель социальной общности, которую мы изучаем?

Вместе с тем встречным курсом идет развитие методов цифровой социологии, в основе которых анализ больших данных [Василенко, Мещерякова 2021]. Это методы преимущественно необтрузивного характера. На данный исторический момент представители традиционной и цифровой социологии относятся друг к другу с подозрением [Мещерякова 2020]. Первые отрицают валидность новых методов, вторые упрекают в замшелости старых. Имеются робкие попытки использовать комплексные гибкие методы сбора данных исследования, объединенных принадлежностью к описанию общего экземпляра из набора объекта исследования [Ioannidis 2005]. Как найти точки пересечения и взаимно обогатить исследовательские возможности друг друга?

Единицей анализа в социологии является социальный факт. И с ним ничего не случилось. Он как был, так и есть. Метод – это только способ его собрать, обобщить и интерпретировать. Если мы сохраним верность социальным фактам, о методах, возможно, мы договоримся.

На настоящий момент под большими данными в социологии мы понимаем слабо структурированные социальные данные большого объема и значительного многообразия, увеличивающие свой объем и разнообразие в реальном времени. Эта система данных характеризуется интерактивно-

стью, постоянным информационным обменом между ее элементами, взаимодействием с пользователем. Большие данные не предназначены напрямую для целей изучения общественного мнения, но могут быть для этого использованы.

- а) данные социальных сетей;
- б) персональные данные;
- в) сенсорные данные (данные, поступающие с различных устройств, как правило, электронных, в том числе смартфонов);
- г) транзакционные данные.

Кроме собственно административных данных, остальные относятся к неструктурированным: документы, видео, фотографии и пр. Поэтому с самого начала встал вопрос об интеллектуальном анализе данных.

Преимущества БД

1) необтрузивный характер – сочетают в себе преимущества скрытого наблюдения с 2) возможностями делать это на больших выборках.

Вызовы БД

1) интерактивный характер (меняются в процессе взаимодействия с ними, мы сталкиваемся с ситуацией их изменения в момент фиксации);

2) размер не всегда имеет значение (размер набора данных не столь важен, сколько способность алгоритмов машинного обучения и веб-аналитики делать на их основе прогнозные выводы либо реконструировать поведенческие модели). Именно «умность» результатов отличает анализ больших данных от классического статистического анализа.

Цифровизация и цифровая трансформация – это последовательно связанные, но разные этапы процесса рождения цифровой социологии (термин, предложенный Деборой Луптон). Цифровизация привела к оцифровке данных о социальных фактах, что облегчило и ускорило их обработку, хранение, использование и передачу; а также означала перенос опросных листов на электронные платформы. Расширились возможности проведения контент-анализа.

Но цифровая трансформация означала бы, и здесь я не случайно использую условное наклонение, применение искусственного интеллекта не только для поиска и систематизации данных, но и для их анализа. Уже сегодня благодаря новым технологиям есть возможность не просто обрабатывать данные, но автоматически извлекать из них новое знание. Эти возможности обеспечивают алгоритмы машинного обучения (подмножество алгоритмов искусственного интеллекта), глубокого обучения (подмножество машинного обучения, использование искусственных нейронных сетей с большим количеством нейронов, слоев и взаимосвязей).

Машинное обучение – это широкое подмножество алгоритмов искусственного интеллекта, которые учатся на примерах и опыте (представленных наборами входных/выходных данных), а не полагаются на жестко закодированные и предопределенные правила, характеризующие

традиционные алгоритмы. Такое обучение называется индуктивным или обучением по прецедентам. В отличие от точно определенных правил традиционных алгоритмов, алгоритмы машинного обучения математически анализируют любое разнообразие данных (изображения, текст, звуки, временные ряды и т. д.) и их взаимосвязи для того, чтобы делать выводы. Алгоритмы искусственного интеллекта используют иной подход, нежели традиционные алгоритмы, основанные на логике. Многие алгоритмы искусственного интеллекта основаны на идее, что вместо того, чтобы кодировать компьютерную программу для выполнения задачи, необходимо проектировать программу, чтобы учиться непосредственно из данных. Это сулит возможности развития и для социологического знания. При этом никто не отменяет дедуктивное обучение, формализующее знания экспертов. Сочетание того и другого обещает большие перспективы. Например, социолог может использовать неконтролируемые алгоритмы для кластерного анализа данных о группах населения с более-менее устойчивыми паттернами поведения в вопросах здоровья, мобильности, приверженности источникам информации и пр.

При этом машинное обучение – только один из классов методов искусственного интеллекта; с развитием этой технологии мы ожидаем, что компьютер обучится делать что-то, что человек делать не умеет. И мы должны быть готовы грамотно поставить перед ним задачу;

3) ложные корреляции [Ioannidis 2005].

Без понимания того, что есть большие данные для нас, социологов, и как они увеличиваются, мы не найдем применения современным технологиям. Два заблуждения могут увести нас от перспективного пути использования больших данных в социологии. Первое – что большой объем данных может компенсировать возможные ошибки в базах данных. Напротив, в больших массивах данных малые ошибки множатся. И второе – что данные говорят сами за себя. Именно последнее утверждение приводит к ложным корреляциям, накоплению искажений. Первой ошибки можно избежать, разработав общую теорию ошибок. Что касается второй, то ее можно минимизировать, только развивая теорию и методы комплексного анализа больших данных. И в первую очередь это возможно сделать, прибегая к научному потенциалу традиционной социологии.

Что уже сделано в области цифровой социологии на настоящий момент?

1. Спроектированы достаточно простые и надежные, зачастую не требующие специальных знаний, подчас бесплатные инструменты для извлечения данных из различных цифровых источников [Jemielniak 2020]:

OctoParse – удобный инструмент для онлайн-социальных исследований, который извлекает данные из разных источников, позволяя использовать простые шаблоны для популярных веб-сайтов, таких как Twitter, Amazon, Booking, Instagram, YouTube, Google и Yelp.

Twitter Archiver, дополнение к Google Sheets, позволяет бесплатно извлекать данные из Twitter, а также Meaning Cloud, дает возможность делать довольно основательный анализ настроений.

Quora – на нем/ней публикуют довольно длинные ответы на вопросы, заданные другими. Scraping tools можно настроить на определенную схему навигации и сбора конкретных данных.

Hadoop и целая экосистема вокруг, состоящая из подпрограмм, набора дополнительных программных пакетов, которые могут быть установлены поверх или рядом с Hadoop. В результате Hadoop способен на аналитические исследования различных видов, машинное обучение и/или сложный интеллектуальный анализ данных, обработку изображений и XML-сообщений, сканирование веб-страниц и/или обработку текста, общее архивирование, включая реляционные/табличные данные.

2. Разработаны методы цифровой социологии, например метод анализа социальных сетей (Social Network Analysis), который применяется для изучения динамики и структуры сетевых сообществ, публичных дискуссий, моделей распространения информации, слухов, новостей [Василенко, Зотов, Захарова 2020; Василенко, Миронова 2012]. Разнообразие видов связей (гиперссылки, связи виртуальной дружбы, комментирование, упоминания, подписки, рекомендации, выставление рейтингов, лайков, оценок) обуславливает возможность применения здесь математической теории графов.

В России одним из лидеров в разработке стека технологий для анализа пользовательских данных из социальных сетей является Институт системного программирования РАН [Коршунов, Белобородов, Бузун и др. 2014]. Он уже сейчас может предложить социологам набор технологических решений:

1) фреймворк для сбора реальных пользовательских данных через обращение к веб-интерфейсам социальных сетей;

2) инструменты генерации случайных социальных графов с заданными структурными свойствами;

3) методы обработки текстовых данных пользователей социальных сетей: определение демографических атрибутов путем лингвистического анализа профилей и текстов сообщений, а также поиска описания событий в корпусах сообщений;

4) методы обработки сетевых данных (социальных связей между пользователями);

5) методы идентификации пользователей различных социальных сетей;

6) методы поиска сообществ пользователей;

7) метод измерения информационного влияния и поиска наиболее влиятельных пользователей.

3. Продвигаются в конкретных эмпирических исследованиях гибридные методы (вебометрика, нетнография).

Цифровой социологии недостаточно одних больших данных. Интеллектуальный анализ больших данных полагается на применение методов компьютерной обработки информации, в том числе алгоритмов машинного обучения, обособляет переменные для выявления закономерностей, раскрывает понимание. Сильная сторона такого анализа в том, что он проводится, основываясь на большом масштабе единичных данных. Но он не позволяет сделать выводы о том, почему выявленные паттерны существуют. И здесь в свои права вступает традиционная социология со всем своим арсеналом накопленных интерпретационных методик.

Итак, цифровая социология – это направление исследований, предметом которых являются онлайн-сообщества и коммуникация, осуществляемая в сети Интернет. Социология цифрового общества – понятие более широкое, оно подчеркивает, что на стадии существования цифрового общества классической социологии с ее арсеналом теорий, методов и техник недостаточно для познания объективной реальности, частично виртуализированный. Но появление современной архитектуры аппаратного обеспечения, стека технологий для анализа больших данных, и, учитывая, что уже формируются социологические методы познания этой новой гибридной реальности, мы можем утверждать, что вместе с цифровым обществом закладываются основы социологии цифрового общества. Главная методологическая задача сегодня – определить, что есть большие данные для социологии, провести отбор методов их компьютерной обработки, унифицировать ошибки выборки и предложить методы ремонта баз данных, апробировать и подтвердить валидность выбранных методов, подкрепляя их выводы результатами исследований, осуществляемых методами традиционной социологии.

Список источников

1. *Василенко Л. А., Мещерякова Н. Н.* Социология цифрового общества. Томск: Издательство ТПУ, 2021. 226 с.
2. *Василенко Л. А., Зотов В. В., Захарова С. А.* Использование потенциала социальных медиа в становлении участвующего управления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20, №4. С. 864-876.
3. *Василенко Л. А., Миронова Н. И.* Социальная несправедливость: методология социологического измерения и интерпретации // Государственная служба. 2012. № 1 (75). С. 47-53.
4. *Гримов О. А.* Научные социальные сети как средство научной коммуникации // Коммуникативный капитал цифровой эпохи: материалы научной онлайн-конференции с международным участием / ред. И. Н. Чудновская. Москва: Макс Пресс, 2021. С. 65-71.
5. *Коришунов А., Белобородов И., Бузун Н. и др.* Анализ социальных сетей: методы и приложения // Труды Института системного программирования РАН. 2014. № 26 (1). URL: [https://doi.org/10.15514/ISPRAS-2014-26\(1\)-19](https://doi.org/10.15514/ISPRAS-2014-26(1)-19).
6. *Мещерякова Н. Н.* Методология познания цифрового общества // Цифровая социология. 2020. № 3 (2). Р. 17-26. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2020-2-17-26>.

7. *Ioannidis J. P. A.* Why most published research findings are false // *PLOS Med.* 2005. № 2 (8). e124. DOI: 10.1371/journal.pmed.0020124.

8. *Jemielniak D.* Thick Big Data: Doing Digital Social Sciences. Oxford University Press, 2020. 173 p.

Назарова Е. А.,
профессор кафедры социологии МГИМО МИД России
Селюкова А. А.,
председатель, Комитет городского собрания Сочи по вопросам спорта,
делам молодежи, средствам массовой информации,
магистрант РАНХиГС

КОММУНИКАТИВНЫЕ И ЦИФРОВЫЕ РЕСУРСЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. В статье рассмотрена связь между коммуникативной компетентностью государственных служащих и имиджем региона, а также реализован анализ регионального медиапространства. Объект исследования – медиапространство Краснодарского края. Анализ демонстрирует общие тенденции изменения потребления различного контента: снижается количество региональных телеканалов и периодических изданий, распространяются новые медиа – электронные издания.

Ключевые слова: социальная политика; региональная социальная политика; цифровые технологии; коммуникативная компетентность; коммуникативный имидж; медиаграмотность; цифровые ресурсы

Nazarova E. A.,
Professor of the Department of Sociology, MGIMO MFA of Russia
Selyukova A. A.,
Chairman, Sochi City Assembly Committee on Sports, Youth Affairs,
Mass Media, Master's Degree Student, RANEPА

COMMUNICATIVE AND DIGITAL RESOURCES OF REGIONAL SOCIAL POLICY

Abstract. The article examines the relationship between the communication competence of civil servants and the image of the region, as well as the analysis of the regional media space. The object of the study is the media space of the Krasnodar Territory. The analysis demonstrates general trends in the consumption of various content, as the number of regional TV channels and periodicals decreases, new media – electronic publications are distributed.

Keywords: social politics; regional social policy; digital technologies; communicative competence; communicative image; media literacy; digital resources

Условия развития современного информационного общества с его оперативностью распространения данных, увеличением информационной нагрузки, конкурентностью и повышением запроса на открытость власти диктуют необходимость модернизации коммуникативной составляющей государственного управления. Современные условия построения взаимоотношений в обществе предусматривают использование коммуникативных ресурсов позволяющих осуществлять информационное и психоло-

гическое воздействие на индивидуальное и групповое (массовое) сознание [Авдеева, Назарова 2017].

Гармоничная система коммуникаций предполагает также и выстраивание коммуникативных инструментов обратной связи, помогающих при диагностике возникающих проблем и мониторинге деятельности государственной организации. По мнению А. Н. Щеголевой, основными мероприятиями по выстраиванию таких инструментов обратной связи и элементов социального партнерства являются: организация специальных площадок для коммуникации между властью и гражданами, поощрение активной гражданской позиции и привитие заинтересованности в улучшении качества жизни посредством конструктивного взаимодействия, повышение информированности граждан о проблемах данной территории и возможностях их урегулирования, путях участия граждан в решении местных дел, «доведение сведений о результатах реализации совместно принятых решений и о позитивных результатах взаимодействий, разработка системы поддержки общественных инициатив» [Щеголева 2019]. Перечисленные мероприятия по установлению обратной связи направлены также на укрепление гражданского общества как механизма реализации сплоченными индивидами и социальными группами своих интересов [Голенкова 1997].

Базовым и относительно быстро восполнимым коммуникативным ресурсом, находящимся в распоряжении органа государственной власти при реализации своей деятельности, являются **коммуникативная компетентность сотрудников** и выстроенная в организации **система внутренних коммуникаций**.

По сути, **коммуникативная компетентность** отражает способность индивида налаживать качественный контакт при помощи языковой системы с другими участниками коммуникации. В случае с сотрудниками органов власти такими коммуникациями являются прежде всего координация действий с коллегами и взаимодействие с гражданами. В условиях информационной загруженности работников и открытости государственных органов развитие речевой культуры госслужащих не должно оставаться формальностью как при профессиональной подготовке, так и при совершенствовании своих навыков в ходе выполнения рабочих задач [Котлярова 2017].

При работе госслужащего должна быть обеспечена минимизация вероятности возникновения орфографических, пунктуационных и грамматических ошибок в письменной речи, проверка сообщений на наличие фактических ошибок и недостатков оформления при этом позволяет уменьшить риск репутационного ущерба для государственной организации-работодателя. При этом особое внимание стоит обращать на развитие навыков грамотного и корректного общения, в результате которого реципиент не должен испытывать затруднений при получении информации.

Также непосредственно с коммуникативной компетентностью связана и **внутриорганизационная система коммуникаций** государственного учреждения, поскольку от качества ее выстраивания зависят своевременность и актуальность поступающей сотруднику информации, наличие системы профессиональных коммуникативных стандартов и системы профессионального роста и обучения, а в итоге – реализация кадрового потенциала всего государственного учреждения. В свою очередь, мониторинг внутренней системы коммуникаций и повышение оперативности включения новых сотрудников в рабочий процесс должны входить в перечень постоянных мероприятий стратегического менеджмента государственной организации.

Как правило, создание и поддержание положительного **коммуникативного имиджа** органа власти являются одной из основных целей функционирования подразделений, решающих вопросы связей с общественностью. Тенденцией становится рассмотрение имиджа государственного органа как общественного индикатора эффективности его работы в дополнение к обычной «отчетной» результативности по профильным для организации вопросам. При этом устойчивое воздействие такой имидж как коммуникативный ресурс может иметь лишь при условии поддержки заинтересованности граждан в деятельности организации в целом, вовлеченности их в общественно-политическую повестку территории, которую охватывает конкретное медиaproстранство.

В современных условиях «информационной перегрузки» и необходимости фильтрации поступающих данных успешность усвоения реципиентом медиасообщения все больше зависит от такого ресурса, как **медиаграмотность** (англ. media literacy). В контексте коммуникативных ресурсов речь идет прежде всего о медиаграмотности населения территории. В современных условиях под этим термином подразумевают набор умений и навыков, позволяющих индивидам получать доступ к информации, используя критическое мышление, оценивать ее достоверность, понимать источник (и в некоторых случаях оценивать его нейтральность), а также самостоятельно создавать медиаконтент и использовать его каналы распространения.

В целом медиаграмотность индивида формируется с развитием у него ряда базовых навыков по работе в медиасреде. Навык качественного **фактчекинга**, умение на базовом уровне создавать пользовательский медиаконтент для выражения своего мнения влияют также на решение об участии индивида в формировании медиасреды. Работа по повышению медиаграмотности населения актуализируется именно в условиях развития «новых медиа» и digital-технологий, при которых многократно увеличиваются количество источников, объем и специфичность (большая мультимедийность и интерактивность) поступающей информации, а отслеживание первоначального источника и фактчекинг могут дополни-

тельно усложняться. При этом возросшая сила медиавоздействия СМИ на систему ценностей человека превращает медиаграмотность в многомерный параметр [Котляр 2017], требующий построения определенной оси ценностных координат.

Одним из основных ресурсов социального и государственного управления является **медиапространство**. По своему содержанию оно является социальным пространством, которое формируется и наполняется средствами массовой информации [Шарков 2009], а активность внутри него происходит благодаря восприятию адресатами контента медиаисточников. В современном обществе медиапространство, по сути, значительным образом изменяет со временем опыт отдельных людей и сообществ, накладывая определенные социальные границы и смыслы при взаимодействии индивидов и групп и позволяя оценивать реакцию индивида или группы на социальные процессы и явления [Шарков, Силкин 2021].

Стоит отметить, что в коммуникологии понятие «медиапространство» неизбежно рассматривается как часть социального пространства общества, которая является открытой системой отношений между производителями и потребителями массовой информации. В то же время по отношению к культурной системе медиапространство является «местом хранения» сложной системы правил, норм и потребностей общества, использует СМИ в качестве одного из важных инструментов воспроизводства культуры в разных ее проявлениях. Средства массовой информации в такой системе находятся в сложном симбиозе с общественным сознанием, как претворяя в жизнь его запросы и интересы, так и формируя на основе своей деятельности его социальные представления, интересы, ценности и нормы.

В целом, несмотря на разрозненность подходов к исследованию феномена медиапространства в отдельных фокусах, в научном сообществе наблюдается тенденция по формированию единой теории медиапространства, описывающей комплексность понятия и сложных взаимоотношений его составляющих. Удовлетворяющим эти требованиям можно считать подход исследователя В. Н. Бузина, который предположил, что для построения целостной картины медиапространства необходимо выделение универсального базового элемента системного анализа (конфигуратора), являющегося внутренне активным, операциональным и описывающим взаимодействие как специфичную характеристику медиапространства [Бузин 2019: 92]. Таким элементом он считает контакт как организованный процесс приема и передачи информации во время интеракции индивида-субъекта со СМИ-объектом (для количественного изучения тут применяются социологические методы медиаизмерения, а для качественного – социально-психологические исследования произошедшего акта коммуникации), межсубъектного взаимодействия индивида с индивидом (по большей части применяются методы описательной

социальной психологии) либо межобъектного взаимодействия технических средств передачи информации [Бузин 2019: 93].

Еще одним важным теоретическим вкладом В. Н. Бузина является применение системно-деятельностного подхода (Э. Гидденс) в исследовании феномена медиапространства: он отражает характеристику перехода рассмотрения медиапространства как обычного социального действия (системный подход) к исследованию культурной рефлексивной составляющей явления в динамике, учитывающей бессубъектные процессы (приобщение деятельностного подхода), «самореферентность и авторепродуцируемость социальной системы посредством воспроизводства социальных практик» [Гидденс 2003].

Так, в ходе применения системно-деятельностного подхода В. Н. Бузин деконструирует медиапространство и показывает его структуру, используя схему четырех функциональных предпосылок социальной системы AGIL (Adaptation; Goal attainment; Integration; Latency) [Бузин 2021: 52]. Эта социологическая модель удобна для применения тем, что позволяет раскрыть характерное для медиапространства существование одновременно на уровнях социальной и культурной систем, причем культуре как связывающему механизму социальных подсистем отводится центральное место. Ее составным частям отводятся следующие роли:

- Медианосители выполняют функцию адаптации, поскольку используются в качестве основы для социальной информации, а сами медиа превратились в естественную среду обитания человека (внешние связи, инструментальные ценности в плане использования в качестве инструмента связи между обществом и социальными институтами).

- Аудитория выступает в качестве функциональной предпосылки достижения цели, потому как в случае со СМИ их аудитории являются гетерогенными социальными группами, и при помощи взаимодействия разрозненных индивидов с коммуникаторов при использовании медианосителя включается в процесс социального общения (внешние консуматорно-целевые ценности).

- Символическое пространство (общественное мнение, нормативность) в рамках данной модели обозначает функциональную предпосылку интеграции: именно наличие символического пространства позволяет функционировать медиапространству и защитить его как социальную систему от разрушения (внутренние связи, консуматорно-целевые ценности).

- Контент в обозначенной структуре медиапространства рассматривается в контексте функции поддержания модели: реализуя социальные потребности индивида и участвуя в его социализации, контент помогает поддерживать основные ценности общества и репродуцирование его культурных норм посредством вхождения индивида в культурную среду (внутренние связи, инструментальные ценности) [Бузин 2021: 63-65].

Характерен тот факт, что ряд российских исследователей в настоящее время активно исследуют проблематику медиаэкологии, возникшую и развившуюся в Северной Америке в 1960-х годов при активном участии американского культуролога Г. М. Маклюэна. Медиаэкология инициирует изучение воздействия средств коммуникаций как непосредственной окружающей информационной и коммуникационной среды на психическую составляющую человека и на социокультурные процессы в обществе.

Отдельной проблемой отечественные социологи Ф. И. Шарков и Е. Н. Юдина также считают возросший уровень сюжетов, связанных с агрессией и насилием, что может ухудшать социально-психологический уровень общественной жизни граждан и усиливать ощущение все время находящейся рядом опасности [Шарков, Юдина 2013: 40]. Все вышеперечисленные факторы требуют проведения гражданским обществом в партнерстве с государством инфоэкологической политики и повышения медиаграмотности населения страны.

Говоря о крупных медиапространствах на мировом, межгосударственном и национальном уровнях, необходимо отметить, что они неизбежно существуют в состоянии преобладания горизонтальных связей их отдельных элементов, попыток интеграции и поглощения малых, региональных медиапространств, которые, в свою очередь, функционируют внутри очень разных по общественному укладу региональных социумов. У этих социумов формируются социокультурные особенности территориального поведения, влияющие в конечном счете на все формы социального поведения индивидов.

Таким образом, важным свойством региональных медиа является большая гибкость в подборе тем и материалов, позволяющая учитывать специфику предпочтений и интересов населения конкретного региона. Более того, региональные медиа выступают каналом передачи данных с местного на национальный уровень. Однако в современной науке региональному (как и еще более компактному мини-локальному) медиапространству уделяется сравнительно мало внимания и их специфика изучена довольно слабо.

На данный момент мы можем выделить ряд характерных особенностей медиапространства региона, важных для понимания функционирования регионального социума:

- сосредоточение большинства региональных медиа в крупных городах региона, в особенности в административных центрах;
- систематическое участие региональных властей в функционировании наиболее крупных медиа, прежде всего методами финансирования и использования административного ресурса, для выполнения определенных задач (например, освещения деятельности администрации региона, участия в формировании электоральных предпочтений);

– сравнительное неравенство относительно богатых крупных городов региона и обширных местностей со сравнительно низким благополучием (оно влияет, например, на распространенность практики использования сети Интернет в повседневной жизни);

– «анклавизация» страны, в ходе которой образ жизни и предпочтения жителей глубинки в корне отличаются от образа жизни в мегаполисах (характерна прежде всего для изучения более мелких локальных медиапространств) [Бузин 2021: 133].

Таким образом, региональное медиапространство выполняет важные функции по интеграции единого федерального медиапространства, обеспечивает трансляцию и интеграцию федеральной медиаполитики за счет выстраивания специфической коммуникативной среды, учитывающей социокультурные особенности региона.

Анализ динамики развития медиапространства Краснодарского края позволяет сделать вывод о том, что региональная медиасреда в последние десятилетия подвержена процессам, происходящим почти во всех регионах страны: снижению общего количества региональных телеканалов (30 шт. в конце 2021 года по сравнению с около 150 шт. в 1999 году) и периодических изданий (202 шт. на конец 2021 года по сравнению с 432 шт. в 1999 году – сокращение на 53%) и появлению серьезных конкурентов офлайн-медиа в лице «новых медиа» (по состоянию на конец 2021 г. в регионе располагаются 270 редакций электронных печатных изданий) [Департамент информационной политики 2022].

Рассматривая печатные издания региона, стоит отметить, что по масштабу распространения среди печатных медиа особенно выделяется газета «Кубанские новости». Так, в 1991 г. она начинала с тиража в 3 000 экземпляров и не могла тягаться с двумя крупнейшими изданиями, оставшимися с советских времен («Советская Кубань» и «Комсомолец Кубани»), однако грамотная редакторская политика, финансовый менеджмент и обширная финансовая поддержка со стороны государственных органов позволили превратить ее в наиболее цитируемое печатное издание региона [ТОП-20 2021]. Помимо «Кубанских новостей», в списках наиболее цитируемых за 2020–2021 гг. печатных изданий (Медиалогия) отмечены «Комсомольская правда – Кубань», «Наша газета Новороссийск», «Туапсинские вести», «Новороссийский рабочий», «Краснодарские известия». Самыми покупаемыми же изданиями региона (TNS Global, 2019 г. [Mediascope 2019]) Mediascope называет «Краснодарские известия», «Кубань сегодня» и «Кубанские новости» среди ежедневных изданий; «Ва-банкъ» и «ТелеСемь» среди еженедельных изданий.

Региональная телерадиосеть представлена на данный момент двумя региональными телерадиокомпаниями, учрежденными в 1998 г. в составе ВГТРК России: ГТРК «Кубань» и Сочинская ГТРК. Являясь филиалом федерального медиа, эти СМИ прежде всего решают задачи производства

региональных выпусков новостей «Вести Кубань» и «Вести Сочи» на каналах Россия 1, Россия 24, радиостанциях «Радио России», «Радио Маяк», «Вести ФМ» и ряда информационно-публицистических и развлекательных программ, в формате «врезок» транслируемых в перечисленные теле- и радиоканалы.

Не менее значительным для медиапространства региона является ГТРК «Новое телевидение Кубани», созданное в марте 1998 г. решением Главы администрации Краснодарского края в рамках действий по развитию регионального телерадиовещания [Постановление 2002]. На данный момент в НТК входят два крупных офлайн-медиа региона: телеканал «Кубань 24» и радиостанция «Первое радио Кубани». Стоит отметить, что если радиостанция, созданная в 1999 г. и перешедшая в 2004 г. на круглосуточное вещание, находится в ситуации высокой конкуренции в нишевом радиосегменте региона, то телеканал Кубань 24 наравне с газетой Кубанские новости из года в год уверенно находится на лидирующих позициях в рейтингах медиавлияния СМИ региона, которые ежеквартально и ежегодно составляет Медиалогия. Также, начиная с 2017 г. «Кубань 24» была выбрана в качестве канала для «21 кнопки» – обязательно общедоступного регионального телеканала (в формате «врезок» на канале ОТР), с 2019 г. эта трансляция ведется в формате цифрового эфирного ТВ в рамках первого цифрового мультиплекса [ОТР 2019].

Говоря о современных трендах, последние 20 лет структура современных медиапространств всех уровней, включая региональные, претерпела колоссальные изменения в связи с появлением электронных источников информации, уверенно закрепившихся в повседневной жизни россиян и ставших для многих альтернативой «традиционным» офлайн-СМИ; в частности, в медиапространствах страны активно развиваются социальные медиа на фоне того что, порядка 99 млн россиян используют социальные сети в повседневной жизни [Отчет Digital 2021: 17], а активные интернет-юзеры проводят порядка 2,5 часов в социальных сетях [Отчет Digital 2021: 20].

Безусловно, процесс цифровизации активно затронул и Краснодарский край. Так, согласно данным Росстата, к 2020 г. в регионе 80,4% от общей численности населения использовали Интернет, а 69,3% делали это на ежедневной основе [Регионы России 2020]. Условия цифровизации стремительно меняют облик медиапространства региона: так, только по официальным данным в регионе располагаются 244 редакции электронных периодических изданий, что сопоставимо с количеством периодических печатных изданий в регионе (242 шт.); новостные группы в социальной сети ВКонтакте, посвященные Краснодарскому краю и Краснодару, имеют десятки и сотни тысяч подписчиков (например, по состоянию на октябрь 2021 г. в группах: «Краснодар сейчас» – 177 тыс., «Типичный Краснодар» – 529 тыс., «Мой Краснодар» – 159 тыс., «Наш Краснодар» –

264 тыс., «Афиша Краснодара» – 123 тыс., официальная группа Администрации Краснодарского края – 67 тыс.).

В данных условиях активное развитие получили и региональные интернет-порталы, по большей части публикующие новостные и обзорные общественно-политические материалы. Согласно исследованиям Медиалогии за 2020 – первую половину 2021 гг., наиболее цитируемыми из таких порталов являются Yuga.ru (yuga.ru, издательский дом Newmen), Югополис.ру (<https://www.yugopolis.ru/>), Кубань24.тв (<https://kuban24.tv/>, интернет-портал телеканала «Кубань 24»), Живая Кубань (<https://www.livekuban.ru/>), Новая Кубань (<https://newkuban.ru/>, интернет-портал газеты Новая Кубань), KrasnodarMedia (<https://krasnodarmedia.su/>), Обзор (<https://obzor.io/>). Заметно, что помимо независимых интернет-изданий большой популярностью пользуются интернет-порталы и страницы в социальных сетях офлайн-медиа региона.

Затрагивая проблематику участия государственных органов Кубани в онлайн-сегменте регионального медиапространства, необходимо подчеркнуть, что реализуемая властями государственная программа «Медиасреда Кубани», ставящая приоритетной задачей оповещение населения региона о деятельности исполнительных органов власти Краснодарского края, декларирует одним из приоритетных каналов коммуникаций с населением Краснодарского края именно сеть Интернет: так, к примеру, в докладе о ходе реализации Программы за 2020 год обозначено, что за год было распространено 1 815 материалов на сайтах информационных агентств и СМИ на основании заключенных государственных контрактов (с МИА «Россия сегодня», ФГУП «ИТАР-ТАСС», ООО «Информационное агентство “Интерфакс-Юг”», АО «Издательский дом “Комсомольская правда”», ФГБУ «Редакция “Российской газеты”», АО «Аргументы и факты» и др.); также было размещено 1 841 информационный материал в социальных сетях СМИ и информационных агентств, что позволило достичь значения целевого показателя «Индекс информационной доступности посредством интернет-СМИ» (41% вместо запланированных 35%) [Доклад 2020].

Помимо внушительных затрат в рамках госпрограммы «Медиасреда Кубани», администрация Краснодарского края также активно участвует в распространении информации о своей деятельности посредством ведения официальных аккаунтов губернатора региона Вениамина Кондратьева в социальных сетях Twitter [Официальный аккаунт 2022] и Instagram [Официальный аккаунт 2022] и мессенджере Telegram [Официальный аккаунт 2022].

Подводя итоги, можно с уверенностью говорить о существовании в Краснодарском крае сформировавшегося и активно трансформирующегося медиапространства. Имея 150-летнюю историю развития, региональные медиа продолжают оставаться важным средством взаимодействия государства и гражданского общества, а успешное проведение за

последние десятилетие спортивных и деловых мероприятий международного масштаба повышает информационную насыщенность и потребность жителей региона в развитом и позволяющем поддерживать плюрализм мнения медиaprостранстве.

При этом характерной особенностью медиaprостранства Кубани является широкая вовлеченность в его деятельность государства: прежде всего речь идет о нахождении более 50 СМИ в качестве подведомственных организаций Департамента информационной политики Краснодарского края и о выделении в среднем более 500 млн руб. в год на заключение контрактов об освещении деятельности администрации региона и органов исполнительной власти в офлайн-СМИ (печать, теле- и радиовещание) и интернет-медиа. С одной стороны, эта стратегия позволяет с большой легкостью проводить информационное сопровождение органов государственной власти и продвигать в медиа желаемые инфоповоды. Однако в ее реализации в нынешнем виде существуют и два важных негативных фактора, ссылающихся на информационном сопровождении. Во-первых, это вопрос об общественном доверии к сотрудничающим в рамках программы региональным СМИ, создающим для аудитории вполне ожидаемую повестку, согласуемую с руководством региона. Во-вторых, столь большой объем средств на информационное сопровождение вызывает вопросы о целесообразности масштабов поддержки СМИ (так, только за 2021 год и только в рамках данной программы телерадиокомпании «Новое телевидение Кубани» выделено 332 млн руб., «Кубанские новости» получили 61,7 млн руб., «ГТРК Кубань» выделено 32,2 млн руб. и т. д. [Отчет 2021]), такая ситуация может негативно сказаться и на перспективности автономного развития этих медиа в рыночных условиях: доходы от бюджетных договоров могут снизить мотивацию для них совершенствования размещения рекламы и спонсорских материалов, работы над увеличением аудитории и продаж тиражей. Данные вопросы еще требуют дополнительной методологической и практической доработки и внимания со стороны общественности, СМИ и руководства региона.

Список источников

1. *Авдеева Е. В., Назарова Е. А.* Коммуникативно-информационные ресурсы как форма регулирования социальных процессов // *Коммуникология*. 2017. № 5. С. 88. // *Киберленинка* [веб-сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativno-informatsionnye-resursy-kak-forma-regulirovaniya-sotsialnyh-protsssov> (дата обращения: 23.02.2022).

2. *Щеголева А. Н.* Факторы совершенствования информационно-коммуникативных связей государственного управления // *Коммуникология: электронный научный журнал*. 2019. № 4. С. 119. // *Киберленинка* [веб-сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-sovershenstvovaniya-informatsionno-kommunikativnyh-svyazey-gosudarstvennogo-upravleniya> (дата обращения: 19.02.2022).

3. *Голенкова З. Т.* Гражданское общество в России // Социологические исследования. 1997. № 4. С. 26.

4. *Котлярова О. В.* Коммуникативная компетентность современного государственного служащего // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2017. № 4. С. 10 // Киберленинка [веб-сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-kompetentnost-sovremenного-gosudarstvenного-sluzhashego> (дата обращения: 18.02.2022).

5. *Котляр П. С.* Медиаграмотность в условиях развития цифровых технологий // Вестник ВятГУ. 2017. № 8. С. 30.

6. *Шарков Ф. И.* Коммуникология: энциклопедический словарь-справочник. М., 2009. С. 346.

7. *Шарков Ф. И., Силкин В. В.* Генезис социологии медиапространства // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. № 3. С. 561.

8. *Бузин В. Н.* Системно-деятельностная гуманистическая модель управления российским медиапространством. 2019. 348 с.

9. *Бузин В. Н.* Дегуманизация медиапространства: проблемы и решения: монография. М.: Когито-центр; ИП РАН, 2021.

10. *Гидденс Э.* Устроение общества. Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2003. С. 40-42.

11. *Шарков Ф. И., Юдина Е. Н.* Регулирование отношений в современном медиапространстве // Коммуникология. 2013. № 1. С. 40. // Киберленинка [веб-сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regulirovanie-otnosheniy-v-sovremenном-mediaprostranstve> (дата обращения: 19.02.2022).

12. Департамент информационной политики Краснодарского края // Департамент информационной политики [веб-сайт]. URL: <https://dip.krasnodar.ru/smi/> (дата обращения: 23.02.2022).

13. ТОП-20 самых цитируемых СМИ Краснодарского края. Рейтинги за 2015–2020 гг., I–III кварталы 2021 года. Медиалогия // Медиалогия [веб-сайт]. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/4007/>;
<https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/191/>;
<https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/5802/>;
<https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/6571/>;
<https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/7135/>;
<https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/8149/>;
<https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/8330/>;
<https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/8579/> ;
<https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/10200/>.

14. Пресса. Регион: Краснодар, Даты: Декабрь 2018 – Октябрь 2019 // Рейтинг Mediascope // Mediascope [веб-сайт]. URL: <https://mediascope.net/data/> (дата обращения: 23.02.2022).

15. Постановление Законодательное Собрание Краснодарского края от 23.10.2002 № 1764-П «Об утверждении Программы развития государственной передающей сети телевизионной и радиовещания в Краснодарском крае на 2003–2006 годы» // Право [веб-сайт]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=140009604> (дата обращения: 23.02.2022).

16. ОТР начал вещание региональных каналов в «цифре». «Кабельщик», 29.11.2019 // Cableman [веб-сайт]. URL: <https://www.cableman.ru/content/otr-nachal-veshchanie-regionalnykh-kanalov-v-tsifre-0>. (дата обращения: 23.02.2022).

17. Отчет Digital 2021: The Russian Federation. We Are Social, Hootsuite. 2021.
18. Использование сети Интернет населением // Регионы России. Социально-экономические показатели – 2020 г. Федеральная служба государственной статистики // GKS [веб-сайт]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_14p/IssWWW.exe/Stg/d02/18-09.docx. (дата обращения: 23.02.2022).
19. Доклад о ходе реализации мероприятий государственной программы Краснодарского края «Медиасреда Кубани» за 2020 год // Сайт Департамента информационной политики Краснодарского края [веб-сайт]. URL: https://dip.krasnodar.ru/departament/dep_zadachi.php. (дата обращения: 23.02.2022).
20. Официальный аккаунт главы администрации (губернатора) Краснодарского края в социальной сети Twitter // Twitter [веб-сайт]. URL: <https://twitter.com/kondratyevvi>. (дата обращения: 23.02.2022).
21. Официальный аккаунт главы администрации (губернатора) Краснодарского края в социальной сети Instagram // Instagram [веб-сайт]. URL: <https://www.instagram.com/kondratyevvi/> (дата обращения: 23.02.2022).
22. Официальный аккаунт главы администрации (губернатора) Краснодарского края в социальной сети Telegram // Telegram [веб-сайт]. URL: <https://t.me/kondratyevvi> (дата обращения: 23.02.2022).
23. Отчет о расходовании бюджетных ассигнований на информационное обеспечение деятельности органов государственной власти субъекта Российской Федерации и поддержку средств массовой информации за 2021 год // Департамент информационной политики Краснодарского края [веб-сайт]. URL: https://dip.krasnodar.ru/upload/Otcheti/2021/Otchet_zh_2021.pdf (дата обращения: 23.02.2022).

Олейникова Елизавета Эдуардовна,
ассистент кафедры гуманитарных наук, деловой этики
и социальной ответственности, аспирантка кафедры
управления персоналом, Российская Академия народного хозяйства
и государственной службы,
liz.oleynikova@gmail.com

РЕАКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОКОЛЕНИЯ МИЛЛЕНИУМ В ПРЕОБРАЗОВАНИИ ЦИФРОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ

Аннотация. Статья основана на качественном исследовании ценностей и паттернов поведения представителей поколения Миллениум, которые, предположительно, могут являться составляющими реактивного потенциала миллениалов для преобразования цифровых социальных пространств. В рамках исследования были проведены 20 нарративных онлайн-интервью, которые были после проанализированы тематически. Предпосылкой к изучению потенциала миллениалов к изменению общества стало положение теории поколений Н. Хоува и У. Страусса, где поколение Y соответствует архетипу «Герой», функция которого – реконструкция мира, разрушенного кризисом.

В рамках исследования были проведены 20 нарративных онлайн-интервью, которые были после проанализированы тематически. Среди поколенческих ценностей были выделены те, что могут охарактеризовать молодых людей, способных реализовать свою роль, отведенную в поколенческом цикле, согласно теории поколений – ценность преобразования мира («make an impact»), ценность коллаборации в группы сообщества, коллективизм и стремление к «плоским», горизонтальным управленческим структурам.

Среди же поведенческих особенностей были выделены: особое, нелинейное восприятие времени, которое ведет к саботажу, переосмыслению и последующей реконструкции социально ожидаемых длительностей процессов; отношение к хаосу как к необходимому элементу жизни, который предоставляет возможности для развития, недоступные в условиях стабильности; дополнительно описана роль социальных сетей в реализации поколенческой ценности коллаборации.

Ключевые слова: миллениалы; поколение миллениум; паттерны поведения; система ценностей; реактивный потенциал; цифровые технологии; цифровые социальные пространства

Oleynikova Elizaveta Eduardovna,
Assistant of Department of Humanities, Business Ethics
and Social Responsibility, Postgraduate Student of the Department
of Personnel Management, Russian Academy of National Economy
and Public Administration,
liz.oleynikova@gmail.com

THE REACTIVE POTENTIAL OF THE MILLENNIAL GENERATION IN THE TRANSFORMATION OF DIGITAL SOCIAL SPACES

Abstract. The article is based on a qualitative study of the values and patterns of behavior of representatives of the Millennial generation, which presumably can be components of the reactive potential of millennials for the transformation of digital social spaces. As part of the study, 20 narrative online interviews were conducted, which were then analyzed thematically. A prerequisite for studying the potential of millennials to change society was the position of the Theory of Generations by N. Howe and W. Strauss, where generation Y corresponds to the archetype “Hero”, whose function is the reconstruction of the world destroyed by the crisis.

As part of the study, 20 narrative online interviews were conducted, which were then analyzed thematically. Among the generational values, those that can be characterized as young people who are able to realize their role assigned in the generational cycle were identified, according to the Theory of Generations – the value of transforming the world (“make an impact”), the value of collaboration in community groups, collectivism and aspirations for “flat”, horizontal management structures.

Among the behavioral features, the following were highlighted: a special, nonlinear perception of time, which leads to sabotage, rethinking and subsequent reconstruction of socially expected durations of processes; attitude to chaos as a necessary element of life that provides opportunities for development that are inaccessible in conditions of stability; the role of social networks in the realization of the generational value of collaboration is additionally described.

Keywords: millennials; millennium generation; behavior patterns; system of values; reactive potential; digital technologies; digital social spaces

Введение

Миллениалы – молодые люди, рожденные во временном промежутке 1982–2002 гг. [Howe, Strauss 1998: 15], являются самой представленной на рынке труда поколенческой когортой. Согласно оригинальной теории поколений Нила Хоува и Уильяма Страусса, поколение миллениум вступает в возраст, когда молодые люди становятся активными акторами преобразования мира в период радикальных изменений социальных институтов – «разрушения» привычной реальности, исторического слома; обретают свою поколенческую идентичность.

Данное предположение строится на базовом элементе теории Н. Хоува и У. Страусса – архетипах поколений, ролей в поколенческом цикле, длящемся примерно 80 лет, где общество проживает следующую последовательность этапов: Подъем, Пробуждение, Спад, Кризис.

В текущем цикле распределение по типам выглядит следующим образом:

– Архетип «Пророк» – бэби-бумеры (1944–1963 гг.).

Рожденные в конце предыдущего периода Кризиса и ставшие молодыми взрослыми в фазе Пробуждения; роль данного поколения – осмыслить «дивный новый мир» посткризисного подъема и создать новые моральные и ценностные ориентиры, стать «визионерами».

– Архетип «Странник» – Поколение X (1964–1981 гг.) «Under-protected» (от англ. «недо-защищенное») – поколение, воспитанное отсутствующими родителями, увлеченными созданием и продвижением своего видения; выполняют функцию критики высоких общественных идеалов, не всегда эффективно работающих на практике.

– Архетип «Герой» – Поколение Миллениум (1982–2002 гг.). В отличие от «Странника» – «over-protected» (от англ. – излишне опекаемое), поколение, сталкивающееся с Кризисом, будучи молодыми взрослыми. Роль «Героя» – преобразование разрушенного кризисом мира. Подробнее ценности данного архетипа и, в частности, соответствующее ему поколение миллениум будут описаны ниже.

– Архетип «Художник» – Поколение Z (2003–2023 гг.) Поколение, рожденное в период кризиса, вырастает «приспособленцами» в контексте новых правил пересобранного посткризисного мира. Как правило, среди поколений данного архетипа много ученых, художников, деятелей культуры и искусства, так как одна из ключевых функций «Художника» – фиксировать и описывать явления обновленного после кризиса мира.

Цель данной статьи – на основе качественного исследования описать специфику ценностей миллениалов, поколения «Герой», и сформировавшиеся паттерны поведения, которые могут лечь в основу реактивного потенциала для изменения цифровых социальных пространств.

Методы исследования

В рамках качественного исследования были проведены 20 нарративных онлайн-интервью. Будучи цифровым методом исследования, интервью онлайн-формата добавляют глубины анализу, основанному на классической интерпретивистской философии М. Вебера за счет возможности проживать опыт взаимодействия с респондентом, просматривая запись встречи многократно. Текстовый и видеоматериалы были интерпретированы в нарративы респондентов и обработаны посредством тематического анализа.

Выборку исследования составили 20 миллениалов, самому старшему на момент исследования – 34 года, самому младшему – 20 лет; 9 мужчин и 11 женщин; все граждане России; у каждого респондента есть как минимум одно высшее образование; 15 из 20 проживали в Москве на момент исследования.

Отдельно стоит отметить, что часть респондентов представляли собой профессионалов, чья работа тесно связана с взаимодействием с цифровым пространством на момент исследования (или имели данный опыт работы), включая неочевидные сферы, такие как публичная политика и аналитика международных отношений; работа которых в цифровом обществе тесно связана с присутствием в цифровом пространстве, локальных и глобальных инфополях.

Одним из критериев выборки послужило наличие высшего образования. Обоснованием выбора данного критерия является статистически высокий уровень образованности в сравнении с другими поколениями – одна из черт поколения миллениум [Радаев 2020: 15; Bannon, Ford, Meltzer 2011: 9]. Однако все же стоит отметить, что выводы исследования релевантны для миллениалов с высшим образованием.

Результаты исследования

Ценности миллениалов, составляющие реактивный потенциал

Согласно теории У. Хоува и У. Страусса каждое поколение обладает общими ценностями, обусловленными формированием в одном историческом контексте, что может трактоваться с точки зрения социологии социальных пространств П. Бурдьё [Бурдьё 2017] как уникальный габитус представителей одной поколенческой когорты [Chudzikowski, Mayrhofer 2011]. Ценности как составляющие этого габитуса, влияющие на поведение в социальных суперполях, описаны как в академической литературе [Радаев 2018], так и в исследованиях крупных корпораций и консалтинговых агентств (Sherpa S Pro, Deloitte, PWC, Gallup).

Первая ценность, потенциально составляющая часть реактивного потенциала поколения Y, которую стоит отметить, – это желание делать мир лучше, «внести свой вклад» (make an impact/make difference), стремление к «значимой», полезной для общества деятельности. Данная ценность описана как в работе «Millennials Rising» (2000) создателями теории поколений Н. Хоувом и У. Страуссом [Howe, Strauss 1998], так и в крупных корпоративных исследованиях консалтинговой корпорации Deloitte за 2016, 2017, 2018 гг. [Deloitte 2016, 2017, 2018]. В 16 из 20 нарративов так или иначе проявлялись ценность преобразования мира, желание активного участия в том, чтобы «делать мира лучше» («make an impact»).

«Мне было важно, чтобы не просто работать каким-то менеджером в деканате, который заполняет бумаги, ведомости студентов с их успеваемостью, а именно создавать, приносить», – Респондент № 9 (25 лет, мужчина).

«Я искренне верю, что моя цель – сделать максимум полезного для моего окружения, нынешнего и будущего, развить и самого себя, и все, что вокруг меня до какого-то предела, до которого я доживу. Будь то в рамках какого-то моего узкого круга, семьи, друзей или в рамках еще большего района, города, округа, страны, мира, земли, планеты, млечного пути (улыбается), я не знаю... но постараться действительно за тот период, который есть в моей жизни, сделать максимум полезного для моего окружения» – Респондент № 3 (25 лет, мужчина).

Другая, описанная еще основателями теории Хоувом и Страуссом [Howe, Strauss 2000] ценность миллениалов, часть габитуса, которая делает миллениалов способными к тому самому преобразованию общества, к которому они стремятся, – это ценность коллаборации, команды, объ-

единения в группы и сообщества. Данная ценность часто манифестируется в виде стремления к равенству, горизонтальным структурам и коллективизму:

«...мешает атомизированное состояние, которое есть в разных наших и профессиональных сообществах, и городских сообществах и т. д.» – Респондент № 1 (29 лет, мужчина).

«... без команды, людей сложно их достичь. Поэтому люди вокруг – очень влияют на это все дело» – Респондент № 8 (28 лет, женщина).

Особенности поведения миллениалов, составляющие реактивный потенциал

Поколение миллениум имеет специфичное чувство времени, в том числе то чувство «социального времени», которое описывал Р. Мертон. Миллениалы сильно вовлечены в социальный компонент времени, одержимы им, ощущая через него текучесть VUCA-мира, неотвратимость изменений в нем. Данная особенность – результат формирования миллениалов как молодых взрослых в контексте хаоса, порожденный VUCA-миром и становлением цифрового общества. Таким образом, представители поколения миллениум воспринимают время как нелинейную структуру и выстраивают свое поведение, основываясь на переосмыслении социально ожидаемых длительностей процессов, нежелании быть скованными подобными ожиданиями. Это находит отражение и в феномене FOMO [Schreckinger, Bilis, Buell, Warner, Weidenfeld, Pelletier 2014], тесно связанном с цифровым социальным пространством, а именно с социальными сетями. FOMO, или «fear on missing out», «страх упущенных возможностей», находит отражение в интенсивной тревоге, вызванной невозможностью выбрать несколько опций сразу в конкретный отрезок времени. Представители поколения миллениум проживают это как трагедию, т. к. избрав что-то одно, им приходится безвозвратно отказываться от другого. Анализ показывает, что большинство характеристик работы не имеют большого значения для решения миллениалов сменить место работы [Ertas 2015]. В 18 из 20 нарративов так или иначе проявлялась ценность времени, отраженная и в желании быстрых результатов:

«Не в нашем возрасте можно отсиживаться. То есть либо давайте развиваться, либо не обижайтесь, что мы там уходим» – Респондентка № 12 (31 год, женщина).

«Я вообще не человек процесса, нужен результат: поработал – результат, поработала – результат» – Респондентка № 11 (29 лет, женщина).

Вторая поведенческая особенность поколения миллениум, которая составляет предполагаемый реактивный потенциал, – потребность в хаосе как необходимом жизненном компоненте:

«Мне помогло то, что я умею жить и работать в условиях полной неопределенности – то есть, когда непонятно вообще ничего. Я просто написал и не знал, что мне предложат, но я был готов заведомо. Мне кажется, это очень важный момент, такой карьерный и вообще, для миллениалов, свойственный, наверное, не знаю...» – Респондент № 2 (26 лет, мужчина).

Хаос воспринимается поколением как ресурс; как то, что может давать новые возможности для развития, недоступные в ситуации определенности – условия «нормальной аномии» [Василенко 2018] являются для миллениалов своего рода «зоной комфорта», вне которой они чувствуют себя фрустрированными:

«Если бы я знал, какие у меня цели в жизни, наверное бы было бы не так интересно жить эту жизнь. Потому что вот это движение в неизвестность, оно как раз и приносит тот драйв, который поддерживает меня живым и побуждает просыпаться по утрам» – Респондент № 3 (25 лет, мужчина).

Подобное отношение к хаосу, предположительно, дает поколению преимущество в социальных суперполях, включая цифровые, ведь в современном VUCA-мире, подверженном постоянным изменениям [Штомпка 1996], требуются гибкость, специфичный, подвижный фокус планирования (сходный проектному планированию с применением управленческих технологий Agile) для того, чтобы выжить и успешно функционировать. Отдельно также хочется отметить, что социальные сети являются для миллениалов способом реализации ценности коллаборации [Abel, Buff, Burr 2016], инструментом самоидентификации и, конечно же, средой обитания в контексте цифрового пространства, которое они способны менять, обладая комплексным реактивным потенциалом.

Заключение

Подводя итог, стоит обобщить, какие компоненты поколенческих ценностей и особенностей паттернов поведения, сформированных во время становления миллениалов как молодых взрослых и молодых профессионалов, могут составлять реактивный потенциал для реконструкции цифровых социальных пространств:

1. Ценность преобразования мира, желание «внести свой вклад» («make an impact») и «сделать мир лучше», которая отражается в карьерном и жизненном планировании представителей поколения (может затрагивать больше одной сферы жизни или являться магистральной идеей концепции жизни как личного проекта).

2. Ценность коллаборации, объединения в сообщества (в том числе и в цифровом пространстве как среде обитания миллениалов), которая выражается в стремлении к коллективизму, более «плоским», горизонтальным социальным структурам.

3. Особое, нелинейное восприятие времени, обусловленное влиянием хаоса формирования цифрового общества [Василенко, Мещерякова 2018] и VUCA-миром, подталкивающее миллениалов к саботажу и переосмыслению существующих социально ожидаемых длительностях процессов и, как следствие, к их преобразованию.

4. Необходимость в хаосе как ключевом элементе жизнедеятельности, т. к. для миллениалов, сформированных VUCA-миром во взрослом возрасте, хаотичная среда стала «естественной средой обитания», «natural habitat», зоной комфорта, вне которой молодые люди чувствуют себя фрустрированными и лишенными тех возможностей, которые им подобная среда может дать (в отличие от стабильности).

5. Социальные сети являются для миллениалов инструментом для реализации ценности коллаборации как в физическом, так и в цифровом пространствах, развития и самореализации.

Список источников

1. Бурдые П. Социология социального пространства: пер. с фр. / отв. ред. перевода Н. А. Шматко. СПб.: Алетей. 2017. 288 с.

2. Василенко Л. А. «Нормальная аномия»: трансформация институтов в условиях сложного социума. Научный результат // Социология и управление. 2018. № 3. С. 81-93.

3. Василенко Л. А., Мещерякова Н. Н. Социология цифрового общества. Томск, 2021.

4. Радаев В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3 (407). С. 15-33. DOI: 10.7868/S0132162518030029.

5. Радаев В. В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Первая часть) // Социологический журнал. 2020. Т. 26, № 3. С. 30-63. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.3.7395>.

6. Штомпка П. Социология социальных изменений / под ред. В. А. Ядова; пер. с англ. А. С. Дмитриева. М.: АСПЕКТ-ПРЕСС, 1996.

7. Abel J., Buff C. and Burr S. Social Media and the Fear of Missing Out: Scale Development and Assessment // Journal of Business & Economics Research (JBER). 2016. No. 14 (1). P. 33.

8. Bannon S., Ford K., Meltzer L. Understanding millennials in the workplace // The CPA Journal. 2011. Т. 81, № 11. P. 61.

9. Ertras N. Turnover Intentions and Work Motivations of Millennial Employees in Federal Service // Public Personnel Management. 2015. No. 44 (3). P. 401-423.

10. Howe N. and Strauss W. Millennials rising: The Next Great Generation. 1st ed. New York: Vintage Books, 2000. 415 p.

11. Howe N. and Strauss W. Wave Theory // The International Economy. 1998. November – December. P.62-65.

12. Chudzikowski K. and Mayrhofer W. In search of the blue flower? Grand social theories and career research: The case of Bourdieu's theory of practice // Human Relations. 2011. Vol. 64, No. 1, P. 19-36.

13. Schreckinger B., Bilis M., Buell S., Warner J., Weidenfeld L. and Pelletier J. The History of FOMO. Boston, 2014.

14. The Deloitte Millennial Survey 2016 // Deloitte [веб-сайт]. URL: <https://www.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/About-Deloitte/gx-millennial-survey-2016-exec-summary.pdf> [Accessed Jan 12, 2016]; The Deloitte Millennial Survey 2017 // Deloitte [веб-сайт]. URL: <https://www.deloitte.com/global/en/pages/about-deloitte/articles> [Accessed Jun 11, 2017]; The Deloitte Millennial Survey 2018 // Deloitte [веб-сайт]. URL: <https://www.deloitte.com/tr/en/pages/about-deloitte/articles/millennialsurvey-2018.html>.

Савич Олег Юрьевич,

основатель, совладелец группы компаний, «Kostumer Group»,
директор Компании «GlavKostum», руководитель высшего звена
управления в крупных Российских компаниях – НТВ+,
Телекоммуникационная корпорация «Комкор» – ТМ «Акадо»,
ИГ «Эксмо», «ОлмаМедиаГруп», ИГ «АСТ»,
osavich@rambler.ru

«УМНОЕ ГОСУДАРСТВО» В УСЛОВИЯХ КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ

Аннотация. Мир переживает переломный момент радикальной смены формаций в геополитике, экономическом укладе, технологиях, демографии, экологии, социальных процессах в обществе. На страну наложены рекордные, постоянно нарастающие санкции с целью затормозить, остановить ее развитие, нанести максимальный урон и потери. Государство, гражданское общество, бизнес находятся в состоянии перманентного, нарастающего кризиса. Меняющаяся с огромной скоростью ситуация требует быстрого, точного реагирования и выстраивания системы адекватного, интеллектуального управления, своевременно и правильно учитывающего внешние и внутренние воздействия, прогнозирования и моделирования последствий. В государстве создана многоуровневая цифровая, платформенная инфраструктура. В большинстве случаев она используется сейчас для предоставления услуг и сервисов, сбора и хранения информации, пассивного контроля, мониторинга и накопления нарастающего объема колоссальных массивов информации. Необходимы создание и внедрение инструментов для использования получаемых потоков информации, в виде интегрированных алгоритмов моделирования и прогнозирования ситуаций с последующим планированием, проектированием и реализацией управленческих задач.

Результаты и выводы. Мы являемся свидетелями масштабной цифровой трансформации и постепенного перехода к интеллектуальному управлению. Наблюдается консолидация усилий со стороны государства, разработчиков и представителей научного сообщества в деле фактического применения результатов цифровой трансформации в управлении на всех уровнях. В этих работах осуществляется синергетический, междисциплинарный подход в реализации задач выстраивания межведомственного взаимодействия и обмена информацией между многочисленными информационно-аналитическими системами, так как структура потоков информации из разных сфер имеет взаимодополняющий характер и требует комплексного подхода при создании алгоритмов моделирования и прогнозирования для принятия «умных» управленческих решений. Автором обоснованы базовые признаки умной системы государственного управления: открытость, транспарентность, участие в этих процессах общества и бизнеса с развитием существующих коммуникаций, обратной связи, влияния и контроля, всемерная поддержка инноваций и интеллектуализация деятельности государственного аппарата всех уровней управления, внедрение децентрализованной, сетевой архитектуры правительства, умное регулирование, открытый диалог с бизнесом, адекватная этим процессам подготовка кадров.

Ключевые слова: умное правительство; умное управление; публичное управление; искусственный интеллект; умное конфигурирование; цифровое общество; цифровое интеллектуальное управление; социология управления; кризисные ситуации

Savich Oleg Yurievich,

Founder, Co-owner, Kostumer Group of Company,
Director of the GlavKostum Company, Head of Senior Management
in Russian Companies: NTV +, Telecommunication Corporation “Komcor” –
TM “Akado”, Publishing Group “Eksmo”, “OlmaMediaGroup”,
Publishing Group “AST”,
osavich@rambler.ru

SMART ADMINISTRATION IN A CRISIS SITUATION

Abstract. The world experiences geopolitical, economic, technological, demographic, ecological, and social transformations. Russia is being pressed by sanctions in order to stop its development and do damage. Russian government, civil society, business are in growing crisis. This situation requires accurate, quick response and invention of smart administration, which considers external and internal conditions, predicts, and simulates impacts. In Russia there is a digital, multilevel infrastructure. Mostly it is used as a repository of information, a marketplace, and a monitoring system. We need to invent and implement tools, which can model, predict, analyses situations, plan, and actualize managerial tasks.

Results and conclusions. We are witnessing a massive digital transformation and a gradual transition to intelligent control. There is a consolidation of efforts on the part of the State, developers and representatives of the scientific community in the actual application of the results of digital transformation in management at all levels. In these works, a synergistic, interdisciplinary approach is carried out in the implementation of the tasks of building interdepartmental interaction and information exchange between numerous information and analytical systems, since the structure of information flows from different areas is complementary and requires an integrated approach when creating modeling and forecasting algorithms for the adoption of “smart” management decisions. The author substantiates the basic features of a smart public administration system: openness, transparency, participation in these processes of society and business with the development of existing communications, feedback, influence and control, all-round support for innovation and intellectualization of the activities of the state apparatus at all levels of government, the introduction of a decentralized, network architecture of government, smart regulation, open dialogue with business, adequate training for these processes.

Keywords: smart government; smart management; public administration; artificial intelligence; smart configuration; digital society; digital intelligent control; sociology of management; crisis situations

Введение

Весь мир переживает переломный момент радикальной смены формаций в геополитике, экономическом укладе, технологиях, демографии, экологии, социальных процессах в обществе. Разворачивается настоящая

война за владение ресурсами, территориями и умами людей. Вмешательство западных стран, транснациональных корпораций, социальных сетей, направленное на разрушение экономики, традиционных ценностей, общественного уклада, беспрецедентно. На страну наложены рекордные, постоянно нарастающие санкции с целью затормозить, остановить ее развитие, нанести максимальный урон и потери. Фактически мир и страна достигли точки бифуркации, когда решается, в каком мире и обществе мы будем жить уже в ближайшие годы.

Флуктуации – вероятность случайных отклонений в состояниях системы – усиливаются и могут критично повлиять на развитие событий радикальным образом. Мы не можем остановить или развернуть эти ускоряющиеся процессы, но должны научиться их понимать, прогнозировать и управлять ими.

Велики риски текущего состояния – когда ошибки или даже задержки при принятии решений в системе государственного управления могут привести к критичным и необратимым последствиям. Показателен недавний пример Казахстана, когда непродуманное увеличение стоимости на газ привело к лавинообразному нарастанию общественного кризиса, которым воспользовались внешние силы для дестабилизации общества и попытки свержения государственной власти.

Кардинально возрастают требования к эффективности системы управления в государстве как на всех уровнях власти, так и в компаниях всех видов собственности.

Проблема: государство и госкорпорации, бизнес и бизнес-организации, гражданское общество и некоммерческие организации и объединения находятся в состоянии перманентного, нарастающего кризиса. Меняющаяся с огромной скоростью ситуация требует быстрого, точного реагирования и выстраивания системы адекватного, интеллектуального управления, своевременно и правильно учитывающего внешние и внутренние воздействия, прогнозирования и моделирования последствий.

Это требует, с одной стороны, усиления роли государства в обеспечении защиты общества, поддержки бизнеса и создания условий для развития экономики.

Необходимой составляющей усиления, устойчивости и повышения эффективности системы управления становятся проекты стимулирования национально ориентированных бизнес-структур, политических партий и объединений, НКО, общественных институтов, направленных на:

- консолидацию общества в поддержку государства;
- реализацию собственных социальных, благотворительных проектов для защиты и улучшения жизни граждан;
- общественный контроль за эффективностью работы чиновников, многочисленных государственных, региональных и муниципальных социальных и инфраструктурных программ.

Это крайне важная составляющая, ведь в конечном итоге социальная активность и уровень реальной поддержки населения являются основой устойчивости государственной системы.

Выстраивание системы умного управления [Тихонов, Богданов 2020] невозможно без эффективного прогнозирования и моделирования последствий идущих процессов и принимаемых решений. Соответственно, еще одной безусловной компонентой интеллектуализации управления является привлечение научного и экспертного сообщества и реального применения на практике результатов его работ.

Таким образом, можно сделать вывод, что необходимы трансформация, интеллектуализация системы управления, повышение ее эффективности для защиты национальных интересов страны, социальных институтов и ценностей общества

При этом государство призвано обеспечить условия для консолидации и усиления роли бизнеса, науки и институтов гражданского общества в управлении, осуществлять делегирование им части своих функций в социальной сфере, распределении целевых средств, законотворчестве и принятии важных для граждан управленческих решений через механизмы обратной связи, общественного голосования.

Методология и методы

Характеристика объекта управления

Управление современным государством и обществом характеризуется как сверхсложная, многовариантная, неравновесная система.

Система государственного управления РФ, с одной стороны, имеет все признаки классической иерархической системы управления с жесткой вертикалью власти и сформированными механизмами обратной связи, с другой стороны, наблюдаются тенденции инкорпорирования элементов синергетического управления с некоторой степенью децентрализации. В управлении участвуют не только органы государственной власти, но и развивающиеся структуры гражданского общества, органы самоуправления, бизнеса. Интеграция и их взаимодействие призваны сформировать целостную, уникальную управленческую систему.

В силу колоссального количества факторов воздействия на процессы управления, подвижности системы, вариативности развития и быстро идущих изменений ключевым фактором сохранения равновесности, адаптивности системы к внешним и внутренним воздействиям в государстве и обществе может стать построение системы умного, интеллектуального управления с применением многофакторного анализа, моделирования и прогнозирования на основе имеющихся потоков информации. Есть ли необходимый для этого потенциал? Да, частично имеется. Такое утверждение исходит из таких ключевых, системообразующих факторов, как цифровая трансформация государственного управления, использование и развитие систем искусственного интеллекта, внедряемых в рамках

государственных программ рекордными темпами. Рассмотрим этот потенциал.

Начало перехода к интеллектуальному государственному управлению

Основой цифровой трансформации государственного управления в Российской Федерации стала современная система СРСЦ, начавшаяся создаваться в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 25 июля 2013 г. № 648 «О формировании системы распределенных ситуационных центров СРСЦ, работающих по единому регламенту взаимодействия».

Ситуационный центр – это организационно-технический комплекс, предназначенный для обеспечения решения задач управления в органах государственной власти на основе больших информационно-аналитических систем сбора и обработки данных, мониторинга событий и процессов, анализа их причин и последствий, прогнозирования развития ситуаций и кризисов.

Формирование базовой инфраструктуры СРСЦ можно считать близкой к завершению, она является многоуровневой, реализуемой по единому алгоритму, на основе типовых программных комплексов и стремящейся к выстраиванию максимальных горизонтальных и вертикальных взаимодействий в рамках единого регламента.

На текущий момент она полностью реализована на федеральном, региональном и во многом – на корпоративном уровнях, на технологической платформе защищенной транспортно-коммуникационной сети ФСО России.

В ядре системы – ситуационный центр Президента РФ.

Имеют свои стационарные и мобильные ситуационные центры (СЦ) Правительство РФ, все федеральные министерства и ведомства, СЦ полпредов Президента РФ, СЦ субъектов РФ.

Свои ситуационные центры созданы в больших государственных и частных корпорациях и компаниях, банках, крупных университетах, СЦ управления национальными и региональными проектами.

В большинстве случаев у всех СЦ созданы также дочерние структуры низшего уровня – региональные, территориальные, распределительные, производственные, логистические. СЦ управления транспортом, энергетикой, ресурсами.

В основе работы всех СРСЦ находятся информационно-аналитические системы.

Их несколько десятков, группируемых на 4 категории [Ильин 2018]:

1. Информационно аналитические системы для решения экономических задач и поддержки стратегического планирования и управления в РФ (ИАС «Байкал-стратегия», ИС «Предприятие», ИАС «Федерация»).

2. Экспертно-аналитические системы для мониторинга общественно-политической ситуации, оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти.

3. Системы проектного управления (ГАС «Управление», ИАС «Национальные проекты», региональные проекты).

4. Системы специального назначения – ИС «Обстановка», ИС «Мониторинг национальной безопасности» и т. п.

Таким образом, в стране создана и функционирует самодостаточная, многоуровневая **Федеральная система информационной поддержки государственного управления**, мониторинга и накопления нарастающего объема колоссальных массивов информации.

Рисунок 1. Федеральный уровень СРСЦ

<https://inavate.ru/news/fso-spgu-forum/>

Умеет ли система управления использовать этот ресурс? Об этом дискутирует Л. А. Василенко в статье «Применение общественного виртуального ситуационного центра в управлении развитием регионов». Обучаем ли мы будущих специалистов принимать решения с использованием этой системы поддержки государственного управления? Проблема в том, что она практически выведена из управленческого использования [Василенко 2017] в силу устаревших подходов к построению систе-

мы обеспечения секретности доступа к информации, которая выводится в большом объеме из управленческого оборота, так как культура современного управления этим ресурсом не сформирована [Василенко, Василенко, Рухтин, Чернов 2010].

Методы исследования: анализ документов, регламентирующих процесс цифровой трансформации, и сопровождающих этот процесс официальных сайтов.

Результаты

Развитие цифровой трансформации – Национальный проект «Цифровое государственное управление»

Важнейшим уровнем цифровой трансформации в рамках Национального проекта «Цифровое государственное управление» [Национальный проект] стала программа «Цифровая экономика», реализуемая в соответствии с Указом Президента РФ № 204 от 7 мая 2018 г. [Программа 2018]. Президент РФ своим Указом № 474 от 21.07.2021 г. окончательно закрепил и установил целевые показатели цифровой трансформации до 2030 г. [Паспорт].

На потребительском, социальном уровне цифровая трансформация реализуется в виде системы платформ «электронного, цифрового правительства», направленного на реализацию и улучшение качества предоставления государственных сервисов и услуг гражданам и бизнесу, в том числе:

- система многофункциональных центров (МФЦ);
- портал государственных услуг РФ, региональные порталы Mos.ru, Uslugi.mosreg.ru;
- электронные сервисы Росреестра;
- развитие телемедицины;
- системы дистанционного обучения;
- предоставление высокоскоростного интернета во все населенные пункты страны.

Цифровизация в общественной сфере привела к образованию новых форм коммуникаций, обратной связи и влияния общества на органы государственной власти – в виде интернет-приемных, социальных сетей, сайтов органов власти [Инновационные социальные технологии 2010], но главное – специализированных цифровых платформ и порталов, дающих возможность гражданам участвовать в решении важных для общества вопросов, снижающих уровень социальной напряженности. Платформы позволяют отслеживать статус обработки обращений и оценивать ответ органа власти.

Реализация механизмов обратной связи также вносит частичную компоненту солидарной ответственности за принятые таким образом решения.

1. Впечатляет опыт реализации московского проекта «Активный гражданин» [Активный гражданин] как пример непосредственного вовлечения и влияния граждан на принятие управленческих решений:

- 5 813 947 активных зарегистрированных граждан;
- 5 214 прошло голосований;
- 179 393 433 принято мнений.

Этот проект начал инсталлироваться далее по регионам и в качестве компоненты своего развития может получить федеральную надстройку.

2. Портал «Российская общественная инициатива» (РОИ) [Портал] – интернет-ресурс для размещения общественных инициатив граждан РФ и голосования по ним. Важно, что на портале реализован не только федеральный, но и несколько уровней регионального голосования. Сейчас через портал поданы и проголосованы около 20 000 инициатив.

3. Платформа обратной связи (ПОС) [Платформа] реализована также на портале Госуслуг. Позволяет гражданам через форму на портале Госуслуг, мобильное приложение «Госуслуги. Решаем вместе», а также виджеты на сайтах органов власти субъектов РФ направлять обращения в государственные органы и органы местного самоуправления по широкому спектру вопросов, а также участвовать в опросах, голосованиях и общественных обсуждениях. Пилот по ее внедрению начался в 2019 году.

ПОС включает в себя четыре основных компонента: обращения граждан, опросы и голосования по инициативам органов власти и местного самоуправления, инциденты в социальных сетях, подразумевающие поиск проблемных сообщений и реагирование на них органами власти, а также госапплики, которые предполагают централизованное управление аккаунтами в соцсетях и мессенджерах с возможностью модерации и построения контент-плана. Основная цель платформы — быстрое решение актуальных проблем граждан. Она позволит получать объективную информацию об актуальных проблемах, волнующих граждан, и принимать необходимые меры для их решения. В целом ПОС обеспечивает единый стандарт подачи обращений граждан в органы власти и организации.

Еще один пример вовлечения граждан для мониторинга и общественного контроля на уровне региона – проект «Добродел» [Проект] – интернет-портал, созданный в соответствии с постановлением правительства Московской области в 2015 году для взаимодействия жителей Подмосковья с органами исполнительной власти, подачи жалоб и обращений для решения проблем. Пока процент решенных проблем является очень низким, но во многом это связано с непониманием гражданами правил и возможностей работы с ресурсом.

Таким образом, в виде рассмотренных выше проектов взаимодействия общества и государства создана технологическая, программная основа обратной связи в виде специализированных порталов и платформ, которая требует развития, вовлеченности большего количества активных

граждан и реального реагирования власти на все проходящие инициативы, обращения, голосования.

Системной проблемой эффективности работы таких порталов являются недостаточная информированность граждан об открывающихся возможностях, отсутствие опыта и привычки взаимодействовать с властью таким способом. Обществу требуются время, обучение и уверенность в эффективности и прозрачности взаимодействия в цифровой среде. И решение этой проблемы – одна из важных задач государства.

Получаемая с платформ обратной связи информация может и должна быть интегрирована в общую информационно-аналитическую систему поддержки системы управления государством и других уровней власти и использоваться при моделировании и прогнозировании общественных и экономических процессов.

Цифровизация и нарастающее использование систем ИИ в органах управления и бизнес-среде внедрены в закупках, финансовой сфере, телекоммуникациях, телемаркетинге, медиа, продажах, логистике, управлении транспортом, ТЭК и т. д.

Много лет используется и развивается портал госзакупок – Единая информационная система в сфере закупок (ЕИС) [Портал госзакупок].

В рамках проекта «электронного правительства» реализованы: Единая система нормативно-справочной информации, Система межведомственного электронного взаимодействия, Единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА), Информационная система головного удостоверяющего центра (ИС ГУЦ)¹.

Хорошим бизнес-примером успешной цифровой трансформации служит Сбер. За несколько лет он стал высокотехнологической организацией, активно построившей свою экосистему, войдя уже практически во все цифровые индустрии и покрывая множество потребностей клиентов в цифровом мире. В основе системы – широкое применение систем искусственного интеллекта и облачных технологий.

Вывод. «Цифровая трансформация – это не просто внедрение современных технологий в отдельные бизнес-процессы компании, разработка маркетинговых стратегий для продвижения своих товаров или услуг, внедрение Agile-подходов к разработке или переход на облачную инфраструктуру. Цифровая трансформация – это сквозная перестройка всей модели работы компании через существенные инвестиции в ее цифровую зрелость. Цифровая трансформация нужна в первую очередь затем, чтобы бизнес эффективно работал в любых условиях и быстро адаптировался к внешней среде»².

¹ Министерство цифрового развития РФ. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/486>.

² Интервью руководителя подразделения по цифровой трансформации и развитию экосистемы для ключевых корпоративных клиентов Сбера Андрея Дмитриева. URL: https://www.cnews.ru/projects/2021/dmitriev_sber.

Создана многоуровневая цифровая, платформенная инфраструктура, включающая в себя федеральный уровень, региональные уровни, потребительский уровень предоставления цифровых сервисов и услуг для граждан и бизнеса и инфраструктуру общественного участия и обратной связи для граждан.

Цифровизация также успешно внедряется в крупных бизнес-структурах.

Означает ли это, что сформировались необходимые условия перехода к умному, интеллектуальному и эффективному управлению на всех уровнях государственной власти, системообразующих компаний, корпораций? К сожалению, пока нет!

Обсуждение

Инфраструктура и инструменты цифровой трансформации

Вся созданная цифровая инфраструктура в подавляющем большинстве случаев используется сейчас для сбора и хранения информации, пассивного контроля и мониторинга, т. е. фактически дает информацию о том, что уже случилось, что было «вчера», но не формирует необходимую прогнозную информацию, что будет «завтра».

Для эффективного применения этих данных в управлении требуются соответствующие инструменты для анализа, прогнозирования, моделирования ситуаций с последующим планированием, проектированием и реализацией управленческих задач.

Для создания инструментов использования получаемых потоков информации в виде интегрированных в них алгоритмов моделирования и прогнозирования ситуаций для принятия «умных» управленческих решений требуются участие профильных представителей научного сообщества – социологов, экономистов, политологов, а также привлечение высококвалифицированных, опытных управленцев, экспертов, представителей гражданского общества и бизнес-структур.

Как использовать результаты цифровой трансформации для перехода к интеллектуальному управлению?

Необходимы системное обучение и обновление кадров, способных работать в новых условиях и на новых технологических решениях.

В последние несколько лет на базе практически всех ведущих вузов, университетов, специализированных СМИ, бизнес-структур регулярно проводятся форумы, конгрессы, семинары и другие мероприятия на тему цифровой трансформации, интеллектуализации, умного правительства, умного города, умной среды обитания.

Например:

- МГУ. В 2017 г. в МГУ создается «Национальный центр компетенций в области цифровой экономики» для научных исследований и подготовки кадров [Национальный центр]. 22.06.2021 г. в МГУ создан Совет по цифровой трансформации московского университета [Совет].

- Национальный форум информационной безопасности «Инфофорум» – одно из центральных ежегодных ИТ-мероприятий в Российской Федерации. Форум проводится с 2001 года, инициаторами его проведения выступили Аппарат Совета Безопасности Российской Федерации и Комитет Государственной Думы Российской Федерации по безопасности.

Аудиторию «Инфофорума» составляют специалисты, работающие во всех отраслях экономики, представляющие органы федеральной и региональной власти, местного самоуправления, науку, образование, бизнес [Национальный форум].

- Из последних – запланированный на 15 марта 2022 г. на базе Государственного университета управления Форум «Цифровое управление государством и бизнесом» (SBDM 2022) призван объединить исследователей, представителей научной общественности, профессоров и научных сотрудников, а также представителей органов власти, участников профессионального сообщества Российской Федерации и других заинтересованных стран [Форум].

И таких примеров – очень много.

В органах государственной власти разных уровней созданы экспертные советы из представителей бизнес-сообщества, ведущих ученых и экспертов, представителей гражданского общества. Так, например, Экспертный совет при Правительстве РФ был создан для проведения независимой профессиональной экспертизы ключевых решений и документов, принимаемых кабинетом министров [Экспертный совет]. Есть научно-экспертный Совет при СФ РФ [Научно-экспертный совет]. Экспертные советы по цифровой экономике при ГД РФ, министерствах РФ и т. д.

Задачи и перспективы

Ключевой задачей в данный момент является консолидация усилий со стороны государства, разработчиков и представителей научного сообщества [Василенко 2021] не только для разработки инструментов моделирования, прогнозирования, но главное – для фактического применения результатов в управлении и выстраивания взаимодействия и обмена информацией между многочисленными системами.

Таким образом, безусловным представляется применение синергетического, междисциплинарного подхода в реализации данных задач, так как структура потоков информации из разных сфер имеет взаимодополняющий характер и требует комплексного подхода при создании алгоритмов моделирования и прогнозирования.

И основная работа в этом направлении еще только предстоит.

Обозначим некоторые методологические подходы применительно к каждому уровню управления.

1. Для решения задач эффективного, практического использования получаемых данных в первую очередь необходимо использовать методы **социального прогнозирования**, которое должно вестись прежде всего

на втором принципе – «негативного прогноза» последствий для общества принимаемых управленческих решений с целью их предотвращения.

Существующие объемы собираемой в результате цифровизации информации при правильной организации доступа к ней научных специалистов позволяют задействовать весь функционал социального прогнозирования, с получением высокоточных результатов:

- Выявление тенденций, закономерностей и ключевых факторов, влияющих на процессы и перемены в обществе.

- Для обоснования управленческих решений – создание целевых прогнозов результатов и альтернативных вариантов развития последствий с расчетом вероятности их исполнения.

- Оценки, корректировки и внесение изменений для максимально точного и долгосрочного прогнозирования.

В этой работе необходимо задействовать все инструменты, но ключевыми являются:

- метод экстраполяции на основе сформированных данных общества по состоянию на «вчера», через поэтапное построение статистических рядов, проектирование прогнозов на «завтра», в будущем. Но данный метод в условиях стохастических процессов имеет свои ограничения;

- экспертный метод с привлечением ключевых специалистов, экспертов в исследуемых областях, через опрос и анкетирование которых возможно получение данных и результатов, недоступных на уровнях математического и статистического моделирования;

- для долгосрочного прогнозирования макропроцессов в экономике, общественном развитии, науке и технологиях задействуется метод Делфи.

Подобные исследования необходимы для выработки долгосрочной комплексной стратегии развития государства.

2. Развивающиеся цифровые платформы, имеющие огромный программный, аналитический потенциал [Зотов, Асеева, Буданов 2021], позволяют выстраивать некоторые элементы «умной обратной связи в управлении» в режиме реального времени и отслеживать отношение граждан страны к принимаемым решениям, могут сформировать возможность более гибко реагировать на внешние факторы и предугадывать требуемые экономические и политические изменения. Это реализуется с помощью интеллектуализированных инструментов анализа цифровых следов, использования «цифровых двойников» обобщенных социальных групп, обладающих схожими характеристиками, т. е. развития аналитических инструментов, связанных с интерактивным использованием «big data», и позволяет существенно повысить качество моделирования и прогнозирования политических и экономических процессов, расширяет управленческие, интеллектуальные возможности государства.

Заключение

В завершении представим, какими базовыми признаками и характеристиками призвана обладать умная система государственного управления:

1. **Государственное управление** необходимо выстраивать максимально **открытым**, прозрачным, понятным.

Обществу и бизнесу должны быть представлены понятные цели и стратегии развития страны, методы и способы их достижения. При этом обеспечено максимальное участие в этих процессах общества и бизнеса с развитием существующих коммуникаций, обратной связи, влияния и контроля от общества к органам государственной власти в виде специализированных цифровых платформ и порталов, дающих возможность гражданам участвовать в решении важных для общества вопросов.

2. **Инновации.** Государство обязано поддерживать, внедрять инновации, стремиться к развитию цифровой трансформации и интеллектуализации всех уровней деятельности государственного аппарата. Созданная в результате цифровой трансформации инфраструктура становится основным инструментом поддержки управления в виде интегрированных систем моделирования и прогнозирования общественных и экономических процессов.

3. Цифровая трансформация формирует условия для **внедрения децентрализованной, сетевой архитектуры правительства**, которая является более гибкой, устойчивой, точной в решении задач. С максимальным развитием горизонтальных межведомственных связей, выстраивания взаимодействия и обмена информацией между многочисленными информационно-аналитическими системами.

К реализации проектов привлекаются преимущественно локальные общественные институты, бизнес-структуры, которые намного лучше ориентируются в местных условиях

4. **Умное регулирование** – цифровизация создает условия для формирования сквозных, прозрачных и понятных регуляторных цепочек на всех этапах управления, которые позволяют найти баланс между усилением контроля и надзора со стороны государства с объективной необходимостью либерализации, сокращения государственного регулирования во многих общественных процессах и экономике.

5. **Открытый диалог с бизнесом**, без которого невозможно построение процветающей экономики.

Цифровизация дает новые возможности и инструменты для снижения фискальной и надзорной нагрузки на бизнес, формирования условий для развития и увеличения проектов государственно-частного партнерства, обеспечения прозрачного и честного механизма участия бизнеса в государственных заказах и закупках.

6. **Кадровая политика.** Создание и реализация государственной программы поиска, обучения и обновления руководящих кадров, способных работать в новых условиях и на новых технологических решениях.

Список источников

1. Активный гражданин // AG [веб-сайт]. URL: <https://ag.mos.ru/> (дата обращения: 10.03.2022).

2. *Василенко Л. А.* Применение общественного виртуального ситуационного центра в управлении развитием регионов // Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации: материалы Международной научно-практической конференции / Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук. 2017. С. 564-569. DOI 10.18411/Vasilenko-3-7.

3. *Василенко Л. А.* Цифровой прорыв: достаточно ли умным в цифровом государстве будет публичное управление и насколько умны элита и граждане? // Цифровая социология. 2021. № 3. С. 6-15.

4. *Василенко В. И., Василенко Л. А., Рухтин М. В., Чернов Е. А.* Трансформационные процессы в системе допуска к государственной тайне России. М.: Проспект, 2010. DOI 10.18411/Vasilenko-3-2.

5. *Зотов В. В., Асеева И. А., Буданов В. Г.* Цифровая сетевая платформа: классификация опасностей социотехнической конвергенции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 6. С. 243-259.

6. *Ильин Н. И.* (ФСО РФ): Ситуационные центры в современном мире обеспечивают поддержку принятия управленческих решений // Digital MSU [веб-сайт]. URL: <https://digital.msu.ru/николай-ильин-фсо-рф-ситуационные-це> (дата обращения: 10.03.2022).

7. Инновационные технологии проведения общественной экспертизы государственно значимых решений и общественных слушаний с применением «высоких» информационных технологий / Л. А. Василенко, Г. Г. Гришина, В. И. Захарова [и др.]; под общ. ред. Л. Василенко, Т. Сафоновой. Москва, 2010. Сер. Инновационные социальные технологии.

8. Национальный проект «Цифровое государственное управление» // Digital.gov [веб-сайт]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/882> (дата обращения: 10.03.2022).

9. «Национальный центр компетенций в области цифровой экономики» для научных исследований и подготовки кадров // Digital.msu [веб-сайт]. URL: <https://digital.msu.ru/about/history/> (дата обращения: 10.03.2022).

10. Национальный форум информационной безопасности «Инфофорум» // Inforum [веб-сайт]. URL: <https://inforum.ru/ob-infoforume> (дата обращения: 10.03.2022).

11. Научно-экспертный Совет при СФ РФ // Ecopolicy [веб-сайт]. URL: http://www.ecopolicy.ru/upload/File/polozhenie_expertn_sovet_pri_sovete_federacii.pdf (дата обращения: 10.03.2022).

12. Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление» предусматривает разработку и создание единого окна цифровой обратной связи // Digital.ac.gov [веб-сайт]. URL: <https://digital.ac.gov.ru/> (дата обращения: 10.03.2022).

13. Платформа обратной связи // ПОС [веб-сайт]. URL: <https://pos.gosuslugi.ru/backoffice> (дата обращения: 10.03.2022).

14. Портал госзакупок – Единая информационная система в сфере закупок // ЕИС [веб-сайт]. URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (дата обращения: 10.03.2022).

15. Портал «Российская общественная инициатива» // РОИ [веб-сайт]. URL: <https://www.roi.ru/> (дата обращения: 10.03.2022).

16. Проект «Добродел» // Dobrodel [веб-сайт]. URL: <https://dobrodel.mosreg.ru/> (дата обращения: 10.03.2022).

17. Программа «Цифровая экономика», реализуемая в соответствии с Указом Президента РФ № 204 от 7 мая 2018 г. // Digital [веб-сайт]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 10.03.2022).

18. Совет по цифровой трансформации Московского университета // MSU [веб-сайт]. URL: <https://www.msu.ru/news/v-mgu-sozdan-sovet-po-tsifrovoy-transformatsii.html> (дата обращения: 10.03.2022).

19. *Тихонов А. В., Богданов В. С.* От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 74-81.

20. Форум «Цифровое управление государством и бизнесом» (SBDM 2022) // If2022 [веб-сайт]. URL: <https://if2022.guu.ru/> (дата обращения: 10.03.2022).

21. Экспертный совет при Правительстве // Government [веб-сайт]. URL: <http://government.ru/department/270/about/> (дата обращения: 10.03.2022).

Селиверстова Анастасия Дмитриевна,
аспирантка 1 курса по направлению «Социология управления»,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
stasyn2013@yandex.ru

СИМБИОТИЧЕСКИЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ЕГО ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Принятие управленческого решения зачастую осуществляется в условиях высокой неопределенности, выраженной в отсутствии у лица, принимающего решения, структурированной и достоверной информации, относящейся к объекту, на которое такое решение направлено.

Так, в условиях наличия ограниченного интервала времени, выделяемого на принятие управленческого решения, слабоструктурированной информацией, на которой основывается такое решение, а также психологического состояния лица, принимающего решения, может быть осуществлен выбор неоптимального управленческого решения, которое способно привести к различной степени тяжести социально-экономических последствий.

Однако, принимая во внимание перевод на «цифровые рельсы» в той или иной степени всех сфер общественной жизни, представляется, что и процесс принятия управленческого решения может быть усовершенствован за счет встраивания в него симбиотического интеллекта как элемента, нивелирующего вышеуказанные недостатки текущего процесса.

Ключевые слова: симбиотический интеллект; управленческие решения; управленческая деятельность; эксперты; понятийный аппарат; структура симбиотического интеллекта; функции симбиотического интеллекта

Seliverstova Anastasia Dmitrievna,
1st year Postgraduate Student in the Direction “Sociology of Management”,
Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation”
stasyn2013@yandex.ru

SYMBIOTIC INTELLIGENCE: ITS CONCEPT, STRUCTURE AND FUNCTIONS IN RELATION TO MANAGEMENT ACTIVITIES

Abstract. It seems that the process of managerial decision-making is carried out in conditions of high uncertainty. This uncertainty expressed in the absence of structured and reliable information for the decision-maker.

Thus, in the presence of a limited time interval allocated for making a management decision, poorly structured information on which such a decision is based on, as well as the psychological state of the decision-maker, a choice of a non-optimal management decision can lead to varying degrees of severity of socio-economic consequences.

However, taking into account the transfer to “digital rails” all spheres of public life, it seems that the process of making a managerial decision can be improved by embedding symbiotic intelligence into it.

Keywords: symbiotic intelligence; management decisions; management activities; experts; conceptual apparatus; the structure of symbiotic intelligence; symbiotic intelligence functions

Введение

Управленческое решение как основной элемент каждой функции управления (планирования, организации, координации, мотивации и контроля) может быть определено в качестве единовременного акта окончательного выбора лицом, принимающим решение (ЛПР), одного из возможных вариантов действий [Трофимова, Трофимов 2011]. Выбранный вариант действий является оптимальной альтернативой другим возможным вариантам [Злобина 2007] и учитывает в себе факторы влияния внешней и внутренней среды на ЛПР в процессе принятия такого решения.

К управленческому решению предъявляются определенные требования [Демин 2019], которые могут быть изложены следующим образом: научная обоснованность, целенаправленность, количественная и качественная определенность, правомерность, оптимальность, своевременность решений, комплексность, реализация стимулирующей функции решения, гибкость, полнота оформления.

Достижение «оптимальности» управленческого решения осуществляется за счет выбора ЛПР наилучшей альтернативы, то есть такое решение должно приносить максимальный результат за каждую единицу затраченного на него ресурса.

Это, в свою очередь, реализуется с помощью применения ЛПР приемов и операций, присущих следующим концептуальным подходам, выделяемым в общей теории принятия решений [Литвак 1998]:

1. Качественно-предметная концепция (дескриптивный подход).
2. Концепция математического выбора решений (нормативный подход).
3. Комплексная концепция управленческих решений.

С учетом того, что при принятии решения ЛПР фактически в одиночку необходимо в сжатые сроки выбрать оптимальное решение, преодолев все факторы неопределенности, включающие в себя не только неструктурированную информацию, но и так называемые «не-факторы», свойственные экспертным знаниям (знания неполны, часто противоречивы, порой нелогичны), необходимо дополнить процесс принятия управленческого решения таким элементом, который бы создал эффект синергии сильных сторон участников такого процесса: ЛПР, экспертов, информационных инструментов поддержки принятия решений.

В качестве такого элемента предлагается рассмотреть симбиотический интеллект, который в рамках данной работы будет определяться

следующим образом: *это форма взаимодействия естественного и гибридного интеллекта, направленная на консолидацию творческого потенциала естественного интеллекта и вычислительных мощностей гибридного в целях принятия ЛПП оптимального управленческого решения в условиях неопределенности.*

Методология и методы

В целях проработки вопроса применения «симбиотического интеллекта» в управленческой деятельности, а в частности в процессе принятия управленческого решения, был проведен анализ содержания отечественных и зарубежных научных исследований, посвященных вопросам применения симбиотического интеллекта в управленческой деятельности в целом, а также вопросам роли экспертов в обучении искусственного интеллекта как такового. Исходя из этого, можно выделить следующие направления исследований в вышеуказанных вопросах:

– среди отечественных исследователей определением понятия «симбиотический интеллект» занимался Д. И. Ицков (под этим термином он определяет «образование, объединяющее в себе естественный и искусственный интеллекты в их взаимосвязи») [Ицков 2017], связи и эффективное взаимодействие человека с интеллектуальными системами (интеллектуальный симбиоз) исследуются в работах С. Ф. Сергеева [Сергеев 2021];

– проблемы взаимодействия человека и машины, гибридность социального поля управления поднимаются в работах Л. А. Василенко, Н. Н. Мещеряковой [Василенко, Мещерякова 2018], В. И. Игнатъева [Игнатъев 2019];

– области применения симбиотического интеллекта рассматриваются в зарубежных исследованиях Ванга, Аббаса, Вайзенбока [Wang Yet al. 2021; Abbass, Petraki, Hussein, McCall, Elsawah 2021; Weitzenboeck 2021];

– вопросы роли экспертного сообщества в государственном управлении [Инновационные технологии... 2010; Василенко 2003] и обучении искусственного интеллекта затрагиваются в работах Дэнга, Колтона [Changyu Deng, Xunbi Ji, Colton Rainey, Jianyu Zhang, WeiLu 2020].

Результаты и обсуждение

В современном мире ежедневно происходит увеличение скорости и объема создаваемой информации. Это явление еще в 1975 году получило название «информационного взрыва» [Урсул 2013]. Информация сама по себе приобретает все большую ценность, а владение технологиями ее быстрой и качественной обработки – уже не просто конкурентное преимущество, а необходимость в условиях масштабной цифровизации социальных и экономических процессов жизни общества.

С учетом этих условий ЛПП как в органах государственной власти, так и в сфере бизнеса неизбежно сталкивается с необходимостью принятия решений в условиях работы со слабоструктурированными или нечеткими задачами (как правило). В продолжение этой мысли можно обра-

таться к исследованию А. А. Киселева, в котором в отношении взаимодействия ЛПР с информацией выделяются такие проблемы, как информационная перегрузка ЛПР (выбор релевантной информации из массива данных) и информационная неопределенность (наличие недостаточного количества информации для принятия управленческого решения или наличие противоречивых данных) [Киселев, Карпов 2017].

Вместе с тем важным фактором в принятии управленческого решения также является время, отводимое, в частности, на принятие такого решения. Вопрос влияния фактора времени на принятие управленческого решения рассмотрен в работе К. В. Гороховой (в корпоративном сегменте) [Горохова 2020]. Так, автор рассматривает системы временного управления (time-based management) на предприятиях как «инструмент» для сокращения времени на принятие управленческих решений в целях сокращения времени, необходимого на разработку, производство и реализацию производимой продукции.

Таким образом, при наличии необходимости принятия решения в сжатые сроки и в условиях высокой информационной неопределенности ЛПР как в бизнесе, так и в органах государственной власти нуждается в инструменте, который обеспечит максимально быструю и корректную обработку имеющейся информации в целях принятия оптимального управленческого решения. Такая обработка информации должна осуществляться на основании четко установленных параметров, маркеров, позволяющих словно через сито отсеять недостоверные или нерелевантные для конкретной задачи данные.

Предполагается, что в зависимости от уровня занимаемой должности ЛПР необходимость в таком инструменте только возрастает, так как «цена ошибки» за выбор неоптимального решения на разных уровнях пропорционально возрастает. Таким образом, неоптимальное решение будет оказывать неблагоприятное воздействие на все более широкий круг лиц и организаций. Соответственно, можно согласиться с Д. А. Воробьевой, которая отметила в своей работе, что «закономерным является требование повышения эффективности управленческих решений на основе научного подхода к их формированию и выбору» [Воробьева 2017].

Представляется, что благодаря развитию технологий искусственного интеллекта возможно усовершенствовать процесс принятия управленческого решения не просто за счет применения систем поддержки принятия решения, но за счет встраивания в этот процесс возможностей симбиотического интеллекта.

В зарубежных исследованиях уже отмечается, что путем сочетания человеческой гибкости ума, воображения, спонтанности и иных качеств, присущих только человеку, с мощными средствами автоматической обработки данных можно достичь эффекта аугментации, представляющей собой плодотворное сотрудничество человека и машины, выраженное в

то, что машина только дополняет возможности человека, но не заменяет его [Davenport, Kirby 2016]. В целом в зарубежных источниках вопрос симбиоза естественного и искусственного интеллекта рассматривается в контексте решения «сложных проблем», управленческих задач.

Учитывая изложенное, а также с учетом уже опубликованных исследований автором настоящей статьи предлагается следующее рабочее определение понятия «симбиотического интеллекта»: это форма взаимодействия естественного и гибридного интеллекта, направленная на консолидацию творческого потенциала естественного интеллекта и вычислительных мощностей гибридного в целях принятия ЛППР оптимального управленческого решения в условиях неопределенности.

Заключение

Следующим шагом в данном исследовании станет рассмотрение вопроса о том, какие требования должны предъявляться к экспертам, которые будут привлекаться к обучению таких систем. Будет осуществлено описание процесса взаимодействия естественного интеллекта и гибридного. На более позднем этапе планируется к разработке модель взаимодействия ЛППР и симбиотического интеллекта.

В этих целях автором продолжится проработка исследований по направлениям:

- 1) область применения симбиотических автономных систем;
- 2) роль экспертного сообщества в вопросе цифровизации государственного управления и обучения искусственного интеллекта;
- 3) объединение экспертов в сообщества в целях развития искусственного интеллекта;
- 4) этика искусственного интеллекта как неотъемлемая часть его внедрения.

Список источников

1. *Василенко Л. А., Мещерякова Н. Н.* Социология цифрового общества. Томск, 2021.
2. *Василенко Л. А.* Механизмы социального взаимодействия государственной службы и гражданского общества // Государственная служба в современной России: сборник статей / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ; отв. ред. Е. В. Алферова, В. В. Черепанов. Москва, 2003. С. 102-112.
3. *Воробьева Д. А.* Методы принятия управленческих решений: краткий курс лекций для обучающихся направлений подготовки: 38.03.02 Менеджмент. Саратов: ФГБОУ ВО «Саратовский ГАУ», 2017. 68 с.
4. *Горохова К. В.* Влияние фактора времени на принятие управленческих решений // Теория и практика общественного развития. 2020. № 12 (154).
5. *Демин Г. А.* Методы принятия управленческих решений: учеб. пособие / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2019. 88 с.
6. *Злобина Н. В.* Управленческие решения: учебное пособие. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. 80 с.

7. *Игнатьев В. И.* И грядет «другой» актер... Становление техносубъекта в контексте движения к технологической сингулярности // Социология науки и технологий. 2019. Т. 10, № 1. С. 64-78.

8. Инновационные технологии проведения общественной экспертизы государственно значимых решений и общественных слушаний с применением «высоких» информационных технологий / Л. А. Василенко, Г. Г. Гришина, В. И. Захарова [и др.]; под общ. ред. Л. Василенко, Т. Сафоновой. Москва, 2010. Сер. Инновационные социальные технологии.

9. *Ицков Д. И.* Создание симбиотического интеллекта в контексте социальной политики развития социума // Вестник ЗабГУ. 2017. № 11.

10. *Киселев А. А., Карнов Д. С.* Проблемы и особенности принятия управленческих решений в производственном менеджменте // Теоретическая экономика. 2017. № 6 (42).

11. *Корбут А.* «Простите, я никак не могу понять»: способы реагирования на непонимание во взаимодействии человека и робота // *Laboratorium: Журнал социальных исследований.* 2018. Т. 10, № 3. С. 57-78. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2018-10-3-57-78>.

12. *Литвак Б. Г.* Управленческие решения. М.: Ассоциация авторов и издателей «ТАНДЕМ»; Издательство «ЭКМОС», 1998. 248 с.

13. *Сергеев С. Ф.* Интеллектуальный техносимбиоз в сложных человеко-машинных системах // Эргодизайн. 2021. № 1 (11).

14. *Трофимова Л. А., Трофимов В. В.* Управленческие решения (методы принятия и реализации): учебное пособие. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2011. 190 с.

15. *Урсул А. Д.* Информация и глобальные процессы: междисциплинарные исследования // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 3.

16. *Abbass H, Petraki E, Hussein A, McCall F, Elsayah S.* A model of symbiomemesis: machine education and communication as pillars for human-autonomy symbiosis // *Phil. Trans. R. Soc.* 2021. A 379, 20200364.

17. *Changyu Deng, Xunbi Ji, Colton Rainey, Jianyu Zhang, WeiLu.* Integrating Machine Learning with Human Knowledge // *iScience.* 2020. Vol. 23. Issue 11. Article 101667.

18. *Davenport Th. H. and Kirby J.* Harper Business «Only humans need apply: winners and losers in the age of smart machines. 2016.

19. *Wang Yet et al.* On the philosophical, cognitive and mathematical foundations of symbiotic autonomous systems // *Phil. Trans. R. Soc.* 2021. A 379, 20200362.

20. *Weitzenboeck E. M.* Simplification of Administrative Procedures through Fully Automated Decision-Making: The Case of Norway // *Administrative Sciences.* 2021. Vol. 11, No. 4. P. 149. <https://doi.org/10.3390/admsci11040149>.

Щепетов Федор Игоревич,
магистрант 2-го курса факультета социологии,
Российский государственный социальный университет,
fedor.oprf@gmail.com

**ПУБЛИКАЦИИ ЖИТЕЛЕЙ МОСКВЫ
В РАЙОННЫХ СООБЩЕСТВАХ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ
В ПЕРИОД ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ 2021:
УРОВЕНЬ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ**

Аннотация. В статье рассмотрены публикации, посвященные избирательной кампании в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва, размещенные в территориальных сообществах в социальных сетях ВКонтакте, Facebook и Instagram трех районов Северо-Восточного административного округа города Москвы: Алексеевского, Алтуфьевского и Отрадного. На основании данных публикаций анализируется электоральная культура администраторов территориальных сообществ.

Ключевые слова: электоральная культура; москвичи; интернет-технологии; интернет-коммуникации; социальные сети; интернет-публикации; избирательные компании

Schepetov Fedor Igorevich,
2nd year Master's Degree Student of the Faculty of Sociology,
Russian State Social University,
fedor.oprf@gmail.com

**PUBLICATIONS OF MOSCOW RESIDENTS IN DISTRICT
COMMUNITIES ON SOCIAL NETWORKS DURING THE 2021
ELECTION CAMPAIGN: THE LEVEL OF ELECTORAL CULTURE**

Abstract. The article deals with publications devoted to the election campaign to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the eighth convocation, posted in territorial communities on social networks VKontakte, Facebook and Instagram of three districts of the North-Eastern administrative district of Moscow: Alekseevsky, Altufevsky and Otradny. Based on these publications, the electoral culture of administrators of territorial communities is analyzed.

Keywords: electoral culture; Muscovites; Internet technologies; Internet communications; social networks; Internet publications; election campaigns

Электоральная культура – совокупность ценностей, представлений и норм, определяющих содержание и характер электоральных процессов и ориентаций, господствующих в обществе [Морозова 2013].

В прошедшей избирательной кампании в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва активно использовались социальные сети, что иллюстрируют территориальные сообщества в социальных сетях ВКонтакте, Facebook и Instagram трех

районов Северо-Восточного административного округа города Москвы: Алексеевского, Алтуфьевского и Отрадного.

В рамках исследования электоральной культуры их администраторов проводился визуальный анализ постов в 22 территориальных сообществах в социальных сетях:

– ВКонтате: Алексеевский вестник_ВКонтате, Мой район Алексеевский_ВКонтате, Подслушано Алексеевский СВАО_ВКонтате, Алтуфан Алтуфьево Алтушка СВАО_ВКонтате, Алтуфьево СВАО_ВКонтате, Алтуфьево_ВКонтате, Наше Отрадное_ВКонтате, Отрадное Live_ВКонтате, Подслушано Отрадное СВАО_ВКонтате, Район Отрадное_ВКонтате.

– Фейсбук: Алексеевский.Группа общения с депутатами и гражданами_Фейсбук, Алексеевский.Группа общения с депутатами и гражданами_Фейсбук, Алексеевцы_Фейсбук, Алтуфан Алтуфьево СВАО_Фейсбук, Алтуфьево_Фейсбук, Народный Алтуфьевский_Фейсбук, Народный Совет района Алтуфьевский_Фейсбук, Отрадное Live_Фейсбук, Отрадное Полезное_Фейсбук, Отрадное.Соседи_Фейсбук.

– Инстаграм: Отрадное online_Инстаграм.

Были найдены и проанализированы 164 поста в территориальных сообществах, касающихся выборов, изучались такие характеристики электоральной культуры, как компетентность, активность и диспозиция.

Электоральная диспозиция – достаточно устойчивая предрасположенность избирателя определенным образом оценивать феномен выборов [Лыткина 2015]. Оценивалась как «1» в случае «провластной диспозиции», «0» – в случае «нейтральной», «-1» – в случае «оппозиционной». Электоральную компетентность в данном исследовании стоит понимать как информированность о предстоящих выборах: отсутствие в постах фактических ошибок, касающихся уровня выборов, партийной принадлежности кандидата, сроков голосования и доступных форм волеизъявления. Оценивается как «1» в случае грамотности суждений и «0» в случае ошибочности. Электоральная активность – декларируемое желание участвовать или не участвовать в голосовании. Оценивалась как «1» в случае «декларируемой готовности голосовать», «0» – в случае «отсутствия суждений о готовности проголосовать», «-1» – в случае «призывов бойкотировать голосование».

Таблица 1

Характеристики электоральной культуры администраторов территориальных сообществ в социальных сетях

Район	Постов	Компетентность	Активность	Диспозиция
Алтуфьевский	73	70	38	0
Отрадное	53	52	26	-1
Алексеевский	38	37	21	-14

В Алексеевском районе были проанализированы 38 постов в 6 территориальных сообществах, компетентность была оценена в 37 баллов, активность в 21 балл, диспозиция в -14. В Алтуфьевском были проанализированы 73 поста в 7 территориальных сообществах, компетентность была оценена в 70 баллов, активность в 38, диспозиция в 0. В Отрадном были проанализированы 53 поста в 8 территориальных сообществах, компетентность составила 52 балла, активность 26, а диспозиция -1.

Компетентность администраторов территориальных сообществ везде достаточно высокая, ошибок в постах почти нет. У администраторов сообществ Алтуфьевского района их 3, в Отрадном и Алексеевском – по одной. Существенно различаются активность и диспозиция, причем между ними и количеством постов в сообществах прослеживается явная связь: чем администраторы территориальных сообществ больше пишут о выборах, тем большую электоральную активность они проявляют и при этом тем выше их диспозиция.

Данная картина полностью повторяется в реальных [Чуров, Арлазаров, Соловьев] политических предпочтениях населения, которые иллюстрируют итоги голосования по Территориальным избирательным комиссиям без учета Дистанционного электронного голосования (ДЭГ) [Сайт ЦИК РФ]. В связи с тем, что Дистанционное электронное голосование ДЭГ не отражается по районам, все голосующие через ДЭГ приписываются к одной Участковой избирательной комиссии в рамках одномандатного Избирательного округа.

Таблица 2

Результаты Всероссийской политической партии «Единая Россия» (ЕР), кандидата от ЕР Тимофея Баженова и самовыдвиженца, вошедшего в список кандидатов, поддержанных мэром Москвы Сергеем Собяниным, Дмитрия Певцова

Район	Результат кандидата, %	Результат ЕР, %
Алтуфьевский	42,1	43,6
Отрадное	31,5	27,3
Алексеевский	27,4	24,6

Из этого можно сделать вывод, что электоральная культура администраторов территориальных сообществ в социальных сетях не отличается от электоральной культуры москвичей, проживающих в данных территориальных образованиях. Сложно вести паблик по местной повестке и самому не проживать в данном районе, узнавать свежие новости и генерировать контент, поэтому, с одной стороны, это связано с тем, что администраторы сообществ – местные жители. С другой – территориальные сообщества в соцсетях уже давно превратились в местные СМИ и являются частью системы самовоспроизводства [Тимошенко 2000] типичных для района характеристик электоральной культуры.

Список источников

1. *Лыткина К. А.* Особенности электоральной культуры населения города Москвы: опыт эмпирического анализа // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2015. № 10. С. 62-69.
2. *Морозова О. С.* Электоральная культура: понятие и основные функции // Культура и образование. 2013. № 4. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2013/12/1145> (дата обращения: 09.11.2021).
3. Сайт ЦИК РФ. URL: <http://www.cikrf.ru/> (дата обращения: 09.11.2021).
4. *Тимошенко Н. В.* Электоральная культура современного российского общества: социологический аспект: дис. ... канд. социол. наук. Москва, 2000. 143 с.
5. *Чуров В. Е., Арлазаров В. Л., Соловьев А. В.* Итоги выборов. Анализ электоральных предпочтений. URL: http://www.cikrf.ru/banners/illuziya/itogi_160908.html (дата обращения: 09.11.2021).

СЕКЦИЯ 3: КУЛЬТУРА, ИДЕНТИЧНОСТЬ. КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ И ПОСТПАНДЕМИИ

УДК 316.77

Быстров Владимир Сергеевич,
бакалавр департамента политологии и социологии,
Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
vova-bystrov-18@bk.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ БОТЫ В ПОЛИТИКЕ, КАК РАСПОЗНАВАТЬ ЭЛЕКТРОННЫХ ПРОПАГАНДИСТОВ И МОШЕННИКОВ?

Аннотация. В статье рассматриваются новейшие технологии пропаганды и манипуляции в социальных сетях, обширно затрагивается такой феномен, как социальные боты и их влияние на мнение людей в плане политических и экономических вопросов. Проводится анализ наиболее распространенных типов ботов и их действий, даются советы как не стать жертвой электронных недоброжелателей.

Ключевые слова: социальные боты; интернет-технологии; интернет-коммуникации; нейросети; манипуляции сознанием; новые медиа; пропагандистские технологии; пропагандисты; мошенники

Bystrov Vladimir Sergeevich,
Bachelor of Political Science and Sociology Department,
Ural Humanitarian Institute, Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
vova-bystrov-18@bk.ru

SOCIAL BOTS IN POLITICS, HOW TO RECOGNIZE ELECTRONIC PROPAGANDISTS AND SCAMMERS?

Abstract. The article discusses the latest technologies of propaganda and manipulation in social networks, extensively touches on such a phenomenon as social bots and their influence on people's opinions in terms of political and economic issues. The analysis of the most common types of bots and their actions is carried out, tips are given on how not to become a victim of electronic ill-wishers.

Keywords: social bots; Internet technologies; Internet communications; neural networks; mind manipulation; new media; propaganda technologies; propagandists; scammers

С тех пор как в области СМИ стали доминировать социальные сети по типу Facebook, Twitter, ВКонтакте, Instagram, Telegram и многие другие, они тут же начали играть ключевую роль в нашей жизни как каналы общественной коммуникации. С одной стороны, данные платформы предоставляют своим пользователям обширное пространство для безгра-

ничного общения, обмена информацией, способствуют развитию рекламы и бизнеса, помогают политическим и культурным деятелям продвигать свои идеи и интересы. С другой стороны, они также являются привлекательными объектами для эксплуатации со стороны социальных ботов [Горбунов 2019: 63].

Социальный бот – это программное обеспечение для автоматизации действий пользователей. Изначально данные боты создавались с целью облегчения работы пользователей и администраторов сообществ. Они собирали информацию из новостей, популярных публикаций, сообщений известных людей в блогах, анализировали, а затем размещали их согласно тематике в сообществах социальных сетей. Однако, как не раз показывала история человечества, полезные изобретения почти всегда одинаково применялись как в благих, так и в отрицательных целях, и за редкими исключениями ускользали из области внимания политических организаций, использовавших их как оружие для распространения личного интереса.

К основным действиями ботов на службе у политики можно отнести: создание псевдопостов, которые выглядят как созданные человеком, по большей части преподносящим себя экспертом в описываемой им теме, а также многократные репосты существующих фейковых постов, фотографий или статусов, добавление комментариев и лайков к записям, важность которых нужно искусственно поднять [Легостаева, Василькова, Радусhevский 2019: 22].

Из чего следует, что уровень сложности ботов разный. Среди данных ботов существуют и такие, что умеют подделывать электронные документы, взламывать социальные аккаунты как простых пользователей, так и видных публицистов, внедряться в авторитетные правительственные издания и распространять дезинформацию. Ярким примером является взлом Associated Press в Twitter сирийскими хаккерами и ботами, сообщившими от лица сообщества, что Белый дом подвергся нападению, а президент Обама ранен. Эти фейковые новости привели к панике и огромным потерям на фондовом рынке США в 2013 году.

Еще одна вредоносная способность социальных ботов заключается в том, что они являются удобным способом для проведения массовой пропаганды [Василькова, Легостаева 2019: 122]. Данная злонамеренная деятельность получила название астротурфинг – попытка создать фальшивое впечатление о реальных событиях в широких народных массах, чтобы поддержать политика или политическое событие, раскрутить глупый или аморальный флешмоб, дискредитировать продукцию лидирующей компании или фабрики.

Исходя из этих представлений о возможностях социальных ботов, можно предположить, что подобные программы могут быть крайне мощными инструментами в политике. С тех пор как Россия вступила в тотальную информационную войну со всем западным миром, социальные

боты-пропагандисты активизировались в небывалых до этого масштабах. В настоящее время, когда идет военная спецоперация на территории Украины, социальные боты стали одной из главных сил, направленных на дестабилизацию общественной жизни россиян.

В ночь на 27 февраля участники Anonymous объявили, что взломали российские федеральные каналы с целью транслировать правду об Украине. Жертвами, как сообщали хакеры, стали Первый канал, Россия-1, СТС, НТВ, 5 канал, ТНТ и Рен-ТВ. Что же касается социальных сетей, то на данный момент во множественных популярных группах ВКонтакте и Instagram можно встретить массовые посты с историями и видеозаписями украинских граждан, рассказывающих о бесчинствах российской армии, убитых друзьях и знакомых. Также особую популярность набирают сообщения о потерях российской армии, которые якобы уже за 8 дней войны перевалили за 5, а то и 10 тысяч человек, к ним прикрепляются фото сожженной техники и толпы пленных [Газета.ru 2022].

Ничем не подтвержденная статистика по возможности выдается за оценки независимых западных экспертов. Как не удивительно, но близкий к этому ход использовался еще нацистами во время Второй мировой. Однако вместо постов ботов, распространяющих дезинформацию в соцсетях, с самолетов скидывались листовки, содержащие сводки о поражениях на фронтах, миллионах убитых, лжи комиссаров и генсека, в дополнение призывающие сдаваться в плен на милость освободителям. Еще одним фактором, служащим на руку создателям украинских и западных ботов, является кризис доверия российского населения, в особенности молодежи, к официальным СМИ [Online.47 2022].

Вследствие чего, спекулируя на имеющейся тенденции, за последние несколько дней боты смогли распространить тысячи фейковых постов на тему украинских событий, а также бесчисленное множество призывов к гражданам России проводить антивоенные демонстрации, участниками которых стали даже дети в возрасте от 7–11 лет [tjornal.ru 2022].

В то же время в противовес прозападным ботам активизировались и так называемые отечественные, за которыми, как не сложно догадаться, стоят российские предприниматели. Все чаще в сети можно встретить противоречивые посты. Одни запугивают население предстоящим продолжительным кризисом и активно советуют массово скупать товары первой необходимости, что, безусловно, способствует процветанию их торговой деятельности, другие будто бы от лица знатоков в области финансов предлагают вкладываться в государственные банки, ставки которых в настоящее время составляют рекордные 20% годовых, а то и вовсе убеждают брать криптовалюту на сомнительных сайтах.

Как же в действительности разобраться, что представляет из себя фейк, и не стать жертвой дезинформации, другими словами, каким образом вычислить социального бота, будь его материал как политической,

так и экономической направленности? В различных источниках существует множество способов по обнаружению ботов, среди которых зачастую встречаются сложные математические схемы, к которым прилагаются целые компьютерные программы по отслеживанию ботов.

Без сомнения, предлагаемые методы имеют куда более высокую эффективность, однако их целевая аудитория преимущественно направлена на программистов и людей, занимающихся выявлением электронных мошенников на профессиональном уровне. Что же касается более простых, но тоже действенных способов, то обычно их выделяется четыре:

1. Анализ активности.

Как принято, люди считают подозрительными аккаунтами те, где отсутствуют аватар пользователя и личная информация о нем. Тем не менее это не явный признак того, что учетная запись является поддельной, и все же основное число низкопробных ботов выглядят именно так [Евсеева, Гумерова, Катасёв, Кирпичников 2017: 87].

Среди них встречаются те, что подделываются под известных людей, героев фильмов и комиксов либо вовсе не имеют фотографий.

Куда больше следует обратить внимание на активность и контент данного пользователя. В отличие от обычных пользователей активность и публикации ботов в разы больше, чем у простых людей. И все же частота их сообщений не является оригинальной, так как боты создаются для распространения и усиления тех идей, которые хотят продвигать их заказчики и создатели. Достаточно часто можно увидеть одно и то же сообщение, выдаваемое за оригинальное, у сотен различных участников соцсети. Излюбленным приемом ботов этого типа являются создание нужного хештега или хештегов и массовое сочинение и обновление постов, связанных с ними. Шаблон активности также становится важным показателем подлинности учетной записи. Если учетная запись активна в определенные дни или постоянно публикуется в одно и то же время, это, вероятно, автоматизировано.

Еще активность зачастую связана с темами, которые вызывают резкое инакомыслие, или, наоборот, с массовой поддержкой лидеров правительства, а то и вовсе учетная запись активна только в определенные периоды – например, во время сезона выборов – это признак того, что ее сообщения необходимо тщательно рассмотреть.

2. Боты-усилители.

Боты, созданные с целью искусственного усиления сообщения или твита, обычно на сетевом жаргоне получили название «боты для накрутки». Они запрограммированы действовать аналогичным образом и следовать тем же темам и хештегам. Чтобы вычислить, являются ли лайки и сообщения касательно темы определенного события реальными, нужно проверить профили особо активных участников, высказывающих наиболее эмоциональные мнения. К примеру, профиль высказавшего мнения

создан сравнительно недавно, но при этом имеет множество учетных записей одной направленности и сотни друзей и подписчиков. Как минимум это вызывает подозрения. Также среди ботов существуют боты для троллинга. Их цель – противодействовать другим пользователям, высказываться против, тем самым создавать спираль молчания. Однако большинство из них в силу количества имеют множественные и грубые недостатки. Их речь качественно отличается от обычного человеческого разговора, хоть и была сгенерирована для него. Обычно словесный и фразовый запас среднестатистического бота порядочно ограничен. Бот также может имитировать ругань и нецензурную лексику, однако ни при каком случае не способен делать ошибки в словах и грамматике, что качественно отличает его от среднестатистического некультурного человека в порыве злости. Еще одна отличительная черта бота такова: когда бот видит чужой комментарий с явным числом ошибок, то отвечает бессвязно, так как его программа не способна правильно расшифровать написанное.

3. Качество контента.

Есть несколько признаков того, как учетная запись представляет собой плохого бота. Контент может быть воспалительным, агрессивным или вводящим в заблуждение. Для получения данных и статистики источники могут отсутствовать или ссылаться на другие сообщения, принадлежащие подозрительным учетным записям [Britannica 2022]. Если есть ссылки на онлайн-источники новостей, нужно также проверить подлинность этих источников. К тому же зачастую стиль письма не звучит естественно, это может указывать на то, что содержание сообщения было сгенерировано автоматически.

4. Сообщества ботов.

В периоды важных политических событий, кризисов или просто, когда определенным заинтересованным лицам нужно поменять мнение людей, активно начинают появляться новые сообщества. Как известно, нейросеть устроена таким образом, что в ленте человека высвечиваются те записи и сообщества, тематикой которых заинтересован сам пользователь. Этим активно пользуются боты. Под видом нужных пользователю сообществ продвигаются те, чей контент умело подстроен или вовсе безвкусно искажен в той парадигме идей, которую желают продвинуть боты. По большей части данные группы существуют короткое время, а их подписчики в своей массе составляют фейковые аккаунты. Другой тип сообществ, это сообщества по разоблачению кого-то или чего-то. Практически все из них бывают закрытыми, что повышает интерес пользователя к контенту, снижая тем самым его критическое мышление в правдоподобности подаваемых фактов. Отличительная черта подобных сообществ такова, что за любое несогласие человека с мнением администратора группы участник тут же попадает в черный список. Другой вариант тайных групп – это ссылка с подключением в другую сеть. Анонимный ав-

тор заявляет, что обладает скрытой от всех истиной и чтобы узнать ее, нужно перейти по ссылке. К примеру, во ВКонтакте это переход в Telegram. Оказавшийся в Telegram участник сталкивается с таким устройством беседы, где полностью отключены комментарии и обычно скрыты все участники, зато посты по нужной ему теме появляются с интервалом в 15–30 минут.

В заключение нужно отметить, что в любое время, каким бы политически напряженным или спокойным оно не было, бдительность и ориентация на здравый смысл в соцсетях всегда должны оставаться приоритетом любого мыслящего человека и гражданина.

Список источников

1. *Василькова В. В., Легостаева Н. И.* Социальные боты в политических коммуникациях // СМИ (медиа) и массовые коммуникации. 2019. № 1. С. 122-123.

2. *Горбунов Е. В.* Механизмы противодействия влиянию контента сети интернет и социальных сетей на формирование радикальных политических и экстремистских взглядов в молодежной среде: магистерская диссертация. 2019. С. 63-76.

3. *Евсеева А. О., Гумерова Р. И., Катасёв А. С., Кирпичников А. П.* Идентификация ботов в социальных сетях на базе технологий // «Компьютерные и информационные науки» интеллектуального анализа данных. 2017. № 5. С. 87-88.

4. *Кильдюшкин Р.* Бот на бота: из-за конфликта на Украине в хакерском сообществе началась междоусобная война // Газета.ru [веб-сайт]. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2022/03/02/14588575.shtml> (дата обращения: 01.03.2022).

5. *Легостаева Н. И., Василькова В. В., Радушевский В. Б.* Социальные боты как инструмент развития присутствия // Социологические науки. 2019. № 5. С. 22-26.

6. Ложь и психологическая атака на матерей России: Как украинские «фабрики ботов» пытаются посеять фейки в Сети // Online47.ru [веб-сайт]. URL: <https://online47.ru/2022/02/27/lozh-i-psikhologicheskaya-ataka-na-materey-rossii-kak-ukrainskie-fabriki-botov-pytayutsya-poseyat-feyki-v-seti-149498> (дата обращения: 01.03.2022).

7. В Москве задержали двух женщин и их детей, которые пришли возложить цветы к посольству Украины с плакатом «Нет войне» // tjournal.ru [веб-сайт]. URL: <https://tjournal.ru/news/550439-v-moskve-zaderzhali-dvuh-zhenshchin-i-ih-detey-kotorye-prishli-vozlozhit-cvety-k-posolstvu-ukrainy-s-plakatom-net-voyne> (дата обращения: 01.03.2022).

8. *Bruce L. S.* Propaganda. Encyclopaedia Britannica. 2019 // britannica [веб-сайт]. URL: <https://www.britannica.com/topic/propaganda> (дата обращения: 01.03.2022).

Василькова Валерия Валентиновна,
Санкт-Петербургский государственный университет,
v.vasilkova@spbu.ru

Легостаева Наталья Игоревна,
Санкт-Петербургский государственный университет,
n.legostaeva@spbu.ru

ДЕТЕКТИРОВАНИЕ ТЕМАТИЧЕСКОГО РАЗНООБРАЗИЯ БОТНЕТОВ: ПОДХОДЫ И МЕТОДИКА

Аннотация. Ситуация пандемии коронавируса обострила проблему дезинформации в социальных сетях, в том числе с использованием социальных ботов. В связи с этим актуализируется необходимость разработки методик по выявлению ботнетов и их динамики. В данной статье представлена одна из таких методик, используемая авторами для выявления тематического разнообразия ботнетов в социальной сети «ВКонтакте». Методика включает анализ всплесков сетевой публикационной активности в сочетании с методом частотного анализа размещаемых сообщений, профайлингом бот-аккаунтов, статистическим анализом текстов, анализом структурной организации бот-сети, контента публикаций. Обозначен эвристический потенциал данной методики применительно к широкому спектру тем, включая COVID-19.

Ключевые слова: социальные боты; ботнеты; социальные сети; интернет-коммуникации; интернет-технологии; дезинформация; методика обнаружения ботнетов

Vasilkova Valeriya Valentinovna,
Saint Petersburg State University,
v.vasilkova@spbu.ru

Legostaeva Natalya Igorevna,
Saint Petersburg State University,
n.legostaeva@spbu.ru

DETECTING THE THEMATIC DIVERSITY OF BOTNETS: APPROACHES AND METHODS

Abstract. The situation of the coronavirus pandemic has exacerbated the problem of disinformation in social networks, including the use of social bots. This actualizes the need to develop methods to identify botnets and their dynamics. This article presents one of these methods used by the authors to identify the thematic diversity of botnets in the VKontakte social network. The method includes the analysis of bursts of network publication activity, the method of frequency analysis of posted messages, profiling of bot accounts, statistical analysis of texts, analysis of the structural organization of botnets and content of publications. The heuristic potential of this method is outlined for a wide range of topics, including COVID-19.

Keywords: social bots; botnets; social networks; Internet communications; Internet technologies; disinformation; botnet detection technique

Введение

Пандемия коронавируса обострила проблему дезинформации в социальных сетях, связанную с данной тематикой, что позволило говорить о возникновении такого феномена, как инфодемия. В связи с этим актуализировались исследования, посвященные как содержанию дезинформационного контента, так и способам его распространения. В первую очередь речь идет о способах обнаружения социальных ботов и анализе их роли в информационных процессах, связанных с тематикой COVID-19 [Василькова, Легостаева 2020; Chen, Lerman, Ferrara 2020; Zhou et al. 2020; Gallotti et al. 2020; Ferrara 2020].

Социальные боты и бот-сети (ботнеты) являются автоматизированными программами, которые позволяют распространять информацию в социальных сетях с большой скоростью и эффективностью (в том числе за счет имитации поведения реальных пользователей) и тем самым привлекают внимание большого количества людей с небольшими усилиями. Среди них особое место занимают социальные боты, которые работают в различных областях деятельности – политике, маркетинге, образовании, культурных практиках, развитии гражданских инициатив и т. д. [Schäfer, Evert, Heinrich 2017; Shorey, Howard 2016; Forelle et al. 2015; Woolley, Howard 2018; Ford, Puschmann, Dubois 2016; Hofeditz et al. 2019] и на платформах различных социальных сетей (как международных – например, Twitter, Facebook, так и национальных). Подобные исследования проводились в ряде стран – США, Бразилии, Китае, Венесуэле, Японии и др. [Abokhodair, Yoo, McDonald 2015; Arnaudo 2017; Bolsover, Howard 2019; Forelle, Howard, Monroy-Hernandez, Savage 2015].

Исследования по данной тематике стали теоретической рамкой для проведения масштабного эмпирического исследования, посвященного описанию тематического ландшафта бот-пространства российской социальной сети «ВКонтакте» (2018–2019 гг.). Результаты первого этапа исследования (за 2018 г.) были опубликованы ранее [Василькова, Легостаева, Радужевский 2019]. В данной статье мы представляем результаты второго этапа исследования 2019 г., проведенного по уточненной после первого этапа методике. Сравнительный анализ различных этапов исследования позволяет обнаружить особенности динамики функционирования ботнетов в социальных сетях, что расширяет эвристический потенциал авторской методики и позволяет использовать ее для широкого спектра тем, включая COVID-19.

Методика

Для выявления ботнетов в структуре коммуникативного пространства социальной сети «ВКонтакте» была разработана комплексная методика, объединяющая метод частотного анализа размещаемых сообщений, профайлинг бот-аккаунтов, включающий статичный и поведенческий анализ данных профиля пользователя, статистический анализ текстов с

помощью построения временных гистограмм периода распространения контента с параллельной визуализацией графов соотношения «текст – автор», анализ структурной организации бот-сети, а также анализ контента текстов для определения тематики ботнета.

Для оперативного выявления бот-сетей, состоящих из технологических аккаунтов, в качестве связующего звена между ними был использован параметр «тиражируемость контента» в социальной сети «ВКонтакте»¹. На основании данного параметра были выявлены публикационные комплексы и построены топы тиражируемых (продублированных) текстов за определенный период времени, что является отличительной особенностью данной методики. Другой отличительной чертой данной методики является анализ структурной организации бот-сетей, который включает в себя изучение профилей технологических аккаунтов. Данные профили могут состоять из разных комбинаций: пользователи (users), события (events), группы (groups), страницы (pages). Выбранная комбинация по структурной организации бот-сетей влияет на охват аудитории, на которую распространяется информация.

В ходе проведения исследования было использовано следующее программное обеспечение: Elastic Search, Kibana (Discovery, Visualize, Dashboard), Tableau и скрипты на PHP для скачивания информации, используя VK API, и ее обработки. Временные гистограммы включали в себя временной параметр распространения публикации, а также визуализацию пары «тираж контента – число авторов» («count – authors»). В графе соотношения «текст – автор» узлы – авторы и уникальные публикации, ребра – количество продублированных публикаций. Визуализация графа взаимосвязи «текст – автор» в конкретный период времени с заданными ключевыми словами позволила выявить количество ботов в ботнете и количество публикаций, тиражируемых в данный период. Благодаря временным гистограммам авторы увидели скорость тиражирования публикации и смогли классифицировать процесс как естественный или искусственный. Анализ публикаций включал дату публикации, время распространения публикации, тираж, структуру контента. При изучении профилей технологических аккаунтов, тиражирующих контент, использовались статические (наличие друзей и уникальных фотографий, дата создания аккаунта) и поведенческие (количество постов и репостов в единицу времени, количество уникальных постов) признаки бот-профилей.

Алгоритм обнаружения бот-сетей сводился к следующим этапам: 1) составление списка ключевых слов; 2) определение периода исследования – октябрь 2019 г.; 3) анализ целостности данных в Kibana/Discovery

¹ Ботнет авторы определяют как публикационный комплекс, использующий N1 технологических аккаунтов для согласованной публикации информационных материалов определенной тематической направленности N2 тиражом в N3 местах размещения (Nn – задаваемый количественный параметр).

по каждому ключевому слову; 4) внесение отсутствующих ключевых слов в рабочее задание для скриптов на PHP, получающих информацию из VK API и сохраняющих ее в Elasticsearch; 5) добавление в рабочее задание процедур по докачиванию информации для ключевых слов, по которым нет целостности данных (заполнение «пробелов», которые возникли в связи с расширением периода исследования или из-за технических сбоев при обращении VK API); 6) анализ сетевой публикационной активности и взаимосвязей «текст – автор»: 6.1) анализ топов текстов (по тиражируемости) и временных гистограмм их публикации; 6.2) анализ структуры взаимосвязей «текст – автор» на графе (рисунок); 7) анализ структуры контента и структуры профилей: 7.1) анализ контента публикаций; 7.2) профайлинг авторов (групп, страниц, событий, пользователей), составляющих выявленные ботнеты; 8) анализ всплесков сетевой публикационной активности в дашбордах по выбранным ключам за определенный период; 9) анализ топов публикаций на пиках сетевой публикационной активности в Kibana/Discovery.

Также в 2019 году была разработана дополнительная уточняющая методика поиска ботнетов в социальной сети «ВКонтакте» по всплескам сетевой публикационной активности (СПА). Новизна и эффективность данной методики связаны с тем, что она позволяет оперативно локализовать функционирование бот-сетей в определенный период и по определенной теме и концентрирует внимание на резком увеличении публикаций.

Объектом исследования выступала социальная сеть «ВКонтакте», предметом – структуры распространения однотипного тиражируемого контента (социальные ботнеты). Цель – описание структуры и анализ бот-пространства социальной сети «ВКонтакте».

Алгоритм поиска бот-сетей, связанных с социально значимыми компаниями и персонами, был построен на специфической практике: сети распространяют идентичные по содержанию тексты в виде постов. По наличию и количеству этих копий можно выявить бот-сети, которые наиболее масштабно представлены в сети «ВКонтакте». Технически происхождение и принципы работы данных сетей могут быть различными, однако их объединяет логика тиражирования контента. Такие посты зачастую содержат различные призывы, дополнительный контент в виде фото или видео, ссылки.

Рисунок. Общий граф ботнетов, выявленных в октябре 2019 года в социальной сети «ВКонтакте»

Разведывательный анализ выявил, что две ключевые группы ботнетов, имеющих наиболее осязаемое влияние и публикационный вес в пространстве контента, представленного «ВКонтакте», – это преимущественно маркетинговые и политические ботнеты. Для формирования массива данных были использованы ключевые слова. Список ключевых слов был составлен на основе анализа цифровых СМИ, результатов опросов, рейтингов, списков тиражируемых текстов за определенный период. Например, к политическим ключам были отнесены такие, как «власть», «администрация», «выборы», «президент», «Грудинин», «Собчак», «оппозиция», «митинг», «протест», «коррупция» и др.; к маркетинговым ключам – «купить», «скачай», «бесплатно», «цена», «Apple», «Google», «Samsung», «Сбербанк», «Яндекс», «Аэрофлот», «Мегафон», «ВТБ» и др.; к ключам в социальной сфере – «налог», «пенсия», «пособие», «школа», «медицина», «экология», «детский сад», «образование» и др.

Общая модель ботнета

Для детектирования автоматически администрируемых ботнетов к исходной базе был применен ряд фильтров: 1) сеть должна содержать более 10 публикаций и более 10 аккаунтов; 2) длительность серии публикаций должна быть не более 1 часа.

Далее была проведена разбивка текстов исходного массива данных на следующие семантические единицы: «униграммы», «биграммы», «триграммы», которая была реализована с помощью библиотеки Natural.

Следующий этап состоял из анализа контента экстремумов – максимального количества уникальных текстов, опубликованных ботнетами в

конкретном кластере за определенный период. В результате анализа экстремумов был сформирован топ-10 ботнетов, которые активно тиражировали тексты в социальной сети «ВКонтакте».

Результаты

Использование уточненной авторской методики позволило представить политематический ландшафт российской социальной сети «ВКонтакте» за период 2019 г.

Всего было выявлено 1 030 ботнетов, которые опубликовали 4 647 текстов в октябре 2019 г. Для характеристики тематической акцентуации данной системы ботнетов при помощи методики автоматизированной классификации текстов был выделен топ-10 ботнетов по максимальному количеству публикаций в конкретном кластере текстов за определенный период, что позволило выявить зоны наиболее интенсивного использования бот-технологий.

В результате анализа экстремумов в конкретном кластере был сформирован топ-10 активных ботнетов:

1. Ботнет «Реклама смартфонов», количество ботов – 12, уникальных текстов – 463, продублированных публикаций за месяц – 5 613.

2. Ботнет «Политические новости на русском и украинском языках», количество ботов – 35, уникальных текстов – 201, продублированных публикаций за месяц – 5 139.

3. Ботнет «Реклама акций и скидок различных брендов», количество ботов – 63, уникальных текстов – 95, продублированных публикаций за месяц – 3 834.

4. Ботнет «Реклама вебинаров», количество ботов – 124, уникальных текстов – 68, продублированных публикаций за месяц – 4 144.

5. Ботнет «Интернет-магазин мебели», количество ботов – 17, уникальных текстов – 59, продублированных публикаций за месяц – 1 186.

6. Ботнет «Украинский интернет-магазин одежды и косметики», количество ботов – 204, уникальных текстов – 74, продублированных публикаций за месяц – 1 212.

7. Два ботнета: ботнет «Новости культуры Белгородской обл., Вейделевского р-на», количество ботов – 38, уникальных текстов – 34, продублированных публикаций за месяц – 1 142; ботнет «Светская жизнь Ксении Собчак», количество ботов – 31, уникальных текстов – 40, продублированных публикаций за месяц – 1 280.

8. Два ботнета: ботнет «Интернет-магазин одежды», количество ботов – 37, уникальных текстов – 33, продублированных публикаций за месяц – 1 151; ботнет «Новости Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю. А.», количество ботов – 19, уникальных текстов – 37, продублированных публикаций за месяц – 669.

9. Два ботнета: ботнет «Новости партии КПРФ», количество ботов – 14, уникальных текстов – 34, продублированных публикаций за

месяц – 465; ботнет «Реклама цветов фирмы EFFECT+», количество ботов – 27, уникальных текстов – 31, продублированных публикаций за месяц – 822.

10. Два ботнета: ботнет «Новости партии Единая Россия в Ульяновске», количество ботов – 34, уникальных текстов – 33, продублированных публикаций за месяц – 1 094; ботнет «Реклама продукции интернет-магазина Santegra», количество ботов – 39, уникальных текстов – 26, продублированных публикаций за месяц – 1 004.

Таким образом, тематическая структура наиболее влиятельных ботнетов за данный период такова: 3 ботнета политической направленности, 8 ботнетов маркетинговой направленности, 3 ботнета связаны с культурными проектами.

С целью выявления структурной динамики наиболее влиятельных бот-сетей результаты, полученные в 2019 году, авторы исследования сравнили с результатами 2018 года. Тематическая направленность 10 доминирующих ботнетов по заданным ключам в 2018 году была представлена следующим образом: 6 из них относятся к политической сфере (обсуждение деятельности и политических предпочтений политиков, критика действующей власти в России и в Украине, новости партий «Единая Россия», КПРФ, деятельность Цетризбиркома РФ), 2 ботнета – к сфере маркетинговой коммуникации (реклама продукции и услуг авиакомпаний, продвижение услуг организаций, работающих в сфере коучинга), 2 ботнета – к сфере поддержки гражданских инициатив (обманутые дольщики и пайщики, решение социальных проблем жителей Кудрово) [Василькова, Легостаева, Радусhevский 2019].

Сравнительный анализ полученных данных позволил сделать следующие выводы.

1. В динамике 2018–2019 гг. фиксируется рост числа ботнетов, ботов (технологических аккаунтов), уникальных текстов и продублированных текстов, что, предположительно, связано не только с уточнением авторской методики их выявления, но и процессом рутинизации использования социальных ботов, растущей доступностью технологий их создания и запуска.

2. Анализ тематической структуры наиболее влиятельных бот-сетей за 2 указанных периода показал смещение приоритетов от политической к маркетинговой тематике (6 политических ботнетов из 10 в 2018 г. и 8 маркетинговых ботнетов из 14 в 2019 г.). Этот тренд, безусловно, связан с общим снижением политической активности в сети после президентской кампании 2018 г. Однако к концу 2019 г. начали активизироваться «спящие политические боты» (КПРФ, региональные отделения Единой России).

3. В рамках сравнения топ-ботнетов указанных периодов заметно отсутствие в 2019 г. ботнетов гражданской направленности [Василькова,

Легостаева, Радушевский 2019b]), что, предположительно, также связано с ослаблением политической активности в сети, которая позволяла гражданам активистам в 2018 г. использовать потенциал протестных настроений и электоральных ожиданий.

4. В тематических структурах основных ботнетов 2019 г. зафиксировано наличие нового тематического кластера – ботнетов, связанных с продвижением различных культурных проектов. Однако анализ этого тренда требует дополнительного изучения как причин его возникновения, так и степени его устойчивости.

5. Анализ маркетинговых ботнетов, представленных в социальной сети в оба периода, показал тенденцию к диверсификации субъектов, использующих бот-технологии для данных целей – таковыми выступают крупные компании, представители мелкого и среднего бизнеса, координаторы отдельных бизнес-проектов.

Авторы отдают себе отчет в том, что любое (в том числе представленное) исследование тематического бот-пространства социальной сети имеет ограничения, связанные с методикой выявления социальных ботов. Эти ограничения обусловлены выбором тематических ключей, определенным временным периодом и технологическими мощностями для обработки данных, что не позволяет осуществить полный анализ всех социальных ботнетов, действующих в социальной сети. В рамках статьи представлен лишь ситуационный срез бот-пространства сети «ВКонтакте», локализованный определенными временными и тематическими границами.

Однако проведенное исследование показывает эвристические возможности разработанной методики, позволяющей не только исследовать политематический ландшафт социальной сети, но и выделить зоны наиболее интенсивного применения бот-технологий для расширения информационного влияния различных акторов сети.

Выводы

В данной статье представлены результаты эмпирического исследования тематического разнообразия наиболее активных ботнетов, функционирующих в российской социальной сети «ВКонтакте» (период – октябрь 2019 г.), а также некоторые аспекты структурной динамики бот-пространства данной сети по сравнению с более ранним исследовательским периодом 2018 г.

Перспективы развития темы и совершенствования методики мы видим в следующих направлениях исследования: 1) расширение тематических ключей для формирования более масштабной исходной базы данных, в том числе ключевых слов, относящихся к сфере здравоохранения; 2) изучение динамики бот-пространства социальной сети «ВКонтакте» в зависимости от изменения социально-экономической, политической и культурной ситуации, а также изучение динамики активности социальных ботов и ботнетов в сфере здравоохранения до и после пандемии

COVID-19; 3) оптимизация методики выявления социальных ботов разного типа на различных участках тематического ландшафта исследуемой социальной сети, что позволит в дальнейшем зафиксировать количество и активность социальных ботов, используемых разными социальными акторами в различных тематических областях.

Наконец, больше внимание следует уделить постоянным инновациям в области развития гибридных форм распространения информации и методов их обнаружения, объединяющих машинное обучение и экспертные знания [García-Orosa et al. 2021], особенно в условиях пандемии COVID-19, поскольку существует беспокойство по поводу влияния, которое социальные боты могут оказывать на потребителей медицинских услуг (например, формирование негативного отношения к кампании по вакцинации).

Список источников

1. *Василькова В. В., Легостаева Н. И.* Социальные боты в компьютерной пропаганде: серфинг на информационной волне коронавируса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 329-356. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1762>.

2. *Василькова В. В., Легостаева Н. И., Радушевский В. Б.* Тематический ландшафт бот-пространства социальной сети «ВКонтакте» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. № 22 (4). С. 202-245. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.4.8>.

3. *Василькова В. В., Легостаева Н. И., Радушевский В. Б.* Социальные боты как инструмент развития гражданского участия // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019b. № 5. С. 19-42. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.02>.

4. *Abokhodair N., Yoo D., McDonald D. W.* Dissecting a Social Botnet: Growth, Content and Influence in Twitter // Proceedings of the 18th ACM Conference on Computer Supported Cooperative Work & Social Computing. 2015. P. 839-851. <https://doi.org/10.1145/2675133.2675208>.

5. *Arnaudo D.* Computational Propaganda in Brazil: Social Bots During Elections. Project on Computational Propaganda, Oxford, UK, 2017. 39 p.

6. *Bolsover G., Howard P.* Chinese computational propaganda: Automation, algorithms and the manipulation of information about Chinese politics on Twitter and Weibo // Information, Communication & Society. 2019. Vol. 22 (14). P. 2063-2080. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2018.1476576>.

7. *Chen E., Lerman K., Ferrara E.* Tracking Social Media Discourse About the COVID-19 Pandemic: Development of a Public Coronavirus Twitter Data Set // JMIR Public Health and Surveillance. 2020. Vol. 6, No. 2. e19273. <https://doi.org/10.2196/19273>.

8. *Ferrara E.* What Types of COVID-19 Conspiracies are Populated by Twitter Bots? // First Monday. 2020. Vol. 25, No. 6. <https://doi.org/10.5210/fm.v25i6.10633>.

9. *Ford H., Puschmann C., Dubois D.* Automation, Algorithms, and Politics. Keeping Ottawa Honest – One Tweet at a Time? Politicians, Journalists, Wikipedians and Their Twitter Bots // International Journal of Communication. 2016. Vol. 10. P. 4891-4914.

10. *Forelle M. C., Howard P. N., Monroy-Hernandez A., Savage S.* Political bots and the manipulation of public opinion in Venezuela. 2015. Available at SSRN 2635800. P. 1-8. DOI: 10.2139/ssrn.2635800.

11. *Gallotti R., Valle F., Castaldo N., Sacco P., Domenico M.* Assessing the Risks of “Infodemics” in Response to COVID-19 Epidemics // *Nature Human Behaviour*. 2020. Vol. 4. P. 1285-1293. <https://doi.org/10.1038/s41562-020-00994-6>.

12. *García-Orosa B., Gamallo P., Martín-Rodilla P., Martínez-Castaño R.* Hybrid intelligence strategies for identifying, classifying and analyzing political bots // *Social sciences*. 2021. Vol. 10 (10). P. 1-18. <https://doi.org/10.3390/socsci10100357>.

13. *Hofeditz L., Ehnis C., Bunker D., Brachten F., Stieglitz S.* Meaningful use of social bots? Possible applications in crisis communication during disasters // *Proceedings of the 27th European Conference on Information Systems*. 2019. 16 p. ISBN 978-1-7336325-0-8.

14. *Schäfer F., Evert S., Heinrich P.* Japan’s 2014 General Election: Political Bots, Right-Wing Internet Activism, and Prime Minister Shinzō Abe’s Hidden Nationalist Agenda // *Big data*. 2017. Vol. 5 (4). P. 294-309. <https://doi.org/10.1089/big.2017.0049>.

15. *Shorey S., Howard P. N.* Automation, Algorithms, and Politics. Automation, Big Data and Politics: A Research Review // *International Journal of Communication*. 2016. Vol. 10. P. 5032-5055.

16. *Woolley S. C., Howard P. N.* (eds.). Computational propaganda: political parties, politicians, and political manipulation on social media, Oxford University Press, 2018. 263 p. DOI: 10.1093/oso/9780190931407.001.0001.

17. *Zhou X., Mulay A., Ferrara E., Zafarani R.* ReCOVery: A Multimodal Repository for COVID-19 News Credibility Research // *Proceedings of the 29th ACM International Conference on Information and Knowledge Management*. 2020. P. 3205-3212. <https://doi.org/10.1145/3340531.3412880>.

Вострикова Елизавета Алексеевна,
учащийся 2 курса магистратуры,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
elizabethxvays@mail.ru

Руденкин Дмитрий Васильевич,
кандидат социологических наук, доцент кафедры
интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
d.v.rudenkin@urfu.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИЗУАЛЬНОЙ АТРИБУТИКИ ПРИ ПРОДВИЖЕНИИ ЧЕРЕЗ ВЕБ-САЙТ БРЕНДА

Аннотация. Быстро меняющиеся условия рынка e-commerce и высокая конкуренция в России определили новый курс продвижения брендов с использованием новых технологий. Веб-сайт бренда становится сильным каналом продвижения, включая в себя все виды интернет-коммуникаций. Визуальная атрибутика на веб-сайте бренда позволяет успешно поддерживать конкурентоспособность, создавать в сознании потребителей устойчивый положительный образ бренда и повышать его узнаваемость.

Ключевые слова: бренд; веб-сайты; интернет-технологии; интернет-коммуникации; инструменты продвижения; визуальная атрибутика; логотипы; цвета; ассоциации; визуальный контент

Vostrikova Elizaveta Alekseevna,
2nd year Master's Degree Student,
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
elizanethxvays@mail.ru

Rudenkin Dmitry Vasilievich,
Candidate of Sociology, Associate Professor of Department
of Integrated Marketing Communications and Branding,
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
d.v.rudenkin@urfu.ru

USING VISUAL ATTRIBUTES WHEN PROMOTING THROUGH A BRAND'S WEBSITE

Abstract. Rapidly changing e-commerce market conditions and high competition in Russia have determined a new course of brand promotion using new technologies. The brand's website is becoming a strong channel of promotion, including all types of Internet communications. Visual attributes on the brand's website make it possible to

successfully maintain competitiveness, create a stable positive image of the brand in the minds of consumers and increase its awareness.

Keywords: brand; Web sites; Internet technologies; Internet communications; promotion tools; visual paraphernalia; logos; colors; associations; visual content

Актуальность выбранной темы научной статьи во многом опирается на условия быстро меняющегося российского рынка e-commerce при высокой конкуренции брендов. За последние несколько лет эпидемиологическая ситуация в России вынудила бренды использовать новые технологии для своего продвижения. Сеть Интернет, являющаяся коммуникационной средой, в значительной степени превосходит традиционные каналы коммуникаций по возможностям продвижения бренда и взаимодействия со своей целевой аудиторией. Так, среди информационных технологий особенно выделяется веб-сайт. Веб-сайт бренда служит каналом продвижения и включает в себя все виды интернет-коммуникаций. Кроме того, веб-сайт представляет собой эффективный инструмент для увеличения продаж, позволяет проводить маркетинговые исследования, а также организует обратную связь с покупателями бренда.

В данной научной статье мы исследовали инструменты продвижения бренда через его веб-сайт с использованием визуальной атрибутики. Среди визуальной атрибутики бренда, используемой при продвижении через веб-сайт, в работе исследуются цвет, логотип и визуальный контент, а также их влияние на потребителя.

Наша работа опирается на анализ научных статей, которые были опубликованы по выбранной нами тематике, а именно продвижение бренда через веб-сайт с использованием визуальной атрибутики бренда. Отбор публикаций проводился на основе актуальности и соответствия тематике научной работы. В работе с научными источниками мы обращались к такой библиографической базе, как Cyberleninka. Наш выбор обусловлен тем, что указанная база является одной из самых крупных и публикует новейшие научные работы в сфере маркетинга.

Результатом написания научной статьи стало обоснование выдвинутых нами гипотез, а именно визуальная атрибутика бренда при продвижении через веб-сайт должна создавать единый образ бренда в сознании потребителей и устойчивые положительные ассоциации. Цвет как составляющая визуальной атрибутики бренда должен соответствовать основной направленности деятельности бренда для создания устойчивых ассоциаций соответствия цвета и тематики сайта, а также назначения функциональных элементов страниц. Используемый брендом логотип должен быть понятным, доступным и легко запоминающимся, а также соответствовать направленности деятельности бренда. Добавление визуального контента сильно усиливает воздействие сообщения и укрепляет идентичность бренда.

Для подтверждения выдвинутых нами гипотез обратимся к научным работам отечественных авторов в части исследования инструментов продвижения бренда через веб-сайт.

Веб-сайт бренда выступает рекламной площадкой и содержит информацию о нем. Веб-сайт как место для публикации дополнительной информации, например новости или интересной статьи, не связанной с товарами или услугами бренда, позволяет привлекать дополнительное внимание к бренду и выступать каналом для продвижения в СМИ [Чугунова, Королева 2017]. Такая информация привлекает «значительную часть нецелевой аудитории, создает определенный уровень известности компании, устойчивый имидж» [Алентьева 2014]. Иными словами, позволяет бренду выйти на новые сегменты рынка. Публикация дополнительной информации способна повысить лояльность к бренду и доверие покупателей. В сознании потребителей происходит сращивание приятно-го времяпровождения и полезности от него. При этом потребители узнают о бренде больше, например о существующих предложениях бренда, новом товаре или услуге.

Кроме того, среди инструментов веб-сайта бренда можно выделить возможность поисковой оптимизации, подключения контекстной и медийной рекламы [Синева, Антонова 2021]. Поисковая оптимизация повышает результативность, доверие покупателей, а также позволяет получить быструю отдачу от аудитории бренда. Контекстная реклама позволяет представить новый товар или услугу бренда, повысить трафик на собственный веб-сайт и увеличить продажи. Рассматривая медийную рекламу, стоит акцентировать внимание на эмоциональном восприятии потребителей и формировании у них определенных ассоциаций с брендом. Кроме того, указанные инструменты продвижения бренда через веб-сайт позволяют собирать необходимые аналитические данные бренду для исследования своей аудитории и дальнейшего развития.

Таким образом, инструменты веб-сайта как канала продвижения бренда представляют собой поисковую оптимизацию, настройку контекстной и медийной рекламы, публикацию дополнительной информации с целью привлечения нецелевой аудитории, а также публикацию информации для продвижения в СМИ.

Цвет, выбранный брендом для заполнения собственного веб-сайта, играет важную роль. Цвет оказывает влияние на эмоционально-психологическую сферу и самочувствие человека. Так, А. А. Герасимчик, А. А. Грошкова, А. И. Махова, М. А. Гвенетадзе и С. П. Соломатин выделяют основные цвета, используемые брендом на веб-сайте: красный, зеленый, голубой, синий, коричневый, желтый, оранжевый, белый, черный и др. [Герасимчик, Грошкова, Махова, Гвенетадзе, Соломатин 2018]. Выбор цвета напрямую зависит от направленности деятельности бренда, и это важно учитывать. Так, например, красный цвет, являющийся одним из са-

мых ярких, лучше всего акцентирует внимание потребителя на важной информации, но при этом он не создаст спокойной и дружелюбной атмосферы на сайте. Синий цвет, наоборот, воздействует на потребителя мягко и вызывает у него ощущение расслабленности, доверия, спокойствия. Зеленый цвет сильнее всего связан с природой в сознании потребителей. Он вызывает ассоциации с ростом, стабильностью, здоровьем. Желтый цвет придает энергии, он ассоциируется у потребителей с радостью, теплом, светом. Классическое сочетание белого и черного цветов чаще встречается как разделители или для разбавления основной цветовой палитры бренда.

Немаловажным является выбор цвета и для тематики сайта. Правильно подобранные цвета способны вызвать положительные устойчивые ассоциации у потребителей. Так, например для бренда, производящего эко-продукты, стоит отдать предпочтение зеленому цвету, вызывающему ассоциации со здоровьем и натуральностью. Для бренда, производящего детские игрушки, лучше всего отдать предпочтение желтому. Этот цвет ассоциируется с солнцем, теплом, радостью. Ю. Н. Косников и В. В. Мелешкин подтверждают это в своей работе и указывают, что цвета должны быть отобраны в зависимости от корпоративных цветов бренда и тематики сайта [Косникова, Мелешкин]. Авторы также отмечают, что стоит выбирать несколько цветов для палитры бренда в части интерфейса (3–4) и 2–3 для фона веб-сайта.

Логотип как визуальный атрибут при продвижении бренда через веб-сайт должен быть понятным, простым и читаемым. Простые и разноцветные логотипы привлекают внимание потребителей и закладываются у них в сознании, остаются в памяти. Логотип с использованием цвета, знака и шрифта представляет потребителю бренд. Он не только создает единый стиль и имидж бренда, но и повышает лояльность потребителей. «Эмоциональное восприятие логотипов влияет на желание воспользоваться услугами бренда» [Жученко, Конова 2021]. Правильно подобранный логотип вызывает доверие и желание приобрести и попробовать товары или услуги, предоставляемые брендом. Результаты такой реакции потребителей в большей мере достигают логотипы-эмблемы. Эмблемы с кратким и понятным текстом или простым рисунком проще запоминаются потребителями. Этого мнения в своей работе придерживается и А. Н. Дубкина. Автор отмечает, что ассоциации с логотипом бренда должны создаваться в первую очередь на основе идентификации с ним [Дубкина 2021].

Кроме того, немаловажным является синтез подобранных цветов бренда и его логотипа. Это создает единое пространство на веб-сайте и глубже погружает потребителя в атмосферу бренда. Д. В. Подобина также отмечает, что такое синтезирование не только создает единое графическое пространство, но и определяет конкурентное преимущество бренда [Подобина 2017].

Рассмотрим еще один визуальный атрибут при продвижении бренда через веб-сайт – визуальный контент. Такой контент включает в себя иллюстрации, фотографии, инфографику, а также группу мультимедийного контента (клипы, слайд-шоу, флэш-анимации и т. д.). Такой контент влияет на потребителя когнитивно и эмоционально [Левченко 2020]. При продвижении бренда через визуальный контент лучше выражаются индивидуальность бренда, его основная идея. Визуальный контент, публикуемый на веб-сайте бренда, вызывает у потребителей более быструю и сильную реакцию. Такой феномен опирается на то, что «с научной точки зрения визуальные стимулы и эмоциональные реакции (удивление, радость, шок и т. д.) связаны в человеческом мозге, что приводит к созданию воспоминаний» [Шумакова 2020]. В свою очередь, эти воспоминания преобразуются в повышение узнаваемости бренда.

Кроме того, правильный и качественный визуальный контент способен оказывать влияние на SEO продвижения бренда. Визуальный контент эффективней текстового благодаря его когнитивному и эмоциональному влиянию на потребителя. Графика ускоряет и повышает уровень внимания, помогает расшифровать текст и увеличивает вероятность запоминания бренда. Также стоит отметить, что визуальный контент может в полной мере придать лицо бренду и облегчить знакомство потребителей с ним [Левченко 2020]. Потребители чувствуют себя частью бренда, что положительно сказывается на их выборе именно этого бренда.

Таким образом, все выдвинутые нами гипотезы получили подтверждение в опоре на научную базу отечественных авторов, рассматривающих данную тематику. Для такого канала продвижения, как веб-сайт бренда, есть необходимость придерживаться единого цветового решения и указывать логотип бренда. Выбор цвета брендом играет большую роль в его дальнейшем продвижении. Необходимо подбирать цветовую палитру с учетом направленности деятельности бренда и обращать внимание на эмоциональное воздействие того или иного цвета на потребителей. Логотип должен быть простым и легко запоминаться. Синтез цвета и логотипа должен создавать единый стиль, транслировать основную идею бренда и вызывать ассоциации. Визуальный контент эффективнее текстового. Поэтому стоит публиковать его на веб-сайте для наилучшей реакции потребителей и привлечения их более глубокого внимания. Все перечисленные визуальные атрибуты в данной научной статье способствуют лучшему продвижению бренда через его веб-сайт в новых экономических условиях.

Список источников

1. Алентьева Е. Ю. Веб-сайт компании как коммуникативный маркетинговый инструмент // Cyberlelinka [веб-сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/web-sayt-kompanii-kak-kommunikativnyu-marketingovyy-instrument-1> (дата обращения: 02.11.2021).

2. Герасимчик А. А., Грошкова А. А., Махова А. И., Гвенетадзе М. А., Соломалин С. П. Роль цвета в web-дизайне // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2018. Т. 3. С. 659-660.

3. Жученко О. А., Кононова Е. А. Эмоциональное восприятие логотипов компаний // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Вып. 94. С. 83-84.

4. Дубкина А. Н. Логотип как основной элемент визуальной коммуникации компании: социологическое исследование ребрендинга «Сбербанк» // Вопросы студенческой науки. 2021. № 7 (59). С. 49-50.

5. Косников Ю. Н., Мелешкин В. В. Автоматизация создания цветовой модели сайта // Cyberleninka [веб-сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtomatizatsiya-sozdaniya-tsvetovoy-modeli-sayta/viewer> (дата обращения: 24.02.2022).

6. Левченко М. Г. Продвижение бренда с помощью фото и видео контента // StudNet. 2020. № 7. С. 114-116.

7. Подобина Д. В. Особенности восприятия визуального контента в молодежном медиапроекте // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. С. 193-194.

8. Синева М. В., Антонова Н. Л. Построение стратегии при продвижении бренда в современном киберпространстве с применением инструментов интернет-маркетинга // StudNet. 2021. № 6. С. 1227.

9. Чугунова Н. Ю., Королева И. В. Официальный сайт как инструмент продвижения компании // Cyberleninka [веб-сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ofitsialnyy-sayt-kak-instrument-prodvizheniya-kompanii> (дата обращения: 02.11.2021).

10. Шумакова Е. А. Эстетика визуального контента в маркетинговых коммуникациях // Медиасреда. 2020. С. 118-120.

Котляров Игорь Васильевич,
доктор социологических наук, профессор,
заместитель главного редактора журнала «Иппокрена»,
Институт парламентаризма и предпринимательства

КУЛЬТУРНЫЙ КОД: С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ БУДУЩЕЕ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС)

Аннотация. В статье обосновывается необходимость разработки культурного кода общества как хранителя, носителя и транслятора традиционных ценностей современных обществ, катализатора формирования ценностных ориентаций, предпочтений и установок социальных субъектов, нормирования и регулирования их социально-культурной деятельности и активности в рамках теории цивилизационного кодирования.

Ключевые слова: культура; цивилизационное кодирование; культурные коды; система ценностей; трансляция; транзит; будущее; социально-философский дискурс

Kotlyarov Igor Vasilievich,
Doctor of Sociology, Professor, Deputy Editor-in-Chief
of the Journal “Иппокрена”, Institute of Parliamentarism and Entrepreneurship

CULTURAL CODE: WHAT FUTURE STARTS WITH (SOCIAL AND PHILOSOPHIC DISCOURSE)

Abstract. The article substantiates a need to develop a cultural code for society as a keeper, bearer and transmitter of the traditional values of modern societies, as well as a stimulator to shape value orientations, preferences and dominants for social subjects, to set standards and regulate their social and cultural activities in the framework of the civilization coding theory.

Keywords: culture; civilizational coding; cultural codes; system of values; broadcast; transit; future; socio-philosophical discourse

В настоящее время цивилизация находится в точке бифуркации, когда все, что окружает людей, сопряжено с неясностью, энтропией и турбулентностью. Разрушаются традиции, нормы и стереотипы, уничтожается историческая память, сферы жизнедеятельности деформируются, нивелируются прежние ценности, новые существуют во множестве непонятных моделей и матриц, парадигм и вариантов. Человечество застыло в неустойчивом, переходном, нестабильном, пластичном, амбивалентном состоянии, которое характеризуется культурной и духовной неопределенностью, нарушением единства цивилизационных потоков и конфликтом различных уровней культурных ценностей. В современных условиях происходит интенсификация новизны, скорость изменений сама по себе становится разрушающим фактором. Человек постепенно становится одним из самых опасных и непредсказуемых существ на Земле.

Человечество находится на пороге огромных перемен и ожидает формирования новых систем влияния на социальную реальность. Каркас старого мира разрушается, возникает новая ткань пространства. Цивилизация работает на пределе и требует поиска эффективных путей и форм, истоков и механизмов борьбы с проблемами. Императивом выживания и развития государств может стать новая культурная парадигма осмысления и управления развитием человечества. Необходим принципиально новый мировоззренческий уровень понимания происходящих событий, способный адекватно и корректно сформулировать пути адекватного разрешения существующих проблем, обеспечить переход на новую интеллектуальную планку исследований. При этом, по мнению известного белорусского ученого, доктора экономических наук, профессора Кирилла Рудого, важно учитывать все, что влияет на жизнь – экономические законы, личный опыт, привычки, фобии, интуиция, настроение, понимание настоящего и видение завтрашнего – это в определенном смысле культура. Она «кодируется» в виде информации, эмоций, событий, а потом воспроизводится в новом уровне культуры [Рудый 2017].

В сложнейших современных условиях нужна принципиально новая цивилизационная парадигма развития человечества, основанная на новом понимании культуры в использовании современных научных достижений. Такой моделью может стать цивилизационное кодирование как единая мировоззренческая модель, позволяющая выйти за рамки научной рефлексии, катализировать действия цивилизационно ориентированных субъектов, направленные на воплощение стратегических замыслов, предложить модернизацию системы развития цивилизации на технологическом, системном и структурном уровнях, стать настоящей потребностью общества и сформировать новую социальную реальность. Факторы и обстоятельства, влияющие на дальнейшее управление развитием мироустройства, поиск эффективных движущих сил исторического процесса как императивов новой эпохи находятся в центре внимания этой концепции. Она может стать одним из важнейших разделов современной науки, анализирующей, прогнозирующей и конструирующей будущее состояние как человечества, так и отдельных государств, общностей, социумов [Котляров 2016].

Стержневым понятием цивилизационного кодирования является цивилизационный код как информативная система знаков, символов, артефактов, имеющая конкретное значение в определенном контексте и хронотопе. Без него трудно, практически невозможно проследить развитие человеческих отношений. Только подобный код способен ответить на вопрос: могут ли белорусы когда-нибудь стать американцами, русские – французами, а китайцы – японцами. Цивилизационный код – это сложившийся и закрепившийся в сознании и поведении людей строго фиксированный набор генетических, социальных и культурных ценностей и смыслов, символов и духовного опыта, устойчивый комплекс формальных и нефор-

мальных принципов и правил хранения исторической памяти, поведенческих форматов и знаний, благодаря которым культура и социальный опыт, умения и навыки передаются от поколения к поколению, регулируют взаимодействие людей в повседневной деятельности, формируют комплекс ролей и статусов, способных стать основой для развития цивилизационных отношений. В узком смысле цивилизационный код понимается как закономерно связанные друг с другом элементы (взгляды, знания, ценности, традиции и т. д.), детерминирующие активность социальных субъектов, направленную на сохранение обычаев и традиций, культурной и исторической памяти, поиск новых путей и возможностей целенаправленного влияния на развитие цивилизаций [Котляров 2020].

Сущность цивилизационного кода выражается в его многоаспектной структуре. Он состоит из генетического, социального и культурного кодов. Генетический код обладает системой накопленной за многие десятилетия наследственной информации. Социальный код представляет определенный комплекс знаний, которые не могут транслироваться индивидами через физическое рождение, и искусственных способов деятельности. Особое значение имеет культурный код как специфическая модель понимания и выражения сложнейших общественных отношений, регулирующая жизнедеятельность личности, ее ценности, воспитание и образование, духовность и порядочность, честность и справедливость.

Индивид рождается, развивается и становится человеком только в пространстве, регулируемом культурным кодом. Культура – это жизнь народа, его душа, его разум и сердце, его прошлое, настоящее и будущее. Она должна быть присуща и доступна каждому человеку. В основе любой национальной культуры находится принцип народности.

Имеется достаточно много определений культуры. Известный советский и российский ученый, социолог и исследователь культуры Лев Коган рассматривал культуру «как меру реализации сущностных сил человека в его жизнедеятельности» [Коган 1984: 184]. Тем самым центр внимания переносился на способности и потребности человека и их реализацию в творческом процессе. Ученый считал, что «культура народа – не музей, не антикварное хранилище. Это – живой процесс человеческой деятельности, включающей производство, сохранение, распределение и потребление духовных ценностей, причем каждый из перечисленных элементов характеризуется степенью участия самых широких народных масс» [Коган 1969: 3-4].

Российский ученый Антонина Стрельчук утверждает, что «культура представляет собой созданную конкретно-историческими условиями систему регулятивных правил человеческой деятельности, которая передается посредством ценностей и норм от прошлого к будущему» [Стрельчук 2021: 16]. Она подчеркивает, что «как система создаваемых человеком в ходе истории художественных парадигм, богатств предметно-

вещественной среды, отношений, ценностей, кодов, знаковых систем, норм поведения, культура сохраняет целостность тысячами развивающихся и функционирующих социумов» [Стрельчук 2021: 22].

В широком смысле культура – это исторически обусловленный динамический комплекс постоянно обновляющихся во всех сферах общественной жизни форм, принципов, способов и результатов активной творческой деятельности людей. Культура – это все, что создано человеческим трудом: наука и образование, литература и информация, медицина и спорт, концертная деятельность и музейное дело, менталитет и мировоззрение, журналистика и коммуникация, архитектура и музыка, произведения искусства и духовные ценности, научные открытия и памятники литературы и письменности, политические теории и технические средства и т. д. [Котляров 2017].

С конца прошлого столетия культура в рамках теории информации понимается как «коллективный интеллект», который выполняет особую коммуникативную функцию и сохраняет, закрепляет и воспроизводит социально-культурный опыт в предметно-вещественных результатах деятельности, поведении и духовных качествах людей и транслирует его будущим поколениям. Данная информация «реализуется посредством множественных текстов культуры, созданных при помощи разнообразных знаков и знаковых систем» [Лотман 2014: 51].

Особое значение в передаче информации в условиях цивилизационного кодирования играют коды как модели формирования конкретных сообщений. Код является своеобразной коллективной парадигмой мышления и поведения и как важный компонент цивилизационной парадигмы представляет собой совокупность знаков и их комбинаций внутри историко-культурного и темпорального пространства, получившего вербальное и (или) невербальное выражение в текстах культуры и влияющего на формирование и развитие индивидов и социумов на всех уровнях цивилизационного развития. Он как система основных понятий и смыслов, установок и ценностей входит в структуру менталитета личностей, что детерминирует принятие конкретных управленческих решений. Анализ и использование эмпирических параметров культурного кода помогает действовать быстро, точно и эффективно при принятии управленческих решений [Котляров 2020].

Известный французский философ и культуролог Мишель Фуко считает, что самое важное в культуре – это основополагающие коды. Он писал, что «основополагающие коды культуры, управляющие ее языком, ее схемами восприятия, ее обменами, ее формами выражения и воспроизведения, ее ценностями, иерархией ее практик, определяют для каждого человека эмпирические порядки, с которыми он будет иметь дело и в которых будет ориентироваться» [Фуко 1977: 37]. Сущностью культурного

кода является способность находить, концентрировать и транслировать содержание смыслов и ценностей культуры.

Коренные преобразования в обществе не могут произойти без существенных изменений его культурных кодов, представленных в самых разных проявлениях, включая формы и способы человеческого самовыражения и самопознания, накопления человеком и социумом навыков и умений, формирования фундаментальных ценностей и смыслов мировоззренческих универсалий культуры, передачи их будущим поколениям. «На невероятно большом и древнем поле, – подчеркивал российский журналист Вадим Панов, – которое видело грандиозные победы и величайшие научные открытия; на поле, переполненном фактами и легендами, на котором стоят герои далеких дней и люди, творившие историю буквально вчера, на котором звучат песни и шелестят страницы великих книг; поле, на котором эхом звучат голоса предков, поле, благодаря которому мы используем одинаковые афоризмы и поговорки. Именно это огромное, тысячелетнее поле создает культурный код общества – формирует уникальные особенности, отличающие нас от представителей других цивилизаций, и наделяет уникальной самоидентификацией на всю жизнь. Поле, на которое мы попадаем с самого рождения» [Панов 2020].

Под культурным кодом многие исследователи понимают закодированные в определенной ценностной форме уникальные знания и культурные особенности, доставшиеся народам от их предков, получившие вербальное и (или) невербальное выражение в цивилизационных кластерах, обладающие интерпретативной устойчивостью и способностью создавать и предоставлять принципиально новое знание через личностные и социальные практики [Котляров 2016, 2020].

Культурный код – это своеобразный способ передачи знаний о мире, характерный для той или иной цивилизации. Он выделяет комплекс смыслов, которые связаны с каким-либо комплексом стереотипов в сознании. Культурный код – это культурное бессознательное, которое скрыто от понимания многих людей, но проявляется в конкретных действиях. На его основе формируются социум из отдельных носителей уникальных баз знаний и поведения, морально-нравственные личностные характеристики и общепризнанные сакральные смыслы, религиозные понятия и индивидуальные навыки и умения. Частью культурного кода являются как хорошо известные ценности, так и система априори созданных в глубине души знаний и порядков экзистенциального порядка. На основе механизмов транзита знаний из прошлого и моделей обучения и воспитания в культурный код формируются конструкт специфических особенностей восприятия и понимания мира, такие важные жизненные смыслы, как любовь к Родине и вера в будущее, историческая память и язык, мудрость и алгоритм действий в экстремальных ситуациях. Вершина любого культурного кода – уникальный личностный опыт, те пара-

дигмы действий, которые нарабатывались в течение жизни многих поколений [Котляров 2016, 2020].

Культурный код представляет своеобразный способ трансфера смыслов и ценностей культуры, социального опыта и знаний, компетенций и умений настоящим и будущим поколениям. В каждой конкретной цивилизационной эпохе он выполняет роль транзитарного механизма между интеллектуальным капиталом и конструктивным мышлением, цивилизационной идентичностью и формированием будущего. Культурный код является одним из важнейших компонентов цивилизационного развития и способствует поиску «слабых звеньев» в социальных и политических, финансовых и знаниевых институтах, сохранению культурно-нравственного наследия как духовного, экономического и социального капитала современности и обязательной передаче их в завтра. Именно благодаря культурному коду формируется будущая цивилизация как модель положительных социокультурных изменений.

Культурный код как символический язык культуры является системой знаков и их комбинаций внутри темпорального пространства, получившей вербальное и (или) невербальное выражение в текстах культуры, обладающей интерпретативной устойчивостью в социальном континууме и сохраняющей коммуникативный потенциал на уровне личностного восприятия и социально-культурных практик, интерпретативных моделей и институциональных структур, пространственно-временных формаций и цивилизационных паттернов [Стрельчук 2021: 45].

Сущностью культурного кода является способность концентрировать содержание смыслов и ценностей, норм и значений культуры, сохранять их длительное время в определенном объеме, выявлять способы удовлетворения человеческих потребностей и передавать их другим пользователям. Целью культурного кодирования является систематизация культурных объектов путем их идентификации, ранжирования и присвоения условного обозначения, по которому можно найти, распознать любой объект среди множества других [Котляров 2016, 2020].

Однако возникает проблема, от решения которой зависит будущее культуры. Человечество движется вперед огромными темпами. Внедрение новых цифровых технологий и больших данных, робототехники и генетики, нейронных сетей и искусственного интеллекта, нано- и биотехнологий усиливает ценность интеллектуальных ресурсов в жизни людей, способствует превращению их в важнейших субъектов современной цивилизации.

Люди живут среди машин и цифровых технологий. Телефоны и компьютеры, телевизоры и автомобили, бытовые приборы и медицинские аппараты, высокотехнологичные устройства упрощают решение сложнейших задач, спасают человеческие жизни, делают наше существование комфортным и в прямом, и в переносном смысле, повышают жиз-

ненный уровень, создают бытовые удобства, лечат многочисленные болезни [Николаев 2016]. Так, например, нейросети позволяют на основе больших данных решать такие задачи, как распознавание лиц и речи, литературный перевод текстов, анализ медицинских данных. Сеть превратилась в информационную модель, которая позволяет успешно противостоять природным и искусственным катаклизмам, уверенно двигаться по восходящей линии развития.

Без Интернета как хранилища огромного количества необходимых данных человек и общество уже не в состоянии осуществлять жизнедеятельность. Он детерминирует доступность и легкость получения, обработки и передачи информации, освобождает пользователей от рутинных операций, экономит время для реализации творческих возможностей. Благодаря Интернету талантливые и умные люди получили возможность общаться, объединяясь, что способствует великим открытиям новейшего времени.

Сегодня популярен искусственный интеллект как набор математических и инженерных методов оптимизации и машинного обучения, который позволяет имитировать когнитивные функции человека, помогающие делать жизнь каждого человека лучше, удобнее, решать многие проблемы, которые кажутся нерешаемыми. Американский медиамагнат Марк Цукерберг считает, что искусственный интеллект поможет успешнее лечить болезни, меньше попадать в аварии и быстрее наводить порядок в доме.

Однако научно-технический прогресс порождает новые риски и угрозы. В информационно-коммуникативном пространстве современные технологии, как это ни парадоксально, уничтожают культуру, детерминируют появление экзистенциальных рисков, связанных с жизнью человека, а средства коммуникации лишают его личной жизни и отдыха, препятствуют эффективной деятельности.

Важно более подробно рассмотреть эти процессы. Коммуникативная революция, трансформации информационного пространства, существенное сокращение времени между получением новых знаний и выбросом технологий на рынок создают новую жизненную парадигму. Изменяется воздействие на социальную реальность, появляются новые способы, методы и технологии влияния на жизнь, вносятся коррективы в общественные отношения, оказывается влияние на границы культурных оснований и духовно-нравственных устоев человеческого бытия. Как результат, под угрозой разрушения оказались культурные коды, многие столетия выполнявшие роль механизмов духовно-нравственной преемственности и этнокультурной идентичности.

Современная виртуальная коммуникация, потоки фрагментарной информации разрушают пространственные, временные, языковые и иные культурные основы, уничтожают механизмы воспроизводства социального порядка, сужают возможности духовно-нравственного воспитания и

управления социальным поведением людей, создают эклектичную или «мозаичную» культуру, что усиливает эклектичность культурно-коммуникативных моделей современного человека. Это может привести к морально-нравственному распаду общества, утрате его самобытности, уничтожению духовных традиций, увеличению людей, культивирующих коррупцию и разврат, безответственность и беззаконие, экстремизм и агрессию, фанатизм и невежество [Стрельчук 2021; Худoley 2017].

Возникает вопрос: способна ли современная культура оставаться живой, целостной, народной в условиях жесткой вестернизации и маргинализации? Насколько западные ценности влияют на национально-культурный менталитет? Существует ли возможность чуждых элементов вмешаться в культурное бессознательное нации, внести коррективы, а то и перекодировать культурный код? Востребованы ли современными социальными субъектами тексты, транслирующие базовые социальные и духовные ценности общества? Попробуем ответить на эти вопросы.

Особую роль в усиливающемся напряжении играет Интернет. Погружение в социальные сети резко меняет образ жизни каждого человека. Социальные технологии так глубоко проникли в повседневную жизнь, что люди часто отказываются от реального общения, уткнувшись в смартфоны, которые заменяют им реальный мир. Многочисленные исследования в различных странах убедительно демонстрируют, что «интернет-дети» развиваются однобоко и с трудом вписываются в реальную жизнь.

Информационно-коммуникативные технологии являются одним из основных средств доставки информации до индивидуального сознания. Информации самой разнообразной, начиная от того, как создать взрывное устройство, до того, как заняться сексом с извращениями.

Информация из Интернета резко снижает необходимость применения творческого мышления, не заставляет студентов размышлять над искомыми проблемами. Если лет 30–40 назад ученики неделями писали школьные сочинения, размышляя над жизнью Анны Карелиной или Евгения Онегина, Павла Корчагина или Семена Давыдова, делали определенные выводы, которые позже применяли в реальной жизни. Сегодня, чтобы написать реферат по любой заданной учителем теме, достаточно на среднем уровне знать компьютер и найти нужную информацию. Сети детерминировали резкий интеллектуальный кризис: компьютер не способен написать хорошую книгу или поставить талантливый фильм. И как результат, за последние лет двадцать в Беларуси не написано ни одного романа о Великой Отечественной войне, который будут читать, которым будут гордиться будущие поколения. Имея великолепные традиции (многие поколения воспитывались на фильмах «Константин Заслонов» или «Дзяўчынка шукае бацьку», а киностудия «Беларусьфильм» совсем недавно называлась в народе «Партизанфильм»), белорусские кинемато-

графисты так и не смогли создать национальных шедевров типа «Летят журавли» или «А зори здесь тихие».

Сложное, волнующее и пугающее явление – воздействие социальных сетей на культуру. Искусственный интеллект способен нарисовать картину или сочинить мелодию, написать стихи, но в них нет ни смысла, ни души, ни сакральной веры, того, без чего искусство не может существовать. Природный дар, настойчивость, озарение, удача – это неотъемлемая часть искусства. Но главным из этих факторов является творчество. Оно связано с ярким, мощным всплеском энергии человека и приносит ему удовлетворение, радость и ощущение свободы. Изучение творчества, а также связанные с ним воображение и вдохновение делают творческую деятельность, саму культуру более осознанной и целенаправленной.

Только человек изобретает и творит. Он создал «культуру»: музыку и книги, картины и изобретения, кино и нормы поведения. Способность воплощать новые идеи в реальность является важнейшей особенностью, отличающей человека от других живых и неживых существ. Творчество как способ социального поведения изобретено человеком для реализации идей как плодов человеческого активного воображения. Оно предполагает творца как субъекта творческой активности. Информационно-коммуникативные технологии не способны мыслить и творить. Они способны создать копии произведений искусства, может, даже улучшенные, но без души, без творчества, без перспективы.

На смену устойчивой системе культурных кодов, детерминирующих цивилизационно-культурную преемственность поколений, могут прийти непредсказуемость, фрагментарность культуры с присущей ей маргинализацией. Разрушение культурных кодов способно привести к изменению социального поля культуры, трансформации научной и языковой картины человечества. А может быть, права талантливая писательница Дина Рубина: «Лучшее, что дала мне жизнь, – это детство без Интернета»? [Рожанский 2022].

В этих условиях на ведущие места в общественном сознании выходит проблема сохранения, развития и укрепления культурных кодов как системы социальных механизмов и средств сохранения и воспроизводства опыта поколений и культурной, национальной и личностной идентичности.

Именно культурные коды играют особую роль в сохранении исторической памяти. Они являются важнейшими механизмами передачи новым поколениям знаний и памяти, навыков социальности и форм сохранения эмоционального опыта, создавая тем самым комплекс определяющих признаков национального самосознания и национальных культур.

Культурные коды требуют, чтобы на протяжении всей истории национальные ценности поддерживались на достаточно высоком морально-нравственном уровне. Важно в этом движении сохранить то лучшее, что создали предки и передали современникам. Ведь история – это фун-

дамент культурного кода. Нация – это то, что она помнит и хранит. Мы – это то, что мы помним. Ведь культурный код исторически детерминирован. Он формирует образы и символы, связывая прошлое, настоящее и будущее многих поколений, делая их народом с собственной и неповторимой парадигмой развития [Котляров 2018].

Культура является формой исторической памяти, в которой происходят фиксация и сохранение уклада жизни, социального и духовного опыта общества. Она выполняет ту роль, которую играет память в жизни индивидов, в историческом бытии общества исполняет культура. Культура как форма исторической памяти передается поколениям. Посредством нее жизнь сохраняет непрерывность, последовательность и единство, а социальный опыт людей транслируется последующим поколениям, и именно в этом смысле можно назвать культуру негенетической памятью [Стрельчук 2021].

Прошлое существует благодаря исторической памяти, на страже которой находятся социологи и философы, культурологи и журналисты, простые люди, которые защищают культуру. От того, как они помнят прошлое, зависит понимание ими настоящего и будущего. Историческую память как важнейший компонент культурного кода следует защищать и уважать, воспитывать чувство гордости за нее. Она, детерминируя будущее, не терпит фальши. Поэтому много вопросов вызывают высказывания академика НАН Беларуси Александра Ковалени, который утверждал, что «если бы Суворов не разбил Костюшко, то не было бы никакой Беларуси» [Коваленя 2022]. Очень странный культурно-исторический вывод, удивительный для Беларуси и всех белорусов.

В современных условиях культурный код является механизмом закрепления и передачи информации, направленной на сохранение и передачу исторически сформировавшихся культурно-коммуникативных форм и языковой картины мира, с одной стороны, а с другой – на разработку социокультурных механизмов адаптации человека к новым условиям цивилизационного развития общества [Стрельчук 2021: 16].

Системы культурных кодов служат своего рода матрицей общественного поведения людей, проецируют модели воспитания на будущее. Они на протяжении столетий человеческой истории обеспечивали сохранение и воспроизводство необходимых качеств и особенностей национальных культур. И в этой роли они являлись важнейшими социокультурными механизмами трансляции социального опыта на новые поколения, формирования лучшего будущего. Именно культурные коды как системы культурного наследия определяют границы свободы выбора линии поведения и ценностных ориентаций в контексте государственных, национальных, социокультурных, законодательно-правовых и духовно-нравственных практик. Благодаря деятельности культурных кодов возможны проецирование моделей дальнейшего развития народов, за-

крепление и воспроизводство определяющих признаков национальных культур и духовного мира [Стрельчук 2021: 45].

Культурные коды являются хранителем, носителем и транслятором исторической памяти и традиционных ценностей, веры в лучшее будущее и надежды на ее осуществление. Они как формы закрепления социокультурных ценностей – результат регулирования отношений между социальными субъектами, формирования требуемых для этого духовных качеств. В многообразии культурных кодов, созданных в результате исторического развития, особое место занимают такие процессы духовной преемственности, как традиции и обычаи, обряды и игры, праздники и средства передачи социокультурных смыслов, такие способы регулирования общественных отношений, как язык, символы и другие знаковые системы, нравственные нормы и правила поведения. При этом важно усиление роли культурных кодов, детерминирующих традиционные культурные основания в сфере духовно-нравственного воспитания, необходимые для конструирования социальных процессов создания поколений будущего, разработки сценария его достижений.

Заключение

Культурный код – это теоретические исследования и социально-культурная практика, историческая память и смысл жизни, идеология и мировоззрение людей, их ценности и традиции. Он является своеобразным ключом к пониманию будущего общества и государства и передает поколениям важнейшие морально-нравственные ценности и уникальные особенности национально-культурного менталитета, унаследованные от предков. Культура, закрепленная в культурных кодах, является системой отношений, которая несет в себе нагрузку сохранения целостности тысячелетиями развивающихся социумов, всего того, что традиционно рассматривается как сфера нравственной культуры и коммуникационных процессов, что сохраняется в образе жизни прошлых, настоящих и будущих поколений, в их языке и в лучших произведениях цивилизации.

Культурные коды как базисные основания сохранения, воспроизводства и передачи социального опыта, духовно-нравственных ценностей и историко-культурной преемственности, исторической памяти и сакральных традиций являются одним из важных факторов формирования будущего сценария общества. Благодаря транзиту культуры, закрепленной в культурных кодах, нравственных, эстетических, социально-политических и других ценностей культурное наследие народов формирует основу будущих состояний социумов, государств и цивилизаций.

Современные информационно-коммуникативные системы и цифровизация мирового пространства, виртуальные коммуникации и потоки фрагментарной информации пытаются разрушить пространственные, временные, социальные, языковые и иные барьеры, уничтожить прежние механизмы воспроизводства социального порядка, сузить реальные воз-

возможности духовно-нравственного воспитания и воздействия на социальное поведение людей. Они создают реальные препятствия для накопления и транзита социокультурного опыта будущим поколениям.

Целенаправленное воздействие на культуру со стороны Интернета, искусственного интеллекта, других новейших технологий подталкивает общество к созданию новых концепций защиты культуры, таких как, например, цивилизационное кодирование, ориентирующееся на сохранение исторической памяти и традиционных ценностей, регулирование процессов коммуникации в рамках сохранения наследия, созданного народом. Для этого важно создать принципиально новую научную парадигму развития культурно-коммуникативного пространства современной цивилизации.

Для успешного продвижения общества вперед важно на основе цивилизационного кодирования разработать парадигму сохранения и развития национальных ценностей, подстроить под нее образовательный и информационный процессы, сформулировать национальную идею и идеологию, донести их до широких слоев населения через образование и средства массовой коммуникации, культуру и политику, причем сделать культуру важнейшим компонентом цивилизационной парадигмы [Котляров 2018].

Культурный код через механизмы преемственности, закрепления и трансляции социокультурного опыта транслирует ценности и знания, исторический опыт и общественные ценности, таким образом, в определенной степени детерминирует формирование лучшего будущего. Одна из центральных задач культурного кода – сохранение в коммуникационном пространстве цивилизационных ценностей и передача их новым поколениям.

Список источников

1. Коган Л. Н. Духовное производство и культура // Вопросы духовной культуры советских рабочих. Вып. 1. Свердловск, Академия наук СССР, 1969.

2. Коган Л. Н. Цель и смысл жизни человека. М.: Мысль, 1984. 254 с.

3. Котляров И. Беларусь – это победа. Страна в социологическом измерении // Беларуская думка. 2018. № 5. С. 77-83.

4. Котляров И. Белорусское общество в контексте цивилизационно-культурного кода: социологическое измерение. Минск: Беларуская навука, 2017. 392 с.

5. Котляров И. Современная цивилизация: парадигма для XXI века (социологический дискурс) // Иппокрена. 2020. № 2. С. 136-154.

6. Котляров И. Цивилизационная парадигма белорусского общества: теоретико-методологические основания / Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 2016. № 4. С. 20-32.

7. Лотман Ю. Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука-Аттикус, 2014. 416 с.

8. Николаев К., Шекия А. Интеллектуальный инсульт. Как в мире роботов остаться человеком и не потерять себя. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 288 с.

9. Коваленя А. Если бы Суворов не разбил Костюшко, не было бы никакой Беларуси. URL: <https://nn.by/?c=ar&i=235502&lang=ru&sa=X&ved=2ahUKewi6mf-osfnmAhXxo4sKHdC1ADwQFjADegQIBhAB> (дата обращения: 10.02.2022).

10. *Попов В.* Антикультурный код: «мягкая сила», разрушающая Россию // Культура. 24 декабря, 2020.

11. *Рожанский Е.* Лучшее, что дала мне жизнь, – это детство без Интернета. URL: <http://novo-city.ru/news/1/45488/yluchshee-chto-dala-mne-zhizn-eto-detstvo-bez-interneta/print.html> (дата обращения: 10.02.2022).

12. *Рудый К.* Потому что так решили мы: поведенческая экономика Беларуси и ее раскодирование. Минск: Издательский дом «Звезда», 2017. 367 с.

13. *Стрельчук А. Р.* Культурные проекции коммуникативного пространства в условиях глобализации: дис. ... канд. фил. наук / Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. Нижний Новгород, 2021. 142 с.

14. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977 488 с.

15. *Хансен А.* «На цифровой игле»: как из-за смартфонов мы потеряли покой и сон. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/6201014a9a79478311bed916> (дата обращения: 10.02.2022).

16. *Худолей Н.* Национальный код культуры и его актуализация в пословицах, поговорках и классических литературных текстах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14, № 4. С. 643-653.

Кручинина П. М.,
студентка 3 курса бакалавриата,
Санкт-Петербургский государственный университет
st077269@student.spbu.ru

ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ И ПОТРЕБЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМИ В SOCIAL MEDIA

Аннотация. Повсеместное распространение social media актуализировало их изучение как ключевого источника информации. Такие особенности социальных медиа, как цифровой код, интерактивность и интеграция, напрямую влияют на характер взаимодействия пользователей социальных сетей и других информационных ресурсов. Меняется и модель потребления самой информации, превращая каждого пользователя одновременно в ее производителя и потребителя. Концепция культуры участия позволяет проиллюстрировать этот феномен. Также возможно рассматривать пространство сетевых сообществ как повседневное третье место, главной целью нахождения в котором является создание социального капитала. При этом пользователи группируются по общности мнений и интересов, формируя эхо-камеры.

Ключевые слова: социальные медиа; медиапроизводство; медиапотребление; потребление информации; культура участия; социальный капитал; эхо-камеры; пузыри фильтров; интернет-технологии; интернет-коммуникации; интернет-пользователи

Kruchinina P. M.,
3rd year Bachelor Student,
Saint Petersburg State university
st077269@student.spbu.ru

SOCIAL MEDIA USERS: INFORMATION PRODUCTION AND CONSUMPTION

Abstract. The expansion of social media has actualized their study. Social media has become the main source of information. Such features of social media as digital code, interactivity and integration directly affect the nature of interaction between users of social networks and other information resources. The model of consumption of information is also changing. Each user becomes a role of information producer and consumer at the same time. The concept of participatory culture provides an illustration of this phenomenon. It is also possible to consider the space of network communities as an everyday third place. The main purpose of being there is the creation of social capital. At the same time, users are grouped by mutual opinions and interests, forming echo chambers.

Keywords: social media; media production; media consumption; consumption of information; a culture of participation; social capital; echo chambers; filter bubbles; Internet technologies; Internet communications; internet users

В русскоязычных работах понятие social media, или социальных медиа, иногда отождествляется с социальными сетями. На самом деле эти

термины не полностью взаимозаменяемы. Социальные медиа не ограничиваются только пространством социальных сетей, а представляют собой совокупность всех цифровых каналов коммуникации, где возможно любого рода взаимодействие пользователей сети Интернет [Bechmann, Lomborg 2013]. Более близким понятием для *social media* является скорее «трансмедиа», определяемые через такие ключевые категории, как цифровой код, интерактивность и интеграция. Не углубляясь в аспекты цифровизации, стоит только отметить, что именно этот критерий позволяет интегрировать все социальные медиа в единое пространство, где уже не существует отдельно взятых информационных источников, вырванных из единого контекста. Такое сетевое пространство интерактивно, т. е. стирает односторонние связи, превращая каждого отдельного пользователя одновременно в получателя и создателя контента. Классическая модель «производитель – текст – аудитория», если не теряет своей актуальности вовсе, то как минимум становится сложнее и многостороннее. В конечном итоге наибольшую значимость приобретает уже не сам информационный продукт, а производство этого продукта. Создание контента становится бесконечным процессом, в котором трудно выделить говорящего и слушающего.

Более подробно логику создания современного цифрового контента в публичных медиа предлагает американский культуролог Г. Дженкинс. Он вводит понятие *participatory culture*, или культуры участия [Jenkins 2006]. По мнению Дженкинса, тенденции развития сетевых сообществ складываются таким образом, что больше недостаточно просто предлагать готовый информационный контент для какой-либо аудитории. Этот контент теперь конструирует себя сам, в том числе при участии аудитории. Термины «пользовательски сгенерированный контент» и «пользовательская инициатива» переводят обычных пользователей в активных и даже ведущих участников медийного производства и распространения. Американский исследователь А. Брунс вводит понятие «*produser*» – от англ. *produce* (производить) и *use* (использовать), чтобы подчеркнуть такой коллапс одновременного участия в создании контента социальных медиа и его потребления [Bruno 2008]. При этом, постоянно интерактивно переключаясь между ролями производителя и получателя, пользователи одновременно с этим создают структуру поля своего взаимодействия. Такое явление отчетливо наблюдается, например, в крупных социальных сетях – Twitter, Facebook, российский ВКонтакте. Выстраивание коммуникации между пользователями этих ресурсов, с одной стороны, – почти свободный и творческий процесс, поскольку контакт происходит напрямую друг с другом, без посредника. С другой же стороны, возможность внешнего влияния на структуру общения все-таки существует. И она заключается в технических возможностях самой цифровой платформы, закладываемых ее разработчиками. Идея «*Software is the Message*» профессора компьютерных наук Л. Мановича как раз заключается в том, что

сообщение, передаваемое нами, ограничивается возможностями программного обеспечения, т. е. устройство, например, социальной сети само по себе диктует правила пользования ей, создает модель коммуникации [Manovich 2014]. Такие ограничения не позволяют судить о полной свободе выстраивания логики взаимодействия пользователями сети. Несмотря на это, сложно отрицать, что большая часть ответственности за создание информационного поля все же возложена на них.

Идею единого цифрового поля раскрывают работы, описывающие пространство Интернета как самое массовое повседневное «третье место» (*third place*). Эта концепция была предложена американским социологом Р. Ольденбургом и изначально раскрывала значимость нахождения в третьих местах – местах за пределами рабочего пространства и дома. По мнению Ольденбурга, пространства общего пользования создают возможности для социальных контактов, позволяя человеку испытывать чувство единства с окружающими и причастность к общечеловеческим вопросам и проблемам [Oldenburg, Brissett 1982]. Применительно к современным реалиям самым востребованным третьим местом могут выступать компьютерно-опосредованные пространства, например социальные сети, форумы, чаты и другие виртуальные площадки. Коммуникативный опыт, возникающий в таком случае, практически не отличим по своей сущности от взаимодействия в нецифровой, «физической» реальности [Soukup 2006]. При этом поле для складывающегося в Интернете общения может быть рассмотрено как публичная сфера, в которой почти беспрепятственно циркулируют информация, идеи, дебаты. В такой публичной сфере становятся возможными общественный диалог и рассуждения, а значит, увеличивается уровень вовлеченности и участия [Colleoni, Rozza, Arvidsson 2014], что возвращает нас к концепции Дженкинса.

Феномен пользовательского участия позволяет рассматривать сетевые сообщества как потенциальную среду для проявления гражданской и политической активности [Holt 2004]. Например, доказано влияние использования сети Интернет на разнородность политических взглядов пользователей. Даже не имея такой цели, пользователь может становиться невольным свидетелем или даже участником политических дискуссий, что расширяет спектр его мнений [Brundidge 2010]. Существуют, однако, и противоположные исследовательские выводы. Так, находясь в поле влияния сетевых сообществ, пользователь может не потреблять разнородную и многополярную информацию, а, напротив, сталкиваться только с выборочным контентом, укрепляющим его в собственной политической ориентации [Galston 2003; Dahlgren 2005; Freelon 2010]. Такой феномен влияния сетевых сообществ называется эхо-камерами, которым позже следует дать более развернутое описание. Вне зависимости от того, какой именно эффект оказывает на пользователя контент социальных медиа и социальных сетей, в частности, возможно утверждать, что эти платформы имеют прямое влия-

ние на формирование общественных взглядов. Благодаря указанному свойству социальные сети все чаще используются в качестве канала политической коммуникации. Предметом изучения при этом становится как общение пользователей между собой, так и попытки взаимодействия органов власти, общественных движений, отдельных политиков со своей аудиторией. Social media при этом становятся инструментом для реализации различных политических целей, например пропаганды, проведения избирательных компаний, политического PR. В таком случае и интернет-пользователей, и взаимодействующие с ними стороны можно рассматривать как полноценных акторов политической коммуникации в социальном поле Интернета и производителей социального капитала.

Ссылаясь на теорию П. Бурдьё [Bourdieu 1986], Ю. Г. Рыков определяет социальное поле как «арену борьбы между акторами (участниками виртуального сообщества) в рамках определенной практики (виртуально-го общения) за власть и право присваивать результаты деятельности в пределах этого поля (границ виртуального сообщества)» [Рыков 2013]. В условиях функционирования виртуальных сообществ формой власти является способность оказывать влияние на сообщения других пользователей Интернета, редактировать их в процессе коммуникации. Непосредственно доступ к описанной власти определяется объемом «коммуникативного капитала» – феномена, актуального в указанной концепции. Источником коммуникативного капитала являются непосредственно виртуальное общение, происходящее в виртуальных сообществах, количество социальных связей, возникающих при осуществлении этой коммуникации. Исследовательница организационной коммуникации Л. Патнэм определяет социальный капитал как «связи между людьми – социальные сети (в значении социальных связей) и вытекающие из них нормы взаимности и надежности». «Benefits» или польза этих связей состоит в таких общественных ценностях, как увеличение социальной активности и развитие гражданского общества [McArthur, White 2016]. Таким образом, при рассмотрении общения как главной цели участников виртуальной коммуникации наиболее «успешным» актором в этой системе оказывается производящий наибольшее количество коммуникаций (обладающий наибольшим коммуникативным капиталом).

В описанных условиях складывается ситуация, когда внимание пользователя к какой-либо информации уже само по себе является ценностью и предметом борьбы, а доступ к разработке «software», или программному обеспечению, символизирует власть. В таком случае алгоритмы подачи информации тоже имеют важную роль в процессе потребления информационного контента. Становится актуальным так называемое таргетирование (от англ. *target* – цель), или выборочное предложение механизмами социальной сети контента, потенциально интересного пользователю. Выборка такого контента становится персонализирован-

ной, индивидуально прогнозируемой для каждого пользователя [Parmelee, Perkins, Beasley 2022; Bennett, Lance 2012]. Подобный феномен может способствовать укреплению эхо-камер.

В социологических исследованиях термин «эхо-камера» приводится для описания ситуации, в которой человек оказывается под влияния медиаисточников при поиске, распространении или создании информации и «присоединяется к группам, сформированным вокруг общего нарратива» [Garrett 2009]. В широком смысле эхо-камеры определяют «как среду, в которой мнения, политические взгляды или убеждения пользователей по поводу определенного вопроса или темы укрепляются благодаря повторяющимся взаимодействиям с пользователями или источниками, имеющими схожие мнения и взгляды» [Cinelli, Morales, Galeazzi, Quattrococchi, Starnini 2021]. В одной из первых исследовательских работ по этой теме эхо-камерам дается следующее определение: «ограниченное, закрытое медийное пространство, которое потенциально может как усиливать сообщения, доставляемые в нем, так и изолировать их от опровержения». При этом под усилением понимается преобладание такой информации, которая полностью согласовывается с групповым отношением. Изоляция же, напротив, подразумевает отсутствие любых противоречащих общей идее экспозиций [Arguedas, Fletcher, Nielsen, Robertson 2022]. Такое описание в полной мере раскрывает явление возникающего в сетевых сообществах «эха». Применительно к политике эффект эхо-камеры – это метафорический способ описания ситуации, когда разделяются только определенные идеи, информация и убеждения [Barberá, Vonneau, Jost, Nagler, Tucker 2015]. Пользователи, находящиеся внутри нее, будут сталкиваться только с тем, с чем они уже заранее согласны. Без свободного движения идей и информации люди внутри эхо-камеры поверят, что предлагаемая им информация достаточна и достоверна. Некоторые исследователи отмечают, что противоположные точки зрения внутри эхо-камеры могут намеренно дискредитироваться. В одной из самых первых работ о рассматриваемом явлении исследователи Университета Пенсильвании сравнивают эхо-камеры со своеобразным культом. Культ изолирует своих членов, активно отчуждая их от любых внешних источников. Доверие члена культа сужено, фокусировано направлено на определенные инсайдерские голоса [Jamieson, Cappella 2008]. Иными словами, эхо-камеры представляют собой совокупность информационных пространств, не противоречащих убеждениям и взглядам их членов, а, напротив, укрепляющих эти взгляды.

Ключевыми теоретическими концепциями для объяснения феномена эхо-камер являются эффект выборочного воздействия («selective exposure») и предвзятость подтверждения («confirmation bias»). Оба понятия раскрывают гипотезу о том, что люди склонны чаще подвергать себя информации и идеям, с которыми они согласны, а также имеют к такой информации

больше доверия [Dubois, Blank 2018]. Также, согласно теории групповой поляризации, эхо-камера может выступать в качестве механизма для усиления существующего мнения внутри группы [Sunstein 2002]. Общим для большинства исследований об эхо-камерах является термин «homophily» – гомофилия, т. е. тенденция к формированию социальных контактов и связей с близкими по мышлению, идеям. Этот термин, по сути, объясняет поведенческий аспект пользователей при выборе сетевых сообществ. Формируя свое цифровое «окружение», пользователь придерживается тех же принципов, что и в реальной жизни: взаимодействовать с людьми, разделяющими схожие интересы [Colleoni, Rozza, Arvidsson 2014].

Помимо эхо-камер в исследованиях сетевых коммуникаций существуют схожие по специфике понятия. В отдельную категорию выделяются так называемые «filter bubbles» или «epistemic bubbles», в русскоязычной литературе – пузыри фильтров. Природа этого явления в большей степени технологическая, чем социально-психологическая, как в случае с эхо-камерами. Принцип работы пузыря фильтров опять же может быть объяснен работой software, программного обеспечения. Яркой иллюстрацией могут служить алгоритмы функционирования крупных поисковых систем типа Google. Искусственный интеллект этой платформы анализирует поведение пользователя, т. е. его поисковые запросы, реакции на просмотренную информацию, географическое местоположение. На основе анализа большого массива данных сама поисковая сеть в дальнейшем может подстраивать, индивидуализировать предлагаемый ее пользователю контент, что иллюстрирует алгоритмы таргетирования, но основанного уже не на личном выборе пользователя, а на технических особенностях цифровой платформы. Фильтрация информации становится в таком случае рычагом влияния, поскольку у этой платформы появляется возможность косвенно влиять на формирование мнения пользователя. И если в ситуации эхо-камеры пользователь фактически не хочет знакомиться с полярными мнениями, то в пузыре фильтров он просто лишается такой возможности, раз за разом формируя свой «портрет» потребителя информационных продуктов [Pariser 2011; Guess, Lyons, Nyhan, Reifler, Jason 2018].

Подводя итог, следует отметить актуальность проблем, связанных с влиянием social media на формирование мнений потребителей информации и на модели поиска, создания и потребления информационного контента. В русскоязычных академических источниках представлено мало работ о феномене эхо-камер и пузырях фильтров, а значит, их изучение представляет интерес для дальнейших исследований.

Список источников

1. Лапина-Кратасюк Е. Г. Осень трансмедиа // Шаги (Steps). 2020. № 6 (4). С. 306-314. DOI: 10.22394/2412-9410-2020-6-4-306-314.

2. Рыков Ю. Г. Виртуальное сообщество как социальное поле: неравенство и коммуникативный капитал // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № XVI (4). С. 44-60.

3. Arguedas A. R., Fletcher R., Nielsen R. K., Robertson C. T. Echo Chambers, Filter Bubbles, and Polarisation: a Literature Review // Reuters Institute for the Study of Journalism. University of Oxford. 2022. URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/echo-chambers-filter-bubbles-and-polarisation-literature-review> (дата обращения: 22.02.2022).

4. Barberá P., Bonneau R., Jost J. T., Nagler J., Tucker J. A. Tweeting From Left to Right: Is Online Political Communication More Than an Echo Chamber? // Psychological Science. 2015. № 26 (10). P. 1531-1542. DOI: 1177/0956797615594620.

5. Bechmann A. & Lomborg S. Mapping actor roles in social media: Different perspectives on value creation in theories of user participation // New Media & Society. 2013. No. 15 (5). P. 765-781. DOI: 10.1177/1461444812462853.

6. Bennett L. The Personalization of Politics Political Identity, social media, and Changing Patterns of Participation // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2012. No. 644. P. 20-39. DOI: 10.1177/0002716212451428.

7. Bourdieu P. The Forms of Capital // J. Richardson (Ed.). Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. New York: Greenwood, 1986. P. 241-258. URL: https://home.iitk.ac.in/~amman/soc748/bourdieu_forms_of_capital.pdf (дата обращения: 18.02.2022).

8. Brundidge J. Encountering “Difference” in the contemporary public sphere: Reconstitution of the Internet to the heterogeneity of political discussion networks // Journal of Communication. 2010. No. 60. P. 680-700. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2010.01509.x.

9. Bruns A. Blogs, Wikipedia, Second Life, and Beyond: From Production to Prod usage. New York: Peter Lang, 2008. 440 p. ISBN: 978-0-8204-8867-7.

10. Cinelli M., De Francisci Morales G., Galeazzi A., Quattrociocchi W., Star-nini M. The echo chamber effect on social media // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2021. No. 118 (9). e2023301118. DOI: 10.1073/pnas.2023301118.

11. Colleoni E., Rozza A., Arvidsson A. Echo Chamber or Public Sphere? Predicting Political Orientation and Measuring Political Homophily in Twitter Using Big Data // Journal of Communication. 2014. No. 64 (2). P. 317-332. DOI: 10.1111/jcom.12084.

12. Dahlgren P. The Internet, Public Spheres, and Political Communication: Dispersion and Deliberation // Political Communication. 2005. No. 22 (2). P. 147-162. DOI: 10.1080/10584600590933160.

13. Dubois E., Blank G. The echo chamber is overstated: The moderating effect of political interest and diverse media // Information, Communication & Society. 2018. No. 21 (5). P. 729-745. DOI: 0.1080/1369118X.2018.1428656.

14. Freelon D. G. Analyzing online political discussion using three models of democratic communication // New Media & Society. 2010. No. 12 (7). P. 1172-1190. DOI: 10.1177/1461444809357927.

15. Galston W. A. If political fragmentation is the problem, is the Internet the solution? // D. M. Anderson & M. Cornfield (Eds.). The civic web: Online politics and Democratic values. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2003. P. 35-44.

16. *Garrett R. K.* Echo chambers online?: Politically motivated selective exposure among Internet news users // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2009. No. 14 (2). P. 265-285. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2009.01440.x.

17. *Guess A., Lyons B., Nyhan B., Reifler J.* Avoiding the echo chamber about echo chambers: Why selective exposure to like-minded political news is less prevalent than you think. 2018. URL: <https://medium.com/trust-media-and-democracy/avoiding-the-echo-chamber-about-echo-chambers-6e1f1a1a0f39> (дата обращения: 22.02.2022).

18. *Holt R.* Dialogue on the Internet: Language, civic identity, and computer-mediated communication. Westport, CT and London: Praeger, 2004. 256 p. ISBN: 1567506798.

19. *Jamieson K., Cappella J.* Echo Chamber: Rush Limbaugh and the Conservative Media establishment. London: Oxford UP. ISBN: 9780195366822.

20. *Jenkins H.* Convergence Culture: Where Old and New Media Collide. New York: New York University Press, 2006. 336 p. ISBN-13: 978-0-8147-4281-5. URL: https://www.academia.edu/34091957/Henry_Jenkins_Convergence_culture_where_old_and_new_media_collide (дата обращения: 23.02.2022).

21. *Manovich L.* Software is the Message // *Journal of Visual Culture*. 2014. No. 13 (1). P. 79-81. DOI: 10.1177/1470412913509459.

22. *McArthur J. A., White A. F.* Twitter Chats as Third Places: Conceptualizing a Digital Gathering Site // *Social Media + Society*. 2016. DOI: 10.1177/2056305116665857.

23. *Nguyen C. T.* Escape the echo chamber. 2018. URL: <https://aeon.co/essays/why-its-as-hard-to-escape-an-echo-chamber-as-it-is-to-flee-a-cult> (дата обращения: 23.02.2022).

24. *Oldenburg R., Brissett D.* The third place // *Qualitative Sociology*. 1982. No. 5. P. 265-284. DOI: 10.1007/BF00986754.

25. *Pariser E.* The filter bubble: how the new personalized web is changing what we read and how we think. New York: Penguin Books, 2014. 304 p. ISBN:978-0-14-312123-7.

26. *Parmelee J. H., Perkins S. C., Beasley B.* Personalization of politicians on Instagram: what Generation Z wants to see in political posts // *Information, Communication & Society*. 2022. DOI: 10.1080/1369118X.2022.2027500.

27. *Putnam R.* Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community // *The Social Science Journal*. 2002. No. 39 (3). P. 489-490. DOI: 10.1016/S0362-3319(02)00190-8.

28. *Soukup C.* Computer-mediated communication as a virtual third place: building Oldenburg's great good places on the world wide web // *New Media & Society*. 2006. No. 8 (3). P. 421-440. DOI: 10.1177/1461444806061953.

29. *Sunstein C. R.* The law of group polarization // *The Journal of Political Philosophy*. 2002. No. 10. P. 175-195. DOI: 10.1111/1467-9760.001481.

Югурта Лаллауи,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
yougourtha.lallaoui@gmail.com

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК СРЕДСТВО ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ: ПРИМЕР АЛЖИРСКИХ СТУДЕНТОВ

Аннотация. Сегодня социальные сети являются важной частью нашей повседневной жизни. Эти инструменты Web 2.0, изначально созданные для поддержания связи с друзьями и семьей, теперь предлагают студентам реальные возможности для участия в собственном образовании посредством самонаправленного обучения. Они стали настолько вездесущими в академической среде, что привели к трансформации процесса преподавания. Эти преобразования позволили студентам участвовать в обучении, обогащенном обменом информацией и сотрудничеством. Цель данного исследования – представить вопросы использования социальных сетей алжирскими студентами. Для этого мы провели опрос 140 студентов магистратуры по социологии в Университете Бежаи (Алжир). Данные, собранные с помощью анкеты, были проанализированы с целью подсчета количества случаев и процентных показателей. Результаты показали, что респонденты используют эти инструменты по различным причинам и для различных видов деятельности.

Ключевые слова: социальные сети; интернет-технологии; интернет-коммуникации; информатизация образования; информационная образовательная среда; образовательный процесс; алжирские студенты; цифровые инструменты

Yougourtha Lallaoui,
Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
yougourtha.lallaoui@gmail.com

SOCIAL MEDIA AS A MEANS OF ACQUIRING INFORMATION IN LEARNING: THE CASE OF ALGERIAN STUDENTS

Abstract. Today, social media is an important part of our daily lives. These Web 2.0 tools, originally designed to keep in touch with friends and family, now offer real opportunities for students to participate in their own education through self-directed learning. They have become so ubiquitous in the academic environment that they have led to transformations in the teaching process. These transformations have enabled students to engage in learning that is enriched by sharing and collaboration. This study aims to present the issues of social media use by Algerian students. To do so, we conducted a survey of 140 Sociology Master students at the University of Bejaia (Algeria). The data collected through the questionnaire was analyzed in order to calculate the occurrences and percentages. The results showed that the respondents use these tools for various reasons and activities.

Keywords: social networks; Internet technologies; Internet communications; informatization of education; information educational environment; educational process; Algerian students; digital instruments

Introduction

Developments in information and communication technologies (ICTs) in all fields are creating a continuously changing environment that is accompanied by unprecedented changes. The speed with which these technologies are entering the academic environment is providing new means and tools for the transmission of knowledge making cyberspace a borderless learning sphere. This offers students real opportunities for enriched learning through collaboration. Technology now plays an important role in the daily life of students in the digital age with its open spaces where learners actively contribute to their own training with the support of Web2.0 tools including social media. This environment in which students evolve means that these tools have obvious effects on their learning and research methods that cannot be ignored. For “Today, with the emergence of digital social media and increasingly powerful computer tools, research on the impact of social media on learning is becoming more important than ever” [Galan 2012]. This study was undertaken whose objectives are to:

- Identify the social media used by Algerian students. Determine the potential of these tools in the university environment and how it affects student learning.
- Know the new learning mode generated by social networking.
- To measure the level of engagement of students with their peers for informal collective learning.

Basically, the reason for this study is to understand how Algerian students invest their technological skills and their time in the use of Web2.0 tools and especially social media. This leads us to formulate the following problem: Do Algerian students use social media in their learning?

Social media in learning

The internet revolution has created a new culture in the way we learn, teach and research. Web 2.0 tools such as social media are at the heart of knowledge creation and sharing activities. Students use them to create content, exchange ideas, and share knowledge in an open access environment. Participation in social media creates a communicative and collaborative learning environment for students by providing them with opportunities for interaction and discussion with their peers [Tarantino and McDonough 2014] in order to increase their opportunities in knowledge acquisition. It is therefore relevant to state that these tools extend beyond their traditional purpose of socialization and entertainment to promote learning through collaboration and sharing [Brindley et al 2009]. Have illustrated this so well by stating that in a collaborative learning environment, knowledge is shared or transmitted between learners as they work towards common learning goals, this knowledge is co-created and shared between peers with

everyone contributing. Furthermore, [Blake and Sikkal 2007] argue that in the digital environment, “new technological developments, particularly Web2.0 applications, bring students together in virtual communities whose interest and intellect create a synergy to benefit from their cultural backgrounds and experiences”. Previous work indicates the popularity and increase in the use of social media among students. These asynchronous communication tools are becoming essential to promote collaborative learning anytime, anywhere and allow learners to operate in open digital spaces. According to [Ellison, Steinfield, and Lampe 2007], “Facebook establishes a social base for sharing resources between students and their peers”. [Reuben 2008] argues that there is great potential in education for Facebook and YouTube.

Educational systems today are facing a paradigm that is driven by ICT. Indeed, the integration of these tools into student education has created a community framework in the social networking space. This new way of doing things allows students to engage in training enriched by sharing and collaboration to build a virtual academic community of practice. Furthermore, “these tools offer innovative pedagogical and organizational possibilities that can contribute to a renewal of teaching practices at the university” [Chomiene and Lehmans 2012].

Digital tools including social networks as well as various digital tools are prized by learners nowadays dubbed “internet natives” and form their sources of choice for accessing information and knowledge. These learners live in a networking environment that has revolutionized the teaching-learning process, where access to education is no longer limited to physical presence in the classroom. Through the adoption of social media in academia, teachers are transferring some of their pedagogical activities to students who engage in self-directed learning and collective learning. In this technological framework, the role of the teacher is to help learners conduct activities that are adapted to their learning needs. Indeed, today we are witnessing a new paradigm in the acquisition of information and knowledge, which places the student at the center of the pedagogical practice that was the responsibility of the teacher. In the same vein, [Diarra 2017] writes that “the learner becomes an actor of his own training and must carry out activities that were once mainly entrusted to the teacher”. Thus, the digital revolution has reinforced the integration of social media into the system of knowledge dissemination outside of the classroom. Therefore, the optimal exploitation of these tools “makes learning more flexible by providing opportunities for knowledge creation and sharing with student engagement” [Junco, 2012]. In addition, the increased use of digital tools by the academic community, allows for better communication, collaboration, community creativity, and convergence [Friedman & Friedman 2008]. In sum, these powerful tools allow learners to create, collect, and share content [Boumarafi 2017]. [Chiu, Dukic, and Lo 2015] used online discussion with library and information science students from the University of Hong Kong and the University of Tsukuba (Japan).

They found that participants use digital tools for their academic work; to access online courses, search library catalogs, and discuss course assignments with their peers. Student's value digital tools and find them appropriate for teaching and learning. They use them for resource discovery, task preparation and completion, communication and collaboration, presentation, and reflection [Conole et al. 2008].

Methodology

The present study is quantitative, to realize it we used the survey via the probabilistic method of simple random sampling. We used the questionnaire as a data collection instrument. The selection of participants for the study was done during school hours to ensure the participation of a significant number of respondents. The questionnaire was distributed to a sample of 140 master's students in Sociology at the University of Bejaia (Algeria). The administration of the questionnaire was facilitated by the teachers who allowed the questionnaire to be distributed during their session, which allowed us to collect 140 responses representing 100%. The statistical analysis of the collected data was carried out with the Microsoft office Excel spreadsheet to extract the frequencies and percentages.

The questionnaire was structured around four main themes:

1. Profile of respondents.
2. Social media used.
3. Use of social media.
4. Social media in learning.

Presentation and interpretation of results

The data processing and analysis of the results resulted in the following.

Profile of the respondents

The sample of the survey consisted of 80 female and 60 male students. The age group of the participants is 21–28 years old, those who have grown up as users of different internet applications. They all revealed that they own a smart phone with a G4 connection. This allows them to connect anywhere and anytime.

Social media used

Respondents were asked to name the social media they use most often. Their answers are presented in table (1)

Table 1

Social Network used

Social Network	Frequencies	Percentages
Facebook	140	100
YouTube	120	85,71
Google+	100	71,42
Twitter	92	65,71
Linkedin	50	35,71
Instagram	40	28,57
WhatsApp	32	22,85

We notice that all participants gave the highest score to *Facebook* placing it in the first position with 100% users. Previous studies have also identified Facebook as the most used network [Battouche 2012; Boumarafi 2017; Jabr 2011; Junco 2012; Tiryakioglu and Erzurum 2011]. Followed in second position by *YouTube* with 120 users representing 85,71%. *Google+* is placed in the third position with 100 users representing 71,42%. The interviewed subjects place *Twitter* in the fourth position with 92 users representing 65,71%. As for the least popular networks among participants are *LinkedIn* with 35,71%, followed by Instagram with a score of 28,57% and in last position *WhatsApp* representing 22,85% of respondents.

The use of social networks

The motivations that drive the interviewed subjects to use social media are presented in the below.

Table 2

The use of social media

Usage	Frequencies	Percentages
Keep in touch with family and friends	140	100
Make new virtual friends	99	70,71
Search the web for old friends	90	64,28
Create a virtual identity	85	60,71
Engage in discussion forums	82	58,71
Having a presence in cyberspace	80	57,14
Follow what's going on elsewhere	76	54,28
Share photos	73	52,14
Share videos	70	50,00
Search for a job	62	44,28
For general knowledge	55	39,28

The data in Table 2 reveal that all respondents use social media to keep in touch with family and friends. It should be noted that the majority of the participants come from different cities in the country to pursue their studies at the University of Bejaia. On this point, [Mikal and Grace 2012] commented that social media and electronic connections with family members can reduce stress and help students have a psychological adjustment. 99 of the interviewed subjects representing 70,71%, clearly state that “*making virtual friends*” is the main reason for their use of social networks. In third place we have “*searching the web for old classmates*” with 90 occurrences representing 64,28%. [Thorne 2010] stated that the increase in interaction social media interaction can be attributed in part to a desire to connect with new people, share opinions, keep in touch with old friends and colleagues, and share different types of information with an extended community of followers. “*Creating a virtual identity*” was cited by 60,71% of respondents, followed by “*engaging in discussion forums*” with 82 occurrences representing 58,71% of respondents. “*Following what is happening elsewhere*” with 80 respondents, representing 57,14%. Half

of the respondents 54,28%, use social media to “*have a presence in cyberspace*” “*Share photos*” and “*Share videos*” represent 52,14 and 50% respectively. These two reasons are mentioned mostly by female students who mentioned some social constraints. The reasons least mentioned by the participants are “*Looking for a job*” placed at the second last position with 44,28% of the respondents. It should be noted that most of the master students still have the ambition to continue their doctoral studies and some mentioned that they follow the advertisements in newspapers and consult websites specialized in job offers. Only 39,28% of the respondents use these web tools “*for general knowledge*”. This score is surprising and should be analyzed with caution, given that half of the respondents use them to follow what is going on elsewhere and to engage in forums. This generally offers them the possibility of cultural and informational watch that allows them to acquire a general culture.

Table 3

Integrating social media into Learning

Activities	Frequencies	Percentages
Share files and lecture notes	132	94,28
Improve my foreign language skills	125	89,28
Acquire technology skills	119	85
Share ideas and promote creativity	115	82,14
Joining collaborative learning communities	112	80
Keep up to date with what’s new in my field	110	78,57
Engage in self-regulated learning	109	77,85
Learn English	95	67,85
Improve learning in general	90	64,28
Correct my English pronunciation	85	60,71
Communicate with my thesis advisor	70	50
Create and share content with my peers	63	45

From the analysis of table (3), it is clear that the use of social media in learning activities is a reality in the Algerian university, especially in informal pedagogical activities between peers. For example, “*share files and lecture notes*” is the most essential activity for the respondents who place it at the top of the list with 132 occurrences representing 94,28%, followed by “*improve my foreign language skills*” with 89,28%. This result is in line with [Battouche 2012], who showed that 65% of young Algerians use social media to improve their foreign language skills and 40% of them for the acquisition of new knowledge. “*Acquiring technological skills*” is placed third position by 85% of the respondents, followed by “*Sharing ideas and promoting creativity*” with 82,14%. 80% of the respondents use social media to “*Join collaborative learning communities*”. They also use it to learn English and correct pronunciation. This can make students self-regulated learners and help them overcome the challenges they face and acquire a foreign language. But these digital tools are not used much for “*Communicating with the thesis advisor*”. Instead, master’s

students use other means for this activity, such as formal consultations according to a regular schedule to ensure proper supervision of the student researcher. From the analysis of the data in the table, we note a reluctance on the part of participants to create content. This may be due to difficulties encountered by the participants in engaging in this activity, but it may also be due to a lack of interest on their part. It may also be due to a lack of support from teachers and library institutions. However, the adoption of the LMD system by the Algerian university emphasizes the central role of the learner in the educational system, which makes him/her the first person responsible for his/her training by involving him/her in several pedagogical activities with the support of the instructor and the documentary resources.

Conclusion

This study has argued that the integration of social media into educational systems in the digital age is a reality. This new paradigm in knowledge acquisition places the student in open spaces that allow for independent and collaborative peer learning. This environment in which our students evolve makes social networking increasingly important in informal educational practices. This generally confirms the results of this study undertaken with a sample of 140 Sociology master's students at the University of Bejaia (Algeria) to identify their opinions on the effects of social media on their learning. Respondents perceive social media as useful to their collective peer learning. In sum, the digital revolution has reinforced the adoption of these tools not only in socialization but also in pedagogical activities with learners as self-directed assets.

Références

1. *Battouche K.* Les médias sociaux et la mondialisation de la culture : une étude de la jeunesse algérienne // Communication présentée lors de la deuxième conférence internationale sur "la place des sciences sociales et leur rôle dans l'étude des enjeux contemporains : orientations et perspectives d'avenir" Muscat (Oman), 16–18 décembre. 2012.
2. *Blake Y. & Sikkal J.* Will the Internet revolutionize business education and research? 2007.
3. *Boumarafi B.* Students' engagement with mobile learning through social media: The Algerian case// Second Canadian International Conference on Advances in Education, Teaching & Technology 29–30 July, Ryerson University, Toronto, Canada. 2017.
4. *Brindley J. E. et al.* Creating effective collaborative learning groups in an online environment// The International Review of Research in Open and Distance Learning. 2009. Vol. 10, No. 3. P. 1-18.
5. *Chiu Z.; Dukic D. K. W., Lo P.* How useful are smartphones for learning? Perceptions and practices of Library and Information Science students from Hong Kong and Japan // Library Hi Tech. 2015. Vol. 33, No. 4, P. 545-561. URL: <https://doi.org/10.1108/LHT-02-2016-0015>.
6. *Chomienne E., Lehmans A.* Médias sociaux et apprentissages collaboratifs à l'université : Pratiques innovantes dans une communauté connectée // Colloque international de l'université à l'ère Du numérique April 2012, Lyon, France. Actes du CIUEN, 2012. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-00688562>.

7. *Conole et al.* Disruptive technologies pedagogical innovation what's new? Findings of an in-depth study of students' use and perception of technology // *Computers & Education*. 2008. Vol. 50, No. 2, P. 511-524.

8. *Diarra M.* Etats des lieux des bibliothèques universitaires de l'UEMOA // *Revue Maghrébine de Documentation et d'Information*. 2017. No. 26. P. 11-31.

9. *Ellison N. B., Steinfield C., Lampe C.* The benefits of Facebook "friends": social capital and college students' use of online social network sites // *Journal of Computer Mediated Communication*. 2007. Vol. 12, No. 4. P. 1-26.

10. *Friedman L. W., Friedman H. H.* Using social mediatechnologies to enhance online learning // *Journal of Educators Online*. 2013. Vol. 10, No. 1. P. 1-22.

11. *Galan J. G.* De Nouvelles perspectives pour la prise en compte des réseaux sociaux et de la communication dans les programmes scolaires de l'apprentissage // *E-learning papers* 26. 2012. URL: http://www.elearningeuropa.info/sites/default/files/asset/In-depth_26_1.pdf.

12. *Jabr N. H.* Social networking as a tool for extending academic learning and communication // *International Journal of Business and Social Science*. 2011. Vol. 2, No. 12. P. 93-102.

13. *Junco R.* The relationship between frequency of Facebook use, participation in Facebook activities and student engagement // *Computers and Education*. 2012. Vol. 58, No. 1. P. 162-171.

14. *Mikal J. & Grace K.* Against Abstinence-only Education Abroad: An analysis of how students are using the Internet to enhance study abroad // *The Journal of Studies in International Education*. 2012. Vol. 16, No. 3. P. 287-306.

15. *Reuben R.* The Use of social network sites in higher education for marketing and communications: a guide for professionals in higher education. URL: <http://convergeconsulting.org/eduguru/2008/08/use-social-media-higher-educationmarketing-and-communications-guide-professionals-higher-education/>.

16. *Tarantino K., McDonough J.* Effects of student engagement with social media on student learning: are view of literature. 2014. URL: http://studentaffairs.com/ejournal/Summer_2013/EffectsOfStudentEngagementWithSocialMedia.htm.

17. *Thorne S. L.* The 'Intercultural turn' and language learning in the crucible of new media // Helm F. and Guth S. (eds.). *Telecollaboration 2.0 for Language and Intercultural Learning*. Bern: Peter Lang, 2010. P. 139-164.

18. *Tiryakioglu F. & Erzurum F.* Use of social networks as an educational tool // *Contemporary Education Technology*. 2011. Vol. 2, No. 2. P. 135-150.

Лиханов Никита Сергеевич,
студент 4 курса направления «Политология», бакалавриат,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
nicitalihanov@gmail.com

Хайрутдинова Елена Леонидовна,
старший преподаватель кафедры политических наук,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
e.l.sysoliatina@urfu.ru

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье актуализирован вопрос о характере и направленности вектора развития современной Европы, предпринята попытка комплексного анализа подходов к феномену европейской идентичности, обосновывается значимость концепта европейской идентичности, который рассматривается в социокультурном и нормативно-правовом поле Европейского Союза (ЕС), осмысливаются проблемы укрепления идентичности ЕС в условиях глобализации, гражданского и этнического национализма, двойной иерархии социально-политических ориентаций, выявлены особенности новой европейской идентичности и тенденции ее развития.

Ключевые слова: европейская идентичность; международные организации; национальная идентичность; глобализация; глобальные вызовы; социокультура; социокультурное развитие; культурные ориентации; ценностные ориентации; трансформация культуры

Likhanov Nikita Sergeevich,
4th year Student of Direction “Political Science”,
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
nicitalihanov@gmail.com

Khairutdinova Elena Leonidovna,
Senior Lecturer of Department of Political Science,
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
e.l.sysoliatina@urfu.ru

SPECIFICITY OF MODERN EUROPEAN IDENTITY: ON THE PROSPECTS OF SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT

Abstract. The article actualizes the question of the nature and direction of the vector of development of modern Europe, an attempt is made to comprehensively analyze approaches to the phenomenon of European identity, substantiates the significance of the concept of European identity, which is considered in the socio-cultural and legal

framework of the European Union (EU), comprehends the problems of strengthening the identity of the EU in conditions of globalization, civic and ethnic nationalism, a double hierarchy of socio-political orientations, the features of the new European identity and trends in its development are revealed.

Keywords: European identity; international organizations; national identity; globalization; global challenges; socioculture; sociocultural development; cultural orientations; value orientations; culture transformation

В современных условиях евроскептицизма, миграционного и религиозного кризиса возникает вопрос о характере и направленности вектора развития современной Европы. Европейский Союз (ЕС) рассматривает европейскую идентичность как форму легитимации наднационального образования. Таким образом, общие политико-правовая и культурно-историческая идентичности должны соответствовать единству ЕС.

Итак, цель нашей статьи обусловлена необходимостью комплексного анализа подходов к феномену европейской идентичности. Проблематика идентичности в широком понятийном измерении постоянно сохраняет свою значимость и актуальность.

Обращаясь к концепту европейской идентичности, отметим, что в широком смысле речь идет о маркировке европейскости по географической принадлежности. В узком – об идентичности принадлежащих к обществу ЕС граждан. И здесь можно говорить о двух плоскостях проблемы измерения европейской идентичности. «Внутреннее измерение» – это характеристика социально-политических процессов в пределах ЕС. «Внешнее измерение» – анализ социально-политических процессов за пределами ЕС (условно – между членами ЕС и другими).

Нередки случаи, в которых европейская идентичность может быть утрачена. Так, потере европейской идентичности могут способствовать следующие проблемы: изменения характера цивилизационных угроз, неспособность национальных государств самостоятельно отвечать на глобальные вызовы, такие как регулирование экономики, борьба с терроризмом и морским пиратством, защита прав человека и т. д. Кроме того, на европейской идентичности негативно сказываются стирание границ национальных государств вследствие развития мировой и региональной интеграции, экономическая глобализация, усиление роли транснациональных корпораций на мировой арене, а также формирование информационного общества, размывающего государственные границы, и рост миграции.

Однако для ЕС проблема укрепления идентичности по-прежнему сохраняет важность. ЕС – это не только институт, помогающий усовершенствовать механизмы решения общих проблем и конфликтов, но и «нормативное политическое устройство, оказывающее решающее влияние на индивидуальную и коллективную жизнь» [Erez 1992: 93]. Именно поэтому мы можем рассматривать европейскую идентичность как сконструированный феномен. Существуют цели, для которых европейская

идентичность создается и выступает как результат реализации европейской политики.

Идентичность в широком смысле возникает из политических, культурных и других событий. Идентичность не рассматривается как стабильное явление, она имеет ареал распространения, а также особые формы проявления. Маркеры идентичности подвижны, они обуславливаются множеством факторов: географией, историческими границами, маргинализацией или национализацией общества, трансформациями в любом элементе социокультурной системы. Идентичность является своеобразным инструментом для распознавания и структурирования реальности во времени и в пространстве, расстановки в реальности акцентов и восстановления определенности.

В условиях общества постмодерна с его многомерной топологической дифференциацией идентичности конструируются во взаимодействии разнообразных, порой противоречивых дискурсов, практик и позиций в рамках дискурсивных формаций. Такие конструкты неизбежно мультиплицичны, фрагментарны, постоянно находятся в процессе изменения и трансформации.

Процесс формирования европейской идентичности напрямую связан с традиционными и актуальными представлениями о самой Европе и обществе европейских граждан. При этом «ментальная география» (как попытка систематизации и оценки представлений об окружающем пространстве) имеет неоспоримую феноменологическую природу [Узнародов 2014: 119]. Европа остается плодом собственного исторического сознания, на основе которого выстраивается экономическое, политическое, культурное единство. В то же время поиски «вечной» Европы становятся способом самоидентификации европейских народов.

Сегодня концепт европейской идентичности используется в большом количестве разных контекстов, в результате чего его значение становится настолько размытым, что почти полностью теряет всякую аналитическую точность. Так, в историографии на разные подходы к осмыслению факта наличия европейской коллективной идентичности указывает разница в позициях исследователей по вопросу доминирования в Европе в середине XX века тоталитарных нацистских и фашистских режимов. Это стало одной из причин дуализма национальных идентичностей европейских народов и наднациональных идентичностей европейских элит.

ЕС пытается уйти от дуализма и прийти к сохранению и поддержке разных форм групповой идентичности. Общая европейская идентичность, которая формируется в странах ЕС, совместима с национальными идентичностями его государств-членов [Узнародов 2014: 121]. Каждый движется по своей собственной траектории, но объединяется общим нравственным императивом. Хотя европейские культуры действительно многообразны, их единство в ЕС определяет европейскую

культурную концепцию, что позволяет поддерживать национальные и региональные традиции посредством комбинирования культурных разногласий на общих основаниях.

При этом в условиях глобализации мировой политической системы и внутренней трансформации национальных государств происходит переосмысление традиционных концептов национальной идентичности и гражданства. Эта тенденция реализуется через нивелирование границ между национальными государствами, рост социальной мобильности, увеличение количества и усиление влияния национальных меньшинств в разных странах мира.

В результате такие понятия, как этнос, народ, нация все больше размываются, а реальный онтологический статус этих сообществ постоянно подвергается сомнению. Создание единого, например европейского, пространства родственных культур, будет означать, что оно основано на почве общего европейского культурного наследия (мифов, символов, ценностей, воспоминаний) и не вступает в конкуренцию с другими сильными и могущественными национальными культурами. Только так будет создан новый тип коллективной идентичности, охватывающий, но не отменяющий отдельные нации [Узнародов 2014: 116]. Речь идет о рождении нового типа коллективной идентичности, функции которой отличаются от функций национальной идентичности.

На сегодняшний день выделено несколько основных подходов к пониманию европейской идентичности и оценке ее места в жизни Европы. Одни авторы отрицают право на существование европейской идентичности, апеллируя к силе национально-политического элемента и выдвигая как определяющую идею национально-государственную идентичность народов Европы. Другие – говорят о возникновении постнационального европейского пространства, предлагая концепции «единой Европы» или «Европы регионов», в которых на первый план выдвигается европейская идентичность или европейская региональная идентичность и утрачивается значение национально-государственной идентичности. Европейские страны видят в этом угрозу собственной национальной принадлежности, поэтому они сопротивляются национально-сознательному гражданству.

Новая европейская идентичность обладает следующими характеристиками: инклюзивность, многослойность и множественность (может инкорпорировать многие существующие субнациональные (региональные), национальные и наднациональные идентичности), межкультурность и многокультурность (будет признавать, уважать и развивать существующее разнообразие и в то же время способна производить новые идентичности), ориентация на демократию, на демократическое видение общей Европы и на наднациональный, демократический патриотизм.

Объективной основой возникновения европейской идентичности является дихотомия «мы – они», выражающаяся в противопоставлении

«мы – граждане Европейского Союза, а они (те, кто за границей) – нет». В этом контексте заслуживает внимания модель процесса создания коллективной идентичности: «Создание границ является первой стадией, потому что они обозначают разницу между внутренним и внешним, чужим и своим, родным и неродным, друзьями и недругами, культурой и природой, просвещением и варварством» [Casanova 2006: 74].

Так, коллективная идентичность «европеец», основывающаяся на осознании особенности географического положения и обособленности территории Европы определенными границами, является укорененной в истории субконтинента и сознании народов Европы.

Кроме того, концепции европейской идентичности, активно разрабатывавшиеся с момента провозглашения «Декларации европейской идентичности», выстраиваются главным образом вокруг «мы-чувства», которое должны разделять все, кто идентифицируют себя с европейцами. При этом методологически в основу понятия европейской идентичности изначально был положен нерешенный вопрос: кто такие «мы»? [Casanova 2006: 71]. Это, с одной стороны, означает, что дальнейший дискурс по европейской идентичности базируется на представлении об определенном идеальном сообществе, которого, возможно, вообще не существует на онтологическом уровне реальности. С другой стороны, идентичности по типу «мы-европейцы» можно придать и любую другую интерпретацию.

При анализе европейской идентичности можно выделить два подхода – конкурирующий и взаимоисключающий. Первый подход, возникший на начальных этапах европейской интеграции, отождествим с «союзным национализмом». Его суть в том, что все страны, являвшиеся участницами европейской интеграции на заре создания ЕС, объединяли общие история, территория, культура. Это явилось основой европейской идентичности. Отметим, что сторонники концепции союзного национализма скептически воспринимали расширение европейского сообщества.

Второй подход связан с превращением ЕС как экономического объединения в политическое, что, в свою очередь, привело к необходимости поиска новых критериев европейской идентичности. В качестве таких критериев выступила общность определенных ценностей: демократия, правовое государство, уважение отличий (толерантность). Высочайшей ценностью считался индивидуум, а социальная жизнь была призвана служить для обеспечения его комфортабельных условий существования. Такой подход к пониманию европейской идентичности получил название «патриотический конституционализм». Указанные ценности до сих пор актуальны для современного Евросоюза [Casanova 2006: 72].

При изучении документов ЕС можно заметить, что термин «идентичность» употребляется в тех из них, где речь идет о регулировании дел ЕС, и используется в двух наиболее типичных формах. Во-первых, как утверждение, что на уровне ЕС есть потребность в общей идентичности.

Во-вторых, как призывы уважать национальные идентичности входящих в ЕС стран [Бьюкенен 2004: 156].

В Договоре ЕС от 29 июля 1992 года (Маастрихтский договор) европейская идентичность трактуется как цель, которую следует достичь в военной обороне, построенной на принципе коллективной безопасности. Согласно Декларации Западноевропейского Союза, чрезвычайно важным шагом на пути к построению «подлинной идентичности европейской безопасности и обороны» является постепенное слияние Западноевропейского и Европейского Союзов. Кроме того, в статье «F» Маастрихтского договора отмечено: «Союз будет уважать национальные идентичности стран-участниц» [Бьюкенен 2004: 150].

Далее в Хартии Европейской идентичности раскрывается ее суть. Во-первых, европейская идентичность рассматривается как общность судьбы, зависимость народов Европы друг от друга в совместном строительстве мирного европейского порядка. Во-вторых, европейская идентичность проявляется в общности ценностей, которые берут начало в древности, христианстве, Ренессансе и Просвещении и основаны на толерантности, гуманизме и братстве, признании фундаментальных прав человека и норм права, внедренных в общие принципы, подтверждающие волю и социальную ответственность. Европейская идентичность выступает как общность жизненного пространства, развивающего европейское гражданство, в котором все граждане в государствах-членах имеют одинаковые права и обязанности [Бьюкенен 2004: 159].

Базовыми параметрами формирования коллективных идентичностей выступают коммуникация, память, опыт. Общность этих принципов обеспечивает появление традиций, способствующих становлению длительных коллективных идентичностей.

Ключевую роль в формировании идентичности играет процесс осознания потребности новой культуры в политическом и социальном общении, в отказе от повторения предыдущих ошибок. Европейская же идентичность как тип мышления является историческим феноменом в своей основе, поскольку она представляет собой ментальный результат эволюции эмпирического и рационального.

Однако Европа не формирует коммуникативное сообщество, она многоязычна. У европейцев отсутствует общая память по поводу эпохальных событий, поскольку каждая европейская страна имеет собственную историю со своим прошлым, которое может не вписываться в желаемое общее прошлое Европы. Эта память влияет и на современных европейцев. Ведь роль фигуры Наполеона для французов существенно отличается от роли, которую играет эта фигура в памяти немцев или поляков. Вторая мировая война также оставила разные воспоминания у немцев и англичан. Общность опыта можно считать проблематичной, поскольку

всякий опыт базируется на моделях памяти. То есть современность оценивается исходя из существующих трактовок событий прошлого.

Поскольку ЕС не является национальным государством, консолидированным социальными, историческими и языковыми связями, существенной проблемой для формирования общей идентичности Евросоюза выступает «изобретение традиции». В том смысле, что «изобретаемая традиция» означает определенный тип общественной практики ритуального или символического характера, регулируемый общепринятыми правилами.

В процессе европейской интеграции возникают проблемы гражданского и этнического национализма, которые подчеркивают общеполитические или «кровные» критерии групповой идентификации. В конце 1990-х годов Совет Европы с целью реализации очередного проекта создания «изобретаемых традиций» и «мнимого общего европейского общества» предложил основное внимание уделить преподаванию именно европейской, а не национальной истории. Однако этот проект фактически так и не был реализован, поскольку помешали национальные интересы европейских государств, которые заключались в сохранении собственной коллективной идентичности [Appadurai 1996: 201].

Специфика европейской идентичности заключается в выражении своеобразной двойной характеристики или существовании двойной, но зависимой иерархии: с одной стороны, национальной идентичности с соответствующими ценностно-нормативными признаками и национальной детерминированностью культурного пространства, с другой – наднационального сообщества с формированием своеобразного образа жизни. Очевидно, такое сочетание/подчинение провоцирует мутацию глубинных структур национальной идентичности и своеобразии форматирования европейской идентичности. При этом важно то, что национальное пространство включает в себя общечеловеческие, универсальные элементы, но в каждом отдельном культурном пространстве они будут занимать особое место [Простова 2019: 41].

Логика формирования наднациональной идентичности требует учета отличия фаз модернизационных процессов разных государств, что обуславливает, в свою очередь, различные комплексы задач. Поднятая проблема требует дополнительного изучения, учитывая, что потребность в идентичности (в том числе и в сохранении целостности и самобытности отдельной группы) при определенных условиях может стать существенным фактором межэтнических или других противоречий и конфликтов, в том числе и на территории Европы.

Учитывая ускоренное развитие коммуникативных связей, диффузных межнациональных процессов, усиливающих миграции народов, взаимопроникновение и слияние культур, новая общая европейская идентичность может существовать только как плюралистическая, мультикультурная идентичность.

Итак, европейская культура внутри себя чрезвычайно национально мозаична и выражается определенным «ценностным расщеплением» в условиях культурного кризиса. Основой формирования общей идентичности европейцев все же должен стать поиск общих европейских ценностей, ценностных ориентаций. Смена дискурсов, бытийных смыслов неизбежно приводит к структурированию представлений о европейской идентичности. В частности, набор ситуативных идентификационных характеристик идентичности выкристаллизовывается в процессе коммуникации.

Сегодня речь идет о незавершенности процесса формирования европейской идентичности (как на теоретико-концептуальном, так и на уровне утверждения особой наднациональной структуры).

Список источников

1. *Бьюкенен П. Дж.* Смерть Запада: пер. с англ. М.: АСТ, 2004. 444 с.
2. *Простова Д. М.* Межкультурная этика в межкультурной коммуникации // Ученые записки Ульяновского государственного университета. Актуальные проблемы теории языка и лингводидактики. 2019. № 2. С. 39-43.
3. *Узнародов И. М.* Проблема иммигрантов в странах Запада на современном этапе // Terra Economicus. 2014. Т. 12, вып. 1. С. 115-122.
4. *Appadurai A.* Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, 1996. 229 p.
5. *Casanova J.* Religion, European secular identities, and European integration // Byrnes T. A. and Katzenstein P. J. (eds.). Religion in an Expanding Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 65-92.
6. *Erez M.* Interpersonal communication systems in organizations, and their relationships to cultural values, productivity and innovation: The case of Japanese corporations // Applied Psychology: An International Review. 1992. No. 41. P. 89-97.

Меренков Анатолий Васильевич,
доктор философских наук, профессор,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
anatoly.mer@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Аннотация. Пандемия существенно повлияла на отношение людей к здоровью, профилактике вирусных заболеваний, вакцинации, врачам, ведущим борьбу с болезнью, охватившей весь мир. В статье рассматриваются особенности реализации борьбы с коронавирусом, ценностей культуры сотрудничества и культуры эгоизма на индивидуальном, групповом уровнях, в отношениях между странами, использующими разные методы снижения заболеваемости населения. Показано, что многие решения органами власти принимались без сотрудничества с широким кругом специалистов, имеющих иное мнение по поводу профилактики коронавируса, вакцинации населения. Реализуются эгоистические интересы тех, кто увеличивает доходы, обладая монополией на использование вакцин, усиливает власть, утверждая правильность мер, которые привели к огромным экономическим потерям, снижению жизненного уровня миллионов людей и продолжению пандемии.

Ключевые слова: культура; трансформация культуры; социальные связи; пандемия; коронавирус; инфекции; COVID-19; медицинское сообщество; культура сотрудничества; культура эгоизма

Merenkov Anatoly Vasilyevich,
Doctor of Philosophy, Professor,
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
anatoly.mer@gmail.com

TRANSFORMING CULTURE IN PANDEMIC CONDITIONS

Abstract. The pandemic has significantly affected people's attitude to health, prevention of viral diseases, vaccination, and doctors fighting the disease that has engulfed the whole world. The article examines the features of the implementation of the values of a culture of cooperation and a culture of selfishness at the individual, group level, in relations between countries using different methods of reducing the incidence of the coronavirus over the two years of the fight against coronavirus. It showed that many decisions were made by the authorities without cooperation with a wide range of specialists who have a different opinion about the prevention of coronavirus, vaccination of the population. The selfish interests of those who increase incomes by having a monopoly on the use of vaccines are being realized, strengthening power by asserting the correctness of measures that have led to huge economic losses, a decrease in the living standards of millions of people and the continuation of the pandemic.

Keywords: culture; culture transformation; social connections; pandemic; coronavirus; infections; COVID-19; medical community; a culture of collaboration; culture of selfishness

Пандемия, начавшаяся с 2020 года, продолжается более двух лет. Она изменила условия жизни практически всех индивидов, малых и больших социальных общностей: семьи, трудовых ассоциаций, населения регионов, стран, всего мира. Основной удар опасной болезни был нанесен по социальным связям людей, которые являются основой жизни человека. Он создан природой для совместной деятельности с себе подобными при решении повседневных задач физического воспроизводства, обеспечения безопасности, постоянного улучшения условий жизни в процессе познания законов окружающего мира и его преобразования. Необходимость объединения в разные группы для реализации целей общего труда привела к формированию совокупности связей, регулируемых определенными нормами, правилами. Они составляют сущность и содержание культуры как системы обеспечения совместной деятельности людей для реализации общих интересов.

Культура базируется на физических, психических возможностях, склонностях, инстинктах, которые человек получил от природы при выделении из животного мира. В процессе исторического развития она, с одной стороны, решает задачу создания условий для раскрытия и реализации творческих способностей людей, благодаря которым осуществляются открытия в науке, создаются новые технологии, технические устройства, регулируется организация жизнедеятельности семьи, трудовой общности, этносов, разных государств. С другой стороны, направлена на ограничение возможностей совершенствования способов проявления инстинктов, угрожающих здоровью, жизни индивидов, социальных групп. Однако, как показывает вся история человечества, как в прошлом, так и в настоящее время существуют две противоположные по целям, содержанию знаний, ценностей, практик культуры: культура сотрудничества и культура эгоизма.

Первая направлена на объединение людей в процессе совместной деятельности с целью постоянного улучшения условий труда, жизни малых и больших общностей, независимо от места проживания, национальной принадлежности, пола и возраста их представителей. Эта культура отвергает физическое и психическое насилие, утверждает нормы милосердия, взаимопомощи, заботы о нуждающихся в материальной и моральной поддержке. Вторая создает условия для проявления природного эгоизма, совершенствуя методы возвышения индивидов, социальных субъектов, используя хитрость, обман, ложь, клевету, психическое давление, физическую силу для личного обогащения, получения власти. Культура эгоизма определяет эксплуатацию владельцами средств производства тех, кто своим трудом обеспечивает их богатство, оправдывает захватнические войны, подчинение одних народов другим, современную практику санкционного давления на инакомыслящих и инакодействующих.

Пандемия привела к трансформации форм проявления и утверждения норм и правил как культуры сотрудничества, так и культуры эгоизма, нарушив традиционные социальные связи. Они всегда строились на заданном природой и поддерживаемом правилами общения *чувстве безопасности* при взаимодействии с членами семьи, представителями общины, коллегами в совместном труде, людьми в общественных местах. Только в ситуации острого конфликта рождалось ощущение страха, ограничивая социальные контакты между индивидами, общностями. Пандемия COVID-19 из-за очень высокой способности заразить опасной болезнью вызвала у подавляющего большинства людей чувство страха. В его формировании значительную роль сыграли СМИ, которые еще до получения достоверной информации о степени опасности новой болезни стали запугивать данными о количестве заболевших и умерших в разных регионах мира.

Представители санитарных служб стали активно утверждать, что любой человек может стать носителем коронавируса, не подозревая об этом. Единственным средством снижения масштабов заражения является изоляция человека от других людей. Следует максимально ограничить появление в общественных местах, защищаться от вируса с помощью медицинских масок на улице, в магазине, на работе, поддерживая т. н. «социальную дистанцию». Настойчиво рекомендовалось прекратить привычное общение с людьми старшего возраста, так как они могут заразиться от своих детей, внуков. Необходимые им для жизни продукты, товары следует передавать без какого-либо контакта. Для их минимизации в трудовых коллективах значительную часть специалистов перевели на удаленную работу, закрыли театры, концертные залы, авиасообщение между многими странами.

На сознательном и бессознательном уровнях формировался страх перед всеми людьми, независимо от степени их родства, требований непосредственного взаимодействия на производстве. Традиционная форма социальных связей между людьми в разных по масштабам общностях была подвергнута осуждению и фактическому запрету. Максимально это выразилось при введении локдаунов. Доверие людей друг к другу как основа социальной жизни стало исчезать. Невольно формировались всеобщая подозрительность, боязнь оказаться в больнице при неопределенности выздоровления, так как действенные лекарства против COVID-19 так и не появились. Все силы медицинской науки были по каким-то причинам направлены не на их разработку, а создание вакцин, которые должны остановить пандемию.

Активное формирование страха перед новой болезнью трансформировало ценности, утверждаемые культурой сотрудничества. Основопологающим ее принципом является непосредственное включение социальных субъектов в *трудовую деятельность*, результатом которой является успешное решение конкретной проблемы. В ситуации пандемии итогом

совместной деятельности должно стать ограничение степени распространения болезни и восстановление здоровья заболевших. Однако ограничение непосредственных контактов, самоизоляция не позволяют организовать трудовую деятельность, в которой каждый человек наглядно вносит свой вклад в общее дело. От индивидов требуют заставить себя подчиниться тем, кто обладает властью, поверив в правильность предлагаемых способов решения сложной задачи. Однако трудом по разрушению своих давно утвердившихся стереотипов социальной активности, общения подавляющее большинство людей никогда не занималось. Они заложены как природой, так и культурой, и только естественный страх в большей степени за собственную жизнь, а не окружающих людей принуждает формально соблюдать введенные ограничения.

Призывы проявить социальную ответственность не привели к желаемым результатам. Ответственность возникает на основе долга перед людьми и чувства гордости за способность вместе с ними добиться желаемого для всех результата. Требуется еще в детстве получить опыт сотрудничества с другими людьми в семейно-бытовой, трудовой деятельности, обучаясь проявлять ответственность перед ними за свои поступки [Меренков 2021]. В условиях становления рыночной экономики утверждаются ценности индивидуализма, побуждающие в первую очередь заботиться о себе, не отягощая себя размышлениями о том, как мои поступки влияют на окружающих. Однако без самоотверженной деятельности людей на основе норм культуры сотрудничества страшную болезнь остановить невозможно. В условиях пандемии многие врачи, медицинские сестры продемонстрировали примеры самопожертвования, спасая жизнь тех, кто попал в больницу. Также действовали волонтеры, оказывая помощь людям, находящимся в самоизоляции, получать продукты, предметы первой необходимости.

Те люди, которые либо не поверили в опасность, либо не желали менять свое привычное поведение, не стали соблюдать введенные властями в разных странах мира ограничения. Они в социальном плане поставили себя выше других, усиливая угрозу заражения не только окружающих, но и себя. Однако такая форма демонстрации культуры эгоизма привела к тому, что некоторые из них оказались в ином мире. Коронавирус одинаково заражает людей, независимо от их убеждений, ценностей, которые они реализуют в повседневной жизни. Принявшие, хотя и вынужденно, новые правила коммуникации на работе, в общественных местах снижают для себя вероятность заражения от тех, кто руководствуется личным интересом. Поскольку таких оказалось немало во всех странах, власти используют силу для выполнения требований санитарной службы [Абрамов 2021].

Однако принуждением, как показывает история человечества, принять такие нормы культуры сотрудничества, как забота о других людях,

взаимопомощь, поддержка, ответственное поведение, невозможно. Те, кто руководствуются эгоистическими интересами, начинают действовать хитрее, придумывают новые способы обмана контролирующих их поведение. Одевают защитную маску только тогда, когда потребуют окружающие, продолжают общаться с другими при наличии явных признаков заболевания, которое может быть и ковидом, а не обычной ОРВИ. Проверять причину ухудшения самочувствия не торопятся, повышая вероятность распространения опасной болезни.

Одним из факторов, вызвавших нарушение введенных ограничений, является то, что они не были в достаточной степени научно обоснованы специалистами и реализуемыми их рекомендации властями. Люди требуют доказательств эффективности введения локдаунов, ношения перчаток, масок, соблюдения социальной дистанции. Те страны, в которых такие меры борьбы с пандемией не применялись, имели схожие или более низкие результаты по количеству заболевших [Музычук 2021]. Это является значимым аргументом в формировании критического отношения к распространенной практике организации общественной жизни в условиях пандемии. Отсутствие согласованных и принятых специалистами разных стран мер по снижению заболевших коронавирусом, неумение в понятной для обывателей форме доказать реальную эффективность введенных ограничений привели в конечном счете к усилению ориентаций на самостоятельное, а не совместное с другими людьми решение задачи защиты от новой болезни.

Это стало одной из причин скептического отношения к вакцинам, которые начали появляться в конце 2020 года, и тем, кто активно агитировал применять их для создания личного иммунитета [Каждый третий...2021]. Жизнь доказала, что и при наличии прививки можно заболеть. Она, как утверждают врачи, снижает вероятность тяжелого протекания болезни, но не дает полной гарантии от заражения. Поэтому вакцинация против известных штаммов коронавируса не привела к снижению у людей страха перед коронавирусом, не вернула прежнее доверие к людям, не привела к отмене ограничений, создав условия для возобновления традиционных социальных контактов. Все это стало причиной скрытого и нередко открытого протеста. Общество раскололось на сторонников вакцинации и «антиваксеров». Этим словом называли отказывающихся нанести вред своему организму, ослабив природный иммунитет.

С одной стороны, наука и практика показывают, что в прошлом распространение опасных болезней прекращалось благодаря тому, что у значительной части людей возникал иммунитет. Это подтверждается и тем, что во многих случаях при контактах с больным коронавирусом заражения не происходило. Появилась группа так называемых бессимптомных носителей, у которых, видимо, организм сам успешно борется с COVID-19. С другой стороны, вирусологи, утверждая абсолютную

правоту своих методов прекращения пандемии, побуждают органы законодательной и исполнительной власти всеми возможными способами обеспечить достижение т. н. «коллективного иммунитета». Ранее считалось, что он достигается при 60% привившихся, а через несколько месяцев пришли к требованию, чтобы 90% это сделали. Однако новый штамм «микрон» успешно преодолевает сопротивление организма тех, кто получил вакцину [Телицина 2021].

Впервые возникло деление не по уровню образования, материально-го положения гражданина, а по его отношению к вакцинации. Тех, кто от нее отказался, всеми способами изолируют. Вводят специальные паспорта, QR-коды и т. п. В некоторых странах им угрожают высокими штрафами и даже тюремным заключением [Ибрагимова 2021]. Это неизбежно приводит к использованию способов, предлагаемых культурой эгоизма, например к покупке сертификатов о вакцинации [Словохотова 2021]. Возник очередной способ обхитрить тех, кто принуждает людей действовать против их желания. Взяткодатель и взяточник всегда найдут друга, если поведение людей пытаются регулировать не путем включения в общую для всех граждан работу по снижению заболеваемости разными штаммами коронавируса, а методом жесткого ограничения свободы добровольного принятия решения о прививке.

Вместо того, чтобы объединить население в борьбе за сохранение здоровья всех граждан, принимая новые требования культуры сотрудничества, вакцинация методом принуждения ведет к увеличению числа тех, кто использует привычные формы реализации собственных интересов.

Одной из причин такой ситуации является то, что в самом медицинском сообществе существуют разные мнения по поводу возникновения пандемии и способов борьбы с новой вирусной инфекцией. Само ее появление в 2020 году, а также новых штаммов до сих пор вызывает споры. С одной стороны, утверждается мнение о природном происхождении коронавируса, с другой – об искусственном [Профессор РАН Чумаков заявил... 2021]. Выдвигается гипотеза о случайном нарушении правил работы с вирусами, которое привело к заражению т. н. «нулевого» больного. В частности, приводятся результаты расследования этого вопроса в Конгрессе США в конце 2021 года. Они показывают, что мог быть сговор ученых по поводу принятия решения о природном происхождении этой болезни [Латынина 2022].

Медицинское общество разделилось и при поиске методов защиты от коронавируса. Подавляющее большинство поддержало решение об использовании разных способов ограничения контактов людей, включая полный локдаун как самое действенное средство снижения заболеваемости в отдельных странах и в мире в целом. Однако появилась группа вирусологов, которые считают, что такой метод дает кратковременный результат. Сразу после снятия ограничений количество больных вновь воз-

растает. К тому же при принятии решения о самоизоляции людей старшего возраста, закрытии учебных заведений, ограничении возможностей заниматься в спортивных секциях, фитнес-клубах не привлекали специалистов, исследующих негативное влияние таких мер на психическое и физическое здоровье человека [Бутрин 2021].

Открытое профессиональное обсуждение специалистами разных вариантов остановки пандемии было отвергнуто, способствуя распространению в общественном мнении негативного отношения к действиям сторонников жестких запретов. Люди воспринимали их решения как стремление возвысить себя в медицинском сообществе, получив безграничную власть. Закрытие промышленных предприятий, учреждений культуры, общественного питания, свертывание туризма нанесли огромный удар не только по среднему и малому бизнесу, но и лишили работы сотни тысяч людей. Законодательная и исполнительная власть оказались в ситуации выбора: либо следовать указаниям тех, кто с узкопрофессиональных позиций видит методы борьбы с пандемией, либо подходить к решению этой задачи комплексно, учитывая их воздействие на все сферы общественной жизни. Только по истечении двух лет пандемии власти ряда стран пришли к выводу, что локдауны больше приносят вред, чем пользу.

Особенно ярко проявилось отсутствие единого для медицинского сообщества подхода к борьбе с коронавирусом при разработке вакцин и организации прививочной кампании. Вновь использовался метод монопольного права на разработку вакцин и их применение. При этом развернулась борьба не только между разными фармацевтическими организациями, которые их создают, но и государствами. Эгоизм ряда стран стал определять решение о возможности использования вакцин, появившихся в том или ином государстве, для широкого их применения в других частях мира. Нормы сотрудничества в этой сфере отвергаются, что является одной из главных причин распространения новых штаммов коронавируса, роста заболевших в разных странах, независимо от уровня развития в них медицины.

Эгоистический интерес отдельных фармацевтических фирм, связанный с потребностью получить огромные прибыли, определял стремление в кратчайшие сроки создать новую вакцину, получить без положенной проверки право на ее распространение. Значительная часть медицинского сообщества, знакомая с правилами разработки вакцин, их апробации, критически восприняла требование обязательного их использования всем взрослым населением, независимо от состояния здоровья, наличия антител, обеспечивающих самостоятельную борьбу организма с инфекцией. Для подавления инакомыслящих врачей применяют традиционные для культуры эгоизма средства: огульное осуждение, угрозу лишения работы.

Нормы и правила культуры сотрудничества врачей разных специальностей были отвергнуты. Им не объясняли, как людям доказывать

необходимость вакцинации при наличии хронических, нередко весьма тяжелых болезней, отвечать на вопросы о причинах заболевания тех, кто уже ее прошел. Открыто не обсуждались причины сохранения и даже увеличения зараженных коронавирусом в странах, где 80–90% населения должны были получить искусственный иммунитет. Данные на февраль 2022 года свидетельствуют о том, что число повторно болеющих выросло с 0,7% до 15% [До 15% переболевших...]. Очередной штамм показывает, что нужно не только разрабатывать вакцины, но и ускорить создание действенных средств лечения опасной болезни. Пока они так и не появились. Может, причина заключается в потери прибыли тех, кто занимается производством вакцин? Пострадают стремящиеся любыми способами реализовать свои эгоистические интересы.

Пандемия предоставила человечеству возможность проверить, насколько оно готово жить в соответствии с нормами культуры сотрудничества. Вся предшествующая история показывает, что она объединяла людей в борьбе с иностранными захватчиками, при достижении экономической независимости, сохранении национальных традиций. Активное взаимодействие разных стран в условиях глобализации в научной сфере, при создании новых технологий и технических систем, стремлении сохранить природу породило веру, что решение общемировых проблем важнее конфликтов между некоторыми государствами. Чаще всего разногласия вызваны стремлением одной из сторон реализовать эгоистическую потребность в сохранении или получении доминирующего положения в политической, экономической сфере. «Национальный эгоизм, “пещерная логика” времен холодной войны, параноидальные фантомные страхи, попытки защитить собственные, узкие геополитические интересы сплошь и рядом оказывались гораздо сильнее общечеловеческих ценностей» [Медведев 2021].

В этом главная причина того, что сохраняется неравенство в предоставлении вакцин разным странам. Не предпринимались усилия ВОЗ по формированию международной группы ученых, способных совместными усилиями создать для всего мира эффективные лекарства для лечения заразившихся коронавирусом. Не используется опыт стран, которые не жесткими запретами, а иными способами боролись с новой инфекцией и получили достойные внимания результаты. Не анализируются причины того, что в самых развитых в экономическом плане странах после почти полной вакцинации населения количество заболевших очередным штаммом новой болезни высокое. Может, это особая плата за попытку в одиночку найти способы остановки пандемии?

Несмотря на очередные пророчества, утверждающие что она не закончится, так как появятся новые разновидности коронавируса, есть надежда на осмысление роли культуры эгоизма и культуры сотрудничества в его появлении, распространении по всему миру и трудного поиска

способов подавления болезни, унесшей из жизни уже более миллиона людей.

Список источников

1. *Абрамов Д.* Если надо – оценят город. Кому грозит самый жесткий локдаун. URL: <https://ria.ru/20211104/koronavirus-1757613290.html?in=t> (дата обращения: 03.02.2022).

2. *Бутрин Д.* Роспотребнадзор ставит себя выше. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5080279?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 11.02.2022).

3. До 15% переболевших COVID-19 заражаются повторно, заявил инфекционист. URL: https://ria.ru/20220209/koronavirus-1771840300.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 08.02.2022).

4. *Ибрагимова Г.* Военный трибунал вместо вакцины. Антипрививочникам грозят жесткие меры. URL: <https://ria.ru/20211114/vaktsina-1758814370.html?in=t> (дата обращения: 05.02.2022).

5. Каждый третий привился от ковида принудительно. Рассказываем, почему свердловчане не доверяют вакцине. URL: <https://www.e1.ru/text/health/2021/11/18/70260869/> (дата обращения: 01.02.2022).

6. *Латынина Ю.* Как согласовывали геном. В США разгорается скандал вокруг писем ведущих вирусологов о причине появления ковида. URL: https://yandex.ru/turbo/novayagazeta.ru/s/articles/2022/01/13/kak-soglasovyvali-genom?publisher_logo_url=https%3A%2F%2Favatars.mds.yandex.net%2Fget-turbo%2F2166794%2F2a000001727b7b856834b942205e005cbfc9%2Forig&promo=navbar&utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 07.02.2022).

7. *Меренков А. В.* Культура эгоизма или культура сотрудничества: какая побеждает? Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. 276 с.

8. *Медведев Д.* Шесть уроков одной пандемии. URL: https://rg.ru/2021/11/01/dmitrij-medvedev-o-proshlom-nastoiashchem-i-budushchem-borby-s-covid-19.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 12.02.2022).

9. *Музычук А.* Шведская модель борьбы с коронавирусом сработала. URL: <https://yandex.ru/turbo/medikforum.ru/s/medicine/127691-shvedskaya-model-borby-s-koronavirusom-srabortala.html> (дата обращения: 01.02.2022).

10. Профессор РАН Чумаков заявил об искусственном происхождении коронавируса COVID-19. URL: https://fbm.ru/novosti/society/chumakov-privjoldannye-ob-iskusstvennom-proishozhdenii-covid-19.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 12.02.2022).

11. *Словохотова В.* Как я покупала сертификат о вакцинации. Расследование «Правомира». URL: <https://www.pravmir.ru/kak-ya-kupila-sertifikat-ovakczinaczii-rassledovanie-pravmira/> (дата обращения: 12.02.2022).

12. *Телицина Н.* Фактор риска, который увеличивает вероятность заражения ковидом после вакцинации – и это не возраст. URL: https://yandex.ru/turbo/medikforum.ru/s/health/124546-faktor-riska-kotoryy-uvelichivaet-veroyatnost-zarazheniya-covid-posle-ukola-i-eto-ne-vozrast.html?promo=navbar&utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 10.02.2022).

Набокова Анастасия Дмитриевна,
4 курс, бакалавриат
Южно-Уральский государственный университет
Nabokowa99@yandex.ru

КОММУНИКАЦИЯ В ТЕОРИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые теории информационного общества, а также роль коммуникации в них. Основными теоретическими источниками данной статьи выбраны работы Ё. Масуды, Д. Белла, Э. Тоффлера, М. Маклюэна, М. Кастельса. Значительное внимание уделяется социальным аспектам исследуемых теорий.

Ключевые слова: информационное общество; постиндустриальное общество; информация; коммуникация; теоретические исследования

Nabokova Anastasia Dmitrievna,
4th year, Bachelor's Degree
South Ural State University
Nabokowa99@yandex.ru

COMMUNICATION IN INFORMATION SOCIETY THEORIES

Abstract. The article considers the key theories of the information society, as well as the role of communication in them. The main theoretical sources of this article are the works of Y. Masuda, D. Bell, E. Toffler, M. McLuhan, M. Castells. Particular attention is paid to the social aspects of the theories under study.

Keywords: Information society; post-industrial society; information; communication; theoretical studies

В 60-е годы прошлого века становится очевидно значительное влияние техники и новых технологий на социальное взаимодействие. Изобретение первых ЭВМ, увеличение в геометрической прогрессии знаний, автоматизация ручного труда – все это требовало социологического осмысления. Тогда появляются первые теории, ознаменовавшие переход общественного развития на новый уровень – постиндустриальный. Именно в рамках постиндустриальной концепции возникает концепция информационного общества. Большинство исследователей не отождествляют эти понятия, поскольку первое является более универсальным и в первую очередь отражает вектор развития от доиндустриального общества к постиндустриальному. Концепция же информационного общества изначально делает акцент на большую роль информации и информационных технологий в формирующихся по-новому социальных отношениях. Следует также отметить, что в своих трудах теоретики уделяют значительное внимание трансформации экономической и политической сфер, но в рамках данной работы нами будет рассмотрено то, что отно-

сится в большей степени к социальному, к новым способам социального взаимодействия и коммуникации и их характеристикам.

Одни из наиболее ранних трактовок информационного общества принадлежат японским ученым. Опираясь на реальную практику японского правительства по внедрению коммуникационной инфраструктуры в промышленность, социолог Ё. Масуда излагает свои размышления в книге «Информационное общество как постиндустриальное общество». Главное отличие от индустриального общества, где господствует материальное производство, заключается в возрастающей роли знания и информации. Процесс компьютеризации позволит обществу снизить долю ручного труда и рутинной работы. В этом контексте возрастает значимость коммуникативной деятельности и социального управления. Стоимость продукта будет определяться вложенными в него инновациями, маркетингом и дизайном. Производство информационного продукта, а не материального станет движущей силой образования и развития общества, а их распространение будет осуществляться через новые телекоммуникационные технологии [Masuda 1981: 29].

Социолог раскрывает и изменение человеческих ценностей в информационном обществе, и можно сказать, что теория Масуды в этом плане отличается некоторой утопичностью. Он даже называет ее «Компьютопией». Общество, по мысли автора, станет бесклассовым и бесконфликтным. Для его управления будет достаточно небольшого государственного аппарата, поскольку власть распределяется между всеми членами общества подобно информационному ресурсу. Каждый голос в обществе будущего имеет вес, что приведет к демократизации и всеобщему благу. В нем все аспекты развития личности – образование, профессиональный рост, экономическая деятельность, реализация политической активности, сфера досуга – будут осуществляться в информационной сфере. Все это в целом приведет к значительному росту уровня жизни населения, качества государственного управления и решению насущных проблем, являющихся следствием функционирования индустриального общества.

Подобными настроениями отличается и теория выдающегося американского социолога Д. Белла. Свою интерпретацию конвергенции теорий постиндустриального и информационного обществ он описал в работах «Грядущее постиндустриальное общество» [Белл 2004] и «Социальные рамки информационного общества» [Белл 1988]. Понятием «информационное общество» Белл переименовывает постиндустриальное общество, чтобы в первую очередь сделать видимым не его положение в последовательной иерархии общественного развития, а основу определения его социальной структуры – информацию. «В наступающем столетии, – пишет Д. Белл, – решающее значение для экономической и социальной жизни, для способов производства знания, а также для характера трудо-

вой деятельности человека приобретет становление нового социального уклада, зиждущегося на телекоммуникациях».

Если в индустриальном обществе уровень жизни определяется количеством товаров, то в информационном – качеством услуг и удобств в социальной сфере – медицине, образовании, культуре и отдыхе. Новый уклад более направлен на надындивидуальные ценности – поощряются объединение людей в комьюнити, забота о престарелых и достижения в области образования. В современном обществе коммуникативные технологии предоставляют человеку множество альтернативных средств, а доступ к источникам информации становится условием свободного развития каждого социального субъекта.

Белл является одним из основоположников социального прогнозирования. По его мнению, важнейшие изменения произойдут в третьей инфраструктуре технологий по мере слияния воедино технологий телефона, компьютера, факсимиле, кабельного телевидения и видеодисков. Он предполагает, что бумага вскоре перестанет быть основным носителем информации, а образование будет вестись на основе компьютерного обучения, возможно, даже преимущественно в дистанционных формах. Наиболее предпочитаемым станет труд «белых воротничков» – высококвалифицированных служащих, работающих с передовыми технологиями или занимающихся обработкой данных и регулярно повышающих свою квалификацию.

Можно сказать, что многие идеи Белла нашли отражение в сегодняшней реальности, но вместе с тем мы видим, что не весь труд, связанный с информационными технологиями, интересный и требует образованности. Так, например, мастера офисной техники или операторы технической поддержки пользователей формально работают в сфере ИКТ, но не нуждаются в постоянном совершенствовании образования, а их задачи носят рутинный характер. Об этом пишет, в частности, Ф. Уэбстер в своей книге «Теории информационного общества» [Уэбстер 2004].

В работах Э. Тоффлера концепция информационного общества также претерпевает критическое осмысление, выявляются проблемы общественного устройства нового типа. В своей первой книге из трилогии, посвященной информационному обществу, «Шок будущего», Тоффлер доказывает тезис о том, что происходит увеличение темпа истории и скорости обновления информации, ее потребления [Тоффлер 2001]. Грандиозные перемены ждут организации, страны и отдельного человека. Общество будет дезорганизовано, поскольку ничего подобного раньше не случалось. У людей возникнут проблемы в принятии быстрых разумных решений, необходимых для адаптации к новым условиям.

Тоффлер прогнозирует изменение структуры занятости, прежде всего из-за развития так называемых «электронных коттеджей», которые представляют собой домашние, обустроенные недорогой техникой офи-

сы и позволяют работать из дома. Это приведет к снижению нагрузки на экологию, повышению привлекательности сельского образа жизни, сокращению времени и психологической нагрузки, связанной с ежедневными маятниковыми миграциями, а также приведет к сплочению семьи: «...работа на дому предполагает углубление прямых эмоциональных отношений как со своими домашними, так и с соседями». Эта практика домашних офисов способна сплотить вокруг себя, по мнению автора, даже оппозиционно настроенные группы – от консервативной церкви до радикального феминизма.

Задолго до появления Интернета и социальных сетей Тоффлер констатирует, что современная культура, а точнее ее потребление, становится фрагментарной, обрывочной, не требующей воображения и последующей рефлексии. Увиденное быстро устаревает, оставляя лишь осколки впечатлений и образов. Он назвал новый тип «клип-культурой», а его примером – зэппинг – безостановочное переключение телевизионных каналов в попытке найти наиболее интересную передачу. «Современный формат средств массовой коммуникации предлагает информацию в виде коротких модульных вспышек – новостей, фрагментов фильмов и передач, рассекаемых рекламой и имеющих странную, скоротечную и бессвязную форму» [Тоффлер 2002: 119]. В этом новом контексте человек не воспринимает полученную информацию в стандартных структурах и категориях, она усваивается в форме мозаики. Тоффлер отмечает увеличивающийся разрыв между потребителями средств коммуникации второй и третьей волны, что может приводить к непониманию и конфликтам.

Несмотря на все перечисленные противоречия, которые, вероятно, принесет новая эпоха, социолог оценивает ее оптимистично и верит в заложенный в нее потенциал, т. к. «... в самой сердцевине разрушения и распада мы можем обнаружить сейчас потрясающие свидетельства зарождения и жизни. Ясно и, как мне кажется, неоспоримо, что ... зарождающаяся цивилизация может стать более здоровой, благоразумной и устойчивой, более пристойной и более демократической, чем любая из известных нам до сих пор» [Тоффлер 2002: 12].

Весомый вклад в развитие представлений об информационном обществе внес знаменитый канадский социолог, культуролог, литературовед М. Маклюэн. Проанализировав изменения, которые происходят в общественном сознании и ценностных ориентациях людей под воздействием информационных технологий и средств массовой коммуникации, он делится своими выводами в книге «Галактика Гуттенберга» [Маклюэн 2004]. Такие ее положения, как «глобальная деревня» и «средство информации является сообщением», на данный момент получили статус клише. Рассмотрим их суть подробнее.

Концепция «глобальной деревни» представляет собой понимание мира, в котором исчезают расстояние и различие. Благодаря высокому

уровню технического развития возникает единая культура, в которой люди следуют одинаковым ценностям, придерживаются схожего образа жизни, используют один и тот же стиль в одежде, выбирают идентичный способ, как провести свободное время. Утрачивает свое значение расстояние, поскольку технологии позволяют передавать информацию мгновенно, масштабы планеты сужаются до уровня «деревни», где ее жители знакомы между собой, а построить новые коммуникационные сети не представляется проблемой.

Относительно второго тезиса («средство информации является сообщением») можно сказать следующее. По М. Маклюэну, коммуникация – решающий компонент современной культуры. Маклюэн утверждает, что бурное развитие современных информационных технологий ведет к тому, что содержание коммуникации отступает на задний план, а средства ее осуществления приобретают нарастающие возможности манипулирования сознанием людей, «зомбирования». Мы получаем не факты, а способ их оценки, не «чистую» информацию о событиях, а определенный подход к ним. Таким образом, массмедиа могут придавать значимость будничным событиям или исключать из повестки определенные сюжеты. Наивному потребителю остается лишь внимать эту фрагментарную картину мира. Автор указывает на схожесть с мифологическим мышлением общества аграрного типа. Для телевизионного поколения само собой разумеющимся становится то, что средства массовой коммуникации всемогущи, всезнающи.

Вызывает интерес, как, по мысли Маклюэна, вообще происходит переход от одной стадии развития общества к другой. В основе этого процесса лежит смена способов коммуникации, что, в свою очередь, ведет к прогрессу в технологиях. Вместе с этим меняются и доминирующие органы восприятия. Так, до изобретения письменности человека окружала только устная речь. Мир – аудиовселенную – можно было познать только интуитивно. Изобретение алфавита как активного коммуникативного средства вызвало «эксплозию» – продолжающийся уже три тысячелетия взрыв механической технологии, фрагментарной письменной культуры, визуальное давление которой гипертрофировало глаз, переключило центр восприятия со слуха на зрение. С тех пор начались процессы фрагментации общества и отчуждения человека: печатное слово позволило познавать мир индивидуально, вне коллективного сознания общины. Кроме того, книга стала первым стандартно воспроизводимым товаром, т. е. первым продуктом массового производства.

Появление электричества ознаменовало начало новой современной эпохи. Оно в сочетании со средствами массовой коммуникации (телевидение и электронные СМИ) позволяет мгновенно объединить людей так, что любой участник коммуникации имеет возможность повзаимодействовать с любым количеством реципиентов. Человечество возвращается

к племенному сознанию и ощущает себя единым коллективом, в котором нет места изоляции, индивидуализму и подавлению меньшинств – результатам «тирании визуального восприятия».

Говоря об изучении роли информационно-коммуникационных технологий в эволюции общества, нельзя не рассмотреть теорию сетевого общества одного из ведущих социологов современности – Мануэля Кастельса. Публикация его труда «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» в трех томах явилась крупным событием в анализе фундаментальных процессов социальных трансформаций [Кастельс 2000]. Каждый том посвящен изучению этих процессов в разных сферах: экономической, политической и социальной. Более подробно рассмотрим последнюю, однако признаем непосредственную связь всех сфер и их взаимовлияние.

Теория Кастельса отличается существенной новизной от имеющихся концепций информационного общества (Д. Белла, Э. Тоффлера и др.). Так, например, автор уточняет, что информация и знания не являются продуктом современного общества, их функционирование присуще человечеству на протяжении всей истории: «Разумеется, знания и информация являются критически важными элементами во всех способах развития, так как процесс производства всегда основан на некотором уровне знаний и на обработке информации» [Кастельс 2000: 39]. Поэтому Кастельс называет постиндустриальное общество «информациональным», в нем генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти. Он утверждает, что именно этот факт, а не доминирование сферы услуг является определяющим для информационного общества [Кастельс 2004: 89].

Социолог дает еще одно определение обществу – сетевое, поскольку в нем господствующие функции и процессы реализуются по принципу сетей. Социальная сфера приобретает сетевой характер из-за развития технологии Интернет. Дополняя первые издания своей книги, автор утверждает, что наибольшие изменения наблюдаются именно в коммуникациях. Так, темп распространения сети Интернет увеличивается: если в 1995 г. число пользователей в мире составляло 40 млн человек, в начале 2022 г. достигло 4,95 млрд [Digital 2022: another year of bumper growth].

Кастельс разводит Интернет, беспроводную коммуникацию и традиционные средства массовой информации, подчеркивая, что первые носят интерактивный характер. Тем не менее границы между средствами массовой коммуникации и всеми другими формами коммуникации все больше стираются. Более того, отмечается, что Интернет и его производные являются коммуникационным каркасом повседневной жизни все большего числа индивидов. Это касается их рабочих обязанностей, личного досуга, способов их информирования об окружающей действительности, пользования государственными услугами. То есть информационные технологии распространяются на все виды человеческой деятельно-

сти, что оказывает влияние на конструирование личной жизни индивида, а также групповой деятельности [Обухов 2008: 107-110].

Также социолог отмечает возникновение новой культуры, которую он определяет как культуру «реальной виртуальности». Под этим подразумевается, что материальное и символическое существование людей полностью погружено в «установку виртуальных образов». Коммуникация, опосредованная сетью Интернет, способствует возникновению многочисленных виртуальных субкультур – сообществ, отличающихся по интересам, взглядам, личным вкусам их участников. Такая персонификация коммуникации приводит к отказу от реального общения в пользу виртуального. Такова культура «реальной виртуальности», где виртуальный мир оказывается подчас более реальным, чем действительность [Castells 2009].

Есть еще одно отличие от более ранних концепций (например, Массуды или Белла) в представлении структуры информационного общества. Имея возможность воочию оценить влияние беспроводных технологий, Кастельс отрицает их уравнивающий потенциал. В новой информационной культуре также выделяются различные страты, а основанием их дифференциации служит степень доступности информации. Кастельс считает компьютерную коммуникацию принадлежностью исключительно образованной и экономически обеспеченной части населения наиболее развитых стран, чаще всего в больших, высокоразвитых метрополисах, в глобальном масштабе выступающей в роли элиты.

Таким образом, нами были рассмотрены основные теории, предметом которых является коммуникация в информационном обществе. Некоторые из теорий социального взаимодействия в условиях информационного общества отличаются большей степенью идеализированности нового устройства, другие подчеркивают, что с распространением технологий расслоение общества не заканчивается. Однако все они признают, что социальные отношения становятся опосредованы средствами коммуникации, и рассматривают современные технические средства информации в качестве важнейшего стимула и источника социального развития.

Список источников

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социологического прогнозирования / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 2004. 788 с.

2. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе / сокращ. перев. Ю. В. Никуличева; под ред. П. С. Гуревича. – М.: Прогресс, 1988. 330 с.

3. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитоновой. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.

4. Кастельс М. Информационная эпоха, экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. 608 с.

5. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. К.: Ника-Центр, 2004. 432 с.

6. *Обухов К. Н.* Сеть как социальная структура: модель сетевой коммуникации в теории М. Кастельса // Вестник Удмуртского университета. 2008. Вып. 1. С. 107-110.
7. *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 2002. 776 с.
8. *Тоффлер Э.* Шок будущего. М.: АСТ, 2001. 560 с.
9. *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.
10. *Castells M.* The Rise of the Network Society. Information Age. Vol. 1. 2nd Edition with a New Preface edition. Wiley-Blackwell, 2009.
11. *Masuda Y.* The Information Society as Post-Industrial Society. MD., 1981. URL: <http://books.google.ru/books?id=yнкmIxF1G3AC&printsec=frontcover&dq=Masuda,+Yoneji.+The+Information+Society:+as+Post-Industrial+Society> (дата обращения: 22.02.2022).

Нейман Кристина Павловна,
магистрантка, Институт подготовки научных кадров
Национальной академии наук Беларуси,
neiman_kristina@mail.ru

СМИ КАК ВИД МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ. СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ МЕДИА, МАССМЕДИА, СМИ

Аннотация. В статье представлено разграничение понятий СМИ и СМК сквозь призму линейной модели коммуникации Гарольда Лассуэлла, а также уделяется внимание их историческому пониманию. Описан ряд разведения понятий медиа, массмедиа и СМИ. Кроме того, автор характеризует традиционные СМИ и «новые СМИ».

Ключевые слова: СМИ; средства массовой информации; СМК; средства массовой коммуникации; электронные медиа; виды массовой коммуникации

Neiman Kristina Pavlovna,
Master's Degree Student, Graduate School
of the National Academy of Sciences of Belarus,
neiman_kristina@mail.ru

MS AS A FORM OF MASS COMMUNICATION. RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS OF MEDIA, MASSMEDIA, AND MS

Abstract. This article presents the distinction between media and mass media through the lens of Harold Lasswell's linear model of communication, and pays attention to their historical understanding. A series of distinctions between the concepts of media, mass media, and MS are described. Besides, the author characterizes traditional MS and "new MS".

Keywords: mass media; mass communication; electronic media; types of mass communication

Определение того, что представляют собой «средства массовой информации», а также «средства массовой коммуникации», «медиа», целесообразно исследовать через краткий исторический обзор, показывающий, как трансформировалось апеллирование ими. Так, по одному из предположений термин «массовая коммуникация» возник в конце 30-х годов XX в. с целью обозначения распространения новых способов массовой передачи социальной информации (сначала радиовещания – в 20-е годы, а затем телевидения – в 40-е годы) и в связи с их всевозрастающей ролью в жизни населения. А термин «массовая информация» предложил французский исследователь Ф. Терру после Второй мировой войны вместо бытовавшего до этого понятия «массовая коммуникация». Затем в начале 50-х гг. XX века другой французский ученый А. Сوفي развивал научный анализ в этом же ключе. В 60-х гг. произошла обратная переориентация французской социологии на термин «коммуникация».

В СССР в 70-е гг. закрепилось понятие «средства массовой информации и пропаганды», которое отличали от понятия «средства массовой коммуникации», подчеркивая, что первое наделено политическим и классовым окрасом, идущим вразрез с объективным подходом, доминирующим среди западных ученых, а последнее – более объемлющий по содержанию термин, обозначающий совокупность людей и технических средств, способных создавать и передавать информацию разной тематики как гомогенным, так и гетерогенным аудиториям, находящимся в отличающихся социально-демографических, пространственно-временных условиях. Такая позиция господствовала до распада СССР, и уже в 1991 г. введена дефиниция «СМИ», выступившая переходным звеном к «массмедиа» [Иванов 2013: 152].

После, как пишет белорусский исследователь Н. Н. Довнар, с середины 1990-х гг. за незначительный промежуток времени под расширяющимся влиянием коммуникационной среды – Интернета – начинает утверждаться понятие «новые медиа». В начале 2000-х их смысл сводился ко всем видам традиционных медиа, имеющих цифровую форму в интернете. Уже с использованием технологий Web.2 в научный дискурс вводится синонимичный термин «конвергентные СМИ», к содержанию которого причисляют формы СКМ (компьютерные игры, мобильную телефонию). Примерно с 2007 г. употребляются и понятия «интернет-СМИ», «онлайновые СМИ», «электронные СМИ» и др., отличающиеся от традиционных СМИ [Довнар 2017: 352].

В кратком историческом обзоре очерчен круг терминов, который будет встречаться в работе вместе с ключевым «СМИ», но не представлены их толкования, разделяемые автором. С этой целью проведен анализ указанных категорий в нескольких направлениях.

Перовое направление – разграничение содержания СКМ и СМИ. Профессор И. Д. Фомичева предлагает разводить категории, отвечая на 5 вопросов, предложенных Г. Лассуэллом для описания любого рода коммуникации:

1. «Кто говорит?». В СМИ коммуникатор институционализирован (зарегистрированное или самоидентифицирующее себя так юридическое лицо, наделенное законными правами и соответствующими обязанностями); характеризуется как корпоративный производитель информации, распределяющий обязанности по планированию, сбору, отбору и подготовке информации к распространению; профессионален; соотносится с центром производства контента (агентством, телерадиокомпанией, бюро, холдингом и др.). Для интернет-СМИ также правомерно утверждение зависимости от коммуникатора.

2. «Что говорит?». СМИ как носители информации, разнообразной по природе источника, передают так называемый контент (массовую информацию), который многогранен по содержанию, видам, универсален

по намерениям и целям коммуникаторов, общего или специализированного доступа, связан с потребностями, интересами, проблемными ситуациями, являющийся актуальным для широкой аудитории.

3. «По какому каналу?». И. Д. Фомичева заостряет внимание на том, что необходимо учитывать и технические, и социальные стороны организации коммуникации. С первой стороны СМИ обладают техническими средствами фиксации, распространения, тиражирования и передачи информации для широкой аудитории (медиа) и способами передачи информации от одного источника на множество рассеянных получателей (массмедиа). СМИ и СМК как социальные институты не равны термину медиа, определяемому как используемый ими в процессе массовой, межличностной (телефон, Интернет) коммуникации канал. Социальная сторона специально предусмотрена для учета социальных качеств каналов средств массовой информации, идентифицируемых по фиксированной периодичности, регулярности выхода, открытости для населения, коммуникации без синхронной обратной связи. Данная сторона привязана и к проблеме равенства по отношению к СМИ, ограниченной или степенью понятности, или с финансовой точки зрения.

4. «Кому говорит?». Средства массовой информации адресуют информацию массовой аудитории, доходящую до нее через повторяющиеся контакты с определенным каналом. Единая ценностная и информационная платформа способствует возникновению чувства общности с другими получателями.

5. «С каким эффектом?». СМИ предполагают отложенные, кумулятивные эффекты [Фомичева 2012].

Таким образом, И. Д. Фомичева интерпретирует СМИ как вид массовой коммуникации с институционализированным, корпоративным, профессиональным характером сбора, обработки и распространения разных видов информации, регулярностью и периодичностью выпуска, универсальностью, массовой значимостью содержания.

В данном контексте добавим, что деятельность средств массовой информации обусловлена, во-первых, внешними группами факторов: оперативностью (сложной системой источников сообщений, их получателей, объединенных между собой сложными каналами получения информации), актуальностью (соответствие их содержания нуждам населения), направленностью на возрастной состав аудитории, их статусные позиции, место жительства, уровень культуры; во-вторых, внутренними группами факторов: продаваемостью (зависит от спроса на информацию среди объектов рыночной экономики), манипулированием, финансированием (речь идет о монополизации СМИ, единообразии информационного потока) [Бориснев 2003: 250].

Российский ученый Р. В. Анхимова и белорусский ученый А. И. Соловьев придерживаются следующей точки зрения. СМК и СМИ – незави-

симые категории. Понятие СМК по содержанию шире нежели СМИ, охватывает всю систему средств массовой информации и не сопровождается обязательной периодичностью/системностью информации [Анхимова 2015: 466; Соловьев 2018: 28]. А. И. Соловьев в качестве доказательства тезиса приводит и графическую схему, дробящую систему СМК на виды (см. рис.).

Рисунок. Система СМК [Соловьев 2018: 27]

Подтверждение тезиса о необходимости разведения категорий лежит в плоскости их исторического понимания. СМИ традиционно представляли в виде социального института, чья первоочередная функция – информирование (передача социально значимой информации), а уже второстепенными являются социализирующая (передача норм, ценностей, культурных образцов, традиций верований одного поколения к другому), артикулирующая (выявление потребностей граждан и доведение этой информации до органов власти), защищающая (отстаивание интересов, защита отдельных индивидуумов, групп), мобилизующая (способность собирать массы и подвигнуть их на активные действия), контролирующая (контроль за решениями, функционированием власти), рекреативная (предоставление развлекательного контента, требуемого для отдыха индивида) функции и др.

В их эволюции обнаруживаются «элитный» (аудитория – привилегированная часть общества), массовый, специализированный, интерактивный (когда потребители информации самостоятельно выбирают программу) этапы.

В ответ на потребность в изучении способов коммуникации и выдвигании моделей массовой коммуникации научным сообществом разработано научное понятие СМК. Его особенность заключается в признанном воздействии на социум через коммуникативную функцию, а это влечет за собой и разложение на составные части коммуникативного процесса, установление их взаимосвязи, характера взаимодействия коммуникативных систем в пространственно-временной релевантности [Бориснев 2003: 218; Горбатова, Малькевич 2015: 54].

В дополнение приведем иные примеры толкования СМИ:

– в белорусском законодательстве под ними понимают форму периодического распространения массовой информации с использованием печати, вещания теле- или радиопрограммы, глобальной компьютерной сети Интернет, а также сетевое издание как форму распространения массовой информации с использованием глобальной компьютерной сети Интернет [О средствах массовой информации 2021];

– в научной литературе – институты, выполняющие социализирующую, развлекательную, мировоззренческую и иную функции [Запесоцкий 2013: 360];

– информационно-пропагандистский комплекс и наиболее эффективное средство сохранения и распространения культуры, способ социализации молодежи [Зайцева 2012: 48].

Второе направление (более подробно раскрывающее ранее упомянутые положения) – установление того, как соотносятся медиа, массмедиа и средства массовой информации. А. И. Соловьев допускает возможность того, что понятие «медиа» можно интерпретировать как контекстуальный синоним «средств коммуникации», а «массмедиа» соответственно как «средств массовой коммуникации» [Соловьев 2018: 84]. А. В. Шариков конкретизирует, что всякое СМК (массмедиа) суть медиа, но не всякое медиа суть СМК (массмедиа), поскольку существуют не только массовые формы медиа [Дзялошинский, Шариков 2017]. Но из приведенного ряда выпадают СМИ, и даже признание выделенных категорий синонимами не избавляет их от широкого трактования, поэтому дальнейший анализ пойдет иным путем.

Российский ученый С. В. Бориснев ставит знак равенства между СМИ и массмедиа: «средства массовой информации (массмедиа) – социальные институты: периодическая печать (пресса, книжные издательства, агентства печати), радио, телевидение и Интернет, обеспечивающие сбор, обработку и распространение информации в массовом масштабе» [Бориснев 2003: 263]. Кроме того, ученый считает, что СМИ (массмедиа) – это техническое средство коммуникации, наряду со средствами массового воздействия (кино, театром, цирком, всеми зрелищными представлениями, художественной литературой) и собственно техническими средствами (например, телефоном) [Бориснев 2003: 211].

Не сильно существенно отличается и такая дефиниция: «средства массовой информации или массмедиа – это организационно-технические комплексы, позволяющие осуществлять быструю передачу и массовое тиражирование больших объемов словесной, образной и музыкальной информации» [Социология 2018: 225]. Украинский исследователь В. Ф. Иванов, выстраивая логику отделения, приравнивания вышеупомянутые категории, обозначил, что с социологического видения средства массовой информации – это конгломерат современных каналов связи,

доносящих разноплановую информацию до представителей широкой общественности. Ключевое то, что он добавил условную самостоятельность массмедиа, наличие у них слабой обратной связи, т. е. он также отождествляет интересующие нас категории [Иванов 2013: 148].

Отходя от руслу однозначного синонимического употребления терминов, профессор Е. В. Ахмадулин, наоборот, пишет, что их стоит анализировать как отличающиеся друг от друга средства доставки массовой информации (газеты, журналы, книги, кино, радио, телевидение, Интернет и др.). Массмедиа – это и специфический вид деятельности, ориентированный на представительство разных мнений, и социальный институт, и средство распространения рекламы; СМИ – результат соответствующих правовых регламентаций, суть которого – в формировании коллективного сознания слушателей, зрителей, читателей [Ахмадулин 2011: 177].

Массмедиа наиболее всесторонне и аргументировано изучал Н. Луман. Он понимал под ними совокупность общественных учреждений, распространяющих сообщения техническими средствами (книги, журналы, газеты, выпущенные на печатном станке, продукты фото / электронного копирования, сообщения в эфире и др.). Массмедиа производят массовые продукты для неуточненного адресата, взаимодействие с которым опосредованно техническими средствами [Луман 2005: 10-11]. Они как наблюдаемая система удваивают реальность, выступают подсистемой общества, самоописывающей ее, управляют самонаблюдением за ней, являются памятью системы, также формируют общественное мнение и приспосабливаются к нему на базе представлений о нем, не содержат в себе манипуляций и фальсификаций [Луман 2005: 151-152, 224-227].

Медиа в конечном счете понимается и как институты, и технические средства / технологии, и вербальный язык, и язык тела, что вкуче опосредует взаимодействие индивидов, социальных фактов, видоизменяет их деятельность, облегчает получение и трансляцию информации. Медиа менее формализованы, чем СМИ, по причине того, что для причисления к ним не нужно соблюдения четко очерченного набора признаков, характеристик. Они функционируют в соответствии с моделью «один – многим», реализуют обратную связь, самоочевидны и естественны для пользователя. А сегодня еще и наделены способами доставки информации и использованием сетевых ИКТ, преобразующих индивидов из пассивных получателей информации в активных пользователей [Балуев 2016; Республика Беларусь в эпоху цифровой трансформации 2019: 38].

На фоне терминологического нагромождения существенно уточнение Н. Н. Довнар: медиа более широкое понятие, чем СМИ. Развивая мысль белорусского ученого, добавим взгляд И. Д. Фомичевой, утверждающей, что в западных изданиях медиа и явления, относимые к ним, шире ряда массмедиа, а ряд массмедиа шире средств массовой информации [Довнар 2017: 352; Фомичева 2012: 64]. Резюмируя указанные поло-

жения, мы дифференцируем упомянутые нами категории, не называя их синонимами.

Как ранее было установлено, средствами массовой информации называют периодическую печать, телевидение, радиовещание, часть ресурсов Интернет (например, информационные ресурсы, текстовые сайты, блогосфера частично относятся и к СМИ, и к СМК), с допущением возможности относить Интернет в целом к СМИ [Фомичева 2012: 31, 300].

Дж. Куран классифицирует СМИ на коммерческие (выражают интересы частного сектора – бизнеса); гражданские (представляют интересы электората, коллективных аудиторий); профессиональные (демонстрируют мнения профсоюзов, профессиональных групп); общественно-рыночные (ориентированы на отображение интересов групп потребителей, социума в целом, с возможностью дискуссирования по общезначимым проблемам) [Социология массовой коммуникации 2015: 28].

Для нас наиболее значимо, что традиционными средствами массовой информации из них считают триумвират: печать, радио, телевидение. Они состоят из совокупности каналов – газет, журналов, альманахов, книжной продукции, радио- и телепрограмм – распространяющихся по всему миру, в отдельных областях, городах. Триумвират делает единым способность доносить до массовой аудитории словесно-понятийную и эмоционально-образную информацию, а отличает их друг от друга характерное своеобразие (у радио – невизуальное звуковое сообщение, у телевидения – кинематографическое изображение, у печати – словесно-буквенная информация).

На сегодняшний день печать находится в проигрышном положении по отношению к остальным, так как она не передает информацию оперативно и непрерывно. В то время как у радио такой недостаток отсутствует, поскольку радиосвязь передает информацию о событии на неограниченные расстояния практически в момент его свершения. Радио в полной мере реализует возможности звука в той степени, в какой это не позволяет сделать телевидение. Но телевидение на фоне радио и печати вызывает в большей мере «эффект присутствия» в силу сочетания звуко-видеоряда, обеспечивающего прочную связь с аудиторией [Бреус 2012: 26-40].

Традиционные средства массовой информации вынуждены трансформировать практики функционирования, усовершенствовать технологии сбора, обработки, распространения информации, привлекать мультимедийные платформы вследствие возрастающей роли Интернета, стремительных изменений в распространении новых технологий в информационной сфере, производстве, хранении, распределении информации СМК, специфики содержания средств массовой информации, быстрых темпов компьютеризации и информатизации, дигитализации (перевода информации в цифровую форму), медиаконвергенции, которая, по мнению белорусского ученого А. В. Посталовского, является тенденцией в нацио-

нальном информационном поле и «предполагает видоизменение форматов подачи материалов и стирание структурных границ между традиционными сегментами информационного поля и интернет-ресурсами» [Посталовский 2017: 126; Хлызова 2016: 1108].

Также вышеназванные обстоятельства привели к необходимости появления понятия «новые СМИ». Зарубежные специалисты Н. Нагпал и С. Д. Трипати истолковывают их как новые культурные формы, обрабатываемые и воспроизводимые в культурной среде, распространение которых осуществляется с помощью интернет-сайтов, виртуальных миров, мультимедиа, компьютерных игр и анимации, цифровых видео, спецэффектов, кино. Этому способствует наличие в смартфоне Интернета, социальных сетей, музыки, камеры, видео- и звукозаписи и иных функций [Nagpal, Tripathi 2019: 6].

Д. Г. Балуев и Д. И. Каминченко дают максимально широкую трактовку: «“новые СМИ” – 1) электронные средства массовой информации, позволяющие аудитории взаимодействовать с производителями информации; 2) сетевой (т. е. функционирующий по принципу сети) социальный институт, направленный, помимо производства и распространения информации, на регуляцию взаимодействия, а также установление и поддержание социальных связей между людьми, на выработку определенных ценностей в пользовательской среде».

Некоторые идентификаторы «новых СМИ»:

- принятие участия в работе с информацией не только профессионально обученных специалистов, но и непрофессионалов (блогеров в частности), миллионов пользователей интернета;

- специфическое содержание;

- динамичность и оперативность работы с информацией, проистекающие из того, что «новые СМИ» зачастую являются источником актуальных полевых данных;

- гипертекстуальность – форма представления информации, позволяющая пользователю повысить собственный уровень информированности путем следования соответствующим ссылкам – укрепляет критическое мышление и мировоззрение;

- внедрение ранее не существовавших площадок и инструментов для самовыражения человека;

- высокая степень интерактивности (важная роль в этом отведена Интернету) в развитии контента;

- платфооориентированность, т. е. новые СМИ связаны с имеющимися аппаратно-программными платформами, в отличие от традиционных СМИ, базировавшихся на конкретной инфраструктуре – типографии, радио- и телестанции, кабельные сети, радио.

«Новые СМИ» создают благоприятные условия для становления ценности коллективного действия, преобразуют обыденное сознание,

статусно-ролевые практики, способствуют проявлению индивидуализации. С традиционными СМИ их сближает первоочередная цель – сбор, обработка и распространение информации (в случае «новых СМИ» для распространения используют цифровые, сетевые технологии коммуникации) [Балуев, Камиченко 2016; Балуев 2014: 32-36].

Интернет-СМИ (другое название «новых СМИ») имеют облик в виде веб-сайтов, выполняющих функции средств массовой информации в сети Интернет. Они наделяют нас возможностью в данный момент отслеживать какие-либо интересующие нас события, явления, факты, обсуждать их (интерактивность), их можно архивировать, они доступны постоянно и др. Приведем пример их типологии (см. табл.) [Тулисова 2017: 230, 234].

Таблица 1

Типологии интернет-СМИ

Критерий	Типы
по степени профессиональности	профессиональные, то есть их создают специалисты в области массовой информации; любительские
по доступности читателям	общедоступные (предназначены для широкой аудитории); с ограниченным доступом (доступ имеют лишь зарегистрированные пользователи)
по характеру аудитории	общие (понятны большому числу пользователей); специализированные (для узкой, обладающей какими-то компетенциями, знаниями аудитории)
по характеру публикуемой информации	новостные (оперативно освещают факты, события, явления); информационные (предоставляют информацию о событиях, явлениях, фактах, но не всегда оперативно, их основная цель – доведение сжатых сведений); аналитические (отражают подробную, углубленную информацию с комментариями к ней)
по частоте обновления	регулярно обновляемые; нерегулярно обновляемые
по методам работы с информацией	контентосоздающие (внешние источники предоставляют информацию, она перерабатывается, проверяется и становится доступной читателям); контентопотребляющие (доносят информацию, ссылаясь на первоисточник)
по характеру информации	качественные (потребитель – высокообразованный читатель); массовые (доступны для понимания большинству читателей); смешанные

Источник: [Соловьев 2018: 231-233]

Резюмируя, однозначное понимание термина «средства массовой информации» в научной литературе не всегда имеет место, что вызывает дискуссии среди представителей разных областей знания. Это происходит по причине того, что СМИ, медиа, СМК ставят в один терминологический ряд, приравнивая их друг к другу. В ходе анализа аргументировано доказано, что понятие «медиа» шире, чем «массмедиа», а ряд «массмедиа» шире средств массовой информации.

В конечном итоге медиа – институт, технические средства / технологии, вербальный язык и язык тела, в совокупности реализующие обратную связь. Они не обладают четкими критериями отнесения к ним, но опосредуют взаимодействие индивидов, социальных фактов, видоизменяют их деятельность, облегчают получение и трансляцию информации, функционируют в соответствии с моделью «один – многим». Тогда как массмедиа – это и специфический вид деятельности, ориентированный на представительство разных мнений, производство массового продукта для неизвестного адресата, и социальный институт, и средство распространения рекламы.

Отметим, что средства массовой информации следует понимать как вид массовой коммуникации без синхронной обратной связи, предполагающий корпоративный, профессиональный, институционализированный характер получения, обработки и распространения массовой информации, характеризующийся регулярностью и периодичностью выхода, универсальностью, массовой значимостью содержания информации.

Средствами массовой информации считают периодическую печать, телевидение, радиовещание, а также часть ресурсов Интернета (информационные ресурсы, текстовые сайты). К традиционным средствам массовой информации однозначно относят триумвират: печать, радио, телевидение. А «новые СМИ» (интернет-СМИ) имеют облик сетевых социальных институтов, производящих, распространяющих информацию, регулирующих взаимодействие, вырабатывающих ценности в пользовательской среде. Их особенности проистекают из платфооориентированности, гипертекстуальности, создания содержания как профессионалами, так и непрофессионалами.

Список источников

1. *Анхимова Р. В.* Средства массовой информации как часть коммуникативной системы: понятие, функции и роль в обществе // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.* 2015. № 3. С. 464-468.
2. *Ахмадулин Е. В.* «Журналистика»: к вопросу о самоопределении // *Известия Южного федер. ун-та. Филол. науки.* 2011. № 3. С. 174-178.
3. *Балуев Д. Г.* Новые средства массовой информации: проблемы теоретического осмысления // *Информационное общество.* 2014. № 1. С. 31-39.
4. *Балуев Д. Г., Каминченко Д. И.* Сравнительный анализ «Новых СМИ» и социальных медиа в контексте социально-политического и исторического факторов // *Вестник Томского государственного университета.* URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-novyh-smi-i-sotsialnyh-media-v-kontekste-sotsialno-politicheskogo-i-istoricheskogo-fak> (дата обращения: 28.01.2022).

5. *Бориснёв С. В.* Социология коммуникации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 270 с.
6. *Бреус Е. С.* Психологические аспекты функционирования средств массовой информации: монография. М.: Лаборатория книги, 2012. 99 с.
7. *Горбатова Н. В., Малькевич А. А.* Современные СМИ как инструмент политической социализации молодежи // Управленческое консультирование. 2015. № 5. С. 52-63.
8. *Дзялошинский И. М., Шариков А. В.* О современном состоянии и дальнейшем развитии сферы коммуникационных наук в России // Медиаскоп: [веб-сайт]. URL: <http://www.mediascope.ru/2342> (дата обращения: 31.01.2021).
9. *Довнар Н. Н.* К вопросу о понятии СМИ // Журналістыка-2017: стан, праблемы і перспектывы: матэрыялы 19-й Міжнар. навук.-практ. канф., 16–17 ліст. 2017 г., Мінск / БДУ, Інстытут журналістыкі; рэдкал.: С. В. Дубовік (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2017. С. 352-354.
10. *Зайцева О. М.* Средства массовой информации как агент социализации молодежи в контексте модернизации Российской Федерации // Сервис PLUS. 2012. № 3. С. 47-51.
11. *Запесоцкий А. С.* Метаморфозы СМИ: новое качество или новые болезни. Новые идеи в социологии: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 479 с.
12. *Иванов В. Ф.* Массовая коммуникация: монография. Киев: Академия Украинской Прессы, Центр Свободной Прессы. 2013. 902 с.
13. *Луман Н.* Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005. 256 с.
14. О средствах массовой информации: Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-3; в ред. Закона Респ. Беларусь от 24 мая 2021 г. № 110-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.
15. *Посталовский А. В.* Традиционные СМИ против интернет-ресурсов: направления трансформации национального информационного поля // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2017. № 4. С. 123-132.
16. Становление и развитие цифровой трансформации и информационного общества (ИТ-страны) в Республике Беларусь / Р. Б. Григянец [и др.]; Минск: Белоруская навука, 2019. 227 с.
17. *Соловьёв А. И.* Современные технологии массмедиа: пособие. Минск: БГУ, 2018. 279 с.
18. Социология: учебник для академического бакалавриата / под общ. ред. А. С. Тургаева. М.: Издательство «Юрайт», 2018. 397 с.
19. Социология массовой коммуникации: учебно-методическое пособие / сост. Н. И. Бадмаева. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуни-та, 2015. 122 с.
20. *Тулисова В. А.* Трансформация средств массовой коммуникации: от традиционных средств массовой информации к New Media // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6, № 2. С. 228-244.
21. *Фомичева И. Д.* СМИ среди средств массовой коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2012. № 1. С. 60-72.
22. *Фомичева И. Д.* Социология СМИ. М.: Аспект Пресс, 2012. 360 с.

23. Хлызова А. А. Телевидение в условиях конвергенции СМИ на современном этапе // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2016. Т. 158. С. 1108-1122.

24. Nagpal N., Tripathi S. D. New media, youngsters and family: an emerging culture of changing communication practices in Indian families – a study in Delhi and NCR // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. 2019. No. 3. P. 5-40.

Омелаенко Н. В.,кандидат социологических наук, доцент,
Тюменский индустриальный университет,
omnv2011@mail.ru**ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ:
ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ, ФОРМИРОВАНИЕ, ТИПЫ**

Аннотация. Данная статья посвящена одной из важных проблем, которая волнует каждого человека – проблеме его самоопределения – идентичности. В статье описаны основные характеристики идентичности, ее развитие и основные типы. Формирование идентичности рассмотрено с точки зрения интеракционистского подхода – концепции зеркального «Я». Автор анализирует конструктивистское понимание идентичности, исходя из теории социального конструирования реальности. Показано, что социальные процессы создают идентичность, и она поддерживается, видоизменяется посредством социальных отношений. Ориентация и поведение в повседневной жизни зависят от типа идентичности. В статье изучаются разные формы социальной идентичности – культурная, этническая и гражданская идентичность. Анализируя этническую идентичность, автор обращает свое внимание на три доминирующих научных подхода – примордиалистский, инструменталистский и конструктивистский. Описывая этническую идентичность, автор указывает этапы ее становления. Автор подчеркивает, что в многонациональной стране среди многообразных форм идентичности доминирующей формой должна стать гражданская идентичность. В заключении сделаны выводы, что идентичность отражает наше представление о самом себе, она формируется в процессе социального взаимодействия с другими участниками только в определенных социальных условиях. Идентичность зависит от ситуации и может меняться, если что-то угрожает существованию человека или становится выгодным для него.

Ключевые слова: идентичность; характеристики идентичности; типы идентичности; социальная идентичность; культурная идентичность; этническая идентичность; гражданская идентичность

Omelaenko N. V.,Candidate of Sociology, Associate Professor,
Industrial University of Tyumen,
omnv2011@mail.ru**IDENTITY IN MODERN SOCIETY:
MAIN CHARACTERISTICS, FORMATION, TYPES**

Abstract. This article is devoted to one of the important problems that worry every person – the problem of self-determination – identity. The article describes the main characteristics of identity, its development and main types. The formation of identity is considered from the point of view of the interactionist approach – the concept of the mirror “I”. The author analyzes the constructivist approach of identity based on the theory of social construction of reality. It is shown that social processes create an identity, and it is maintained and modified through social relations. Orientation and behavior depend

on the type of identity in everyday life. The article studies different forms of social identity – cultural, ethnic and civic identity. Analyzing ethnic identity, the author draws your attention to three dominant scientific approaches – primordialist, instrumentalist and constructivist. Describing ethnic identity, the author indicates the stages of its formation. The author emphasizes that in a multinational country, among the diverse forms of identity, civic identity should become the dominant form. In conclusion, identity reflects our idea of ourselves, it is formed in the process of social interaction with other participants only in certain social conditions. Identity – depends on the situation and can be changed if something threatens the existence of a person or becomes beneficial for him.

Keywords: identity; identity characteristics; identity types; social identity; cultural identity; ethnic identity; civic identity

Идентичность имеет большое значение в жизни каждого человека, так как она помогает ему понять, кем он является, к каким социальным группам принадлежит и какие социальные роли может выполнять в обществе.

Феномен идентичности является предметом изучения многих социально-гуманитарных наук, но каждая из них по-своему изучала идентичность человека – как отдельный организм, как душу, как часть определенной социальной группы.

Идентичность в психологии – это субъективное ощущение тождества и целостности, единство личной и культурной идентичностей, которые берут начало в прошлом народа. Формирование идентичности – это одновременный процесс отражения и наблюдения, который проходит на всех уровнях психической деятельности, при помощи которого индивид оценивает себя с точки зрения того, как другие оценивают его, сравнивая с собой. В то же время он оценивает их суждения о нем с позиции того, как он воспринимает себя в сравнении с ними и с типами, значимыми для него [Эриксон 1996: 26].

В социологии идентичность обозначает осознание индивидом себя, того, кем он является. Идентичность всегда предполагает как сходство с другими людьми, так и отличие от них [Аберкромби 2004: 155].

Социологи изучают идентичность с точки зрения общества и его институтов. Для социолога важна роль и статусы, которые выполняет индивид в определенной социальной системе. Для социолога профессия, социально-экономический статус, пол, раса, образовательный уровень и т. д. – это основные части идентичности [Заковоротная 1999: 155].

Рассматривая историю изучения идентичности, следует напомнить, что проблема идентичности была в центре внимания представителей символического интеракционизма Ч. Кули и Дж. Мида [Американская социологическая мысль 1994; Кули 2000].

Большое внимание изучению идентичности уделяли сторонники психоаналитических теорий – З. Фрейд, Э. Фромм и др. [Фрейд 2001; Фромм 2022].

Концепция социальной идентичности была впервые предложена Дж. Тернером и Э. Эриксоном, согласно которой идентичность определяется через сравнение себя с другими [Шихирев 1999; Эриксон 1996].

Исследованием идентичности занимались представители конструктивистского направления в социологии Л. Бергер и феноменологического направления Т. Лукман [Бергер, Лукман 1995].

Проблема идентичности стала центральной в исследованиях П. Бурдьё, И. Валлерстайна, Э. Гидденса и др. [Бурдьё 2001; Валлерстайн 2003; Гидденс 1999].

Идентичность имеет следующие характеристики. Во-первых, ей обладают как индивиды, так и группы, и она меняется только в группах. Согласно теории социальной идентичности, люди стремятся найти свою идентичность часто в разных, порой враждебных друг другу группах. При этом индивид может быть одновременно членом нескольких групп и иметь разные идентичности. Групповые идентичности наиболее устойчивы, поскольку они существуют согласно определенным правилам.

Во-вторых, идентичности представляют собой конструкции, созданные людьми по их собственной воле или в случае необходимости. Идентичности – это воображаемые сообщества, это то, что мы думаем о самих себе. Некоторые идентичности могут изменяться в зависимости от ситуации.

В-третьих, индивиды, как и группы, обладают множественными идентичностями. Среди них – кровные, территориальные, экономические, культурные, политические, социальные, национальные. Значение этих идентичностей для индивида может меняться, и порой они могут конфликтовать между собой либо дополнять друг друга.

В-четвертых, идентичности определяются «самостью», они являются результатом взаимодействия человека или группы с другими людьми или группами. Так, например, если большая часть населения страны считает определенную этническую группу отсталой и невежественной, то и эта группа будет себя чувствовать таким же образом. И это отношение превратится в часть ее идентичности [Хантингтон 2004: 7].

К указанным характеристикам можно добавить управление идентичностью. Процесс управления идентичностью исследовал представитель феноменологической социологии И. Гофман в книге «Стигма». В этой работе он рассмотрел феномен ущербной идентичности. Стигма – греческое слово, которое обозначает метку, тавро. В социологии под стигмой понимают те социальные признаки, при наличии которых люди исключаются из числа нормальных, примером стигмы может быть инвалидность человека. Наличие стигмы в обществе всегда связано с дискриминацией человека. Люди с ограниченными возможностями всегда борются с этой дискриминацией, выбирая различные техники поведения, они либо скрывают свой недостаток, либо выставляют его напоказ. Некоторые люди с ограниченными возможностями ведут себя как здоровые

люди, для того чтобы не ставить в неловкое положение тех, кто не знает, как следует с ними обращаться. Таким образом, они укрепляют и восстанавливают собственную идентичность, создавая условия другим людям для нормального поведения [Абельс 2000: 107].

По мнению И. Гофмана, каждый человек имеет право на личное пространство, на свою территорию. Именно она является для него определенным пространством для создания и укрепления идентичности. Территория служит как для выступления индивида перед другими людьми, так и для ухода от них. Она создает и имеет четкие границы близости и одновременно дистанции с другими [Абельс 2000: 211].

Формирование идентичности впервые в социологии рассмотрели представители интеракционистского подхода. Наибольший вклад в теоретическое исследование идентичности внес представитель символического интеракционизма Ч. Кули. Он ввел понятие самости («я» «мое», «я сам») и представил концепцию зеркального «Я».

«Я» дано нам в опыте как чувство, как чувственная часть наших представлений. Наше «я» всегда соотносится с другими, и человек воспринимает себя таким, каким видят его другие люди. Каждому человеку необходимо знать, каким другие его воспринимают и как они относятся к его поступкам. В связи с этим идея «я» включает три компонента: представление о том, как мы выглядим в глазах другого человека; представление о том, как он судит о нашем образе; характер и авторитет того человека, в чьем сознании мы себя видим.

Ч. Кули утверждал, что самость и составляющее ее интеллектуальное содержание варьируются от темперамента человека и его окружения. В развитии «я», как и других сторон личности, сказываются глубинная наследственность и социальные факторы, которые можно понять лишь с общим контекстом жизни [Кули 2000: 135-136].

Дж. Мид дополнил и развил теорию зеркального «я», разработав концепцию «обобщенного другого». Он считал, что идентичность человека формируется в процессе социального взаимодействия с другими участниками и в определенных социальных условиях. Изучая генезис самости (идентичности), Дж. Мид предположил, что предпосылками ее возникновения являются такие формы, как жесты, язык, игра и соревнования. Именно они способствуют формированию тех организованных ролей, которые необходимы ребенку в дальнейшей жизни [Американская социологическая мысль 1994: 123].

Развитие идентичности, согласно Дж. Миду, предполагает не только принятие установок других по отношению к себе и другим в процессе взаимодействия, но и принятие установок к разным сферам социальной жизни в качестве члена социальной жизни.

Дж. Мид разделил процесс полного развития самости на две большие стадии. На первой стадии идентичность индивида (самость) форми-

руется за счет организации отдельных установок других индивидов в отношении его и других членов группы в процессе их совместного социального действия.

Только на второй стадии самость представлена не только установками, но и социальными установками социальной группы, к которой себя относит индивид. В итоге самость достигает своего полного развития, когда индивидуальные установки других встраиваются в организованные социальные и групповые установки социальных групп и становятся их моделью поведения.

Организованная самость состоит из установок, которые являются общими для всех членов группы. Индивид является индивидуальностью потому, что принадлежит к какому-то сообществу и принимает установки этого общества, которые оказывают влияние на его поведение.

Благодаря языку индивид приобретает свою индивидуальность, принимая различные роли, он обретает установки членов того общества, где он живет. Все это, по мнению Дж. Мида, составляет структуру человеческой индивидуальности.

Для того чтобы иметь самость, индивид должен быть членом общества. Самости могут существовать лишь в определенных отношениях к другим самостям. Нет четкой грани между нашими собственными самостями и самостями других, потому что наши собственные самости существуют и вступают как таковые в наше сознание лишь постольку, поскольку также существуют и вступают в наше сознание самости других. Индивид обладает самостью лишь в отношении к самостям других членов своей социальной группы. И структура его самости выражает или отражает всеобщую повседневную модель его социальной группы, к которой он принадлежит, точно так же, как это делает структура самости любого другого индивида, принадлежащего к этой социальной группе [Американская социологическая мысль 1994: 124].

Конструктивистское понимание идентичности представлено в концепции социального конструирования реальности П. Бергером и Т. Лукманом.

Исследователи считали идентичность одним из главных элементов субъективной реальности. Идентичность формирует социальные процессы, она поддерживается, видоизменяется и переформируется социальными отношениями. Ориентация и поведение в повседневной жизни зависят от типа идентичности.

Представители данного подхода рассматривали идентичность в рамках теории реальности, т. е. во взаимосвязи с обществом, которое существует в виде объективной и субъективной реальности. П. Бергер и Т. Лукман представляли общество как непрерывный диалектический процесс, который состоит из экстернализации, объективации и интернализации [Бергер, Лукман 1995: 87].

Каждый член общества экстернализирует себя в социальном мире и интернализирует мир как объективную реальность. Это означает следующее: чтобы быть в обществе, нужно принимать участие в его динамике. Однако для вхождения в члены общества необходимо пройти процесс интернационализации, которым обозначают понимание окружающих людей и мира как значимой реальности.

При сложной форме интернационализации человек понимает не только субъективные процессы другого человека, но и мир, в котором он живет. Между ними существует постоянная непрерывная идентификация, индивиды постоянно участвуют в бытии друг друга. При достижении такой степени интернационализации индивид становится членом общества. Данный процесс можно назвать социализацией – «всестороннее и последовательное вхождение индивида в объективный мир общества или в отдельную его часть» [Бергер 1995: 87].

Первичная социализация индивида происходит в детстве. Вторичная социализация представляет собой процесс вхождения социализирующегося индивида в новые сферы объективного мира его общества.

Каждый индивид рождается в объективной социальной структуре, и наиболее значимые для него люди отвечают за его социализацию. Окружающие его люди выступают посредниками между ним и этим миром, знакомят индивида с тем или иным аспектом этой реальности, который они выбирают в зависимости от своего видения своих предпочтений. Таким образом, они оказывают большое влияние на формирование различных типов идентичности – гендерной, культурной, этнической, религиозной, социальной и т. д.

Процесс идентификации себя с другими, со значимыми для ребенка людьми происходит на эмоциональном уровне. Индивид принимает роли и установки других, делая их своими собственными. С помощью этой идентификации ребенок может идентифицировать себя, и таким образом у него формируется «понятная и благовидная идентичность» [Бергер 1995: 88].

Наиболее важным в этой теории является тот факт, что индивид принимает не только установки и роли других, но и мир, в котором живут другие. Исходя из этого положения, П. Бергер и Т. Лукман определяли идентичность как размещение в определенном мире, и она может быть усвоена субъектом только с этим миром, где существуют определенные правила, которым необходимо следовать.

С помощью первичной социализации ребенок постепенно начинает абстрагироваться от ролей и установок других, принимая роли и установки вообще, которые существуют в этом мире. Это абстрагирование называется обобщенным другим и означает идентификацию себя не только с другими, но и со всем обществом. Только с помощью обобщенной идентификации своя собственная идентичность становится постоянной и непрерывной.

Вторичная социализация формирует другие типы идентичности индивида и представляет собой «интернализацию институциональных или институционально обоснованных подмиров» [Бергер 1995: 93].

Социальная природа человека, с одной стороны, вовлекает его в определенную социальную группу, с другой стороны, выделяет его в обществе благодаря присущей ему уникальности. Социальная идентичность – это осознание, ощущение и переживание своей принадлежности к разным социальным группам – класс, семья, территориальная общность, этническая группа, народ, государство, страна и т. д. [Ядов 1995: 159].

Почему человеку необходимо ощущать чувство своей общности и принадлежности к обществу и определенной группе? На этот вопрос очень хорошо ответил Э. Фромм. Он писал, что отсутствие связи с ценностями, символами и устоями общества можно назвать моральным одиночеством, которое является так же непереносимым, как и физическое. Связь с миром может носить возвышенный характер, но даже если она основана на самых низменных началах, все равно она лучше одиночества. Религия и национализм, как и любые обычаи и предрассудки, спасают человека, если они связывают его с другими людьми, и спасают его от самого страшного – изоляции [Фромм 2022: 11].

Другая причина, которая связывает человека с окружающим миром, – это желание сотрудничать с другими, вызванное крайней необходимостью. Ведь если человек хочет выжить, защититься от врагов и природных опасностей, иметь возможность трудиться и производить все необходимое для жизни, ему нужно объединяться в группы с другими людьми.

Принадлежность к обществу обусловлена и субъективным самосознанием человека. Способность мыслить позволяет человеку осознать свою индивидуальность и отличие от других людей. Э. Фромм считал, что принадлежность индивида к какой-либо общности придает смысл и направленность его жизни. Человек должен иметь возможность отнести себя к определенной системе, которая направляет его жизнь и придает ей смысл. Если этого не происходит, то возникают сомнения, которые парализуют способности действовать и жить [Фромм 2022: 12].

Как было сказано выше, индивиды, которые являются членом определенной социальной группы, обладают множеством идентичностей, среди всех форм социальной идентичности особо следует выделить культурную, этническую и национальную.

Представители мультикультурализма, выступающие за культурное многообразие, полагают, что человек имеет множество культурных идентичностей, так он считает себя частью всего мира, а не только представителем одной этнической группы. Другие исследователи рассматривают культурную идентичность как сумму всех идентичностей, которые есть у человека, и понятия социальной и культурной идентичности являются тождественными. Следующий подход основан на том, что существуют

только два вида идентичности – идентичность с собственной группой либо доминирующей. Сторонники третьего подхода занимают крайнюю позицию, суть которой в том, что есть только одна единственная идентичность – национальная.

Формирование национальной идентичности проходит четыре этапа. На первом этапе человек начинает осознавать свое отличие от других. На втором этапе представителям других этнических групп приписываются некоторые культурные характеристики – стереотипы, которые помогают объяснить отличия разных этносов.

На третьем этапе создаются национальная идеология, идеи и мифы, которые внедряют в сознание людей, для того чтобы создать общие идеалы. На четвертом этапе идеалы становятся своеобразным ориентиром для развития и социального прогноза, а также они регулируют поведение людей [Русских 2013: 178].

В настоящее время нет единого понимания в вопросах, касающихся этноса, нации и этнической идентичности. Доминирующими подходами в этой области являются примордиалистский, инструменталистский и конструктивистский.

Представители примордиалистского подхода считают этничность некой данностью, которая дана человеку с рождения. До того, как индивид станет членом общества, он уже имеет чувство общего происхождения и культурные и физические сходства со своей этнической группой. В самом примордиалистском течении различают биосоциальное и эссенциалистское направления. Авторы биосоциальной теории понимают этничность как склонность человека к родственному отбору, в котором большое значение играют родственные связи. Эссенциализм рассматривает этничность как социально обусловленное явление.

Конструктивистское направление представляет этничность как некий искусственно созданный ментальный конструкт для решения политических и экономических задач. Главную роль в создании этничности играют государство, политические элиты и идеологи, они используют этничность для мобилизации масс с целью осуществления своих политических целей.

В конструктивистской концепции выделяют: когнитивизм, релятивизм и инструментализм. По мнению когнитивистов, этничность – это тип идентичности, который формируется у индивида в процессе построения когнитивной картины мира и служит ему психологической защитой, а также удовлетворяет его потребности, связанные с принадлежностью к этнической группе.

Этнологический релятивизм называет этничность конструктом, который необходим для разделения и противопоставления групп по культурному содержанию.

Инструментализм определяет этничность как инструмент, который возникает не из когнитивных и коммуникативных потребностей индивида,

а из экономических и политических интересов групп и является основой для социальной интеграции. По мнению конструктивистов, этничность носит ситуативный характер и зависит от социально-экономических и политических условий существования этнических групп.

Автору данной работы наиболее близко культурно-психологическое направление примордиализма, которое понимает под этничностью культурную общность с такими характеристиками, как общий язык, расовый тип, религия, мировоззрение, психический склад. Данный подход позволяет понять, с какой этнической группой идентифицирует себя индивид, и стереотипы его поведения.

В исследованиях ряда ученых приводится аргументация в пользу преобладания гражданской идентичности над этнонациональной, т. к., по мнению Л. М. Дробижевой, гражданско-государственная (национально-гражданская) идентичность включает не только лояльность государству, но и отождествление индивида со своими согражданами, представления об этом сообществе, ответственность за судьбу страны и сопутствующие этому чувства (гордость, обида, разочарование, пессимизм или энтузиазм) [Дробижева 2008: 69].

Идентичность подвижна и изменчива. Ее изменение часто происходит во время смены политического строя, при серьезных переменах в жизни человека, например увольнение, болезнь, смерть близкого человека, во время кризиса среднего возраста. Так, например, в период экономического кризиса меняется профессиональная идентичность, человек меняет профессию, в силу того что она не приносит дохода, необходимого для удовлетворения всех своих потребностей. Трансформации подвержена и религиозная идентичность, например при вступлении в брак с представителями другой религии. В течение жизни меняется и культурная идентичность, молодые люди вступают в различные субкультуры, принимая их ценности, нормы и атрибуты, взрослея, они покидают эти группы и разделяют ценности массовой, народной или элитарной культуры. Особенно хотелось бы отметить изменение национальной идентичности. Она может частично меняться при добровольной ассимиляции, когда человек сам принимает и разделяет культуру этнического большинства, но часто ему приходится скрывать свою национальную принадлежность, чтобы не подвергаться дискриминации со стороны националистически настроенных групп. Потеря идентичности и ее кризис вызывают у человека чувство депрессии, неврозы, суицидальные мысли, приводят к разным видам зависимости.

В заключение можно сделать следующие выводы.

Идентичность – это мысленно созданный конструкт, который отражает наше представление о самом себе. Идентичность человека формируется в процессе социального взаимодействия с другими участниками только в определенных социальных условиях.

Идентичность может изменяться, некоторые идентичности индивид может менять в зависимости от ситуации, например этническую и религиозную идентичность, если это угрожает его существованию или становится выгодным для него.

Список источников

1. *Абельс Х.* Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб.: Алетейя, 2000. 272 с.
2. *Аберкромби Н.* Социологический словарь. М.: Издательство «Экономика», 2004. 620 с.
3. Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994. 496 с.
4. *Бурдые П.* Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
5. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2003. 368 с.
6. *Гидденс Э.* Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 703 с.
7. *Заковоротная М. В.* Идентичность человека. Социально-философские аспекты. Ростов-на-Дону: Издательство Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 1999. 182 с.
8. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медимум, 1995. 323 с.
9. *Дробижева Л. М.* Процессы интеграции в полиэтническом российском обществе (тенденции и проблемы) // *Общественные науки и современность.* 2008. № 2. С. 68-77.
10. *Кули Ч. Х.* Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000. 320 с.
11. *Русских Л. В.* Идентичность: культурная, этническая, национальная // *Вестник Южно-Уральского государственного университета.* Серия: Социально-гуманитарные науки. 2013. Т. 13, № 2. С. 178-180.
12. *Фрейд З.* Введение в психоанализ: лекции. Санкт-Петербург, 2001. 381 с.
13. *Фромм Э.* Бегство от свободы. URL: <https://pramen.io/wp-content/uploads/> (дата обращения: 01.02.2022).
14. *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: Издательство «АСТ»; Транзиткнига, 2004. 635 с.
15. *Шихирев П. Н.* Современная социальная психология. М.: ИП РАН; КСП; Академический Проект, 1999. 448 с.
16. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. 344 с.
17. *Ядов В. А.* Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // *Мир России.* Социология. Этнология. 1995. № 3-4. С. 158-181.

Симонс Мара,
кандидат наук,
Латвийская академия культуры,
mara.simons@gmail.com

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ИЗ ЛАТВИИ В ШВЕЦИИ: МЕЖДУ ИДЕНТИЧНОСТЯМИ И ВОСПОМИНАНИЯМИ

Аннотация. Это этнографическое исследование посвящено русскоязычным жителям Латвии, которые сейчас живут в Швеции. Русскоязычные жители Латвии приспособляются к новой жизненной ситуации после распада Советского Союза, им приходится быстро приспосабливаться. Нелегким был этот путь и для тех русскоязычных, кто родился или вырос уже в независимой Латвии. Они унесли с собой истории и воспоминания своих семей, которые не всегда вписывались в заново отстроенную Латвию. Исследование показывает, как они переделали себя, чтобы приспособиться к новой жизненной ситуации. В нем рассматриваются вопросы их идентичности и принадлежности, а также их интерпретации деликатных исторических событий.

Ключевые слова: русскоязычные жители; национальная идентичность; коллективная память; этносы

Simons Mara,
PhD Candidate,
Latvian Academy of Culture,
mara.simons@gmail.com

RUSSIAN SPEAKERS FROM LATVIA IN SWEDEN: BETWEEN IDENTITIES AND MEMORIES

Abstract. This ethnographic research looks into Russian speakers from Latvia, who now live in Sweden. Russian speakers from Latvia have been adapting to the new life situation after the collapse of the Soviet Union, being challenged by requirements to adjust rapidly. It has not been an easy path, as well for those Russian speakers who were born or grew up already in the independent Latvia. They have been carrying along stories and memories from their families, which did not always fit in in the newly rebuilt Latvia. The research investigates how did they adjust and remade themselves to adjust to the new life situation. It looks into their identity and belonging issues and their interpretations of the sensitive historical events.

Keywords: Russian-speaking residents; national identity; collective memory; ethnic groups

Introduction

“History is our lost referential, that is to say our myth,” was noted by the famous French sociologist Jean Baudrillard [Baudrillard 1994: 43]. Indeed, history in some regards can become a myth, when told from the perspective of different groups of people, who are carriers of their group’s collective memory. There can be different stories and narratives about the same event.

Both are fitting the reality, but being told from different perspectives, and carrying the frame of the subjectivity along.

History and collective memory stories of post-soviet countries has been shifting shapes and not seldomly leaving different groups of people alienated one from each other. This is the case of Latvia. There is a large Russian speaking community in Latvia. According to public information on the webpage of the Central Statistical Bureau of Latvia [Central Statistical Bureau of Latvia no date given] 42% of the total population of Latvia around year 2020 are other nationalities than Latvian. Approximately 30% are Russians and other 12% for the most part are Russian speakers; therefore, this group is addressed as Russian speakers, not solely as Russians.

Russian speakers in Latvia have been living in the separate information space and in a separate community since the renewal of Latvia's independence from Soviet Union in 1991. It has happened mostly due to the slow and unsupportive integration process from the state, which involves issues with citizenship and problems to acquire the good command of the official language, which is Latvian.

The article aims to investigate how different Russian speakers from Latvia, who now reside in Sweden, formulate their identity and belonging, and what kind of shifts has happened in their perception, related to some questions which are tied together with the collective memory of their group. The research question therefore is posed: how are identity and belonging being negotiated by Russian speakers from Latvia who now live in Sweden?

The first section looks into the formation of the Russian speaking identity in Latvia. The second section is revealing the ways how collective memory is being formed and transferred. Methodology part describes how the data was gathered and analysed. Brief summary is offered in the section Discussion which is followed by the Conclusion.

Russian speaking identity

After collapse of the Soviet Union in 1991 Latvia gained back its independence. Latvia's official language became Latvian, leaving a lot of Russian speakers in limbo as they were demanded to know the language, which they could manage to live without in Soviet Latvia. Official state policy regarding the learning process was not always supporting. There were other factors as well which influenced the division between the Latvian and Russian speaking community like the citizenship issue and educational system. No matter of those different obstacles Russian speakers nowadays have found their ways to adjust. Ammon Cheskin writes about it that "on the one hand the policies and discourses associated with the Latvian state make it difficult for Russian speakers to associate and identify with Latvia. On the other hand, Latvia is their home, not even the Soviet Union. There is therefore a natural desire to identify with Latvia on some level" [Cheskin 2016: 3]. It is not suggested that Russian speakers are simply becoming 'Latvianised', or that they are slowly

assimilating into Latvian culture. Instead, analysis of Russian-speaking discourse demonstrates how certain groups of Russian speakers are increasingly integrating into Latvian society while maintaining/developing, a heightened sense of group identity that is defined both in opposition to, and in synthesis with, Russian and Latvian identities [Cheskin 2016: 4]. David Laitin [1998] outlining the emergence of a specific ‘Russian-speaking nationality’, distinct from Russian identity. Neil Melvin [1995] suggests that it is the result of the ‘Balticisation’ of Russian speakers.

Nowadays many Russian speakers have adjusted and have been integrated linguistically, but as pointed out by Cheskin, many of them have maintained a form of separation from the main – Latvian speaking community [Cheskin 2016: 11]. One of the reasons of this separation might be the Citizenship Law. Many Russian speakers were ineligible for citizenship initially as they could not trace their ancestry to the pre-Soviet Latvia of 1940. Citizenship Law was partially changed and allowed to become a citizen based on linguistic proficiency in Latvian and knowledge of Latvian history [Cheskin 2016: 13], which still has been considered as offensive by some Russian speakers who are born in Latvia and speak Latvian.

Collective memory in post-soviet Latvia

French sociologist, a ‘founding father’ of memory studies [Gensburger 2016], Maurice Halbwachs says that “individual memory” is shaped by the “collective memory”, and the “collective memory is composed of individual memory”. There are also groups that hold collective memories across generations [Cordeiro 2021: 766].

Veridiana Domingos Cordeiro [2021] argues that memory is neither a thing that we grasp and convey nor a cognitive skill that retrieves past images and establishes random connections among them. According to him the memory is relational and processual. It is relational because although it is a mental traveling, it hinges upon the interaction with others. Others trigger, change, and influence our memories and vice-versa. It is processual because it lies in the temporal flow. Also, memory likely acquires a material representation through written narratives or other artifacts [Cordeiro 2021: 770].

Michael Pickering and Emily Keightley [2013: 128] are pointing out that “the transmission of memory is not a straightforward transfer of experiential cargo from one generation to another or between contemporaries; it is the process through which the pasts of others are heard.” There is another aspect of the memory, mentioned by Marianne Hirsch [2008: 114], who talks about the children of Holocaust survivors, calling them as ‘generation of post memory’. It can be applied in other contexts as well such as post-soviet experience and the transference of the family memory in both Russian speaking and Latvian community. Pickering and Keightley are on the same page about it, saying that through our embeddedness in the family the experience of the previous generation is integrated into our own way of being in the world [Pickering, Keightley 2013: 119].

There can be colliding narratives which are related to the same historical event but told differently by different groups of people. Problems can arise if one particular minority community is in conflict with other mnemonic communities in the same society [Nugin 2021: 199]. That is the case of the Russian speaking community versus Latvian when it comes to the issue of the collective memory, specially related to the events just before and after the Second World War. Besides collision there is a risk to marginalize the memory of the opposite side [Nugin 2021: 200].

The Second World War and the consequences of it is one of those events, which brings along a lot of tension between official Latvia's state narrative and the narrative of Russia. Russian speakers in Latvia have been affected to the huge extent by the last one. The victory in the Second World War for most of the Russian speakers in Latvia brings along a positive charge but it has a different emotional charge for many Latvians. Cheskin [2016: 10] puts in in this way: "from Russia's perspective the Red Army heroically liberated Europe from the grip Nazism. Within the official Russian narrative, the Baltic states were not occupied, and the Soviet Union was able to bring many positive achievements to Estonia, Latvia, and Lithuania. On the other hand, the Latvian historical narrative casts Stalinism in the same evil light as Nazism. The Soviet era is portrayed as brutal, and emphasis is placed on the Soviet Union's illegal occupation of a previously independent nation state."

Methodology

Empirical part consists of 13 qualitative, deep, semi-structured interviews with Russian speakers from Latvia, conducted in Sweden in the end of 2020 and until the beginning of 2022. Ethnographical approach is used in this research, which is defined as being "highly descriptive writing about particular groups of people" [Silverman 2020: 492]. The practice of ethnographic research involves "the relationship between researcher and researched is typically even more intimate, long-term and multi-stranded, and the complexities introduced by the self-consciousness of the objects of research have even greater scope" [Davies 2008: 3-4]. All of interviewees, except one, were born either in Soviet Latvia or independent Latvia. One of them emigrated to Latvia from Russia just after the collapse of the Soviet Union. Interviews were conducted mostly in Latvian, with some exceptions where Russian or English language were used partly. To maintain the anonymity, their names have been changed.

Phenomenology as a form of qualitative research was used to analyse lived experience by the prism of the Russian speakers from Latvia in Sweden. Jennifer Fereday and Eimear Muir-Cochrane [2006: 81] state that phenomenology "is a descriptive and interpretive theory of social action that explores subjective experience within the taken-for-granted, "common sense" world of the daily life of individuals." Furthermore, Alfred Schulz [1967] talks about two distinct senses of comprehending interpretive understanding. The first sense is related to the situation where people interpret or make sense of the

phenomena of the everyday world. In the second sense of understanding it by generating ‘ideal’ types that form the basis to interpret or describe the phenomenon being investigated.

Interviews

Identity issues: between Russianness and Latvianness

It has not been easy for Russian speakers in Latvia to define themselves. The paradox of being a Russian speaker but being born in Latvia, has been influencing their identity formation. It has been even more confusing for those Russian speakers, who are not Russians but carriers of other nationalities. Confusion in this case might be even more present. At the same time Russian speakers, even though sometimes coming from only Russian speaking environment around them, at some point usually get exposed to Latvians, which might bring along new discoveries and dilemmas. Some of the interviewees have been exposed to Latvians and the language in their daily life only when going to the university. That is the case for Jaroslava, 36 years old, who has been living in Sweden for 16 years. She admits that she lacked communication with Latvians, which made it difficult when she started her studies only in Latvian at the University. That was her first contact with the same age peers coming from Latvian speaking community. Her language skills in Latvian were too neat, a bit separated from the real, spoken language, which uses slang words and everyday expressions, which were not familiar to Jaroslava: *It is to some extent not normal that people grow up in one country and live in separate and parallel bubbles.* Oksana, 45 years old, has been living in Sweden for 23 years, similar to Jaroslava, established contacts with Latvians while studying in University: *I found myself in another world. I got the feeling that I belong. Not that I was a foreigner before, but now it was a feeling that this is my homeland, that I am part of the Latvia's culture, language and people. It was interesting.*

Yelena, 38 years old, has lived in Sweden for two years, defines herself as Russian from Latvia. She comes from a mostly Russian speaking city Daugavpils, and studied in Russian in the secondary school. She had to pass the naturalization process to gain the citizenship. The exam and the oath given after that made her sort out different inner questions about belonging and identity. As the result of it and after getting to know more Latvians and finding out more about their culture, she developed a strong tie to Latvia:

I have strong feeling of love towards Latvia. That became even more clear when I moved to Sweden. I feel proud that I am from Latvia.

Yelena's husband is a Russian speaker too. In order to transfer a bit of a Latvian culture and the language to their kids, they take them to the Latvian Saturday school in Stockholm.

Another situation is observed with those interviewees who studied in Latvian secondary schools before the University. In those cases, it is possible to see that acquiring a good command of Latvian early on has helped to get to know Latvian community from inside so to say but it has come at the cost of

either feeling that native Russian has become weaker or with other types of confusion and dilemmas regarding identity issues. Yekaterina, 34 years old Russian from Latvia, has been in Sweden for four years, says, she was happy to be studying in Latvian already in the primary school, even though nobody in her family could speak Latvian fluently. Her Mum thought it would be best for her to know the language to have it easier later on in her life. Yekaterina remembers that there were occasions that even though her command of Latvian was as a native speaker's, Latvian colleagues sometimes could be hostile towards her based on her nationality. Yekaterina was working in the Latvian kindergarten and some colleagues said that she should be better working in the Russian day care as her mentality is not fitting for the workplace.

I do not have Russian mentality as I am Latvianised. I know Latvian traditions and celebrate Latvian holidays, says Yekaterina, who considers her to be more Latvian than Russian at this point. She mentions that earlier on she even considered to change her name to sound more Latvian. Asked if she sees any losses as Russian to be Latvianised, Yekaterina says that she does not, even though her Russian might have been weakened, but she can still use it and communicate in the satisfactory level.

Marianna, 32 years old, living eight years in Sweden, in difference from her siblings, went to Latvian school. She like Yekaterina admits that her Russian has suffered as she can not write so well in Russian. Marianna's has a Ukrainian and Polish heritage but the language spoken in the family was Russian. Even though her Latvian friends never treated her differently than other kids, Marianna admits that she felt different as it was somewhat emphasized in the family that they all are different from Latvians. She says that it was not stressed out in a positive or a negative way; it was just feeling while growing up. Marianna reveals that she felt as Latvian for the first time when moving to Sweden. She is married to Latvian and speaks only Latvian to her young kids as it feels more natural for her but wishes that they learned Russian too.

On the sensitive questions of history

Second World War and events around it has been a "hot potato" in Latvian society. It is possible to observe the effect of the sensitivity of those issue in interviews with Russian speakers from Latvia.

I was influenced by parents, who watched Russian news, admits Marianna. *I could not analyse myself. I hade arguments with Latvian friends sometimes about the occupation issue, for example, because my version of what happened was different from her*. Marianna admits that she started to analyse and think for herself when in the university and understood that it is not just *black or white*, when it comes to the issues of the history. She says that the feeling of the confusions is still there and the truth is somewhere in the middle between both official versions of Latvian or Russian state. At the same time Marianna admits that she feels ashamed that her older brother, who went to the Russian speaking school, is going to the Monument of Victory in Riga

on May 9. Asked why would she feel ashamed, she explains that brother is holding Russian flag while doing that, even though he is having nothing do with Russia.

Yekaterina admits that she tries not to be involved in deeper conversations about anything related to conflicts with Latvia and Russia.

I try to distance myself from it. The same about the interpretations regarding history. I do not want to formulate or to decide what I think. I do not know if Latvia was occupied or not. Maybe it was. It is a history and we need to move on, says Yekaterina.

Yelena does not want to take one or another position, when it comes to the different interpretations of the history by Latvians or Russian speakers. She thinks that truth is somewhere in between.

Alona, 35 years old Ukrainian Russian speaker from Latvia, has been in Sweden for 2 years, from another hand, says firmly that she knows that there was an occupation of Latvia. She was exposed to the another interpretation until 9th grade when she studied in Russian school and in the family.

Discussion

Nowadays identity issues are topical. We are allowed to be fluid and become whoever we want to be. Homi Bhabha [2004] talks about a *third space*, a somewhat hybrid and borderline state of being. It is not the identity itself, but the continuous and fluid process of identification, as Bhabha stated when being interviewed in 1990 [Rutherford 2018]. He speaks as well about *unhomely* experience and being *beyond*, which is neither a new horizon, nor a leaving behind of the past. This state of being is well resonating with Russians speakers from Latvia, carrying along baggage of the Soviet Latvia and trying to adjust to the current state of existence in the nowadays Latvia. As it come through in interviews done in this ethnographical research, there is this feeling of the *third place* present in the way interviewees define their identity. Sometimes the identification with *Latvianness* is clearer and more defined when leaving Latvia as in the case of Marianna. Yelena's case is interesting too as she comes from Daugavpils where majority language is Russian. Growing up in the Russian environment she managed to develop her attachment to the Latvian culture. All interviewees associate themselves with Latvia and does not want to be somehow mistaken for Russians from Russia. They are proud to be coming from Latvia and one can talk about a Russian speaking identity in those case, which, as mentioned by Cheskin [2016: 4] is defined both in opposition to, and in synthesis with, Russian and Latvian identities. Fluidity of transferring from one to another appears as well in answers about the interpretation of the history, for example, occupation of Latvia and the meaning of the 9th of May. Most of the interviewees are well aware of the emotional charge which those questions carry in Latvia. They have been exposed to both sides of the story or two different narratives and in most of the cases they do not want to clearly define their own opinion. One can conclude that it puts one in the difficult situation when

you are supposed to choose between your birth country, which is close to you and between the important attributes of the collective memory carried along through generation in Russian speaking community in Latvia.

Conclusion

It has been discovered that Russian speakers from Latvia form somewhat *in-between* identity which can be called as Russian speaking identity. They develop attachment to Latvia and want to be associated with it. Feeling of not always belonging or being accepted might linger there. In case if there is a feeling of acceptance of the same age peers, for example, there still might be a feeling of being different, *not like them* – Latvians.

When it comes to the collective memory, it has been discovered that it has been transferred and received via family and educational system. Alona mentioned that she was exposed to another version of the history until 9th grade when she still studied in the Russian speaking school. It changed when she was continuing in Latvian school, becoming somewhat in the opposition to her family regarding some issues of the interpretation of the history. Cheskin [2012] mentions that younger generation of Russian speakers from Latvia have developed a more flexible view on history as they have been exposed to both competing sets of discourses. That is visible in a few stories told by younger interviewees, when they acknowledge existence of another narrative, for example, regarding Latvia's occupation. It is still majority of interviewees who do not want to choose to be part of one narrative or another one. It is due to their understanding about the high sensitivity of the issue between Russian speakers and Latvians.

References

1. Baudrillard J. Simulacra and simulation. Michigan: The University of Michigan Press, 1994. 164 p.
2. Bhabha H. K. The location of culture. London and New York: Routledge, 2004. 440 p.
3. Central Statistical Bureau. Latvijas iedzīvotāju nacionālais sastāvs. URL: https://www.csb.gov.lv/sites/default/files/data/Skoleniem/iedzivotaju_etniskais_sastavs.pdf (viewed: 02.02.2022).
4. Cheskin A. Russian Speakers in post-Soviet Latvia. Discursive identity strategies. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. 248 p.
5. Cordeiro V. D. The Phenomenon of Memory from a Sociological Standpoint: An Ontological Approach in the Light of Maurice Halbwachs' Work // Italian Sociological Review. 2021. No. 11 (3). P. 761-779.
6. Gensburger S. Halbwachs' studies in collective memory: A founding text of contemporary 'memory studies'? // Journal of Classical Sociology. 2016. No. 16 (4). P. 396-413.
7. Hirsch M. The generation of postmemory // Poetics Today. 2008. No. 17 (4). P. 659-686.
8. Laitin D. Identity in formation: the Russian speaking nationality in Estonia, Bashkortostan. Glasgow: Centre for the Study of Public Policy, University of Strathclyde, 1995. 60 p.

9. *Melvin N.* Russians beyond Russia. The politics of national identity. London: Royal Institute of International Affairs, 1995. 170 p.

10. *Nugin R.* Rejecting, re-shaping, rearranging: Ways of negotiating the past in family narratives // *Memory Studies*. 2021. No. 14 (2). P. 197-213.

11. *Pickering M., Keightley E.* Communities of Memory and the Problem of Transmission // *European Journal of Cultural Studies*. 2013. No. 16 (1). P. 115-131.

12. *Rutherford J.* The third space. Interview with Homi Bhabha // *Stierstorfer K., Wilson J.* (Eds). *The Routledge Diaspora Studies Reader*. London: Routledge, 2018. P. 129-132.

Самарцева Гликерия Евгеньевна,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
likasamartseva@gmail.com

ОТНОШЕНИЕ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ТРАНСГЕНДЕРАМ

Аннотация. В эпоху толерантности для общественности стали более заметны социальные группы, которые раньше были менее активны в защите своих прав и вели более скрытый образ жизни. Среди таких социальных групп можно выделить трансгендеров – единственная социальная группа, задевающая не сексуальную ориентацию, а гендер в ЛГБТ-сообществе. Авторское пилотажное исследование проведено в ноябре 2021 в г. Екатеринбург. Цель исследования – изучить отношение молодежи к трансгендерам.

В статье рассматривается отношение российской молодежи к представителям трансгендерности; выявляются противоречия в восприятии молодежью трансгендеров. Также внимание уделяется общему отношению россиян к трансгендерам и причинам, которые могли повлиять на выраженное ими отношение. По мнению большинства опрошенных (81,0%), россияне отрицательно относятся к трансгендерам, в то время как сама молодежь – нейтрально.

Ключевые слова: российская молодежь; трансгендеры; отношение к трансгендерам; гендерная дисфория; ЛГБТ-сообщество

Samartseva Glikeriya Evgenyevna,
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
likasamartseva@gmail.com

RUSSIAN YOUTH'S ATTITUDE TOWARDS TRANSGENDERS

Abstract. In the era of tolerance, social groups that used to be less active in protecting their rights and led a more hidden lifestyle became more visible to the public. Among these social groups, transgender people can be singled out – the only social group that offends not sexual orientation, but gender in the LGBT community. The author's pilot study was conducted in November 2021 in Ekaterinburg. The purpose of the research is to study the attitude of young people towards transgender people.

The article examines the attitude of Russian youth towards representatives of transgender people; contradictions in the perception of transgender youth by young people are revealed. Also, attention is paid to the general attitude of Russians towards transgender people and the reasons that could influence the attitude they expressed. According to the majority of respondents (81,0%), Russians have a negative attitude towards transgender people, while young people themselves are neutral.

Keywords: Russian youth; transgender people; attitude towards transgender people; gender dysphoria; LGBT community

Введение в исследовательскую проблему

В эпоху толерантности для общественности стали более заметны социальные группы, которые раньше были менее активны в защите своих

прав и вели более скрытый образ жизни. Среди таких социальных групп можно выделить трансгендеров – единственная социальная группа, задевающая не сексуальную ориентацию, а гендер в ЛГБТ-сообществе.

Трансгендеры как социальная группа маргинализированы в российском обществе. Об этом свидетельствует отсутствие статистики численности трансгендеров в России [Вуне 2018]. Рассчитать число трансгендеров в России можно только по обращениям за помощью в медицинские комиссии, так как полным трансгендерным переходом считается не только изменение социальной роли в соответствии с внутренней гендерной идентичностью, но и медицинская коррекция половых признаков. Но здесь же проявляется другая сложность: при рассмотрении возможности трансгендерности как нормы мы отказываемся от рассмотрения мира в бинарной гендерной системе, так как возможность смены гендера делает его гибким. В такой теории гендер является спектром [Бразуль-Брушковский Е. Г., Бразуль-Брушковская М. Е. 2019], что становится причиной появления других проявлений гендера – квиллюдей, гендерно-некомфортных, гендерно-небинарных людей и т. д. Вести статистику по количеству людей, которые не имеют каких-либо точных общих данных, которые бы могли их идентифицировать, довольно трудно.

В современном обществе отношение населения, в том числе и молодежи, к трансгендерам неоднозначное. На формирование негативного отношения к трансгендерам также может повлиять сам процесс полного трансгендерного перехода. Для того чтобы иметь доступ к гормональной терапии, сначала человеку нужно наблюдаться в психиатрической больнице и пройти медкомиссию, чтобы получить заключение о болезни – транссексуализм [Вуне 2018]. Справка с заключением о болезни – единственный разрешающий хирургическую смену пола документ. Тем самым этот процесс напрямую стигматизирует трансгендеров как психически больных людей. На самом деле из МКБ-11 в 2018 году удалили трансгендерность из главы «психические расстройства». Однако транс-персоны могут испытывать гендерную дисфорию, которая требует психологической или психотерапевтической коррекции, а также часто специалистами назначаются гормональная терапия и/или медицинский переход в качестве лечения. Состояние транс-персон улучшается после гормонального или же хирургического вмешательства; облегчается гендерная дисфория, что снижает риски суицида и депрессий и в целом повышает качество жизни транс-персон. Качество жизни повышается по таким параметрам, как сексуальное функционирование, самооценка, представление о своем теле, социально-экономическая адаптация, семейная жизнь, отношения, психологический статус и общая удовлетворенность жизнью [Путь союзничества... 2019: 33]. При этом стоит заметить, что далеко не каждый трансгендерный человек испытывает гендерную дисфорию, не принимает свое тело или хочет в нем что-то поменять. Каж-

дый человек, и трансгендерный тоже, индивидуален. Не каждая транс-персона подвержена гендерной дисфории, статистика показывает, что этот диагноз по критериям 2013 года ставят примерно от 0,005% до 0,014% людям с приписанным при рождении мужским полом и от 0,002% до 0,003% людям с приписанным женским полом [Буе 2018]; это считается заниженной оценкой распространенности. Это доказывает то, что даже если у транс-персоны не наблюдается гендерной дисфории, он или она все еще считается валидной транс-персоной [Алексеева 2020].

С другой стороны, трансгендеры являются частью ЛГБТ-сообщества, где также числятся люди с гомосексуальной ориентацией, которые больше не рассматриваются как психически больные [Строкова 2013]. Отношение трансгендерности и гомосексуальности к одному социальному движению заставляет переносить характеристики одной группы на другую. Почему одну группу можно считать психически здоровыми людьми, а другую нет? Ответом могут послужить два варианта: либо человек будет поддерживать, либо осуждать оба данных меньшинства, относясь к ним как к одной социальной группе, либо его отношение к ним будет различаться по каким-либо причинам. А также его мнение может подстраиваться под социально приемлемое мнение, так как проявление нетолерантности к любым меньшинствам встречает осуждение в современном мире [Ионин 2010].

Трансгендеры исключены или ограничены в доступе к жизненно важным социальным институтам во многих сферах общества, например, таких как образование, здравоохранение, семья, государство, экономика. В каждой сфере, где существует гендерная специфика, трансгендеры сталкиваются с серьезными препятствиями. Дискриминация по отношению к трансгендерам ярче всего выражена в двух сферах: работа и медицина [Иванченко 2010]. Главной причиной жизненных препятствий трансгендеров является несоответствие внешнего вида и документов, удостоверяющих личность. Это усложняет ряд деятельности, в которую входит обязательный показ документов (путешествия, покупка алкогольной продукции, получение посылки, проведение банковских операций, получение визы и т. д.), главным образом в сфере работы. У работодателей возникают вопросы [Иванченко 2010] насчет несоответствия документов и внешнего вида возможного сотрудника, часто это бывает основанием для отказа в работе. Для избегания таких ситуаций некоторые устраиваются на работу неофициально [Иванченко 2010], что ставит трансгендеров в уязвимое положение перед работодателем, дает ему волю на недобросовестное отношение к работникам, увеличение режима труда или уменьшение заработной платы со знанием того, что человеку будет сложно найти другую работу, на которую его примут. Агентства по основным правам ЕС свидетельствуют о том, что в некоторых странах уровень безработицы среди трансгендерных лиц может достигать 50%. Некоторые безработные трансгендерные лица

не могут найти рабочее место и не видят иного выбора, как работа в индустрии секса [Hammarberg 2009].

В сфере медицины дискриминация и негативное отношение к трансгендерам могут проявляться в пренебрежительном отношении, переходе личных границ и моральном давлении на пациента, утверждениях о неправильности его выбора [Иванченко 2010]. Из-за отсутствия регламента, правил и квалификации работы с трансгендерными людьми сотрудники государственных и муниципальных учреждений отказывают трансгендерам в получении услуг, либо процесс оказания услуги затягивается на долгое время [Иванченко 2010]. Причинами данных явлений можно считать отсутствие на государственном уровне законодательных актов, направленных на урегулирование прав и оказание услуг транс-людям, отсутствие базы знаний у специалистов здравоохранения, негативную пропаганду ЛГБТ-сообщества на государственном уровне [Лютенко 2020].

Многие трансгендеры отмечают осуждение со стороны общества. В российском обществе наблюдается распространенность ненависти к меньшинствам, к людям, которые находятся за гранью «нормальности». Некоторым представителям трансгендеров нужно много уверенности, чтобы просто выйти на улицу, при этом все равно испытывая страх, что можно встретить не только осуждение, но и физическое насилие [Корси 2017].

Негативное отношение может порождать социальные стереотипы, а они, в свою очередь, могут стимулировать рождение негативного отношения к трансгендерам. Под социальным стереотипом обычно понимают упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо социальной группы или общности, с легкостью распространяемый на всех ее представителей. Нередко при определении социального стереотипа подчеркивают его целостность, ярко выраженную оценочную и ценностную окраску, устойчивость, консерватизм. Общим местом в определениях социального стереотипа является также признание его преимущественно негативным феноменом, препятствующим полному, адекватному взаимопониманию людей [Агеев 1986: 95]. По мнению экспертов, формирование стереотипов обусловлено диснормативностью и гетеронормативностью общества, патриархальностью, высокой степенью ксенофобии, недостоверной информацией о трансгендерности в СМИ и общей политикой в отношении ЛГБТ со стороны властных структур РФ [Ушкова, Киреев 2017].

4–5 июля 2015 г. в 130 населенных пунктах 46 областей РФ были проведены опросы ВЦИОМ, при каждом опросе были задействованы 1 600 человек. Так как чаще всего трансгендеры воспринимаются в контексте сообщества ЛГБТ, то отношение общественности к представителям трансгендерности чаще всего исследуется в контексте всего сообщества [Ушкова, Киреев 2017]. Большая часть населения (80%) придерживается консервативных взглядов по отношению к однополым парам и

считает, что брак между супругами одного пола должен быть запрещен. Толерантность проявляют 22% опрошенных – в основном это респонденты, знакомые с представителями сексуальных меньшинств лично (55%), молодежь (30% от 18 до 24 лет), атеисты (30%), жители Москвы и Санкт-Петербурга (28%) [ВЦИОМ 2015].

Также в результате опроса были выявлены мнение, что трансгендерность – пропаганда западных стран, и стереотип, что представители ЛГБТ-сообщества более подвержены инфекционным заболеваниям, передающимся половым путем. С тем, что трансгендеры разлагают общество, не согласна половина трансгендеров (51%) [ВЦИОМ 2015].

Несмотря на проведенное ВЦИОМ исследование, стоит отметить, что социологические исследования, посвященные данной проблематике, в отечественной социологии проводятся крайне редко. Все это говорит об актуальности выбранной нами темы исследования.

Методы исследования

В ноябре 2021 года автором статьи было проведено пилотажное исследование для выявления отношения современной молодежи к трансгендерным людям. В исследовании использовался метод личного интервью. Бланк интервью состоял из 24 вопросов. Часть вопросов была посвящена проблеме информированности о трансгендерах как о социальном явлении, другая часть выявляла установки, связанные с трансгендерностью, третья часть отвечала за установление источников получения информации о трансгендерах, остальные вопросы выявляли мнение о нужде изменения политики в отношении трансгендеров. В исследовании приняли участие 33 человека, из них: 14 юношей, 19 девушек в возрасте от 19 до 35 лет.

Результаты исследования и обсуждение

Результаты исследования показали, что 2/3 опрошенных нейтрально относятся к трансгендерным персонам. Резко положительно отозвался один человек, резко отрицательное отношение никто не проявил. Вполне вероятно, что некоторые опрошенные могли озвучивать социально одобряемое мнение. Для проверки релевантности результатов были заданы вопросы, из которых косвенно можно также выяснить отношение респондентов к трансгендерам. В вопросе о трансгендерности как о психической болезни респонденты разделились на три группы: те, кто согласен с тем, что трансгендерность – это психическая болезнь (1/3), те, кто не согласен с таким высказыванием (1/3), и те, кто затрудняются дать точный ответ на данный вопрос (1/3). Такое распределение свидетельствует об отсутствии однозначного мнения респондентов о трансгендерности как болезни.

Среди 1/3 респондентов есть знакомые и друзья, являющиеся трансгендерами. Это свидетельствует о толерантном отношении опрошенных, а также нарастающей видимости данной социальной группы. Половина опрошенных изъявила желание пообщаться с трансгендерным человеком.

Возможно, люди испытывают любопытство, которое либо было до опроса, либо сформировалось во время его проведения, и им хотелось бы поближе познакомиться с одним из представителей. Большинство опрошенных (в общей сложности 97%) не готовы отказываться от друга, если он станет трансгендером. Это может говорить о лояльности к трансгендерным людям, в такой ситуации близкие человеческие отношения оказываются важнее.

Несмотря на это, опрошенные считают, что общество относится к данной социальной группе «скорее отрицательно» (81,8%). При этом половина опрошенных считают, что терпимость к трансгендерным людям в России растёт.

Информированность молодежи о трансгендерных людях достаточно велика, большинство опрошенных респондентов знали, кто такие трансгендеры, и понимали этот термин правильно. Чем старше был возраст, тем менее точно люди понимали, кто такие трансгендеры. Несмотря на это, бытует достаточно однородное мнение, что общество относится к трансгендерам скорее отрицательно. Возможно, на такую большую разницу между двумя схожими вопросами повлияла сенситивность темы и желание респондента быть «хорошим», толерантным человеком. Люди старше 35 лет не входили в объект исследования, что даёт сформировать гипотезу о том, что именно они составляют то «общество», которое скорее отрицательно относится к трансгендерам в ответах опрошенных респондентов. Об этом можно утверждать, если также принять во внимание анализ других источников, в которых было описано отношение общества от лица самих трансгендеров. Исследование выявило ряд противоречий в отношении к трансгендерам: между нейтральным отношением к ним большинства опрошенных и тем, что половина респондентов хотела бы пообщаться с одним из представителей; между их убеждением в отрицательном отношении общества к трансгендерам и чаще всего встречающейся нейтральной информацией о них. Отношение респондентов к трансгендерам и представителям гомосексуальной ориентации в целом одинаково. Представителей ЛГБТ-сообщества часто рассматривают в контексте одной группы. Также половина респондентов затруднились определить, необходимо ли государству поддерживать трансгендеров. Данная социальная группа не в приоритете у молодых людей как нуждающаяся в государственной поддержке.

Таким образом, в ходе собственного исследования было выявлено, что трансгендерность воспринимается молодыми людьми нейтрально. В отдельных ситуациях их отношение переходит в более положительное. Стоит принять во внимание, что данные результаты приходятся на аудиторию 19–21 год (большинство опрошенных). Опрос ВЦИОМ также указал на более толерантное отношение молодежи к меньшинствам [ВЦИОМ, 2015].

Мы понимаем, что в пилотажном исследовании сложно определить проблемы и противоречия, связанные с восприятием молодежью трансгендеров. Дальнейшее исследование этой темы будет проведено на значительно большей выборке, что позволит более глубоко рассмотреть данную проблему.

Список источников

1. Агеев В. С. Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопросы психологии. 1986. Т. 1. С. 95-101.

2. Алексеева Е. А. Проблема стереотипов о трансгендерных личностях в современном обществе // Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации. 2020. С. 193-195.

3. Бразуль-Брушковский Е. Г., Бразуль-Брушковская М. Е. Репрезентация небинарных гендерных идентичностей в интернет-коммуникации // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура. 2019. С. 123-131.

4. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2876. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115315> (дата обращения: 27.02.2022).

5. Иванченко С. Н. Социально-психологические аспекты трансгендерности в Украине: проблемы перехода, позиция государства и общественное мнение // Психологические исследования. 2010. № 1. С. 5-5.

6. Ионин Л. Г. Политкорректность и «общество меньшинств» // Социология. 2010. № 3. С. 89-102.

7. Корси Э. Проблемы повседневной жизни трансгендера в России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2017. № 1-2 (124).

8. Лютенко И. В. Толерантность/интолерантность представителей трансгендерного сообщества в контексте этноконфессиональных отношений (по результатам мониторинговых исследований) // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2020. № 6. С. 67-80.

9. Путь союзничества: как вы можете поддержать трансгендерных людей. СПб.: Выход, 2019. С. 124.

10. Строчкова С. С. Изменение модели гомосексуальности в психодинамическом подходе (обзор зарубежных исследований) // Современная зарубежная психология. 2013. Т. 2, № 3. С. 81-92.

11. Ушкова И. В., Киреев Е. Ю. Трансгендерность в современном российском обществе // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 2 (138). С. 82-96.

12. Hammarberg T. Human Rights and Gender Identity: Issue Paper by Thomas Hammarberg, Council of Europe Commissioner for Human Rights (Strasbourg, 29 July 2009) // Council of Europe, Commissioner for Human Rights: [Site]. URL: http://www.coe.int/t/commissioner/Activities/IPList_en.asp (дата обращения: 25.03.2022).

13. ICD-10 / МКБ-10 Классификация психических и поведенческих расстройств. Исследовательские диагностические критерии: пер. с англ. СПб.: АДИС, 1994. – С. 208.

14. Bynе W., Karasic D. H., Coleman E., Eyler A. E., Kidd J. D. Gender Dysphoria in Adults: An Overview and Primer for Psychiatrists // Transgender Health. 2018. Vol. 3, Issue 1. P. 57-73.

Шелгинская Виктория Алексеевна,
аспирант 1 года обучения, кафедра теории и социологии управления,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы –
Уральский институт управления,
victoria.shelg@yandex.ru

СПЕЦИФИКА «ПОРИСТОГО» ВРЕМЕНИ В ЖИЗНИ СОЦИАЛЬНО АКТИВНОГО ИНДИВИДА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. Цифровизация, виртуализация, появление новых режимов работы и сопутствующая им трансформация общественно-экономических отношений привели к изменению не только места досуга в жизни общества, но и к коренному изменению социокультурной ситуации в сфере досуга, в связи с чем стало необходимым переосмысление места и роли свободного времени человека в цифровой экономике современного мира. В статье анализируются актуальные изменения в структуре свободного времени социально активного современного человека в целях выделения следующих из этого угроз социальному и персональному благополучию человека.

Ключевые слова: досуг; цифровизация общества; социология досуга; социология культуры; цифровая экономика; социальная активность; индивид; цифровые технологии

Shelginskaya Victoria Alekseevna,
Postgraduate Student 1 course,
Department of Management Theory and Sociology,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration – Ural Institute of Management,
victoria.shelg@yandex.ru

THE SPECIFICITY OF “POROUS” TIME IN THE LIFE OF A SOCIALLY ACTIVE INDIVIDUAL IN THE ERA OF DIGITALIZATION

Abstract. Digitalization, virtualization, the emergence of new modes working process and the accompanying transformation of socio-economic relations have led to a change not only from leisure perspective, but also to a radical change in the socio-cultural situation in the field of leisure, in connection with which it became necessary to rethink the place and role of free time of a person digital economy of the modern world. The article analyzes the current changes in the structure of free time of a socially active modern person in order to highlight the threats to the social and personal well-being of a person that follow from this.

Keywords: leisure; digitalization of society; sociology of leisure; sociology of culture; digital economy; social activity; individual; digital technology

Повышенный интерес к социологическим исследованиям свободного времени определяется изменением содержания и структуры свободного

го времени под влиянием произошедших в стране социокультурных (изменение ценностных установок, развитие социальной инфраструктуры, появление новых видов досуга) и социально-экономических (становление цифровой экономики) изменений. В последнее время рабочие обязанности расширяются, «пористость» структуры рабочего/свободного времени увеличивается, а традиционные ценности и институты деградируют, что обуславливает тенденцию, при которой все большее число людей не в состоянии обеспечивать себе высококачественный и осознанный досуг, в котором, по мнению Аристотеля, заключается основа для человеческого счастья [Адамов 2017: 53].

Изучение социальных аспектов жизнедеятельности индивидов в целом и в части социологии свободного времени в особенности сталкивается с тем, что различие свободного и рабочего времени – один из важнейших показателей в социологии. Их соотношение и субъективная оценка определяют основные этапы эволюции досуговой сферы. Напряженность жизненных ритмов, постоянная угроза изменения статусов-кво отдельного индивида, возможность потери рабочего места и необходимость его смены, потребность в постоянном обновлении знаний, профессиональных качеств определяют основные направления переосмысления категорий свободного времени в современном мире.

Соотношения таких социально значимых категорий, как свободное и трудовое время, свободное и досуговое время, с одной стороны, к настоящему времени претерпели значительные изменения, следуя на пути исторического развития вслед за трансформацией социально-экономической среды и аксиологических факторов. С другой стороны, если на всем пути эволюции трансформация структуры и содержания свободного времени приводила в основном только к переосмыслению его роли и значения в общественной и личной жизни, то в настоящий момент можно отметить определенные тенденции к нивелированию данной категории в общем трудовом времени человека.

Обращаясь к аналогичным взглядам по данному вопросу, следует отметить мнение К. Ньюпорта, который в своей книге «Цифровой минимализм. Фокус и осознанность в шумном мире» характеризует современность словом «истощение», указывая не на негативность технологий и Интернета как таковых, но на негативное влияние их количества в жизненном времени современного человека [Ньюпорт 2019]. В своей книге автор описывает опыт отказа от медиа некоего М. Харриса, который, проведя несколько дней в информационно-цифровой изолированности, получил синдром абстинентного расстройства, при котором он испытывал дискомфорт от отсутствия доступа во Всемирную сеть и незнания, чем занять себя в этих условиях.

Медиа, социальные медиа и цифровизация также являются на настоящий момент ключевым элементом вторжения в привычную систему

противовесов «труд-досуг» [Афанасов 2019: 49]. Н. Б. Афанасов называет это неосознаваемым производством, когда, проводя, по мнению индивида, свой досуг в социальных сетях, делясь каким-либо контентом с друзьями, человек участвует в работе на крупные корпорации типа Facebook (Meta), что во многом коррелирует со взглядами К. Маркса относительно превращения свободного времени в прибавочный продукт, где постоянная тенденция капитала заключается, с одной стороны, в создании свободного времени, а с другой стороны, в превращении этого свободного времени в прибавочный труд [Гертнер 2021: 41].

Эта позиция подкрепляется примером т. н. стандартной политики конфиденциальности, претерпевшей изменения дважды за последние два года 2020–2021, согласно которой медиалидеры типа YouTube и Meta имеют права на любой опубликованный контент своих пользователей. В этом отношении Г. С. Смирнов отмечает, что капитал пытается присвоить результаты всеобщего труда в форме знаний и технологий в свою исключительную собственность для получения сверхприбыли, но тем самым «обкрадывает человечество», исключая эти знания из доступного всем багажа человеческой культуры, и задерживает развитие, вместо мотора развития становится его тормозом [Смирнов 2019].

Если коммерциализация досуговой сферы в части развлекательно-рекреационной деятельности является широко известной и распознаваемой практикой, то коммерциализация досужего пребывания пользователей в Сети представляется новой и мало исследованной областью, представляющей особенную важность в контексте сохранения культурных ценностей при стремительном технологическом развитии цифровизации и обесценивании традиционных институтов [Гертнер 2021: 37]. Перспективы подобного смещения и косвенной индустриализации свободного времени человека третьими сторонами приобретают дополнительные особенности, если принять во внимание ту цифровую альтернативу, в которой современное общество видит возможность заменить традиционные формы рекреационной деятельности (виртуальная и дополненная реальность и т. д.), а также возможность индивидуализированного цифрового присутствия человека в киберпространстве (цифровые аватары) [Кузнецов 2019: 77].

Помимо этого, возросшая *роль интернет-коммуникации и интернет-информирования* приводит в постоянному информационному шуму. Цифровые внешние раздражители, как низкокачественные, так и познавательно ценные, значат для индивида гораздо больше, чем он готов в этом признаться. Более того, растущее число исследований, отечественных и зарубежных, выявляют тесную связь между пребыванием онлайн в течение дня и деструктивными психологическими процессами (тревога, одиночество, депрессия) [Çağırkan 2021: 915]. Тревожный информационный фон также является одним из факторов, определяющих проблемные точки в современном понимании свободного времени. Этот фон создается

как необходимостью посвящать определенную дополнительную часть времени рабочим вопросам (за счет непредвиденных ситуаций или особенностей планирования собственного временного ресурса), так и за счет общего напряженного фона, создаваемого источниками внешней информации (т. к. в современном мире человек большую часть дня так или иначе эпизодически и непреднамеренно контактирует с различными устройствами, от смартфона до телевизора, которые заполняют промежутки рассеянного внимания информацией, не несущей ни отдохновения, ни саморазвития, т. е. не являющейся элементами свободного времени или досуга).

В современном мире возрастает значение *повышения квалификации* или получения дополнительного образования для поддержания своей конкурентоспособности на рынке труда. В этом отношении значительную роль играют снижение исключительности государственных образовательных организаций и возрастание образовательных предложений частными образовательными организациями дополнительного образования и повышения квалификации. Эти две тенденции в сфере образования – массовость и неинституциональность – представляют единую, но вместе с тем внутренне противоречивую линию развития современного образования.

С точки зрения свободного времени высвобождение значительных и всесторонних образовательных возможностей можно рассматривать двояко. С одной стороны, это является качественной возможностью для наполнения своего свободного времени саморазвитием, развития дополнительных навыков, реализации своего творческого потенциала. С другой стороны, присутствует и обязывающая составляющая, когда нет внутренней потребности в изучении некоей области знания или навыка, но есть внешняя вынуждающая сила, определяющая необходимость получения определенного подтверждения квалификации. Более того, в зарубежных исследованиях на данную тему выделяется необходимость влияния деятельности, физической и духовной, в свободное время на карьеру [Çağırkan 2021: 917]. В этом отношении вопрос отнесения данного времени к свободному или трудовому необходимо рассматривать с особым изучением для каждого типа случаев. Если образование является элементом сферы производительного труда, а не самообразованием, возникает вопрос, является ли оно частью свободного времени или нет.

Кроме того, в настоящее время проявил себя представляющий интерес подход к рассмотрению свободного времени *с когнитивной точки зрения*, согласно которому когнитивные особенности восприятия самих индивидов влияют на восприятие соотношения свободного и рабочего времени, а также на оценку ими определенного временного отрезка в качестве такового. Одним из ярких примеров можно назвать т. н. фрилансеров – представителей самых разнообразных профессий, предпочитающих работать не на какую-то одну фирму, а предоставляя свои услуги на сдельной основе совершенно разным организациям. При этом рабочее

время фрилансера зачастую находится у него же дома, т. е. там же, где проводятся его свободное время, досуг и удовлетворение базовых потребностей. Как изменяется в таком случае его восприятие своего ежедневного времени? Данный вопрос представляет собой отдельную тему для детального изучения, однако представляется, что разделение времени исчезает и теряет смысл [Смирнов 2019]. Все время человека является свободным, однако в это время он трудится. У него, казалось бы, нет потребности к бегству из жизни трудовой и общественной в жизнь частную; с другой стороны, как это влияет на личное и общественное благосостояние?

В этом отношении представляет интерес подход Р. Н. Азаровой, основанный на теории интенциональности (разделения сознания человека на обращенное «внутри» и «наружу»), разграничивающей свободное и досуговое время с точки зрения восприятия, причем: свободное время является объективно существующим временем, включающим различные виды деятельности, а досуг – субъективно оцениваемым человеком в качестве свободного [Жамсуева 2013: 108]. Соответственно, в зависимости от степени психологической адекватности восприятия своего положения в современном высокоэффективном социуме человек способен придавать вполне определенное субъективное значение своему свободному времени, в зависимости от степени и направленности окружающих его факторов влияния на это определение; от позитивного (время для деятельности, направленной на развитие) до негативного (ощущение своей изолированности и бессмысленности вне общества). Таким образом, понимание природы свободного времени зависит от уровня самосознания каждого человека через духовный мир.

В современном мире разворачивается актуальная дискуссия на предмет увеличения свободного времени и уменьшения количества труда в цифровой экономике, характеризующаяся гипотезой об уменьшении трудового времени рабочих и выдвигаемой потенциальной проблеме переизбытка свободного времени. Сторонники данной концепции ссылаются на увеличение свободного времени благодаря сокращению времени, затрачиваемого на повседневные и профессиональные задачи, а также связывают это с высвобождением времени за счет появления гибких и удаленных графиков работы. Так, гибкий график позволяет распределять свое рабочее время с учетом своих дополнительных обязанностей и потребностей и в целом соблюдать баланс между работой и личной жизнью. Однако более примечательно, что он позволяет создать такие «рабочие механизмы, которые позволяют сотрудникам изменять объем, время или место своей работы» [Rikhi 2021: 220].

Этот тезис может быть рассмотрен с обратной, гораздо менее положительной стороны, с точки зрения взглядов Н. Б. Афанасова, согласно которому «свободное время незаметно для самого человека становится производительным трудом» [Афанасов 2019: 53]. По Н. Б. Афанасову

«Досуг и труд проникают друг в друга, образуя “пористые” структуры трудовой деятельности, не оставляющие места свободному времени. Общее количество времени, затрачиваемого на производство человеком, сокращается, но время, проведенное на работе, остается либо тем же, либо даже увеличивается» [Афанасов 2019: 59].

На текущем этапе трансформации общественных процессов, с одной стороны, рабочее время приобретает *размытые границы*, когда помимо официального трудового времени существует также время нахождения «на связи», когда сотрудник может решать рабочие вопросы дома, по пути на работу, в кафе или за рулем автомобиля. С одной стороны, это переводит вне рабочее время в пассивный «режим ожидания», когда незаконченная или дополнительная работа может быть выполнена дома в личное время либо в любой момент, посредством современных средств связи может быть сообщено о необходимости срочного дела. Это в определенной мере искажает восприятие человеком своего свободного времени, оставляя ему возможность в лучшем случае на легкий досуг, но не на саморазвитие, а также способствует формированию психологической напряженности за счет остаточной психологической работы и напряжения, что также не способствует качественному проведению вне рабочего времени. М. Маяцкий называет это состояние в данном контексте режимом постоянного доступа [Маяцкий 2015: 24].

Более того, формируемый в настоящее время *культ «максимизации личной эффективности»* и тайм-менеджмента возводит состояние постоянной включенности в профессиональную деятельность 24/7 не только в положение допустимого, но даже в категорию единственно правильного образа жизни успешного современного человека. В этом случае статус свободного времени человека может оказаться лишь выражением его ненужности обществу, социальной заброшенности, безразличия общества к нему. Свободное время в этом случае представляется не его собственным временем, а временем, от которого отказалось общество. Крайним примером может послужить восприятие свободного времени безработным, однако с учетом современной многозадачности и совмещенной занятости более мягким примером может послужить и человек со стандартизованным графиком и отсутствием подработок. Рассматривая же этот феномен на примере безработного, отметим, что, получая такой статус, человек утрачивает прежние позиции в обществе и зачастую испытывает высокую степень неудовлетворенности в связи с этим статусом и актуальным материальным положением, подкрепляемую противопоставлением культу продуктивности, эффективности и самореализации в профессиональном плане, что, в свою очередь, провоцирует негативное отношение к высвобожденному свободному времени [Жамсуева 2013: 108].

С одной стороны, современный просвещенный человек действительно часто использует свое свободное время на самообразование, что с

популяризацией различных онлайн-курсов становится широко доступным. Поэтому, казалось бы, можно говорить о повышении личного жизненного уровня, связываемого классиками XVII–XIX вв. с достатком свободного времени на «возвышенную», значимую деятельность. В этом отношении осмысленные занятия в свободное время позволяют людям развивать значимые личностные качества и повышать общий уровень благополучия и качества жизни. С другой стороны, часто эта деятельность обуславливается не столько стремлением к знанию, сколько необходимостью соответствовать требованиям квалификации или стремлением к получению таким образом дополнительных экономических или статусных выгод. Люди проводят большую часть времени, «работая, учась или занимаясь какой-либо другой, часто навязанной, обязанностью или деятельностью» [Anic 2017: 504]. Можно ли в таком случае говорить о повышении уровня жизни человека и общественного развития в целом или следует включить данную деятельность в объем трудового времени?

В некотором смысле можно увидеть определенную параллель между данными процессами и организацией работы ремесленников Т. Мора: «...если кто предпочтет посвятить это время [досуг] своему ремеслу... в этом никто ему не мешает; мало того, такое лицо даже получает похвалу, как приносящее пользу» [Мор]. Данный аспект требует отдельного рассмотрения, однако сам факт переосмысления целевого содержания свободного времени представляет определенный интерес в рамках рассмотрения проблемы современного досуга. Концепция «пористого времени» в этом отношении также очень схожа с теорией К. Маркса о превращении свободного времени в прибавочный продукт. Однако если аспекты, касающиеся внедрения культуры потребления во все досуговые сферы, уже отработаны, то замещение этим принципом свободного (развивающего и «возвышающего») времени является остро актуальной тенденцией.

С другой стороны, высокая доля занятых в непроизводственном секторе служащих, чье трудовое время может быть выстроено в соответствии с собственным пониманием самоорганизации, способствует высвобождению свободного времени в пределах обозначенного трудового. «Во время рабочего дня закачивается и слушается музыка и даже смотрятся фильмы и главным образом происходит постоянная коммуникация через растущее число каналов: интерконнективность стала новым “orium” для народа» [Маяцкий 2015: 50]. Тем не менее в этом случае также невозможно говорить о качественном свободном времени, так как присутствующий фон обязательств не дает человеку посвятить себя полностью какому-либо делу.

Аналогичным образом замещение свободного времени трудовым происходит за счет подработок либо сверхурочной работы, которые без необходимости покидать свой дом, свое пространство для свободного времени тем не менее формируют в восприятии совершенно другое отношение к этому пространству, превращая его и связанные с ним процес-

сы в альтернативно-рабочее место. В значительной степени этому поспособствовало развитие удаленных форматов работы, когда в течение дня, без какого бы то ни было определенного нормирования, происходит попеременное чередование периодов на одной площадке. Психологически происходит уничтожение физических рамок, определяющих начало и окончание свободного времени человека (например, когда перешагивание порога дома воспринимается как окончание трудового дня в офисе).

Кроме того, увеличение насыщенности времени вместе с утратой последним своих структурных границ приводит к общему увеличению затрат времени. Так, современный человек, садясь за компьютер для выполнения рабочей задачи, может выполнять ее значительно дольше за счет отвлечения на общение в социальных сетях, на потребление информации, не относящейся к выполнению задания, и т. д. Более того, виртуальное пространство как современная площадка для отдыха и социализации может стать новым рубежом в формировании ценностей и идентичности людей.

Резюмируя, можно сказать следующее. Основная тенденция в отношении современности к свободному времени проявляется в амбивалентном отношении к труду и времени для свободного развития. Новые «цифровые профессии» привлекают свободным графиком труда, включают в производственные отношения ранее автономные сферы жизни и стирают границы рабочего и личного времени. Во многом этому способствует цифровизация и постоянное нахождение человека «на связи». Некоторые исследователи характеризуют такую структуру времени как «пористую», указывая на взаимопроникновение досуга в рабочее пространство, а рабочих моментов – в домашнее пространство свободного развития. Ключевой тенденцией современности является процесс перехода свободного времени (времени для свободного развития) в структуру производственного (прямо или косвенно). Тем не менее неослабевающее влияние культуры потребления сохраняет досуговую деятельность в бюджете времени, которая тем не менее может быть также отнесена к опосредованно производственной.

Так называемая «пористая» структура современного суточного времени является одновременно актуальной тенденцией и значимой проблемой. Можно сказать, что современное общество, ускоренное процессами цифровизации», интенсификации и максимизации личной и профессиональной эффективности, движется по пути опасного снижения значимости и величины свободного времени в балансе ежедневного времени. Свободное время с учетом его содержательного и структурного аспектов способствует гармоничному развитию личности, укреплению культуротворческих процессов в обществе и его благополучию в целом, тогда как снижение его качественного содержания и количественного представления в бюджете времени современного человека способствует активизации деструктивных процессов у личности и общества.

Были выделены следующие факторы, влияющие на трансформацию соотношения трудового и свободного времени, снижающие качество последнего, а следовательно, и качество жизни. Во-первых, развитие удаленных (дистанционных) режимов работы приводит к смешиванию границ трудового и вне­трудового времени, нивелируя значимость последнего в восприятии человека. Этому также способствуют постоянный «информационный шум» и регулярное взаимодействие с мобильными устройствами, не позволяющее сконцентрироваться в полной мере ни на рабочей задаче, ни на деятельности в свободное время. Во-вторых, досуг человека, представленного в интернет-пространстве посредством регистрации на различных интернет-ресурсах и в социальных сетях, воспринимается самим человеком как свободное время, а в цифровой экономике – как производственный процесс, т. е., по сути, такое же рабочее время, как и профессиональная деятельность человека в реальном, физическом, мире. В-третьих, время для свободного развития как улучшение интеллектуальных и практических навыков индивида по его собственной воле и желанию демонстрирует свою обратную часть – как время для профессионального развития (повышение квалификации, тренинги и т. д.) по производственной или конкурентной необходимости, что также влияет на увеличение доли косвенного рабочего времени за счет непосредственно свободного времени.

Последствия роста событийной насыщенности времени вместе с размыванием структурных границ внутри социального времени являются проблемным полем для будущих исследований в данной области на фоне современных двойственных процессов увеличения рабочего (учебного) времени и субъективного чувства утраты свободного времени, а значит, и основного ресурса для развития, совершенствования, восстановления жизненных сил, счастья, что влечет за собой соответственно снижение мотивации, качества и удовлетворенности.

С социокультурной точки зрения новая временная реальность, приходящая к обществу вместе с цифровизацией, приятна человеку, она формирует его жизненный мир так, что сам вопрос о возможностях выхода из сети, вопрос о действительно свободном от чего-либо времени не может быть задан всерьез. Это ставит важнейшую задачу осмысления социокультурной реальности современного цифрового капитализма перед философией, так как налицо проявляется определенный парадокс: время в цифровом капитализме всегда будет свободным, но оно никогда не будет «чистым», свободным от прямого или косвенного производства.

С социально-экономической реальности новых «цифровых профессий» в связи с этим появляется явление «пористости» труда, при котором в производственные отношения включаются ранее по определению не относящиеся к нему сферы свободного времени человека. Свободное время для цифровой экономики является частью производственного цикла, обеспечивающего существование сетевых платформ, что снижает ка-

чество и осмысление жизни. Это, в свою очередь, открывает новые горизонты для психологических изысканий с точки зрения особенностей восприятия индивидом свободного времени в современном, ускоренном цифровизацией обществе. Эти процессы являются текущей основой для дополнительного изучения места, роли и значимости свободного временного ресурса в современных реалиях как с точки зрения фундаментальных подходов (философия, социология, культурология, педагогика), так и с точки зрения практико-ориентированных областей знания.

Список источников

1. *Адамов А. К.* Свободное время: быт, досуг, отдых // Человек. История. Культуры. Исторический и философский альманах. Саратов, 2017. С. 50-58.
2. *Афанасов Н. Б.* Свободное время как новая форма труда: цифровые профессии и капитализм // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2019. № 1. С. 43-61. DOI: 10.24411/2658-7734-2019-00002.
3. *Гертнер С. Л., Китов Ю. В.* Клуб как объект культурологического анализа // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2021. № 1 (40). С. 36-48. DOI: 10.24412/2310-1679-2021-140-36-47.
4. *Жамсуева О. С.* Свободное время: теоретический аспект // Вестник БГУ. 2013. № 14. С. 107-110.
5. *Кузнецов В. А., Руссу Ю. Г., Куприяновский В. П.* Об использовании виртуальной и дополненной реальности // *International Journal of Open Information Technologies*. 2019. № 4. С. 75-84.
6. *Маяцкий М.* Otium для кого? // Логос. 2015. № 3. С. 4-50.
7. *Мор Т.* Утопия // Библиотека Максима Мошкова [веб-сайт]. URL: <http://lib.ru/INOOLD/MOR/utoria.txt> (дата обращения: 13.01.2022).
8. *Ньюпорт К.* Цифровой минимализм. Фокус и осознанность в шумном мире / пер. с англ. Д. Романовского; под ред. Л. Мамедовой. М.: МИФ, 2019. 256 с.
9. *Смирнов Г. С.* О свободном времени // Болтология [веб-сайт]. URL: <https://smirnoff-v.livejournal.com/166533.html> (дата обращения: 06.02.2022).
10. *Третьяк В. П., Лякина М. А.* Зарождение революционного момента в категории «свободное время» // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. Т. 23, № 3. С. 34-49.
11. *Anic P., Roguljic D., Svegar D.* What Do Students Do in Their Free Time and Why? // *Polish Psychological Bulletin*. 2017. No. 48 (4). P. 504-515. DOI: 10.1515/ppb-2017-0057.
12. *Çağırkan B., Bilek G., Tellı H.* The Perception of Leisure Time and Concrete Historical and Cultural Heritage Awareness among University Students // *Gümüşhane Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Elektronik Dergisi*. 2021. No. 12 (3). P. 914-922.
13. *Rikhi M., Mehta S.* The Effects of Flexi-Time Schedule on Physical and Psychological Ailments and Leisure Time Activities of Professional Workers // *International Journal of Education and Management Studies*. 2021. No. 11 (4). P. 219-226.

СЕКЦИЯ 4: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ И ПОСТПАНДЕМИИ

УДК 159.923:32

Басимов Михаил Михайлович,
НАНО ВО «Институт мировых цивилизаций»,
basimov_@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ КАК ПРИЧИНА ПРОЯВЛЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

Аннотация. В статье приводятся сравнительные психogramмы групп респондентов, сформированных на основании присущих им проявлений политической активности. В рамках социологической анкеты были сформированы 8 таких групп. Психологические показатели (всего 89) отобраны в рамках 6 диагностических методик. Анализ сравнительных психogramм позволил сделать вывод о том, как психологическое своеобразие респондентов определяет присущую им политическую активность.

Ключевые слова: политическая активность; сравнительные психogramмы; личностные качества; множественные сравнения; сравнительная весомость; психология личности

Basimov Mikhail Mikhailovich,
Non-State Autonomous Non-Commercial Organization of Higher Education
“Institute of World Civilizations”,
basimov_@mail.ru

PSYCHOLOGICAL TYPOLOGY AS A REASON FOR THE MANIFESTATION OF DIFFERENT TYPES OF POLITICAL ACTIVITY

Abstract. The article presents comparative psychograms of groups of respondents formed on the basis of their inherent manifestations of political activity. As part of the sociological questionnaire, 8 such groups were formed. Psychological indicators (89 in total) were selected within 6 diagnostic's methods. An analysis of comparative psychograms made it possible to conclude how the psychological originality of the respondents determines their inherent political activity.

Keywords: political activity; comparative psychograms; personal qualities; multiple comparisons; comparative weight; psychology of Personality

Введение

На формирование социально-политического сознания молодежи оказывают влияние как внешние факторы (культурно-исторические, региональные и т. п.), так и внутриличностные (духовно-нравственные, психологические и т. п.). Хотя политика не является приоритетом для сегодняшних интересов молодежи, молодежь интересуется политическими

событиями. В настоящее время интерес к политическим событиям в основном связан с получением информации из официальных источников.

Несмотря на интерес к политике, реальное участие молодежи в политических действиях крайне низкое, а политическая и гражданская активность не являются приоритетным интересом молодого поколения. Так, по результатам социологических опросов, на 2017 год половина опрошенных указала, что политикой интересуются от случая к случаю (48,9%). Каждый третий респондент (30,7%) политикой не интересуется вообще. Можно сказать, что большая часть молодежи достаточно аполитична. 16,5% респондентов внимательно следят за информацией о политических событиях в России и мире. Некоторые респонденты интересуются политикой не только на словах, но и включаются в политическую деятельность: 3,9% ответивших лично участвовали за последние (на момент опроса) полгода в политической деятельности [Чуев, Тимохович, Гришаева 2017].

Среди форм социальной активности молодежи, направленных на реализацию социально значимых интересов, важное место занимает социально-политическая активность, под которой, согласно Д. В. Ольшанскому, понимается «деятельность социальных групп или индивидов, связанная с формулированием и выражением собственных потребностей и интересов, со стремлением изменить существующий политический или социально-экономический порядок и соответствующие политические институты» [Ольшанский 2002: 21].

В образовательных учреждениях процесс социализации учащейся молодежи регламентирован рядом государственных, ведомственных, областных, муниципальных и школьных программ воспитания и социализации обучающихся. Эти программы предусматривают формирование гражданско-патриотической компетентности, однако слабо формируют у молодежи компетентность в политике.

Методы исследования

Мы исследовали политические предпочтения молодежи (формирование групп по результатам ответов на вопросы с номинальными ответами) и их личностные особенности по 6 методикам:

1. Свойства личности по базисным шкалам ММРІ.
2. Социально-психологические особенности личности по шкалам 16-факторного личностного опросника Р. Кеттелла.
3. «Типы личности» и «Вероятностные расстройства» данного типа по шкалам методики Дж. Олдхэма и Л. Морриса.
4. Представления субъекта о себе в рамках методики Т. Лири «Опросник диагностики межличностных отношений».
5. Личностные факторы темперамента и характера по методике «5-факторный личностный опросник» Р. МакКрея и П. Коста.
6. Личностные факторы темперамента и характера по методике «Опросник Смишека».

В социологических исследованиях среди данных опроса часто присутствуют одновременно два типа переменных (ответы на два типа вопросов): номинальные и интервальные переменные. В этом случае можно без привлечения дополнительной информации ставить задачи изучения локальных эмпирических классификаций (типологий), когда одновременно рассматриваются как внешние (критерий классификации), так и внутренние характеристики изучаемых классов, что дает новые возможности в описании результатов опроса. Авторский метод [Basimov 2008, 2011, 2017] изучает богатство различий между классами, сформированными по результатам ответов на вопросы (один или несколько) с номинальными ответами, на основе набора интервальных параметров, описывающих те же объекты. Процедура авторского метода множественного сравнения [Басимов 2005] применительно к социологическим исследованиям подробно (с необходимыми обоснованиями и примерами) рассмотрена в монографии [Басимов 2012].

Локальные эмпирические классификации позволяют рассматривать внутреннюю (содержательно определяемую выбранными вопросами анкеты) структуру подмножества эмпирических данных исследования, которая показывает, насколько неоднородна совокупность ответов на вопросы анкеты, представленные интервальными переменными, и как эту неоднородность высвечивают и усиливают внешние факторы, представленные номинальными переменными, придают ей определенную типологическую структуру. Ранее метод применялся в разнообразных по содержанию исследованиях.

Результаты

В рамках исследования политических предпочтений молодежи и их связи с личностными особенностями респондентов была решена (наряду со многими другими) задача множественного сравнения.

Обработка данных (120 респондентов) проводилась с использованием авторского метода множественного сравнения, в рамках которого сравнивались выделенные группы (всего 89) по номинальным ответам на вопросы анкеты. В расчет для сравнения групп по политическим предпочтениям (всего 63) были включены дополнительно 26 групп по отношению к «гражданскому браку». В результате расчета было выявлено, что политические предпочтения значительно сильнее определяются психологическими личностными характеристиками, чем отношения молодежи к «гражданскому браку».

В рамках предлагаемой статьи рассмотрим результаты по 8 номинальным группам респондентов, сформированным по содержанию их политической активности. Эти группы определяли результаты ответов на следующий вопрос социологической анкеты:

Оцените, пожалуйста, Вашу политическую активность:

G05-02. Участвовал(а) в выборах в органы власти различного уровня.

G05-03. Подписывал(а) коллективные обращения, петиции.

G05-04. Участвовал(а) в проведении избирательной кампании.

- G05-05.** Участвовал(а) в митингах, демонстрациях, пикетах.
G05-07. Участвовал(а) в забастовках.
G05-08. Нет, ни в чем подобном участвовать не приходилось.
G05-09. Мне безразлична политическая деятельность.
G05-10. Политика меня раздражает.

В результате были выделены 8 невырожденных групп, которые участвовали в общей задаче множественного сравнения.

Но вначале рассмотрим экстремальности (сумма абсолютных значений сравнительных весомостей показателей в рамках группы) групп, отобранных для дальнейшего описания. Группы можно разделить на три подмножества. Первое подмножество (для рассматриваемого вопроса анкеты – это 2 группы) – группы высокой экстремальности, для которых в статье приведены полные сравнительные психограммы.

Для следующих за ними по экстремальности трех групп средней экстремальности рассматриваются сокращенные психограммы, в которых указываются только ярко выраженные личностные качества. Для оставшихся трех групп, в которых не выявлено ярко выраженных качеств (модуль сравнительной весомости больше 2 000, достаточно усредненная в рамках совокупности 89 групп картина), психограммы не приводятся.

ЭКСТРЕМАЛЬНОСТИ 8 из 89 групп по номинальным ответам

Место в упорядоченном ряде из 89 групп	Группа	Экстремальность
10 (10)	G05-05	42598
13 (13)	G05-07	37860
23 (27)	G05-04	30235
26 (30)	G05-10	28624
32 (36)	G05-09	22741
50 (62)	G05-03	16477
52 (65)	G05-02	15902
62 (85)	G05-08	10806

Перейдем к описанию 5 выделенных групп высокой и средней экстремальности по содержанию их политической активности. В заголовках групп приводятся количество уровней в сравнительной психограмме группы (KOL/ur), минимальное (VES/min) и максимальное (VES/max) значения сравнительной весомости в рамках групп.

Группа по ответу (G05-05)

$$\mathbf{KOL/ur = 84 \quad VES/min = -2770 \quad VES/max = 5433}$$

Группа **G05-05** респондентов, которые оценивают свою политическую активность как участие в митингах, демонстрациях, пикетах (15 респондентов), оказалась на десятом месте по совокупной экстремальности личностных качеств. Наибольшая сравнительная весомость

среди изучаемых психологических показателей равна +5433, минимальная сравнительная весомость равна -2770.

Группа показателей № 1 (Опросник ММПИ)

84) (1621)	ММПИ-3	5433
81) (1543)	ММПИ-2	2457
80) (1532)	ММПИ-4	2210
79) (1511)	ММПИ-5	1840
78) (1497)	ММПИ-1	1630
77) (1486)	ММПИ-7	1543
76) (1430)	ММПИ-6	1104
74) (1388)	ММПИ-8	907

Группа респондентов, которые оценивают свою политическую активность как участие в митингах и демонстрациях, характеризуется прежде всего ярко выраженной **истерией** (сравнительная весомость равна +5433), в меньшей степени **депрессией** (сравнительная весомость равна +2457) и **психопатией** (сравнительная весомость равна +2210).

Группа показателей № 2 (Опросник Кеттелла)

65) (1003)	16F-02	188
46) (827)	16F-12	12
44) (824)	16F-13	9
43) (823)	16F-09	8
42) (815)	16F-07	0
29) (779)	16F-01	-36
24) (758)	16F-08	-57
22) (753)	16F-14	-62
17) (717)	16F-05	-98
15) (583)	16F-10	-232
12) (452)	16F-15	-389
11) (437)	16F-04	-405
10) (424)	16F-11	-425
8) (361)	16F-16	-524
4) (151)	16F-03	-1426
2) (105)	16F-06	-2161

Представители данной группы характеризуются **подверженностью чувствам** (фактор G), что определяется значительной отрицательной сравнительной весомостью по шкале «Подверженность чувствам – высокая нормативность поведения» (-2161).

Группа показателей № 3 (Опросник Смишека)

82) (1548)	SMI-04	2550
63) (989)	SMI-08	174
58) (886)	SMI-07	71

53) (847)	SMI-06	32
49) (834)	SMI-05	19
40) (812)	SMI-09	-3
30) (781)	SMI-01	-34
25) (774)	SMI-03	-41
19) (721)	SMI-02	-94

Акцентуации по Смишеку определили, что представителей группы можно охарактеризовать как достаточно **демонстративных** (сравнительная весомость +2550).

Группа показателей № 4 (Опросник Лири)

61) (928)	LIR-04	113
60) (923)	LIR-03	108
54) (848)	LIR-02	33
50) (836)	LIR-01	21
37) (805)	LIR-06	-10
13) (511)	LIR-07	-307
5) (237)	LIR-08	-900
1) (71)	LIR-05	-2770

В рамках методики Т. Лири в группе достаточно существенная отрицательная сравнительная весомость (-2770) наблюдается по шкале «Подчиняемый тип», что им, таким образом, явно не свойственно.

Группа показателей № 5 (5-факторный опросник личности)

83) (1559)	25F-11	2819
72) (1287)	25F-25	593
70) (1128)	25F-12	322
69) (1117)	25F-21	307
66) (1012)	25F-14	197
62) (959)	25F-13	144
56) (854)	25F-08	39
55) (853)	25F-20	38
53) (847)	25F-01 25F-02	32
48) (830)	25F-07	15
45) (825)	25F-06	10
39) (809)	25F-23	-6
38) (806)	25F-05	-9
36) (804)	25F-09	-11
35) (801)	25F-19	-14
34) (794)	25F-24	-21
33) (790)	25F-15	-25
32) (787)	25F-04	-28
28) (777)	25F-10	-38
24) (758)	25F-16	-57
23) (754)	25F-03	-61

16) (636)	25F-18	-179
14) (559)	25F-22	-539
7) (350)	25F-17	-256

Политически активных представителей группы можно охарактеризовать как **неаккуратных** (сравнительная весомость по шкале «Аккуратность – неаккуратность» равна +2819).

Группа показателей № 6 (Опросник DSM)

73) (1314)	DSM-06	653
68) (1113)	DSM-09	303
67) (1034)	DSM-03	219
64) (995)	DSM-04	180
59) (904)	DSM-13	89
57) (876)	DSM-11	61
52) (841)	DSM-05	26
48) (830)	DSM-12	15
43) (823)	DSM-02	8
41) (814)	DSM-14	-1
27) (776)	DSM-08	-39
26) (775)	DSM-10	-40
20) (732)	DSM-07	-83
18) (718)	DSM-01	-97

Группа показателей № 7 (Дополнения PSY)

75) (1402)	PSY-01	958
71) (1231)	PSY-08	472
51) (837)	PSY-06	22
47) (829)	PSY-04	14
31) (783)	PSY-09	-32
21) (735)	PSY-07	-80
9) (375)	PSY-02	-497
6) (267)	PSY-05	-786
3) (133)	PSY-03	-1695

Группа по ответу (G05-07)

KOL/ur = 55 VES/min = -6483 VES/max = 4375

Группа **G05-07** респондентов, которые оценивают свою политическую активность через участие в забастовках (6 респондентов), оказалась на 13 месте по совокупной экстремальности личностных качеств. Наибольшая сравнительная весомость среди изучаемых психологических показателей равна +4375, минимальная сравнительная весомость равна -6483.

Группа показателей № 1 (Опросник ММПИ)

41) (831)	ММПИ-2	16
35) (818)	ММПИ-1	3
34) (817)	ММПИ-8	2
33) (815)	ММПИ-3 ММПИ-4 ММПИ-6 ММПИ-7	0
30) (810)	ММПИ-5	-5

Группа показателей № 2 (Опросник Кеттелла)

43) (942)	16F-02	127
42) (845)	16F-14	30
41) (831)	16F-13	16
34) (817)	16F-08	2
33) (815)	16F-04 16F-0616F-09 16F-1016F-11 16F-1216F-16	0
32) (813)	16F-03	-2
31) (811)	16F-15	-4
29) (809)	16F-07	-6
27) (806)	16F-01	-9
22) (799)	16F-05	-16

Группа показателей № 3 (Опросник Смишека)

54) (1599)	SMI-04	4040
51) (1403)	SMI-01	967
50) (1372)	SMI-06	838
44) (983)	SMI-09	2
34) (817)	SMI-07 SMI-08	168
33) (815)	SMI-03	0
23) (800)	SMI-02	-15
16) (780)	SMI-05	-35

Акцентуации по Смишеку определили, что представителей группы можно охарактеризовать как очень **демонстративных** (сравнительная весомость +4040).

Группа показателей № 4 (Опросник Лири)

53) (1562)	LIR-03	3082
49) (1327)	LIR-04	681
45) (1000)	LIR-02	185
35) (818)	LIR-01	3
17) (783)	LIR-06	-32
14) (763)	LIR- 05	-52
7) (321)	LIR-08	-603
6) (294)	LIR-07	-682

В рамках методики Т. Лири в группе респондентов, оценивающих свою политическую активность участием в забастовках, положительная экстремальность наблюдается по шкале «Агрессивный тип» со сравнительной весомостью (+3082).

Группа показателей № 5 (5-факторный опросник личности)

52) (1424)	25F-08	1086
46) (1014)	25F-07	199
40) (825)	25F-20	10
39) (823)	25F-09	8
38) (822)	25F-11	7
37) (821)	25F-15	6
36) (820)	25F-17	5
33) (815)	25F-04 25F-16	0
32) (813)	25F-03 25F-10 25F-25	-2
30) (810)	25F-05 25F-23	-5
29) (809)	25F-19	-6
28) (807)	25F-22	-8
27) (806)	25F-12	-9
26) (804)	25F-14	-11
25) (802)	25F-02	-13
24) (801)	25F-13	-14
18) (789)	25F-21	-26
15) (764)	25F-18	-51
13) (746)	25F-01	-69
10) (635)	25F-24	-180
5) (286)	25F-06	-718

Группа показателей № 6 (Опросник DSM)

55) (1604)	DSM-04	4375
37) (821)	DSM-02	6
33) (815)	DSM-11	0
30) (810)	DSM-10	-5
21) (796)	DSM-05	-19
20) (794)	DSM-01	-21
19) (791)	DSM-13	-24
17) (783)	DSM-12	-32
13) (746)	DSM-09	-69
12) (717)	DSM-06	-98
11) (714)	DSM-14	-101
9) (516)	DSM-03	-301
8) (474)	DSM-08	-356
3) (20)	DSM-07	-5130

В рамках опросника DSM со знаком минус, что абсолютно несвойственно представителям рассматриваемой группы, можно отметить **самоуверенный тип** (сравнительная весомость равна -5130) с вероятным для этого типа расстройством «нарциссизм». Преобладающим же типом этой группы является **авантюрный тип** с вероятным для этого типа расстройством «антисоциальный» (сравнительная весомость равна +4375).

Группа показателей № 7 (Дополнения PSY)

48) (1132)	PSY-08	326
47) (1018)	PSY-04	203
37) (821)	PSY-01	6
35) (818)	PSY-06	3
33) (815)	PSY-07	0
31) (811)	PSY-09	-4
4) (254)	PSY-03	-829
2) (17)	PSY-05	-5402
1) (5)	PSY-02	-6483

В рамках дополнительных показателей отметим шкалу «**Достоверность**» опросника MMPI (сравнительная весомость равна -6483), что говорит об очень достоверной самооценке респондентов, которые оценивают свою политическую активность как участие в забастовках. Также можно отметить ярко выраженную **агрессивность**, что определяется в рамках объединенной шкалы по двум противоположным типам методики Лири «Агрессивный – дружелюбный» со сравнительной весомостью, равной -5402).

Другие психограммы с содержательными результатами по отдельным компонентам той или иной из рассматриваемых моделей личности рассмотрим в кратком представлении, т. е. будем приводить сокращенные сравнительные психограммы, в рамках которых представлены только те сравнительные весомости, которые мы определяем как достойные рассмотрения, а именно сравнительные весомости, превышающие по модулю значение 2000.

Группа по ответу (G05-04)

KOL/ur = 81 VES/min = -3695 VES/max = 5187

Группа **G05-04** респондентов, которые свою политическую активность определяют как участие в проведении избирательной кампании (11 респондентов), оказалась на 23 месте по совокупной экстремальности личностных качеств. Наибольшая сравнительная весомость среди изучаемых психологических показателей равна +5187, минимальная сравнительная весомость равна -3695.

Группа показателей № 1 (Опросник MMPI)

81) (1617)	MMPI-5	5187
------------	--------	------

Рассматриваемая группа респондентов характеризуется ярко выраженной **паранойальностью** (сравнительная весомость равна +5187).

Группа показателей № 5 (5-факторный опросник личности)

3) (80)	25F-17	-2596
2) (53)	25F-18	-3208

Представителей группы, которые свою политическую активность определяют как участие в проведении избирательной кампании, можно охарактеризовать прежде всего как **депрессивных** (сравнительная весомость по шкале «Депрессивность – эмоциональная комфортность» равна -3208); в меньшей степени как **напряженных** (сравнительная весомость по шкале «Напряженность – расслабленность» равна -2596).

Группа показателей № 6 (Опросник DSM)

1) (41)	DSM-02	-3695
---------	--------	-------

В рамках опросника DSM со знаком «минус», что абсолютно несвойственно представителям рассматриваемой группы, можно отметить **тип «Отшельник»** (сравнительная весомость равна -3695) с вероятным для этого типа расстройством «шизоид».

Группа по ответу (G05-10)

$$KOL/ur = 81 \quad VES/min = -2815 \quad VES/max = 1812$$

Группа **G05-10** респондентов, которые, оценивая свою политическую активность, заявляют, что политика их раздражает (17 респондентов), оказалась на 26 месте по совокупной экстремальности личностных качеств. Наибольшая сравнительная весомость среди изучаемых психологических показателей равна +1812, минимальная сравнительная весомость равна -2815.

Группа показателей № 5 (5-факторный опросник личности)

2) (85)	25F-18	-2479
---------	--------	-------

Респондентов, кого политика раздражает, можно охарактеризовать как **депрессивных** (сравнительная весомость по шкале «Депрессивность – эмоциональная комфортность» равна -2479).

Группа показателей № 7 (Дополнения PSY)

1) (67)	PSY-09	-2815
---------	--------	-------

В рамках методики Лири отрицательная тенденция наблюдается по шкале интегрального фактора «**Доминирование**» со сравнительной весомостью (-2815).

Группа по ответу (G05-09)

$$KOL/ur = 81 \quad VES/min = -2763 \quad VES/max = 3164$$

Группа **G05-09** респондентов, которым безразлична политическая деятельность при оценке своей политической активности (15 респондентов), оказалась на 32 месте по совокупной экстремальности личностных качеств. Наибольшая сравнительная весомость среди изучаемых психологических показателей равна +3164, минимальная сравнительная весомость равна -2763.

Группа показателей № 2 (Опросник Кеттелла)

81) (1570)	16F-03	3164
-------------------	---------------	-------------

Представители данной группы характеризуются **эмоциональной устойчивостью** (фактор С), что определяется значительной положительной сравнительной весомостью (+3164) по шкале «Эмоциональная неустойчивость – эмоциональная устойчивость».

Группа показателей № 5 (5-факторный опросник личности)

1) (72)	25F-13	-2763
----------------	---------------	--------------

Представителей группы, которым безразлична политическая деятельность, можно охарактеризовать как **ответственных** (сравнительная весомость по шкале «Ответственность – отсутствие ответственности» равна -2763).

Заключение

По результатам представленной информации можно говорить, что причины проявления у респондентов того или иного вида политической активности во многом определяются их психологическим своеобразием. Восемь групп по экстремальности разделились на три подмножества.

I. Группы высокой экстремальности, респонденты которых:

- 1) участвовали в митингах, демонстрациях, пикетах;
- 2) участвовали в забастовках.

II. Группы средней экстремальности, респонденты которых:

- 1) участвовали в проведении избирательной кампании;
- 2) испытывают чувство раздражения от политики;
- 3) испытывают чувство безразличия от политической деятельности.

III. Группы низкой экстремальности, респонденты которых:

- 1) подписывали коллективные обращения, петиции;
- 2) участвовали в выборах в органы власти различного уровня;
- 3) не участвовали в политических действиях.

Это продолжает наши исследования в рамках изучения нелинейной природы применительно к общественным наукам и наукам о человеке. Хотя при этом нелинейная природа психологических и социологических данных для большинства исследователей актуальной не является, а разговор о традиционных ошибках, возникающих благодаря «новым» правилам статистики, когда благодаря невидимым для подавляющего большинства исследователей грубым ошибкам получают «нужные» резуль-

таты, поднимался автором на социологических (ESA, ISA) и психологических (ЕСР, ІРС) конгрессах, а также в многочисленных статьях.

Список источников

1. *Басимов М. М.* Множественное сравнение в социологических исследованиях: монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. 224 с. URL: <http://dspace.kgsu.ru/xmlui/handle/123456789/3724/browse?value=Басимов+Михаил+Михайлович&type=author>.

2. *Басимов М. М.* Методы множественного сравнения в психологических исследованиях // Методы исследования психологических структур и их динамики. Выпуск 3 / под ред. Т. Н. Савченко и Г. М. Головиной. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. С. 128-157.

3. *Ольшанский Д. В.* Политико-психологический словарь. М., 2002. С. 21.

4. *Чуев С. В., Тимохович А. Н., Гришаева С. А.* Политические ценности российской молодежи: материалы исследования // Власть. 2017. № 11. С. 57.

5. *Basimov M.* Methods of multiple comparison in psychological research: monograph. Kurgan: Kurgan State University, 2008. 101 p.

6. *Basimov M.* Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods): monograph. Germany, Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 185 p.

7. *Basimov M. M.* Methods of multiple comparison in psychological research // Ponte. International Scientific Researches Journal. May 2017. Vol. 73, No. 5. P. 110-139. URL: <http://www.pontejournal.net>.

Баутина Юлия Евгеньевна,
Санкт-Петербургский государственный университет,
juliabautina@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ТРУДА

Аннотация. Проблема профессионального выгорания рассматривается в контексте концепции эмоционального труда, который понимается как процесс контролирования чувств и эмоций на рабочем месте в ситуации социального взаимодействия. Особое внимание уделяется анализу специфики эмоционального выгорания у представителей таких профессий, как учителя и врачи (в том числе в ситуации пандемии коронавируса). Охарактеризованы внешние и внутренние факторы, симптомы, стадии эмоционального выгорания, а также способы борьбы с ним.

Ключевые слова: эмоциональный труд; профессиональное выгорание; эмоциональное выгорание; истощение; эмоциональные состояния; причины эмоционального выгорания; этапы выгорания; пандемия; коронавирус

Bautina Yuliya Evgenievna,
Saint Petersburg State University,
juliabautina@yandex.ru

THE PROBLEM OF PROFESSIONAL BURNOUT IN THE CONTEXT OF CONCEPTION OF EMOTIONAL LABOR

Abstract. The problem of professional burnout is considered in the context of the conception of emotional labor, which is understood as the process of controlling feelings and emotions at the workplace in a situation of social interaction. Particular attention is paid to the analysis of the specifics of emotional burnout among representatives of such professions as teachers and doctors (including the situation of the coronavirus pandemic). There are external and internal factors, symptoms, stages of emotional burnout, as well as ways to deal with it characterized.

Keywords: emotional labor; professional burnout; emotional burnout; exhaustion; emotional states; causes of emotional burnout; burnout stages; pandemic; coronavirus

Начало исследования феномена эмоционального труда в профессиональной деятельности связано с работой А. Р. Хохшильд «Управляемое сердце: коммерциализация человеческих чувств» (1983), которая и сегодня играет большую роль, в том числе в изучении профессиональных проблем социальных работников, врачей, медсестер, учителей. По утверждению Хохшильд, профессионалы склонны управлять своими эмоциями в целях более успешного выполнения работы и получения денежных вознаграждений. Это и есть эмоциональный труд, который является расширением понятия эмоциональной работы, означающего управление эмоциями в частной сфере общества. Эмпирические исследования Хохшильд в основном касались сферы услуг, где работники находятся на «переднем плане», т. е. взаимодействуют с клиентами лицом к лицу.

Индивиды управляют эмоциями, осуществляя эмоциональную работу для эффективного социального взаимодействия и достижения целей. В этом Хохшильд отталкивается от идей Э. Гоффмана, психологии эмоций, некоторых психоаналитических понятий и отдельных феминистских исследований и включает в понятие эмоциональной работы действия, являющиеся попыткой изменить интенсивность или качественные характеристики эмоций (возбуждение и/или подавление эмоций). При этом Хохшильд не часто описывает конкретные эмоции, возникающие в ситуации взаимодействия, для нее важно, что индивиды знают, какие эмоции следует переживать/обнаруживать в данной ситуации. Эмоциональная работа осуществляется в рамках эмоциональной культуры, формирующейся в обществе в целом и в той группе, которой принадлежит индивид в частности, и включающей представления о том, что люди должны чувствовать в разных типах ситуаций [Симонова 2013: 339-340].

Скотт Харрис отмечает, что люди выполняют эмоциональный труд всякий раз, когда управляют эмоциями в рамках своих занятий и профессий. «Работники часто используют поверхностное и глубокое исполнение, для того чтобы испытать или выразить чувства, которых требует от них работа. Более того, понятие эмоционального труда включает и то, что работники должны работать с чувствами других людей» [Скотт 2020: 190-191]. Во множестве различных родов занятий от работников требуется «делать» клиентов удовлетворенными и счастливыми, т. е. в перечень их обязанностей входит не только контроль над своими эмоциями и чувствами, но также управление над состояниями клиентов.

Несмотря на то, что эмоциональный труд в той или иной мере присущ абсолютно всем людям (вне зависимости от их сферы деятельности), однако в профессиональной сфере, как отмечает Хохшильд, эмоциональный труд играет особую роль для тех работников, которые проводят большую часть своего рабочего времени, общаясь с другими людьми: официантов, консультантов в банке, стюардесс, врачей, учителей и т. д.

Так, например, профессиональные компетенции врачей включают эмпатию как «осознанное сопереживание текущему эмоциональному состоянию другого человека без потери ощущения внешнего происхождения этого переживания». «Сострадание к пациенту, проявление эмпатии являются искренними, но врач должен демонстрировать их каждому своему пациенту. Это требует дополнительного усилия по переключению с одного субъекта на другого. Врач должен не только обладать компетенцией эмпатии, но и навыками эмоционального труда, позволяющими сознательно использовать эти компетенции» [Данилин 2016].

Точно так же можно отметить, что эмоциональный труд играет особую роль в работе учителей, несмотря на то, что анализ стандарта общепедагогического профессионализма показывает, что установленные единые параметры в большей степени направлены на то, чтобы педагог-

профессионал владел знаниями различных технологий, проектированием педагогического процесса, технологиями творчества и диагностики, и лишь немногим обращает на себя эмоциональный компонент, который включен в такие умения, как: предупреждать и преодолевать стрессовые состояния; владение основами социально-психологической защиты. Учителю, постоянно сотрудничающему с детьми в педагогическом процессе, необходимы эмоциональная чуткость, отзывчивость, подвижность, артистизм. Эмоционально богатый учитель, владеющий приемами вербального и невербального проявления чувств и целенаправленно их применяющий в общении с учениками, оживляет урок, делает его эмоциональным, экспрессивным [Семиздралова 2009: 130].

При исследованиях эмоционального труда, практик личностного общения было установлено, что педагоги, как правило, подавляют отрицательные эмоции и демонстрируют положительные. И хотя эмоциональный труд, то есть эмоционально окрашенный педагогический труд, может вызывать у преподавателя чувство удовлетворенности, эйфории или глубокой приверженности своей профессии, не каждая ситуация действительно располагает и позволяет легко справиться с требованиями такого эмоционального труда. В итоге раздвоение эмоций педагога может нанести ущерб его эмоциональному благополучию и, что еще хуже, может привести к единовременной или долгосрочной утрате готовности, устремленности соответствовать названным выше условным нормам эмоционального труда и даже к эмоциональному выгоранию [Колумбаева, Ланцева, Киясова 2020: 75].

Конечно, успешное выполнение эмоционального труда не всегда зависит только от самих работников. Зачастую работодатели используют методы, через которые они могут влиять на сотрудников [Скотт 2020].

Первый способ воздействия проявляется уже на моменте найма сотрудников. Составляя объявления, работодатели зачастую указывают, что они ищут позитивного, отзывчивого сотрудника, способного ладить с людьми на рабочем месте. Кандидатов могут попросить отреагировать на гипотетический сценарий или вспомнить трудные эмоциональные ситуации. В исследовании эмоционального труда А. Р. Хохшильд описывала, как в одной из авиакомпаний шесть претенденток на должность стюардесс собирали в одной комнате, чтобы побудить их познакомиться друг с другом во время ожидания собеседования. В это время за ними велось скрытое наблюдение, направленное на выявление их способности вести доброжелательную беседу с незнакомыми людьми.

Также работодатели могут использовать обучение как способ воздействия на эмоциональный труд. Зачастую сотрудников обучают вежливо улыбаться, использовать спокойный и располагающий тон, мимику для того, чтобы всячески угодить клиенту. Тем самым работники используют поверхностное исполнение, т. е. они как бы надевают маску, за ко-

торой прячутся их настоящие эмоции, которые внешний мир видеть не должен.

Но некоторым работодателям недостаточно того, чтобы их сотрудники только делали вид услужливости. Они хотят, чтобы сотрудники действительно переживали нужные эмоции и могли трансформировать гнев в нечто положительное. Так, например, известный слоган «Клиент всегда прав» может повлиять на работника и заставить его поверить в то, что он должен делать все возможное для благополучия клиента, ведь он заслуживает только самого лучшего. Здесь уже не важно, что чувствует или думает о ситуации сам работник, так как заданная установка определяет его эмоции и поведение.

Часто происходит так, что по прошествии определенного времени сотрудники уже не обладают определенными силами и ресурсами для успешного выполнения эмоционального труда. Может быть и так, что человек намеренно показывает на собеседовании, что он отлично справляется со своими эмоциями, и после того, как его наняли, он уже не старается так хорошо выполнять свои обязанности. Для того чтобы следить за качеством работы, начальники или менеджеры могут проводить мониторинг и оценивание сотрудников. Например, менеджер может наблюдать за работой лично, или в офисе могут быть установлены камеры наблюдения. Также зачастую используют запись звонка, чтобы у работника сохранялась мысль о том, что за ним «следят», и клиенту было от этого спокойнее. Помимо этого, у потребителей различных сервисов может спрашиваться их мнение об оказанной услуге через опрос или простой диалог.

И, наконец, работодатели могут влиять на сотрудников посредством рекламы. Например, когда мы видим по телевизору рекламу известного фастфуда, которая обещает нам, что еда будет приготовлена в минимальные сроки и отдавать нам ее будут улыбающиеся сотрудники, мы, хоть и не всегда, но так или иначе ожидаем этого и в реальности. Но, как правило, когда мы приходим в заведение, мы понимаем, что ждать заказ придется очень долго, передавать нам его будут уставшие и изможденные лица, да и сама еда будет выглядеть не так, как на экране. В этом случае персонал возьмет удар на себя, он будет стараться делать свою работу как можно лучше, быть приветливее, чтобы возместить «ущерб» и сократить разрыв между рекламой и реальностью.

Конечно, любой труд, как физический, так и эмоциональный, требует определенных усилий. Он может как навредить и вызвать усталость, так и, наоборот, придать сил для выполнения новых задач. Так, например, грузчики, которые ежедневно таскают тяжести, обретают хорошую физическую форму. Но может ли, например, консультант в банке получить некоторый положительный эффект от ежедневного общения с людьми? Да, может, если он ощущает себя «на своем месте» и его работа высоко оценивается со стороны. Любая похвала или же просто осознание того, что про-

дельваемая работа важна, помогают человеку легче осуществлять управление эмоциями. Таким образом, чем больше работа способствует поддержанию ценимой идентичности и достижению моральных целей, тем легче (или, по крайней мере, терпимо на некоторое время) становится осуществление поверхностного или глубокого исполнения [Скотт 2020: 236].

К сожалению, на практике чаще выходит так, что, выполняя ту или иную работу, сотрудники сталкиваются с определенными проблемами, или «издержками». Вновь приводя в пример грузчика, можно сделать вывод, что порой он также может получить и физическую травму. Работники, занятые в сфере эмоционального труда, также не застрахованы от «травм». Так, одним из негативных последствий является амбивалентность, или дезориентация. Работник розничной торговли целенаправленно обучается думать и действовать на основании девиза «клиент всегда прав». В этом случае он имеет дело с внутренним конфликтом между своим собственным видением ситуации и требованиями своего работодателя: «Я так думаю, действую и чувствую потому, что так хочет моя компания, или потому, что это я сам такой и этого хочу?». Когда работодатели вторгаются не только в сферу внешнего управления эмоциями, но и в более глубокий эмоциональный мир, работники могут бороться за определение и согласование различий между «Я как работник» и своим «подлинным Я» [Скотт 2020: 229].

Одним из важнейших негативных последствий эмоционального труда является эмоциональное выгорание в профессиональной деятельности (то, что обозначается термином «профессиональное выгорание»).

Понятие эмоционального выгорания (burnout) впервые ввел в 1974 году американский психиатр Герберт Фрейденбергер. Он заметил, что у специалистов помогающих профессий – врачей, психологов, учителей – со временем появляется и нарастает эмоциональное истощение, т. е. снижается эмоциональная реакция на события, даже важные, люди становятся равнодушнее к окружающим и тому, что раньше их вовлекало. Согласно актуальному определению ВОЗ, эмоциональное выгорание, или переутомление, – синдром, возникающий в результате хронического стресса на рабочем месте, который не был успешно преодолен [Пережогин 2021].

Эмоциональному выгоранию свойственны определенные симптомы, которые принято делить на три группы [Платонов 2018: 9-10]: психофизические (чувство усталости, ощущение эмоционального и физического истощения, личностная отстраненность, полная или частичная бессонница и др.), социально-психологические (безразличие, скука, цинизм и черствость, повышенная раздражительность, частые нервные срывы и др.) и поведенческие (ощущение, что работа становится все тяжелее и тяжелее, сотрудник заметно меняет свой рабочий режим дня, вне зависимости от объективной необходимости постоянно берет работу домой, но

дома ее не делает, дистанцированность от сотрудников и клиентов, уменьшение интереса к новым теориям и идеям в работе и др.).

Также существует несколько стадий эмоционального выгорания.

Первая стадия – на уровне выполнения функций, произвольного поведения: забывание каких-то моментов, говоря бытовым языком, провалы в памяти (например, внесена ли нужная запись в документацию, задан ли планируемый вопрос, какой получен ответ), сбои в выполнении каких-либо двигательных действий и т. д. Обычно на эти первоначальные симптомы мало кто обращает внимания, называя это в шутку «девичьей памятью», «склерозом».

На второй стадии наблюдается снижение интереса к работе, потребности в общении (в том числе и дома, с друзьями): «не хочется видеть» тех, с кем специалист общается по роду деятельности (коллег, клиентов, начальство), «в четверг ощущение, что уже пятница», «неделя длится нескончаемо», нарастание апатии к концу недели, появление устойчивых соматических симптомов (нет сил, энергии, особенно к концу недели, головные боли по вечерам; «мертвый сон, без сновидений»), увеличение числа простудных заболеваний); повышенная раздражительность, человек «заводится», как говорят, с полуоборота, хотя раньше подобного он за собой не замечал. Продолжительность протекания данной стадии – в среднем от 5 до 15 лет.

Третья стадия – собственно личностное выгорание. Характерны полная потеря интереса к работе и жизни вообще, эмоциональное безразличие, оупение, ощущение постоянного отсутствия сил. Человек стремится к уединению. На этой стадии ему гораздо приятнее общаться с животными и природой, чем с людьми. Стадия может длиться от 10 до 20 лет [Платонов 2018: 10-11].

Согласно исследованию института Гэллапа, проведенному в 2019 году среди 12 658 респондентов, занятых полный рабочий день, 28% сотрудников чувствуют себя «выгоревшими» очень часто или всегда, 48% выбирают вариант «иногда». Это означает, что большая часть всех опрошенных людей, работающих полный рабочий день, время от времени испытывают синдром выгорания [Employee Burnout: Causes and Cures. Report 2019]. Также это исследование показывает, что те, кто отметил, что испытывает эмоциональное выгорание, вероятнее на 63% возьмут отгул и будут на 13% менее уверенно выполнять свою работу.

Рассматриваемая статистика заставляет серьезно задуматься о данной проблеме, быть более внимательным к себе и своему состоянию. Это подтверждает и тот факт, что синдром эмоционального выгорания был включен в Международную классификацию болезней 10-го пересмотра – МКБ-10, а в 2021 году в МКБ-11 добавили более полное определение этого синдрома. Он добавлен в классификацию не как заболевание, а как фактор, влияющий на состояние здоровья человека [Пережогин 2021].

Но что вызывает состояние выгорания? Большинство специалистов разделяют причины на внутренние и внешние. В качестве внутренних выступают личностные и ролевые характеристики работника, например экономия эмоциональных ресурсов для избежания конфликтных ситуаций. К внешним факторам можно отнести условия среды – различного рода стрессоры, связанные со спецификой профессиональной деятельности. Это прежде всего продолжительность рабочего дня, характер выполняемых работ, количество клиентов и глубина контактов, степень самостоятельности в принятии решений, обратная связь с руководством. К списку причин также можно отнести высокий темп работы, постоянно возрастающие требования, неблагоприятную психологическую атмосферу профессиональной деятельности (может определяться конфликтностью по вертикали в системе «руководитель – подчиненный» и по горизонтали в системе «коллега – коллега») [Платонов 2018: 8].

Нервная обстановка побуждает одних растрчивать эмоции, а других искать способы экономии психических ресурсов. Рано или поздно осмотрительный человек с крепкими нервами будет держаться от всего и всех подальше, не принимать все близко к сердцу, беречь нервы. Кроме того, неопределенное содержание работы (в перспективах, целях, содержании деятельности, критериях оценки, круге полномочий, ответственности), переход к новым технологиям, изменение организационной структуры приводят к постоянно испытываемому стрессу у сотрудников, что способствует быстрому выгоранию, например, менеджеров [Платонов 2018: 9].

Эмоциональное выгорание может проявляться у работников любой сферы, вне зависимости от их обязанностей. Так, как отмечалось ранее, работа медицинских работников, являясь одной из самых сложных и ответственных, представляет большие риски для развития выгорания.

В современных условиях повышаются требования к квалификации медицинских работников, продуктивности их профессиональной деятельности, к качеству оказываемой населению медицинской помощи. Это возможно при условии профессиональной компетентности врача, его психологического и физического здоровья и, что важно, психической устойчивости к развитию негативных состояний, обусловленных стрессогенностью его труда. В настоящее время последняя задача представляется трудновыполнимой. Профессиональные обязанности медицинских работников связаны с высокой степенью ответственности за жизнь и здоровье других людей, требуют от специалиста срочного принятия решений, самодисциплины, умения сохранять высокую работоспособность в экстремальных условиях, эмоциональной отдачи, постоянного психологического, интеллектуального напряжения и вовлеченности в проблемы пациентов [Болучевская и др. 2012: 6].

Особенно остро эта проблема ощущается сейчас, в разгар пандемии, когда множество врачей заняты лечением коронавирусных пациентов.

Почти 30% тех, кто работает непосредственно с больными коронавирусом, близки к увольнению из-за усталости, а у 37% на фоне эмоционального истощения возникли проблемы со здоровьем, говорится в опросе, проведенном командой популярного среди медиков мобильного приложения «Справочник врача» [Костарнова 2021].

Медики, согласно опросу, считают, что отношение общества к ним сильно изменилось по сравнению с началом пандемии: все привыкли к работе врачей в режиме постоянного аврала, их перестали считать героями, а тяжелейший труд в «красных зонах» стал восприниматься как должное. Опрошенные признают, что усталость и эмоциональное выгорание негативно влияют на их отношение к пациентам.

«Я, может, сейчас с вами живая, но я приду домой и буду просто лежать. Ни с кем не буду общаться, ни с кем не буду говорить, не буду читать. Буду лежать и ждать следующего дня. И так уже пару месяцев», – говорит 27-летняя Анастасия Протопопова.

В исследовании приняли участие 2 822 респондента, из которых, по данным авторов, около 90% врачей. 611 участников опроса на момент его проведения работали непосредственно в «красной зоне». Среди врачей и медсестер, работающих в коронавирусных госпиталях и отделениях, только 12,6% все еще «полны сил» и «ходят на работу с интересом» [Дьяконова и др. 2022].

С эмоциональным выгоранием также сталкиваются и учителя, и в данном случае оно носит особенный, специфический характер, ведь признаки проявления эмоционального выгорания отражаются не только на личности учителя, но и на его профессиональной деятельности, а также учениках. Новая образовательная ситуация в России, обусловленная модернизацией российского общества, процессами глобализации, требует изменения личностных и профессиональных качеств педагога, его социальной и профессиональной позиции в обществе. Обновление профессиональной деятельности учителя заключается в процессе смены ценностно-смысловых, профессиональных установок. Значительно усложняется контингент учащихся. Ряду учителей в России приходится зачастую работать с детьми из семей мигрантов, не знающих русский язык; работать с учащимися, имеющими серьезные социальные проблемы в семье или с отклоняющимся поведением; осваивать и тут же применять программы инклюзивного образования (а ведь это новое направление для учителей, многим не знакомое); работать с одаренными детьми в рамках реализации нацпроектов и программ без должного финансового и материально-технического оснащения. Учитель должен постоянно заниматься саморазвитием и повышением квалификации. Вдобавок практически каждый учитель проходит через классное руководство [Нуркенова 2019: 10].

Авторы программы по развитию педагогов «Я Учитель» (образовательный проект «Яндекса») осенью 2020 года провели опрос среди

100 тыс. человек, включая 38 тыс. педагогов. По данным исследования, симптомы выгорания есть у 75% учителей, причем у 38% из них они ярко выражены. Стаж не влиял на состояние опрошенных: на выгорание жаловались как молодые, так и опытные специалисты. В частности, последние могут испытывать дискомфорт из-за перехода на электронный документооборот, который отнимает много сил и времени. Среди других причин выгорания – неудовлетворенность условиями труда, нехватка интересных задач, невозможность продвигаться по карьерной лестнице. «Учителям может не хватать чувства новизны, которое дают новые сложные задачи или новая должность, – объясняет руководитель направления продвижения сервиса “Яндекс.Учебник” Ирина Савицкая. – Кажется, что пандемия могла усугубить ситуацию. Возросла нагрузка на учителей: им приходилось перестраивать учебный процесс и очень много общаться с родителями» [Чернышева 2021].

Здесь же стоит отметить, что эмоциональный труд не всегда рассматривается только лишь с позиции управления эмоциями на рабочем месте. Он может включаться и в обычной жизни, когда, например, необходимо помнить дни рождения всех родственников, какое у кого расписание, организовать все праздники и отмечание печальных дат, спросить о здоровье, соблюсти все социальные ритуалы и проконтролировать, чтобы это сделали все члены семьи. Вся эта работа возложена на одного из членов семьи (как правило, на женщину) «по умолчанию», без всякой договоренности, и если прибавить к этому факту наличие детей, то можно сделать вывод, что в данном случае выгорание неизбежно [Мурашова 2020].

Практический опыт работы с женщинами, находящимися в отпуске по уходу за ребенком, показывает, что для многих из них материнство оказывается гораздо более стрессогенным, чем они ожидали. Состояние эмоциональной подавленности молодой матери называют «послеродовой депрессией», заимствуя этот термин из психологии. Психологи-консультанты и психотерапевты в работе с молодыми мамами называют их состояние «материнским эмоциональным выгоранием». В данном случае материнство необходимо рассматривать как особый вид деятельности – не профессиональной в привычном смысле этого слова, но от того не менее сложной по своей сути и требующей не меньших, а, возможно, и больших затрат эмоционального ресурса женщины-матери [Ильина 2020: 138]. «Родительское выгорание – это сложная химическая реакция, в которой всегда участвует и любовь тоже. Просто иногда наш металл не выдерживает. И тогда мы рассыпаемся до состояния пепла, до тяжелого ощущения бессмысленности всего, что мы делали сегодня, будем делать завтра, послезавтра и, кажется, всегда. Иногда бывает очень жалко себя. А иногда вовсе и не жалко, а больше похоже на странное и пугающее оупение, как будто ты застрял в тяжелом мокром слое ваты,

куда с трудом пробираются события из внешнего мира и мысли из мира внутреннего» [Рубцова 2019].

Несмотря на всю сложность и кажущуюся безысходность, с выгоранием можно и нужно бороться. Существует множество техник и способов, которые могут помочь как отдельным сотрудникам (и людям, сталкивающимся с «домашним» эмоциональным выгоранием), так и их руководителям.

Первое, что может сделать человек, заметивший у себя признаки выгорания, это заняться собой. Важно восстановить запасы физической и эмоциональной энергии, а также вновь научиться сосредотачиваться. Для этого нужно обеспечить здоровый сон, правильное питание, физическую нагрузку, наладить социальные связи и найти занятие по душе – вроде медитации, ведения дневника и поездок на природу, – которые вернут спокойствие и хорошее самочувствие.

Также важно сменить угол обзора. Отдых облегчит состояние при истощении, поможет обуздать цинизм и повысить работоспособность, но не искоренит причин выгорания. Вернувшись в офис, сотрудник вновь столкнется с конфликтами, неподъемной нагрузкой или нехваткой ресурсов. Важно оценить настрой и реальные условия. Что нельзя изменить, а что поддается влиянию? «Перестроив свою оптику», работник, скорее всего, сгладит ущерб от любых обстоятельств. Если главная проблема – истощение, необходимо задуматься, какие задачи можно делегировать, чтобы высвободить время и энергию для других дел.

Еще одним важным пунктом является ограничение воздействия факторов стресса. Необходимо разобраться с важными делами и отношениями, которые по-прежнему приводят сотрудника в стрессовое состояние. В частности, нужно скорректировать ожидания коллег, клиентов и даже домочадцев: объяснить им, чем и в какой мере вы готовы заниматься, и задать правила сотрудничества. Люди должны понять, что единственная цель изменений в жизни: повысить производительность труда в долгосрочной перспективе и сохранить здоровье.

И, конечно, лучшее средство от выгорания, особенно от цинизма и потери работоспособности, – взаимодействие с людьми и непрерывное личное и профессиональное развитие. Важно найти специалистов, которые помогут понять, с кем общаться и чему учиться, и продвинуться в этом направлении.

Но выгорание редко настигает людей поодиночке – и руководитель должен уметь предотвращать и «лечить» его.

Очень важно не пропустить первые симптомы. Руководитель должен наблюдать за сотрудниками, обращать внимание на такие признаки, как утомленность, рассеянность, враждебность, беспомощность. Также необходимо чаще встречаться с подчиненными и контролировать их физическое, умственное и эмоциональное состояние. На этой стадии можно

использовать известную методику по оценке эмоционального выгорания – опросник Маслач (или опросник Маслач и Джексон). Этот тест был создан в 1986 году, российская адаптация увидела свет в 2001-м благодаря работе Н. Е. Водопьяновой. «Здесь диагностика уровня эмоционального выгорания идет не по стадиям, а по главным чертам данного синдрома: эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция профессиональных достижений. Соответственно, такие же названия получили и три шкалы, по которым выводятся результаты. По ним и судят о наличии или отсутствии выгорания, а также о том, над какими его сторонами нужно работать в первую очередь» [Милославская и др. 2020].

Помимо мониторинга состояния сотрудников, порой руководителю стоит ограничить нагрузку, узнать, каков предел общих возможностей членов команды, и стараться не выходить за эти рамки. Также важно ограждать подчиненных от внешнего давления, в том числе от неразумных или неясных требований.

Более того, необходимо оптимизировать условия работы. Руководитель должен объяснять подчиненным, что он от них ждет; позволять им самим решать, где, когда и как выполнять работу; обеспечивать людей необходимыми ресурсами.

И, конечно, также важно настаивать на отдыхе, хвалить за успешное выполнение задач, помнить об обучении и способствовать взаимопомощи [Валькур 2017: 2-4].

В заключение хочется отметить, что эмоциональный труд и выгорание предоставляют множество новых возможностей для изучения. Особенно сейчас, когда в условиях пандемии и удаленной работы люди ежедневно сталкиваются с социальной изоляцией, чрезмерной рабочей нагрузкой и стиранием границ между работой и домом, личным и рабочим пространством. Важно понимать, что выгорание – это не модная проблема, а реально существующая угроза. В данном случае именно социологи могут изучить, как принятые эмоциональные нормы влияют на исполнение человеком эмоционального труда и поддержание постоянного «дисплея жизнерадостности». Также социологи могут увидеть, как именно установленные обществом эмоциональные нормы загоняют человека в состояние выгорания, не позволяя ему выпутаться из клубка ежедневного стресса и давления. Возможно, именно благодаря исследованиям в области социологии эмоций будут найдены новые методы борьбы с выгоранием, которые позволят существенно облегчить выполнение сотрудниками эмоционального труда и свести все негативные последствия к минимуму.

Список источников

1. Болучевская В., Будников М. Эмоциональное выгорание врачей как актуальная психологическая и медицинская проблема // Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. 2012. № 2 (42). С. 6-9.

2. *Валькур М.* Как справиться с выгоранием // Harvard Business Review Россия [веб-сайт]. URL: <https://hbr-russia.ru/karera/professionalnyy-i-lichnostnyy-rost/a19241/?open=Y> (дата обращения: 03.02.2022).

3. *Данилин А.* Эмоциональный труд врачей как фактор обеспечения удовлетворенности потребителей медицинских услуг // Вестник КЭУ: экономика, философия, педагогика, юриспруденция. 2016. № 1 (40). С. 47-52.

4. *Дьяконова О., Фохт Е.* Чувство полного истощения. Как российские врачи в «красных зонах» переживают выгорание // BBC News, Русская служба [веб-сайт]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-59807695> (дата обращения: 04.02.2022).

5. *Ильина И. Т.* Эмоциональное выгорание матерей как социально-психологический феномен в контексте современной культуры // Человек и образование. 2020. № 1 (62). С. 138-144.

6. *Колумбаева Ш. Ж., Ланцева Т. В., Киясова Б. А.* Эмоциональный труд педагога в условиях онлайн образовательной среды // Педагогические науки. 2020. № 4 (68). С. 71-77.

7. *Костарнова Н.* Медицина просит помощи // Коммерсантъ [веб-сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5060180> (дата обращения: 19.02.2022).

8. *Милославская Е., Демьянова О.* Диагностика эмоционального выгорания: тесты по методике Бойко и Маслач // Experimental Psychic [веб-сайт]. URL: <https://experimental-psychic.ru/diagnostika-ehmocionalnogo-vygoraniya/> (дата обращения: 03.02.2022).

9. *Мурашова Е.* Помнить все. Что такое эмоциональный труд // Сноб [веб-сайт]. URL: <https://snob.ru/entry/192966/> (дата обращения: 04.02.2022).

10. *Нуркенова А.* Особенности профессионального эмоционального выгорания учителя средней школы // Калининградский вестник образования. 2019. № 4 (декабрь). С. 9-15.

11. *Пережогин А.* Как бороться с эмоциональным выгоранием // Тинькофф журнал [веб-сайт]. URL: <https://journal.tinkoff.ru/burnout-help/> (дата обращения: 01.02.2022).

12. *Платонов Ю. П.* Феномен эмоционального выгорания личности: структурно-функциональный анализ // Ученые записки СПбГИПСР. 2018. № 1 (29). С. 7-13.

13. *Рубцова А.* На медленном огне // Вестник Психологии [веб-сайт]. URL: <https://psychologyjournal.ru/public/na-medlennom-ogne/> (дата обращения: 01.02.2022).

14. *Семиздралова О. А.* Эмоциональный компонент профессиональной деятельности учителя // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2009. № 1. С. 129-134.

15. *Симонова О. А.* Эмоциональный труд в современном обществе: научные дискуссии и дальнейшая концептуализация идей А. Р. Хохшильд // Журнал исследований социальной политики. 2013. № 3 (11). С. 339-353.

16. *Скотт Х.* Приглашение в социологию эмоций. Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. 260 с.

17. *Чернышева Е.* От пандемии больше всего пострадали учителя и дети // РБК +1 [веб-сайт]. URL: <https://plus-one.rbc.ru/society/ot-pandemii-bolshe-vsego-postradali-uchitelya-i-deti> (дата обращения: 03.02.2022).

18. *Employee Burnout: Causes and Cures. Report* // Gallup [веб-сайт]. URL: <https://www.gallup.com/workplace/282659/employee-burnout-perspective-paper.aspx> (дата обращения: 28.01.2022).

Белова Е. Р.,
студент 2-го курса магистратуры кафедры социальной работы
Уральского гуманитарного института,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
elenaralitovna@yandex.ru

Старшинова А. В.,
доктор социологических наук, профессор кафедры социальной работы
Уральского гуманитарного института,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
a.v.starshinova@urfu.ru

**МОБИЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ «УВЕРЕННЫЙ ШАГ»
КАК КОМПОНЕНТ ТЕХНОЛОГИИ СОПРОВОЖДЕНИЯ
ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ
РОДИТЕЛЕЙ, ВЫПУСКНИКОВ ИНТЕРНАТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ**

Аннотация. В статье проводится анализ текущей ситуации постинтернатного сопровождения и актуализируется проблема неготовности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, к самостоятельной жизни. Мобильное приложение «Уверенный шаг» станет эффективным инструментом успешной адаптации и социализации выпускников интернатных учреждений.

Ключевые слова: постинтернатное сопровождение; дети-сироты; дети, оставшиеся без попечения родителей; адаптация выпускников; социализация выпускников; социальная адаптация; выпускники интернатных учреждений; мобильные приложения; мобильные технологии

Belova E. R.,
2nd year Master's Degree Student of Department of Social Work
of Ural Humanitarian Institute, Ural Federal University
named after first President of Russia B. N. Yeltsin
elenaralitovna@yandex.ru

Starchinova A. V.,
Doctor of Sociology, Professor of Department of Social Work
of Ural Humanitarian Institute, Ural Federal University
named after first President of Russia B. N. Yeltsin
a.v.starshinova@urfu.ru

**MOBILE APP “STRONG STEP” AS A PART OF THE TECHNOLOGY
FOR SUPPORTING ORPHANS AND CHILDREN LEFT
WITHOUT PARENTAL CARE, GRADUATES OF ORPHANAGES**

Abstract. The article analyzes the current situation of post-boarding support and actualizes the problem of the unpreparedness of orphans and children left without parental care for

an independent life. The mobile app “Strong step” will become an effective tool for successful adaptation and socialization of graduates of residential institutions.

Keywords: post-boarding support; orphans; children left without parental care; adaptation of graduates; socialization of graduates; social adaptation; graduates of boarding schools; mobile applications; mobile technologies

Проблема детей-сирот (здесь и далее по тексту дети-сироты – дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей) продолжает оставаться чрезвычайно актуальной для России. Тяжелые времена 90-х годов XX века привели к резкому увеличению числа детей, оставшихся на попечении государства. По состоянию на начало 2021 года Россия является лидером по количеству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, численность которых составляет 460 000. Вице-премьер РФ Татьяна Голикова указывает на положительную тенденцию в снижении численности сирот. На начало 2021 года отмечено уменьшение на 6,6% [Tass.ru 2021]. Однако следует отметить, что наметившаяся тенденция уменьшения численности данной группы детей происходит на фоне снижения рождаемости в целом по стране. К этому необходимо добавить и тот факт, что динамика появления детей-сирот в 40 регионах превысила средние показатели. В целом 60% детей становятся сиротами из-за лишения родителей родительских прав.

Профилактика детского сиротства актуальна, но не менее значима и проблема адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей и воспитывавшихся в государственных учреждениях интернатного типа, так как именно по факту проведенной работы с этим слоем населения будет зависеть будущая социально-экономическая ситуация в том или ином регионе и в целом состояние общества. По данным Генеральной прокуратуры 40% выпускников сиротских заведений становятся алко- и наркозависимыми, 40% совершают преступления, 10% совершают суициды и только оставшиеся 10% живут относительно нормально, сумев совладать со сложностями самостоятельной жизни [Февральская 2015: 798]. Это является показателем недостаточной самостоятельности выпускников, дезадаптированности, проявляющейся в иждивенческом образе жизни и типе мышления и затрудняющей их социальную интеграцию по мере взросления.

Анализ теоретико-практических работ позволяет выделить совокупность проблем, с которыми сталкиваются выпускники детских домов: неумение общаться с людьми вне учреждения, недоверие к людям, психологически устоявшееся групповое мышление и неумение самостоятельно обеспечить свой быт. Выходя из интернатного учреждения, его воспитанники резко сталкиваются с теми проблемами, с которыми до этого не имели дела [Шогенова, Ханиева, Шинахова 2016: 290]. Многие из сирот не знают о своих возможностях, правах и льготах, за исключением получения пособий и собственного жилья. Из-за низкого социаль-

ного интеллекта и малой грамотности в правовой сфере они легко подвержены обману со стороны сверстников или работодателей. Часто возникают случаи несоблюдения трудового законодательства по отношению к сиротам. Существуют «провалы» профориентационной работы с данной группой детей. Это выражается в том, что воспитанники детского дома, обучаясь, не понимают своего места в общественной жизни, плохо осмысливают свои запросы, потребности и возможности для трудовой деятельности. «По данным НИИ детства Российского Детского Фонда, результаты проведенного опроса выпускников школ-интернатов не утешительны в сфере социальной адаптации. Во-первых, несмотря на все усилия государства, администраций конкретных образовательно-воспитательных учреждений, эти дети не ориентированы на достижение более высоких профессиональных перспектив: свыше 80% детей-сирот ориентированы на ПТУ, лишь 10% мечтают о среднем специальном и высшем образовании. Только 3% из них продолжают обучаться в 10–11 классах» [Захарова 2013: 180].

Существуют серьезные проблемы трудоустройства выпускников детских домов и школ-интернатов: до 40% из них могут найти работу только с помощью руководителей учреждений. От 50% до 60% таких подростков в дальнейшем заняты неквалифицированным трудом. Отсюда наблюдаются неудовлетворенность местом работы, неконкурентоспособность на рынке труда.

В связи с этим существует потребность в разработке различных технологий сопровождения, направленных на оказание поддержки выпускников учреждений интернатного типа, в частности социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних (СРЦДН), проекта наставничества. Статистика показывает, что текущие проекты малоэффективны: работники социально-реабилитационных центров прибегают к устаревшим методикам, что обуславливает низкую осведомленность воспитанников о взрослой жизни [Кузьмин, Быканова 2021: 16].

Работа с сиротами не должна прекращаться после выпуска их из детского дома. Данный вопрос приобретает особую актуальность и требует внимания к поиску успешных инструментов, повышающих эффективность адаптации и социализации детей-сирот, вступающих в самостоятельную жизнь.

Мы предлагаем в качестве одного из решений данной социальной проблемы запуск мобильного приложения «Уверенный шаг» для выпускников детских домов. Предложенный нами формат взаимодействия с выпускниками выбран в связи с тем, что является удобным и доступным для данной целевой аудитории.

Мобильное приложение нацелено на развитие знаний, навыков и необходимых качеств, чтобы строить самостоятельную жизнь после выхода из детского дома, преодоление социально-бытовых, психологических и юридических барьеров и является важным компонентом технологии со-

проведения детей-сирот, вступающих в самостоятельную жизнь. Актуальность формата мобильного приложения обоснована цифрами статистики. С 2014 года доля времени, которое пользователь проводит со смартфоном, увеличилась с 51 до 70%. На 2021 год динамика роста использования мобильных устройств остается положительной: 90% времени пользователи загружают мобильные приложения, и только 10% остается на работу с браузером. При этом количество сессий с мобильными приложениями постоянно увеличивается. Доля пользователей, которые открывают мобильные приложения больше 280 раз в день, увеличилась на 80% по сравнению с 2014 годом [VC.ru 2021].

Приложение будет реализовано в форме путеводителя с разделами, которые определяют основные трудности адаптации и иллюстрированы социальными комиксами, имеет функцию онлайн-чата и личного кабинета.

Личный кабинет предполагает авторизацию и размещение фото- и видеоконтента, предусмотрены вкладка хранения информации и документов, ежедневник с планированием, списком дел и напоминанием о предстоящих событиях.

В сервисах также реализованы возможности хранения банковских карт, карт лояльности от партнеров. Один из наиболее важных сервисов – это банк онлайн наставников, который предполагает авторизацию в приложении не только для выпускников, но и для волонтеров-наставников, которые прошли обучение и могут поддержать ребят в чате или личном общении. Также предусмотрены кнопки SOS для экстренной связи в случае критических или угрожающих жизни ситуаций.

Каждый раздел путеводителя определяет различные сферы жизнедеятельности, в которых потенциально могут возникнуть сложности у выпускников СРЦДН, среди них: дом, безопасность, здоровье, питание, деньги, покупки, образование, работа. Информация здесь представлена как советы и помощь в жизненных ситуациях, без готовых решений, они направлены на предотвращение проблем и на формирование активной жизненной позиции. Отдельно отметим, что визуальная графика мобильного приложения предполагает иллюстрацию яркими социальными комиксами, содержащими графические иллюстрации и емкие текстовые рекомендации, которые помогут подросткам ориентироваться в жизни и быту и выбирать верную и безопасную линию поведения. Преимущество комикса в данном случае – это доступность изложения для любого читателя, в том числе для подростков.

Проанализировав рынок и имеющиеся технологии относительно проблемы адаптации выпускников детских домов, мы видим очевидные преимущества мобильного приложения «Уверенный шаг». Это инновационное решение позволит выпускнику решать проблемы в социализации через алгоритмы действий или через обращение к специалистам и наставникам, в том числе в режиме онлайн. Мобильные приложения яв-

ляются оптимальным продуктом для использования в современном обществе. Приложения отличаются простотой использования и содержат многофункциональный интерфейс для решения жизненных проблем.

Рисунок

Таблица

<p>Главное Кошелек Банк наставников Экстренный вызов Карты лояльности Личный кабинет Путеводитель Вопрос-ответ Планер Мои документы</p>	<p>Личный кабинет Информация о себе, фото- и видеоконтент</p>	<p>ДОМ Оплата за квартиру Обустройство дома Ремонт</p>
<p>Безопасность Как не стать жертвой преступников Буллинг Интернет- мошенничество</p>	<p>Здоровье Профилактика болезней Здоровый образ жизни</p>	<p>ПИТАНИЕ Советы по выбору про- дуктов в магазине Простые рецепты на каждый день</p>
<p>ОБРАЗОВАНИЕ Типы учебных заведений Возможности поступ- ления Актуальные специаль- ности</p>	<p>РАБОТА Поиск и устройство на работы Востребованные про- фессии Оформление документов при устройстве на работу</p>	<p>ДЕНЬГИ Источники поступления денег Финансовая грамот- ность Планирование бюджета</p>

Дополнительно:

- Авторизация в личном кабинете с возможностью разместить информацию о себе, фото-, видеоконтент.
- Хранение в виртуальном облаке информации и документов (СНИЛС, ИНН, паспорт, ОМС).
- Электронный ежедневник (планирование, списки дел, напоминание).
- Приложение работает без Интернета и всегда под рукой – его достаточно один раз скачать на телефон и пользоваться. Интернет понадобится только при отправке вопроса в чат.
- Ответ на вопрос в чате пользователь получит в течение 12 часов. Ответ – не решение проблемы пользователя, а инструкция или пошаговое описание самостоятельных действий пользователя для решения своего вопроса или проблемы.
- Предполагается сбор базы контактов, помогающих организаций, которая содержит актуальные сведения о негосударственных и государственных организациях, реализующих различные проекты в сфере сопровождения выпускников детских сиротских учреждений, находящихся по всей территории Российской Федерации.
- Если пользователь предоставляет информацию о своем местонахождении, то в ответе может получить контакты организации, в которую он может обратиться за помощью.

Список источников

1. Голикова сообщила, что число детей-сирот в России в 2020 году сократилось на 6,6% // Информационный портал [веб-сайт]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10773269> (дата обращения: 25.01.2022).
2. *Февральская М. А.* Социальная адаптация детей-сирот в России // Science Time. 2015. № 12. С. 796-800.
3. *Шогенова Ф. З., Ханиева З. А., Шинахова М. М.* Проблема социальной адаптации выпускников детских домов // Гуманитарий Юга России. 2016. № 4. С. 286-294.
4. *Захарова Ж. А.* Основные подходы к воспитанию детей-сирот в условиях социокультурной среды детского дома // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2013. № 5. С. 174-185.
5. *Кузьмин В. П., Быканова В. М.* Технология социального сопровождения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: региональный аспект // Социологические науки. 2021. № 2. С. 14-21.
6. Статистика мобильных приложений 2021: загрузки, тренды и доходность индустрии // Информационно-справочная платформа VC [веб-сайт]. URL: <https://vc.ru/marketing/245003-statistika-mobilnyh-prilozheniy-2021-zagruzki-trendy-i-dohodnost-industrii> (дата обращения: 21.12.2021).

Лушникова Ольга Леонидовна,
Хакасский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории,
oltolt@mail.ru

СЕЛЬСКАЯ ЗАНЯТОСТЬ В УСЛОВИЯХ КРУПНОГО И МАЛОГО СЕЛА

Аннотация. Статья посвящена проблемам сельской занятости в условиях крупного и малого села. Разность условий проживания сказывается на трудовой занятости сельчан. В крупных селах более развита сфера услуг, в малых более распространена работа в бюджетной сфере. В статье ставится вопрос, в какой мере наличие работы способствует благополучию сельчан. Сравниваются группы опрошенных с разными источниками доходов (зарплата, личное подсобное хозяйство, социальные пособия). Сделан вывод о том, что в крупном селе на повышении материального достатка положительно сказывается совмещение основной занятости с ведением хозяйства. В малом селе личное хозяйство и социальные пособия в равной степени способствуют благополучию сельчан.

Ключевые слова: занятость населения; сельское население; малые села; крупные села; сфера услуг; сельское хозяйство; хакасы

Lushnikova Olga Leonidovna,
Khakass Research Institute for Language, Literature and History,
oltolt@mail.ru

RURAL EMPLOYMENT IN LARGE AND SMALL COUNTRYSIDE

Abstract. The article explores the problems of rural employment in large and small countryside. The difference in living conditions affects the employment of rural population. The service sector is more developed in large countryside; the public sector is more popular in small countryside. The main focus of the article is question about connection of employment and well-being of the rural population. It compares groups of respondents with diverse sources of income (salary, personal subsidiary farm, social benefits). We conclude that combination of basic employment with farming has a positive effect on increasing material prosperity in a large countryside. Personal farming and social benefits equally contribute to the well-being in a small countryside.

Keywords: employment; rural population; small villages; large villages; services sector; Agriculture; Khakass

Рынок труда в сельской местности имеет свои особенности: во-первых, он *локализован* в рамках одного малого населенного пункта, во-вторых, перечень сфер приложения труда недостаточен, отдельные отрасли и виды трудовой деятельности представлены *узким кругом профессий* [Садыков 2011: 219]. Особенно «выпукло» эти особенности проявляются в разрезе крупных сел и небольших деревень. С одной стороны, в больших селах рынок труда более разнообразный, поэтому возможностей для трудоустройства больше. С другой стороны, недостаток рабочих мест

в малых селах чаще вынуждает сельчан заниматься ведением личного хозяйства, которое помогает закрывать часть потребностей в питании, а иногда служит и дополнительным источником дохода. В связи с этим возникает вопрос, *в какой мере трудовая занятость способствует благополучию сельских жителей?* Статья построена на результатах социологического опроса, который проводился среди жителей крупных и малых сел Хакасии в 2018 г. (выборка квотная: по полу, возрасту и национальности, n=486).

Вообще сегодня наиболее предпочтительной (и даже желанной) считается занятость в *бюджетной сфере* [Чугунова, Лихневская 2017: 176], которая гарантирует стабильный заработок, официальное трудоустройство, социальные гарантии (оплачиваемый больничный, отпуск, трудовой стаж, отчисления в пенсионный фонд и др.). Причем, по данным исследований, значимую роль в качестве работодателя в сельских территориях играет именно государство: почти 18% активных трудовых ресурсов заняты в организациях, являющихся по форме собственности *государственными или муниципальными* [Югов 2020: 135]. Основной перечень таких профессий: работники сельской администрации, почты, школы, детского сада, ФАПа, дома культуры (если таковые имеются). По мнению некоторых исследователей, «жизнеспособность» села обеспечивается за счет работающей *школы* [Бадмаева 2019: 78]. Нередко школа остается единственным местом работы, поэтому неудивительно, что в небольших селах оказалось больше всего работающих именно в образовании (28,4%). В крупных селах работников образования тоже достаточно много (17,7%), но меньше, чем в других сферах занятости (рис. 1).

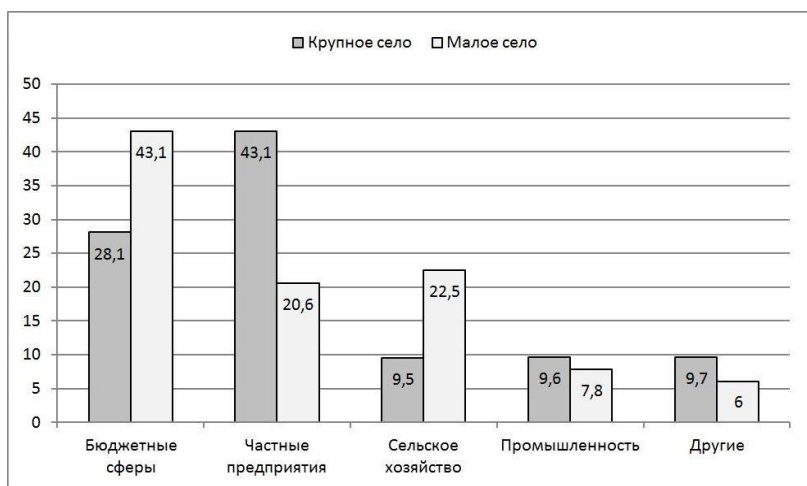

Рисунок 1. Сферы занятости жителей крупных и малых сел, в % от работающих

Исследователи отмечают, что значимой для занятости является также сфера предоставления разнообразных *услуг*: социальных, в области развлечений, страхования [Югов 2020: 136]. В крупных селах каждый четвертый (24,5%) работает в торговле, в малых – существенно меньше (6,9%), что согласуется с данными других исследований. Например, К. В. Аверкиева поясняет, что в силу невысоких доходов населения платные услуги на селе почти не востребованы, поэтому в *торговле* заняты 3–4% населения в трудоспособном возрасте [Аверкиева 2016: 29]. С одной стороны, высокий удельный вес работников сферы обслуживания является свидетельством кризиса агропромышленного сектора, при котором современное село перестало играть главную роль в обеспечении продовольственной безопасности, но, с другой стороны, в условиях безработицы сфера оказания услуг может рассматриваться как «*меньшее из зол*».

Безусловно, *сельское хозяйство* испытывает глубокий кризис, особенно если сравнивать масштабы производства с периодом советского времени. Данные исследований свидетельствуют о том, что работа в сельскохозяйственной сфере для сельских жителей уже не является доминирующей и постепенно продолжает сдавать свои позиции [Югов 2020: 136]. Согласно данным А. В. Аверкиевой, среди сельских жителей трудоспособного возраста лишь около 30–35% заняты в традиционных сферах труда (сельском и лесном хозяйстве, промышленности, секторе услуг) в своем населенном пункте [Аверкиева 2016: 25]. Поэтому в нынешних условиях все больше возрастает уверенность, что село – это «*не про сельское хозяйство*». Выживать в условиях рыночной конкуренции могут в основном крупные сельхозпроизводители, поэтому мелким и средним предпринимателям в аграрном секторе, особенно без поддержки государства, развиваться сложно. Удельный вес занятых в *сельском хозяйстве* оказался невысоким, особенно в крупных селах (всего 9,5%), что, возможно, связано с низкой оплатой сельскохозяйственного труда, которая чаще всего не превышает МРОТ, а также с его спецификой. Работа на селе преимущественно связана с физическим, энергоемким трудом. Как отмечают исследователи, многие работники животноводства, как правило, работают в праздничные и в выходные дни, а в напряженный период полевых работ работники растениеводства также трудятся и в праздничные, и в выходные дни [Кобозева 2019: 20]. Респонденты отмечали, что работа связана с вредными условиями труда, приходится много и быстро работать, не соблюдаются правила по технике безопасности, мало выходных и т. д. Такая интенсивная работа значительно подрывает здоровье сельчан, поэтому, имея альтернативу, жители крупных сел, вполне вероятно, делают выбор в пользу менее тяжелой работы в других сферах занятости. По мнению П. П. Великого, пробел в осмыслении проблем деревни заключается в том, что все больше нарастает убежденность, что нынешняя деревня может вообще *не иметь никакого отношения к аграр-*

ному сектору [Великий 2020: 67]. И в действительности это так: помимо бюджетных сфер занятости на селе развивается преимущественно сфера обслуживания.

В целом, конечно, в крупных селах число имеющих работу значительно больше, чем в небольших деревнях (68% против 50,8%), однако является ли наличие работы показателем благополучия сельчан? В исследовании мы сравнили уровень материального достатка среди опрошенных, имеющих разные источники средств существования. Мы выделили несколько категорий сельских жителей: сельчане, у которых *заработная плата* является единственным источником дохода; сельчане, которые помимо зарплаты получают *социальные пособия* или ведут *личное подсобное хозяйство* (далее – ЛПХ), а также сельчане, имеющие *все эти виды* источников дохода (рис. 2).

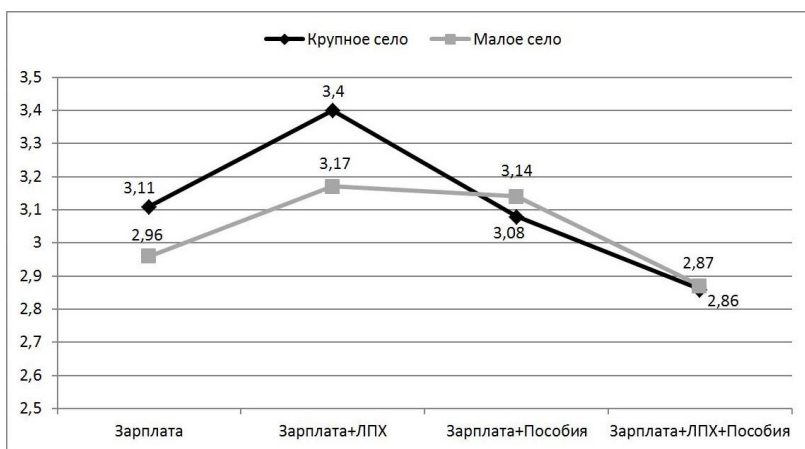

Рисунок 2. Средние значения показателей материального достатка среди опрошенных с разными источниками доходов в разрезе крупных и малых сел

Казалось бы, наличие постоянного источника дохода в виде *заработной платы* должно быть залогом материального благополучия. Однако оказалось, что более высокий уровень достатка связан с *совмещением основной занятости и ЛПХ*, особенно в крупных селах. Другими словами, ЛПХ может рассматриваться как дополнительный источник дохода. Исследователи отмечают, что распространенной является ситуация совмещения сельскохозяйственной и несельскохозяйственной деятельности, когда владельцы фермерских хозяйств и члены их семей совмещают работу на ферме и вне ее с целью получения дополнительного дохода и других преимуществ для домашнего хозяйства [Пашкевич 2021: 18].

Еще один источник дохода – *социальные пособия*, которые тоже представляет собой относительно стабильный доход сельчан. А по дан-

ным исследований, таковых на селе около 20% [Аверкиева 2016: 25]. Оказалось, что социальные выплаты не способствуют повышению материального положения, особенно в крупных селах. Вполне возможно, в данном случае пособия не столько играют роль дополнительного дохода, сколько являются свидетельством низких доходов и в некотором роде *вынужденной мерой*. То же самое можно сказать и о тех, кто имеет несколько источников средств существования (и зарплату, и пособия, и ЛПХ). Среди них самые низкие показатели материального достатка.

Исследование П. П. Великого и В. Л. Шабанова показало, что массовое совмещение основной работы и дополнительной, особенно в неформальном секторе, использование ЛПХ для получения доходов, чаще всего натуральных для собственного потребления, являются одним из характерных признаков *неблагополучия сельского домохозяйства* [Великий, Шабанов 2020: 253]. С одной стороны, сегодня на селе формируется слой людей, занятых в ЛПХ. С другой стороны, достаточно сложно рассматривать ЛПХ в качестве единственного источника дохода, поэтому у многих сельчан на первый план выходит мотив нахождения *«настоящей»* работы [Шабанов 2018: 34].

В целом неправомерно утверждать, что залог материального благополучия сельчан связан только с трудовой занятостью. Конечно, такой стабильный источник дохода позволяет обеспечивать себя минимумом (одеждой и пропитанием). Однако более заметно повышению достатка способствует совмещение основной работы с ведением ЛПХ, которое в данном случае «работает» как дополнительный источник дохода, особенно в крупных селах. В малых селах ведение хозяйства тоже положительно сказывается на материальном положении сельчан, однако в меньшей степени. В условиях малого села почти такой же уровень достатка обеспечивают социальные выплаты, которые тоже играют роль дополнительного дохода. Однако в крупных селах наличие пособий не способствует повышению достатка, а, скорее всего, является свидетельством низких доходов и в какой-то степени вынужденной мерой.

Список источников

1. Аверкиева К. В. Рынки труда и роль отходничества в занятости сельских жителей российского Нечерноземья // Известия Российской академии наук. Серия Географическая. 2016. № 1. С. 25-37. DOI: 10.15356/0373-2444-2016-1-25-37.

2. Бадмаева Н. В. Структура занятости сельского населения Калмыкии (по результатам социологического опроса) // Село России. 2019. № 2. С. 73-83. DOI: 10.22162/2658-5987-2019-2-73-83.

3. Великий П. П. Противоречия в жизненном пространстве села: генезис, настоящее, будущее // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2020. № 4. С. 67-71.

4. Великий П. П., Шабанов В. Л. Хозяйственно-экономические и социокультурные основания социальной дифференциации сельских семей // Известия Сара-

товского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2020. Т. 20, № 3. С. 250-256. DOI: 10.18500/1818-9601-2020-20-3-250-256.

5. *Кобозева Е. М.* К вопросу о повышении занятости населения сельских территорий Краснодарского края // Научный вестник Южного института менеджмента. 2019. № 1 (25). С. 19-22.

6. *Пашкевич О. А.* Становление и развитие форм занятости трудовых ресурсов в сельском хозяйстве США // Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. 2021. № 1. С. 14-19.

7. *Садыхов Р. М.* Занятость молодежи в сельской местности: проблемы и пути решения // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16, № 1. С. 218-222.

8. *Чугунова Н. В., Лихневская Н. В.* Занятость сельского населения в условиях доминирования агрохолдингов в Белгородской области // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2017. № 6. С. 167-180.

9. *Шабанов В. Л.* Ресурсы сельских домохозяйств как фактор производственного потенциала АПК // Островские чтения. 2018. № 1. С. 31-35.

Павенков Олег Владимирович,
кандидат философских наук, доцент,
кафедра медиакоммуникационных технологий,
кафедра журналистики и медиакоммуникаций,
Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения,
Северо-Западный институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ravenkov@yandex.ru

Рубцова Мария Владимировна,
доктор социологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
abc33@yandex.ru

Рубцова Анна Васильевна,
студент, Санкт-Петербургский государственный университет,
ravenkov@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ИНДИИ

Аннотация. Данная статья посвящена анализу современных проблем инклюзивного образования в Индии. Целью статьи является рассмотрение проблем инклюзивного образования на современном этапе развития Индии. Мы провели 10 полуструктурированных экспертных интервью в Индии с учителями, директорами детских домов, школ, а также лицами, участвовавшими в проектах по обучению детей с ограниченными возможностями в Индии. Результаты показывают, что основными проблемами системы инклюзивного образования в Индии являются недостаточное финансирование детских домов и школ, где применяется инклюзивное образование; отсутствие достаточного числа специально подготовленных педагогов; недостаточность детально проработанной нормативно-правовой базы.

Ключевые слова: инклюзивное образование; инклюзии; инклюзивная образовательная среда; особые образовательные условия; дети с ограниченными возможностями здоровья; образовательная политика; Индия

Pavenkov Oleg Vladimirovich,
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Department of Media Communication Technologies,
Department of Journalism and Media Communications,
Saint Petersburg State Institute of Cinema and Television,
North-West Institute of Management – branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration under the President
of the Russian Federation
pavenkov@yandex.ru

Rubtcova Maria Vladimirovna,

Doctor of Sociology Associate Professor,
Saint Petersburg State University,
abc33@yandex.ru

Rubtcova Anna Vasilievna,

Student, Saint Petersburg State University,
pavenkov@yandex.ru

PROBLEMS OF INCLUSIVE EDUCATION IN MODERN INDIA

Abstract. The article is devoted to the analysis of modern problems of inclusive education in India. The purpose of the article is to consider the problems of inclusive education at the present stage of India's development. We conducted 10 semi-structured expert interviews in India with teachers, directors of orphanages, schools, and individuals involved in projects to educate children with disabilities in India. The results show that the main problems of the inclusive education system in India are insufficient funding for orphanages and schools where inclusive education is applied; lack of a sufficient number of specially trained teachers; insufficiency of a detailed legal and regulatory framework.

Keywords: inclusive education; inclusions; inclusive educational environment; special educational conditions; children with disabilities; educational policy; India

Введение

Индия – страна с большими проблемами в области образования. В Индии 2,2% инвалидов, или 21 906 769 человек, но НПО считают, что эта цифра ближе к 6%, или 70 миллионам [Grimes]. А большинство взрослых и детей с инвалидностью не имеют доступа к образованию. И даже если они получили высшее образование, никто не помогает этим детям войти в основное сообщество после окончания обучения.

Поэтому мы хотели провести полноценное исследование данной проблемы в Индии. В Индии инклюзивное образование не развито по сравнению с европейскими странами. По оценкам, в Индии 25 миллионов детей не посещают школу, многие из которых маргинализированы по таким параметрам, как бедность, пол, инвалидность и каста.

Цель нашего исследования – осуществить анализ текущего состояния и перспектив развития инклюзивного образования в детских домах и школах Индии.

Задачи данного исследования заключаются в следующем:

1. Выявить влияние альтруизма учителей на отношение к образованию лиц с ограниченными возможностями в Индии.
2. Оценить состояние особых потребностей в инклюзивном образовании в Индии с точки зрения ресурсов и практики.
3. Определить модели эффективной практики особых потребностей в инклюзивном образовании для людей с инвалидностью.
4. Предоставить рекомендации по укреплению инклюзивного образования в Индии.

Факты, раскрытые другими исследованиями

П. Томас раскрыл важные факты и идеи, касающиеся инвалидности в Индии. «В Индии инвалидность оценивается по пяти категориям: зрение, речь, слух, опорно-двигательный аппарат и умственная деятельность, что исключает такие нарушения, как аутизм» [Томас 2005]. Кроме того, человек должен иметь медицинское свидетельство о том, что он имеет 40% или более одной из этих инвалидностей, чтобы его можно было учитывать и, таким образом, квалифицировать для запроса «льгот». Какова бы ни была истинная цифра, стоит отметить, что согласно Национальному выборочному обследованию 2002 г. только 45% нетрудоспособного населения грамотны, а 9% имеют среднее образование или выше. Важно отметить, что восприятие инвалидности детей для сбора данных может варьироваться от штата к штату.

В Индии более 4,3 миллиона детей (0–14 лет) с ограниченными возможностями. Некоторые образовательные программы пытались охватить этих ранее исключенных детей с ограниченными возможностями. На наш взгляд, лучший метод реабилитации и обучения детей с ограниченными возможностями – это подчеркивать в диалогах с ними, что у них нет нарушений, что они здоровы. Рассмотрим основные этапы развития инклюзивного образования в современной Индии

Таблица 1

Развитие системы инклюзивного образования в Индии (с 1990 г.)

Даты	Программы
1. Начало 1990-х	1992. Программа действий (ПД). Главным достижением этого документа является идея о том, что ребенок с особыми потребностями не должен учиться в специальной школе. Ребенок с инвалидностью, который может обучаться в общеобразовательной школе, не должен учиться в специальной школе (Hegarty and Mithu, 2002). 1992 г. Закон о Совете по реабилитации Индии (RCI). «Закон о создании Реабилитационного совета Индии для регулирования подготовки специалистов по реабилитации и ведения Центрального реабилитационного реестра, а также для вопросов, связанных с этим или связанных с ним» (RCI, 1992)
2. 1995–2005 гг.	1995. Закон об инвалидах (Закон об инвалидах). Основными принципами этого закона являются равные возможности, защита прав и полное участие. D 2000 году число специальных школ должно быть увеличено до 3 тысяч. Специально подготовленных учителей было всего 9 492 человека. Из них 4 295 человек были обучены обучению учащихся с умственной отсталостью, 1 079 обучены обучению учащихся с нарушением зрения,

	<p>4 011 обучены обучению учащихся с нарушениями слуха и 107 обучены обучению учащихся с нарушением опорно-двигательного аппарата в Индии (Sharma and Deppeler, 2005).</p> <p>Государственное исследование, проведенное в 2004 г., показало, что только 0,51% учащихся с ограниченными возможностями обучаются в обычных учебных заведениях на школьном уровне (ЮНИСЕФ в Индии, Организация Объединенных Наций, 2012 г.).</p> <p>2005. Министерство развития людских ресурсов также разработало План включения в образование детей и молодежи с ограниченными возможностями (IECYD) (Кальянпур, 2008 г.)</p>
3. 2005–2021 гг.	<p>2009. Инклюзивное образование инвалидов на ступени средней школы (IEDSS).</p> <p>Цель IEDSS состоит в том, чтобы позволить детям-инвалидам, завершившим восьмилетнее начальное образование, продолжить свое образование в средней школе в инклюзивной среде в обычных школах (правительство Индии, 2009 г.).</p> <p>2009–2010 гг. Закон о праве на образование. Этот закон вступил в силу в 2010 году</p>

В таблице 1 показаны основные этапы развития законодательства, а в таблице 2 – некоторые достижения, которые могут дать нам информацию об услугах, доступных в специальных школах Индии [Rao, Reddy 2004: 127].

Таблица 2

Услуги, доступные в специальных школах Индии

Сервисы	Специальные школы, %
Жилой	26
Предпрофессиональная + профессиональная подготовка	60
Домашний	32
Раннее вмешательство	31
Закрытые мастерские	13
Комплексные услуги	17
Только умственно отсталые	57
Множественные инвалидности	23

Проекты обучения детей с ограниченными возможностями в Индии

Есть несколько проектов по обучению детей с инвалидностью в Индии [Giffard-Lindsay 2007: 21]:

1. Проект комплексного развития образования (PIED).

2. Интегрированное образование для детей-инвалидов (IEDC).
3. Районный проект начального образования (DPEP).
4. Районные реабилитационные центры и национальная программа.
5. Реабилитация инвалидов (НПРЛД).
6. Поддержка ООН начального образования: Программа общественных школ.

7. Сарва Шикша Абхиян (ССА) (Движение за всеобщее образование).

Христианские церкви также хотят идти в ногу с ограничениями времени, учреждая специальные отделения для детей с трудностями в обучении. Но привлечь профессионалов для работы с особыми детьми пока сложно. Конечно, есть опытные педагоги, которые помогают детям с трудностями в обучении. Например, есть Благотворительное общество православной церкви (Индия) и Католическая служба помощи (Индия). Сестра Нектария с помощью г-на Раджу Бхарата (президента PSOC) и упорного труда и самоотверженности г-на Рафаэля Майти оказывает ряд гуманитарных услуг в Калькутте и близлежащих деревнях. Здравоохранение, жилье, образование и самые насущные потребности бедных – все это решает PSOC. PSOC тщательно и с любовью адаптирует услуги для удовлетворения каждой индивидуальной потребности. С клиниками, школами и общественными центрами в 52 деревнях Западной Бенгалии сестра Нектария усердно работает, чтобы в первую очередь подходить к самым неотложным и многообещающим случаям. PSOC разработала и установила следующие программы:

- Пять начальных школ, расположенных в сельской местности, предоставляющих бесплатное обучение и учебники, а также весь необходимый школьный персонал и оборудование.
- Детский дом для девочек на 200 человек.
- Предоставление стипендий за более высокие достижения в образовании.
- Завершена работа профессионального училища с классами искусств, шитья и т. д.

Но ситуация осложняется финансовыми проблемами и государственными требованиями к аттестации учителей. Учителя часто отказываются от работы, потому что не могут получить профессиональную категорию, позволяющую претендовать на достойную заработную плату. Эту информацию подтверждают и другие исследования [Grimes]. Учителя «выражали чувство беспомощности из-за того, что в классах было слишком много детей, поскольку они не могли уделить больше индивидуального внимания детям-инвалидам. Это серьезное препятствие. Учителям также трудно обучать детей с тяжелыми умственными отклонениями. Все педагоги готовы пройти повышение квалификации по обучению детей с ОВЗ. Такое отношение распространено и в сельской местности,

где детей называют «нашими детьми» и есть чувство гордости за достижения каждого ребенка.

Пилотажное исследование в Индии

Я путешествовал по Индии в сентябре 2013 года и общался с людьми, которые являлись организаторами приюта для мальчиков и девочек с ограниченными возможностями. В Индии очень большое количество сирот, а также обездоленное детское население. Детские дома, находящиеся в ведении государства, обычно известны как дома для несовершеннолетних. Кроме того, по всей стране существует огромное количество частных детских домов, число которых исчисляется тысячами. Эти области находятся в ведении различных трастов, религиозных групп, отдельных граждан, групп граждан, НПО и т. д. Я могу предположить, что, как показывают результаты некоторых пилотных данных, детские дома можно рассматривать как центры инклюзивного образования в Индии, потому что детские дома в Индии – это не только дома для несовершеннолетних, но и неформальная школа и центры дополнительного образования. Меня очень интересуют особенности инклюзивного образования в Индии.

В качестве пилотажного исследования мы провели 10 полуструктурированных экспертных интервью в Индии с учителями, директорами частных христианских детских домов и волонтерами, а также лицами, участвовавшими в проектах по обучению детей с ограниченными возможностями в Индии.

Отбор кандидатов в эксперты осуществляется по следующим критериям:

- образование (высшее);
- социальный статус и положение респондента, что может быть связано с воспитательной работой с инвалидами;
- конкретные знания респондента в этой области;
- желание участвовать в исследовании в качестве эксперта.

Можно предположить, что по результатам некоторых пилотных данных применялись новые формы инклюзивного образования, например детские дома. Детские дома можно считать центрами инклюзивного образования в Индии, ведь детский дом в Индии – это не только дома для несовершеннолетних, но и центры дополнительного образования. Все воспитанники детского дома при этом учатся вместе с обычными детьми из благополучных семей в государственной школе, что обеспечивает их более высокую степень интеграции в социум.

Заключение

Результаты проведенного пилотажного исследования показывают, что основными проблемами системы инклюзивного образования в Индии являются:

1. Недостаточное финансирование детских домов и школ, где применяется инклюзивное образование. Часто в качестве главных источни-

ков финансирования выступают добровольные пожертвования частных инвесторов-христиан. Именно христианские организации являются одними из основных субъектов инклюзивного образования в Индии.

2. Отсутствие достаточного числа специально подготовленных педагогов.

3. Недостаточность детально проработанной нормативно-правовой базы.

Мы можем рекомендовать в сложившей ситуации к концу 2025 года обучить еще 98 000 учителей – педагогов инклюзивного образования. Отсутствие необходимых условий в школах и государственной политики и финансирования является основным препятствием для инклюзивного образования в Индии.

Список источников

1. *Томас П.* Включение инвалидности в процесс развития: Страновой отчет Индии. Лондон: Знания и исследования в области инвалидности, 2005. URL: http://disabilitykar.net/research/pol_india.html (дата обращения: 22.02.2022).

2. *Giffard-Lindsay K.* Inclusive Education in India: Interpretation, Implementation, and Issues. Falmer: University of Sussex, 2007.

3. *Grimes P.* Mapping of Disability-Inclusive Education Practices in South Asia. URL: <https://www.unicef.org/rosa/reports/mapping-disability-inclusive-education-practices-south-asia> (дата обращения: 22.02.2022).

4. *Rao L. G. and Reddy S. K.* Organizational aspects of special schools for mental retardation in India // International Journal of Rehabilitation Research. 2004. No. 27 (2). P. 127-133.

Павенков Владимир Григорьевич,
кандидат исторических наук, доцент,
Государственный университет морского и речного флота
имени адмирала С. О. Макарова,
pavkovvg@yandex.ru

Рубцова Мария Владимировна,
доктор социологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
abc33@yandex.ru

Павенков Олег Владимирович,
кандидат философских наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения,
pavkov@yandex.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НЕВРОТИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Аннотация. В данной статье авторы дают характеристику социальных последствий невротизации в условиях пандемии COVID-19. В работе рассмотрены основные теоретические положения концепции невротизации и последние эмпирические исследования, подчеркивающие связь самоизоляции, роста невротизации и социального дезадаптивного поведения. В статье делается вывод о схожем влиянии эпидемий на социальные и психические процессы и возможности предупреждения развития негативных последствий усиления невротизации и последующей социальной дезадаптации во время эпидемий и пандемий с помощью обеспечения постоянной поддержки служб социальной защиты и охраны здоровья.

Ключевые слова: COVID-19; пандемия; коронавирус; невротизация; неврология; социальная дезадаптация; эпидемии; социальные последствия

Pavkov Vladimir Grigorievich,
Candidate of History, Associate Professor,
State University of Marine and River Fleet
named after Admiral S. O. Makarova,
pavkovvg@yandex.ru

Rubtcova Mariia Vladimirovna,
Doctor of Sociology, Associate Professor,
Saint Petersburg State University,
abc33@yandex.ru

Pavkov Oleg Vladimirovich,
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Saint Petersburg State University of Cinema and Television,
pavkov@yandex.ru

SOCIAL CONSEQUENCES OF NEUROTISATION IN PANDEMIC CONDITIONS

Abstract. In this paper the authors characterize the social consequences of neurotization in the context of the COVID-19 pandemic. The paper discusses the main theoretical impact of the concept of neurotization and recent empirical studies that emphasize the connection between self-isolation, the growth of neurotization, and social maladaptive behavior. The article concludes that epidemics have a similar effect on social and mental processes. This opens the possibility of preventing the development of negative consequences of increased neuroticism and subsequent social maladaptation during epidemics and pandemics by providing constant support for social protection and health services.

Keywords: COVID-19; pandemic; coronavirus; neuroticism; neurology; social maladaptation; epidemics; social consequences

Невротизация – это черта личности, связанная с дезадаптивными и другими неблагоприятными реакциями на межличностный стресс и другие жизненные события. Высокий уровень невротизации повышает риск не только депрессии, но также и негативных жизненных событий, которые способствуют этой депрессии [Kerchner et al. 2009: 904]. Высокий уровень невротизация связан с более высоким уровнем уязвимости к стрессу и самокритике, что приводит к тому, что невротики с большей вероятностью винят себя в реакции на межличностный стресс. В случае отношений, сопряженных с насилием, Бич и Финчем говорят, что люди с высокой невротизацией, вероятно, будут чувствовать себя жертвами и будут иметь более обидчивые реакции на своих партнеров, создавая почву для развития депрессивных симптомов, особенно если они также имеют низкую экстраверсию [Beach & Fincham 1994].

Среди других черт невротизации – самый сильный корреляционный параметр и критерий общих психических расстройств, с большой средней величиной эффекта ($d = 1,65$) конкретно для депрессии, считается фактором риска для множества других психических заболеваний. В целом невротизация как черта проявляет сильную корреляцию с депрессией и депрессивными симптомами [Uliaszek et al. 2011].

Исследования также предполагают общую наследственность невротизации и депрессивных переживаний [Kerchner et al. 2009]. Однако связь между невротизацией и симптомами депрессии сохраняется, когда текущее психическое состояние учитывается; это указывает на то, что невротизация независимо предсказывает депрессивные симптомы временного подавленного настроения.

Результаты социально-психологических и социологических исследований связи между невротизацией и депрессией согласуются с теоретической и эмпирической работой в психологии характера, указывающей на то, что невротизация – это диатетический фактор (т. е. предрасположенность) депрессии [Klein et al. 2009]. Также есть исследования, пред-

полагающие, что невротизация не только оказывает основное влияние на депрессию, но также служит посредником между межличностным стрессом и развитием депрессивных симптомов.

Например, исследование Болгера показало, что высокий уровень невротизации служил посредником между межличностным конфликтом и развитием депрессии. В этом исследовании участников для измерения определенной степени невротизации попросили заполнить анкету и дневник общих межличностных конфликтов, их уровня дистресса и реакции на события за 14 дней. Исследование показало, что участники с более высоким невротизмом более склонны переживать негативные события, они с большей вероятностью справятся с ними, используя стратегии конфронтации, которая приводит к более высокому уровню депрессивных симптомов [Bolger et al. 1995].

Исследования невротизация также демонстрируют связь между конфликтом в отношениях и депрессивным расстройством. Например, исследование женщин-новобрачных Давилы и его коллег выявило, что супружеский конфликт привел к более депрессивным симптомам среди женщин с высоким уровнем невротизации, по сравнению с женщинами с низким уровнем невротизации [Davila et al. 2003].

Клайн и его коллеги предполагают, что депрессию лучше понимать как проявление низкой экстраверсии, чем высокой невротизации [Klein et al. 2009]. Это понятие было подтверждено рядом исследований, показывающих, что, в то время как невротизация в целом влияет на депрессию, эффект экстраверсии более выражен.

Коронавирусная болезнь 2019 г. (COVID-19) была объявлена ВОЗ пандемией 11 марта 2020 г. Чтобы справиться с пандемией, правительство Российской Федерации объявило в стране карантин 25 марта 2020 года, период с 1 апреля по 12 мая 2020 года был нерабочим. Карантин был ослаблен к лету 2020, но меры социального дистанцирования (соблюдение полуметровой дистанции) продолжали и продолжают действовать, а в магазинах и в общественном транспорте по-прежнему нужно носить маску. Деятельность ресторанов, кафе и других общественных заведений периодически ограничивалась.

Ситуация с карантином оказала психологическое воздействие на разные группы населения во всем мире. Многочисленные социально-психологические и социологические исследования показали, что карантин повысил уровень воспринимаемого стресса, тревоги и усилил риск невротизации.

Новые вызовы, вызванные пандемией, поставили определенные задачи перед населением во всем мире. Навыки совладания (некой психологической защиты от травмирующих переживаний личности, а также способов справиться с этими переживаниями) стали важными в борьбе с пандемийными угрозами. Формы совладания можно разделить на две

категории: стратегии, ориентированные на проблему, обычно концентрируют усилия на решении стрессовой проблемы, в то время как стратегии, ориентированные на эмоции, концентрируются на минимизации эмоциональных последствий проблемы с использованием таких стратегий, как выносливость, избегание или выход.

Дуан и др. [Duan et al. 2020] исследовали состояние психического здоровья подростков и детей в Китае во время вспышки эпидемии и обнаружили, что повышенный уровень тревожности положительно коррелирует со стилем преодоления, ориентированным на эмоции, и отрицательно – со стилем преодоления, ориентированным на проблему. Исследователи подчеркнули, что повышенный уровень депрессии также был связан с двумя категориями стилей выживания. Зависимость от смартфона и интернет-зависимость положительно коррелировали с частотой симптомов депрессии и тревоги.

Фу и др. [Fu et al. 2020] исследовали психологическую реакцию на пандемию 1 242 жителей Ухани. Что касается стратегий преодоления, примерно 70,2% жителей активно реагировали на ситуацию с пандемией, участвуя в мероприятиях, разговаривая с другими о беспokoйствах и глядя на светлую сторону, а 29,8% из них полагались на пассивные стили выживания, такие как эскапизм, курение и зависимость от других. Авторы подчеркивают, что физические упражнения могут отвлечь внимание от ситуации с пандемией и уменьшить панику; следовательно, это положительный механизм преодоления перед лицом новых вызовов, возникших в результате пандемии.

Ли [Li 2020] изучил психосоциальную реакцию на пандемию 1 109 китайских участников и показал, что люди, использующие совладание, ориентированное на проблему, подвергаются более высокому риску развития посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), чем те, кто использует совладание, сфокусированное на эмоциях, а участники, использующие стратегии совладания, ориентированные на эмоции, сообщили о более высокой психической заболеваемости, чем те, кто использовал стратегии совладания как с эмоциями, так и с проблемами. Ли заявил, что следует учитывать, что эффект одной и той же стратегии может различаться в разные периоды вспышки COVID-19 и что стратегии выживания, ориентированные как на эмоции, так и на проблемы, важны и должны использоваться одновременно, чтобы справиться с ситуацией и с потенциальными негативными последствиями для психического здоровья во время пандемии.

Уровень невротизма у отдельных лиц также может быть важным фактором реагирования на угрозы, исходящие от пандемии. Люди с высоким уровнем невротизма чаще испытывают такие чувства, как тревога, гнев, вина и депрессия, плохо реагируют на стресс, склонны интерпретировать обычные ситуации как угрожающие и могут воспринимать незна-

чительные разочарования как безнадежно подавляющие, часто застенчивы, и у них могут быть проблемы с контролем побуждений и импульсов, когда они расстроены [Szabó 2020].

В целом изучению психологических последствий невротизации в условиях пандемии уделено больше внимание, чем социальных.

Александров и Охрименко (2020) показали взаимосвязь между пребыванием на карантине и риском невротизации и социальной дезадаптации. Авторы сравнили результаты первичного тестирования подростков до пандемии и результаты повторного тестирования через 2 месяца карантина. До пандемии все показатели были в пределах нормы, но после карантина произошли заметные изменения. Во-первых, обращает на себя внимание рост неврастения и психастении, которые достигли уровня, сигнализирующего о наличии расстройств. Уровень ипохондрии близок к пределу, что свидетельствует об обострении беспокойства за здоровье в условиях эпидемической неопределенности. Уровень депрессии также практически достиг критических отметок, что также свидетельствует о рисках. Результаты исследования показали, что для условий пандемии характерны факторы, усугубляющие риск невротизации, связанные с ростом неопределенности и трудностями социально-психологической адаптации к постоянно меняющимся условиям, а сама непредсказуемость социальных условий может приводить к усилению эмоциональной напряженности, невротизации детей и подростков [Александров и Охрименко 2020]. Пандемия привела к усилению замкнутости, эмоциональной неустойчивости, тревожности и беспокойства, изнуряющей напряженности. Это не могло не отразиться на росте социальной дезадаптации и социальных отклонений.

Ученые обратили внимание на резкий рост самоубийств в результате пандемии COVID-19. Пандемия привела к многочисленным трудностям и угрозам. Моделирующие исследования, опубликованные после объявления пандемии COVID-19 в марте 2020 г., показали, что уровень самоубийств может увеличиться до 145% во всем мире в результате пандемии [John et al. 2020]. Австралийское национальное исследование психического здоровья, проведенное в первый месяц ограничений COVID-19 в 2020 году, показало, что 27,6% респондентов сообщили о легких или умеренных симптомах депрессии и 21% сообщили о клинически значимых симптомах тревоги. При этом 14,6% респондентов стали выражать суицидальные наклонности и говорить о «мыслях о причинении себе вреда или о том, что лучше умереть» [Fisher et al. 2020].

Результаты опроса в Китае показывают, что в период карантина потребление алкоголя увеличилось на 11%, табакокурения – на 30%, а 2,8% респондентов считались подверженными высокому риску суицидального поведения [Ren et al. 2020]. Исследователи из США также сообщают о росте суицидальных мыслей и злоупотреблении психоактивными веществами. 10,7% людей сообщили, что испытали суицидальные мысли за

предыдущие 30 дней, по сравнению с 4,3% за то же время в 2018 г. Кроме того, уровень тревожности повысился до 25,5% в 2020 году по сравнению с 8,1% в то же время в 2019 году, и распространенность депрессии увеличилась до 24,3% в 2020 году по сравнению с 6,5% в то же время в 2019 г. [Czeisler et al. 2020].

Сравнение с ростом самоубийств, возникающих при других эпидемиях, показало, что случай COVID-19 не уникален. Например, эпидемия атипичной пневмонии 2003 г. распространилась по 26 странам. Было зарегистрировано более чем 8 000 случаев. При распространении атипичной пневмонии также был введен карантин, который стал причиной роста дезадаптивного поведения. В Гонконге число совершенных самоубийств увеличилось на 31%, особенно среди пожилых людей. Среди факторов, которые были связаны с увеличением частоты суицидов, назывались изоляция, боязнь заражения вирусом, нарушение социальной жизни и ощущение напряжения [Yip et al. 2010]. Эпидемия атипичной пневмонии на Тайване показала аналогичные результаты [Chan et al. 2006]. Более того, пандемия испанского гриппа в 1918 году имела очень похожие последствия [Wasserman 1992].

Таким образом, можно говорить о том, что как население, так и система государственной социальной защиты может предвидеть и пытаться предупредить развитие негативных последствий, усиление невротизации и последующей социальной дезадаптации во время эпидемий и пандемий и обеспечить постоянную поддержку служб охраны психического здоровья. Считается, что страны с всеобщим медицинским страхованием (к ним относится и Россия) имеют дополнительное преимущество во время пандемии, поскольку они могут обеспечить более комплексные ответные меры с улучшенным доступом к медицинской помощи.

Связанный с пандемией риск невротизации приводит к росту дезадаптивного поведения, но также позволяет вырабатывать новые формы борьбы с ним. В соответствии с сообщениями Росстата число самоубийств не выросло в 2020 году (на официальном сайте Росстата до сих пор представлены данные за 2019 год).

За два года пандемии общество уже многому научилось, и риск распространения социальной дезадаптации несколько уменьшился. Но исследования конца 2021 года показывают, что даже на поздней стадии распространения пандемии COVID-19 в США сохранилась проблема повышенной распространенности неблагоприятных симптомов психического здоровья по сравнению с допандемическими оценками. Это важно, так как ранее считалось, что проявления невротизации и социальной дезадаптации преходящи и исчезнут по мере ослабления пандемии [Czeisler et al. 2021]. Более того, существуют две социально-демографические группы (молодежь и пожилые люди старше 65 лет), для которых характерно

более высокое распространение негативных социальных и психологических последствий COVID-19.

Опрос, проведенный качественными методами (глубинное полуструктурированное интервью) в первые месяцы пандемии, показал, что многие участники жаловались на одиночество, чувство тревоги и депрессии и не могли получить доступ к услугам по охране психического здоровья. Наиболее популярными стратегиями выживания, которые использовали участники, были разговоры с семьей и друзьями, физические упражнения и медитация [Ivbijaro et al. 2021].

В работе [Jurblum et al. 2020] авторы использовали биопсихосоциальную модель здоровья, чтобы концептуализировать факторы, которые позволяют поддерживать биологическое, психологическое и социальное равновесие в условиях самоизоляции и карантина. Авторы предполагают, что людям, находящимся в измененных карантинных условиях, необходимо разработать собственные меры, улучшающие гигиену сна и позволяющие заниматься спортом. Для условий карантина характерны повышенное самосознание, рост стратегии заботы и вместе с ней необходимость поддерживать социальную связь либо физически, либо виртуально. Акцент следует поставить на поддержку баланса в периоды самоизоляции, потому что домашняя обстановка изменилась и стала рабочим местом для взрослых, учебной средой для детей и местом, где протекает значительная часть жизни. Эти относительно несложные стратегии позволяют справиться с повышенным риском развития невротизации в условиях пандемии и карантина.

Таким образом, говоря о социальных рисках и последствиях пандемии, можно попытаться предупредить развитие негативных последствий невротизации и социальной дезадаптации во время эпидемий, подготовиться к ним и обеспечить бесперебойную работу служб социальной защиты населения.

Список источников

1. *Aleksandrov D. & Okhrimenko I.* Psychological Risk Factors of the Neurotization of Adolescents under the Conditions of Quarantine Measures of the COVID-19 Epidemic // *BRAIN. Broad Research in Artificial Intelligence and Neuroscience*. 2020. No. 11 (2Sup1). P. 29-36. <https://doi.org/10.18662/brain/11.2Sup1/91>.

2. *Beach S. H. & Fincham F. D.* Toward an integrated model of negative affectivity in marriage // *Johnson S. M. & Greenberg L. S. (Eds.). The Heart of the Matter: Perspectives on Emotion in Marital Therapy*. New York: Brunner/Mazel, 1994. P. 227-255.

3. *Bolger N. & Zuckerman A.* A framework for studying personality in the stress process // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. No. 69 (5). P. 890-902.

4. *Chan S. M., Chiu F. K., Lam C. W., Leung P. Y. V. & Conwell Y.* Elderly suicide and the 2003 SARS epidemic in Hong Kong // *International Journal of Geriatric Psychiatry*. 2006. No. 21. P. 113-118.

5. *Czeisler M. E., Lane R. I., Petrosky E., Wiley J. F., Christensen A., Njai R., Weaver M. D., Robbins R., Facer-Childs E. R., Barger L. K., Czeisler C. A., How-*

ard M. E. & Rajaratnam S. M. W. Mental health, substance use, and suicidal ideation during the COVID-19 pandemic – Unites States, June 24–30 // *Morbidity and Mortality Weekly Report*. 2020. No. 69 (32). P. 1049-1047. <https://doi.org/10.1101/2020.04.22.2007614v1>.

6. Czeisler M. E., Lane R. I., Wiley J. F., Czeisler C. A., Howard M. E. & Rajaratnam S. M. W. Follow-up survey of US adult reports of mental health, substance use, and suicidal ideation during the COVID-19 pandemic, September 2020 // *JAMA Network Open*. 2021. No. 4 (2). e2037665. <https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2020.37665>.

7. Davila J., Karney B. R., Hall T. W. & Bradbury T. N. Depressive symptoms and marital satisfaction: Within-subject associations and the moderating effects of gender and neuroticism // *Journal of Family Psychology*. 2003. No. 17 (4). P. 557.

8. Duan Li & Shao Xiaojun & Wang Yuan & Huang Yinglin & Miao Junxiao & Yang Xueping & Zhu Gang. An investigation of mental health status of children and adolescents in China during the outbreak of COVID-19 // *Journal of Affective Disorders*. 2020. P. 275. [10.1016/j.jad.2020.06.029](https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.06.029).

9. Fisher J. R. W., Tran T. D., Hammarberg K., Sastry J., Nguyen H., Rowe H., Poplestone S., Stocker R., Stubber C. & Kirkman M. Mental health of people in Australian the first month of COVID-19 restrictions: A national survey // *Medical Journal of Australia*. 2020. No. 213 (10). P. 458-464. <https://doi.org/10.5694/mja2.50831>.

10. Fu W., Wang C., Zou L. et al. Psychological health, sleep quality, and coping styles to stress facing the COVID-19 in Wuhan, China // *Transl. Psychiatry*. 2020. No. 10. P. 225. <https://doi.org/10.1038/s41398-020-00913-3>.

11. Iybijaro G. & Kolkiewicz L. & Goldberg D. & N'jie I. & Edwards T. & Riba M. & Svab I. & Geller J. & Enum Y. Suicide prevention and COVID-19 // *Asia-Pacific Psychiatry*. 2021. No. 13. [10.1111/appy.12482](https://doi.org/10.1111/appy.12482).

12. John A., Okolie C., Eyles E., Webb R. T., Schmidt L., McGuinness L. A., Olorisade B. K., Arensman E., Hawton K., Kapur N., Moran P., O'Connor R. C., O'Neill S., Higgins J. P. T. & Gunnell D. The impact of COVID-19 pandemic on self-harm and suicidal behaviour: A living systematic review // *F1000 Research*. 2020. No. 9. P. 1097. <https://doi.org/10.12688/f1000research.25522.1>.

13. Jurblum M., Ng C. H. & Castle D. J. Psychological consequences of social isolation and quarantine. Issues related to COVID-19 restrictions // *Australian Journal of General Practitioners*. 2020. No. 49 (12). P. 778-783.

14. Kerchner A. J., Rapee R. M. & Schmiering C. A. Neuroticism, life events and negative thoughts in the development of depression in adolescent // *Journal of Abnormal Child Psychology*. 2009. No. 37. P. 903-915.

15. Klein D. N., Durbin C. E. & Shankman S. A. Personality and mood disorders // Gotlib I. H. & Hammen C. L. (Eds.). *Handbook of Depression*. 2nd edition. New York: The Guilford Press, 2009. P. 93-112.

16. Li Q. Psychosocial and coping responses toward 2019 coronavirus diseases (COVID-19): A cross-sectional study within the Chinese general population // *QJM Mon. J. Assoc. Physicians*. 2020. No. 113. P. 731-738.

17. Ren Y., Qian W., Li Z., Liu Z., Zhou Y., Wang R., Qi L., Yang J., Song X., Zeng L., & Zhang X. Public mental health under the long-term influence of COVID-19 in China: Geographical and temporal distribution // *Journal of Affective Disorders*. 2020. No. 277. P. 893-900. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.08.045>.

18. Szabó Csanád, Judit Pukánszky and Lajos Kemény. Psychological Effects of the COVID-19 Pandemic on Hungarian Adults // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. No. 24. P. 9565. <https://doi.org/10.3390/ijerph17249565>.

19. Uliaszek A. A., Zinbarg R. E., Mineka S., Craske M. G., Griffith J. W., Sutton J. M., Epstein A., Hammen C. A longitudinal examination of stress generation in depressive and anxiety disorders // *The Journal of Abnormal Psychology*. 2011. No. 120. P. 1-12. doi: 10.1037/a0025835.

20. Wasserman I. M. The impact of epidemic, war, prohibition and media on suicide: United States, 1910–1920 // *Suicide and Life-threatening Behavior*. 1992. No. 22 (2). P. 240-254.

21. Yip P. S., Cheung Y. T., Chau P. H. & Law Y. W. The impact of epidemic outbreak: The case of severe acute respiratory syndrome (SARS) and suicide among older adults in Hong Kong // *Crisis*. 2010. No. 31. P. 86-92. <https://doi.org/10.1027/0227-5910/a000015>.

Павлова Дарья Гариевна,
кафедра социальной работы,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
dariapvv228gmail.com

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ НКО, ПОДДЕРЖАННЫЕ ФОНДОМ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ (КЕЙС СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. Статья посвящена исследованию грантовой активности некоммерческого сектора социального обслуживания в Свердловской области. Целью статьи является определение наиболее актуальных социальных проблем региона на основе статистических данных об участии некоммерческих организаций в грантовых конкурсах Фонда президентских грантов в период с 2017 по 2021 гг. В рамках исследования был проведен эмпирический анализ проектов социально-ориентированных НКО (СОНКО) Свердловской области, получивших поддержку от Фонда, определен объем финансирования и выделены ключевые целевые группы в каждом грантовом направлении.

Ключевые слова: некоммерческие организации; социальное обслуживание; социальные проекты; президентские гранты; эмпирический анализ

Pavlova Darya Gariyevna,
Department of Social Work, Ural Federal University
named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
dariapvv228gmail.com

SOCIAL PROJECTS OF SOCIALLY ORIENTED NON-PROFIT ORGANIZATIONS SUPPORTED BY THE PRESIDENTIAL GRANTS FUND (CASE OF THE SVERDLOVSK REGION)

Abstract. The article is devoted to the study of grant activity of the non-profit social service sector in the Sverdlovsk region. The purpose of the article is to identify the most pressing social problems of the region based on statistical data on the participation of non-profit organizations in grant competitions of the Presidential Grants Fund in the period from 2017 to 2021. As part of the study, an empirical analysis of projects of socially oriented non-profit organizations of the Sverdlovsk region that received support from the Foundation was carried out, the amount of funding was determined and key target groups in each grant direction were identified.

Keywords: non-profit organizations; social service; social projects; presidential grants; empirical analysis

Введение

Российское государство, создавая предпосылки для устойчивого развития, идет по пути реализации принципов социальной ответственности, что в долгосрочной перспективе способно обеспечить вполне ощутимые выгоды как для государства, так и для общества в целом. На прак-

тике проявление социальной ответственности государства принимает форму социальных инвестиций, социальных коммуникаций, социального партнерства в сфере некоммерческого сектора. Социальные инвестиции в таком ключе выступают особым видом вложения государственных средств, неким мостом, соединяющим экономическую и социальную сферы жизни организаций, выступая в качестве катализатора качественного скачка как в экономике, так и в обществе [Аникеева 2017: 23].

В Российской Федерации социальная сфера по состоянию на 2021 год является самым финансируемым направлением. Важно отметить, что с 2019 года количество бюджетных расходов увеличивается ежегодно: с 4 889,1 млрд в 2019 году до 5 039,9 млрд в 2021 году [Бюджет для Граждан 2019]. Растет и количество финансирования некоммерческих организаций. Ключевая поддержка исходит в том числе от государства в виде бюджетных ассигнований федерального и регионального уровней. Важно отметить, что в проценте к общему количеству поступлений за 2020 год доля бюджетной государственной поддержки составляет всего 17,5% по сравнению с 45% пожертвований от частных и физических лиц.

Согласно отчетам Федеральной службы статистики за 2020 год, основным источником финансирования для СОНКО является доход от реализации товаров, работ, услуг, имущественных прав, то есть деятельности, приносящей доход (266 млрд рублей). Также можно сделать вывод, что некоммерческие организации в большей степени сосредоточены на самостоятельном поиске источников дохода для своей уставной деятельности и активно заинтересованы в дополнительном привлечении средств [Источники формирования 2020].

Статистические данные о количестве социально ориентированных некоммерческих организаций в РФ, а также имущественном оснащении и количестве их финансирования представлены в отчетах Федеральной службы государственной статистики [Итоги выборочного обследования 2022]. По состоянию на 2020 год всего на территории РФ на 2020 год зарегистрированы 128 658 социально ориентированных некоммерческих организаций. Численность сотрудников всех организаций составляет 537 215 человек – в среднем четыре сотрудника на 1 организацию. Собственное имущество имеет каждая тридцатая организация.

Некоммерческие организации по сравнению с государственными социальными учреждениями обладают значительными преимуществами: они более гибкие, отличаются совершенной организационной структурой и системой управления, ориентированной на деятельность в конкурентной рыночной среде [Палибина, Панькова, Бистяйкина 2017: 55]. Однако на сегодняшний день выделяется группа существенных недостатков, присущих некоммерческим негосударственным социально ориентированным организациям. К ним относятся:

- нехватка высококвалифицированного персонала по причине отсутствия мотивации у сотрудников из-за невысокой оплаты труда;
- высокий уровень неисполнения обязательств по ведению документации, в том числе бухгалтерской;
- отсутствие стабильных источников финансирования, недостаточное финансовое и имущественное обеспечение, недостаточный уровень развития материально-технической базы, несоблюдение санитарно-эпидемиологических правил.

Отсюда следует, что основные проблемы функционирования негосударственного социально ориентированного сектора вызваны трудностями в финансовом обеспечении и отсутствием необходимых компетенций у сотрудников. Поэтому проблема поиска дополнительных источников финансирования своей деятельности, привлечения квалифицированных специалистов и интеллектуальных ресурсов для исследования проблем социальной сферы является особо актуальной.

В последние годы все большее количество СОНКО за грантовой поддержкой обращаются в государственные и частные фонды. Ключевым государственным посредническим грантодателем выступает Фонд-оператор президентских грантов по развитию гражданского общества. Это российская некоммерческая организация, которая является единым оператором грантов Президента Российской Федерации, предоставляемых на развитие гражданского общества. Действует с 3 апреля 2017 года.

В статье 31 Федерального закона № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» к основным видам государственной поддержки НКО помимо имущественной и финансовой относится также образовательная и информационная. Таким образом, Фонд президентских грантов как посреднический грантодатель транслирует заинтересованность государства в развитии компетенций и профессиональных навыков специалистов некоммерческого сектора.

Теоретическая основа и методология исследования

Теоретическую основу проведенного исследования составили концептуальные подходы к трансформации социального государства, в процессе которой государства социального обеспечения, сложившиеся в XX столетии, превращаются в социально-сервисные государства. Эти глобальные процессы характеризуют институциональные изменения социальной сферы – появление новых акторов, участвующих в создании общественных благ. В формирующейся модели общественного благосостояния государство перестает выполнять доминирующую роль. В реализации социальной политики, основанной на принципах социального партнерства, заметная роль начинает принадлежать некоммерческому сектору [Etzioni 1973; Salamom, Anheier 1996].

Под влиянием кризиса государства всеобщего благосостояния в 1980–1990-х годах наблюдается активизация деятельности институтов

самоорганизации. Кризисные трансформации (кризис социального государства, кризис экономического развития, кризис окружающей среды, кризис социалистической парадигмы и пр.) обусловили повышение интереса и расширение полномочий институтов гражданского общества, включая деятельность благотворительных организаций, фондов и частных благотворителей.

Таким образом, на рубеже 1990-х годов XX века исследователи обращаются к концепту смешанной экономики благосостояния, в которой общественные организации задействованы наряду с государством, рынком и неформальной экономикой домашнего хозяйства. С этой точки зрения третий сектор выступает как один из аспектов публичного пространства [Мерсиянова, Беневоленский 2016; Сидорина 2010].

Во всех развитых демократических государствах «третий сектор», состоящий из некоммерческих неправительственных организаций, является предметом гордости и считается основой гражданского общества [Петрулев, Гусарова 2019: 241]. Поэтому во многих странах НКО занимают поддержку и защиту населения, экологией, местным самоуправлением, медициной, образованием, социальной реабилитацией, оказанием специфических консалтинговых услуг, внедряя и пропагандируя новые удобные практики, которые быстро подхватываются и иногда даже становятся ориентиром для правительственных программ.

Постепенно секторная модель входит в поле зрения социальной политики российского государства. В процессе становления отечественной системы социального обслуживания становится в 1990-х годах прошлого века понятно, что решить социальные проблемы исключительно силами государства невозможно. Государственные социальные учреждения не могут в полной мере удовлетворить растущий потребительский спрос на социальные услуги. Часть функций по выполнению социальных услуг берет на себя «третий сектор». Деятельность данных организаций нацелена на расширение перечня и объема социальных услуг, круга их потребителей, инновационность, быстрое внедрение современных технологий и практик оказания социальных услуг [Старшинова, Бородкина 2020].

В исследовании были использованы открытые данные официального сайта Фонда президентских грантов. В рамках исследования была проанализирована грантовая активность социально ориентированных некоммерческих организаций Свердловской области во всех 13 направлениях с момента создания Фонда в 2017 году и до настоящего времени.

Результаты исследования

Наиболее распространенными инструментами господдержки НКО являются предоставление субсидий, налоговая поддержка, контрактация (госзакупки), гранты, предоставление займов и займовых гарантий, ваучеры, кредиты, возмещение затрат. В зарубежной литературе гранты и госзакупки выделяются как наиболее эффективные инструменты прямой под-

держки. По мнению исследователей, в научной практике под термином «грант» принято понимать специальные средства, которые безвозмездно предоставлялись международным контрагентам, чья деятельность связана с общественными процессами, а также отечественным предприятиям или физическим лицам в денежной либо натуральной форме на проведение научной или иной социальной деятельности с последующим предоставлением детального отчета. Следовательно, грантом можно считать имущественные, в т. ч. и денежные ресурсы, направленные физическим лицам или организациям для осуществления конкретных целевых программ или проектов, которые представляют собой научную или общественную значимость. В отличие от кредита грант не возвращается грантодателю.

В России Фонд президентских грантов проводит конкурсы и по их результатам предоставляет гранты некоммерческим неправительственным организациям на реализацию проектов по 13 направлениям. Следует отметить, что Фонд президентских грантов не только является гранто-оператором, но и выполняет информационную и образовательную функции по развитию компетенций сотрудников и руководителей НКО в социальном проектировании. На сайте Фонда размещен бесплатный онлайн-курс по социальному проектированию, в котором его руководство и эксперты подробно разбирают каждый из этапов социального проектирования, в том числе рассказывают, как правильно представить проект в заявке на президентский грант.

Согласно официальным данным, в 2017–2020 годах Фонд президентских грантов провел 9 конкурсов на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, в которых приняли участие 27 тысяч некоммерческих организаций. Всего были подготовлены и поданы 77 тысяч социально значимых проектов. По итогам 9 конкурсов были приняты решения о поддержке 15 877 из них на общую сумму 32,8 млрд рублей.

Всего в период с 2017 по 2021 гг. включительно Фонд оказал поддержку 565 проектам региональных социально ориентированных некоммерческих организаций. Общее финансирование составило 1 181 392 607 руб.

Таблица

**Проекты СОНКО Свердловской области, получившие поддержку
от Фонда президентских грантов с 2017 по 2021 гг.**

Направление поддержки	Целевая аудитория проектов	Год	Количество поддержанных проектов, шт.	Общий размер финансирования, руб.
1. Укрепление межнационального и межрегионального согласия	Журналисты, молодежь и студенты, дети и подростки, семьи с детьми до 18 лет, национальные диаспоры Урала, национальная молодежь, пенсионеры, работники культуры	2017	1	453 000
		2018	2	1 775 000
		2019	0	0
		2020	0	0
		2021	2	2 717 000
		Итого:	5	4 945 000
2. Социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан	Лица без определенного места жительства, лица, попавшие в трудную жизненную ситуацию, люди с ограниченными возможностями здоровья, пациенты с онкологическими заболеваниями и их близкие, малоимущие семьи, алко- и наркозависимые, подростки и молодежь с инвалидностью и ОВЗ, лица, освободившиеся из мест лишения свободы	2017	9	9 787 240
		2018	15	31 109 525
		2019	13	28 070 470
		2020	26	51 688 556
		2021	22	47 100 996
		Всего	85	167 756 787
3. Сохранение исторической памяти	Работники культуры, дети и подростки, молодежь и студенты, ветераны, обучающиеся, студенты, учителя, преподаватели образовательных организаций среднего, среднего специального и высшего образования, специалисты по работе с	2017	15	28 030 306
		2018	8	12 218 630
		2019	11	19 627 408
		2020	13	17 059 280
		2021	13	16 740 419

	молодежью, социальной сферы молодежных общественных объединений, жители г. Екатеринбурга			
		Всего	60	93 676 043
4. Развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников	Люди с ограниченными возможностями, молодежь и студенты, журналисты, волонтеры, журналисты и политологи, эксперты и аналитики, экологические организации, волонтерские организации	2017	5	9 282 277
		2018	2	3 876 113
		2019	4	10 617 363
		2020	6	11 296 874
		2021	1	2 906 780
		Всего	18	37 979 407
5. Развитие институтов гражданского общества	Руководители и сотрудники общественных организаций, представители органов власти, приемные родители и дети из приемных семей, многодетные семьи, дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей	2017	5	10 940 892
		2018	5	6 111 600
		2019	4	6 183 000
		2020	2	2 631 550
		2021	4	5 428 796
		Всего	22	31 295 838
6. Поддержка семьи, материнства, отцовства и детства	Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, подростки, состоящие на профилактических учетах в ПДН, специалисты социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних, дети с ОВЗ, молодежь и студенты, педагоги, родители, многодетные и малоимущие семьи, беременные женщины	2017	6	9 751 010
		2018	9	13 583 518
		2019	6	14 456 802
		2020	14	33 632 253
		2021	9	16 281 488
		Всего	44	87 705 071

7. Поддержка проектов в области науки, образования, просвещения	Многодетные семьи, дети и подростки, люди с ограниченными возможностями здоровья, молодежь и студенты, пенсионеры, дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, абитуриенты, преподаватели и сотрудники, выпускники университетов	2017	16	32 710 499
		2018	12	17 868 164
		2019	15	20 649 262
		2020	11	15 387 726
		2021	17	32 679 660
		Всего	77	119 295 311
8. Поддержка проектов в области культуры и искусства	Дети и подростки, молодежь и студенты, горожане, проявляющие интерес к творчеству, пенсионеры, члены профессионального кинообщества, рабочие, служащие, творческая и техническая интеллигенция, люди с ограниченными возможностями здоровья	2017	11	30 225 951
		2018	14	18 962 363
		2019	11	27 368 564
		2020	15	31 338 169
		2021	20	50 272 506
		Всего	71	158 167 553
9. Поддержка молодежных проектов, реализация которых охватывает виды деятельности, предусмотренные статьей 31 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»	Дети и подростки, молодежь и студенты, дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей	2017	5	7 722 928
		2018	11	19 543 635
		2019	5	7 421 631
		2020	10	25 510 125
		2021	7	4 271 446
		Всего	46	64 469 765

10. Охрана окружающей среды и защита животных	Владельцы животных, дети и подростки, представители волонтерских групп и люди, занимающиеся спасением животных, пенсионеры, многодетные семьи, лица, участвующие в профилактике и решении проблем окружающей среды, эковолонтеры	2017	1	496 282
		2018	2	1 549 260
		2019	2	2 713 295
		2020	8	13 662 680
		2021	2	3 034 812
		Всего	15	21 456 329
11. Охрана здоровья граждан, пропаганда здорового образа жизни	Дети-инвалиды, люди с ограниченными возможностями здоровья, дети и подростки, молодежь и студенты, многодетные семьи, лица с ментальными и поведенческими (РАС) особенностями, онкобольные, лица с тяжелыми заболеваниями, ВИЧ-инфицированные	2017	12	16 465 853
		2018	12	17 253 541
		2019	18	32 176 563
		2020	23	21 672 920
		2021	13	18 221 541
		Всего	78	105 790 418
12. Защита прав и свобод человека и гражданина, в том числе защита прав заключенных	Ветераны, дети и подростки, молодежь и студенты, дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, люди с ограниченными возможностями здоровья, онкобольные, лица с тяжелыми заболеваниями, многодетные семьи, заключенные	2017	9	18 390 895
		2018	6	14 320 460
		2019	7	18 490 897
		2020	2	8 760 915
		2021	2	770 878
		Всего	26	60 743 045
13. Выявление и поддержка молодых талантов в области культуры и искусства	Дети и подростки, женщины, люди с ограниченными возможностями здоровья, молодежь и студенты, молодые кинематографисты России, жители России до 35	2017	0	0
		2018	4	46 456 574
		2019	6	41 660 278
		2020	3	58 204 238
		2021	5	81 800 950

	лет, интересующиеся кино, представители региональных киносообществ, молодые организаторы культурных проектов			
		Всего	18	228 112 040

Составлено автором по данным из открытых источников:
<https://президентскиегранты.рф/>

Полученные данные позволили сделать вывод о том, что количество участников грантовых конкурсов Фонда среди СОНКО Свердловской области возрастает с каждым годом. В год создания Фонда финансирование получили 95 социальных проектов. В 2018 году эта цифра возросла до 101, в 2019 году были одобрены 102 проекта, в 2020 и 2021 – 133 и 117 проектов соответственно.

Важно учитывать, что в течение одного календарного года проходит 2 конкурса. Фонд дополнительно проводил специальный конкурс только в 2020 году по трем направлениям: охрана здоровья граждан, поддержка семьи, материнства, отцовства и детства и социальное обслуживание граждан. Этот конкурс был проведен специально для тех НКО, которые борются с пандемией и ее последствиями [Илья Чукалин 2022].

Анализ данных позволил сделать вывод о том, что специальный конкурс значительно повлиял на увеличение конкурсных заявок и, как следствие, количество проектов-победителей. С 2017 по 2021 гг. наибольшее количество поддержанных региональных проектов зафиксировано именно в 2020 году в направлениях социального обслуживания граждан и охраны здоровья: 26 и 23 проекта соответственно. Ежегодно данные направления показывают наибольшее количество одобренных проектов, что может свидетельствовать о том, что наиболее актуальные проблемы, на решение которых направлена деятельность региональных СОНКО, связаны с предоставлением социальных услуг незащищенным слоям населения и направлены на следующие социальные группы: лица без определенного места жительства, лица, попавшие в трудную жизненную ситуацию, люди с ограниченными возможностями здоровья, малоимущие семьи, алко- и наркозависимые, подростки и молодежь с инвалидностью и ОВЗ, лица, освободившиеся из мест лишения свободы. Также деятельность некоммерческих организаций в большинстве случаев связана с предоставлением услуг по охране здоровья населения и нацелена на решение проблем детей-инвалидов, людей с ограниченными возможностями здоровья, многодетных семей, лиц с ментальными и поведенческими (РАС) особенностями, онкобольных, лиц с тяжелыми заболеваниями, ВИЧ-инфицированных.

Лидирующим направлением по количеству финансирования в заданном периоде становится выявление и поддержка молодых талантов в области культуры и искусства – из средств Фонда на развитие проектов переведено 228 млн 112 тыс. рублей. Вторым направлением, лидирующим по размеру оказанной поддержки, является социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан (167 млн рублей). Третью позицию занимает поддержка проектов в области культуры и искусства (158 млн рублей). Подобная тенденция может свидетельствовать о том, что большая часть проектов из отмеченных направлений имеет региональный, межрегиональный или федеральный масштаб. Эту гипотезу подтверждает проект «Международный фестиваль Ural Music Night» автономной некоммерческой организации «Ассоциация музыкантов Урала». Данный проект в направлении «Выявление и поддержка молодых талантов в области культуры и искусства» в период с 2018 по 2021 гг. получил рекордную сумму финансирования: в 2018 году – 23 858 000 рублей, в 2020 году – 39 991 475 рублей, в 2021 – 39 954 370 рублей. Это абсолютное большинство среди всех грантовых направлений с момента создания Фонда и по настоящее время среди НКО Свердловской области.

Укрепление межнационального и межрелигиозного согласия является самым малочисленным направлением как по количеству поддержанных проектов, так и по размеру финансирования. Также относительно низкие показатели грантового финансирования зафиксированы в экологическом направлении. Это обусловлено узкими целевыми группами, на которые направлены социальные проекты НКО.

Важно отметить, что во всех направлениях среди целевых групп присутствуют дети, представители молодежи, студенты. Также прослеживается четкая зависимость целевых групп от специфики направления.

Выводы

На сегодняшний день Фонд президентских грантов является одним из основных источников привлечения финансирования посредством грантовой поддержки для социально ориентированных некоммерческих организаций. От других грантодателей Фонд отличается размерами грантового финансирования, четким и прозрачным конкурсным механизмом, что привлекает значительную часть некоммерческих организаций как в Свердловской области, так и по всей России.

Свердловская область показывает высокую активность в грантовых конкурсах Фонда. За последние 5 лет проектам региональных СОНКО была оказана поддержка на сумму более 1 миллиарда рублей. Наиболее популярными направлениями являются социальное обслуживание и охрана здоровья граждан. Это свидетельствует о том, что деятельность большинства СОНКО Свердловской области посвящена оказанию социальных услуг незащищенным слоям населения и предоставлению медицинского обслуживания. Полученная статистика свидетельствует о наиболее акту-

альных социальных проблемах, на решение которых направлена государственная грантовая поддержка региональных СОНКО.

Список источников

1. *Аникеева О. П.* Социальные инвестиции: теория и практика реализации отечественными и зарубежными компаниями // Символ науки. 2017. № 5. С. 23-30.
2. *Каминская Е. В., Рудченко Т. Л.* Гранты: понятие, нормативно-правовое обеспечение, особенности реализации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 3 (122). С. 255-262.
3. *Мерсиянова И. В., Беневоленский В. Б.* Преимущества НКО как поставщиков социальных услуг: апробация в российских условиях // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 4. С. 7-26.
4. *Палибина А. С., Панькова Е. Г., Соловьева Т. В., Бистяйкина Б. А.* Некоммерческие организации в системе социального обслуживания населения // Дискуссия. 2017. № 10. С. 55-58.
5. *Петрулев Д. С., Гусарова М. С.* Государственное регулирование грантовой политики в Российской Федерации // Московский экономический журнал. 2019. № 6. С. 241-254.
6. *Сидорина Т. Ю.* Партнерство государства и институтов самоорганизации граждан в реализации социальной политики (теоретический аспект) // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2010. Т. 8, № 1. С. 117-121.
7. *Старшинова А. В., Бородкина О. И.* Деятельность НКО в сфере социальных услуг: общественные ожидания и региональные практики // Журнал исследований социальной политики. 2020. № 18 (3). С. 411-428.
8. *Etzioni A.* The Third Sector and Domestic Missions // Public Administration Review. 1973. No. 33 (4). P. 314-323.
9. *Salamon L. M., Anheier H. K.* Social Origins of Civil Society: Explaining the Non-profit Sector Cross-nationally. Working paper. New York: Johns Hopkins University, 1996.
10. Бюджет для Граждан [веб-сайт]. URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2019/12/main/Budzhet_dlya_grazhdan_2020-2022.pdf (дата обращения: 20.02.2022).
11. Источники формирования денежных средств и иного имущества социально ориентированных некоммерческих организаций за 2020 год [веб-сайт]. URL: <https://clck.ru/aqGe2> (дата обращения: 19.02.2022).
12. Итоги выборочного обследования социально ориентированных некоммерческих организаций на основе формы № 1-СОНКО [веб-сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1-sonko.html> (дата обращения: 20.02.2022).
13. Илья Чукалин: специальный конкурс Фонда президентских грантов [веб-сайт]. URL: <https://edu-biz.org/2020/06/18/specialnyj-konkurs-fonda-prezidentskix-grantov/> (дата обращения: 20.02.2022).

Петриченко Анна Дмитриевна,
преподаватель кафедры социальной работы
и социологии экономического факультета,
Челябинский государственный университет,
Dharma9@mail.ru

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ГОСУДАРСТВА И НКО ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ
В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: ПОДДЕРЖКА, ПАРТНЕРСТВО
И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Аннотация. Распространение коронавирусной инфекции потребовало от органов и учреждений социальной сферы Челябинской области оперативного перераспределения финансовых, трудовых и иных ресурсов для реализации основных задач, связанных с сохранением реальных доходов отдельных категорий граждан и обеспечением стабильного уровня качества жизни граждан, нуждающихся в особой заботе государства. Эффективной антикризисной мерой предотвращения негативных последствий для социально-экономической жизнедеятельности России и субъектов РФ, вызванных распространением COVID-19, явилась активизация межсекторного социального взаимодействия государства, некоммерческого сектора и бизнес-сообщества для оперативного решения социально значимых проблем. Статья посвящена анализу изучению проблем деятельности НКО в период распространения коронавирусной инфекции, систематизации федеральных и региональных мер государственной поддержки НКО, описанию повседневных практик НКО в условиях пандемии, перспектив взаимодействия НКО и органов государственной власти Челябинской области.

Ключевые слова: некоммерческие организации; органы государственной власти; социальное взаимодействие; пандемия; коронавирус; COVID-19; государственная поддержка; региональный аспект

Petrichenko Anna Dmitrievna,
Lecturer of Department of Social Work and Sociology
of the Faculty of Economics,
Chelyabinsk State University,
Dharma9@mail.ru

**REGIONAL ASPECTS OF INTERACTION
BETWEEN THE STATE AND NKOS
OF THE CHELYABINSK REGION IN THE CONTEXT
OF A PANDEMIC: SUPPORT, PARTNERSHIP AND PROSPECTS**

Abstract. The spread of coronavirus infection required the authorities and institutions of the social sphere of the Chelyabinsk region to promptly redistribute financial, labor and other resources to implement the main tasks related to preserving the real incomes of certain categories of citizens and ensuring a stable level of quality of life of citizens in need of special care of the state. An effective anti-crisis measure to prevent negative consequences for the socio-economic life of Russia and the subjects of the Russian

Federation caused by the spread of COVID-19 was the activation of intersectoral social interaction between the state, the non-profit sector and the business community for the prompt solution of socially significant problems. The article is devoted to the analysis of the problems of NGO activity during the spread of coronavirus infection, the systematization of federal and regional measures of state support for NPOs, the description of the daily practices of NPOs in a pandemic, the prospects of interaction between NPOs and public authorities of the Chelyabinsk region.

Keywords: non-profit organizations; government departments; social interaction; pandemic; coronavirus; COVID-19; governmental support; regional aspect

Пандемия коронавируса явилась серьезным вызовом для руководства всех субъектов Российской Федерации. Эффективной антикризисной мерой предотвращения негативных последствий для социально-экономической жизнедеятельности России и субъектов Российской Федерации, вызванных распространением COVID-19, явилась активизация межсекторного социального взаимодействия государства, некоммерческого сектора и бизнес-сообщества для оперативного решения социально значимых проблем. Тема взаимодействия государства и «третьего сектора экономики» активно развивается на уровне социальной политики и в настоящее время является одной из приоритетных для социальной сферы, формирования и расширения рынка социальных услуг, развития на нем конкуренции, осуществления общественного контроля за деятельностью органов и учреждений социального блока. Взаимодействие государственной власти и НКО в период нового кризиса позволило выявить точки роста, наметить перспективы развития, оценить вклад сторон в решение вопросов, касающихся качества и доступности предоставления социальных услуг на федеральном и региональном уровнях.

Основанием для выводов об актуальности рассмотрения вопроса взаимодействия государства и НКО в условиях пандемии, востребованности его предмета для научного сообщества и практиков является ряд исследований и научных статей, посвященных данной проблематике: Центра оценки общественных инициатив Института прикладных исследований НИУ ВШЭ [Корнеева 2020; Корнеева, Скокова 2020; Телицына 2020], Благотворительного фонда развития филантропии «КАФ» [Новая реальность. Как COVID-19 меняет работу российских НКО 2020], К. Е. Косыгиной [Косыгина 2021], В. Ю. Кульковой [Кулькова 2020], Ю. В. Гимазовой [Гимазова 2021] и др.

Начало распространения коронавирусной инфекции в 2020 году потребовало от органов и учреждений социальной сферы Челябинской области оперативного перераспределения финансовых, трудовых и иных ресурсов для реализации основных задач, связанных с сохранением реальных доходов отдельных категорий граждан и обеспечением стабильного уровня качества жизни граждан пожилого возраста, инвалидов, семей, находящихся в трудной жизненной ситуации, детей-сирот и детей,

оставшихся без попечения родителей, и других социально незащищенных категорий населения.

В Челябинской области проживают около 3,5 млн человек, предоставляются 83 вида мер социальной поддержки, из них 42 вида – за счет средств областного бюджета. Меры социальной поддержки предоставляются 1,5 млн получателям. Особое внимание уделяется гражданам пожилого возраста и инвалидам, социальным обслуживанием охвачены более 380 тысяч человек. В период распространения коронавирусной инфекции социальные услуги на дому предоставлялись в постоянном режиме бесплатно более 30 тысячам пожилых граждан и инвалидов [Буторина 2021].

Перед социальной сферой возник спектр задач, связанный с увеличением охвата граждан из социально незащищенных категорий населения: обеспечением граждан старше 65 лет, семей с инвалидами и детьми-инвалидами услугами по обеспечению продуктовыми наборами, товарами первой необходимости; предоставлением материальной помощи малоимущим и многодетным семьям; организацией ухода за лицами, не имеющими возможности самостоятельно ухаживать за собой; обучением основам работы в сети Интернет пожилых людей, не владеющих основами компьютерной грамотности; организацией оздоровления пожилых людей, пропагандой здорового образа жизни; социальной поддержкой семей, имеющих инвалидов и детей-инвалидов; информационной поддержкой граждан по интересующим вопросам, касающимся коронавирусной инфекции, режима самоизоляции.

Среди социальных групп, нуждающихся в особой защите государства, в период пандемии оказались также работники НКО ввиду сокращения 22% НКО заработной платы сотрудникам [НКО и коронавирус: Остаться в живых, июнь 2020], психоэмоционального выгорания, изменения привычной деятельности и пр. По мнению Общественной палаты Российской Федерации, деятельность трех групп организаций в большей мере пострадала в период ограничительных мер: НКО, состоящие в реестре исполнителей общественно полезных услуг; организации, оказывающие некоторые виды услуг в социальной сфере; благотворительные организации, оказывающие помощь незащищенным категориям граждан и испытывающие сокращение объема пожертвований [Резолюция Общественной палаты Российской Федерации по итогам общественных слушаний на тему: «Меры поддержки НКО в условиях пандемии» 2020: 8]. Кроме того, проводимые противоэпидемические мероприятия в системе учреждений социальной защиты населения (для пожилых и инвалидов, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и др.) повлекли серьезную перестройку организации жизнедеятельности подопечных, перевод мероприятий по социокультурной реабилитации, профориентации, социальной адаптации и реабилитации, социально-психологической, социально-правовой поддержке и ряду других значимых направлений в

дистанционный режим. Муниципальные и государственные учреждения социальной сферы столкнулись с нехваткой ресурсов для обеспечения ряда мероприятий по поддержанию режима самоизоляции для социально незащищенных категорий населения. Стала очевидной необходимость консолидации усилий государства, НКО и бизнес-сообщества в обеспечении приоритетных задач развития социальной сферы и стабильного уровня качества жизни граждан.

С одной стороны, режим самоизоляции обозначил новые потребности общества, государства в деятельности НКО: выявил новые категории населения, нуждающиеся в социальной поддержке, расширил количество потенциальных благополучателей НКО, перевел технологии, используемые НКО, в оптимальный формат для стейкхолдеров процесса, налазил межсекторное взаимодействие, позволил найти общий язык с государством в достижении общих целей. Кризис экономики позволил выработать НКО актуальные направления деятельности, обновить ее с целью повышения конкурентоспособности на рынке социальных услуг, повысить квалификацию работников, пересмотреть направления деятельности с точки зрения практики, востребованности для общества. В 2020 году количество услуг, оказываемых отраслевыми НКО в социальной сфере, сократилось по сравнению с 2019 годом на 18% – с 337 759 до 275 378. Сокращение наблюдается по всем отраслям социальной сферы кроме сферы социальной защиты, где количество услуг, оказываемых НКО, увеличилось на 47% – с 43 741 до 64 409 [Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС)].

С другой стороны, НКО столкнулись с обстоятельствами, вызывающими риски для дальнейшего их существования и развития: отсутствием возможности продолжать привычную деятельность с кругом постоянных благополучателей ввиду режима самоограничения; невозможностью перевода в дистанционный формат ряда услуг, требующих личного контакта с их получателями; необходимостью значительного расширения круга благополучателей, обучения волонтеров ввиду исполнения социального заказа государства; выполнением деятельности, не соотносящейся с предметом и целями деятельности, определенными уставами организаций; пересмотром и введением новых форм отчетности; потребностью повышения квалификации работников НКО. Не менее серьезными причинами явились необходимость и одновременно неготовность переводить социально значимые проекты, услуги в дистанционный формат, что привело бы к увеличению издержек на закупку дополнительного оборудования и сложностям управления организацией; трудности предоставления отчетности об исполнении договора или государственного контракта в случае перевода услуги в онлайн [Косыгина 2020: 30]; «сужение фандрайзинговых практик... при сохранении обязательств по заработной плате работникам и перед государством, другими партнерами и стейкхолдерами» [Кулькова 2020]. Обще-

ственной палатой РФ отмечены проблемы нарушения установленных законодательством и уставами НКО сроков проведения общих собраний членов, заседаний высших органов управления НКО; «трудности в работе с благополучателями (отсутствие материальных ресурсов для оказания помощи нуждающимся (транспорт, волонтеры, одноразовая посуда для доставки питания); неготовность получателей старшего поколения и лиц с ОВЗ к дистанционному взаимодействию», нестабильность либо отсутствие интернет-связи в сельских районах [Резолюция Общественной палаты Российской Федерации по итогам общественных слушаний на тему: «Меры поддержки НКО в условиях пандемии»].

Несмотря на указанные трудности, в период коронавирусной инфекции на Южном Урале сложились повседневные практики НКО, возникшие в ответ на потребность рынка социальных услуг. Особенностью практик стало тесное взаимодействие государства и НКО.

При участии Благотворительного фонда «Фонд продовольствия «Русь»» (далее – БФ «Русь») и волонтеров в 2020–2021 годах проведена работа по формированию и доставке благотворительных продуктовых наборов для одиноко проживающих граждан в возрасте старше 65 лет и имеющих инвалидность; граждан в возрасте от 18 лет до 41 года, имеющих инвалидность I, II группы; семей с детьми, находящимся в трудной жизненной ситуации. Доставка продуктовых наборов осуществлялась комплексными центрами социального обслуживания населения Челябинской области с участием волонтеров по домашним адресам граждан. В результате совместной работы силами социальных работников и волонтеров выдано 60 тысяч продуктовых наборов на сумму 37,3 млн рублей.

В феврале 2021 года Правительством Челябинской области заключено соглашение о сотрудничестве с БФ «Русь», в том числе в части оказания помощи продуктами питания социально незащищенным слоям населения Челябинской области.

В марте 2021 года БФ «Русь» совместно с торговой компанией «Пятерочка» проведен продовольственный марафон «Корзина доброты», в рамках которого каждый житель Челябинска мог принять участие в акции, передав волонтерам, находящимся в магазинах, купленные продукты с длительным сроком хранения. В результате акции более 600 семей, находящихся в трудной жизненной ситуации, получили благотворительную продуктовую помощь. В марафоне «Корзина доброты» приняли участие в том числе сотрудники органов исполнительной власти Челябинской области.

В 2022 году сотрудничество БФ «Русь» по обеспечению продуктами наборами социально незащищенных категорий населения продолжено в рамках подпрограммы «Повышение эффективности государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций» государственной программы «Развитие социальной защиты

населения Челябинской области». На эти цели из областного бюджета выделено 3,0 млн рублей [Постановление Правительства Челябинской области от 17 декабря 2020 г. № 689-П].

В рамках всероссийского проекта #МыВместе, который объединил государство, бизнес, НКО и активных граждан, при поддержке руководства ПАО «Магнитогорский металлургический комбинат» и администрации города Магнитогорска Благотворительным фондом «Металлург» организована выдача 150 тысяч продуктовых наборов одиноким пенсионерам старше 65 лет, не имеющим близких и родственников; малообеспеченным многодетным семьям, получающим пособие на ребенка; семьям, имеющим детей-инвалидов; малообеспеченным семьям с одним родителем, получающим пособие на детей; одиноко проживающим инвалидам 3 группы и семьям инвалидов 3 группы [Кому положены продуктовые наборы? 2020].

Адресная социальная помощь оказана также Благотворительным фондом Русской медной компании (далее – БФ РМК), который реализовал в Челябинской области проект по поддержке медицинских работников и граждан, оказавшихся в сложной жизненной ситуации из-за распространения коронавируса [Благотворительный фонд РМК поможет продуктовыми наборами нуждающимся 2020]. БФ РМК передано семьям Челябинской области, пострадавшим от коронавируса, почти 20 тысяч продуктовых наборов [Главный акционер РМК Игорь Алтушкин передал семьям Челябинской области продуктовые наборы 2020]. Помощь благотворительных фондов позволила оказать поддержку гражданам и семьям, не входящим в официально утвержденные перечни социально незащищенных категорий, которые нуждаются в особой поддержке государства. Например, семьям, со взрослыми инвалидами, где есть дети в возрасте 18–19 лет, формально уже не относящиеся к категории «дети-инвалиды».

В апреле 2020 года в региональном штабе #МыВместе в Челябинской области зарегистрировано более 660 добровольцев, готовых выручить пожилых, маломобильных южноуральцев, поддержать медработников [Штаб акции «Мы вместе» начинает работать в поликлинике Челябинска 2020].

В 2020 году с целью сохранения реальных доходов категорий граждан, нуждающихся в особой поддержке государства, при поддержке Правительства Челябинской области Челябинской областной общественной женской организацией «Союз женщин Челябинской области» (далее – ЧООЖО «Союз женщин Челябинской области») реализован проект «Благотворительный счет “Поддержка семей в период пандемии”». ЧООЖО «Союз женщин Челябинской области» определена оператором по сбору средств на поддержку семей с детьми, оказавшимися в сложной жизненной ситуации в связи с распространением вируса COVID-19. Организацией совместно с Министерством социальных отношений Челябинской области организована благотворительная выплата более 10 тысячам нуж-

дающихся семей на общую сумму более 36 млн рублей. Кроме этого, в рамках проекта велась работа с Фондом содействия социальному развитию «Инносочиум» по оказанию адресной помощи одиноким матерям, матерям детей с ОВЗ через приобретение продуктов питания; с Всероссийским общественным объединением добровольцев в сфере здравоохранения «Волонтеры-медики» по обеспечению продуктами питания и непродовольственными товарами первой необходимости пожилых и маломобильных граждан; с компанией «Хенкель» по распределению бытовой химии и дезинфицирующих средств. В 2022 году сотрудничество с ЧООЖО «Союз женщин Челябинской области» по поддержке семей, женщин и детей продолжено, на эти цели из областного бюджета направлено 2 млн рублей [Постановление Правительства Челябинской области от 17 декабря 2020 г. № 689-П].

Поддержка НКО в условиях нового кризиса стала одним из приоритетных направлений органов государственной власти Российской Федерации и Челябинской области. В соответствии с подпунктом «в» пункта 1 Поручения Президента Российской Федерации от 9 мая 2020 г. № Пр-791 «Перечень поручений по итогам встречи Президента Российской Федерации Путина В. В. с участниками общероссийской акции #Мы вместе» сформирован реестр СОНКО – получателей государственной поддержки в 2017–2020 годах. Организациям, включенным в реестр, предоставлены меры государственной поддержки, аналогичные мерам поддержки, предусмотренным для субъектов малого и среднего предпринимательства: специальная программа дотационных кредитов для НКО на выплату заработной платы, продление сроков уплаты налогов и страховых взносов (за исключением НДС), отсрочка на полгода по оплате налогов, взносов в фонды, отсрочка по арендной плате за имущество, находящееся в государственной и муниципальной собственности; сохранены объемы закупок социальных услуг у НКО, исполнены без отсрочек финансовые обязательства государства перед НКО; расходы НКО на покупку продуктов и товаров, передававшихся нуждающимся безвозмездно, не учитывались при расчете налога на прибыль; снижено количество контрольных мероприятий, Фондом президентских грантов организован специальный конкурсный отбор на общую сумму 2 млрд рублей; предоставлены ресурсы на приобретение индивидуальных средств защиты для добровольцев и др. [Система поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций 2022].

Помимо поддержки на федеральном уровне, НКО, ведущие деятельность на территории Челябинской области, получали системную поддержку на региональном уровне. Государственная поддержка СОНКО, обеспечение доступа негосударственных поставщиков на рынок услуг социальной сферы закреплены в Стратегии социально-экономического развития Челябинской области на период до 2035 года, Комплексном плане меро-

приятий по обеспечению поэтапного доступа социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению Челябинской области, на 2021–2024 годы, Плане мероприятий («дорожной карте») по содействию развитию конкуренции в Челябинской области на 2019–2021 годы, утвержденном распоряжением Губернатора Челябинской области от 18 декабря 2019 г. № 1453-р, и других программных документах, определяющих приоритетные направления развития социальной политики Челябинской области. Областным законодательством предусмотрены льготы по налогам и сборам юридическим и физическим лицам, осуществляющим благотворительную деятельность на территории Челябинской области.

В реестре поставщиков социальных услуг на 01.01.2022 г. состоят 142 организации, в том числе 17 НКО [Официальный сайт Министерства социальных отношений Челябинской области]. Ведется работа по расширению доступа СОНКО, в том числе исполнителей общественно полезных услуг, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению.

Нормативными правовыми актами, принятыми в соответствии с новым законодательством в социальной сфере, обеспечены необходимые нормативно-правовые условия для участия негосударственных организаций в предоставлении социальных услуг, в частности: утверждены порядки и стандарты предоставления социальных услуг, устанавливающие требования к объему и качеству социальных услуг, нормы подушевого финансирования и тарифы на социальные услуги, правила формирования и ведения реестра поставщиков социальных услуг. По итогам правоприменительной практики требования к опыту работы на рынке социальных услуг для включения в реестр поставщиков социальных услуг сокращены с трех до одного года.

Негосударственные организации социального обслуживания уже сегодня работают в рамках предоставления дополнительных социальных услуг, не входящих в перечень гарантированных государством социальных услуг.

Ведется работа по информированию СОНКО, в том числе исполнителей общественно полезных услуг, по вопросам передачи социальных услуг: подготовка информационно-справочных материалов, обсуждение вопросов передачи социальных услуг СОНКО на заседаниях общественных советов при органах исполнительной власти социальной сферы, размещение на официальных сайтах общедоступной информации о возможности получения финансовой поддержки негосударственных организаций, проведение семинаров, «круглых столов», рабочих встреч с руководителями СОНКО, а также публичных слушаний правоприменительной практики и законодательства в сфере социального обслуживания.

В реестре Минюста РФ на 24.02.2022 года состоят 29 организаций Челябинской области – исполнителей общественно полезных услуг [Сведения реестра некоммерческих организаций – исполнителей общественно полезных услуг Минюста России]. Из бюджета Челябинской области на финансовое обеспечение деятельности СОНКО в сферах, определенных законодательством Российской Федерации, в 2020–2021 годах направлено более 5 млрд рублей, в том числе около 4 млрд рублей СОНКО, предоставляющим общественно полезные услуги, определенные постановлением Правительства Российской Федерации от 27.10.2016 г. № 1096 «Об утверждении перечня общественно полезных услуг и критериев оценки качества их оказания» (далее – постановление Правительства).

Финансовая помощь направлена СОНКО, предоставляющим такие общественно полезные услуги, как «медико-социальная реабилитация лиц с алкогольной, наркотической и иной токсической зависимостью», «предоставление социального обслуживания в форме на дому», «реабилитация и социальная адаптация инвалидов», «социальное сопровождение семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья», «организация и проведение официальных спортивных мероприятий», «услуги в сфере дошкольного и общего образования, дополнительного образования детей», «оказание помощи семье в воспитании детей», «услуги по организации отдыха и оздоровления детей, в том числе детей с ограниченными возможностями здоровья и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, в том числе организация деятельности специализированных (профильных) лагерей» и «оказание помощи семье в воспитании детей», «организация и проведение культурно-массовых мероприятий (лектории, семинары, фестивали, культурно-просветительские проекты)», «организация и проведение консультативных, методических, профилактических и противоэпидемических мероприятий по предупреждению распространения ВИЧ-инфекций», развитие международного сотрудничества, сохранение и защита самобытности, культуры, языков и традиций народов Российской Федерации, социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов и др.

С 2014 года в области действует подпрограмма «Повышение эффективности государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций» (далее – подпрограмма) государственной программы «Развитие социальной защиты населения в Челябинской области». С 2017 года финансирование подпрограммы увеличилось в 13 раз. В 2020 году общий объем финансовых средств подпрограммы составил 191,6 млн рублей, в 2021 году – 198,9 млн руб. в 2022 году – 191,3 млн руб. 99% ассигнований подпрограммы направлены на финансовую поддержку НКО Челябинской области [Постановление Правительства Челябинской области от 17 декабря 2020 г. № 689-П].

Мероприятия подпрограммы реализуются по 5 направлениям: оказание финансовой поддержки СОНКО, осуществляющим деятельность по социальной поддержке и защите граждан; информационная поддержка СОНКО; методическая и консультационная поддержка СОНКО и специалистов органов и учреждений социальной сферы Челябинской области; привлечение представителей СОНКО к реализации государственной политики в социальной сфере; мониторинг и анализ эффективности мер, направленных на развитие СОНКО в Челябинской области.

Ежегодно проводится Южно-Уральский гражданский форум, участниками которого становятся более 500 представителей НКО, научных кругов, бизнес-сообщества, активных граждан. Сквозной темой Южно-Уральского гражданского форума – 2020 стала цифровая трансформация некоммерческого сектора. Большинство мероприятий Форума 2020 года были организованы в онлайн-формате, размещены на трех площадках, каждая из них посвящена одному из тематических направлений: привлечение ресурсов в организацию, повышение качества управленческих процессов, работа с целевой аудиторией организации [Официальный сайт Губернатора Челябинской области].

По данным мониторинга поддержки НКО в муниципальных образованиях области, в 2020 году в 86% муниципальных образований действовали муниципальные программы поддержки НКО, финансовую поддержку из муниципальных бюджетов получили 198 НКО на общую сумму 254,5 млн рублей. Имущественная поддержка предоставлена 80% муниципальных образований области – 202 НКО, в том числе в форме аренды помещений – 14 НКО, аренды помещений на льготных условиях – 28 НКО, предоставления помещений в безвозмездное пользование – 160 НКО. Общее количество площади, предоставленной НКО, составило 40 295,17 квадратных метров. Количество информационных материалов о деятельности НКО, размещенных на официальных сайтах муниципальных органов и учреждений, – более 2 700 [Официальный сайт Министерства социальных отношений Челябинской области].

В 2020 году при поддержке Правительства Челябинской области начал функционировать Фонд «Центр поддержки гражданских инициатив и развития некоммерческого сектора экономики Челябинской области» (далее – Фонд). Задачами Фонда стали создание инфраструктуры поддержки третьего сектора экономики Челябинской области, осуществление функций регионального грантооператора. В 2020 году Фондом организованы 2 конкурсных отбора на предоставление грантов Губернатора Челябинской области некоммерческим неправительственным социально ориентированным организациям, участвующим в развитии институтов гражданского общества, на реализацию социально значимых проектов и проектов в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина. Победителями конкурсных отборов стали 57 НКО Челябинской области, на rea-

лизацию их социально значимых проектов из областного бюджета выделено 83,6 млн рублей [Официальный сайт Фонда «Центр поддержки гражданских инициатив и развития некоммерческого сектора экономики Челябинской области»].

Реализация социально значимых проектов на средства грантов Губернатора Челябинской области позволила привлечь дополнительные финансовые и человеческие ресурсы для решения актуальных вопросов, возникших в условиях нового кризиса: повысить квалификацию работников НКО, государственных учреждений в области технологий и инструментов медиации, умений и навыков на основе профессионального стандарта «Сиделка (помощник по уходу)», коммуникативной культуры, организации волонтерской деятельности, психогигиены; организовать социальную поддержку семей, имеющих в своем составе инвалидов и детей-инвалидов, пожилых; повысить уровень компьютерной, правовой и финансовой грамотности населения, в том числе пожилых людей, не владеющих навыками работы с компьютером; обеспечить индивидуальное социальное сопровождение лиц без определенного места жительства в получении государственных услуг (восстановление документов, помощь в госпитализации, в устройстве в приюты и временные муниципальные учреждения, реабилитационные центры, помощь в трудоустройстве, оформлении инвалидности и пенсии, получении юридической консультации), а также организовать комплексную помощь для бездомных; вовлечь воспитанников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и подростков из семей «группы риска» и находящихся в социально опасном положении в процесс социальной реабилитации посредством занятий физической культурой и спортом, профориентации и организации досуга; обеспечить социальную реабилитацию инвалидов путем их инклюзии в общество, вовлечения в участие в спортивных соревнованиях, социокультурных мероприятиях, творчестве и конкурсах; обучить волонтеров, работающих с социально незащищенными категориями населения. В 2021 году поддержка НКО продолжилась, гранты Губернатора получили 104 НКО Челябинской области на общую сумму 120,1 млн рублей [Официальный сайт Фонда «Центр поддержки гражданских инициатив и развития некоммерческого сектора экономики Челябинской области» 2021].

Весь комплекс мер в отношении НКО с 2020 года привел к положительной динамике роста количества НКО в регионе. За последние три года, по данным ведомственного реестра некоммерческих организаций Управления Министерства юстиции Российской Федерации в Челябинской области, на 01.01.2020 года их количество в реестре составляло 3 136, на 01.01.2021 года – 3 444, на 01.01.2022 года – 3 475.

Таким образом, задачи, возникшие перед государством в период распространения коронавирусной инфекции, потребовали развития такой

антикризисной меры, как мобилизация ресурсов трех секторов – некоммерческого, бизнеса и государства. Государственная поддержка НКО в условиях пандемии проводилась на федеральном и региональном уровнях. Большинство НКО справились с трудностями периода пандемии, выработали социально востребованные обществом программы. Удачные практики НКО продолжают развиваться в 2022 году в рамках государственной программы Челябинской области «Развитие социальной защиты населения в Челябинской области». Новый кризис позволил НКО расширить привычные границы деятельности, освоить дистанционные технологии, повысить квалификацию работников, отрегулировать маршрутизацию предоставления услуг, в том числе социальных.

К перспективам развития взаимодействия органов исполнительной власти и НКО Челябинской области можно отнести привлечение негосударственных поставщиков социальных услуг, в том числе НКО, на рынок социальных услуг, формирование нового качества социальных услуг на основе прозрачности и конкуренции, увеличение доступа негосударственным поставщикам социальных услуг к бюджетным средствам, выделяемым на оказание социальных услуг населению, привлечение НКО к деятельности по реализации национальных проектов, национальной социальной инициативы, внедрение цифровых технологий в процесс взаимодействия органов исполнительной власти и НКО, организацию проведения социологических исследований о наличии (отсутствии) административных барьеров, оценки состояния конкуренции субъектами предпринимательской деятельности на рынке социальных услуг и опроса потребителей об удовлетворенности качеством услуг, предоставляемых на рынке социальных услуг, и уровнем цен на рынке социальных услуг.

Список источников

1. Благотворительный фонд РМК поможет продуктовыми наборами нуждающимся // Сайт lentachel.ru [веб-сайт]. URL: <https://lentachel.ru/news/2020/04/24/blagotvoritelnyy-fond-rmk-pomozhet-produktovymi-naborami-nuzhdayuschimsya.html> (дата обращения: 22.02.2022).

2. Буторина И. В. Доклад на расширенное заседание Коллегии Министерства социальных отношений «Об итогах работы органов и учреждений системы социальной защиты населения Челябинской области за 2020 год и задачах на 2021 год» 26 марта 2021 года // Официальный сайт Министерства социальных отношений Челябинской области [веб-сайт]. URL: <https://minsoc.gov74.ru/minsoc/overview/vystupleniya/htm> (дата обращения: 24.02.2022).

3. Гимазова Ю. В. Российские НКО в условиях пандемии: кризис мер господдержки и способы выживания // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18, № 4. С. 141-153. doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_141.

4. Главный акционер РМК Игорь Алтушкин передал семьям Челябинской области продуктовые наборы // Сайт [CHEL.KP.RU](https://www.chel.kp.ru) [веб-сайт]. URL: <https://www.chel.kp.ru/daily/27138/4229459/> (дата обращения: 22.02.2022).

5. Корнеева И. Е. «Поддержка НКО во время пандемии: зарубежный опыт». Центр оценки общественных инициатив Института прикладных исследований

НИУ ВШЭ, 2020. // Официальный сайт ФГАОУВО Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» [веб-сайт]. URL: <https://politinst.hse.ru/data/2020/04/24/1558466376/поддержка%20нко%20коронавирус%20ИППИ%20ВШЭ.pdf> (дата обращения: 14.02.2022).

6. *Корнеева И. Е., Скокова Ю. А.* «Вклад НКО в борьбу с пандемией: российский контекст». Центр оценки общественных инициатив Института прикладных исследований НИУ ВШЭ, 2020 // Официальный сайт ФГАОУВО Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» [веб-сайт]. URL: <https://politinst.hse.ru/data/2020/05/18/1549503100/Вклад%20НКО%20коронавирус%20ИППИ%20НИУ%20ВШЭ.pdf> (дата обращения: 24.02.2022).

7. Кому положены продуктовые наборы? // Официальный сайт Администрации г. Магнитогорска [веб-сайт]. URL <https://www.magnitogorsk.ru/ru/news/komu-polozheny-produktovoye-nabory-2> (дата обращения: 22.02.2022).

8. *Косыгина К. Е.* Некоммерческий сектор в период распространения новой коронавирусной инфекции: рестрикции и механизмы их преодоления // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2021. № 2 С. 27-39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekommercheskiy-sektor-v-period-rasprostraneniya-novoy-koronavirusnoy-infektsii-restriksii-i-mehanizmy-ih-preodoleniya> (дата обращения: 24.02.2022).

9. *Кулькова В. Ю.* Некоммерческий сектор и государственная поддержка некоммерческих организаций сферы услуг в РФ в условиях кризиса 2020 года // Государственное управление. Июнь 2020. № 80. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekommercheskiy-sektor-i-gosudarstvennaya-podderzhka-nekommercheskih-organizatsiy-sfery-uslug-v-rf-v-usloviyah-krizisa-2020-goda> (дата обращения: 22.02.2022).

10. НКО и коронавирус: Остаться в живых, июнь 2020 // Официальный сайт Благотворительного фонда развития филантропии «КАФ» [веб-сайт]. URL: <https://www.cafussia.ru/staying-alive.html> (дата обращения: 06.02.2022).

11. Новая реальность. Как COVID-19 меняет работу российских НКО, 2020 // Официальный сайт Благотворительного фонда развития филантропии «КАФ» [веб-сайт]. URL: <https://www.cafussia.ru/novaya-realnost-kak-covid-19-menyayet-rabotu-rossiiskikh-nko.html> (дата обращения: 06.02.2022).

12. Официальный сайт «Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) // Fedstat [веб-сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58621> (дата обращения: 22.02.2022).

13. Официальный сайт Министерства социальных отношений Челябинской области. URL: <https://rpost.minsoc74.ru> (дата обращения: 22.02.2022).

14. Официальный сайт Фонда «Центр поддержки гражданских инициатив и развития некоммерческого сектора экономики Челябинской области». URL: <https://грантыгубернатора74.рф> (дата обращения: 22.02.2022).

15. Постановление Правительства Челябинской области от 17 декабря 2020 г. № 689-П «О государственной программе Челябинской области “Развитие социальной защиты населения в Челябинской области”» (последняя редакция). URL: <https://base.garant.ru/8830018/> (дата обращения: 22.02.2022).

16. Резолюция Общественной палаты Российской Федерации по итогам общественных слушаний на тему: «Меры поддержки НКО в условиях пандемии», 09.04.2020. URL: https://op.nso.ru/sites/op.nso.ru/wodby_files/files/news/2020/04/rezolyciya_meri_podderzhki_nko_14042020.pdf (дата обращения: 22.02.2022).

17. Сведения реестра некоммерческих организаций – исполнителей общественно полезных услуг Минюста России // Информационный портал Министерства юстиции Российской Федерации [веб-сайт]. URL <http://unro.minjust.ru/NKOPerfServ.aspx> (дата обращения: 22.02.2022).

18. Система поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций // Портал Министерства экономического развития Российской Федерации [веб-сайт]. URL: <http://www.nko.economy.gov.ru/Public/NewsPage/Details.html?id=99> (дата обращения: 22.02.2022).

19. *Телицына А. Ю.* «Самоорганизация граждан. Жизнестойкость НКО во время пандемии». Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ, 2020 // Официальный сайт ФГАОУВО Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» [веб-сайт]. URL: https://www.hse.ru/data/2020/07/28/1598473677/HSE_Covid_10_2020_4_1.pdf (дата обращения: 14.02.2022).

20. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации [веб-сайт]. URL: <https://legalacts.ru/doc/FZ-o-nekommercheskih-organizacijah/> (дата обращения: 22.02.2022).

21. Челябинская область признана лучшим регионом по уровню организации взаимодействия органов власти и НКО // Официальный сайт Губернатора Челябинской области [веб-сайт]. URL: <https://gubernator74.ru/news/chelyabinskaya-oblast-priznana-luchshim-regionom-po-urovnyu-organizacii-vzaimodeystviya> (дата обращения: 22.02.2022).

22. Штаб акции «Мы вместе» начинает работать в поликлинике Челябинска // Сайт «Вечерний Челябинск» [веб-сайт]. URL: <https://vecherka.su/articles/news/156204/> (дата обращения: 22.02.2022).

Повесина Д. А.,
бакалавр 4-го курса департамента политологии и социологии,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
kope28@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ И НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей и направлений использования социальной рекламы в деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций в условиях ускоренной цифровизации и информатизации общества. В тексте представлен анализ теоретических подходов к пониманию социальной рекламы, выделены современные каналы ее распространения, определены проблемы, возникающие в некоммерческих организациях в связи с подготовкой и распространением социальной рекламы. Цифровизация и информатизация общества обозначены как существенные условия, повлиявшие на деятельность некоммерческих организаций в сфере рекламной информации.

Ключевые слова: социальная реклама; интернет-реклама; некоммерческие организации; социальные сети; социальные проблемы; интернет-технологии; интернет-коммуникации

Povesina D. A.,
Bachelor of Political Science and Sociology Department,
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
kope28@rambler.ru

FEATURES AND DIRECTIONS OF THE USE OF SOCIAL ADVERTISING IN THE ACTIVITIES OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS

Abstract. The article is devoted to the study of the features and directions of the use of social advertising in the activities of socially oriented non-profit organizations in the conditions of accelerated digitalization and informatization of society. The text presents an analysis of theoretical approaches to understanding social advertising, highlights modern channels of its distribution, identifies problems that arise in non-profit organizations in connection with the preparation and distribution of social advertising. Digitalization and informatization of society are designated as essential conditions that have affected the activities of non-profit organizations in the field of advertising information.

Keywords: social advertisement; Internet advertising; non-profit organizations; social networks; social problems; Internet technologies; internet communications

Введение

Состояние современного общества характеризуется наличием таких социальных проблем, как бедность, семейное неблагополучие, алкого-

лизм, наркомания и др., что не только приводит к трагедиям личного характера, но и нарушает социальную стабильность и отрицательно сказывается на демографических показателях. Помимо государственных социальных служб акторами социальных изменений и стабилизации общественных процессов сегодня становятся социально ориентированные некоммерческие организации (далее – СОНКО). Приоритетными направлениями деятельности СОНКО являются профилактика общественных проблем, информирование граждан о возможностях третьего сектора, поиск способов решения социальных проблем, в том числе предполагающих изменение моделей поведения социальных групп. Одной из эффективных технологий, применяемых в деятельности СОНКО, для достижения социального эффекта, на наш взгляд, является социальная реклама, что требует исследовательского внимания как на уровне теоретических подходов, так и на уровне эмпирических исследований, которые могли бы помочь зафиксировать актуальные направления использования социальной рекламы.

Теоретическое обоснование

В век активной цифровизации общества и клиповой культуры актуальность социальной рекламы не угасает, поскольку она способна привлечь внимание к актуальным проблемам общества, обозначить пути их решения, способствовать формированию позитивных и социально одобряемых поведенческих моделей у своей аудитории. Социальная реклама служит инструментом связи между населением и СОНКО, использующими ее ресурсы для привлечения внимания к своей деятельности или разовым акциям, побуждая массовую аудиторию принять деятельное участие в разрешении общественных проблем.

Социальная реклама является и предметом правового регулирования. Так, ст. 3 Федерального закона № 38 от 13.03.2006 «О рекламе» определяет социальную рекламу как «информацию, распространенную любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованную неопределенному кругу лиц и направленную на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей, а также обеспечение интересов государства» [ФЗ-38 от 13.03.2006]. С точки зрения законодателя, в социальной рекламе могут содержаться упоминания об органах государственной власти, иных государственных органах, органах местного самоуправления, о муниципальных органах, которые не входят в структуру органов местного самоуправления, о спонсорах, о социально ориентированных некоммерческих организациях (СОНКО), а также о физических лицах, оказавшихся в трудной жизненной ситуации или нуждающихся в лечении, в целях оказания им благотворительной помощи. Дополнительно подчеркивается, что информация о социально ориентированных некоммерческих организациях может быть размещена в формате социальной рекламы, если содержание этой рекламы непосредственно связано с информацией о деятельности СОНКО, направленной

ной на достижение благотворительных или иных общественно полезных целей. Таким образом, в правовом поле определяются содержание и цели социальной рекламы.

Федеральный закон создает достаточно размытые рамки для определения социальной рекламы. Для того чтобы окончательно определить место и роль социальной рекламы в современном обществе, следует обратиться к научным исследованиям в данной области. Такой взгляд позволит определить сущность социальной рекламы с точки зрения разных подходов или областей научного знания. Итак, в научном сообществе по данному вопросу можно выделить несколько точек зрения, которые можно свести к четырем основным.

Ряд исследователей выдвигают гипотезу о том, что социальная реклама в современном обществе играет роль одного из инструментов социализации, прививающего общественно одобряемые ценности, формирующего мировоззрение граждан. Так, например, с точки зрения О. О. Савельевой, профессора департамента интегрированных коммуникаций Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», социальная реклама – это «реклама, направленная на распространение полезных, с точки зрения общества, социальных норм, ценностей, моделей поведения, знаний, содействующих совместному существованию в рамках этого общества» [Савельева 2007: 24]. Такое определение обращает внимание на тот факт, что социальная реклама может являться агентом социализации в современном обществе. Схожие взгляды на явление имеет И. Г. Синьковская, кандидат социологических наук и доцент кафедры социологии Сибирского федерального университета. В своих трудах она говорит о социальной рекламе как об институте альтернативной социализации личности: «в нынешних реалиях человек проходит социализацию не только лишь в близком кругу общения, но и оказывается под внушительным влиянием окружающей информационной среды» [Синьковская 2007: 207]. Позиции приведенных авторов сходятся в том, что, по их мнению, общество должно быть заинтересовано в создании правильного информационного окружения своих членов, частью которого может являться социальная реклама.

В научном сообществе также присутствует идея о том, что социальная реклама является показателем состояния общества. Так, М. И. Пискунова характеризует социальную рекламу как индикатор здоровья или проблемности общества. По мнению автора, социальную рекламу стоит рассматривать как «форму общественной рефлексии, как осознание гражданской ответственности, как показатель мужества и честности не только осознать социальные проблемы, но и призывать к решению, используя один из самых современных каналов коммуникации, рекламный» [Пискунова 2004: 173]. Согласно данному подходу социальная реклама отражает актуальные проблемы для общества, обнажает их перед публи-

кой, тем самым привлекая аудиторию принять деятельное участие в их решении. Отсутствие или же избытие такой рекламы говорит о состоянии общества в целом, насколько оно готово принять на себя гражданскую ответственность, готово к самоанализу и размышлению.

Многие отечественные авторы говорят о социальной рекламе в первую очередь как об инструменте изменения поведенческих моделей. К примеру, один из первых исследователей социальной рекламы в России Т. Астахова подчеркивает, что социальная реклама представляет собой эффективный инструмент борьбы с общественными недугами, так как «она меняет отношение людей к повседневной реальности, а вслед за этим и меняется их поведение» [Астахова]. Автор в одной из своих работ приводит статистику по эффективности зарубежных проектов, направленных на борьбу с вождением автомобилей в нетрезвом состоянии, и утверждает, что по итогам такой рекламы «“трезвость за рулем” стала нормой жизни американцев и новой социальной ценностью» – число автомобильных аварий по вине нетрезвого водителя сократилось. Вслед за Т. Астаховой социальную рекламу в данном ключе рассматривает и Е. А. Белова, кандидат социологических наук и доцент Тихоокеанского государственного университета. Автор приводит нас к выводу о том, что социальный маркетинг ориентирован в основном на воздействие на целевую аудиторию «с целью принятия, изменения или отказа от определенного поведения» [Белова 2017: 285].

Также в исследовательском сообществе существует подход, согласно которому реклама, освещающая социальные проблемы и ориентирующая граждан на их решение, создает имидж государству, медицинским и общественным учреждениям. Иными словами, такая реклама имеет гораздо большее значение для жизни общества, в том числе политической, чем ее прямое содержание. Американские исследователи Д. Пален, Р. Пирсон и Д. Уиллис считают, что «реклама общественных услуг должна рассматриваться как один из способов, с помощью которого общественность проникается ценностями, которые способствуют нынешнему функционированию и стабильности политической системы» [Palen, Pearson, Willis 1977: 65]. Авторы полагают, что содержание такой рекламы также дает неизменно позитивное представление о правительственных учреждениях, медицинских, благотворительных и религиозных организациях, о социальных институтах в целом. Таким образом, социальная реклама – это инструмент формирования общественной стабильности, повышения уровня доверия членов общества к таким важным социальным институтам, как медицина, социальная политика, благотворительность.

Данные теоретические подходы к определению сущности социальной рекламы не исключают, а, напротив, дополняют друг друга, что дает основание говорить о многофункциональности, высокой значимости социальной рекламы в деятельности СОНКО, главной целью которых явля-

ется профилактика и преодоление причин или последствий социальных проблем.

Определим особенности социальной рекламы, проявляющиеся в настоящий момент, в том числе в некоммерческом секторе. Резко наступившая постпандемийная реальность диктует новые правила в сфере рекламы: в период самоизоляции и карантина интерес к потреблению интернет-контента резко возрос, поэтому традиционные виды размещения информации уступают в эффективности интернет-площадкам и социальным сетям. Главным недостатком «старых» форматов рекламы является то, что такая реклама имеет небольшой охват и реже попадает в поле зрения именно целевой аудитории. Возросший интерес к интернет-контенту подтверждает статистика: в 2022 году доля активных пользователей социальных сетей возросла на 7,1% по сравнению с 2021 годом, в то время как количество пользователей Интернета вообще также возросло на 8% по сравнению с 2020 годом [Datareportal 2022]. Приведенные данные говорят о том, что возрастающий уровень цифровизации общества побуждает использовать виртуальное пространство в том числе для распространения рекламной продукции.

Перед производителями социальной рекламы Интернет открывает ряд преимуществ. Прежде всего, цензурная политика в интернет-сети является не такой жесткой и ограничивающей по сравнению с традиционными СМИ, что позволяет им использовать «шокирующий» и «злободневный» контент для привлечения внимания целевых аудиторий. Следующим преимуществом является возможность аудитории не только выступать в роли потребителя, но и становиться соучастником или создателем социальной рекламы – публиковать и распространять соответствующие посты, используя для этого личные и иные ресурсы (например, страницу пользователей и публичные страницы в социальных сетях), что приводит к количественному росту целевой аудитории, ознакомленной с рекламным контентом. Дополнительно визуальные и звуковые составляющие рекламы (звук, музыка, цветные изображения, анимационные эффекты, видео) увеличивают эмоциональное воздействие на аудиторию. В пользу размещения социальной рекламы в Интернете говорит и относительно низкая стоимость ее публикации по сравнению с традиционными СМИ. Наконец, возможности онлайн-площадок позволяют настраивать показ рекламы определенным категориям пользователей, то есть социальная реклама в данном случае действует прицельно и избирательно.

На данный момент наиболее популярным каналом распространения видеорекламы является видеохостинг YouTube, чья аудитория насчитывает более полутора миллиарда зрителей по всему миру. В России популярность YouTube также очень велика: на начало 2022 года рекламный охват YouTube был эквивалентен 72,7% всего населения России [Datareportal 2022]. Социальной рекламы на просторах данного сервиса

не так много, что, на наш взгляд, является упущением – эффективность рекламных кампаний, реализуемых через данный видеохостинг, составляет большую конкуренцию традиционным медиа.

Не менее популярная социальная сеть Instagram также является эффективным каналом распространения коммерческой и некоммерческой рекламы в Интернете. В начале 2022 года рекламный охват Instagram в России был эквивалентен 43,2% от общей численности населения, что также является высоким показателем [Datareportal 2022]. Особенностью данной социальной сети является размещение фото- и видеоконтента, ориентированного на аудиторию. Некоммерческие организации создают аккаунты в Instagram, где размещают информацию о своей деятельности, анонсируют мероприятия, ведут сбор средств или просветительскую деятельность в рамках уставных целей и т. д. Instagram как платформа активно включается в благотворительную деятельность: ежегодно 4 сентября на этой площадке под объединяющим хештегом #помогайфонам проходит флешмоб в поддержку благотворительных фондов, в котором может поучаствовать любой пользователь сети. На наш взгляд, распространение рекламной информации посредством социальных сетей помимо очевидных преимуществ обладает и существенным недостатком – охваты такой рекламы ограничиваются количеством лиц, состоящих в сообществе или подписанных на аккаунт организации.

Результаты исследования

Для изучения опыта использования социальной рекламы в деятельности СОНКО в рамках исследования на тему «Ресурсные возможности социальной рекламы в деятельности СОНКО Свердловской области» были проведены экспертные интервью (N=8), в которых приняли участие специалисты в сфере рекламы и PR в СОНКО, а также руководители социальных учреждений, активно занимающихся производством социальной рекламы. Одна из задач проведенного исследования – попытка на основе экспертного мнения выявить главные тенденции и вызовы современности, встречающиеся на пути к созданию социальной рекламы в деятельности организаций третьего сектора.

По результатам исследования были сделаны следующие выводы. Во-первых, выявлена высокая значимость социальной рекламы для СОНКО в целом: по мнению информантов, ее отсутствие может повлиять на уровень осведомленности граждан о деятельности социальных учреждений и о тех социальных проблемах, решением которых занимаются некоммерческие организации: *«О нашей организации знают, потому что нам много лет. Нас знают в профессиональных кругах, а у народа спроси – народ не знает»* (Инф 3, руководитель СОНКО). Одновременно эксперты сошлись в том, что на сегодняшний день граждане устали от коммерческой рекламы и имеют потребность реализовать свои благотвори-

тельные намерения: *«Людам нужно помочь понять, куда им помогать»* (Инф. 4, руководитель СОНКО).

В-вторых, выявлены трудности, возникающие в процессе создания и распространения социальной рекламы: в условиях цифровой трансформации, изменения доминирующих информационных каналов трудности прежде всего связаны с выбором наиболее эффективного канала распространения рекламы. В новых изменяющихся условиях руководители и специалисты НКО выбирают для размещения социальной рекламы Интернет – социальные сети YouTube, Instagram, ВКонтакте и даже мессенджеры, например WhatsApp: *«Мы сейчас сосредоточились на интернете. У нас самый большой в России YouTube-канал про аутизм и его коррекцию. Мы очень активно развиваем социальные сети. Используем WhatsApp, потому что родители объединяются в сообщества и чаты, для них – это реально хороший ресурс получить необходимую информацию»* (Инф. 6, специалист в сфере рекламы и PR СОНКО). Распространение рекламной информации посредством социальных сетей помимо очевидных преимуществ обладает и существенным недостатком – зачастую охваты такой рекламы ограничиваются количеством лиц, состоящих в сообществе или подписанных на аккаунт организации. Одним из новых и наиболее перспективных способов подачи рекламной информации для общественных организаций является сервис размещения контекстной рекламы «Яндекс.Директ», который обладает большим количеством преимуществ: система проста в использовании, обладает обширным инструментарием для редактирования и изменения объявлений, а главное, сервис позволяет показывать сообщения любым пользователям на основе их поисковых запросов. Данный сервис уже активно используется в одном из крупнейших региональных СОНКО: *«Распространяем информацию через “Яндекс.Директ” – это система, которая позволяет создавать контекстную рекламу по всем сервисам Яндекса, это очень эффективно»* (Инф. 4, специалист в сфере рекламы и PR СОНКО). Размещенная там реклама работает прицельно и привлекает внимание только целевой аудитории, что существенно увеличивает ее результативность. Также немаловажно то, что данный ресурс предоставляет возможность отследить количество кликов по объявлению, что позволит анализировать охваты и судить об успешности рекламного сообщения.

В-третьих, стоит отметить, что среди экспертов есть и те, кто не уделяет большое внимание распространению информации о деятельности своего учреждения в сети Интернет по ряду причин, одна из которых – нехватка специалистов, обладающих навыками в сфере рекламы и знаниями интернет-технологий: *«Мы не занимаемся в должной мере развитием блога, потому что на все не хватает времени и возможностей. Потому что “по уму” должен быть какой-то СММщик, должна быть стратегия продуманная, контент-план»,* – так комментирует рекламную

деятельность своей организации один из экспертов (Инф. 3, руководитель СОНКО). Нехватка квалифицированных специалистов в области рекламы в организациях называется в качестве главного барьера в использовании возможностей интернет-пространства как полноценного и эффективного канала распространения информации. Текущие задачи во многом решаются за счет специалистов, привлекаемых на волонтерских началах, в результате чего реклама становится ситуативной и создается вне цельной стратегии, а за ее производство отвечают работники, не обладающие необходимыми навыками.

Вывод

Социальная реклама является важным инструментом в деятельности СОНКО. В период пандемии коронавирусной инфекции и последовавшего за ним карантина число интернет-пользователей увеличилось, а тенденция к использованию интернет-технологий, в свою очередь, привела к возрастанию интереса к онлайн-контенту и его популяризации, поэтому Интернет является перспективной областью рекламной деятельности. Социальная интернет-реклама позволяет адресовать сообщение подходящей целевой аудитории, основываясь на информации о пользователях сети: их интересах, привычках, демографических особенностях и т. д. Данные преимущества должны привлечь и мотивировать производителей социальной рекламы к освоению данной сферы, поскольку в условиях нынешних реалий традиционные виды постепенно утрачивают свою актуальность.

Список источников

1. *Белова Е. А.* Социальная реклама – инструмент моделирования поведения членов общества // Ученые заметки ТОГУ. 2017. Т. 8, № 1-1. С. 282-287.
2. *Пискунова М. И.* Социальная реклама как феномен общественной рефлексии // Паблик рилейнз и реклама в системе коммуникаций. 2004. № 1. С. 171-194.
3. *Савельева О. О.* Введение в социальную рекламу М.: Рип-Холдинг, 2006. 168 с.
4. *Синьковская И. Г.* Социальная реклама как институт альтернативной социализации личности // Актуальные проблемы современного социального знания. 2007. С. 205-208.
5. *Астахова Т.* Хорошие идеи в Америке рекламируют // Социальная реклама.ру [веб-сайт]. URL: http://www.socreklama.ru/analytics/list.php?ELEMENT_ID=4930&SECT_ION_ID=107 (дата обращения: 15.02.2022).
6. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» / Гарант.ру [веб-сайт]. 2006. URL: <https://base.garant.ru/12145525/> (дата обращения: 15.02.2022).
7. DIGITAL 2022: THE RUSSIAN FEDERATION // Datareportal [веб-сайт]. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2022-russian-federation> (дата обращения: 20.01.2022).
8. *Palen D. L., Pearson R. & Willis D.* Politics in public service advertising on television. New York: Praeger, 1977. 144 p.

Рахманкулова Алиса Александровна,
кафедра социальной работы, Департамент политологии и социологии,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
rakhmankulova.alisa@mail.ru

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К УЧАСТИЮ В СОЦИАЛЬНО-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей развития социального предпринимательства в современной России и отношения молодежи как наиболее активной социальной группы к данному виду деятельности. Цель статьи – сформировать представление об информированности, заинтересованности и готовности молодежи участвовать в социальном предпринимательстве. С помощью онлайн-анкетирования был проведен опрос респондентов в возрасте от 14 до 35 лет (n=212). Сделан вывод о том, что основная часть молодежи позитивно оценивает возможности самореализации в этой сфере.

Ключевые слова: социальное предпринимательство; молодежь; предпринимательство; некоммерческие организации; социальные проблемы; предпринимательская деятельность

Rakhmankulova Alice Alexandrovna,
Department of Social Work, Department of Political Science and Sociology,
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
rakhmankulova.alisa@mail.ru

ATTITUDES OF YOUNG PEOPLE TOWARDS PARTICIPATION IN SOCIAL ENTREPRENEURSHIP

Abstract. The article is devoted to the study of the features of the development of social entrepreneurship in modern Russia and the attitude of young people as the most active social group to this type of activity. The purpose of the article is to form an idea of the awareness, interest and readiness of young people to participate in social entrepreneurship. With the help of an online survey, a survey of respondents aged 14 to 35 years (n=212) was conducted. It is concluded that the majority of young people positively assess the possibilities of self-realization in this area.

Keywords: social entrepreneurship; youth; entrepreneurship; non-profit organizations; social problems; entrepreneurial activity

В настоящее время в России происходит развитие ранее не известной отрасли предпринимательства – социального. Движущей силой к его возникновению послужили быстро меняющееся общество и существующие в нем проблемы, которые бизнес-структуры и государственные учреждения не способны в полном объеме решить. Поэтому социальное предпринимательство как деятельность, интегрирующая процесс получе-

ния экономической и социальной выгоды, играет роль инновационного способа решения социальных проблем.

Социальное предпринимательство, представляя из себя неразрывную связь создания благородного дела и получения дохода в процессе его реализации, привлекает к себе внимание начинающих или уже состоявшихся предпринимателей и ученых. Данная статья ставит своей целью исследование информированности российской молодежи о социальном предпринимательстве и ее отношении к такому виду деятельности. Для достижения поставленной цели были проведены теоретический анализ литературы и социологический опрос среди представителей молодежи. Социальное предпринимательство рассматривается как инновационный способ решения и смягчения существующих социальных проблем.

Основные понятия «социальное предпринимательство» и «социальный предприниматель» стали широко употребляться в 1980-х годах XX века на Западе благодаря заслугам таких исследователей, как Билл Дрейтон, Майкл Янг и Чарльз Лидбитер [Жохова 2015: 78]. В России оно стало развиваться на рубеже XX–XXI веков. В последние годы роль социального предпринимательства значительно возросла, оно стало предметом больших общественных ожиданий. Анализ зарубежного опыта показал, что в условиях глобализации социальное предпринимательство охватило все страны, а во многих уже стало полноправным экономическим институтом.

Анализ научных публикаций по истории становления социального предпринимательства показал, что существуют два основных подхода возникновения и развития данной области деятельности: американский и европейский [Социальное предпринимательство 2020; Симен-Северская 2017].

Предпосылки развития в США социально-предпринимательской деятельности относят к 1980-м годам, когда Правительство прекратило государственное финансирование благотворительных организаций, которые в предыдущие годы достаточно щедро субсидировались. В связи с необходимостью возместить отток средств, чтобы продолжать реализовывать поставленные задачи, благотворительные организации были вынуждены заняться коммерческой деятельностью. Как утверждает один из ведущих американских авторов Грегори Диз: «причина появления некоммерческих организаций, ориентированных на решение социальных проблем, заключается в неэффективности работы отдельных общественных институтов, социальное предпринимательство представляет собой вид предпринимательства, принципиальное отличие которого заключается в социальной миссии, выступающей ключевой задачей создаваемого бизнеса».

Принимая во внимание европейский подход к определению социального предпринимательства, отметим, что оно представляется более узким, чем в понимании американских ученых, но также основано на

исторических особенностях. В 90-е гг. XX века государственные службы Европы не могли удовлетворить социальные нужды населения. Главным образом это касалось потребностей в трудоустройстве и жилье. Реакцией на это стало появление специализированных организаций, нацеленных на решение указанных проблем [Социальное предпринимательство 2020].

Таким образом, если в американской традиции к социальному предпринимательству относят любую некоммерческую деятельность бизнеса, то в европейских странах социальными предприятиями называют кооперативы или ассоциации, предназначенные для обеспечения занятости или общественной работы.

Анализируя опыт развития социального предпринимательства в России, можно утверждать, что для нее более близок американский подход. Однако по-прежнему степень развития данной отрасли бизнеса невысока. Этот факт подтверждает проведенное в 2019 году Международным агентством новостей Thomson Reuters Foundation совместно с Британским агентством и организацией Global Social Entrepreneurship Network исследование, в ходе которого был проведен первый опрос ведущих мировых экспертов, касающихся условий для развития социального предпринимательства в разных странах мира. Согласно результатам, лучшими странами для социального предпринимательства были признаны Канада, Австралия, Франция. Россия в этом исследовании находится на 31 месте из 45 [Кадоп 2020: 349].

Растущее внимание, уделяемое социальному предпринимательству в глобальном масштабе, можно объяснить несколькими взаимоусиливающими экономическими, социальными и политическими изменениями, произошедшими за последние два десятилетия. Можно выделить два типа изменений: во-первых, сохраняющиеся социальные проблемы, требующие новаторских подходов для своего решения, и, во-вторых, социальные, экономические, технологические изменения, повышающие шансы на решение этих проблем.

Социальное предпринимательство – феномен сложный, комплексный, сочетающий в себе как элементы бизнеса, т. е. коммерческой деятельности, так и социально ориентированной некоммерческой деятельности. Данный вид бизнеса начинает активно развиваться в России, но до сих пор не имеет четких границ.

Анализируя научные статьи, законы и учебные издания, можно утверждать, что единого определения социального предпринимательства не существует. Социологи, политики и исследователи по-разному трактуют данное понятие, рассматривают его в различных аспектах. Следует отметить, что организация деятельности социального предпринимательства лежит на стыке нескольких секторов: коммерческого, некоммерческого и государственного, объединяя их черты. Отсюда возникает большое число его определений. Кто-то относит социальное предпринима-

тельство к сфере деятельности некоммерческих организаций: Д. Остин, Х. Стивенсон, Д. Бош и др. уверены, что «социальное предпринимательство – это деятельность некоммерческих организаций, которые пытаются найти альтернативные стратегии ресурсного обеспечения». Однако, как известно, социально ориентированные НКО – это деятельность, направленная на достижение социального эффекта и не имеющая цели получения прибыли от своей работы. Именно поэтому, несмотря на то что специфика социального предпринимательства соответствует критериям СОНКО, полноценное развитие и работа социальных предприятий невозможны без устойчивого заработка и самофинансирования. Этот вывод подтверждается словами М. С. Волковой: «в социальном предпринимательстве достижение социального благосостояния является первостепенной целью, в то время как получение экономического дохода необходимо для обеспечения устойчивости инициативы и финансовой состоятельности. Помимо социального эффекта, социальное предпринимательство для обеспечения долгосрочного развития направлено прежде всего на зарабатывание денег, чем серьезно отличается от традиционной НКО».

Наиболее общим и распространенным определением может выступать следующее: «Социальное предпринимательство представляет собой новый способ социально-экономической деятельности, объединяющий социальное назначение организации, предпринимательское новаторство и достижение устойчивой самоокупаемости» [Конягина 2019: 162].

Как отмечают исследователи, важной особенностью социального предпринимательства является непосредственное взаимодействие двух сфер общественной жизни: экономической и социальной. Экономическая сторона регулирует самостоятельный сбор средств, необходимых для реализации проекта, способствует повышению качества продукта и услуг, внедрению инноваций, а в социальной сфере происходят положительные изменения, способствующие росту культурного и образовательного уровня населения, защита малообеспеченных слоев от инфляции, безработицы и т. д.

Таким образом, социальное предпринимательство – это гибридная форма деятельности, взявшая часть от социально ориентированных некоммерческих организаций (а именно социальная направленность работы) и часть от традиционного бизнеса (способность получать и приумножать прибыль от своей работы). Социальное предпринимательство – это создание одновременно социальной и экономической ценности и реинвестирование прибыли в развитие социальной деятельности, создание социальных благ для тех, ради кого она осуществляется. В современном мире под социальным предпринимательством все чаще понимается инвестирование ресурсов в широкую социальную экосистему, справедливое, прозрачное и беспристрастное отношение не только к работникам опре-

деленной организации, но и к людям вне компании, к обществу и его социальным группам [Недоспасова 2021: 88].

Ученые считают, что выгодность социального предпринимательства по сравнению с другими видами предпринимательской деятельности обусловлена прежде всего вовлечением в нее представителей «экономически пассивных» социальных групп – лиц с ограниченными возможностями, одиноких или многодетных родителей, лиц, освободившихся из мест заключения, и т. д. [Судьин 2018: 78].

Подводя итог теоретической интерпретации понятия «социальное предпринимательство», обобщим все преимущества, которые оно дает в масштабах всего государства. Во-первых, способность социального предпринимателя аккумулировать необходимые ресурсы и разрабатывать инновационные решения на основе обнаруженных провалов рынка. В данном случае социальные предприниматели разрабатывают эффективные способы использования имеющихся ресурсов, что оказывает долгосрочное позитивное влияние на экономику. Во-вторых, изучение предпринимателями имеющихся социальных проблем, готовности к риску (это является неотъемлемой чертой любого бизнеса) и инвестиции позволяют воплощать в жизнь новаторские идеи и проекты. В-третьих, критерием любого социального предприятия являются самоокупаемость и финансовая устойчивость, что благотворно влияет на стратегическое развитие и бюджет страны [Волкова 2015: 1].

Рассмотрим, почему именно молодежь является наиболее перспективной социальной группой в развитии социального предпринимательства. Согласно статистическим данным, на 1 января 2022 года в Российской Федерации проживает около 145–146 миллионов человек, 35,1 миллионов из которых относятся к такой социально-демографической группе, как молодежь [Росстат]. Молодежь является наиболее быстро развивающейся социальной группой с активной жизненной позицией. Тем самым молодежь закономерно является одним из главных факторов движущих сил общественного развития. Современные возрастные границы понятия «молодежь» лежат в интервале от 14 до 35 лет. Нижняя возрастная граница определяется тем, что с 14 лет наступает физическая зрелость, и человек может заниматься трудовой деятельностью, а верхняя граница определяется достижением экономической самостоятельности, профессиональной и личной стабильности [Загребин 2014: 2].

На сегодняшний день одним из самых приоритетных направлений развития предпринимательства в России является молодежное предпринимательство [Старшинова, Архипова 2019: 251]. Именно оно может стать важным фактором, способствующим модернизации российской экономики. Это обусловлено прежде всего тем, что молодые люди не боятся рисковать, потенциально способны выдерживать повышенные трудовые и нервные нагрузки, которые присутствуют в предпринима-

тельской деятельности, особенно на ее начальном этапе, более того, они способны при необходимости обновлять свои знания и навыки в соответствии с быстроизменяющимися требованиями производства и рынка. Также важно, что молодежь имеет достаточно высокую инновационную активность и мобильность по освоению новых рынков, что, безусловно, важно для социального предпринимательства [Иноземцева 2014: 34]. Немаловажным является то, что модернизация всех сфер жизни общества требует новых взглядов, новых идей, эффективных бизнес-моделей и т. д. Поэтому молодежная среда может рассматриваться как стратегически значимый трудовой ресурс общества. Уже сейчас молодежное предпринимательство играет особую роль в решении ряда социально-экономических проблем, таких как создание новых рабочих мест, сокращение уровня безработицы, подготовка квалифицированных кадров и ускорение перехода страны к инновационному экономическому развитию государства [Старшинова, Архипова 2019: 100].

В качестве основного метода исследования отношения молодежи к социальному предпринимательству был выбран социологический опрос, который проводился онлайн. Всего в исследовании приняли участие 212 респондентов в возрасте от 14 до 35 лет. Наибольшее число опрошенных находятся в возрасте 19–22 года – 44,8%, далее по убывающей 23–26 лет – 16,5%, 14–18 лет – 13,7%, 27–30 лет – 12,7% и меньше всего респондентов было в возрасте 31–35 лет – 12,3%. По половому признаку численное преимущество было у женщин – 55,7%, мужчин – 44,3%. Социологическое исследование охватило большую географию: в нем приняли участие молодые люди, проживающие более чем в 20 городах и 10 деревнях и селах России, а также 2 опрошенных (менее 1%) проживают в Париже (Франция) и Брно (Чехия).

Рассмотрим полученные результаты. На вопрос об информированности молодежи о социальном предпринимательстве были получены следующие данные: лишь 12,3% знакомы с таким понятием и знают, что оно означает; 17,5% слышали о нем, но частично знают, что это; наибольшее число респондентов (26,9%) слышали о социальном предпринимательстве, но не знакомы с понятием; 26,9% никогда не слышали и не знают о нем и 16,5% затруднились с ответом на данный вопрос. Таким образом, 57% наших респондентов так или иначе имеют представление о социальном предпринимательстве, а значит, эта сфера деятельности может представлять для молодежи определенный интерес с точки зрения возможной самореализации.

Молодым людям было предложено своими словами рассказать, что такое социальное предпринимательство, примерно четверть респондентов (28%) смогли высказать свое понимание. Молодые люди сравнивали социальное предпринимательство в первую очередь с благотворительностью; с бизнесом, решающим социальные проблемы; с социально-

ориентированной предпринимательской деятельностью; с совокупностью бизнеса и благотворительности; с созданием важного благого дела, направленного на помощь социально незащищенным гражданам. Менее 1% опрошенных отметили, что социальное предпринимательство должно в первую очередь действовать там, где государство бессильно в решении сложившихся социальных проблем. Подводя итог данного блока, можно с уверенностью утверждать, что все ответившие на этот вопрос правы. Действительно, как утверждают многие ученые, теоретики и практики, социальное предпринимательство – это предпринимательская деятельность, сочетающая в себе признаки бизнеса и благотворительности, с целью решения проблем социально уязвимых категорий населения.

Изучалось и представление молодежи об основной сфере деятельности социальных предпринимателей. Респондентам было предложено на выбор несколько вариантов ответа. Наибольшее число ответивших (84%) молодых людей убеждены, что социальные предприниматели открывают предприятия с целью предоставления рабочих мест социально незащищенным категориям граждан. Более половины участников опроса (52,5%) уверены, что социальное предпринимательство связано с организацией социально-сервисных организаций, в которых люди с инвалидностью могут пройти реабилитацию, абилитацию, адаптацию и т. д. Меньше всего набрали поддержки у молодых людей варианты с временным трудоустройством мигрантов (26,7%) и создание частных школ, музеев и театров (29,9%). Менее 1% опрошенных не согласились ни с одним из предложенных вариантов и написали, что сфера деятельности социального предпринимательства – это создание любых организаций, которые так или иначе могут помочь с решением социальных проблем.

По критерию информированности молодых людей о примерах конкретных социальных предпринимателей, действующих в регионе их проживания, были получены следующие цифры: лишь 7% из ответивших на вопросы анкеты знают и привели конкретные примеры таких предприятий («Cocco Bello», «Вещь добра», «Благомаркет», «Носи добро», «Смотри сердцем»); 28,3% участников затруднились с ответом на данный вопрос и 64,7% не слышали о социальных предприятиях в своем регионе.

В отношении готовности молодежи к участию в социальном предпринимательстве были получены следующие показатели. В анкете молодым людям было предложено ответить на гипотетический вопрос «Если Вас заинтересует деятельность социального предпринимателя, хотели бы Вы поддержать его? (например, информационно освещать и распространять его проект в социальных сетях)». Большинство участников (38,7%) убеждены, что без раздумий поддержали бы проект не только информационно, но и приняли бы в нем непосредственное участие. 24,5% поддержали бы, но только информационно. Наименьшее число респондентов (6,1%) не стали бы никак поддерживать проект, даже если бы он их заин-

тересовал. Один участник опроса высказал свое мнение на это счет: «Я бы предпочел выбирать продукцию у социального предпринимателя, а не у обычного бизнеса». Стоит отметить, что 10,4% являются активными участниками в организации различных социальных проектов, 33,5% уже занимались такой деятельностью от 1 до 3 раз.

Анализ ответов на один из ключевых вопросов исследования, а именно хотели бы принявшие в опросе молодые люди сами стать социальными предпринимателями, показал, что около 3% участников опроса хотели бы и что-то начали для этого делать; 9,4% из них хотели бы, но пока лишь имеют некоторые идеи на стадии разработки; 14,2%, напротив, хотели бы, но у них пока нет конкретной идеи проекта; 29,2% считают, что, возможно, в будущем займутся, но пока нет; и 17,5% опрошенных уверены, что никогда не станут социальными предпринимателями, так как, по их мнению, это не их сфера деятельности.

В заключение необходимо обратиться к результатам ответов на вопросы о внешних и внутренних условиях, которые способны мотивировать молодежь к занятию социально-предпринимательской деятельностью. Решающим условием привлечения молодых людей в сферу социального бизнеса 52% респондентов считают возможности получения финансирования на льготных условиях от государственных или частных фондов; 41,2% молодых людей указали на необходимость льготной политики для социальных предпринимателей; к третьему по популярности месту среди факторов, способных мотивировать к социальному предпринимательству, участники опроса отнесли стремление человека реализовать себя в данной области – 38,5%. Наименее мотивирующими факторами оказались наличие невысокой конкуренции на рынке – 15,4% среди ответивших, а затем информированность населения о социальном предпринимательстве – 15,8% опрошенных молодых людей обратили внимание на это условие.

Наиболее распространенными внешними условиями, препятствующими развитию молодежного социального предпринимательства, являются: отсутствие доступных финансовых инструментов, которые необходимо использовать при открытии бизнеса – в этом убеждены 65,6%, а также высокие административные барьеры – 64,3%. Внутренними условиями демотивации стали отсутствие информированности молодежи о социальном предпринимательстве – 52%; и аналогично в процентном отношении представлено наличие стереотипов о том, что заниматься социальным предпринимательством невыгодно в современной России.

Подводя итог, отметим, что подавляющее большинство респондентов, а именно 95%, утверждают, что несмотря на существующие социально-экономические условия, социальное предпринимательство необходимо развивать в отечественной предпринимательской практике.

Социальное предпринимательство, таким образом, представляет собой инновационный способ решения социальных проблем, вобравший в

себя принципы работы социально ориентированных некоммерческих организаций, но опирающийся на предпринимательскую деятельность. Для социального предпринимательства получение прибыли так же необходимо, как и создание положительного социального эффекта. В современной России социальные предприятия пока в начале своего становления. Это можно аргументировать отсутствием четко сформулированного законодательства в области социального предпринимательства, низкой информационной распространенностью, а также высокими административными барьерами при попытке попасть в реестр социальных предпринимателей.

Характеризуя роль молодежи в развитии общества, все исследователи убеждены – именно данная социальная группа является двигателем прогресса. Поэтому необходимо, чтобы молодежь с каждым годом проявляла все большую социальную активность, способную преобразовывать устоявшиеся порядки в лучшую сторону. Как показывают результаты опроса, несмотря на развивающуюся сферу социального предпринимательства, молодые люди так или иначе знакомы с этим теоретическим понятием и практикой, а некоторая часть из них готова попробовать себя в этой области. Более того, все респонденты убеждены, что развивать социальное предпринимательство необходимо в российском обществе, особенно сейчас, когда существует большое количество социальных проблем.

Популяризировать данный вид бизнеса возможно с помощью комплексного воздействия государственными органами управления, например грантов, субсидий, более четких законодательных рамок, образовательных программ, введения на гуманитарных и экономических специальностях предмета, раскрывающего важность и суть социального предпринимательства, особенно практико-ориентированных форм обучения социальному предпринимательству [Старшинова, Чикова 2021: 216] и информационных.

Список источников

1. Волкова М. С. Становление социального предпринимательства // Социально-экономические явления и процессы. 2015. № 5. С. 24-29.
2. Жохова В. В. Социальное предпринимательство: концепция, сущность и значение // Современная конкуренция. 2015. Т. 9, № 4 (52). С. 85-98.
3. Загребин В. В. Подходы к определению категории «молодежь» // Концепт. 2014. № 02. С. 1-7.
4. Иноземцева А. В. Молодежь и малое предпринимательство: результаты социологического исследования // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19. С. 34-37.
5. Кадол Н. Ф. Зарубежный опыт развития социального предпринимательства // Московский экономический журнал. 2020. № 7. С. 346-354.
6. Конягина М. Н., Краснопецева М. Молодежь и социальное предпринимательство в России // Креативная экономика. 2019. № 1 (20). С. 159-172.
7. Недоспасова О. П. Формирование запроса на социальное предпринимательство в интересах старшего поколения (на примере Томской области) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 463. С. 87-98.

8. *Симен-Северская О. В.* Социальное предпринимательство и образование: интеграция в различных культурных и экономических системах // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2017. № 3 (60). С. 210-214.

9. Социальное предпринимательство и инвестирование: от теории к практике: коллективная монография / под ред. О. И. Бородкиной, А. В. Старшиновой. СПб.: Скифия-принт, 2020. 350 с.

10. *Старшинова А. В., Архипова Е. Б.* Социальное предпринимательство в России: текущие вызовы и возможности // Отечественный журнал социальной работы. 2019. № 1. С. 99-109.

11. *Старшинова А. В., Архипова Е. Б.* Участие молодежи в социальном предпринимательстве // Молодежь XXI века: образ будущего: материалы научной конференции XIII Ковалевские чтения 14–16 ноября 2019 года / отв. редакторы: Н. Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2019. С. 251-252.

12. *Старшинова А. В., Чикова Е. В.* Акселерационные программы в экосистеме поддержки социального предпринимательства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 4. С. 216-230. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.13.

13. *Судьин С. А., Яковлев П. А.* Социальное предпринимательство как предмет социологического анализа // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 1. С. 77-85.

14. Федеральная служба государственной статистики. Численность и состав населения на 1 января 2022 // Росстат [веб-сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 23.02.2022).

Родионова Наталья Витальевна,
студентка 4 курса, Институт экономики и социальных технологий,
Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна,
rodionovanatasha2000@yandex.ru

Научный руководитель:

Редюк Анна Леонидовна,
старший преподаватель кафедры социальной работы и права,
Почетный работник сферы молодежной политики,
Институт экономики и социальных технологий,
Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна
redanle@mail.ru

МЕЖСЕКТОРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению сущности, взаимодействия и реализации основных сторон человеческой деятельности, т. е. секторов в контексте социальной политики.

Ключевые слова: социальная политика; межсекторное взаимодействие; государство; социум; реализация социальной политики; социальное партнерство

Rodionova Natalya Vitalievna,
4th year Student, Institute of Economics and Social Technology,
Saint Petersburg State University of Industrial Technology and Design,
rodionovanatasha2000@yandex.ru

Scientific adviser

Reduc Anna Leonidovna,
Senior Lecturer of Department of Social Work and Law,
Honorary Youth Policy Officer,
Institute of Economics and Social Technology,
Saint Petersburg State University of Industrial Technology and Design
redanle@mail.ru

INTERSECTORAL INTERACTION IN THE CONTEXT OF SOCIAL POLICY IN RUSSIA

Abstract. The article is devoted to the consideration of the essence, interaction and realization of the main aspects of human activity, i.e., sectors in the context of social policy

Keywords: social politics; intersectoral interaction; state; society; implementation of social policy; social partnership

На сегодняшний день одной из острых проблем является вопрос эффективности социальной политики в РФ. Актуальность данная тема приобретает в разговоре о регионах РФ, качество жизни которых существенно

отличается от центра страны. Здесь же вместе с тем существует понимание того, что благополучие государства зависит от равноценного благополучия центра и регионов, что только увеличивает злободневность темы.

В быту водится довольно однобокий взгляд, который возлагает всю компетенцию и прерогативу о заботе о гражданах на государство. Мнение о том, что лишь государство является гарантом и проводником социальной политики на всей территории, не соответствует нынешним реалиям. Естественно, стоит понимать тот факт, что именно государство задает определенный курс на проведение конкретной политики с четкими мерами в той или иной сфере. Тем не менее для эффективности проведения социальной политики просто обязаны включаться другие секторы, образуя своеобразную квинтэссенцию, потому как центральные органы власти не в состоянии учесть все интересы и нужды населения, а также оперативно управлять ресурсами на местах.

Согласование общегосударственных, региональных и местных интересов на практике реализуется с большим трудом и нередко подменяется централизованным управлением. Регионы и местные сообщества становятся объектами целенаправленной деятельности федеральных и региональных органов власти и не всегда способны актуализировать собственные интересы. При этом население отдельных, прежде всего слабо развитых регионов, по сути, становится заложником такой централизованной политики, ущемленным в своих социальных правах. Для придания социальной политике приоритетной значимости, как, собственно, и для повышения ее эффективности, необходимо усилить самостоятельность регионов в решении социальных проблем, которые лучше видятся и понимаются на местах, и важную роль в этом может сыграть межсекторное социальное взаимодействие [Трофимова 2009: 143].

Для дальнейшего погружения в тему стоит детально рассмотреть такие понятия, как «межсекторное взаимодействие» и «социальная политика», а также их характеристику.

Межсекторное взаимодействие – это влияние друг на друга различных сторон человеческой деятельности, что проявляется в различного рода контактах институтов, сформированных в ходе такой деятельности [Автономов, Гаврилова 2009: 65].

Чаще всего можно встретить упоминание о трех секторах (публично-властном, коммерческом, некоммерческом). Публично-властный сектор в современной России включает в себя государство и местное самоуправление. В рамках публично-властного сектора в первую очередь решаются задачи управления общими делами народа, придания общеобязательной силы правилам поведения и обеспечения соблюдения таких правил. Деятельность в рамках коммерческого сектора нацелена прежде всего на производство и обмен товаров и услуг, создание материальной базы, позволяющей обеспечить человеческую деятельность во всех осталь-

ных секторах. Специфика некоммерческого сектора определяется прежде всего через указание на необладание им определенными признаками: негосударственный (невластный), некоммерческий. Все это, конечно, так. Однако весьма важным является как раз выделение характерных для него позитивных признаков. Именно в первую очередь в рамках этого сектора осуществляется самоорганизация людей для совместного и самостоятельного решения общих проблем, обеспечения своих интересов. Поскольку в ходе деятельности в рамках данного сектора в качестве основной не ставится задача получения прибыли, а все полученные средства используются исключительно на материальное обеспечение решения указанных выше задач, данный сектор можно назвать также добровольческим. Этому сектору принадлежит ключевая роль в развитии обществственности, в формировании гражданского общества [Автономов 2003: 11].

Субъекты каждого из названных секторов обладают разными перечнем и объемом ресурсов, которые могут быть направлены на решение социальных задач.

Переходя к описанию социальной политики, стоит также дать расшифровку данному термину.

Социальная политика – одно из важнейших направлений внутренней политики государства. Проблемы, возникающие в социальной сфере, непосредственным образом влияют на политическую и экономическую ситуацию в стране. Реализация эффективных мероприятий по социальной политике является одним из значимых факторов обеспечения политической и социальной стабильности в государстве [Егорова 2020: 221].

Социальная политика представляет собой систему конкретных мер и мероприятий, направленных на жизнеобеспечение населения. С ее помощью государство обеспечивает минимальный уровень социальных гарантий, создает благоприятные условия для жизнедеятельности людей, поддерживает оптимальные отношения между доходами активной части населения и нетрудоспособных граждан, минимальными размерами оплаты труда, пенсий, стипендий, социальных пособий и величиной прожиточного минимума, создает условия для укрепления здоровья населения, роста его образованности и культуры, решения жилищных проблем [Савина, Концова 2017: 413].

Объединение этих двух понятий в одном контексте, как уже было сказано ранее, просто необходимо для проведения эффективной социальной политики.

Межсекторное взаимодействие создает условия для проведения адекватной социальной политики в подлинном смысле этого слова, т. е. как деятельности, направленной на развитие общества, а не как вспомоществование малообеспеченным, как у нас обычно смотрят на социальную политику. Именно в этом подлинном смысле социальная политика определяется в основных своих направлениях и осуществляется усилия-

ми и самих людей, объединенных в различные организации, и властных институтов, когда-то порожденных самим обществом, но позже обретших относительную самостоятельность [Автономов 2003: 13].

Межсекторное взаимодействие выражает себя в таком понятии, как партнерство. Партнерства могут существовать как на местном уровне, так и на международном. В любом случае объединять их будут одни и те же принципы управления процессами взаимодействия. Именно межсекторное партнерство придает различным инициативам последовательный характер, влияющий на развитие и решение социальных задач.

Понятие «межсекторное социальное партнерство» с каждым годом все чаще и чаще упоминается в качестве одного из факторов, необходимых для успешной реализации социально значимых проектов в здравоохранении, образовании и пр. [Грищенко 2014: 1].

В основе деятельности каждого сектора партнерства лежат разные приоритеты, ценности и качества.

Государственный сектор направлен на обеспечение прав, стабильность, легитимность и обеспечивает доступ к информации. В основе деятельности лежит осуществление регулирующей деятельности на основании закона, а именно:

- создание основ для реализации экономических, политических и социальных прав;
- обеспечение политической воли, направленной на общественное развитие;
- разработка и внедрение законов и правил;
- предоставление государственных услуг по обеспечению основных потребностей и прав.

Говоря о характеристике коммерческого сектора, надо отметить, что он ориентирован на извлечение прибыли и обладает следующими чертами: четкость поставленных задач, продуктивность, изобретательность. Деятельность коммерческого сектора направлена на экономический рост за счет создания товаров и услуг, обеспечения занятости населения, внедрения инноваций, а также увеличение прибыли инвесторов для обеспечения последующих инвестиций в дальнейшие инновации.

Некоммерческий же сектор характеризуется тем, что базируется на общественных ценностях, охватывает все слои общества, озвучивает и отвечает на потребности общества. В основе данного сектора лежит деятельность по способствованию общественному развитию за счет:

- выполнения функции «стража» общественных ценностей;
- оказания поддержки и услуг всем нуждающимся и социально незащищенным гражданам;
- предоставления обширного поля возможностей для индивидуального развития.

На сегодняшний момент межсекторное взаимодействие осуществляется либо посредством взаимодействия публично-правовых структур и некоммерческих организаций (далее – НКО), либо посредством взаимодействия публично-правовых структур и бизнеса, либо через взаимодействие бизнес-структур и НКО.

Следует дать описание каждому из видов двухсекторного партнерства.

Партнерство НКО и публично-правовых структур сосредоточено на вопросах решения социальных проблем и имеет широкий спектр реализации: от выполнения социальных услуг, оказываемых населению в качестве дополнения к аналогичным, предоставляемым государством, до совместной работы по разработке устойчивой социальной политики.

Взаимодействие власти и бизнеса может быть сосредоточено на развитии инфраструктуры региона и оказании общественных услуг, что, как следствие, оказывает положительное влияние на социальную сферу.

Взаимодействие бизнеса с НКО происходит чаще всего в рамках программ корпоративной социальной ответственности (КСО). Эти программы могут быть как отдельными направлениями, позиционируемыми именно как благотворительность, так и частью PR, маркетинговой или HR деятельности компании.

Рассматривая современное межсекторное партнерство в цифрах, можно привести следующие данные.

Государственно-частное партнерство в последние годы было осложнено ограничениями вследствие коронавирусной инфекции. Однако в настоящее время оно начинает набирать обороты, чему способствуют появление специальных механизмов поддержки, предусмотренных государственными программами (в сфере образования и спорта, «дальневосточной концессии», «инфраструктурных кредитов» и др.), а также усиление роли институтов развития в поддержке «городских» ГЧП-проектов («инфраструктурные облигации» ДОМ.РФ, льготное заемное финансирование Фонда реформирования ЖКХ, программный подход ВЭБ.РФ к развитию инфраструктуры в городах и других).

Согласно данным Платформы «РОСИНФРА», в 2021 году в социальной сфере заключено 48 проектов в форме концессионных соглашений и соглашений о ГЧП/МЧП на общую сумму 77,8 млрд руб., из них объем частных – 50,1 млрд руб. Большую долю проектов предсказуемо составляют проекты в сфере образования – 37; концессионные соглашения на 37,7 млрд руб., из которых 23,5 млрд руб. – частные инвестиции. При этом в рамках государственной программы «Развитие образования» уже реализуются 34 концессионных проекта [Национальный центр государственно-частного партнерства 2021: 13].

17 проектов реализуются с участием ООО «ПроШкола», с которой субъекты РФ и муниципалитеты могут заключать концессионные согла-

шения без конкурса. В отрасли здравоохранения крупнейшим проектом в 2021 году является концессионное соглашение по строительству пяти объектов специализированной и первичной медицинской помощи в г. Магадане (31,5 млрд руб.). Данный проект стал первым на Дальнем Востоке, который реализуется с помощью механизма дальневосточной концессии и получил финансирование в размере более 11 млрд руб. из федерального бюджета.

Также можно отметить рост интереса к проектам ГЧП в сфере физической культуры и массового спорта. В этом году запущено 5 проектов ГЧП по созданию ФОКов, а также ледовой арены общей стоимостью 626,3 млн руб., из них 120,9 млн руб. – частные инвестиции.

В 2022 году рынок также ждет принятия и нормативного оформления ряда новых программ, которые могут существенно повлиять на развитие ГЧП-рынка. В частности, речь идет о: принятии программы поддержки проектов в сфере городского пассажирского транспорта; принятии правил предоставления субсидий, которые могут использоваться в ГЧП-проектах в рамках ФП «Развитие инфраструктуры туризма» и ГП «Развитие физической культуры и спорта»; внесении изменений в программу рефинансирования бюджетных кредитов 9 регионов (постановления Правительства РФ № 1704 и № 1705), которые позволили бы направлять высвобождаемые средства на ГЧП-проекты в различных отраслях и направлениях. При этом участники рынка отмечают недостаток аналогичных механизмов для отрасли здравоохранения, развития общественных пространств в городах, а также для предоставления «бюджетного плеча» в концессионных проектах в сфере теплоснабжения, водоснабжения и водоотведения.

Несмотря на успехи в развитии отношений государственного и частного сектора, некоторые проблемы остаются нерешенными ввиду того, что становление инфраструктурного рынка началось относительно недавно. Закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», устанавливающий условия взаимоотношения партнеров, был принят в 2015 году, а его реализация началась с 2016 года. В связи с этим правоприменительная практика только нарабатывается, требуется совершенствование нормативной базы. Недостаточная осведомленность государственных органов о финансовых преимуществах подобных проектов и вероятность реализационных рисков снижают их инициативность при заключении новых соглашений. Осторожность приводит к невозможности создания крупных инвестиционных проектов [Косыгина 2020: 58].

Партнерству между государством и НКО во многом способствует финансовая поддержка из бюджетных источников, которая осуществляется на всех уровнях власти. Далее будут рассматриваться данные о рас-

пределении ассигнований субъектов РФ на социально ориентированные некоммерческие организации (далее – СОНКО) в 2020 г.

В 2020 году субъекты Российской Федерации продолжили реализацию Комплекса мер, направленных на обеспечение поэтапного доступа СОНКО, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению, по пяти основным направлениям: социальная защита и социальное обслуживание, образование, культура, охрана здоровья граждан, физическая культура и спорт. При этом 27 субъектов Российской Федерации реализовывали комплекс мер также по направлению «молодежная политика» [Департамент развития социальной сферы и сектора некоммерческих организаций 2020: 10].

В 2020 году 76 субъектов Российской Федерации передали бюджетные средства СОНКО на исполнение услуг в сфере социальной защиты и социального обслуживания. Общий объем бюджетных средств составил 18,2 млрд рублей и значительно вырос по сравнению с двумя предыдущими годами: в 2018 и 2019 годах объем бюджетных средств, выделенных СОНКО на оказание услуг в соответствующей сфере, составлял 11,2 и 13,1 млрд рублей соответственно.

В 2020 году 67 субъектов Российской Федерации передали бюджетные средства СОНКО на реализацию услуг в сфере образования на общую сумму 8,1 млрд рублей, и по сравнению с 2019 годом объем бюджетных средств на реализацию указанных услуг снизился на 11%, но в то же время аналогичен 2018 году: так, общий объем переданных средств составил 9,2 млрд рублей в 2019 году.

Следует отметить, что передача бюджетных средств на услуги в 2020 году значительно снизилась по сравнению с 2019 годом в тех отраслях, где большая часть услуг предоставляется в виде проведения массовых мероприятий, а именно в сфере культуры и в сфере физической культуры и спорта, в связи с ограничениями, связанными с распространением коронавирусной инфекции.

Так, в 2020 году передачу государственного финансирования СОНКО в сфере культуры осуществляли 79 субъектов Российской Федерации. Но при этом общий объем переданных СОНКО средств в 2020 году на реализацию услуг в сфере культуры значительно снизился по сравнению с 2019 годом: в 2020 году указанная сумма составила 3,1 млрд рублей, а в 2019 году – 7,9 млрд рублей.

В сфере охраны здоровья в 2020 году 44 субъекта Российской Федерации передали бюджетных средств на услуги СОНКО 310,7 млн рублей (258,5 млн рублей в 2019 году).

Передача бюджетных средств на услуги СОНКО в сфере физической культуры и спорта в 2020 году осуществлялась в 46 субъектах Рос-

сийской Федерации (без учета г. Москвы) и составила 7,5 млрд рублей (в 2019 г. – 12,0 млрд рублей).

В сфере молодежной политики 27 субъектов Российской Федерации (без учета г. Москвы) передали бюджетные средства на услуги СОНКО в 2020 году, что на 12 регионов меньше, чем в 2019 году, но в то же время на 1 регион больше, чем в 2018 году. Услуги по молодежной политике в 2020 году были переданы на сумму почти в 950 млн рублей (1,36 млрд рублей в 2019 году).

Также большую роль в таком партнерстве играют президентские гранты на реализацию тех или иных проектов социальной направленности.

Однако А. Золотарева и А. Киреева отмечают, что проектное финансирование СОНКО не является стабильным источником бюджетных ассигнований и представляет собой разовое вспомоществование, не обеспечивающее системного подхода к решению социальных проблем [Золотарева, Киреева 2018: 31].

Формой партнерства между НКО и бизнесом является создание фондов. Общая картина по частным фондам в РФ представляется затруднительной для точного описания, потому как данные о них местами противоречивы. По этой причине в статье рассмотрены лишь несколько фондов на основе 20 лучших благотворительных фондов богатейших россиян по рейтингу Forbes по состоянию на 25.02.2020 [Forbes 2020].

Существующий рейтинг составлен на основе таких критериев, как наличие четкой стратегии, эффективность управления, прозрачность, наличие финансирования не только собственных программ, но и предоставление отчислений НКО и внешним заявителям, а также в целом размер общего бюджета фонда.

Первое место занял фонд Елены и Геннадия Тимченко, основанный в 2010 году и имеющий бюджет в размере 875 млн рублей. Фонд развивает культурные проекты в малых городах и селах, занимается темой качества жизни старшего поколения, проводит всероссийскую конференцию «Общество всех возрастов», поддерживает программы в сфере помощи семьям и детям-сиротам, следж-хоккей и другие формы адаптивного хоккея, а также шахматы.

Вторую строчку занимает Благотворительный фонд Владимира Потанина, основанный в 1999 году, с бюджетом в размере 725 млн рублей. Фонд особенно активен в области культуры и высшего образования. Кроме того, при помощи фонда созданы пять региональных центров знаний по целевым капиталам, сформирован эндаумент Третьяковской галереи. В 2019 году фонд открыл Центр развития филантропии для поддержки некоммерческого сектора.

На третьем месте расположился фонд под названием «Наше будущее», донором которого является Вагит Алекперов. Фонд основан в 2007 году, и его бюджет составляет 585 млн рублей. Фонд занимается те-

мой социального предпринимательства. У фонда несколько разнообразных программ для предпринимателей – премия «Импульс добра», конкурс проектов, образовательная лаборатория, программы для вузов. Фонд выдает гранты и беспроцентные займы в объеме от 2 млн до 40 млн рублей. В 2018 году фондом были поддержаны проекты в сфере переработки отходов, развития доступной среды, образования, культуры и туризма.

Стоит отметить, что отсутствие как такового трехстороннего партнерства обуславливается следующими проблемами:

– во-первых, стоит отметить, что на постсоветском пространстве еще не образовались до конца как таковая культура использования коммерческих ресурсов для решения социальных задач, а также культура социальной ответственности бизнеса. Коммерция плохо стремится к такому сотрудничеству, встречая на своем пути множество бюрократических проволочек, которые, конечно же, должны решаться на правительственном уровне. Помимо законодательных послаблений второй стороне, государству следует уделять внимание количественному увеличению бизнес-проектов, а также их эффективному развитию для дальнейшего плодотворного сотрудничества. Во внимании нуждается малый бизнес, особенно после немалых потерь своего роста в связи с пандемией;

– во-вторых, важное значение для эффективной социальной политики страны имеют становление и развитие гражданских институтов. На сегодняшний день это является действительно проблемным местом, потому как люди, к сожалению, сами мало заинтересованы в подобном. Причин подобному поведению множество, и во многом это забота опять же правительственного уровня. У людей попросту отсутствует интерес к более глобальным вещам, чем собственное выживание в виде пропитания, оплаты коммунальных услуг, а также покупки одежды, для большинства эта позиция в списке вызывает явные затруднения. Государство должно организовать высокий уровень жизни, чтобы население могло «не забивать» всю голову только лишь бытовыми вещами.

Делая вывод, стоит сказать, что социальные задачи довольно редко разрешаются трехсторонним взаимодействием между НКО, бизнес-структурами и государством, хотя именно такое межсекторное партнерство является самым эффективным. На данный момент правительству необходимо делать шаги к налаживанию состояний двух негосударственных секторов для дальнейшего трехстороннего сотрудничества с ними же.

Список источников

1. Автономов А. С., Виноградова Т. И., Замятина М. Ф., Хананашвили Н. Л. Социальные технологии межсекторного взаимодействия в современной России. М.: Фонд НАН, 2003. 416 с.

2. Автономов А. С., Гаврилова И. Н. Социальная политика в контексте межсекторного взаимодействия. М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2009. 400 с.

3. *Грищенко Ю.* Межсекторное социальное партнерство: НКО, государство, бизнес // Некоммерческие организации в России. 2014. № 5. С. 39-45.
4. Департамент развития социальной сферы и сектора некоммерческих организаций. Доклад о деятельности и развитии социально ориентированных некоммерческих организаций за 2020 г. // [economy.gov.ru](https://www.economy.gov.ru) [веб-сайт]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d04/sonko/infrastruktura_podderzhki_sonko/ (дата обращения: 15.02.2022).
5. *Егорова Д.* Трансформация социальной политики в современной России // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 9 (49). С. 221-227.
6. *Золотарева А., Киреева А.* Анализ механизмов государственной поддержки негосударственных некоммерческих организаций. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. 84 с.
7. *Косыгина К.* Межсекторное взаимодействие: типы отношений и тенденции развития в современном российском обществе // Проблемы развития территории. 2020. № 6 (110). С. 50-66.
8. Национальный центр государственно-частного партнерства. Основные тренды и статистика рынка ГЧП по итогам 2021 года. Аналитический обзор // pppcenter.ru [веб-сайт]. URL: <https://pppcenter.ru/analitika/razvitie-rynka-infrastruktury/> (дата обращения: 16.02.2022).
9. *Павлова О.* 20 лучших благотворительных фондов богатейших россиян. Рейтинг Forbes // Forbes [веб-сайт]. URL: <https://www.forbes.ru/biznes-photogallery/393619-20-luchshih-blagotvoritelnyh-fondov-bogateyshih-rossiyan-reyting-forbes> (дата обращения: 15.02.2022).
10. *Савина Т, Концова И.* Социальная политика современной России: проблемы и перспективы // Финансы и кредит. 2017. № 7. С. 412-428.
11. *Трофимова И.* Социальная политика в регионах Российской Федерации в контексте межсекторного взаимодействия // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2009. № 1. С. 143-160.

Семёнов Роман Олегович,
магистрант 1-го года обучения,
Уральский гуманитарный институт,
Уральский федеральный университет
имени первого президента России Б. Н. Ельцина,
roman1995semenovvendor@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ФИЗИЧЕСКОГО, ПСИХИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ, А ТАКЖЕ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация. Статья посвящена выявлению проблем здоровья и здорового образа жизни в современных условиях пандемии COVID-19. На основе анализа литературы приведена классификация уровней и компонентов здоровья. В данной работе выделяются и описываются три базовых составляющих здоровья, такие как: физическое, психическое и социальное, а также их функционирование в условиях пандемии. Особое внимание уделяется взаимосвязи здорового образа жизни с проблемами здоровья в настоящее время.

Ключевые слова: здоровый образ жизни; здоровье населения; физическое здоровье; психическое здоровье; социальное здоровье; COVID-19; пандемии; эпидемии; коронавирус

Semenov Roman Olegovich,
1st year Master's Degree Student,
Ural Humanitarian Institute,
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
roman1995semenovvendor@gmail.com

PROBLEMS OF PHYSICAL, MENTAL AND SOCIAL HEALTH AND HEALTHY LIFESTYLES IN THE MODERN CONDITIONS OF THE COVID-19 PANDEMIC

Abstract. The article is devoted to identifying health problems and a healthy lifestyle in the current conditions of the COVID-19 pandemic. Based on the analysis of the literature, a classification of the levels and components of health is given. This paper identifies and describes three basic components of health, such as: physical, mental and social, as well as their functioning in a pandemic. Particular attention is paid to the relationship of a healthy lifestyle with current health problems.

Keywords: healthy lifestyle; public health; physical health; mental health; social health; COVID-19; pandemics; epidemics; coronavirus

Такое понятие, как здоровье, усложняется с каждым годом все больше, параллельно с тем, как усложняется наш мир. Из-за появления новой коронавирусной инфекции проблемы здоровья приобрели более сложный и комплексный характер, следовательно, это отразилось и на соблюдении здорового образа жизни. Чтобы быть здоровым человеком, неприемлемо

ограничиваться только физическим контуром здоровья, также важно психическое и социальное здоровье. Для того чтобы быть полноценной, гармоничной и здоровой личностью, необходимо учитывать все три компонента здоровья: физическое, психическое и социальное.

Глобальная проблема пандемии, появившаяся в 2020 году, заставила весь мир по-другому взглянуть на здоровый образ жизни и здоровье человека в целом. Проблемы здоровья приобрели новый, разноплановый рост и вес, а проблемы осуществления ЗОЖ стали как никогда проблематичными для реализации в условиях ограничительных, эпидемиологических мер.

Ведущей проблемой людей в режиме самоизоляции стал поиск видов деятельности, возможно, даже новых, которые могли бы соответствовать условиям длительных ограничений. В период резких, неожиданных и кардинальных изменений образа жизни людей одной из важнейших потребностей является забота о здоровье – как психологическом, так и о физическом. Безусловно, многим людям система ограничительных мер казалась крайне негативной для собственного состояния и психики, и все-таки при более детальном рассмотрении новый режим жизнедеятельности показал немало положительных аспектов, ряд которых обнаружился в сфере здорового образа жизни. Повсеместная, вынужденная изоляция дала нам возможность задуматься о своей жизни, своих целях, о личностном темпе, позволила приостановиться и осмотреться вокруг себя, дала возможность абстрагироваться и сделать паузу от невероятно скоростного темпа современной жизни. Последствия пандемии, разумеется, напрямую оказали свое влияние на ЗОЖ всего социума, дали возможность пересмотреть свое отношение к правильному режиму дня, достаточному времени для сна и отдыха, физическим и психическим нагрузкам и, возможно, даже к своему питанию. В обычных условиях, которые были до пандемии, все это было либо крайне затруднительным, либо вообще нереализуемым.

Проблема здорового образа жизни – одна из актуальных в современном мире уже много десятилетий. Проблемы здоровья и образа жизни людей, которые обострились и стали еще более актуальными из-за влияния коронавирусной инфекции, можно отнести к трем категориям: физические, психические (психологические) и социальные.

Если опираться на определение специалистов Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), здоровье – это состояние полного физического, духовного и социального благополучия, а не только отсутствие болезни и физических дефектов.

Здоровый образ жизни человека (ЗОЖ) – это способ жизнедеятельности, который соответствует генетически обусловленным типологическим особенностям конкретного человека, конкретным условиям жизни и направленный на формирование, укрепление и сохранение человеком его социально-биологических функций.

Понятие «здоровье» включает в себя ряд уровней, которые неразрывно связаны с ЗОЖ.

Первый уровень здоровья – это биологическое здоровье, оно связано с организмом и зависит от динамики функций всех внутренних органов, их адекватного реагирования на влияние окружающей среды. Здоровье на биологическом уровне имеет еще два компонента:

– соматическое здоровье – текущее состояние органов и систем организма человека, основу которого составляет биологическая программа индивидуального развития;

– физическое здоровье – уровень роста и развития органов и систем организма. Его основу составляют функциональные и морфологические резервы, обеспечивающие адаптационные реакции.

Второй уровень – это психическое здоровье, оно взаимосвязано с психикой и личностью человека, зависит от эмоционально-волевой сферы, от развития самосознания личности и от осознания ценности для личности собственного здоровья и здорового образа жизни. Психическое здоровье – это состояние общего комфорта, которое обеспечивает адекватную поведенческую реакцию. Психический вид здоровья относится к интеллекту, сознанию, эмоциям (когнитивные процессы, психологическое благополучие, уровни тревоги, контроль поведения, а также эмоций).

К компонентам психического здоровья также относят нравственное здоровье – это комплекс мотивационно-потребностных свойств личности, система ценностей, мотивов и установок поведения индивида в социуме. Как говорили греки: «В здоровом теле – здоровый дух».

Третий уровень – это социальное здоровье, оно связано с влиянием на личность других людей, общества в целом и зависит от статуса, роли и места человека в межличностных отношениях, Социальное здоровье – мера социальной активности и прежде всего трудоспособности, форма активного, деятельного отношения к миру. Социальная составляющая здоровья складывается под влиянием родителей, друзей, воспитателей в детском саду, одноклассников в школе, сокурсников в вузе, коллег по работе и т. д., отражает ресурсы, социальные связи и межличностные контакты [Артюнина, Гончар, Игнаткова 2003: 9-10].

Различие между психическим и социальным здоровьем условно: психические свойства и качества личности не могут существовать вне системы общественных отношений. Люди со здоровой психикой чувствуют себя достаточно уверенно, гармонично и благополучно в любом обществе. В здоровом обществе, микро- и макросоциуме, как правило, формируются здоровые личности. Психологическая травматизация и неблагоприятные влияния окружающей среды могут вызвать деградацию. Личность, у которой достаточно развиты сознание и самосознание, способна противостоять негативным воздействиям внешних факторов, бороться с трудностями и при этом оставаться здоровой физически, психи-

чески и социально, но важно помнить, что у всех и всего есть свой предел [Овчинников, Дьяконов, Дьяконова 2018: 86].

Что относится к проблемам здорового образа жизни в современных условиях пандемии, хотелось бы начать именно с физической активности, когда люди находились в режиме изоляции, то, безусловно, все физические нагрузки и вся спортивная активность сводилась к бытовым делам, люди находили альтернативу привычным спортивным залам, пробежкам в лесопарках. Замкнутость пространства для человека в XXI веке – проблема не только физическая, а в большей степени психологическая. Суточная норма физической активности, по рекомендациям Всемирной организации здравоохранения, должна достигать 10 000 шагов, в привычных до пандемии условиях эту активность мы компенсировали обычными прогулками на свежем воздухе, на природе, в парках, по улицам города, чего не имели сидя дома [Чукаева 2020: 67]. Если посмотреть с другого ракурса, то возросшая в конце XX – начале XXI вв. мобильность, а также наличие средств, упрощающих передвижение человека и его общение на расстоянии, ослабили связь людей с физическим пространством вокруг, таким образом, людям стало физически и психологически трудно оставаться продолжительное время в каком-то одном месте, естественно, исключения имеются и здесь. В условиях изоляции людям предстояло осмыслить и взглянуть по-новому на ценность неконтактного времяпрепровождения [Иохвидов 2020: 11].

Постепенно строгая изоляция сменилась более мягкой, и уже два года весь мир борется с пандемией. В зависимости от эпидемиологической обстановки и числа заболевших в различных странах, где ситуация не столь критична, открывают все больше спортивных центров, точек общественного питания, различных торговых центров, пусть и на время. Общество старается не упускать возможности хотя бы на время вернуться в прошлое, когда еще не было пандемии, и позаниматься любимым видом спорта либо сходить в спортзал, после чего обычно всплеск новой волны начинался вновь из-за растущих, повсеместных контактов людей друг с другом. Стоит отметить, что некоторые люди могут быть переносчиками вируса и при это не иметь симптомов. Разумеется, те люди, у которых появилось больше страха, навязчивых мыслей и всего отсюда вытекающего касательно опасности нахождения в общественных местах, риска заражения, стараются свести к минимуму всевозможные контакты с социумом, но ведь здоровье и ЗОЖ – это не только физическая активность и занятия спортом, прежде всего это рациональное питание [Чумаков 2004: 231].

Привычное для повседневной жизни понятие «правильное питание» при ограничении физической активности претерпело корректировки. Одной из ведущих проблем рационального питания в современных условиях можно считать психологический аспект – длительное пребывание дома, рядом с холодильником, неизбежно увеличивает количество употреб-

ляемой пищи, поскольку потребление заполняет свободное время, доля которого в условиях пандемии и изоляции возросла. Также на большее употребление еды влияет фактор пустого времяпрепровождения: когда человек не занимается особо увлекательными и интересными для себя занятиями дома, риск переедания также возрастает, также на это могут влиять и частые стрессы, которые попросту заедаются, а не проживаются, что тоже является весьма актуальным в настоящее время. При этом более длительное нахождение в домашних условиях позволяет уделять приготовлению пищи намного больше времени и, что самое главное, способствует повышению ее качества, в отличие от еды быстрого приготовления, например полуфабрикатов и пищи, приготовленной в различных закусочных [Кобяков 2012: 112].

Качественные и количественные характеристики питания необходимо подкреплять дозированными, физическими нагрузками. Сохранять подвижность в условиях пандемии и ограниченного пространства, которым может быть квартира, помогут обыкновенная зарядка, мышечная растяжка, отжимания, приседания, планки, которые можно осуществлять у себя дома, при этом без лишнего нагромождения людей, а если дома имеются турник и пара гантелей, то данного комплекта будет достаточно хотя бы для поддержания своей формы. Главное относиться к физическим нагрузкам умеренно, дозированно и без лишнего фанатизма. Для поддержания своего физического тела, которое напрямую оказывает влияние на психику и ЦНС, достаточно 2–3 занятий в неделю [Вдовина 2015: 44].

Проблемой осуществления ЗОЖ также стала и физическая активность: даже если брать настоящее время, когда у нас открыты спортивные залы, то на данный момент далеко не все люди могут себе позволить покупку абонементов, поскольку здесь вытекает проблема уже финансового плана, многие потерпели финансовые потери заработка во время пандемии. Вторая проблема – психологического плана, когда люди боятся посещать общественные места из-за тревоги, фобий, депрессивных состояний, новостных сводок, отсутствия должной мотивации, интереса или же смещения своих интересов в другие, более актуальные сферы деятельности, например в поиски дополнительных доходов, дополнительной работы, более качественного ухода за своим здоровьем, как физическим, так и психологическим, смещение вектора на свою семью, саморазвитие и прочее.

Проблемы здоровья в современных, тяжелых условиях коснулись и касаются не только здоровья физического, но и здоровья психического (психологического), без которого невозможно гармоничное функционирование личности человека не только в социуме, но и с самим собой. Поскольку человеку, находясь в условиях пандемии, необходимо быть в гармонии с тремя важнейшими компонентами здоровья в самом широком смысле: физическим здоровьем, психическим и социальным, все три направления неразрывно взаимосвязаны друг с другом. Психологиче-

ское здоровье также напрямую влияет на ЗОЖ человека, ведь невозможно заниматься и соблюдать качественный образ жизни, когда личность испытывает частые фрустрации, стрессы, дистрессы, навязчивые мысли, частый страх перед неизвестностью и туманностью будущего существования, если не выживания.

Вместе с расстройствами адаптации и социализации в очагах массового распространения COVID-19 появляется все больше тяжелых психических нарушений, таких как тревога, депрессия, панические атаки, рост количества суицидов, сверхценные бредовые идеи и даже острая психотическая симптоматика [Courtet, Olié, Debien, Vaiva 2020: 2]. Ограничение социальной активности, новости СМИ, обострение внутрисемейных, деструктивных конфликтов, злоупотребление алкоголем, бессонница, нагнетаемая тревожная информация и пагубные переживания являются известными факторами повышенного суицидального риска. Депрессия и дистресс способствуют возникновению психосоматических заболеваний, ослабляют иммунитет, осложняют прогноз и течение любого соматического заболевания, в том числе и инфекционного [Мосолов 2020: 8].

Если человек испытывает, переживает психологические проблемы, которых может быть достаточно много на фоне пандемии, то ни о каком здоровом образе жизни не может быть и речи, так как в таком случае человеку необходимо нормализовать для начала свое психологическое состояние, после чего уже можно и нужно ответственно подходить к вопросу о ЗОЖ. Без нормализации психологической составляющей личности человека просто невозможно рационально и конструктивно заниматься вопросами индивидуального здорового образа жизни. Именно психологические (психические) проблемы здоровья являются, пожалуй, ведущими в условиях динамичного, настоящего времени.

Проблемы здоровья вследствие пандемии затронули и социальную жизнь каждого человека. Если ориентироваться на теорию социальных изменений, которая была разработана П. Штомпкой, сами по себе изменения в социуме несут в себе травматизацию, поскольку нарушается социальная среда, которая была привычна человеку. В ходе таких изменений трансформируются и ценности человека. Возрастание социального напряжения будет продолжаться и дальше, так как следствием этого является введение разного рода ограничений по предотвращению распространения нового вируса, а это также влияет на наше здоровье и ЗОЖ в целом [Goldberg 2020: 2].

То увеличивающаяся, то уменьшающаяся социальная дистанция между людьми в ходе динамично меняющихся ограничительных мер на снятие этих самых ограничений приводит к травматизации социального и психического здоровья, общество получило своего рода обсессивно-компульсивное расстройство, поскольку теперь все постоянно должны мыть руки, а повсеместное ношение масок уже превратилось в привычку.

Живое общение перестает быть столь необходимым, встречи, которые проводились в формате офлайн, переходят в формат онлайн. Во времена до пандемии для переноса своих дел в онлайн нужна была весомая причина, теперь же необходимо аргументировать, зачем встречаться лично.

Образ жизни в значительной степени обусловлен социально-экономическими условиями конкретной страны, но при этом зависит от целей, амбиций, мотивов деятельности человека, от состояния его здоровья, особенностей психики, индивидуального, пережитого опыта. Образ жизни человека включает в себя три категории: качество жизни, уровень жизни и стиль жизни.

Двадцатый век дал людям довольно много инноваций и благ: радио, электричество, телевидение, интернет, компьютер, новейший транспорт. Современная медицинская наука избавила человечество от многих заболеваний, в том числе и от инфекционных. Но кроме благ двадцатый век принес уменьшение двигательной активности, рост нервно-психического напряжения, химическое загрязнение окружающей среды, все это привело к ощутимым последствиям для здоровья человека и его здорового образа жизни. Современный образ жизни человека, уже в XXI веке, характеризуется перееданием, гипокинезией, гиподинамией, психоэмоциональным перенапряжением, информационной загруженностью и злоупотреблением различными лекарственными препаратами, которые по большей части снимают симптомы заболеваний, но не дают гарантий избавить человека от болезни раз и навсегда, от такого расклада в плюсе остаются только фармацевтические компании. Все вышесказанное является ведущими проблемами здоровья в настоящее время. Ухудшение и обострение уже существующих проблем современности спровоцировала пандемия COVID-19, которая буквально перевернула весь мир и заставила пересмотреть свои ценности, задачи, отношение к своему здоровью и здоровому образу жизни [Артюнина, Гончар, Игнатъкова 2003: 232-233].

Пандемия коронавируса усилила проявление борьбы человека между биологическим (желание удовлетворить свои базовые потребности и получить удовольствие) и социальным (самореализация, саморазвитие, мораль, разум). Но в сложившейся ситуации все неоднозначно, самое идеальное – это стараться сохранять баланс между биологической составляющей и социальной, без лишних перевесов в какую-то одну сторону. Стоит помнить, что потребности личности человека не ограничиваются потребностями в безопасности, в еде, воде и тепле, есть и более высокие потребности, глубокие и необходимые для развития личности.

ЗОЖ уже долгое время является неотъемлемой частью жизни человека. Невозможно заставить вести здоровый образ жизни принудительно или насильно, разумеется, это дело всецело добровольное и должно оставаться таковым. Это не просто модное, современное течение, это модель поведения, принципы, взгляды, позиции, которые позволяют сохранять

свое здоровье и благополучное долголетие. Ценность и весомость этого вида жизнедеятельности человека многократно усилилась в условиях пандемии. В сложный период кардинальных изменений привычного образа жизни, появления новых проблем со здоровьем и здоровым образом жизни все это оказалось в центре общественного внимания.

COVID-19 повлиял и заставил посмотреть на проблемы здоровья и благополучия людей в самом широком смысле, с новой, комплексной и систематической стороны, задействовав такие базовые, актуальные компоненты здоровья и личности, как физические, психические и социальные.

Список источников

1. *Артюнина Г. П., Гончар Н. Т., Игнатъкова С. А.* Основы медицинских знаний: Здоровье, болезнь и образ жизни: учебное пособие для студентов педагогических вузов. Псков, 2003. 304 с.

2. *Вдовина Л. Н.* Основы медицинских знаний и здорового образа жизни. Ростов н/Д.: Феникс, 2015. 342 с.

3. *Иохвидов В. В.* Здоровый образ жизни в условиях социально-карантинных ограничений: итоги и ожидания // Гуманитарная парадигма. 2020. № 3 (14). С. 8-15.

4. *Кобяков Ю. П.* Физическая культура. Основы здорового образа жизни: учебное пособие. Ростов-на-Дону: Феникс, 2012. 252 с. ISBN 978-5-222-19021-0.

5. *Мосолов С. Н.* Проблемы психического здоровья в условиях пандемии COVID-19 // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2020. № 120 (5). С. 7-15.

6. *Овчинников Б. В., Дьяконов И. Ф., Дьяконова Т. И.* Основы здорового образа жизни для всех. СПб.: Спецлит, 2018. 126 с. ISBN 978-5-299-00969-9.

7. *Чукаева И. И.* Основы формирования здорового образа жизни: учебно-методическое пособие. М.: КноРус, 2020. 125 с. ISBN 9785436510941.

8. *Чумаков Б. Н.* Основы здорового образа жизни: учебное пособие. М.: ПО России, 2004. 416 с. ISBN 5-93134-217-6.

9. *Courtet P., Olié E., Debien C., Vaiva G.* Keep socially (but not physically) connected and carry on: preventing suicide in the age of COVID-19 // J. Clin. Psychiatry. 2020. No. 81 (3). DOI: 10.4088/JCP.20com13370.

10. *Goldberg J. F.* Psychiatry's niche role in the COVID-19 pandemic // J. Clin. Psychiatry. 2020. No. 81 (3). DOI: 10.4088/JCP.20com13363.

СЕКЦИЯ 5: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

УДК 342.573

Аксёнов Игорь Владимирович,
депутат, Законодательное Собрание Свердловской области,
aks-i@yandex.ru

РЕФЕРЕНДУМ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИНСТИТУТ ПАРТИЦИПАЦИИ ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ?

Аннотация. Данные тезисы посвящены анализу опыта проведения референдумов на постсоветском пространстве. Автор анализирует историю вопроса и выдвигает суждение о том, что государства региона имеют очень ограниченный исторический опыт проведения плебисцитов. Это является одной из основных причин, почему всенародные голосования не воспринимаются как легитимный способ принятия значимых политических решений как обществом, так и властью. Решить эту проблему можно только путем более частого проведения референдумов. Такой опыт есть в ряде стран бывшего СССР. Он показывает, что объектом голосований могут быть как вопросы конституционного устройства, так и содержательные аспекты актуальной социальной, экономической и политической повестки.

Ключевые слова: референдумы; плебисцит; постсоветское пространство; политическая партиципация; политическая манипуляция

Aksenov Igor Vladimirovich,
Member, Legislative Assembly of the Sverdlovsk Region,
aks-i@yandex.ru

REFERENDUM IN THE POST-SOVIET SPACE: INSTITUTE OF PARTICIPATION OR POLITICAL MANIPULATION?

Abstract. These theses are devoted to the analysis of the experience of holding referendums in the post-Soviet space. The author analyzes the history of the issue and puts forward the judgment that the states of the region have very limited historical experience in holding plebiscites. This is one of the main reasons why popular votes are not perceived as a legitimate way of making significant political decisions, both by society and by the authorities. This problem can be solved only through more frequent referendums. Such experience exists in some countries of the former USSR. It shows that the object of voting can be both constitutional issues and substantive aspects of the current social, economic and political agenda.

Keywords: referendum; plebiscite; post-Soviet space; political participation; political manipulation

Институт референдума в странах бывшего СССР остается ограниченно востребованным. Это связано как с общим скептическим отношением

элит к перспективе легитимации политических решений путем плебисцита, так и с неразвитостью политической культуры как таковой. Последнее обуславливает низкую заинтересованность граждан в проведении референдумов и исключает появление подобного запроса в политической повестке.

Тем не менее во многих странах региона референдумы или похожие на них формы всеобщего голосования проводятся. Регулярность проведения разнится от страны к стране. Причем различия в количестве проведенных референдумов не имеют прямых географических или национальных отличий и связаны прежде всего с политической установкой, а не культурными или иными устоявшимися характеристиками политий. Все это в совокупности делает актуальным вопрос о целях проведения данных референдумов, поскольку они не являются самоценностью для граждан, а носят легитимирующий характер. Остается открытым вопрос о том, является ли это дееспособным механизмом политической партиципации или относится к сфере политических манипуляций.

Анализ опыта референдумов в зарубежных странах показывает, что существуют два основных повода для их проведения. Во-первых, при необходимости принять новую Конституцию или иной Основной закон. Такие референдумы могут быть как естественной необходимостью при учреждении нового государства, так и частью институциональной трансформации, повлекшей за собой необходимость изменения нормативной основы функционирования государства и общества. Во-вторых, как способ принятия значимых политических решений.

Такие решения могут касаться:

1. Масштабного реформирования государственного устройства (например: структурные изменения формы правления, формы территориального устройства или модели местного самоуправления).

2. Вопросы имплементации тех или иных норм международного права (например: вступление страны в ООН и иные международные правительственные организации, ратификация международных договоров).

3. Принятия вынужденных непопулярных решений (например: введение ограничительных мер эпидемиологического характера или ограничения прав и свобод отдельных категорий граждан с целью обеспечения национальной безопасности).

4. Изменения национального законодательства, касающегося резонансных, неоднозначных и общественно значимых вопросов, затрагивающих интересы широких слоев населения (например: вопрос о легализации легких наркотиков, однополых браков или применения отдельных видов уголовного наказания).

В то же время страны бывшего СССР не имеют значимого опыта проведения референдумов. Политическое представительство в рамках дореволюционной России было крайне ограниченным и по большей части сводилось к участию в местном самоуправлении отдельных катего-

рий граждан. А принятие наиболее значимых политических решений имело октроированный характер.

Политическая партиципация в Советском Союзе была выведена на качественно новый уровень – стала действительно массовой. Однако массовость не эквивалентна свободе. Политическое участие имело легитимирующий и манипуляционный характер. Население высказывалось в поддержку уже принятых решений, своим голосом формально подтверждая их законность.

Однако даже советская власть не прибегала к институту референдума, считая его избыточным. Ключевые политические решения принимались директивно в рамках широкой децентрализованной политической элиты. Принятие Конституций СССР происходило не с помощью плебисцита: использовался иной способ политической репрезентации – съезды. Изначально это были Всесоюзные съезды Советов СССР, принявшие основные законы 1924 и 1936 годов, а затем партийные голосования в рамках сессий Верховного Совета СССР.

Подобный порядок обосновывался особым характером политической власти в советском государстве и специфическим характером парламентаризма. Что же касается иных значимых политических решений, как, например, вопросы территориального устройства – их основы были заложены в период гражданской войны и послевоенное время, а модификация происходила также по воле партийных органов. Дальнейшие изменения границ советских республик аналогично производились по решению партийного руководства и без проведения каких-либо плебисцитов. Ярким примером стала смена юрисдикции Крымской области по решению Президиума Верховного Совета СССР перешедшей из состава РСФСР в состав УССР. «Любая подобная административная корректировка никогда не осуществлялась по инициативе “снизу”, что, скорее всего, не было бы одобрено. Это была политика вышестоящих органов, референдумов, как правило, не проводилось, как и, в частности, в 1954 г., когда Крым был передан в состав Украинской ССР» [Бабаян 2018]. Показательно, что именно там состоится первый в истории СССР, да и России в целом, полноценный референдум: в 1991 году жители полуострова выскажутся за юридическую реорганизацию статуса региона в виде воссоздания Крымской Автономной Советской Социалистической Республики.

Аналогично вопросы территориального устройства решались и в других случаях. Например, создание Карело-Финской ССР на базе Карелии и создание Молдавской АССР на части земель Украинской ССР, а впоследствии – образование Молдавской ССР. Все данные решения оформлялись на сессиях Верховного совета СССР без каких-либо дополнительных легитимирующих процедур.

При этом законодательство СССР допускало проведение плебисцитов, которые, однако, не имели статуса референдума. Были такие формы

волеизъявления, как всенародный опрос и всенародное обсуждение [Жанузакова 2018: 19-26]. Однако данные процедуры скорее имели формальный характер, а их результаты не были обязательными к исполнению. Как таковых норм о возможности проведения юридически обязывающих голосований, включая регламентирующие нормы их проведения, в законодательстве СССР не было. При этом данный вопрос неоднократно обсуждался в высших политических кругах, а начиная с 1978 года даже разрабатывались проекты соответствующих документов [Крылов 2009].

Отсутствие обязательной юридической силы советских плебисцитов, а также заранее predetermined результат голосования дезавуировал символический и политический смысл всенародных голосований как таковых. Не имевшие исторического опыта участия в референдумах граждане СССР воспринимали подобные формы политической партиципации как политическую манипуляцию, имеющую сугубо формальный характер. Это объясняет низкую политическую ценность референдума для граждан стран постсоветского пространства, относительно низкую востребованность, отсутствие серьезного отношения к результатам массового волеизъявления граждан, а также быстрые смены электоральных предпочтений согласно политической линии руководства страны.

В целом можно констатировать, что к исходу СССР люди имели крайне смутное представление о природе и характере референдума, что обуславливалось следующими факторами:

1. В истории страны отсутствовал какой-либо релевантный опыт проведения референдумов или похожих форм массового волеизъявления граждан.

2. Схожие формы политической партиципации, как всенародный опрос и всенародное обсуждение, использовались исключительно как формальный инструмент с заранее predetermined результатом голосования.

3. Принятие Конституций не требовало проведения всенародного голосования и реализовывалось исключительно парламентским способом.

4. Изменение территориального деления, корректировка границ и вопросы учреждения/упразднения территориальных единиц также решались в рамках закрытых политических дискуссий и не становились предметом всенародного голосования.

5. Иные политически значимые вопросы, как реформирование системы государственного управления или вступление в международные правительственные организации, также не становились объектом всенародного голосования.

Совокупность данных факторов позволяет сделать вывод, что по меньшей мере до 1991 года плебисцит как форма политической партиципации был исключительно эвристическим конструктом и не предполагал реального воплощения. Соответственно, имел ярко выраженный ма-

нипулятивный характер, представление о чем являлось устойчивой частью политической культуры.

Согласно этому выстраивалось и отношение руководства страны к перспективам использования данного варианта политического участия. Поэтому, без опасения реальной реализации, в нормативно-правовую базу СССР была внесена возможность сецессии для составляющих его единиц. Вторая глава Конституции СССР 1977 года закрепляла норму о праве свободного выхода из состава государства. По аналогии с иными формами, требующими массового волеизъявления граждан, нигде не были закреплены процедура данного выхода или регламент принятия решений. Фактически складывалась ситуация, когда «подчеркивалось право народа на самоопределение, а с другой стороны – отсутствие реального механизма выхода, направленного на сохранение Союза как единого государственного образования» [Борисов 2020].

Нарастание социально-экономических противоречий, вылившееся в политическое противостояние, привело к нарушению властного баланса внутри СССР и возникновению сецессионистских инициатив. Результатом чего стало принятие Верховным Советом СССР 3 апреля 1990 года закона «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР». Данный акт императивно закрепил норму, что для выхода из состава страны необходимо провести именно референдум. Это было первое в истории российского государства закрепление данного института на уровне страны в качестве реальной политической практики, которая может иметь юридически значимые последствия. Впрочем, в акте содержалась оговорка, что результаты референдума должны быть признаны руководством СССР.

Среди экспертного сообщества нет единого мнения, чем руководствовались авторы данного документа. С одной стороны, существует версия, что это было рациональное желание цивилизованно осуществить «развод», придав ему юридическое основание. С другой стороны, есть мнение о том, что это были популистские действия союзного руководства, имевшие целью заигрывание с населением и не предполагавшие реальной возможности отделения республик [Борисов 2020]. В последней интерпретации фактически это была попытка создания «спящего института», актуализация которого произошла неожиданно и заранее не планировалась. Как население, так и политическая элита воспринимали плебисциты как технологию политической манипуляции.

Достоверно можно говорить лишь о том, что данный закон создал важный прецедент оформления юридического дизайна проведения референдума, внес его в политическую практику и политический дискурс государства. С этого времени проведение референдума станет обязательным для любых значимых политических решений, будь то принятие Консти-

туции, изменение политико-территориального устройства или принятие иных общественно значимых решений.

Соответственно, первый, и по сути – единственный, всесоюзный референдум состоялся 17 марта 1991 года. На голосование был вынесен следующий вопрос: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?». Результат был упреждающе утвердительным: несмотря на имевшиеся отдельные проблемы и особенности проведения голосования, официальная информация гласила о 89,8% проголосовавших за вариант «Да».

Однако к данным результатам стоит относиться скептически. Во-первых, население СССР не имело опыта участия в референдумах и не до конца осознавало его политическое значение. Во-вторых, формулировка вопроса референдума была неоднозначной, в некоторых частях государства была изменена (например, в Казахской ССР), а часть республик отказались от проведения плебисцита как такового (Армения, Грузия, Латвия, Литва, Молдавия и Эстония). В-третьих, последующие республиканские референдумы показали, что политические взгляды электората меняются молниеносно, и недавно голосовавшие за сохранение Союза достаточно скоро стали выступать за независимость своей республики [Лукашин 2011]. Например, всеукраинский референдум, проведенный в декабре того же года, показал результат в 90% граждан, выступивших за независимость Украины, против 70,2% граждан, высказавшихся за сохранение СССР девять месяцев до этого [Хриенко 2020]. Это свидетельствует не столько о революционных изменениях политических взглядов, сколько о манипулятивном характере голосований. Как инициаторы референдумов, так и голосующие имели представление о предполагаемом результате голосования.

Несмотря на то, что результаты референдума не были претворены в жизнь, это создало в пространстве СССР важный прецедент политической партиципации, давший начало использованию этой практики 15 независимыми государствами. В целом за счет плебисцитов они пытались решить проблему собственного конституционного устройства, в рамках чего стояли три наиболее значимых вопроса [Борисов 2020]:

1. Вопрос о территориальном устройстве: выбор оптимальной формы государственно-территориального устройства, институционализация границ регионов, делимитация и демаркация государственной границы.
2. Вопрос об экономическом укладе: вопрос о формах собственности, путях приватизации, формировании новой системы ведения хозяйственной деятельности.

3. Вопрос о партийной системе и наследии СССР: трансформация однопартийной системы, регламентация поля публичной политики, вопросы и статус коммунистического наследия.

Принятие Конституций гражданами на референдуме было совершенно новой политической практикой, так как до этого данный вопрос находился в компетенции представительных органов СССР [Нечкин 2018]. На вопросе о принятии Конституции общий опыт проведения референдумов среди стран постсоветского пространства исчерпывается, в дальнейшем каждая страна воспроизводит свой особый опыт использования данного института политической партиципации.

Становление референдума было осложнено начавшимися после распада СССР локальными конфликтами и процессами регионализации. По аналогии с Союзом составные части независимых государств требовали сессии или законодательных гарантий на референдум для определения своего политического статуса. В качестве позитивных примеров решения данного вопроса можно привести Молдавию и Узбекистан. Несмотря на проблему Приднестровья, в Молдавии имел место быть иной значимый культурно-политический конфликт – Гагаузский вопрос. Гагаузии были предоставлены законодательные гарантии автономии и возможность определять свою территорию путем проведения муниципальных референдумов. Каракалпакстану также была предоставлена политическая автономия в составе Узбекистана, а также гарантии на проведение референдума. Иные попытки оформления собственного политического статуса либо не были поддержаны, либо привели к военным конфликтам.

Если говорить о количественном измерении, то наиболее богатый опыт проведения референдумов имеют страны Балтии и Киргизия. При этом обращение к данному институту среди балтийских стран не является равным [Miskovsky 2008]. Однозначным лидером по количеству референдумов среди всех стран постсоветского пространства является Литва. На данный момент в стране прошли 13 плебисцитов различной правовой природы. Из них 3 касались конституционного устройства, остальные 10 – иных значимых политических вопросов: вступление в ЕС, вопрос приватизации, вопрос компенсации вкладов, будущее атомной энергетики и т. д. В Латвии состоялись 10 плебисцитов: 2 касались конституционного устройства, 8 прошли по иным вопросам: вступление в ЕС, вопросы гражданства, реформа системы пенсий, статус государственного языка, досрочный роспуск парламента. В отличие от Литвы большинство содержательных референдумов в Латвии имели аброгативный характер, т. е. были направлены на отмену определенных решений. Эстония стоит особняком, в стране проведены только 3 референдума.

Значимой отличительной особенностью балтийских стран является то, что в рамках опыта государственности в межвоенный период они имели опыт проведения конституционных референдумов. Также в них

прошел ряд плебисцитов, носящих неформальный или незаконный характер, результаты которых не были признаны официальными властями. В частности, к такому референдуму можно отнести голосование 1993 года в Эстонии по вопросу предоставления политической автономии Нарвы и Силламяэ.

Среди всех прочих стран бывшего СССР особняком стоит Киргизия. В данной стране плебисциты были проведены порядка 11 раз. Подавляющее число из них (8) касались вопросов изменения в Конституции, в более широком смысле 10 из 11 референдумов касались вопросов функционирования или корректировки формы правления [Серикжанова 2019]. Подобные особенности вызваны не какой-либо культурной или исторической спецификой страны, а сформированной уже после распада СССР политической традицией. В целом референдумы в данной стране являются средством разрешения политических конфликтов и адаптации политической системы к действующему балансу политической власти в стране.

Несмотря на то, что частое обращение к институту референдума как способу модернизации конституционного строя может оказаться токсичным и отрицательно сказаться на качестве государственного администрирования, это является эффективным способом преодоления масштабных кризисов и конфликтов. Референдумы в Киргизии, наряду со странами Балтии, не носят манипулятивного характера, а являются действующим институтом политической партиципации. Традиция данной партиципации была сформирована за счет апробации плебисцитов как способа принятия политических решений.

Также достаточно часто к институту референдума как способу изменения Конституции обращался Азербайджан. Из семи прошедших в стране референдумов четыре имели конституционный характер. Остальные также были связаны с вопросом политической власти и не имели содержательной коннотации: референдум о сохранении СССР, референдум о независимости, референдум о доверии к Президенту. Остальные республики Кавказа имеют меньший, но схожий опыт проведения референдумов. В Армении проведены 6 референдумов, в Грузии – 3. Однако между странами есть значимые отличия. Так, предметом подавляющего количества армянских референдумов также стал вопрос модернизации конституции, однако, в отличие от Азербайджана, где они скорее были направлены на укрепление президентской власти, в Армении наблюдаются определенная деволюция и развитие парламентаризма плебесцитарным путем [Прокофьев 2017].

В Грузии проведены 3 референдума, один из которых был двойным (второй вопрос, о членстве страны в НАТО, не являлся обязательным). Они также оказали сугубо положительный эффект на развитие парламентаризма как такового. Прежде всего референдум 2003 г. произвел реформу парламента, сократив численность легислатуры, но постепенно уси-

ливая политическую субъектность. Это произошло еще и потому, что грузинским законодательством вопросы изменения Конституции отнесены к исключительной компетенции национального парламента и не могут быть предметом всенародного голосования. Таким образом, сокращается возможность для применения референдума как института политической партиципации, но благодаря ему укрепляется парламентаризм.

Страны Средней Азии (за исключением упомянутой Киргизии) имеют схожий опыт обращения к институту референдума. В Казахстане проведены 2 плебисцита, в Туркменистане – 3, в Узбекистане – 4, Таджикистане – 5. Ни один из этих референдумов не касался содержательных вопросов. В целом данные голосования имели легитимационный характер и были направлены на народное санкционирование октроированных политических решений, большая часть из которых касается усиления президентской власти.

Славянские страны также имеют крайне ограниченный опыт реализации референдумов. Так, в Украине проведены 3 плебисцита. Одни из них касался содержательных вопросов – в 2000 году реализовано голосование по вопросу реформирования системы государственного управления [Доценко 2014]. Однако его результаты, формально имеющие обязательную юридическую силу, не были реализованы на практике. Для их уточнения в 2020 году страна провела не имеющий обязательной юридической силы всеукраинский опрос населения, также касающийся вопроса реформы системы государственного управления. В то же время там были и факультативные содержательные вопросы: легализация медицинской марихуаны, пожизненное наказание за коррупцию, создание особой экономической зоны на Донбассе.

Обобщая тематический опыт проведения референдумов на постсоветском пространстве, можно заключить, что все референдумы касались трех основных направлений. Прежде всего, наиболее редкими являются плебисциты о содержательных вопросах политического спектра. К данным вопросам относятся резонансные и общественно значимые проблемы, решение которых не является очевидным для органов государственного и муниципального управления. Наибольшим опытом таких референдумов обладают Литва и Латвия.

Второй по частоте группой референдумов выступают голосования, направленные на изменения Конституции или законов страны, целью которых является укрепление президентской власти. Такие референдумы наиболее характерны для стран Средней Азии, за исключением Киргизии и Азербайджана [Зазнаев 2009].

Наиболее многочисленной группой референдумов являются голосования по изменению в Конституции. Данный вид плебисцитов не носит конкретной властной окраски, а служит целью адаптировать политическую систему страны к актуальной политической ситуации и запросам со

стороны общества. Принимая во внимание особый правовой статус голосования о поправках в Конституцию РФ 2020 года, можно также включить данные события в число плебисцитов подобного рода.

Таким образом, на постсоветском пространстве существует крайне отличный опыт использования референдума как института политической партиципации. Страны бывшего СССР не имеют исторического опыта проведения плебисцитов и его использования для реального учета волеизъявления граждан. Исключения составляют только страны Балтии, обращавшиеся к данному инструменту для принятия Конституций в межвоенный период.

При этом актуальный опыт референдумов очень своеобразен. С одной стороны, прибалтийские страны и Киргизия превратили референдум в реальный способ достижения политического консенсуса, решения значимых политических вопросов. С другой стороны, страны Средней Азии и Азербайджан в большей мере воспроизводят опыт Советского Союза, где всенародные голосования не являлись легитимным способом политического участия и имели характер манипуляций.

Какое значение институт референдума имеет для современной России, не до конца понятно. Это связано с крайне ограниченным применением всенародного голосования как способа принятия политических решений. Это происходит из-за отсутствия не только властной воли, но и запроса со стороны граждан. Опыт иных стран постсоветского пространства показывает, что для получения выгоды от применения референдума необходимо чаще обращаться к его использованию. Объектом референдума могут быть не только вопросы модернизации основного закона, но и содержательная повестка. Ее частью могут быть вопросы пенсионного обеспечения, экономических реформ, реформы государственного и муниципального управления и иные значимые для населения вопросы.

Список источников

1. *Бабаян М. В.* Роль «Абхазского письма» в этнополитических событиях в грузинской ССР 1989 г. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2018. № 1. С. 66-74.

2. *Борисов Н. А.* Между идеологией и правом: Правовые и политические аспекты выхода союзных республик из СССР // Новый исторический вестник. 2020. № 4 (66). С. 48-65.

3. *Доценко В. В.* Тенденции развития парламентаризма в Украине (на примере референдума 2000 г.) // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. 2014. Т. 27, № 1-2 (66). С. 346-348.

4. *Жанузакова Л. Т.* К вопросу о совершенствовании законодательства о референдуме // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2018. № 1 (50). С. 19-26.

5. *Зазнаев О. И.* Сверхпрезидентские системы в республиках Центральной Азии (На примере Узбекистана, Казахстана, Таджикистана и Киргизии) // Россия и мусульманский мир. 2009. № 10. С. 145-154.

6. *Крылов Б. С.* Институт референдума в России и за рубежом // Российский юридический журнал. 2009. № 4. С. 95-101.

7. *Лукашин А. В.* Проблемы организации и проведения Всесоюзного референдума 17 марта 1991 года и пути развития союзной федерации // Государственное управление. Электронный вестник. 2011. № 28. С. 1-29.

8. *Нечкин А. В.* Конституции стран СНГ и других постсоциалистических государств: сравнительно-правовой обзор // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 5. С. 81-91.

9. *Прокофьев В. Н.* Конституционно-правовая регламентация полномочий Президента в постсоветских государствах Закавказья // Государственная служба. 2017. Т. 19, № 5 (109). С. 115-119.

10. *Серикжанова А. Т.* Законодательно-правовое поле политического участия граждан в Кыргызской республике // International scientific review. 2019. № LXV. P. 118-120.

11. *Хриенко Т. В.* Всеукраинские референдумы: основные итоги и их последствия // Власть. 2020. Т. 28, № 1. С. 238-245.

12. *Miskovsky J.* The EU Referendum in the Baltic Countries: Impact Composition on the Voting Results // Central European Studies Review. 2008. Vol. X. Part 2-3. P. 161-185.

Басимов Михаил Михайлович,
НАНО ВО «Институт мировых цивилизаций»,
basimov_@mail.ru

**СВОЕОБРАЗИЕ ЗАВИСИМОСТЕЙ ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПРЕДПОЧТЕНИЙ В ГРУППЕ МОЛОДЫХ РЕСПОНДЕНТОВ,
ОБРАЗОВАННЫХ ПО ИХ ОТНОШЕНИЮ
К «ГРАЖДАНСКОМУ БРАКУ»**

Аннотация. В статье представлена причинно-следственная картина результатов междисциплинарного исследования, когда в единой задаче анализируются как социологические, так и психологические интервальные переменные. Всего анализируются 163 параметра для специфической группы молодых респондентов, которые оценивают «гражданский брак» с позиции минимизации своей ответственности, при этом наибольший интерес представляют зависимости между психологическими и социологическими переменными, представляющими разные науки о человеке и обществе.

Ключевые слова: политические предпочтения; отношение к выборам; студенческая молодежь; гражданский брак; отношение к политикам; линейные зависимости; нелинейные зависимости; междисциплинарные исследования

Basimov Mikhail Mikhailovich,
Non-State Autonomous Non-Commercial Organization of Higher Education
“Institute of World Civilizations”,
basimov_@mail.ru

**FEATURES OF THE DEPENDENCES FOR THE POLITICAL
PREFERENCES IN THE GROUP OF YOUNG RESPONDENTS
FORMING ON THEIR RELATION TO “CIVIL MARRIAGE”**

Abstract. The article presents the results of a causal picture of the results of an interdisciplinary study, when both sociological and psychological interval variables are analyzed in a single task. In total, 163 parameters are analyzed for a specific group of young respondents who evaluate “civil marriage” from the position of minimizing their responsibility, while the most interesting are the relationships between psychological and sociological variables, which are usually considered separately from each other within of different sciences about man and society.

Keywords: political preferences; attitude towards elections; student youth; civil marriage; attitude towards politicians; linear dependencies; non-linear dependencies; interdisciplinary research

Введение

Одной из характеристик современного российского общества принято считать распространение незарегистрированных союзов или «гражданских браков». Особенно это касается молодежной среды с широким распространением таких союзов, что приводит к трансформации общих семейных ценностей. При этом отношение общества к «гражданским бракам» стано-

вится все более лояльным. Социальная проблема заключается в том, что из-за увеличения количества «гражданских браков», которые представляют собой более свободную форму отношений, общество теряет контроль над институтом семьи, происходит разрыв между обществом и семьей, утрачивается связь между ними. Все это не только касается сугубо семейных отношений, но и влияет на политические предпочтения молодежи, трансформируя их в более сложную причинно-следственную картину по сравнению с общей, неспецифической выборкой.

Политические предпочтения молодежи – актуальная проблема современной социологии и психологии, так как молодежь непосредственно влияет на формирование политической ситуации в стране, определяя ее будущее. За последние годы в социологии и психологии многократно исследовались различные отдельные аспекты по заявленной тематике: особенности политической ментальности [Эрдынеева 2014], особенности политических установок у студентов различной конфессиональной принадлежности [Горбунова 2014], политические ценности и мотивации студентов [Морозова 2019], уровень общественно-политической активности [Кружкова, Воробьева, Кривошёкова 2019], политические настроения [Попова, Лагутин 2019], трансформация политических установок и ценностных ориентаций молодежи [Сафонова, Обухова, Танова 2019] и т. д.

И хотя политика не является приоритетом для сегодняшних интересов молодежи, учащаяся молодежь интересуется политическими событиями. В настоящее время интерес к политическим событиям в основном связан с получением информации из официальных источников. Несмотря на интерес к политике, реальное участие молодежи в политических действиях крайне низкое, а политическая и гражданская активность не являются приоритетным интересом молодого поколения [Чув, Тимохович, Гришаева 2017].

Проблема и методы исследования

Мы исследовали (2018–2019 гг.) политические предпочтения молодежи по двум социологическим анкетам (35 основных количественных оценок) и их психологические особенности по девяти методикам (128 показателей): 1) свойства личности по базисным шкалам ММРІ; 2) социально-психологические особенности личности в рамках 16-факторного личностного опросника Р. Б. Кеттелла; 3) «Типы личности» и «Вероятностные расстройства» данного типа по методике Дж. Олдхема и Л. Морриса; 4) представления субъекта о себе в рамках методики Т. Лири «Опросник диагностики межличностных отношений»; 5) личностные факторы темперамента и характера по методике «5-факторный личностный опросник» Р. МакКрея и П. Коста; 6) личностные факторы темперамента и характера по методике «Опросник Смишека»; 7) состояния агрессии по методике А. Басса и А. Дарки; 8) уровни эмоционального

выгорания по методике В. В. Бойко; 9) типы поведения людей в конфликтных ситуациях в рамках методики К. Томаса.

В исследовании была поставлена цель изучения причинно-следственной обусловленности формирования социально-политического сознания молодежи и многочисленных психологических особенностей респондента в специфической группе респондентов, которые считают, что «причина вступления молодых людей в “гражданский брак” определяется прежде всего тем, что в гражданском браке партнерам формально легче разойтись». Таким образом, они считают, что как форма отношений «гражданский брак» минимизирует ответственность членов такого союза друг перед другом, перед будущими детьми, когда главное – сделать свою жизнь проще, а проблем меньше. Но в настоящее время такое мнение в среде молодежи стало если не доминирующим, то значительно представленным, оказавшись вблизи 50% (58 человек из 120). Это позволило изучать такую группу как отдельную «систему отчета». Изучение своеобразия причинно-следственной картины в рамках специфической группы респондентов – это в нашем понимании методология «корреляционного релятивизма», позволяющая содержательно обогатить изучение зависимостей в рамках любого исследования.

Авторский метод множественного сравнения позволил построить метод изучения статистических зависимостей [Басимов 2008, 2011]. Вначале по каждому параметру формируются квантильные разбиения (триады, кварты, квинты) данных, после чего для них проводится множественное сравнение по обобщенному варианту, когда сравниваются между собой значения всех параметров для всех квантильных групп. В заключение строятся коэффициенты силы связи, которые нормируются таким образом, чтобы аналог единичной корреляции (зависимость параметра от самого себя) в новых коэффициентах также принимал значение, равное единице. Линейные зависимости становятся одним из частных случаев статистической связи. Когда зависимость далека от линейной (симметричный или несимметричный максимум или минимум), для сильных связей, в основном по результатам расчета коэффициентов силы связи, без субъективного фактора определяются переменная-причина и переменная-следствие.

При анализе психологических и социологических статей, в которых используются результаты корреляционного анализа, часто можно наблюдать картину, когда благодаря очень слабым корреляциям (0,15–0,3) «при толковании гипотезы о равенстве нулю коэффициента корреляции с использованием термина “значимой” корреляции» многие исследователи стали получать «многочисленные научные результаты» [Басимов 2017]. Рассматриваются и интерпретируются очень слабые корреляции, которых практически в любом исследовании набирается не одна тысяча, и из них можно отобрать содержательно подходящие, интересные для исследователя. При этом в исследованиях мы также не исключаем наличие

сильных линейных закономерностей, для которых применим корреляционный анализ.

Результаты

Рассмотрим интерпретации и графики зависимостей для триад независимых переменных в обозначенной выше специфической группе 58 респондентов, в понимании которых «гражданский брак» – это минимизация ответственности в семейных отношениях. Между 163 психологическими и социологическими параметрами сильных линейных связей с коэффициентом корреляции Пирсона $abs(R) > 0,7$ было выявлено 15 отдельно для социологических и 17 отдельно для психологических параметров. При этом большинство из зависимостей для социологических параметров достаточно предсказуемы и тривиальны. Сильных линейных зависимостей между психологическими и социологическими переменными не выявлено, простые связи – это удел прежде всего родственных переменных. Простейших нелинейных связей с коэффициентом силы связи $SV > 0,7$, если не учитывать зависимости между психологическими параметрами, было выявлено 16, 8 из которых подробно рассматриваются ниже. Начнем с четырех из 10 зависимостей между оценками социологического содержания.

1. Зависимость параметра «Удовлетворенность работой Президента РФ В. В. Путина» (Y:SOC-33) от параметра «Удовлетворенность результатами голосования на выборах Президента РФ» (X:SOC-32) в виде сравнительных весомостей параметра Y:SOC-33 для триад по шкале X:SOC-32.

Зависимость с крайне несимметричным минимумом, коэффициент силы связи прямой зависимости (зависимость Y от X) $SV = 0,79$. Респонденты, кто полностью удовлетворен результатами голосования на выборах Президента РФ, также максимально (**сравнительная весомость равна +34552**) высказывают удовлетворенность работой Президента РФ В. В. Путина. А полное неудовлетворение его работой (-44472) наблюдается не у тех, кто не удовлетворен результатами выборов, а у тех, кто имеет нейтральное отношение при оценке результатов голосования. А вот кто был неудовлетворен результатами голосования, довольно нейтрально оценивает деятельность Президента (+961). В группе политически активных респондентов такая зависимость не наблюдается, эта группа по своему составу резко отличается от рассматриваемой группы респондентов, для которых причина отказа от законного брака в пользу «гражданского брака» в молодежной среде определяется юридически необремененной возможностью развода в таком союзе. График смотрите на рисунке 1. Обратная зависимость (зависимость X от Y) по коэффициенту силы связи достаточно слабая ($SV' = 0,16$), что отражается и на значении коэффициента корреляции ($r = 0,33$), который сторонники «значимости» корреляции будут определять как существенно значимый при

$p=0,01$, а значит, интерпретировать зависимость как возрастающую линейную, когда с увеличением удовлетворенности результатами голосования у респондентов должен наблюдаться и рост удовлетворенности работой Президента.

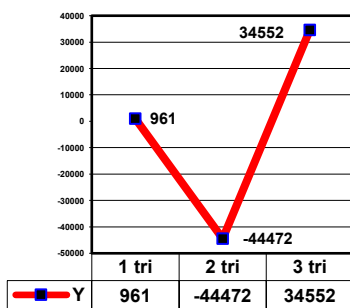

Рисунок 1. Зависимость Y: SOC-33 от X: SOC-32

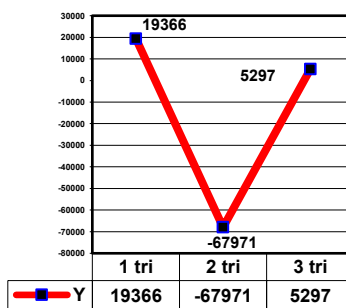

Рисунок 2. Зависимость Y: SOC-25 от SOC-35

2. Зависимость параметра «Отношение к В. В. Жириновскому» (Y: SOC-25) от параметра «Субъективная оценка своего материального положения» (X: SOC-35).

Зависимость с минимумом, близкая к симметричной, коэффициент силы связи прямой зависимости (зависимость Y от X) $SV=1,02$. Умеренная субъективная оценка своего материального положения способствует крайне низкой оценке В. В. Жириновского (-67971). Наиболее высоко оценивают политика респонденты с низкой оценкой своего материального положения (+19366). Но и высокие оценки своего материального положения также не вызывают негативного отношения к политику (+5297). Неопределенность в понимании своего материального положения создает крайне негативное отношение к В. В. Жириновскому и не только к нему, т. к. данный параметр в рассматриваемой группе стал основным из социологических параметров, от которого зависят многие другие параметры. График смотрите на рисунке 2. Обратная зависимость (зависимость X от Y) крайне слабая ($SV'=0,09$), значит, зависимость явно односторонняя, коэффициент корреляции ($r=-0,29$): сторонники «значимости» корреляции будут определять как значимый при $p=0,05$, а значит, интерпретировать зависимость как убывающую линейную, когда с увеличением субъективного восприятия своего материального положения у респондентов падает оценка лидера ЛДПР.

3. Зависимость параметра «Оценка деятельности премьера Д. А. Медведева» (Y: SOC-08) от параметра «Субъективная оценка своего материального положения» (X: SOC-35).

Зависимость с минимумом, близким к симметричному, коэффициент силы связи прямой зависимости (зависимость Y от X) $SV=1,17$. Умеренная субъективная оценка своего материального положения способствует крайне низкой оценке деятельности премьера Д. А. Медведева (-76165). Когда же есть определенность либо низкого, либо высокого уровня субъективного восприятия своего материального благополучия, политик оценивается на достаточно высоком положительном уровне (+19946 или +13290). График смотрите на рисунке 3. Обратная зависимость (зависимость X от Y) по коэффициенту силы связи достаточно слабая ($SV'=0,19$), что отражается и на значении ($r=-0,33$) коэффициента корреляция, который сторонники «значимости» корреляции будут определять как существенно значимый при $p=0,01$, а значит, интерпретировать зависимость как убывающую линейную, когда с увеличением субъективного восприятия своего материального положения у респондентов понижается оценка Д. А. Медведева.

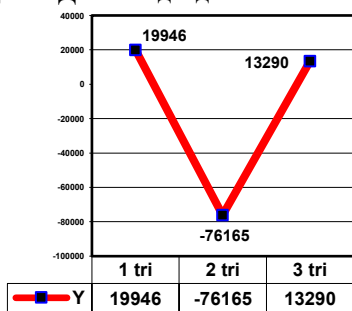

Рисунок 3. Зависимость Y : SOC-08 от X : SOC-35

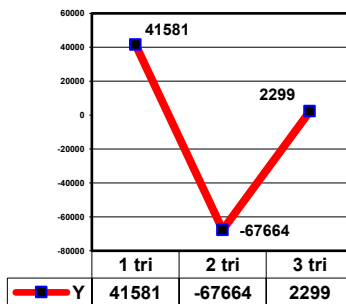

Рисунок 4. Зависимость Y : SOC-19 от SOC-35

4. Зависимость параметра «Отношение к партии Справедливая Россия» (Y :SOC-19) от параметра «Субъективная оценка своего материального положения» (X :SOC-35).

Зависимость с сильно несимметричным минимумом, коэффициент силы связи прямой зависимости (зависимость Y от X) $SV=1,13$. Умеренная субъективная оценка своего материального положения способствует крайне низкой оценке партии «Справедливая Россия» (-67664). Респонденты, воспринимающие свое материальное положение на низком уровне, крайне положительно относятся к партии «Справедливая Россия» (+41581). А вот ощущающие себя материально благополучными к партии относятся нейтрально (+2299). График смотрите на рисунке 4. Обратная зависимость (зависимость X от Y) по коэффициенту силы связи достаточно слабая ($SV'=0,21$), что отражается и на значении коэффициента корреляция ($r=-0,34$), который сторонники «значимости» корреляции будут определять как существенно значимый при $p=0,01$, а значит, ин-

терпретировать зависимость как убывающую линейную, когда с увеличением субъективного восприятия своего материального положения у респондентов понижается оценка партии «Справедливая Россия».

Следующие зависимости раскрывают связи между психологическими и социологическими параметрами. Таких зависимостей в рассматриваемой группе совсем немного (всего 6), чем они резко отличаются от группы политически активных молодых респондентов. Рассмотрим 4 из них.

1. Зависимость параметра «**Приспособление**» (Y:KON-5) от параметра «**Отношение к К. А. Собчак**» (X:SOC-29).

Зависимость с максимумом, достаточно близкая к симметричной, коэффициент силы связи прямой зависимости (зависимость Y от X) $SV=0,77$. Нейтральное отношение к К. А. Собчак определяет респондентов, которых характеризует стратегия «Приспособление» в разрешении конфликтных ситуаций, когда человек часто ради кого-то другого приносит в жертву свои собственные интересы (+57754). А если сравнивать сторонников и противников К. А. Собчак, сторонникам приспособление в еще большей степени несвойственно (-6846), чем ее противникам (+399). Но напомним, что это касается специфической группы респондентов, которые для молодых людей причиной отказа от законного брака в пользу «гражданского брака» определяют юридически необремененную возможность развода в таком союзе. График смотрите на рисунке 5. Обратная зависимость (зависимость X от Y) по коэффициенту силы связи достаточно слабая ($SV'=0,22$), что отражается и на значении коэффициента корреляция ($r=-0,23$), который не дотягивает до «значимого» значения, а значит, для сторонников «значимой» корреляции интереса не представляет.

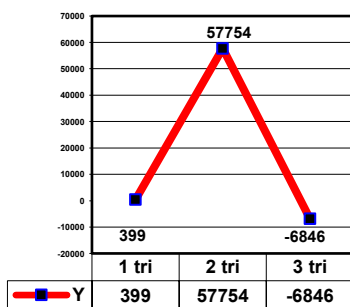

Рисунок 5. Зависимость Y: KON-5 от X: SOC-29

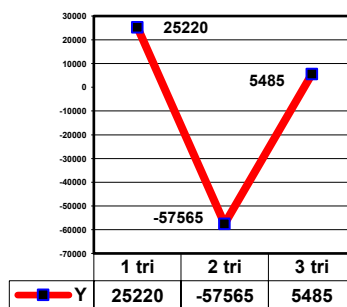

Рисунок 6. Зависимость Y: SOC-27 от X: PSY-5

2. Зависимость параметра «**Отношение к Б. Ю. Титову**» (Y:SOC-27) от параметра «**Агрессивный – дружелюбный**» (X:PSY-5).

Зависимость с не вполне симметричным минимумом, коэффициент силы связи прямой зависимости (зависимость Y от X) $SV=0,92$. Шкала

«Агрессивность – Дружелюбие» определилась как сильная причина, влияющая на оценки респондентов в отношении Б. Ю. Титова. При этом ярко выраженные либо агрессивность, либо дружелюбие положительно влияют на отношение к политику. Агрессивные респонденты, которых можно охарактеризовать как требовательных и откровенных, резких в оценке других, склонных обвинять окружающих, в большей степени ему симпатизируют (+25220), дружелюбные респонденты, которые любезны со всеми, ориентированы на социальное одобрение, обладают развитыми механизмами вытеснения и подавления, в несколько меньшей степени (+5485) симпатизируют политику. А вот когда респондентов нельзя отнести ни к агрессивным, ни к дружелюбным, наблюдается резкое неприятие Б. Ю. Титова (-57565). График смотрите на рисунке 6. Обратная зависимость (зависимость X от Y) по коэффициенту силы связи практически нулевая ($SV'=0,01$), корреляция также крайне слабая ($r=0,02$). Для сторонников корреляционного анализа какой-либо связи между двумя рассматриваемыми переменными просто не существует.

3. Зависимость параметра «Отношение к Д. А. Медведеву» (Y:SOC-24) от параметра «Подозрительный – альтруистичный» (X:PSY-6).

Зависимость с почти симметричным максимумом, коэффициент силы связи прямой зависимости (зависимость Y от X) $SV'=0,71$. Альтруистичные респонденты рассматриваемой группы, отбираемой по суждению о брачных отношениях, которые приносят в жертву свои интересы, навязчивы в своей помощи, неадекватно принимают на себя чужую ответственность (хотя это может быть только «внешняя маска»), достаточно отрицательно относятся к Д. А. Медведеву (-4887). Еще более отрицательно относятся к политику (-8169) подозрительные респонденты, которые обидчивы, злопамятны, во всем сомневаются. Но вот если респондента нельзя отнести к явно подозрительному или альтруистическому типу, наблюдается крайне высокий показатель положительного отношения к Д. А. Медведеву (+49452). График смотрите на рисунке 7. Обратная зависимость (зависимость X от Y) по коэффициенту силы связи практически нулевая ($SV'=0,03$), корреляция также почти ноль ($r=0,00$). Для сторонников корреляционного анализа какой-либо связи между двумя рассматриваемыми переменными не существует.

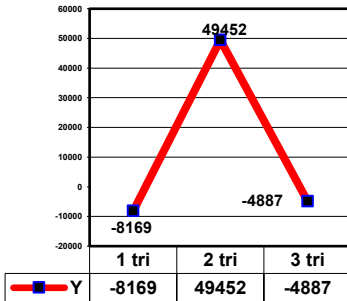

Рисунок 7. Зависимость Y:
SOC-24 от X: PSY-6

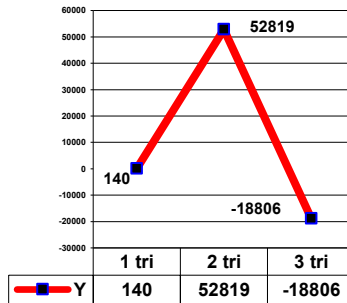

Рисунок 8. Зависимость Y:
16F-08 от SOC-09

4. Зависимость параметра «Жестокость – чувствительность» (Y:16F-08) от параметра «Оценка деятельности Президента В. В. Путина» (X:SOC-09).

Зависимость с не вполне симметричным максимумом, коэффициент силы связи прямой зависимости (зависимость Y от X) $SV=0,79$. Высокая оценка деятельности Президента В. В. Путина как индикатор выделяет респондентов преимущественно «жестоких» в терминологии Р. Кеттелла (-18806), которые характеризуются самоуверенностью и рассудочностью, практичностью, черствостью к окружающим. Неопределенность при оценке деятельности Президента, когда рука не поднимается, с одной стороны, поставить низкую оценку (возможно, это следствие некоторого чувства страха), а с другой стороны, нет желания высоко оценивать деятельность политика, выделяет среди респондентов крайне чувствительных представителей (+52819), которые характеризуются мягкостью, стремлением к покровительству, артистичностью натуры, способностью к сочувствию и сопереживанию. Низкая оценка деятельности лидера в психологическом плане выделяет среди респондентов неопределенную личность в рамках шкалы «Жестокость – чувствительность» (+140). График смотрите на рисунке 8. Обратная зависимость (зависимость X от Y) по коэффициенту силы связи практически нулевая ($SV'=0,06$), что явно подчеркивает односторонность рассматриваемой зависимости. Значение коэффициента корреляция ($r=-0,26$), который сторонники «значимости» корреляции будут определять как значимую при $p=0,05$, а значит, интерпретировать зависимость как убывающую линейную, когда с падением «жестокости» и ростом «чувствительности» в терминологии Р. Кеттелла уменьшается оценка, выставяемая респондентами Президенту.

Заключение

Проведенная аналитическая работа с данными в рамках междисциплинарного исследования в очередной раз подтверждает необходимость изучения прежде всего простейших нелинейных связей [Basimov 2012,

2016, 2018] в социологии и психологии, в том числе в исследовании политических предпочтений молодежи. Хотя при этом нелинейная природа психологических и социологических данных для большинства исследователей актуальной не является. А разговор о традиционных ошибках, возникающих благодаря «новым» правилам статистики, поднимался автором и его единомышленниками на главных социологических ESA [Kornienko 2017], ISA и психологических ECP, IPC [Basimova 2016; Plinyh 2012; Padurina 2012] конгрессах, а также в многочисленных статьях. Также нельзя проходить мимо того, что своеобразность каждой номинальной группы определяет как специфические для нее причинно-следственные связи, так и общее их количество. А попытка усреднить все данные, смешав пропорционально в одну выборку различных респондентов по социальному и материальному положению, образованию, возрасту и т. д., даст возможность в рамках региона или страны получить ответ только на отдельные простые практические вопросы. Но это не путь для глубокого аналитического изучения причинно-следственных конструкций психологического и социологического содержания.

Список источников

1. *Басимов М. М.* Изучение статистических связей в психологических исследованиях: монография. М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2008. 432 с. (Серия «Библиотека психолога»).
2. *Басимов М. М.* Нелинейная социология: монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. URL: <http://dspace.kgsu.ru/xmlui/handle/123456789/3724/browse?value=Басимов+Михаил+Михайлович&type=author>.
3. *Басимов М. М.* Типичные модели психологических процессов и их ошибочные интерпретации через «значимые» корреляции // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2017. Т. 16, № 3 (142). С. 6-18. URL: <http://rgsu.net/about/science/publishing/magazine/scientific-notes>.
4. *Басимов М. М.* Модели грубых типичных ошибок корреляционного познания сложной психологической реальности // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2017. Т. 16, № 4 (143). С. 5-19. URL: <http://rgsu.net/about/science/publishing/magazine/scientific-notes>.
5. *Горбунова О. М.* Политические установки студентов различной конфессиональной принадлежности (Психологический аспект) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 626.
6. *Кружкова О. В., Воробьева И. В., Кривощёкова М. С.* Политическая активность современной российской молодежи и маргинальные политические практики // Педагогическое образование в России. 2019. № 9. С. 22-31.
7. *Морозова Г. В.* Политические ценности и мотивации российского студенчества // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2019. № 4 (39). С. 37-41.
8. *Попова О. В., Лагутин О. В.* Политические настроения молодежи: лояльность или протест? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21, № 4. С. 599-619.
9. *Сафонова А. С., Обухова Ю. О., Танова А. Г.* Трансформация политических установок и ценностных ориентаций студенческой молодежи Санкт-Петербурга // Коммуникология. 2019. Т. 7, № 3. С. 94-104.

10. *Чув С. В., Тимохович А. Н., Гришаева С. А.* Политические ценности российской молодежи: материалы исследования // *Власть*. 2017. № 11. С. 57.
11. *Эрдынеева К. Г.* Особенности политической ментальности студенческой молодежи // *Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2014. № 3. С. 55-64.
12. *Basimov M. M.* Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods): monograph. Germany, Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 185 p.
13. *Basimov M. M.* Methods of the non-linear psychology // *Ponte. International Scientific Researches Journal*. 2016. Vol. 72, No. 7. P. 66-92. URL: <http://www.pontejournal.net>.
14. *Basimov M.* The analysis of statistical dependences in non-linear psychology // *International Journal of Psychology*. 2016. Vol. 51, Supplement S1. P. 851. (P2093). DOI: 10.1002/ijop.12332.
15. *Basimov M.* “Convenient” correlational errors in modern psychological science (mathematical aspect) // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS*. Published by the Future Academy. 2018. Vol. L. P. 137-146.
16. *Basimova P., Basimov M.* Competitiveness as the reason Impulsiveness in non-linear psychology (Five-Factor Personality Model) // *International Journal of Psychology*. 2016. Vol. 51, Supplement S1. P. 903. (P2186). DOI: 10.1002/ijop.12337.
17. *Basimova P., Basimov M.* Commitment to Principles in Pedagogic Activity (non-linear aspect) // *International Journal of Psychology*. 2016. Vol. 51, Supplement S1. P. 789. (1849 P.). DOI: 10.1002/ijop.12328.
18. *Basimov M., Ilinykh Y.* Non-linear effects in interaction “child-parent” // *International Journal of Psychology (Special Issue: XXX International Congress of Psychology)*. 2012. Vol. 47, Supplement 1. P. 261.
19. *Basimov M., Ilinykh Y.* Non-linear influence of severity on the lifemean orientations of the child // *International Journal of Psychology (Special Issue: XXX International Congress of Psychology)*. 2012. Vol. 47, Supplement 1. P. 261.
20. *Basimov M., Padurina E.* Non-linear influence of the gnostic emotional orientations on parental feelings // *International Journal of Psychology (Special Issue: XXX International Congress of Psychology)*. 2012. Vol. 47, Supplement 1. P. 403.
21. *Kornienko V., Basimov M.* Printed publications as a source of information about the policy // *The 13th Conference of the European Sociological Association (Athens, Greece, 29 August to 1 September 2017)*. Abstract Book: Athens, 2017. P. 563.

Бахтин Евгений Леонидович,
аспирант, 3 курс, Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
e.l.bakhtin@urfu.ru

НИЗОВЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ГОРОЖАН КАК ОСНОВА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНЦЕПЦИИ «ПРАВО НА ГОРОД»

Аннотация. Статья посвящена анализу различных городских инициатив жителей Екатеринбурга в рамках концепции «право на город». Дается определение понятия «право на город». Подробно описывается мероприятие «Ночь городских инициатив»: его организаторы, представленные проекты, результаты. Делается вывод о том, что право на город – это право на пространство, в котором проживает сообщество людей.

Ключевые слова: гражданское общество; право на город; городские инициативы; горожане; екатеринбуржцы; уральские города

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Свердловской области в рамках научного проекта № 20-411-660012 p_a «“Право на город”: социальная активность, мобилизация и партисипация молодежи».

Bakhtin Evgeny Leonidovich,
Postgraduate Student, 3rd year, Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
e.l.bakhtin@urfu.ru

CITIZENS' GROWTH INITIATIVES AS THE BASIS OF CIVIL SOCIETY IN THE “RIGHT TO THE CITY” CONCEPT

Abstract. The article analyses different urban initiatives of Ekaterinburg citizens within the framework of the “right to the city” concept. In this article, we present a definition of the concept of the “right to the city”. There is a detailed description of the Night of Urban Initiatives event, those who organised it, the projects presented, and the results. The conclusion is made that the right to the city is the right to the space in which a community of people lives.

Keywords: civil society; right to the city; city initiatives; townspeople; Ekaterinburg residents; Ural cities

Acknowledgements: the study is funded by RFBR and Sverdlovsk oblast as part of the project No. 20-411-660012 p_a “The Right to the City: Social Activity, Mobilization and Participation of Youth”.

Право на город – это гораздо больше, чем личная свобода доступа к городским ресурсам: это право изменить себя, изменив город. Более того, это общее, а не индивидуальное право, поскольку эта трансформация неизбежно зависит от использования коллективной силы для перестройки процессов урбанизации. Свобода создавать и переделывать наши города и самих себя [Harvey 2008].

Право на город – это не исключительное индивидуальное право, а целенаправленное коллективное право [Harvey 2012: 137]. В работах Харви большое внимание уделяется противопоставлению обычных людей (рабочего класса) собственникам капитала, которые преобразуют города под свои нужды. По его мнению, иметь право на город – претендовать на некую формирующуюся власть над процессами урбанизации, над тем, как создаются и перестраиваются наши города, и делать это фундаментальным и радикальным образом. С самого начала своего существования города возникли в результате географической и социальной концентрации добавленной стоимости [Harvey 2012: 5]. Урбанизация сыграла решающую роль в поглощении излишков капитала в постоянно увеличивающихся географических масштабах, но ценой разрастающихся процессов творческого разрушения, которые лишили массы любого права на город [Harvey 2008].

Все чаще мы видим, что право на город попадает в частные руки. Право на город в его нынешнем виде слишком узко ограничено в большинстве случаев небольшой политической и экономической элитой, которая в состоянии формировать города все больше и больше в соответствии со своими собственными желаниями [Harvey 2008: 38].

Далее в этой работе под «правом на город» мы будем понимать как свободный доступ к городским ресурсам (городским пространствам, услугам, инфраструктуре) для всех без исключения, так и возможность коллективного, совместного изменения городского пространства. При этом важно подчеркнуть, что возможность изменения городского пространства не должна принадлежать одной группе людей или одному человеку, напротив, это всегда коллективное и совместное преобразование города.

Ярким примером проявления «Права на город» горожан Екатеринбурга является «Ночь городских инициатив», которая проводится уже несколько лет и на которой инициативные группы горожан рассказывают о проектах, реализуемых ими в рамках города, предлагают партнерство и кооперацию с другими проектами и бизнесом. В 2022 году данное мероприятие проходило на базе Президентского центра Б. Н. Ельцина. Были представлены 60 совершенно разных проектов. Некоторые были представлены на сцене, некоторые были представлены экспозициями в зале. Проектам на мероприятии предлагали менторскую поддержку по продвижению и развитию. В мероприятии принимали участие представители власти (Департамент архитектуры, градостроительства и регулирования земельных отношений и Управление культуры Администрации города Екатеринбурга) и бизнеса Екатеринбурга. Главным организатором мероприятия выступает Фонд городских инициатив. Данный Фонд, помимо организации «Ночи городских инициатив», проводит программы поддержки импакт-лидеров, различные мероприятия, координирует взаимодействие коммерческого и некоммерческого секторов, то есть часто выступает медиатором

между городской властью и НКО, между бизнесом и НКО. Все проекты, представленные ночью, были разделены по 5 направлениям:

1. Помощь и защита.
2. Культура и события.
3. Сохранение идентичности.
4. Развитие территорий.
5. Не просто предпринимательство (социальное и креативное).

По каждому направлению был представлен ряд проектов, которые защищали со сцены его представители. В частности, по первому направлению – Помощь и защита – были представлены:

- «Город мастеров» (социальные мастерские для людей с ограниченными возможностями здоровья).
- «Уральский благотворительный тату марафон» (тату студия «Субкультура» устраивает благотворительный марафон по сбору средств для Областной детской клинической больницы № 1, для их паллиативного отделения).

По второму направлению – Культура и события:

- «Дебютантки без бала» (независимый театральный проект).
- «Кстати» (фестиваль науки).
- «Клоповник» (центр современного искусства Челябинска).

По третьему направлению – Сохранение идентичности:

- «Уралруин» (проект-манифест – заброшенные территории как вектор развития туризма; экскурсии по заброшенным зданиям вдоль реки Исеть от Екатеринбурга до Каменск-Уральского).

- «Улица Бажова» (экскурсии по району, по улице Бажова, организация соседских мероприятий).

По четвертому направлению – Развитие территорий:

- «Сад Нурова» (общественное пространство и сообщество).
- «Чисто Урал» (экскурсии по природным достопримечательностям, совмещенные с их уборкой).
- «Философия для жизни» (помощь в поиске своего места в жизни, событийное волонтерство).

По пятому направлению – Не просто предпринимательство (социальное и креативное):

- «Свой в доску» (прокат спортивного инвентаря, который формирует сообщество вокруг здорового образа жизни).
- «Сверхмы» (локальный бизнес Верхотурья по мыловарению. Параллельно развитие местного бренда, символики, продвижение локальной культуры, экскурсии по городу).

Были представлены многочисленные коммерческие компании Екатеринбурга, которые были готовы пожертвовать деньги, предоставить площадки, организовать кооперацию и сотрудничество по многим направлениям.

Разными компаниями были отмечены проекты и розданы лоты помощи:

1. «Усадьба Рязанова» (четырежды отмечен).
2. «Благотворительный тату марафон» (дважды отмечен).
3. «Улица Бажова» (дважды отмечен).
4. «Дебютантки без бала» (дважды отмечен).
5. «Стигма» (дважды отмечен).
6. «Город мастеров».
7. «Философия для жизни».
8. «Бодипозитивные чашки».
9. «Сверхмы».
10. «Значки с душой».
11. «Е-сказы».
12. «Кому за».
13. «Морт морнинг».
14. «Голоса города».
15. «Мобильный пункт заботы».
16. «Клоповник».
17. «Фестиваль уральского кино “Ойка”».
18. «Натуралист FM».
19. «Свой в доску».
20. «Передвижницы».
21. «Ни к селу, ни к городу».

Примечательно, что бизнес города Екатеринбург не остался в стороне и принял посильное участие в мероприятии. Мы видим, что были розданы более 20 лотов, которые являются различными видами поддержки. Некоторые проекты отмечали не единожды.

Главные призы в каждой номинации получили:

- По направлению Помощь и защита – «Уральский благотворительный тату марафон».
- По направлению Культура и события – «Клоповник».
- По направлению Сохранение идентичности – «Уралруин».
- По направлению Развитие территорий – «Сад Нурова».
- По направлению Не просто предпринимательство – «Сверхмы».

Важно отметить, что на официальном сайте Фонда городских инициатив имеется каталог проектов из совершенно разных сфер общественной жизни города Екатеринбурга [Каталог проектов], которые исчисляются десятками. Многие проекты на сайте можно рассматривать как примеры социального предпринимательства.

Хотя к пониманию социального предпринимательства имеется множество подходов. В нормативно-правовом поле Российской Федерации понятие социального предпринимательства определяется Федеральным законом «О развитии малого и среднего предпринимательства в Россий-

ской Федерации» [О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации, Федеральный закон № 209 от 2007 г.]. В нем социальное предпринимательство – это предпринимательская деятельность, направленная на достижение общественно полезных целей, способствующая решению социальных проблем граждан и общества и соответствующая одному или нескольким из следующих условий [О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации, Федеральный закон № 209 от 2007 г.], согласно таблице.

Таблица

Социальное предпринимательство

Деятельность	Факторы
1. Обеспечивать занятость граждан	<p>Категории граждан:</p> <ul style="list-style-type: none"> а) инвалиды и лица с ограниченными возможностями здоровья; б) одинокие и (или) многодетные родители, воспитывающие несовершеннолетних детей, в том числе детей-инвалидов; в) пенсионеры и граждане предпенсионного возраста; г) выпускники детских домов в возрасте до двадцати трех лет; д) лица, освобожденные из мест лишения свободы и имеющие неснятую или непогашенную судимость; е) беженцы и вынужденные переселенцы; ж) малоимущие граждане; з) лица без определенного места жительства и занятий; и) граждане, не указанные в подпунктах «а» – «з» настоящего пункта, признанные нуждающимися в социальном обслуживании <p>Виды деятельности – не указаны</p> <p>Условия:</p> <ul style="list-style-type: none"> а) по итогам предыдущего календарного года среднесписочная численность лиц, относящихся к любой из таких категорий, составляет не менее пятидесяти процентов (но не менее двух лиц); б) доля расходов на оплату труда лиц, относящихся к любой из таких категорий, составляет не менее двадцати пяти процентов
2. Обеспечивать реализацию производимых гражданами товаров (работ, услуг)	<p>Категории граждан:</p> <ul style="list-style-type: none"> а) инвалиды и лица с ограниченными возможностями здоровья; б) одинокие и (или) многодетные родители, воспитывающие несовершеннолетних детей, в том числе детей-инвалидов; в) пенсионеры и граждане предпенсионного возраста; г) выпускники детских домов в возрасте до двадцати трех лет;

	<p>д) лица, освобожденные из мест лишения свободы и имеющие неснятую или непогашенную судимость;</p> <p>е) беженцы и вынужденные переселенцы;</p> <p>ж) малоимущие граждане;</p> <p>з) лица без определенного места жительства и занятий;</p> <p>и) граждане, не указанные в подпунктах «а» – «з» настоящего пункта, признанные нуждающимися в социальном обслуживании</p>
	<p>Виды деятельности – не указаны</p>
	<p>Условия:</p> <p>а) доля доходов от осуществления деятельности по итогам предыдущего календарного года должна составлять не менее пятидесяти процентов в общем объеме доходов;</p> <p>б) доля полученной чистой прибыли за предшествующий календарный год, направленная на осуществление такой деятельности в текущем календарном году, должна составлять не менее пятидесяти процентов от размера указанной прибыли</p>
<p>3. Осуществлять деятельность по производству товаров (работ, услуг), предназначенных для граждан в целях создания для них условий, позволяющих преодолеть или компенсировать ограничения их жизнедеятельности, а также возможностей участвовать наравне с другими гражданами в жизни общества</p>	<p>Категории граждан:</p> <p>а) инвалиды и лица с ограниченными возможностями здоровья;</p> <p>б) одинокие и (или) многодетные родители, воспитывающие несовершеннолетних детей, в том числе детей-инвалидов;</p> <p>в) пенсионеры и граждане предпенсионного возраста;</p> <p>г) выпускники детских домов в возрасте до двадцати трех лет;</p> <p>д) лица, освобожденные из мест лишения свободы и имеющие неснятую или непогашенную судимость;</p> <p>е) беженцы и вынужденные переселенцы;</p> <p>ж) малоимущие граждане;</p> <p>з) лица без определенного места жительства и занятий;</p> <p>и) граждане, не указанные в подпунктах «а» – «з» настоящего пункта, признанные нуждающимися в социальном обслуживании</p> <p>Виды деятельности:</p> <p>а) деятельность по оказанию социально-бытовых услуг, направленных на поддержание жизнедеятельности в быту;</p> <p>б) деятельность по оказанию социально-медицинских услуг, направленных на поддержание и сохранение здоровья путем организации ухода, оказания содействия в проведении оздоровительных мероприятий, систематического наблюдения для выявления отклонений в состоянии здоровья;</p> <p>в) деятельность по оказанию социально-психологических услуг, предусматривающих оказание помощи в коррекции психологического состояния для</p>

	<p>адаптации в социальной среде;</p> <p>г) деятельность по оказанию социально-педагогических услуг, направленных на профилактику отклонений в поведении;</p> <p>д) деятельность по оказанию социально-трудовых услуг, направленных на оказание помощи в трудоустройстве и в решении иных проблем, связанных с трудовой адаптацией;</p> <p>е) деятельность по оказанию услуг, предусматривающих повышение коммуникативного потенциала, реабилитацию и социальную адаптацию, услуг по социальному сопровождению;</p> <p>ж) производство и (или) реализация медицинской техники, протезно-ортопедических изделий, программного обеспечения, а также технических средств, которые могут быть использованы исключительно для профилактики инвалидности или реабилитации (абилитации) инвалидов;</p> <p>з) деятельность по организации отдыха и оздоровления инвалидов и пенсионеров;</p> <p>и) деятельность по оказанию услуг в сфере дополнительного образования;</p> <p>к) деятельность по созданию условий для беспрепятственного доступа инвалидов к объектам социальной, инженерной, транспортной инфраструктур и пользования средствами транспорта, связи и информации</p>
	<p>Условия:</p> <p>а) доля доходов от осуществления такой деятельности по итогам предыдущего календарного года составляет не менее пятидесяти процентов в общем объеме доходов;</p> <p>б) доля полученной субъектом малого или среднего предпринимательства чистой прибыли за предшествующий календарный год, направленная на осуществление такой деятельности в текущем календарном году, составляет не менее пятидесяти процентов от размера указанной прибыли</p>
<p>4. Осуществлять деятельность, направленную на достижение общественно полезных целей и способствующую решению социальных проблем общества</p>	<p>Категории граждан – не указаны</p> <p>Виды деятельности:</p> <p>а) деятельность по оказанию психолого-педагогических и иных услуг, направленных на укрепление семьи, обеспечение семейного воспитания детей и поддержку материнства и детства;</p> <p>б) деятельность по организации отдыха и оздоровления детей;</p> <p>в) деятельность по оказанию услуг в сфере дошкольного образования и общего образования, дополнительного образования детей;</p> <p>г) деятельность по оказанию психолого-педагогической,</p>

	<p>медицинской и социальной помощи обучающимся, испытывающим трудности в освоении основных общеобразовательных программ, развитии и социальной адаптации;</p> <p>д) деятельность по обучению работников и добровольцев (волонтеров) социально ориентированных некоммерческих организаций, направленному на повышение качества предоставления услуг такими организациями;</p> <p>е) культурно-просветительская деятельность (в том числе деятельность частных музеев, театров, библиотек, архивов, школ-студий, творческих мастерских, ботанических и зоологических садов, домов культуры, домов народного творчества);</p> <p>ж) деятельность по оказанию услуг, направленных на развитие межнационального сотрудничества, сохранение и защиту самобытности, культуры, языков и традиций народов Российской Федерации;</p> <p>з) выпуск периодических печатных изданий и книжной продукции, связанной с образованием, наукой и культурой</p>
	<p>Условия:</p> <p>а) доля доходов от осуществления такой деятельности по итогам предыдущего календарного года составляет не менее пятидесяти процентов в общем объеме доходов;</p> <p>б) доля полученной чистой прибыли за предшествующий календарный год, направленная на осуществление такой деятельности в текущем календарном году, составляет не менее пятидесяти процентов от размера указанной прибыли</p>

Существует множество различных определений социального предпринимательства. Например, в рамках Глобального мониторинга предпринимательства социальная предпринимательская деятельность определяется как любой вид деятельности, организации или инициативы, имеющей конкретную социальную, экологическую или общественную миссию. Сюда может входить предоставление услуг или обучение социально незащищенных слоев населения, деятельность, направленная на уменьшение загрязнения окружающей среды, организация групп самопомощи в рамках небольших социальных групп и т. д. [GEM 2015 Report on social entrepreneurship].

Среди академического сообщества еще нет устоявшегося определения социального предпринимательства. Часто под социальным предпринимательством понимают любую деятельность, направленную на решение социальных, экологических или общественных проблем. В данном определении под социальное предпринимательство подпадает в том числе и благотворительность. Для более подробного изучения считаем целесообразным определять социальными предпринимателями в широком

смысле всех, кто начинает или в настоящее время руководит любой деятельностью, организацией или инициативой, имеющей конкретные социальные, экологические или общественные миссии.

Социальные предприниматели всегда так или иначе решают ряд важнейших острых проблем, с которыми сталкиваются современные городские сообщества. К сожалению, не всегда имеется возможность финансирования таких проектов, поэтому чаще всего в их основе лежит устойчивая бизнес-модель, жизнеспособная в рыночных условиях.

Проекты, которые были отмечены бизнесом не единожды, могут свидетельствовать о важных проблемах, которые присутствуют в городе. В частности, проект «Усадьба Рязанова» был четырежды отмечен, проект «Благотворительный тату марафон» был дважды отмечен, проект «Улица Бажова» был дважды отмечен, проект «Дебютантки без бала» был дважды отмечен и проект «Стигма» был дважды отмечен. В итоге мы видим, что «Усадьба Рязанова» получила больше всего внимания со стороны бизнеса. В Екатеринбурге традиционно жители трепетно относятся к историческим зданиям, которых осталось совсем немного и которых с каждым годом становится все меньше и меньше.

Подводя итог, стоит не забывать, что «право на город» подразумевает под собой право не столько на город, сколько на то пространство, населенный пункт, в котором проживает сообщество людей. Например, некоторые социальные предприниматели располагаются не только в городе, но и в деревнях Свердловской области. Хотя большинство проблем имеют пространственный аспект, но их истоки лежат в экономической, социальной, политической сферах, пространственная составляющая является частичной причиной и обострением, но только частичной [Marcuse 2009: 195].

Список источников

1. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

2. Каталог проектов // Фонд городских инициатив. URL: <https://uralcitizen.ru/projects> (дата обращения: 25.02.2022).

3. *Marcuse P.* From critical urban theory to the right to the city // *City*. 2009. Vol. 13, No. 2-3. DOI: 10.1080/13604810902982177.

4. *Harvey D.* The right to the city // *New Left Review*. 2008. No. 53 (September – October). P. 23-40. URL: <https://newleftreview.org/issues/II53/articles/david-harvey-the-right-to-the-city> (accessed: 25.02.2022).

5. *Harvey D.* *Rebel Cities: From the Right to the City to the Urban Revolution*. New York: Verso, 2012.

6. GEM 2015 Report on social entrepreneurship// Global Entrepreneurship Monitor. URL: <https://www.gemconsortium.org/report/gem-2015-report-on-social-entrepreneurship> (accessed: 25.02.2022).

Браславец Константин Олегович,
студент 4 курса кафедры политических наук,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
serozeevkonstantin@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ДЕКОММУНИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются понятие декоммунизации и основные проблемы ее проведения в Российской Федерации, приводятся результаты социальных опросов и исследований мнения россиян о Советском Союзе. Автором рассматриваются различные причины, затрудняющие проведение декоммунизации в России, и ставятся под вопрос ее перспективы и целесообразность.

Ключевые слова: декоммунизация; советский народ; национальная идентичность; наднациональная идентичность; культурное наследие

Braslavets Konstantin Olegovich,
4th year Student of Department of Political Science,
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
serozeevkonstantin@gmail.com

PROBLEMS OF DECOMMUNIZATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article discusses the concept of decommunization and the main problems of its implementation in the Russian Federation, provides the results of social surveys and studies of the opinion of Russians about the Soviet Union. The author examines various reasons that make it difficult to carry out decommunization in Russia and questions its prospects and expediency.

Keywords: decommunization; the Soviet people; national identity; supranational identity; cultural heritage

После распада Советского Союза, также ставшего окончанием социалистического периода в истории входивших в него стран и народов, перед ними встал вопрос о создании своей новой политической идентичности, основанной не на коммунистической идеологии, а на культуре и традиции народов, проживающих в этих странах.

В связи с тем, что коммунистическая идеология советского государства распространялась на все сферы общества, она также задела и национальную идентичность большей части народов страны.

В частности, государством реализовывался большой социокультурный проект, стремившийся создать наднациональную идентичность граждан СССР как представителей «Советского народа» [Гребенюк]. Идея «Советского народа» заключалась в объединении граждан страны

на базе единой принадлежности к коммунистическим идеалам и советской Родине. Несмотря на то, что напрямую эта концепция не покушалась на национальную идентичность народов Советского Союза, фактически она претендовала на замену собой национальных идентичностей, поскольку соответствовала идее построения коммунистического общества нового типа. И хотя данный проект не увенчался полным успехом, он смог оказать воздействие на большую часть народов СССР, хотя успешность данного воздействия различалась от народа к народу.

Наиболее сильного влияния данный проект добился на народах России, Украины и Беларуси, в первую очередь на русском народе [Гребенок]. Также он оказался относительно успешен среди народов Средней Азии. Меньше остальных «советизировались» прибалтийские республики в силу того, что были присоединены к Советскому Союзу после этапа независимости в своей истории, в ходе которого у них была выработана сильная национальная идентичность. По этой причине наиболее легко и без сильного сопротивления в обществе декоммунизация прошла в основном лишь в этих странах.

Теперь же, перед дальнейшим рассмотрением декоммунизации, необходимо задать четкие рамки данному термину. С этой целью воспользуемся определением, данным Н. Е. Яценко, который трактует декоммунизацию как *теоретическую и практическую деятельность, направленную на отказ от коммунистических идеалов, на устранение коммунистической идеологии из всех сфер жизни общества* [Яценко]. Таким образом мы будем рассматривать декоммунизацию как полноценную и последовательную государственную политику в отношении наследия социалистического периода страны и коммунистической идеологии как таковой.

Опуская рассмотрение особенностей декоммунизации в других постсоветских странах, перейдем к рассмотрению непосредственно российского положения дел в данном вопросе.

Несмотря на то, что Россия, будучи РСФСР, была одной из ключевых советских республик, выход которых фактически развалил СССР и которая, более того, вышла раньше большинства остальных стран, входящих в Советский Союз, декоммунизация в ней так и не была проведена. Более того, все попытки ее начать встречали сильное сопротивление общественности, даже несмотря на то, что исходили от президента Ельцина, находившегося тогда практически на пике своей популярности и заработавшего ее во многом на своем противостоянии с союзным руководством и КПСС.

У такого парадоксального феномена имеется большое количество причин, которые перед рассмотрением будет лучше разделить на три основные группы факторов: *культурная, политическая, социально-экономическая*.

Культурная группа факторов предстает в виде двух основных причин: прямой и полноправной наследственной преемственности России к СССР [Дышенков] и, соответственно, сохранения части советской идентичности основным народом России – русскими.

Как видно, первая причина во многом обуславливает вторую, но сама она обуславливается тем, что Советский Союз воспринимается россиянами и русскими, в особенности прямым «предком» современной России, по причинам того, что сама Россия фактически была ядром СССР и не чувствовала себя провинциальной частью большой и чужой империи. В частности, так Советский Союз воспринимается многими, хотя и не всеми представителями других народов Страны советов, которые видят свой выход из него как освобождение и обретение независимости, в чем частично черпают свою национальную идентичность. Российское же представление СССР фактически является представлением России, но в своей другой формации. Соответственно, коммунистическая партия и ее генеральные секретари рассматриваются как своя политическая элита и свои правители, а не чужеземные императоры.

Соответственно, подобное рассмотрение СССР позволяет сохранять часть советской идентичности, в том числе благодаря памяти поколений. Например, нынешняя двадцатилетняя молодежь во многом воспитывалась своими бабушками и дедушками, чья молодость и становление как личности пришлись на СССР и которые воспринимали его как свою страну. Соответственно, они передавали это восприятие своим внукам, вместе с ностальгическими окрасами, которые свойственны человеческой психике. К этому следует присовокупить и гордость за предыдущую формацию, которую можно разделить: Советский Союз внес решающий вклад в разгром нацистской Германии, отправил первого человека в космос, да и в целом был сверхдержавой, конкурировавшей на равных с США и Европой [Владимиров].

Политическая группа факторов представляется в большем перечне основных причин: сохранение у власти большого количества бывших советских партийных и государственных деятелей, которые не подверглись люстрациям; сильная поддержка коммунистов в обществе, во многом обусловленная культурными причинами; сильный прокоммунистический Верховный Совет; эксплуатация советской преемственности в политических целях нынешней властью и по-прежнему сохранение власти людьми, которые прошли молодость и становление себя как личности в Советском Союзе.

Как и в предыдущей группе факторов, можно заметить сильную взаимосвязанность большей части причин, в частности сохранение большого количества бывших партийных и государственных деятелей обосновано сильной поддержкой коммунистов в российском обществе, как и сильный прокоммунистический парламент. В этой связи особый интерес

вызывает эксплуатация советского наследия нынешними властями, которая основана на стремлении увеличить свою легитимность за счет преемственности и разделения достижений советской власти. Кроме того, поддержание советского наследия позволяет повысить поддержку у важной части населения, часто ходящего на выборы – у пенсионеров [Кандыба]. Фактор того, что большая часть высшей политической элиты сегодня также является личностями, прошедшими свое становление еще в СССР, добавляет силы их части советской идентичности и преемственности.

Социально-экономическая группа факторов включает следующие, немаловажные причины: сложный переходный период 90-х годов; сильное социальное неравенство и расслоение по уровню доходов среди населения [Сампиев 2012]; череда тяжелых экономических кризисов, вызванных санкциями, пандемией и кризисами мировой экономики.

Все эти весьма последовательные причины так или иначе приводят к поиску альтернативы существующему порядку вещей, и зачастую этой альтернативой выступает представление о прошлом как о лучшем. Это представление базируется как на многих мифах, ходящих о Советском Союзе как равной и справедливой стране, так и на ностальгии старших поколений, которые дают младшим определенный ориентир. Кроме того, в Советском Союзе в самом деле было весьма слабое расслоение общества, как минимум по уровню доходов, если не считать сословного, хоть и неформального, разделения населения на номенклатуру и простых граждан.

Все эти группы факторов и конкретные причины в них сильно взаимосвязаны с другими, а также приведены здесь не в полном объеме, но так или иначе благодаря всем им декоммунизация в нашей стране полноценно не проводится, а все подобные попытки, как правило, далеко не заходят.

Тем не менее, несмотря на отсутствие полноценной декоммунизации, можно назвать «первой волной» данного процесса события, произошедшие через некоторое время после распада СССР. Тогда было сменено большое количество советских названий областей и городов, хотя и скорее на базе пожелания граждан, поскольку даже Свердловская и Ленинградская области сохранили названия советских деятелей, хотя и сменили названия своих городов. Также это касается символики многих областей и городов России, на которых бывают изображены полотно РСФСР, серп и молот, звезда, а порой и все вместе, как это существует, например, на флаге города Орла. Кроме этого, изредка удалялись или заменялись памятники советским деятелям в городах, а также менялись фасады зданий, которые изображали символику времен социалистического периода, и проводились прочие, преимущественно мелочные и не систематические действия в данном направлении.

Однако после этой весьма слабой и неуверенной «волны», в большей мере являвшейся декоративным и мелочным процессом, стали проявляться тенденции к усилению преемственности к Советскому Союзу, в частности

изменение гимна в первый срок президентства Владимира Путина на измененную версию гимна СССР, где были сохранены мелодия советского гимна и общий мотив. Более того, сохранилось и большое количество слов в тексте, характерных для социалистических гимнов в принципе.

Причиной слабого влияния «первой волны» декоммунизации и последующих реставрационных действий по отношению к советским элементам является вся совокупность причин, часть из которых мы рассмотрели ранее. Наши граждане и после распада СССР, и даже в данный момент относятся к Советскому Союзу скорее положительно или нейтрально, чем отрицательно. Поэтому они видят советские элементы и памятники эпохи как предметы исторического наследия России, а не как след чужеземных завоевателей или тоталитарной большевистской диктатуры, базировавшейся не столь на культуре и ценностях русского народа, сколь на идеологической доктрине своей партии.

Подтверждением перечисленному выше также служат результаты различных социальных опросов и исследований.

Вопрос необходимости декоммунизации в нашей стране является дискуссионным. С одной стороны, многие объекты советского наследия, в первую очередь символического характера, в силу смешивания российской национальной идентичности с советской наднациональной воспринимаются большим количеством граждан как относящиеся к российскому историческому и культурному наследию в целом, как и памятники монархического периода отечественной истории.

Конечно, основными носителями данных взглядов являются представители старшего поколения, которые застали Советский Союз и которые могут чувствовать свою принадлежность к нему, а таких по естественным причинам со временем становится все меньше. Уже сейчас медианный возраст превышает 36 лет у мужчин и 42 у женщин [Щербатова], то есть половина населения страны застала Советский Союз в лучшем случае номинально, помнит его по обрывочным детским воспоминаниям и, соответственно, не испытывает к нему особой привязанности.

ЧТО, ПО-ВАШЕМУ, ХАРАКТЕРНО ДЛЯ ТОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПУТИ, ПО КОТОРОМУ НАША СТРАНА ДВИГАЛАСЬ ПРИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ? ТОП-10 ОТВЕТОВ, %

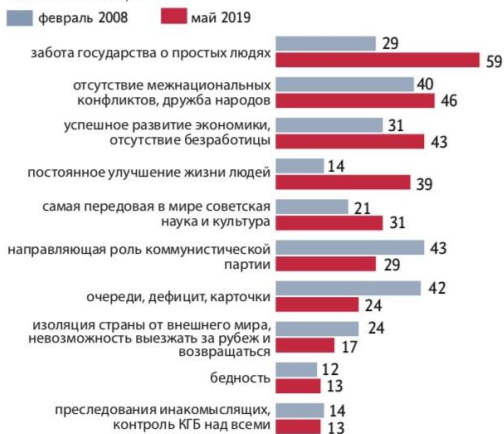

Рисунок 1 [Мухаметшина]

С чем у россиян ассоциируется СССР

Открытый вопрос. Указаны ответы, набравшие 5% и более

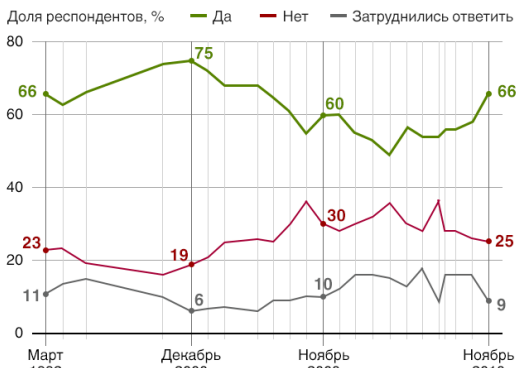

Источник: опрос ВЦИОМ

© РБК, 2021

Рисунок 2 [Кузнецова]

Сожалуют ли россияне о распаде СССР

Источник: "Левада-центр". Опрос проведен 22 – 28 ноября 2018 года по выборке объемом 1600 человек в возрасте от 18 лет и старше в 136 населенных пунктах, 52 субъектах РФ. Статистическая погрешность не превышает 3,4%

Рисунок 3 [Григорьева]

Однако в силу упомянутого выше культурного феномена смещения двух идентичностей молодые поколения, вероятно, станут воспринимать памятники советской эпохи так, как они воспринимаются их родителями и дедами. В этой связи можно предположить, что в силу такого парадоксального смещения серьезная и полноценная декоммунизация в России возможна лишь посредством использования политической воли правящих элит, которые решат отказаться от советского наследия страны.

Список источников

1. *Владимиров В.* Почему многие россияне до сих пор тоскуют по советским временам? // Голос Америки [веб-сайт] URL: <https://www.golosameriki.com/a/russian-phenomenon-of-nostalgia-30-years-without-ussr/6350304.html> (дата обращения: 27.02.2022)

2. *Григорьева А.* Число россиян, ностальгирующих по СССР, достигло максимума за последние 10 лет // BBC [веб-сайт] URL: <https://www.bbc.com/russian/news-46616462> (дата обращения: 28.02.2022).

3. *Гребенок М. Н.* Советский народ: государственно-политический конструкт // Аналитика культурологии. 2011. № 21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskiy-narod-gosudarstvenno-politicheskiy-konstrukt> (дата обращения: 27.02.2022).

4. *Дышеков А. З.* Советское культурное наследие в судьбах современной России // upload.pgu.ru [веб-сайт]. URL: https://upload.pgu.ru/iblock/bf4/Pages-from-SNast-11_130-sht_42.pdf (дата обращения: 27.02.2022).

5. *Кандыба Р. А.* Пенсионеры как электоральная группа на выборах в Государственную Думу // Universum: общественные науки. 2017. № 7 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pensionery-kak-ekonomicheskaya-gruppa-na-vyborah-v-gosudarstvennuyu-dumu> (дата обращения: 27.02.2022).

6. *Кузнецова Е.* Каждый пятый россиянин не смог правильно расшифровать аббревиатуру СССР // РБК [веб-сайт] URL: <https://www.rbc.ru/society/06/12/2021/61aa01119a7947cbc8c284dc> (дата обращения: 28.02.2022).

7. *Мухаметшина Е.* Три четверти россиян считают советскую эпоху лучшей в истории страны // Ведомости [веб-сайт] URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/03/23/825985-tri-chetverti> (дата обращения: 28.02.2022).

8. *Самтиев И. М.* Социальное неравенство в реалиях современной России // Теория и практика общественного развития. 2012. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-neravenstvo-v-realiyah-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 27.02.2022).

9. *Щербатова Е.* По оценкам на начало 2021 года дети в возрасте до 15 лет составляют 17,7% населения России, пожилые люди 65 лет и старше – 15,8% // Демоскоп [веб-сайт]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0911/barom03.php> (дата обращения: 28.02.2022).

10. *Яценко Н. Е.* Декоммунизация // Толковый словарь обществоведческих терминов [веб-сайт]. URL: https://www.slovarnik.ru/html_tsot/d/dekommunizaci8.html (дата обращения: 27.02.2022).

Глушкова Светлана Игоревна,
доктор политических наук,
заведующий кафедрой прав человека,
Гуманитарный университет (г. Екатеринбург),
glsvig@yandex.ru

Летунов Евгений Дмитриевич,
магистр юриспруденции,
аспирант Гуманитарный университет (г. Екатеринбург),
специалист-эксперт Управления Федеральной службы
государственной статистики по Свердловской области
и Курганской области,
defrazo@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация. Развитие цифровых технологий в начале XXI века запустило глубокий процесс трансформации государства и общества. Цифровизация правовых, политических и социально-экономических процессов способствует развитию политико-правовых коммуникаций и появлению цифровых прав человека как новой категории прав, постепенное развитие которых оказывает влияние на современные политические процессы и развитие общественно-политической сферы в государствах. В данной работе проведен анализ тенденций развития цифровых прав человека, политико-правовых коммуникаций и информационно-цифрового пространства, которое сформировалось и активно развивается под влиянием цифровой трансформации политики и права.

Ключевые слова: права человека; цифровые права; политико-правовые коммуникации; цифровые технологии; интернет-коммуникации; интернет-технологии; цифровая трансформация; политические процессы

Glushkova Svetlana Igorevna,
Doctor of Political Science,
Head of Department of Human Rights,
University for Humanities (Ekaterinbyrg),
glsvig@yandex.ru.

Letunov Evgeny Dmitrievich,
Master of Jurisprudence, Postgraduate Student
of University for Humanities (Ekaterinburg),
Specialist-Expert of Department of the Federal State Statistics Service
in Sverdlovsk and Kurgan regions,
defrazo@yandex.ru.

FEATURES OF HUMAN RIGHTS DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF POLITICAL AND LEGAL COMMUNICATIONS IN THE DIGITAL AGE

Abstract. The development of digital technologies at the beginning of the XXI century launched a deep process of transformation of the state and society. Digitalization of legal, political and socio-economic processes contributes to the development of political and legal communications and the emergence of digital human rights as a new category of rights, the gradual development of which has an impact on modern political processes and the development of the socio-political sphere in states. This paper analyzes the trends in the development of digital human rights, political and legal communications and information and digital space, which has been formed and is actively developing under the influence of the digital transformation of politics and law.

Keywords: human rights; digital rights; political and legal communications; digital technologies; Internet communications; Internet technologies; digital transformation; political processes

Пандемия изменила мир до неузнаваемости, и это произошло во многих сферах жизнедеятельности личности, в политических процессах и общественных отношениях, в праве и политике, во внутриполитических и международных направлениях современного развития. Ожидание быстрого окончания пандемии и возвращения жизни в прежнее русло было для многих жителей мира слабой надеждой, но все-таки в первые месяцы пандемии такие предположения сохранялись.

Глобальные и локальные вызовы пандемии и постпандемии привели к разрушению многих культурных ценностей, а также к критическому переосмыслению многих политических, правовых, экономических и социальных процессов и феноменов, изменению жизненных установок, стереотипов и приоритетов миллионов людей на Земле.

Однако современные темпы развития цифровизации, совершенствование информационных технологий постепенно позволили (развитым и развивающимся странам в различной степени) – в зависимости от степени реагирования органов государственной власти (федеральных, региональных, муниципальных) и уровня развития, социально-экономических возможностей той или иной страны – восстановить и развивать социально-экономическую, культурную, медицинскую и иные сферы с использованием дистанционных технологий, цифровых ресурсов, в том числе телемедицины.

В самой сложной ситуации изначально в период пандемии оказались социально уязвимые группы населения (люди серебряного возраста, инвалиды, женщины, дети, особенно из малообеспеченных семей), и такая ситуация сохраняется во многом и до сих пор, несмотря на предоставляемые пособия и льготы, проводимые индексации пенсионных и иных пособий.

В тяжелых и во многом трагических условиях пандемии и постпандемии перед глобальными и локальными вызовами оказалась прежде всего

многоликая и многовекторная сфера культуры, в том числе политической, экономической, духовной, правовой, национальной, народной культуры.

Ответом на эти вызовы в ряде стран и регионов стала растущая солидарность, в том числе возрождающаяся культура солидарности, которая чаще всего формируется (или восстанавливается) и укрепляется в военные периоды, во время чрезвычайных и экстремальных ситуаций.

Фактически периоды пандемии и постпандемии можно в определенной степени сопоставить с военным и поствоенным периодом, ибо почти в каждой семье можно с горечью и сожалением констатировать утраты близких, или родных, или друзей семьи или серьезное ухудшение здоровья, вплоть до потери трудоспособности.

Пандемия и постпандемия обострили взаимоотношения власти и общества, власти и человека, семейные отношения, отношения потребителя и производителя, особенно в сфере услуг (образовательных, медицинских и иных), и выявили многие проблемы, которые оставались прежде в тени, как скрытые угрозы, латентные противоречия, недостатки финансирования, провалы в планировании и распределении бюджета и/или упущения при оценке рисков, неверные приоритеты в политике или производстве, в оптимизации сферы здравоохранения и др.

Культура выживания стала новой реальностью, и она своя у противников прививок, другая – у сторонников вакцинации и т. д., и так можно выделить множество позиций, по которым наблюдается поляризация мнений, ведущая к мягкому или жесткому расколу общества. Можно говорить о культуре противостояния или культуре взаимодействия и т. д.

С другой стороны, в периоды пандемии и постпандемии вынужденный переход на дистант и общение в формате видео-конференц-связи (профессиональное, научное, бытовое, деловое и др.) расширили границы и пространства в межрегиональном и международном масштабе, что способствовало появлению новых сообществ и направлений сотрудничества.

Наряду с этим ускорился процесс разработки и распространения образовательных ресурсов в медиасфере, что повысило уровень доступности, увеличило количество обучающихся, способствовало развитию конкурентной, многопрофильной образовательной среды. Увеличилось число пользователей образовательных ресурсов СПС Гарант, СПС КонсультантПлюс, ЭБС Знаниум и др.

Многие культурные центры, музейные комплексы, образовательные организации в периоды пандемии и постпандемии стали более активно и интенсивно разрабатывать доступные широкой аудитории цифровые ресурсы, образовательные программы, что способствует просвещению и/или повышению уровня образования (культурного, экономического, правового, гуманитарного, медицинского и др.). И это особенно важно для формирования политической и правовой культуры, гуманистической культуры, культуры прав человека.

Необходимо отметить, что соблюдение в государстве прав человека, их обеспечение и защита зависят напрямую от исторического периода, в котором существуют права человека (признаны, закреплены и реализуются на практике), его политического и правового содержания, а также уровня социально-экономического развития.

Степень развития и доступность информационных технологий отражаются в индикаторах защиты прав и свобод человека и гражданина: они указывают на вектор научно-технического и правового развития в государстве, что, в свою очередь, сказывается на доступности гражданам возможностей защиты своих прав и свобод.

Существующий на сегодняшний день объем прав и свобод человека был сформирован во время второй волны глобализации, основополагающими факторами которой были последствия Второй мировой войны и уровень научно-технического развития государств того времени.

Впервые универсальный перечень прав и свобод человека был разработан Комиссией по правам человека, созданной после учреждения ООН в 1945 г. После долгих дискуссий и обсуждения нескольких проектов была разработана Всеобщая декларация прав человека, принятая 10 декабря 1948 г. и закрепившая в качестве основной ценности послевоенного мира право человека на жизнь. Элеонора Рузвельт, председатель Комиссии, изначально поставила перед членами задачу подготовки компактного, доступного и понятного любому человеку документа. В результате в 30 статьях Всеобщей декларации прав человека были закреплены пять основных групп прав человека, ставшие классическими в правозащитных типологиях: политические, гражданские (или личные), экономические, социальные, культурные. Этот каталог прав человека стал основой, фундаментом для послевоенных конституций стран мира, несмотря на рекомендательный характер декларации.

Наряду с международными стандартами по правам человека в рамках деятельности ООН разрабатывались модели новых правозащитных институтов и механизмов, которые были апробированы, реализованы в различных органах ООН (основных, вспомогательных, договорных), специализированных учреждениях ООН (таких как Всемирная организация здравоохранения, Международная организация труда, ЮНЕСКО, ЮНИФЕМ, ЮНИСЕФ и др.) и государствах – членах ООН (например, институт омбудсмана – уполномоченного по правам человека, или правам ребенка, или правам женщин и др.).

В связи с проблематикой пандемии и постпандемии надо отметить особое значение Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ), которая на протяжении всего периода деятельности – благодаря финансовой поддержке государств – членов ООН – неоднократно вела и продолжает борьбу с эпидемиями, инфекционными и онкологическими заболеваниями, пропагандирует и проводит вакцинацию (в том числе детей и

взрослого населения в развивающихся странах, используя содействие по-слов мира – известных деятелей культуры, прежде всего знаменитых на весь мир артистов кино, певцов и др.). Однако ВОЗ была подвергнута резкой критике со стороны ряда политических лидеров за то, что, по их мнению, не смогла предотвратить пандемию и защитить от нее человечество, не смогла достаточно оперативно реагировать на вызовы пандемии. Эти лидеры высказывали требования ограничить финансирование ВОЗ в связи с такой, по их мнению, неэффективной работой в условиях пандемии. Однако такие мнения не были поддержаны мировым сообществом, большинством политических лидеров, которые в целом оценивали работу ВОЗ как продуктивную и совместную, за которую несут ответственность не только сотрудники ВОЗ, но и все страны мира, представленные в ВОЗ.

В периоды пандемии и постпандемии особенно актуальным стал вопрос о культуре здорового образа жизни (ЗОЖ), культуре здорового отношения к себе и к окружающим, культуре здоровья, культуре общественно-го здоровья. Такие виды культуры еще предстоит формировать и развивать во многих обществах и государствах, они отнюдь не повсеместное и распространенное явление. И здесь важную роль играет не только знание основ и стандартов лечения, восстановления, реабилитации, но прежде всего знание основ профилактики, культура здоровьесбережения. Актуальна, нужна и востребована в связи с этим в каждой стране мира государственная политика по здоровьесбережению народа в целом и каждого человека в отдельности, а также наличие доступных и известных каждому правозащитных институтов и эффективных механизмов защиты права на охрану здоровья и медицинскую помощь, права на здоровье.

Оценивая правозащитную деятельность ООН, надо отметить, что постепенно с 1945 г. за полвека в ООН были разработаны и приняты, подписаны, ратифицированы и вступили в силу многочисленные международные правовые акты о правах человека, в том числе посвященные правам отдельных категорий лиц: по правам ребенка, женщин, инвалидов, беженцев, мигрантов и др. Данные акты стали международными стандартами для правительств стран мира, власти и общества государств – членом ООН, которые должны были соблюдать, обеспечивать и защищать закрепленные в них права человека, создавать и укреплять институты и механизмы защиты.

Фактически к концу XX в. права человека трех поколений (согласно классической концепции поколений прав человека К. Васака) были закреплены в международных актах ООН, объединившей под своей эгидой почти 200 стран мира.

Новые поколения прав человека – информационные, коммуникативные, экологические, соматические, цифровые – постепенно начинают обсуждаться политологами, философами, правоведами в различных стра-

нах мира на рубеже XX–XXI вв., что происходило под влиянием развития научно-технического прогресса, новых технологий.

Некоторые авторы отрицают необходимость разработки новых поколений прав человека, считая, что нужно ориентироваться на классический и универсальный каталог прав человека, разработанный в ООН и закрепленный во Всеобщей декларации прав человека 10 декабря 1948 г. Другие же авторы поддерживают все новые и новые поколения прав человека, которые разрабатываются в междисциплинарной науке прав человека.

Авторы данной статьи являются сторонниками развития новых поколений прав человека и поддерживают выделение в качестве отдельного направления политико-правовых исследований «концепции цифровых прав человека».

В 1990-е гг. в результате появления и интеграции цифровых технологий в политику и право стали формироваться политические и правовые процессы, связанные со сферой Интернета. Однако уровень развития данных технологий являлся также и сдерживающим фактором, поэтому говорить о формировании каких-либо прав человека в области «цифровизированных» политических и правовых процессов тогда было преждевременно.

Цифровизация запустила процесс глубокой трансформации общества и права, которая затем получила название «цифровой трансформации» [Карцхия 2019: 25]. Она способствовала развитию Интернета, появлению информационно-цифрового пространства политико-правовых отношений и формированию новых условий развития общества, что привело к определенным вызовам в области защиты прав и свобод человека и гражданина.

Цифровые технологии качественно изменили формат политико-правовых отношений, что прослеживается в научном сообществе XXI века: цифровизация стала одним из наиболее обсуждаемых вопросов среди правоведов и политологов.

Так как цифровой мир постепенно становится неотъемлемой частью современной реальности, в науке формируются новые концепции правового регулирования отношений, а также новые классификации, в том числе «цифровые права человека».

До сих пор в научном сообществе отсутствует единство мнений по отношению к данной категории прав, но цифровизация политико-правовых коммуникаций и появление новых (для классического правового понимания) объектов правоотношений все больше указывают на формирование устойчивой тенденции, согласно которой цифровые права человека следует рассматривать как совершенно новое поколение прав человека [Глушкова, Летунов 2020: 26].

И это поколение прав человека существенно отличается от информационных прав, отнюдь не дублирует их. Нельзя в этом отношении согласиться с авторами, отрицающими наличие отдельной категории «цифровые права человека» и считающими, что эти права совпадают по сути с

информационными, которые были выдвинуты как отдельное поколение прав человека еще в конце XX – начале XXI вв.

Цифровые права человека сформировались в результате развития научно-технического прогресса, совершенствования технологий, но объем и содержание данного вида прав не определяются цифровыми технологиями. Их цифровой характер обусловлен тем, что объект правоотношения находится в информационно-цифровом пространстве и является цифровым. В этом отражается характерная особенность данной категории прав – их технологическая нейтральность.

При этом следует отметить еще один признак, позволяющий выделить цифровые права человека: «отражение объекта нецифрового права человека в информационно-цифровом пространстве». Таким образом, если какое-либо право человека до цифровой трансформации имело нецифровой объект, а после распространило свое действие на объекты в информационно-цифровом пространстве, совместив тем самым и прежний объект и его «цифровой» аналог, то «признавать данное право человека цифровым недопустимо» [Глушкова, Летунов 2021: 18].

Цифровизация политико-правовых коммуникаций упрощает многие политические процессы, связанные с вовлеченностью граждан в вопросы управления государством и политики в целом, что приводит к возможности участия граждан в определенных управленческих процессах: прямая коммуникация с органами государственного управления, общественный контроль их деятельности и др.

Это не просто влияет на политический диалог власти и общества, а трансформирует суть политико-правовых коммуникаций: упрощается взаимодействие акторов «общения», механизм принятия политико-правовых решений становится прозрачнее и эффективнее, что приводит ко все большей демократизации политических процессов, а также становлению (в развивающихся странах) или усилению (в развитых странах) электронной демократии в государствах.

Интеграция цифровых технологий в политические и правовые сферы привела к появлению новых и востребованных феноменов, например: «умный город», электронное правительство, электронное голосование, цифровая демократия и др. В этом ключе цифровизация существенно расширяет возможности взаимодействия государства и общества, переводя политический диалог на новый уровень (с использованием новых видов политико-правовых коммуникаций), что указывает на совершенствование государственного управления. Признаками этого являются нарастающая политическая активность общества, его заинтересованность в участии в политических вопросах государства, развитие институтов гражданского общества и появление прозрачных способов взаимодействия с государственными органами при решении определенных вопросов [Коньков 2019: 15].

Развитие политико-правовых коммуникаций в современном обществе анализирует в одном из своих исследований Х. А. Гаджиев, делая акцент на том, что цифровые технологии «формируют новые возможности для реализации прав граждан на участие в управлении государством посредством гражданских или общественных инициатив (в том числе правозащитных) в информационно-цифровом пространстве» [Гаджиев 2020: 155].

Появившееся информационно-цифровое пространство оказало влияние и на образовательный процесс: цифровые источники информации и виртуальные образовательные технологии существенно расширили возможности граждан в получении образования [Ксензова 2019: 34].

Пандемия COVID-19 значительно ускорила интеграцию цифровых технологий в этой области, в результате чего дистанционное получение образования стало практически общепризнанной нормой, а иногда – единственным способом получить знания.

Пандемия COVID-19 привела к интенсивному внедрению цифровых технологий в государственные и общественные отношения, стимулируя общество к нахождению способов адаптации привычного образа жизни под новые модели поведения, неразрывно связанные с информационно-цифровым пространством.

Под влиянием цифровизации перераспределяются центры государственного и общественного влияния, совершенствуются политико-правовые коммуникации и механизмы принятия решений. Так, например, для обеспечения безопасности и здоровья населения в связи с пандемией COVID-19 при проведении общероссийского голосования по поправкам к Конституции Российской Федерации в 2020 г. в определенных регионах России применялось дистанционное электронное голосование.

Также примером интеграции цифровых технологий в общественные отношения и политические процессы может служить проведение публичных мероприятий в дистанционном режиме (онлайн-конференции, совещания, собрания и др.) с использованием различных технологий для обеспечения видеоконференций (например, Zoom или Skype).

Очевидно, что пандемия COVID-19 привела к ряду ограничительных мер со стороны государств (карантины, локдауны и т. д.), которые в определенной степени раскололи общество на части. Это подтвердило высокую значимость коммуникационной сферы, которая позволила оставаться физически «расколотому» обществу информационно целостным и при этом продолжать функционировать. В этом прослеживается процесс цифровой трансформации общества, что несет за собой неизбежные вызовы и риски в области правового регулирования.

В силу отсутствия универсальных и общепризнанных стандартов (норм) поведения субъектов информационно-цифрового пространства возникают различные угрозы правам и свободам пользователей цифровых технологий. Появляются предпосылки к цифровому авторитаризму,

причем не только со стороны государств: цифровые компании могут использовать различные методы ограничения возможностей пользователей цифровых сервисов (цензуру, блокировку и т. д.) в своих интересах.

Сфера общественных политических процессов и публичная политика государственно-административного аппарата также не являются исключением в этом отношении. Устранение данных проблем заключается в выработке коллегиального решения в сфере правотворчества и правоприменения на глобальном уровне.

Фактически происходит не просто развитие политико-правовых коммуникаций, а соединение реального (физического) и цифрового миров, что оказывает влияние на экономику, общественно-политическую сферу, а также на публичную политику, проводимую государственно-административным аппаратом.

Информационно-цифровое пространство Интернета дает гражданам широкий спектр политических возможностей: взаимодействие с интернет-сообществами (создание, вступление и т. д.) и профессиональными группами, публикация различного рода контента, участие в национальных, общественных и иных инициативах и др.

Цифровая эпоха открыла научному сообществу путь к новым поколениям прав человека XXI в. Началом этого стали цифровые права человека, формирующиеся под влиянием научно-технического прогресса и развития политико-правовых коммуникаций. Они существуют в информационно-цифровом пространстве, носят правовой характер и различаются с нецифровыми правами человека только объектами.

Однако цифровые права человека не являются естественными правами в силу того, что наличие цифровых технологий и интернета не является обязательным условием существования человека как биологического вида. Они существуют лишь в информационно-цифровом пространстве, и для них справедливы обособленные модели и принципы, адаптированные под политико-правовые коммуникации и интернет.

COVID-19 стал своего рода началом конца классических политических процессов, способствуя ускорению развития политико-правовых коммуникаций в информационно-цифровом пространстве, что, возможно, приведет к постепенному развитию цифровой демократии, а также к усилению роли и значения прав человека в современном мире.

Список источников

1. *Гаджиев Х. А.* Цифровое пространство как поле политического противостояния власти и оппозиции // Политическая наука. 2020. № 3. С. 147-171. DOI: 10.31249/poln/2020.03.07.

2. *Глушкова С. И., Летунов Е. Д.* Развитие нового поколения прав человека в эпоху цифровых технологий // Вестник Гуманитарного университета. 2020. № 4(31). С. 16-28.

3. *Глушкова С. И., Летунов Е. Д.* Развитие прав человека в условиях цифровизации общества: современные тенденции в цифровой реальности // Теории и

проблемы политических исследований. 2021. Т. 10, № 5А. С. 11-27. DOI: 10.34670/AR.2021.23.96.002.

4. *Карцхия А. А.* Цифровая трансформация права // Мониторинг правоприменения. 2019. № 1 (30). С. 25-29. DOI: 10.21681/2226-0692-2019-1-25-29.

5. *Коньков А. Е.* Цифровизация политических отношений: грани познания и механизмы трансформации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12, № 6. С. 6-28. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-6-1.

6. *Ксензова А. Н.* Цифровизация образования: тенденции и перспективы // Материалы Международной электронной научно-практической конференции «Цифровизация и формирование цифровой культуры: социальный и образовательный аспекты». Астрахань, 2019. С. 30-34.

Дошатов Антон Александрович,
студент 3 курса Института государственного и международного права,
Уральский государственный юридический университет;
Министр международных и внешнеэкономических связей
Свердловской области, член Молодежного правительства
Свердловской области;
Член Аппарата Департамента по международному сотрудничеству
и внешнеэкономическим связям
Ассоциации молодежных правительств РФ;
Член Экспертного совета Молодежного парламента
при Государственной Думе Федерального Собрания РФ
по международным делам
a.doshchatov@molprav66.ru

КОНЦЕПЦИЯ ОТКРЫТОСТИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ «ОТКРЫТОСТЬ 2.0»

Аннотация. Научная статья посвящена анализу развития концепции открытости федеральных органов исполнительной власти, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 30.01.2014 № 93-р. Особое внимание уделяется особенностям деятельности «Открытого правительства». Также в работе уделено внимание методике оценки открытости федеральных органов исполнительной власти.

Ключевые слова: открытость исполнительной власти; федеральные органы исполнительной власти; открытое правительство; международные экономические форумы; рейтинг открытости власти; концепция открытости власти; управленческие функции

Doshchatov Anton Alexandrovich,
3rd year Student of Institute of State and International Law,
Ural State Law University;
Minister of International and Foreign Economic Relations
of the Sverdlovsk Region; Member of the Youth Government
of the Sverdlovsk Region;
Member of the Office of the Department for International Cooperation
and Foreign Economic Relations of the Association of Youth Governments
of the Russian Federation;
Member of the Expert Council of the Youth Parliament under the State Duma
of the Federal Assembly of the Russian Federation for International Affairs
a.doshchatov@molprav66.ru

THE CONCEPT OF OPENNESS OF THE FEDERAL EXECUTIVE BODIES “OPENNESS 2.0”

Abstract. Scientific article is devoted to the analysis of the development of the concept of openness of the federal executive bodies, approved by the Decree of the RF Government

from 30.01.2014 No. 93-p. Particular attention is paid to the characteristics of the “Open Government”. The paper also pays attention to the methodology of assessing the openness of federal executive bodies.

Keywords: openness of executive power; federal executive authorities; open government; international economic forums; government openness rating; the concept of openness of power; managerial functions

В условиях нарастающей сложности социальных процессов и новых экономических вызовов серьезной задачей для федеральных органов исполнительной власти является необходимость формирования моделей принятия решений и реализации государственных функций, основанных на активном участии гражданского общества в управлении государством, а также на использовании современных механизмов общественного контроля. Основным направлением совершенствования государственного управления в развитых странах являются построение структур управления и использование управленческих подходов, нацеленных прежде всего на обеспечение потребностей и интересов граждан, регулярное распространение достоверной информации и активное взаимодействие между органами государственной власти, экспертным сообществом и институтами гражданского общества. В связи с этим в январе 2014 года Распоряжением Правительства РФ от 30.01.2014 № 93-р была утверждена Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти, важнейшей целью которой стало повышение прозрачности и подотчетности государственного управления и удовлетворенности граждан качеством государственного управления [Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти]. В российском законодательстве установлены специальные организационно-правовые основы вовлечения граждан и общественных объединений в процесс реализации государственной политики: Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», а также специальные формы оценки эффективности деятельности федеральных органов исполнительной власти [Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления].

По мнению председателя Счетной палаты РФ А. Л. Кудрина и статсекретаря, заместителя министра экономического развития РФ А. И. Херсонцева, уровень прозрачности деятельности федеральных органов исполнительной власти повышается, данная точка зрения стала главным тезисом на сессии «Концепция открытости 2.0. Как должна строиться политика открытости государства в России», состоявшейся в рамках Петербургского международного экономического форума 2021 года. По мнению ректора Российской экономической школы Р. Ениколопова: «открытость государства ускоряет экономический рост». «Открытость – это абсолютно экономическая категория. Это не просто бантик, чтобы мы

казались красивее и взаимодействовали с населением. Это не должно быть абсолютно искусственным или формальным мероприятием», – согласился А. Л. Кудрин с мнением коллеги. Председатель Счетной палаты РФ отметил, что высший орган государственного аудита в РФ составляет ежегодный рейтинг открытости федеральных министерств, федеральных служб и федеральных агентств. По итогам нового доклада эксперты и аудиторы Счетной палаты РФ заключили, что в 2021 году произошел рост открытости федеральных органов исполнительной власти. В 2020 году половина ведомств отвечала на вопросы граждан, а половина нет, хотя это требование закона. По итогам тайных проверок аудиторов 63 из 70 ведомств улучшили качество и оперативность ответов на запросы граждан и журналистов. Международное бюджетное партнерство поместило Россию на 14-е место из 117 стран в Обзоре открытости бюджета за 2019 год, – напомнил председатель Счетной палаты РФ.

С 2011 года начала активно расти открытость органов власти, в том числе был запущен портал regulation.gov.ru, на котором пользователи могут оставить оценку проектам ведомств и комментарии. В то время он был интересен только узкому кругу специалистов и органов, которые получили возможность использовать его для проведения публичных консультаций по своим проектам. Так, например, в 2020 году на regulation.gov.ru только в рамках оценки регулирующего воздействия было оставлено более 80 тысяч комментариев. Стоит также упомянуть еще один инструмент, позволяющий повысить открытость государства, – реестр обязательных требований. Это единая платформа, на которой бизнес или любое заинтересованное лицо сможет узнать необходимую информацию о требованиях, соблюдении которых проверяется в рамках контроля (надзора) или при выдаче разрешений: от нормативно-правовых актов, в котором это требование прописано, до санкции за его несоблюдение.

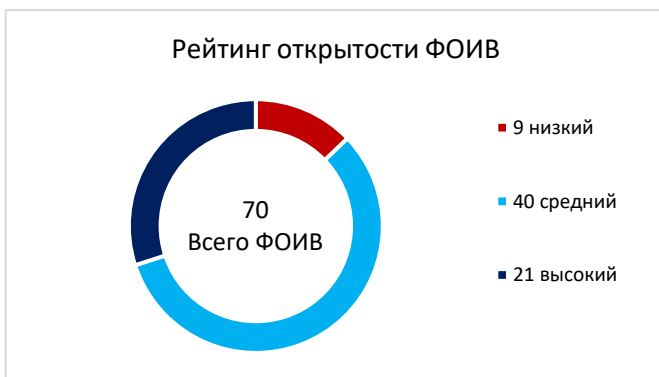

Рисунок. Открытость федеральных органов исполнительной власти в 2020 году (На ПМЭФ поспорили об открытости государства в России. 2021)

Еще одним важнейшим для развития открытости государства механизмом является процедура досудебного обжалования, которая с 1 июля 2021 года станет обязательной для органов, определенных Правительством РФ, с 2023 года – для всех органов [Об утверждении перечня видов федерального государственного контроля (надзора), в отношении которых применяется обязательный досудебный порядок рассмотрения жалоб]. При этом жалобы будут находиться на внешнем автоматизированном контроле, что исключает нарушение сроков. С 17 августа 2020 г. стартовал эксперимент по досудебному обжалованию, в котором участвовали Министерство РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения, Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору. Уже сегодня можно направить жалобу на решения в рамках санитарно-эпидемиологического и пожарного надзора через портал государственных услуг [Алексей Херсонцев].

Открытость информации – это широкий спектр правовых и коммуникационных инструментов, которыми должны располагать граждане для получения информации, находящейся в ведении государственных органов. Параметры оценки сформированы исходя из положений нормативных правовых актов в сфере открытости органов власти. Это Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»; Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» [О средствах массовой информации]. Детализируют положения федерального закона об открытости деятельности государственных органов Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти, а также Методические рекомендации по реализации принципов открытости в федеральных органах исполнительной власти [Колобаева 2019: 5].

Методика оценки открытости информации включает в себя три параметра – оценка сайтов федеральных органов исполнительной власти по объему, качеству предоставления информации, оценка реагирования на информационные запросы граждан и оценка реагирования на информационные запросы журналистов. На основании оценок по этим трем параметрам была сформирована интегральная оценка, сведенная к индексу, показывающему, какую долю от максимально возможного числа баллов набрало то или иное ведомство. На основании этого каждому ведомству присваивается показатель категории открытости по направлению «Открытость информации»: А – высокая: средняя по трем категориям оценка не ниже 0,7; В – средняя: средняя по всем категориям ниже 0,7, но выше или равна 0,4; С – низкая: средняя по всем категориям ниже 0,4. По словам экспертов, в России существует определенная специфика развития открытости данных. Одной из важнейших ее особенностей является высокая фрагментация раскрываемых наборов данных. Отчасти это связано

с текущим состоянием федерального портала data.gov.ru, где раскрываются данные далеко не всех органов власти, а уже опубликованные обновляются достаточно редко. С другой стороны, методические рекомендации по публикации открытых данных органами власти позволяют публиковать данные на официальных сайтах, а не на едином портале. Но немаловажной причиной можно считать наличие большого числа государственных информационных систем, где и накапливаются основные объемы данных, ведутся реестры и также предоставляются открытые данные.

Таблица

Показатели категорий открытости
(в России наметился рост открытости ведомств –
итоги нового доклада Счетной палаты)

Категория открытости	Интегральная оценка	
	А	высокая
В	средняя	5–7
С	низкая	0–4

Фрагментированный подход к раскрытию информации приводит к ситуации, когда главный публичный государственный портал открытых данных data.gov.ru не выполняет своей функции проводника государственной политики в части доступности данных для граждан. Усугубляет ситуацию нестабильная работа портала в последние годы. В итоге несмотря на то, что через многие информационные системы доступны значительные наборы данных для обывателя, журналиста и для многих экспертов, возникает впечатление отсутствия развития открытости данных в России и государственной политики в этой области. Еще одной стороной сложившейся ситуации становится то, что при отсутствии единой «точки входа» для пользователей открытых данных отсутствуют возможности для сбора государственными органами агрегированной обратной связи от пользователей. Фактически в рамках единой политики работа с референтными группами не ведется (за исключением нескольких проведенных опросов на портале data.gov.ru или на отдельных сайтах ФОИВ).

В 2012 году Президентом России был подписан Указ Президента от 08.02.2012 № 150, на основании которого была сформирована Рабочая группа по подготовке предложений по формированию в России системы «Открытое правительство» – итоговые результаты работы в данном направлении были отражены в Итоговом докладе Президенту РФ по подготовке предложений по формированию в РФ системы «Открытое правительство» [О рабочей группе по подготовке предложений по формированию в РФ системы «Открытое правительство»]. Указом был дан ряд поручений Правительству РФ, в числе которых создание единого ресурса в сети Интернет для размещения информации о разработке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов,

ходе и результатах их общественного обсуждения; использование федеральными органами исполнительной власти в целях общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов «различных форм публичных консультаций» [Несмеянова 2018: 7]. В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 26.07.2012 № 733 «О Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства» была образована должность «Министра РФ по координации деятельности “Открытого правительства”». Данная должность имела следующие особенности: «министр без портфеля» являлся членом Правительства РФ, непосредственно не возглавляющим министерство или иной федеральный орган исполнительной власти, а руководил Департаментом по формированию системы «Открытое правительство» Аппарата Правительства РФ [О Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства (вместе с «Положением о Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства»)]. Также Постановлением Правительства РФ от 26.07.2012 № 774 был образован Экспертный совет – совещательный орган, решения которого носят рекомендательный характер, созданный с целью организации проведения экспертизы экономических и социально значимых решений органов власти и других государственных структур. Основными задачами Экспертного совета являются: разработка и внедрение принципов и механизмов системы «Открытое правительство», проведение экспертной оценки проектов решений органов власти, а также обеспечение общественного контроля за деятельностью органов власти в форме участия в разработке ключевых показателей эффективности, участия в разработке методических рекомендаций и стандартов функционирования общественных советов и т. д. [Об Экспертном совете при Правительстве РФ].

В целом система и концепция «Открытое правительство» предстает скорее площадкой для концентрации предложений и мониторинга общественного мнения силами самого общества. Очевидно, что в документах акцентируется внимание на общественном обсуждении решений, но в меньшей степени концепция касается механизма принятия окончательных решений, что и является точкой бифуркации взаимодействия власти и общества в РФ [Калинина 2021: 195]. То есть главная проблема – влияние на конечное властное решение со стороны общества – не решается, а концепция представляется очередной инновацией в рамках развития системы электронного правительства. Обратим внимание на тот факт, что если с точки зрения формальных показателей РФ занимает лидирующие позиции в рейтинге ООН по уровню развития электронного правительства, то по индикатору влияния на принятие властных решений – одни из самых низких: 17 позиций из 100. Таким образом, данная концепция как способ создания параллельного управления представляется не результатом, но лишь началом полноценного диалога в системе «власть – обще-

ство» и, вероятно, как любая открытая система, будет подвергаться изменениям. Функционирование системы «Открытое правительство» на уровне регионов, согласно данной концепции, предполагает такие направления взаимодействия органов государственной власти, граждан и их объединений, как: раскрытие информации о деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации; размещение наборов открытых данных в сети Интернет и создание на их основе востребованных социальных сервисов и приложений; оценка эффективности деятельности государственных служащих; организация каналов обратной связи и взаимодействия с гражданами; формирование и организация работы экспертных советов; формирование и организация работы с общественными советами; работа со средствами массовой информации, социальными сетями и форумами в сети Интернет. В целях дальнейшего совершенствования реализации проекта «Открытый регион» в ближайшей перспективе представляется целесообразным: на федеральном уровне урегулировать вопрос о дублировании отдельных элементов федеральных программ «Открытое правительство» и «Электронное правительство»; регулярно осуществлять распространение передового опыта внедрения механизмов открытости в деятельность органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации как путем размещения на региональном сайте «Открытое правительство», так и путем разработки соответствующих методических рекомендаций [Черкасов 2015: 39-41].

В заключение хотелось бы отметить, что для федеральных и региональных органов исполнительной власти крайне необходимо сформировать модели для реализации управленческих функций во взаимодействии с гражданским обществом при использовании современных механизмов общественного контроля. Важнейшим направлением усовершенствования публичного управления в РФ является использование управленческих подходов, нацеленных на обеспечение потребностей и интересов граждан, регулярное распространение достоверной информации и активное взаимодействие между органами всех ветвей власти, экспертным сообществом и институтами гражданского общества.

Список источников

1. Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти. Распоряжение Правительства РФ от 30.01.2014 № 93-р // Собрание законодательства РФ. 2014. № 5. 03 февраля. Ст. 547.
2. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Российская газета. 2009. № 25. 13 февраля.
3. На ПМЭФ поспорили об открытости государства в России // Газета «РБК». 2021. Дата обновления: 05.06.2021. URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/06/2021/60ba86429a794735ccd6f322> (дата обращения: 13.07.2021).
4. Об утверждении перечня видов федерального государственного контроля (надзора), в отношении которых применяется обязательный досудебный порядок

рассмотрения жалоб. Постановление Правительства РФ от 28.04.2021 № 663 (ред. от 30.06.2021) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 19. 10 мая. Ст. 3220.

5. Алексей Херсонцев: тема открытости государства получила сильное развитие за последние 10 лет. 2021 // Официальный сайт Министерства экономического развития РФ [веб-сайт]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/aleksey_hersoncev_tema_otkrytosti_gosudarstva_poluchila_silnoe_razvitiye_za_poslednie_10 лет.html (дата обращения: 13.07.2021).

6. О средствах массовой информации. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 01.07.2021) // Российская газета. 1992. № 32. 8 февраля.

7. Колобаева Н. Е. Особенности реализации права на распространение информации при использовании сети Интернет // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 4 (112). С. 4-10.

8. В России намечился рост открытости ведомств – итоги нового доклада Счетной палаты. Официальный сайт Счетной палаты РФ. 2021 // ach.gov.ru [веб-сайт]. URL: <https://ach.gov.ru/news/otkrytosti-organov-vlasti-2021> (дата обращения: 13.07.2021).

9. О рабочей группе по подготовке предложений по формированию в РФ системы «Открытое правительство». Указ Президента РФ от 08.02.2012 № 150 // Право [веб-сайт]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 16.10.2021).

10. Несмеянова С. Э., Колобаева Н. Е., Мочалов А. Н. «Открытое правительство» и права человека // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2018. № 5.

11. О Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства (вместе с «Положением о Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства»). Постановление Правительства РФ от 26.07.2012 № 733 (ред. от 06.03.2015) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 32. 6 августа. Ст. 4559.

12. Об Экспертном совете при Правительстве РФ. Постановление Правительства РФ от 26.07.2012 № 774 (ред. от 27.05.2019) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 32. 6 августа. Ст. 4560.

13. Калинина Е. Г. Реализация принципов открытого правительства в деятельности омбудсменов (зарубежный опыт) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 4 (80). С. 193-203.

14. Черкасов К. В., Кочеткова С. В. Некоторые аспекты осуществления проекта «открытый регион» в субъектах Российской Федерации // Марийский юридический вестник. 2015. № 4 (15). С. 38-41.

Дубровский Герман Денисович,
бакалавр 4 курса, Уральский гуманитарный институт,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
hermann_dubrovskii@mail.ru

Кунычкин Сергей Викторович,
доцент кафедры политических наук,
Уральский гуманитарный институт,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
sergey.kunshchikov@urfu.ru

ПРОТЕСТЫ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ПРЕДПОСЫЛКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация. В статье анализируются протесты, произошедшие в Республике Казахстан зимой 2022 г. Рассматривается их влияние на внутривнутриполитическую обстановку в стране. Автор исследует взаимосвязь между событиями прошлого и настоящего, а также устанавливает взаимосвязи между протестами и политическими проблемами в Казахстане. Также в работе уделяется внимание сравнению протестных событий в странах бывшего СССР. Особое внимание уделяется последствиям протестных событий января 2022 года.

Ключевые слова: политические протесты; политические процессы; Казахстан; погромы; политический кризис

Dubrovskii German Denisovich,
Bachelor's Degree Student of the 4th year,
Ural Institute for Humanities,
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
hermann_dubrovskii@mail.ru

Kunshchikov Sergei Viktorovich,
Associate Professor of Department of Political Sciences,
Ural Institute for Humanities,
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
sergey.kunshchikov@urfu.ru

PROTESTS IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: BACKGROUND AND CONSEQUENCES

Abstract. The article analyzes the protests that took place in the Republic of Kazakhstan in the winter of 2022. Their impact on the domestic political situation in the country is considered. The author explores the relationship between the events of the past and the present, and establishes the relationship between protests and political problems in Kazakhstan. The paper also pays attention to the comparison of protest events in the

countries of the former USSR. Special attention is paid to the consequences of the protest events of January 2022.

Keywords: political protests; political processes; Kazakhstan; pogroms; political crisis

В рамках данной статьи будут рассмотрены и проанализированы протестные и революционные события в Республике Казахстан в январе 2022 года.

На основании имеющихся фактов можно считать, что горячая фаза конфликта окончена и, следовательно, можно начинать анализировать события и их последствия, не полагаясь на домыслы о потенциальном развитии политического конфликта.

Формальным поводом к началу активных действий послужило повышение цен на сжиженный газ с 60 до 120 тенге, которое произошло 1 января 2022 года. И на первоначальном этапе протест проходил в «мирных» формах, преимущественно на территории западных областей Казахстана, если быть точнее, то в Мангистауской области, ее столице городе Актау, и городе Жанаозен. Конечно, на наш взгляд, данное событие лишь послужило триггером для взрыва протестной активности в стране.

В качестве точки отсчета в нашем исследовании служит 2019 год, именно с него стоит начинать рассмотрение проблем в Республике Казахстан, так как именно в событиях после 2019 года лежат одни из основных причин кровавых протестов января 2022 года.

Но для понимания всей картины целиком стоит начать с обозначения хронических проблем в Республике Казахстан, их можно подразделить на три группы – политические, экономические и социальные:

Политические:

- Кровные и клановые узы, доминирующие в политических элитах Казахстана [Грозин 2019: 148].

- Сильная президентская власть. Пост президента до 2019 занимал Нурсултан Назарбаев.

- Многовекторность внешней политики – ориентация на инвестиции Запада и Китая, а также политическая поддержка со стороны России [РСМД 2022].

- Сильные позиции профсоюзов в юго-западных областях Казахстана.

Экономические:

- Сырьевая экономика, нацеленная на экспорт нефти [Halyk Finance 2021].

- Неблагоприятная коррупционная ситуация (по итогам 2021 года Казахстан занял 103 место в «Индексе восприятия коррупции») [Гуманитарный портал 2021].

- Неравенство экономического богатства регионов – западные области формально богаче из-за нефтегазовой отрасли [РБК 2022].

Социальные:

- Казахский национализм на всех уровнях государственного устройства – начиная с бытового, заканчивая государственным [Кузнецова, Сарсембаев 2001: 95].

- Разрыв уровня жизни между социальным «верхом» и «низом» [Коммерсантъ 2022].

- Относительная молодость населения. Средний возраст в Казахстане составляет 31,94 [InАстана.kz 2021].

- Рост религиозности в среде молодежи, как следствие, потенциальный риск их радикализации вследствие относительной молодости религиозной культуры в стране [Эхо Казахстана 2019].

- Низкий уровень образованности населения.

Данный набор хронических проблем является потенциально опасным как для казахской государственности, так и для действующих властей, в частности. Пересечение одной или более проблем в теории может привести к всплеску недовольства, росту социальной напряженности либо к повышению оттока определенных этнических социальных групп с территории Казахстана, что и случилось в январе 2022 года.

Рассмотрев основные «хронические» проблемы, необходимо обозначить новые вызовы, с которыми столкнулась Республика Казахстан с 2019 года:

- Начался транзит власти от Н. Назарбаева к К-Ж. Токаеву, который носил контролируемый характер. Фактически Токаев являлся подконтрольной бывшему президенту фигурой, так как своим назначением был обязан ему, также руководящие посты в стране занимал клан Назарбаевых. Данная перестановка в высших эшелонах власти получила неоднозначные оценки как внутри страны, так и за рубежом. Последовал ряд протестов против переименования Астаны в Нур-Султан и против досрочных выборов нового президента [Радио Азаттык 2019].

- Приход к власти в Афганистане Талибана* (запрещенной на территории РФ террористической организации), который может повлечь за собой экспорт исламистской идеологии в Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан, а затем на территорию Южного Казахстана [РСМД 2022].

- Падение мировых цен на нефть, как следствие, государственный бюджет получил меньше средств от продажи нефти.

- Растущая вовлеченность Китая в экономику Казахстана в рамках проекта «Один пояс – Один путь».

- Повышение частотности сообщений об этнических конфликтах [Газета.ру 2021].

- Пандемия COVID-19, которая привела к усилению социально-экономического разрыва и перегрузке системы здравоохранения.

Как отмечает в своей статье «Детерминанты политических рисков в Казахстане» Арман Мендагазиев, существует 5 трендов, которые напря-

мую влияют на Республику Казахстан. В 2 из 5 случаев в качестве рисков указываются протесты, что не удивительно, учитывая внутреннюю обстановку в Казахстане.

Закончив разбор протестных предпосылок, перейдем к событиям января 2022 года.

Для начала необходимо обозначить географию протеста. Началось все с Мангистауской области и города Жанаозен (находится на западе Казахстана), что интересно, Жанаозен уже был центром протестной активности – в 2010, 2011, 2019 и 2020 годах. Затем 2 января протесты перекинулись на город Актау, 3–4 января начались крупные акции протеста в других городах Казахстана (Алма-Ата, Октобе, Нур-Султан и т. д.). После выполнения ряда требований протестующих, речь о которых пойдет дальше, центр протестной активности сместился с запада на юго-восток в город Алма-Ата. 5–8 января «мирные» акции протеста сменились крупными беспорядками в ряде городов.

Теперь необходимо изучить требования протестующих, можно выделить две разновидности требований, в зависимости от времени протеста и города (таблица 1) [Униан 2022; Аргументы и Факты 2022].

Как мы можем заметить, на раннем этапе предпосылки к началу насильственных действий практически отсутствовали. Можно предположить, что после 4 января произошел перехват повестки деструктивными элементами внутри и изнутри страны. Возможно, именно поэтому президент Казахстана Токаев и предпринял ряд мер, чтобы снизить уровень недовольства до «некритического» уровня. С одной стороны, данный подход интересен тем, что власть пошла на переговоры с протестующими и выполнила три их требования: цены на газ были понижены – 4 января; правительство ушло в отставку – 5 января; Назарбаев ушел с поста председателя СБ – 5 января.

С другой стороны, данные действия можно расценивать как ошибочные. Мы склонны считать, что, пойдя на уступки протестующим, Токаев лишь подогрел их желание продолжать сопротивление, данное утверждение звучит логично, если мы будем учитывать дальнейшие события. Конечно, мы допускаем вероятность того, что власть намеренно выполнила самые простые требования для минимизации потенциального сопротивления со стороны протестующих, а также чтобы не претерпеть серьезных репутационных издержек.

Итак, на момент 5 января мы имеем следующую географию протеста: протестные акции проходят во всех областях Казахстана, в трех городах объявлен режим ЧП – Актау, Нур-Султан и Алма-Ата; также в трех городах задействованы войсковые подразделения: Актау, Усть-Каменогорск, Алма-Ата. Фактическим центром всей «революционно-протестной» активности можно считать Алматинскую область.

Требования протестующих

«Мирные» (1–4 января, Актау, Жанаозен и Алма-Ата)	«Насильственные» (5–8 января, Алма-Ата, Жанаозен, Октобе)
Снизить стоимость сжиженного газа	Сменить действующий режим
Отстранить от управления страной Нурсултана Назарбаева	Провести народные выборы акима каждой области и города
Отправить правительство в отставку	Возвращение Конституции 1993 года
Повышение зарплат	Гражданские активисты не должны подвергаться преследованиям
Снижение цен на коммунальные платежи;	Немедленное освобождение политзаключенных;
Снижение пенсионного возраста	Создание Временного правительства из авторитетных участников протеста
	Неукоснительное следование ценностям свободы и демократии
	Выход из СНГ, ЕАЭС и остальных союзных с РФ организаций

Такое смещение центра может быть обусловлено следующими факторами:

1. Относительная молодость бунтовщиков.
2. Происхождение – можно предположить, что наиболее активно участвовали в погромах выходцы из сельской местности, приезжие и радикалы.
3. Этнический состав – выходцы из южного Казахстана либо ближнего зарубежья [РСМД 2022].
4. Высокая криминогенность Алматинской области [Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан 2020].
5. Религиозность населения [Spik.kz 2021].
6. Высокие показатели безработицы в юго-восточном Казахстане – Алматы (5,2%) и Туркестанской области (5,2%) [Центр развития трудовых ресурсов 2020].

В итоге данный набор факторов напрямую повлиял на обстановку в Алма-Ате, а также на характер протекания протестов. Высокая криминогенность и безработица вылились в погромы и насильственные формы протеста, социальный и этнический статус бунтовщиков-протестующих придал агрессивности их действиям.

На наш взгляд, кажется уместным сравнение событий в Казахстане с протестами в Белоруссии и «Революцией достоинства» на Украине. При всей своей схожести с событиями на Украине и в Республике Беларусь

протесты и беспорядки в Республике Казахстан имеют ряд структурных и процессуальных отличий (таблица 2):

Таблица 2

Сравнение протестных событий

	Украина (2013–2014)	Белоруссия (2020–2021)	Казахстан (2022)
Повод	– процесс евроинтеграции; – инспирированное недовольство из-за рубежа	– результаты президентских выборов и «политические репрессии»; – инспирирование протестных настроений из-за рубежа	– смена власти и завершение либо обращение транзита власти вспять; – недовольство правлением Нурсултана Назарбаева; – амбиции кланов
Стороны	– власть – В. Янукович; – оппозиция и националисты; – страны Запада	– власть – А. Лукашенко; – оппозиция; – страны Запада	Номинально: – власть – К-Ж. Токаев; – протестующие и террористы (М. Аблязов)
Реакция Запада	Поддержка протестующих на всех уровнях – дипломатический, политический и экономический	Поддержка протестующих на всех уровнях – дипломатический, политический и экономический	Призыв «отпустить заключенных» и прекратить применять насилие в отношении бунтовщиков
Реакция России	– поддержка В. Януковича; – возвращение Республики Крым в состав РФ; – поддержка ЛДНР; – принятие результатов переворота	– поддержка действующей власти	– поддержка действующей власти; – ввод войск ОДКБ на территорию Республики Казахстан
Временные рамки	4 месяца, но конфликт затухал до июня 2014 года	3 месяца, но конфликт затухал до февраля 2021 года	1–19 января 2022 года
Действия властей	Приказ о подавлении протестов не был отдан	Протесты были подавлены	– протесты были подавлены; – введены войска ОДКБ

Итоги	– В. Янукович сбежал из страны; – произошел антиконституционный государственный переворот	– А. Лукашенко сохранил власть; – протестное движение было подавлено	– К-Ж. Токаев сохранил власть; – протестное движение проиграло
--------------	--	---	---

На наш взгляд, события в Республике Казахстан и Республике Белоруссия демонстрируют непреложное правило в нашем мире – если власть хочет удержаться и восстановить конституционный порядок, то она не должна бояться применять насилие, на которое у нее есть легальное право.

На территории Казахстана в период с 2019 года проходили крупные протесты, но даже учитывая эти всплески недовольства, январские события получились чересчур интенсивными и скоротечными. Недовольство внутри страны могло находиться в латентной стадии на протяжении многих лет и выйти наружу только сейчас. Но не вызывает сомнения, что произошедшее не могло произойти спонтанно, единственное, что остается неясным – кто стоит за этими событиями. На наш взгляд, произошедшее в Республике Казахстан стало результатом внутриэлитных конфликтов и противоречий. Если быть точным, то протесты стали следствием борьбы клана Назарбаевых и действующего президента Касым-Жокарта Токаева. Данное предположение подтверждается следующими фактами:

1. Конкретные требования протестующих – «Долой старика (Назарбаева)», а также снос памятника Назарбаеву [РБК 2022].

2. Отставка правительства Казахстана и последовавшие кадровые перестановки [РБК 2022].

3. Лишение Назарбаева постов председателя Совета Безопасности, председателя Нур-Отан и председателя Ассамблеи народов [РИА 2022; РБК 2022].

4. Побег финансовой элиты Казахстана во время протестов [Лента.ру 2022].

5. Распространение слухов о побеге Назарбаева и его родственников из страны [Реадовка 2022].

6. Вытеснение клана Назарбаевых из органов власти [РИА 2022; Коммерсантъ 2022].

7. Фактическое обвинение Назарбаева в поддержке олигархов [Коммерсантъ 2022].

Как итог, в данном противостоянии протестное движение в Республике Казахстан потерпело поражение в январе 2022 года, тем самым не свершилась потенциальная цветная революция. Но, с другой стороны, «дворцовый» переворот оказался успешным – клан Назарбаевых потерял политическую власть, и ему на смену пришел президент Токаев и его сторонники. На наш взгляд, Токаев очень грамотно использовал протестную ситуацию, и в данный момент он является победителем в этом про-

тивостоянии. В результате событий января 2022 года нынешний президент Казахстана добился следующего:

1. Обозначил социально-экономические проблемы страны, обнаженные в результате протестов, а также их решение.

2. Сразу же занял твердую позицию по отношению к протестам – порядок будет восстановлен, виновные наказаны. Тем самым он смог создать образ решительного политика.

3. Использовал ввод миротворцев ОДКБ для восстановления контроля, но при этом очертил четкие временные границы пребывания контингента на территории Казахстана. Тем самым казахскому народу были даны гарантии суверенитета страны.

4. Продемонстрирована готовность к сотрудничеству с Россией и странами ОДКБ.

5. Смог обрести полную политическую самостоятельность от клана Назарбаевых. Мы не сомневаемся, что кадровые перестановки продолжатся и клан «елбасы» уйдет с политической арены.

Протесты в Республике Казахстан подошли к концу, но сделали ли власти необходимые выводы из данного противостояния – лишь время покажет. На наш взгляд, российским властям необходимо как можно более тщательно изучить протестные события последних лет как в Республике Белоруссия, так и в Республике Казахстан, ведь в этих событиях находится ключ к обеспечению государственной и общественной безопасности.

Список источников

1. Арман Мендагазиев: Детерминанты политических рисков в Казахстане // РСМД [веб-сайт]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/determinanty-politicheskikh-riskov-v-kazakhstan/> (дата обращения: 07.02.2022).

2. Артем Данков: Посткризисный Казахстан: трансформация экономики и общества // РСМД [веб-сайт]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/postkrizisnyy-kazakhstan-transformatsiya-ekonomiki-i-obshchestva/?sphrase_id=87800507 (дата обращения: 07.02.2022).

3. Бизнес-джеты массово вылетели из Казахстана в Европу // Лента.ру [веб-сайт]. URL: <https://lenta.ru/news/2022/01/05/jetref/> (дата обращения: 07.02.2022).

4. В богатой стране значительная часть населения живет в нищете – должно было рвануть // Коммерсантъ [веб-сайт]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5156162?utm_source=vk.com&utm_medium=social&utm_campaign=amplifir_social (дата обращения: 07.02.2022).

5. В Казахстане задержали экс-председателя Комитета нацбезопасности Масимова // РИА [веб-сайт]. URL: <https://ria.ru/20220108/masimov-1766927722.html> (дата обращения: 07.02.2022).

6. В Казахстане избрали нового главу мажилиса // РБК [веб-сайт]. URL: https://www.rbc.ru/politics/01/02/2022/61f8bdbb9a794744e15bd84b?utm_source=vk&utm_medium=social&utm_campaign=preview (дата обращения: 07.02.2022).

7. В Казахстане начали снос памятника Назарбаеву // РБК [веб-сайт]. URL: https://www.rbc.ru/politics/05/01/2022/61d5a0bc9a79473b30099a68?utm_source=vk&utm_medium=social&utm_campaign=preview (дата обращения: 07.02.2022).

8. Государственный бюджет в 2020 году // Halyk Finance [веб-сайт]. URL: <https://halykfinance.kz/research/gosudarstvennyy-byudzheth-v-2020-godu.html> (дата обращения: 07.02.2022).

9. Грозин А. История и современное состояние внутриэлитной сферы и ТЭК Казахстана // Геоэкономика энергетики. 2019. № 2. С. 146-162.

10. Дмитрий Крицкий: Новый год в новой стране, или почему историю эпохи обновленного Казахстана будут отсчитывать с 5 января 2022 г. // РСМД [веб-сайт]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/novyy-god-v-novoy-strane-ili-pochemu-istoriyu-epokhi-obnovlennogo-kazakhstanabudut-otschityvat-s-5-/?sphrase_id=87800507 (дата обращения: 07.02.2022).

11. Зять Назарбаева сложил полномочия главы нацпалаты предпринимателей // РИА [веб-сайт]. URL: <https://ria.ru/20220117/kulibaev-1768143508.html> (дата обращения: 07.02.2022).

12. Какие требования выдвигают протестующие в Казахстане? // Аргументы и Факты [веб-сайт]. URL: https://aif.ru/politics/world/kakie_trebovaniya_vydvigayut_protestyushchie_v_kazahstane (дата обращения: 07.02.2022).

13. Люди устали. Протесты в 2019 году: причины и последствия // Радио Азаттык [веб-сайт]. URL: <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-2019-year-protests-sauses-and-consequences/30351048.html> (дата обращения: 07.02.2022).

14. Назарбаев готовится сбежать из страны под видом лечения // Реадовка [веб-сайт]. URL: <https://readovka.news/news/86444> (дата обращения: 07.02.2022).

15. О состоянии преступности в Республике Казахстан за III квартал 2020 года // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [веб-сайт]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/stat/press/news/details/110228?lang=ru> (дата обращения: 07.02.2022).

16. ОДКБ направляет миротворческие силы в Казахстан // Коммерсантъ [веб-сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5155886> (дата обращения: 07.02.2022).

17. Парламент Казахстана лишил Назарбаева пожизненного председательства в СБ // РИА [веб-сайт]. URL: <https://ria.ru/20220127/kazakhstan-1769717971.html> (дата обращения: 07.02.2022).

18. Почему вы нас не любите? Кто выступает против русского языка в Казахстане // Газета.ру [веб-сайт]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/08/10_a_13853888.shtml (дата обращения: 07.02.2022).

19. Правящая партия Казахстана Нур Отан утвердила новый состав политсовета // РБК [веб-сайт]. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/61f8a78e9a79474043a51ddf?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 07.02.2022).

20. Президент Казахстана отправил правительство в отставку // РБК [веб-сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/01/2022/61d4f1699a79470e6f0e8d13> (дата обращения: 07.02.2022).

21. Пять фактов об экономике Казахстана: какую роль они сыграли в протестах // РБК [веб-сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/06/01/2022/61d5ce179a794744b358e54f> (дата обращения: 07.02.2022).

22. Разрыв связи с РФ и поддержка Украины: опубликованы требования протестующих Казахстана // Униан [веб-сайт]. URL: <https://www.unian.net/world/razorvat-svyaz-s-rf-i-snizit-ceny-v-seti-pokazali-trebovaniya-protestuushchih-kazahstana-novosti-mira-11662825.html> (дата обращения: 07.02.2022).

23. Рейтинг стран мира по восприятию коррупции // Гуманитарный портал [веб-сайт]. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index> (дата обращения: 07.02.2022).

24. Рост религиозности в Казахстане: мода или радикализация? // Эхо Казахстана [веб-сайт]. URL: <https://ehonews.kz/rost-religioznosti-v-kazahstane-modali-radikalizatsiya/> (дата обращения: 07.02.2022).

25. Рынок труда Казахстана по итогам 2020 года // Центр развития трудовых ресурсов [веб-сайт]. URL: <https://iac.enbek.kz/ru/node/1044> (дата обращения: 07.02.2022).

26. *Кузнецова С. И., Сарсембаев А.* Воображаемые общности: казахский национализм и казахизация в 90-е годы // Центральная Азия: десять лет независимости. 2001. № 2001. С. 94-98.

27. Средний возраст казахстанцев составил 32 года, по итогам переписи // InАстана.kz [веб-сайт]. URL: <https://www.inastana.kz/news/3274845/srednij-vozrast-kazahstanev-sostavil-32-goda-po-itogam-perepisi> (дата обращения: 07.02.2022).

28. Станет ли рост религиозности в Казахстане миной замедленного действия? // Spik.kz [веб-сайт]. URL: <https://spik.kz/stanet-li-rost-religioznosti-v-kazahstane-minoy-zamedlennogo-deystviya> (дата обращения: 07.02.2022).

29. Токаев обяжет разбогатевших при Назарбаеве вносить деньги в фонд Народу Казахстана // Коммерсантъ [веб-сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5157271> (дата обращения: 07.02.2022).

30. Токаев поручил реформировать деятельность Банка развития Казахстана // Коммерсантъ [веб-сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5157240> (дата обращения: 07.02.2022).

Иванов Евгений Владимирович,
студент 4 курса направления Политология, бакалавриат,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
ivanov.evgen2000.evgenij@mail.ru
Хайрутдинова Елена Леонидовна,
старший преподаватель кафедры политических наук,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
e.l.sysoliatina@urfu.ru

О ПЕРСПЕКТИВАХ ВЛИЯНИЯ «ТРЕТЬИХ ПАРТИЙ» НА ПОЛИТИКУ США

Аннотация. В статье проанализировано понятие «третьи партии», доказывается, что это партии малого влияния, а также выявлена причина их появления в результате функционирования мажоритарной избирательной системы Соединенных Штатов Америки (США). Определены функции «третьих партий», производится классификация «третьих партий», раскрывается степень их влияния на политику и проблемы политической системы США, выявляется взаимосвязь «третьих партий» с избирателями и их ориентациями, предложены решения проблем «третьих партий».

Ключевые слова: политические системы; американская политика; политические партии; избирательная система; избиратели; избирательные кампании

Ivanov Evgeniy Vladimirovich,
4th year Student of Direction Political Science, Undergraduate,
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
ivanov.evgen2000.evgenij@mail.ru
Khairutdinova Elena Leonidovna,
Senior Lecturer of Department of Political Science,
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
e.l.sysoliatina@urfu.ru

ON PROSPECTS FOR THE IMPACT OF “THIRD PARTIES” ON US POLICY

Abstract. The article analyzes the concept of “third parties”, proves that these are parties of little influence, and reveals the reason for their appearance because of the functioning of the majoritarian electoral system of the United States of America (USA). The functions of “third parties” are defined, the classification of «third parties» is made, the degree of their influence on the politics and problems of the US political system is revealed, the relationship of “third parties” with voters and their orientations is revealed, solutions to the problems of “third parties” are proposed.

Keywords: political systems; American politics; political parties; electoral system; voters; election campaigns

По данным Международного Валютного Фонда, Соединенные Штаты Америки (США) являются не только одной из самых развитых в экономическом плане стран [International Monetary Fund 2022], но и относятся к умеренно демократичным государствам мира [The Economist Intelligence Unit 2022].

Как и в большинстве демократических стран, в США есть парламент (Конгресс) – один из важнейших политических институтов в государстве. Конгресс США помимо функции законодательной обладает функцией представительной, то есть является выборной структурой, представляющей интересы народа, выступающей от его имени, а также воплощающей его волю через законы и иные правовые акты [Олейник 2019: 12-13]. Другим важным элементом представительства являются политические партии, которые объединяют граждан на основе общих политических взглядов, систем ценностей, воплощенных в партийной программе, намечающей основные направления государственной политики [Дюверже 2000: 21].

США – это пример классической двухпартийной системы, в которой существуют две основные политические партии, формирующие политику страны, – Республиканская и Демократическая [Гаджиев 2019: 264].

Однако данная система подвержена критике, в частности из-за невозможности представительства множества групп интересов и элитарности основных партий [Niskanen Center 2022]. Для решения этой проблемы работают «третьи партии», представляя тех граждан и те политические идеи, которые две основные партии охватывают недостаточно или вовсе не охватывают.

Функционирование «третьих партий» важно, потому что, во-первых, 8 ноября 2022 года состоятся выборы в Палату представителей, а также выборы одной трети Сената, куда могут попасть представители «третьих партий». Во-вторых, нарастает социальное недовольство нынешней партийной системой и актуализируется необходимость перемен. Этим могут воспользоваться в будущем «третьи партии», в итоге изменив партийную систему так, что повлияют и на внутреннюю, и на внешнюю политику США.

Итак, проанализируем специфику «третьих партий». Существует несколько определений данного понятия:

1. Любая политическая партия (организация для избрания граждан), которая не так велика или влиятельна, как две основные партии [Cambridge University Press 2022].

2. Объединение всех кандидатов на выборах различного уровня не от Демократической или Республиканской партии США [Невакшенов 2006: 231].

Также понятие «третьи партии» часто заменяют на синонимичное «малые партии», в противовес двум основным крупным [Исаев 2019: 95].

В итоге «третья партия» – это малая партия, которая объединяет всех кандидатов на выборах различных уровней, не обладает огромным влиянием, в результате чего не способна оказывать значимое влияние за редкими исключениями.

Но откуда такие партии взялись в США? Основной причиной их появления можно рассматривать наличие мажоритарной избирательной системы, согласно которой избранным считается тот, кто наберет большее число голосов избирателей [Пирбудагова, Савзиева 2015: 45]. В США применяется вариант мажоритарной избирательной системы, ориентированный на относительное большинство голосов, где победителем считается тот кандидат, который просто наберет большинство голосов [Баранов 2017: 349].

По мнению М. Дюверже, мажоритарная система голосования в один тур ведет к двухпартийности, а мажоритарное голосование в два тура и пропорциональная система выборов формируют многопартийные системы [Дюверже 2000: 264-265].

В мажоритарной системе есть положительные моменты. Например, обеспечивается устойчивое правительство, смягчаются идеологические конфликты, система в целом более стабильна. Однако имеются и негативные аспекты. Мажоритарная система не обеспечивает представительства всех слоев и социальных групп населения, что в итоге снижает активность избирателей, а схожесть партийных платформ двух основных партий ведет не только к снижению конкурентности партий, но и к потере интереса избирателей к выборам и участию в политике вообще [Исаев 2017: 231].

Возвращаясь к вопросу о причинах появления «третьих партий», отметим, что это может быть реакция на неспособность двух основных партий обозначить важную политическую или социальную проблему. Например, в отличие от демократов и республиканцев тема устойчивого развития сельского хозяйства и транспортной системы хорошо представлена у американской партии зеленых [Ярыгин, Меняева 2015: 128].

В результате «третьи партии» – это ответ на меняющуюся в США на протяжении многих лет двухпартийную систему, которая не может предложить новые идеи социально-политического развития страны и не представляет интересы разнообразных социальных групп.

Всего в США зарегистрированы порядка 40 партий [Бейдина, Попов, Кухарский, Денисов 2018: 41], включая две основные – Демократическую и Республиканскую. Мы можем дифференцировать «третьи партии» следующим образом [Исаев 2019: 95-98]:

1. Идеологические партии, которые в своих программах предлагают перемены, кардинально отличные от идей Демократической и Республиканской партий и основанные на той или иной идеологии. Приме-

ром таких партий являются Социалистическая и Коммунистическая партии США.

2. Партии одной проблемы – это партии, которые стремятся решить одну проблему, практически не затрагивая другие аспекты. Примером выступала Партия свободной земли (Фрисойлеры), боровшаяся против рабства. Современный пример – Прогибидиционистская партия или партия «сухого закона», выступающая за запрет продажи алкоголя.

3. Партии экономического протеста, которые стремятся решить проблему экономического свойства. Они возникают в условиях кризиса и существуют до тех пор, пока ситуация не улучшится. Самой известной партией такого типа является Народная (Популистская) партия, которая объединила фермерские кооперативные организации и выступила за улучшение социальной системы, в частности за введение восьмичасового рабочего дня и прогрессивного подоходного налога.

4. Партии-фракции – это партии, возникающие в результате раскола в двух ведущих партиях по тем или иным вопросам, например в результате конфликта в Республиканской партии, когда ее покинул Т. Рузвельт. В итоге в 1912 году появилась Прогрессивная партия США.

5. Независимые партии, по своим программам не отличающиеся от основных, но позиционирующие себя как внеидеологические и как альтернативные. Пример – Партия реформ США Р. Перо, которая на президентских выборах 1992 года получила около 19% голосов.

В целом «третьи партии» весьма разнообразны по своим целям и идеям, но у них есть и общее – причины их появления, и это говорит о том, что само явление имеет давнюю историю в США.

Влияние на политику США со стороны «третьих партий» неоднозначно. С одной стороны, они плохо представлены на уровне федерации и штатов, набирают небольшие проценты при проведении голосования в Конгресс [Исаев 2019: 100], участвуют в выборах, чтобы получить регистрацию.

С другой – ситуативно они показывает хорошие результаты, например зеленые в результате голосования на выборах президента США 2012 года [Ярыгин, Меняева 2015: 129]. Указанная партия в штатах Мичиган и Вашингтон округ Колумбия заняла третье место по числу голосов следом за Демократической и Республиканской партиями. В 28 штатах кандидаты зеленой партии стали четвертыми в списке популярности, плюс в 9 штатах зеленая партия стала пятой в листе предпочтений избирателей.

Еще один пример ситуативного успеха – 2016 год, когда либертарианец Г. Джонсон, бывший губернатор штата Нью-Мексико, набрал 3,3% голосов в ходе президентской гонки. Его количественный результат – почти 4,4 миллиона голосов, более чем на миллион превышает общее количество, по которому Х. Клинтон выиграла всенародное голосование. В то же время Дж. Стайн из партии зеленых получила 1,1% голосов, что

сделало ее первой женщиной, занявшей четвертое место в ходе президентской гонки, которая преодолела отметку в один миллион голосов с 1948 года [Fair Vote 2022].

Приведем еще пример – Прогрессивная партия Вермонта, у которой есть не только ассоциированный представитель Б. Сандерс в Сенате США, но и 9 человек в Законодательном Собрании штата Вермонт, а также несколько депутатов на уровне местного самоуправления [The Vermont Progressive Party 2022].

Несмотря на то, что «третьи партии» на фоне двух основных имеют меньше влияния на национальный политический процесс, временами они могут показывать неплохие результаты как на федеральных, так и на региональных, и на местных выборах, что говорит о поддержке программ «третьих партий» населением.

Следующий вопрос – почему, имея поддержку со стороны населения, «третьи партии» столь малочисленны на фоне Демократической и Республиканской партий? Для ответа на поставленный вопрос обратимся к проблемам функционирования электоральной системы в США.

Во-первых, основой мажоритарной избирательной системы США является принцип «победитель получает все», что приводит к образованию двух крупных партий, в то время как остальные обречены либо на неудачу, либо становятся «спойлерами», которые отнимают голоса у основных партий. Яркий пример – ситуация, когда в 2000 году кандидат от партии зеленых Р. Найдер отнял голоса у демократического кандидата А. Гора, из-за чего в итоге Президентом США стал Дж. Буш-младший [Ярыгин, Меняева 2015: 129].

Во-вторых, важная проблема для кандидатов от «третьих партий» – доступ к бюллетеням [Harvard Law Record 2022]. В то время как Демократическая и Республиканская партии обычно легко получают доступ к бюллетеням избирателей во всех 50 штатах на каждых выборах, «третьи партии» часто не соответствуют критериям доступа к бюллетеням (например, по количеству регистрационных сборов). В большинстве штатов «третьи партии» не соответствуют требованиям к петициям, согласно которым определенное количество избирателей должно подписать петицию для «третьей партии» или независимого кандидата, чтобы последние могли получить доступ к бюллетеням избирателей.

В-третьих, актуальна проблема финансирования. «Третьим партиям» финансово сложнее, чем основным двум, следовательно им тяжелее участвовать в политике [Cain 2001: 793]. Это хорошо видно на примере партии зеленых с их ограниченными бюджетами на избирательные кампании. Зеленые осознанно отказались от получения средств от компаний и корпораций и ориентируются на пожертвования от частных лиц для того, чтобы сохранить независимый от компаний и корпораций статус [Ярыгин, Меняева 2015: 128].

В итоге «третьи партии» остаются малочисленными под влиянием самой американской электоральной системы, где такие партии не имеют шанса стать крупными, так как избирательная система ориентирована изначально на обеспечение власти двух основных крупных партий.

Что же поможет исправить данное положение? В первую очередь это конечно же переход на пропорциональную избирательную систему, которая позволит не только «третьим партиям» полноценно участвовать в выборах, но и решит проблемы джерримендеринга, низкой активизации гражданского участия, предвыборных махинаций и нехватки альтернативных партий.

Однако процесс перехода на пропорциональную избирательную систему достаточно сложен. С одной стороны, в США нет конституционных барьеров для изменения закона о выборах, с другой – провести подобный законопроект через Конгресс США будет непросто. Как и в случае с наиболее важными политическими решениями в США, национальные реформы – это долгий путь, который начинается с уровня штатов и появления массовых движений на местном уровне.

Итогом перехода на пропорциональную избирательную систему может стать многопартийная система. Согласно опросу 2019 года в отличие от нынешней двухпартийной системы США в многопартийной системе у «третьих партий» будет реальная возможность влиять на национальный политический процесс [Echelon Insights 2022].

Кроме того, необходимо обновить избирательную систему США, в частности обеспечить на территории всей страны одинаковые условия для выдвижения партий и кандидатов. И здесь можно ориентироваться на пример Федеративной Республики Германии, где индивидуальному кандидату-одномандатнику от любой партии для допуска к парламентским выборам в одном округе достаточно собрать 200 подписей [Bundesministerium der Justiz 2022], а партиям, желающим идти на выборы по партийному списку, нужно представить 2 000 подписей в каждой федеральной земле, где они планируют участвовать в выборах [Bundesministerium der Justiz 2022].

Для решения проблемы финансирования необходимо сократить возможности спонсорства от частных лиц и групп и расширить государственное финансирование с отчетностью о тратах, это поможет избежать проблем с избирательными кампаниями [Коммерсантъ 2022].

Указанные меры могут помочь «третьим партиям» стать полноценными участниками национального политического процесса. Это приведет к тому, что разные социально-политические группы получат своих представителей в политических структурах, в последних будут шире отражены интересы общества, что придаст большую сбалансированность политической системе не только за счет центристских партий, но и за счет фланговых политических сил.

Есть ли реальные возможности реализации указанных мер на практике? Несмотря на всю кажущуюся сложность, они все-таки есть. В первую очередь это подкрепляется настроениями избирателей и активистов в политических партиях. Согласно данным опроса от 15 февраля 2021 года, 62% взрослых американцев выступают за наличие «третьей партии» в политической системе [Gallup 2022]. Кроме того, 63% республиканцев и 46% демократов поддерживают наличие «третьей партии» в системе.

У республиканцев причиной такой поддержки является внутренний идейный кризис. Так, 40% из них хотят, чтобы партия стала более консервативной, в то время как 34% – чтобы она осталась прежней, а 24% – чтобы стала более умеренной.

Демократы же в своем большинстве склоняются к тому, чтобы партия двигалась в либеральном направлении (34%) в противовес умеренному (25%). Однако часть из них (независимые демократы) считают, что их партия должна стать более умеренной (42%).

Важно настроение и американского общества в целом. Согласно опросу от 17 января 2022 года, процент независимых общественных кандидатов в 2020 году вырос с 39 до 41 [Gallup 2022].

Эта тенденция получила распространение за последнее десятилетие, причем все больше американцев считают себя независимыми по сравнению с периодом 1980-х – 2000-х годов. Так, 4 из 10 американцев с 2011 года считали себя независимыми до настоящего момента, за исключением президентских выборов 2016 и 2020 годов. Только с 2011 года независимая идентификация смогла достичь 40%.

В целом благодаря росту социальных настроений в сторону перемен и поддержке «третьих партий» в будущем возможны изменения в американской политической системе, а также начало активных действий групп и движений за изменение избирательной системы. Это затронет как членов основных партий, так и обычных граждан и поспособствует демократизации политической системы, а также решению ряда важных национальных проблем.

Подводя итоги, отметим, «третьи партии» – это малые партии в США, которые объединяют кандидатов на выборах различного уровня, не обладают большим влиянием, из-за чего они не могут оказывать значимое влияние на национальные политические решения. «Третьи партии» формируются под влиянием мажоритарной избирательной системы, их основная функция – это представление тех граждан и их идей, которые не поддерживают две основные партии.

«Третьи партии» разнообразны по идеям и целям, и несмотря на слабое влияние в крупных органах власти, на региональном и местном уровне, а также иногда на федеральных выборах они доказывают, что несмотря на наименование «малые» они представляют интересы большого числа граждан.

Чтобы стать полноценными партиями, им нужно добиться изменений и партийной, и избирательной систем, в особенности перехода с мажоритарной избирательной системы на пропорциональную. Это поможет увеличить численность представителей «третьих партий» на федеральном уровне, а также будет лучше отражать интересы общества и придаст большую сбалансированность политической системе посредством ориентации не только на центральные, но и на фланговые политические силы.

Несмотря на то, что пока такие реформы являются лишь проектом, опросы общественного мнения показывают, что спрос на перемены растет и что возможны изменения сначала на уровне штатов, а потом и на уровне всей страны. Это сделает политическую систему США еще более демократичной и разрешит проблемы, которые не под силу сейчас двум лидирующим партиям.

Список источников

1. *Баранов П. А.* Обществознание. М.: АСТ, 2017. 542 с.
2. *Бейдина Т. Е., Попов Ю. А., Кухарский А. Н., Денисов Ю. В.* Снижение влияния ведущих партий США в избирательном политическом процессе: динамика изменений // *Политика и общество.* 2018. № 4. С. 39-52.
3. *Гаджиев К. С.* Политология. М.: Издательство «Юрайт», 2019. 424 с.
4. *Дюверже М.* Политические партии. М.: Академический проспект, 2000. 538 с.
5. *Исаев Б. А.* История партий и партийных систем. Ч. 2. М.: Издательство «Юрайт», 2019. 278 с.
6. *Исаев Б. А.* Партийная система России: мультипартизм или бипартизм? // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения.* 2017. № 3. С. 210-225.
7. *Невакшенов А. Е.* Третьи партии в политической системе: подходы американских исследователей // *Вестник Томского государственного университета: Общественно-научный периодический журнал.* 2006. № 124. С. 231-235.
8. *Олейник И. И.* Парламентаризм в системе народного представительства // *Электронное приложение к Российскому юридическому журналу.* 2019. № 1. С. 11-22.
9. *Пирбудагова Д. Ш., Савзиева Т. Б.* Положительные и отрицательные аспекты мажоритарной и пропорциональной систем как составляющих смешанной избирательной системы // *Юридический вестник Дагестанского государственного университета.* 2015. № 2. С. 44-48.
10. Финансирование политических партий в других странах мира // *Коммерсантъ* [веб-сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/716253> (дата обращения: 13.02.2022).
11. *Ярыгин Г. О., Меняева Д. Д.* Роль партии Зеленых в президентской кампании 2016 г. в США – феномен «третьих партий» // *Азимут научных исследований: экономика и управление.* 2015. № 3 (12). С. 127-130.
12. *Amato T.* The two-party ballot suppresses third party change // *Harvard Law Record* [веб-сайт]. URL: <http://hlrecord.org/the-two-party-ballot-suppresses-third-party-change/> (дата обращения: 13.02.2022).

13. *Cain B. E.* Party Autonomy and two-party electoral competition // University of Pennsylvania Law Review. 2001. No. 3. P. 793-814.

14. Can America Become a Multiparty System? // Niskanen Center [веб-сайт]. URL: <https://www.niskanencenter.org/can-america-become-a-multiparty-system/> (accessed: 13.02.2022).

15. Democracy Index 2020: In sickness and in health? // The Economist Intelligence Unit [веб-сайт]. URL: <https://www.eiu.com/n/campaigns/democracy-index-2020/> (accessed: 13.02.2022).

16. Elected progressives // The Vermont Progressive Party [веб-сайт]. URL: <https://www.progressiveparty.org/elected-progressives> (accessed: 13.02.2022).

17. *Hernandez P.* The United States' history of third-party candidates: Is the problem with third parties, or with our binary election system? // FairVote [веб-сайт]. URL: https://www.fairvote.org/the_united_states_history_of_third_party_candidates_is_the_problem_with_third_parties_or_with_our_binary_election_system (accessed: 13.02.2022).

18. *Jones J. M.* Support for Third U.S. Political Party at High Point // Gallup [веб-сайт]. URL: <https://news.gallup.com/poll/329639/support-third-political-party-high-point.aspx> (accessed: 13.02.2022).

19. *Jones J. M.* U.S. Political Party Preferences Shifted Greatly During 2021 // Gallup [веб-сайт]. URL: <https://news.gallup.com/poll/388781/political-party-preferences-shifted-greatly-during-2021.aspx> (accessed: 13.02.2022).

20. October Verified Voter Omnibus – Multiparty Democracy // Echelon Insights. [веб-сайт]. URL: <https://echeloninsights.com/in-the-news/october-omnibus-multiparty/> (accessed: 13.02.2022).

21. Third party // Cambridge University Press [веб-сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (accessed: 13.02.2022).

22. World Economic Outlook Database // International Monetary Fund [веб-сайт]. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/October> (accessed: 13.02.2022).

23. Bundeswahlgesetz § 20 Inhalt und Form der Kreiswahlvorschläge // Bundesministerium der Justiz [веб-сайт]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bwahlg/_20.html (accessed: 13.02.2022).

24. Bundeswahlgesetz § 27 Landeslisten // Bundesministerium der Justiz [веб-сайт]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bwahlg/_27.html (accessed: 13.02.2022).

Конькова Анна Анатольевна,
студентка кафедры политических наук,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
konkova-anya@mail.ru

КРУПНЫЕ АГЛОМЕРАЦИИ В РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТЬ ИЛИ УГРОЗА ДЛЯ БУДУЩЕГО СТРАНЫ

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы становления агломераций в условиях современного развития нашего государства. С этой целью автор анализирует понятия агломерации и урбанизации. Были выделены потенциальные угрозы и возможности для России при возникновении крупных агломераций.
Ключевые слова: агломерации; понятийный аппарат; урбанизация; глобализм; суверенитет

Konkova Anna Anatolevna,
Student of Department of Political Science,
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
konkova-anya@mail.ru

LARGE AGGLOMERATIONS IN RUSSIA: AN OPPORTUNITY OR A THREAT TO THE FUTURE OF THE COUNTRY

Abstract. The article is devoted to the study of the problem of the formation of agglomerations in the conditions of modern development of our State. To this end, the author analyses the concept of agglomeration and urbanization. Potential threats and opportunities for Russia in the event of major agglomerations were highlighted.
Keywords: agglomerations; conceptual apparatus; urbanization; globalism; sovereignty

В настоящее время в Российской Федерации вновь обретает актуальность проблема агломераций. Так, в январе 2022 г. в ходе стратегической сессии «Проблемы и перспективы социально-экономического развития агломераций Республики Татарстан» глава Счетной палаты Алексей Кудрин заявил: «Несколько крупных агломераций должны появиться в РФ вокруг крупных городов для конкуренции с Москвой». Своим заявлением он затронул важный вопрос о том, является ли создание таких крупных агломераций выходом для страны из экономического кризиса либо же, наоборот, это приведет к разрушению страны. Таким образом, задумано несколько десятков образований численностью населения 8–12 миллионов жителей. Вопрос в том, нужна ли такая урбанизация нашей стране и есть ли реальная возможность развиваться и создавать будущее без уничтожения деревень, сёл и малых городов?

Для начала стоит обратиться к самим понятиям агломерации и урбанизации. Для определения понятия агломерации выделяют несколько

различных подходов. Один из них относит агломерацию к разновидности так называемого интегрированного расселения, этот подход представляет из себя одну из высших стадий ее трансформации [Зайончковская 1985: 43]. Данное интегрированное расселение представляет некое формирование «карелов непосредственно и всесторонне взаимодействующих сельских и городских поселений на основе разносторонних и интенсивных взаимосвязей между всеми типами поселений» [Полян 2014: 232]. Основой данного взаимодействия являются города, которые в дальнейшем образуют городские агломерации, они, в свою очередь, представляют из себя наиболее экономически развитые центры. Данные центры представляют системы связи населенных пунктов, которые объединены устойчивыми и многообразными связями, а также общей социальной и технической инфраструктурой.

Также существует и альтернативный подход к определению сущности агломерации. В его основе заложено рассмотрение агломерации как экономической категории. Процесс формирования агломераций происходит естественным образом, а именно в результате получения так называемой экономической выгоды от централизации производства на конкретной территории в городах и агломерациях, в сравнительно близких друг от друга пунктах [Лопатников 2014: 11]. В данном случае можно выделить характерную черту, присущую городской агломерации, ей является эмерджентность, то есть в конкретном случае это проявление повышенной экономической отдачи от использования территориальных и других ресурсов именно благодаря функционированию в системе [Антонов 2020: 183].

Важно также обратиться к понятию урбанизации. Как правило, еще в период зарождения данного явления под урбанизацией подразумевалось возрастание количества городов в общей структуре поселений. Так, по мере развития товарно-денежных отношений в обществе все сильнее проявлялась потребность как в сфере производства, так и в рабочей силе, которая будет достаточно квалифицированной [Забузов 2016: 35]. Отсюда также вытекает такой фактор, как плотность размещения населения, ведь при развитии производственных мощностей непосредственно вблизи центра производства образуются определенные группы населения.

Сущность современной урбанизации можно охарактеризовать следующими характерными чертами:

1. В соответствии с развитием городов и форм жизни в них изменяется и сама система управления городом. Так, сегодня у горожан, как правило, есть возможность не только влиять на то, в каких сферах будет происходить рост города, но и выдвигать собственные инициативы.

2. Также, говоря про современную урбанизацию, стоит упомянуть про воздействие, идущее от жителей городов с целью развить конкретные элементы инфраструктуры города, данный процесс в долгосрочной перспективе оказывает весомое влияние на развитие жизни в городе.

3. Помимо прочего выделяют также политическую урбанизацию. Она связана с процессом демократизации, с правовым ограничением власти высших должностных лиц и в то же время с развитием общественных организаций и качественным изменением ценностей у горожан [Кошкин, Мельков 2015: 145].

Таким образом, урбанизация – это скорее непрерывный процесс, и направлен он на рост как человеческого, так и экономического потенциала, поэтому развитие человечества взаимосвязано с урбанизацией в целом. С эволюцией изменилась и сущность урбанизации, если ранее был акцент на росте численности населения, проживающего в городах, то сейчас это скорее развитие так называемого городского образа жизни вне города и активная централизация на урбанизированных территориях различных сфер жизни.

Переходя к вопросу развития крупных агломераций в России, стоит рассмотреть главные аспекты данного вопроса, то есть все возможные опасности или, наоборот, возможности, которые выйдут на первый план, если данный план Алексея Кудрина начнет реализовываться.

На сегодняшний день в нашей стране только Москва является мегаполисом и глобальным городом. Начиная со второго десятилетия XXI в. она сталкивается с рядом проблем, которые связаны с интенсивным развитием агломерационных процессов. Так, в процессе урбанизации почти стирается граница между Москвой и малыми городами Московской области, в связи с этим меняется не только значение центра города, но и его влияние на пригород.

С точки зрения представителей социологической урбанистики, на первое место для исследователей должна выходить городская агломерация, а не город как таковой. Возвращаясь к сущности агломерации, стоит заметить, что Л. В. Смирнягин определяет агломерацию как территориальную совокупность нескольких населенных пунктов (как правило, городов), которые объединены в единую местную систему трудовыми и другими поездками населения, развитыми благодаря взаимной близости этих городов и хорошим средствам коммуникации между ними [Смирнягин 2006: 165].

К тому же из-за весьма плотного расположения экономически, политически, исторически и культурно значимых объектов внутри Садового кольца Москва считается одной из самых сложных европейских агломераций [Каганский 2013: 54]. И в связи с этим выделяется вероятная причина многих социальных проблем Московской агломерации, она прежде всего связана с тем, что исторический центр Москвы все еще продолжает играть в данном образовании доминирующую роль, а над центробежными тенденциями преобладают центростремительные [Вершинина 2021: 36]. И на данный момент продолжается рост Московской агломерации, так как она отличается от соседних регионов большими

возможностями как для получения образования, так и для построения карьеры, увеличения заработка и т. д.

Так, возвращаясь к вопросу создания аналогичных Москве агломераций по России, стоит обратить внимание на то, что осуществление данного плана является весьма непростым. И, более того, новые крупные агломерации вовсе не будут похожи на Московскую, так как у каждого региона есть свои особенности: национальные, экономические, культурные и другие.

К тому же учитывая, что в Российской Федерации на 1 января 2021 года, по оценке Росстата, было около 146 млн постоянно проживающих жителей, то после распределения всего населения на 12 крупных агломераций территория между центрами полностью бы опустела, и ее необходимо было бы осваивать вахтовым методом, но самое главное в том, что такую территорию невозможно удержать. Подразумевается, что новые центры никак не будут связаны друг с другом, у них не будет общей линии развития, то есть они будут более свободны и неограниченны.

Здесь возникают программы Ж. Аттали – одного из главных идеологов либерального глобализма, он выражает интересы прежде всего верха мирового капиталистического класса, выступающего с ультраглобалистских позиций и работающего на подрыв суверенитета национальных государств [Фурсов 2014: 102]. Люди в этом мире подчиняются только одной силе – деньгам. И это вписывается в стратегию, которую реализуют по миру либеральные глобалисты.

Среди отечественных деятелей, которые также склонялись к идее создания больших агломераций, можно выделить Татьяну Ивановну Заславскую – идеолога ликвидации «неперспективных» сел и деревень [Воронов 2008: 90]. Но здесь стоит сказать, что не все программы, которые пытались реализовать в советские времена, увенчались успехом.

Возвращаясь к возможностям, которые в перспективе можно реализовать благодаря крупным агломерациям, Кудрин выделяет экономический рост, более того, если не реализовать этот план, то предполагается, что Россия утратит свою конкурентоспособность на международной арене.

Так, можно предположить, что данный план – это следование идеологии глобальных городов, и вместо того, чтобы капитализировать наше основное богатство, то есть колоссальное пространство России, возникают идеи, которые подрывают целостность страны.

По большому счету, в результате неспособности рационально использовать ресурсы страны, а также из-за отсутствия способности поставить долгосрочные перспективы и задать фронтиры для развития государства возникает план по созданию крупных агломераций. Однако они не просто создадут конкуренцию Москве, они будут жизнеспособными независимо от судьбы страны. Можно предположить, что они будут вписаны в сетевое пространство глобальных городов. И эта идеология как

раз таки и строится на идее о том, что национальное государство устарело, что глобальные города сегодня являются основным экономическим субъектом во всем мире, и поэтому нам и надо делать такие глобальные города. Один глобальный город в России уже есть, как и говорилось ранее, это Москва, которая живет, по сути, совершенно независимо от Российской Федерации. Вместо того, чтобы использовать ресурсы такого крупного мегаполиса, как Москва, и проводить деконцентрацию, предлагается концентрировать население (деревень, малых и больших городов) фактически всего пространства в 10–12 агломерациях.

Данный путь скорее разрушительный, чем перспективный, так как это вопрос разрушения пространства нашей страны. Поэтому есть необходимость в междисциплинарных исследованиях данной проблемы.

Помимо прочего, можно также заметить, как в данном случае транслируется идея, которая в основном последние 20 лет развивается Саскией Сассен, голландско-американской исследовательницей. Так, «Сассен выстраивает целостное видение общества посредством анализа глобализации как ключевого, основополагающего процесса современности, деятельности глобальных и локальных социальных субъектов, а также ценностей, идей и принципов, которыми руководствуются участники глобальной системы» [Хомякова 2020: 213]. Таким образом, ее ключевая идея заключается именно в образовании глобального города, а также в их независимом существовании от национальных государств. То есть мы фактически берем курс на то, чтобы наше национальное государство в той или иной форме слабело, а глобальные города уходили в единство с теми городами, откуда так или иначе есть угроза безопасности нашей страны.

Таким образом, концепция Кудрина может создать весомую угрозу для национальной безопасности страны. Но с точки зрения главы Счетной палаты и Заместителя Председателя Правительства РФ Марата Хуснуллина, который активно поддерживает идею Кудрина, идея о крупных агломерациях является исключительно благой и имеет возможность восстановить экономический потенциал страны. Также транслируется идея о том, что ни в каких других условиях, кроме как в таких огромных агломерациях, нельзя обеспечить человеку достойный уровень жизни, уровень комфорта, доступную медицину и качественное образование. Здесь стоит отметить, что с точки зрения управления и контроля агломерации гораздо выгоднее и проще по сравнению с большим количеством городов, сел и деревень, так как все население сконцентрировано в одном центре и нет необходимости тратить ресурсы на контроль и жизнеобеспечение в большое количество населенных пунктов.

Стоит также затронуть и другую актуальную проблему – возвращение в современное общество некогда такого постыдного явления, как отходничество. Отходничество является формой трудовой миграции. Данный феномен имеет массовый характер: по приблизительным данным, из пример-

но 50 миллионов российских семей не менее 10–15 миллионов семей живут за счет отходничества одного или обоих взрослых членов. Соответственно, весомая доля ВВП страны обеспечивается отходниками, но не учитывается статистикой и не может быть учтена, потому что отходники как субъект рынка для экономической науки не существуют [Плюснин 2012: 240]. Из-за отсутствия рабочих мест и достойного уровня жизни люди вынуждены покидать малые города и села, тем самым в больших городах образуется достаточно высокая плотность населения, а деревни, села и малые города фактически остаются на грани выживания.

Однако явление отходничества вполне реально избежать и устранить, если направить силы на организацию форсированной реиндустриализации страны, на массовое создание современных и перспективных рабочих мест, на формирование стратегически-перспективной занятости. Но получается, что вместо этого разворачивается прямо противоположный процесс, который может обернуться разрушающими последствиями. Фактически вместо уникальных возможностей наших полей, лесов, рек, прекрасной в целом природы по всей России, где можно жить в своих домах и пользоваться малой авиацией, вместо этого условно происходит процесс урбанизации, причем условия для этого процесса экономически искусственно созданные.

Здесь действительно встает фундаментальный вопрос суверенитета страны, а также вопрос о том, по какому пути развития дальше двигаться России. Основной вопрос, который требует рассмотрения, касается того, что можно сделать сегодня, чтобы развить потенциал страны, непосредственно используя ее ресурсы и богатство. По мнению эксперта по вопросам демографии России Юрия Крупнова, главная задача на сегодня – это капитализация нашего пространства, а не обременение. Таким образом, развивается идея о том, государство может дать возможность для молодежи развивать регионы: через транспорт, через субсидирование. Также делать акцент на ландшафтно-усадебной малоэтажной урбанизации, с возможностями перелетов и жизни в малых городах. Направлять ресурсы на индустриализацию по всей стране.

Важно также обосновать, почему ландшафтно-усадебная малоэтажная урбанизация подходит для России и в чем ее основные преимущества. Для начала стоит дать определение данному термину, это прежде всего способ заселения территорий с учетом совокупности взаимосвязанных условий комфортного, экологичного и экономически самостоятельного проживания населения в поселениях нового типа [Ефимов, Солонько 2008: 65]. В своей сущности данная урбанизация является комплексной моделью заселения и развития не только сельских территорий, но и всей России, и что немаловажно, является необходимым условием воспроизводства трудового потенциала, гармоничного обустройства неосвоенных территорий Российской Федерации.

Поселения, согласно ландшафтно-усадебной малоэтажной урбанизации, должны соответствовать следующим требованиям:

1. Предельный размер поселения не должен превышать 5–6 км.
2. Структура производственно-хозяйственной сферы организована с учетом создания необходимого количества рабочих мест и возможности проблем сезонной занятости.
3. Использование автономных энергоэффективных технологий для строительства и дальнейшей эксплуатации различного рода зданий и сооружений.
4. Архитектура поселений должна быть гармонично вписана в природный ландшафт местности.
5. Форма общественной жизни поселения должна способствовать здоровой нравственной атмосфере, обеспечивающей качественное воспроизводство трудового потенциала.
6. Стремление к самодостаточности экономической деятельности поселения, что будет позволять устойчиво функционировать в преемственности поколений.
7. И последнее, но немаловажное – это соблюдение требований комплексной экологической безопасности.

Чтобы успешно реализовать идею ландшафтно-усадебной урбанизации, важно иметь трудовой потенциал, который будет состоять из подготовленных специалистов. Для этого можно начать с подготовки молодых специалистов, то есть студентов и выпускников аграрных вузов России, подготовленных с учетом их учебной производственной практики. Данный подход также будет способствовать тому, что молодые специалисты будут закрепляться на селе с учетом их интересов, и благодаря этому регионы будут развиваться наиболее активно.

Подводя итог, можно сделать некоторые выводы относительно перспектив становления крупных агломераций в Российской Федерации, а также о возможных последствиях данного процесса.

Во-первых, в России уже существует одна крупная агломерация – это Москва, которая является мегаполисом и центром всех основных активов страны, но, по сути, она существует и функционирует отдельно от всей остальной страны, что создает определенные трудности для успешного функционирования всего государства. Основная цель плана по созданию крупных агломераций в России объясняется его инициаторами как единственный выход по улучшению экономического состояния страны, что важно и для обеспечения высокого уровня жизни (качественное и доступное образование, медицина, обеспечение безопасности и т. д.).

Во-вторых, многими данная концепция воспринимается как потенциально разрушительная для страны, так как опустошение пространства между мегаполисами напрямую ведет к потере суверенитета страны, так как незаселенные территории весьма привлекательны для остальных госу-

дарств. К тому же вступление в глобальную сеть мегаполисов может привести к тому, что государство потеряет целостность и немаловажную роль на международной арене.

Таким образом, стоит сказать, что для роста и процветания нашего государства необходимо учиться суверенному мышлению и действию, которое, в свою очередь, задает антропологию русского государственного человека.

Список источников

1. Антонов Е. В. Городские агломерации: подходы к выделению и делимитации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. № 1. С. 180-201.

2. Вершинина И. А. Современная социологическая урбанистика: основные направления исследований // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 10. С. 35-39.

3. Воронов Ю. П. Массовые решения в экономике: исследования, опередившие время // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2008. С. 79-96.

4. Ефимов В. А., Солонько И. В. Ландшафтно-усадебная урбанизация и ее роль в устойчивом развитии сельских территорий и воспроизводстве трудового потенциала // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2008. № 5. С. 64-67.

5. Забузов О. Н. О качественном изменении понятия «урбанизация»: постановка проблемы // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2016. № 4. С. 35.

6. Зайончковская Ж. А. Некоторые направления эволюции расселения // Достижения и перспективы. 1985. Вып. 52. С. 42-51.

7. Каганский В. Как устроена Россия? Портрет культурного ландшафта // STRELKA: сборник. М., 2013. С. 54.

8. Кошкин А. П., Мельков С. А. Политическая урбанистика: проблемы и перспективы // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2015. № 1. С. 144-154.

9. Лопатников Л. И. Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки. М.: Дело, 2003.

10. Плюснин Ю. М. Отходничество в современной России // Отечественные записки. 2012. № 5. С. 240-256.

11. Полян П. М. Территориальные структуры – урбанизация – расселение. Теоретические подходы и методы изучения. М.: Новый Хронограф, 2014.

12. Смирнягин Л. В. Агломерация: за и против // Городской альманах. Вып. 3. М., 2008. С. 165.

13. Фурсов А. И., Фурсов К. А. Мировая капиталистическая система: новые сценарии развития (версия Жака Аттали) // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 102-114.

14. Хомякова К. Л. Функционирование городов в условиях глобализации: теория Саски Сассен // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 4. С. 213-223.

Лебедев Максим Сергеевич,
Уральский государственный университет путей сообщения,
lms-83@mail.ru

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДОВЕРИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. В работе анализируются пути решения проблемы достижения общественного доверия как фактора развития гражданского общества в современной России. Автор обращает внимание на низкую степень общественного доверия, которое существует на уровне первичных социальных групп, а также на проблему доверия на национальном уровне, достижение которого затруднено многими социальными и политическими факторами. В статье делается вывод о негативном влиянии отсутствия глубинного уровня социального доверия на развитие отечественного гражданского общества, которое развивается в условиях цифровизации и продолжающейся пандемии COVID-19. В статье анализируются результаты работы Общественной палаты РФ за прошедший год, описываются основные достижения этого консультативно-совещательного органа, направленные на развитие гражданского общества. По мнению автора работы, для консолидации власти и общества необходимо достижение институционального доверия. Считаем, что достижение полноценного развития гражданского общества невозможно без доверия граждан к институту гражданского общества, без активной гражданской позиции и стремления участвовать в его деятельности. В завершении статьи автор предполагает, что для эффективного решения указанных выше задач необходимо обеспечить полноценный диалог с властью, а также достичь в результате этого диалога справедливого решения, позволяющего удовлетворить потребности различных групп интересов. **Ключевые слова:** общественное доверие; гражданское общество; государство; государственная власть; общественная палата; цифровизация общества; цифровые технологии; пандемия; COVID-19; коронавирусу

Lebedev Maxim Sergeevich,
Ural State University of Railway Transport,
lms-83@mail.ru

PUBLIC TRUST AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Abstract. The paper analyzes ways to solve the problem of achieving public trust as a factor in the development of civil society in modern Russia. The author draws attention to the low degree of public trust that exists at the level of primary social groups, as well as to the problem of trust at the national level, the achievement of which is difficult by many social and political factors. The article concludes about the negative impact of the lack of a deep level of social trust on the development of domestic civil society, which is developing in the context of digitalization and the ongoing COVID-19 pandemic. The article analyzes the results of the work of the Public Chamber of the Russian Federation over the past year, describes the main achievements of this consultative and advisory body aimed at the development of civil society. According to the author of the work, for the consolidation of power and society, it is necessary to achieve institutional trust.

We believe that achieving full-fledged development of civil society is not possible without citizens' trust in the institution of civil society, without an active civic position and the desire to participate in its activities. At the end of the article, the author suggests that in order to effectively solve the above tasks, it is necessary to ensure a full-fledged dialogue with the authorities, as well as to achieve fair solutions as a result of this dialogue, allowing meeting the needs of various interest groups.

Keywords: public trust; civil society; state; government; Public Chamber; digitalization of society; digital technologies; pandemic; COVID-19; coronavirus

Пандемия COVID-19 внесла изменения во все сферы общественной жизни. Каждый человек так или иначе столкнулся с ее последствиями. Повлияла пандемия и на функционирование гражданского общества, которое не только сумело приспособиться к новым условиям, но и консолидировалось, объединило усилия с политическими структурами для устранения этих негативных последствий. Объединение усилий должно послужить фактором повышения доверия граждан к институтам политической власти и стимулом развития гражданского общества. Стоит отметить, что развитие гражданского общества в ближайшие годы не только в России, но и во всем мире будет проходить под знаком цифровой трансформации. Широкие возможности цифровизации оказались востребованы практически во всех сферах общественной жизни.

Тяготы, вызванные пандемией COVID-19, внедрение цифровых технологий дают новые возможности для достижения общественного доверия к институтам политической власти. Очевидно, что общественное доверие также необходимо институтам политической власти и местного самоуправления для получения народной поддержки, положительной оценки своей деятельности и сохранения уверенности в политической стабильности в стране.

Доверие является фундаментальной установкой человека по отношению не только к себе, но и к внешнему миру, без которой существование разумного субъекта правоотношений сегодня ставится под серьезный вопрос [Макаренко 2016: 130].

Доверие является ожиданием благоприятных или нейтральных действий со стороны других лиц или групп. При этом вероятность совершения таких действий оценивается достаточно высоко. Такая вероятность определена опытом, знаниями и предположениями субъекта об объекте доверия. Иными словами, доверие может пониматься как «некий универсальный социальный институт, существующий в течение всей истории человеческого общества» [Глушко 2010: 49].

Как известно выделяют два вида доверия: социальное доверие и доверие политическое. Доверие и социальный капитал рассматриваются учеными как нематериальные факторы консолидации общества [Антоновский 2021: 56]. В настоящей работе нами рассматривается социальное доверие как фактор развития гражданского общества.

Для того чтобы выяснить, насколько актуален вопрос доверия в российской социокультурной среде, необходимо выявить уровень его проявления. Как показали результаты социологического исследования, «согласие, сплоченность и доверие россиян друг к другу существуют только на уровне ближайшего окружения, что препятствует становлению гражданского общества. Это свидетельствует о том, что многие рассчитывают преимущественно на собственные силы, надеются своим трудом достичь определенного материального благополучия. Наряду с вышеуказанными явлениями сохраняется исторически сложившийся патернализм, который способствует укреплению авторитарных позиций в системе государственного управления. Он может стать основой для консолидации россиян при условии, что государство будет успешно справляться со своими функциями, в первую очередь – в социальной сфере» [Молодов 2013: 4]. Таким образом, можно сказать, что в российской действительности доверие существует на уровне малых социальных групп, относящихся к первичному типу по характеру взаимодействия. Доверие на национальном уровне затруднено группой объективных и субъективных факторов, в том числе территориальными масштабами страны, многонациональностью и многоконфессиональностью ее состава. Эти и иные основания позволяют делить граждан на «своих» и «чужих», побуждая относиться к последним с определенной степенью подозрения или даже враждебности. Иногда крайняя степень социальной нетерпимости как совокупности внутренних установок и действий негативного характера [Конторович 2005: 5] приводит к межнациональной, межконфессиональной и иной розни, напрямую угрожающей национальной безопасности современной России.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что отсутствие глубинного уровня социального доверия оказывает негативное влияние на развитие отечественного гражданского общества. Согласно Ежегодному Докладу Общественной палаты РФ «О состоянии гражданского общества», одной из актуальных тенденций, которая повлияла на развитие России в 2021 году, является проблема общественного доверия, «фундаментальными условиями которого выступают открытость к сотрудничеству ради благополучия людей, учет их интересов при принятии государственных решений, позитивные, качественные изменения в жизни каждого человека» [Доклад Общественной палаты 2021: 4]. Для достижения данной цели представителями Общественной палаты прилагаются значительные усилия для того, чтобы сформировать круг доверия, в рамках которого можно будет согласовать и учесть противоположные интересы, найти взвешенные подходы к решению различных ситуаций взаимодействия власти, общества, СМИ, бизнеса. Считаем, что без взаимодействия, без обратной связи всех заинтересованных сторон невозможно достичь консенсуса по самым острым проблемам гражданского общества. Органы государственной власти и местного самоуправления должны создавать все необходимые усло-

вия для обращений граждан с инициативами и предложениями, с жалобами и протестами в рамках правовых инструментов защиты своих законных прав и интересов. Именно обращения граждан России выступают индикатором общественных настроений и интересов в стране, что «убедительно продемонстрировало нулевое чтение проектов федеральных законов о внесении изменений в ряд нормативных правовых актов по введению сертификатов для привитых и переболевших COVID-19 граждан, прошедшее в Общественной палате 26 ноября 2021 года» [Доклад Общественной палаты 2021: 6]. Считаем, что факт обращений граждан в различные инстанции является одним из показателей общественного доверия, поскольку без убеждения в возможности удовлетворения содержащихся в них требований инициатива подачи обращения бессмысленна.

Исходя из вышеизложенного, общественное доверие можно трактовать как «открытые, положительные взаимоотношения между людьми, содержащие уверенность в порядочности и доброжелательности другого человека, с которым доверяющий находится в тех или иных отношениях» [Рассадина 2011: 93]. Очевидно, что пандемия COVID-19 проверяет на прочность доверительные отношения граждан к политическим институтам и институтам гражданского общества. «В целом за два прошедших года реализации национальных проектов и построения социального государства в условиях пандемии российское гражданское общество стали в отчасти меньшей степени волновать экономические, социальные, экологические, трудовые проблемы и вопросы безопасности. Повышение уровня тревог граждан наблюдалось в большей степени по вопросам, связанным с высокими ценами и тарифами, ростом инфляции, наркоманией» [Российское гражданское общество и государство в условиях пандемии и парламентских выборов 2021: 9]. Снижение степени обеспокоенности граждан должно стать одной из основных задач повышения доверия к институту власти. Достижение этой задачи зависит от способности власти и граждан слышать друг друга. От этого будет зависеть дальнейшее развитие политических процессов в стране. Для достижения этой цели необходимо постоянное взаимодействие власти с различными органами и организациями, например с Общественной палатой в субъектах РФ и муниципальных образованиях. Так, благодаря регулярному взаимодействию Общественной палаты с политической властью можно отметить значительное усиление инфраструктуры поддержки и развития гражданского общества в России. Все это стало возможным в результате запуска ряда масштабных социальных проектов, среди которых можно отметить: начало работы Фонда поддержки детей с тяжелыми и хроническими заболеваниями «Круг добра», создание Президентского фонда культурных инициатив и реализации в рамках фонда массы социально важных проектов, перезапуск деятельности исторически значимых общественных организаций (например, Общество «Знание», Российский Красный Крест и другие).

Не менее важным для развития гражданского общества в России является общероссийский рост волонтерского движения. Одним из таких движений являются волонтерские акции в бизнес-среде, где корпоративное волонтерство стало новым управленческим трендом. В качестве примера можно привести прошедший в ноябре 2021 года IX Московский международный форум «Корпоративное волонтерство: бизнес и общество», который стал крупнейшей в нашей стране экспертной платформой по данной тематике.

Согласно исследованию ВЦИОМ, на вопрос «Имеет ли компания преимущество благодаря наличию программ корпоративного волонтерства?» 46% опрошенных сотрудников российских компаний отмечают его важность и необходимость, так как корпоративное волонтерство обеспечивает имидж социально ответственной компании [Актуальная повестка].

Отдельно отметим влияние цифровизации на развитие гражданского общества. Как констатируют эксперты Общественной палаты, в эпоху доминирования цифровых технологий особая роль в процессе развития гражданского общества сохраняется за некоммерческим сектором. Для того чтобы они отвечали актуальным запросам российского общества, необходимо более активно внедрять цифровые инструменты в повседневную практику некоммерческих организаций. «Сегодня цифровизация не только является признаком развитости и конкурентоспособности НКО, но и постепенно становится необходимым условием их выживания и конкурентоспособности. Активная цифровизация в сфере государственного управления и в бизнес-сфере формирует в отношении НКО определенные ожидания со стороны тех, с кем активно взаимодействует некоммерческий сектор, и эти ожидания соответствуют глобальному тренду цифровизации являются новым вызовом к цифровой трансформации для НКО» [Доклад Общественной палаты 2021: 28].

Согласно исследованиям, среднее значение индекса цифровых компетенций российских НКО в 2021 году составило 2,1 балла из 10 возможных, что всего на 0,4 балла выше по сравнению с 2019 годом [Портрет социальной активности в цифровую эпоху]. Данные позволяют констатировать значимость цифровизации для НКО.

Еще одним важным аспектом, который может оказать значительное влияние на развитие гражданского общества в эпоху цифровых технологий, является повсеместное внедрение искусственного интеллекта. Очевидно, такая цифровая трансформация, основанная на развитии искусственного интеллекта и анализа Big Data, обязательно будет осуществлена в России в ближайшее время, что позволит повысить не только благополучие, но и качество жизни граждан нашей страны. В таком случае можно надеяться на создание условий для повышения общественного доверия в нашей стране.

Стоит также отметить влияние на развитие гражданского общества различных сетевых сообществ и малых групп, возникновение которых во многом связано с потребностью решения локальных проблем. Например, для решения проблемы успешного перехода на дистанционное обучение было создано сетевое движение «Родители Москвы». В связи с актуальностью дистанционного обучения число представителей данного сетевого сообщества значительно выросло, став всероссийским общественным движением, занимающимся наиболее острыми вопросами организации образования в России. Именно они, по мнению представителей Общественной палаты РФ, стали «важнейшими точками кристаллизации и роста активности гражданского общества в 2021 году» [Доклад Общественной палаты 2021: 5]. Для развития сетевых сообществ в рамках правового поля Общественная палата оказывает им поддержку в выработке консолидированной позиции и ее доведении в виде конкретных предложений до органов государственной власти. Однако стоит отметить проблему возрастающего влияния цифрового неравенства, киберпреступности и кибертерроризма на политическую жизнь в стране.

Кибертеррористические атаки осуществляются различными способами. «Одним из способов кибертерроризма является политически мотивированная атака на информацию. Она заключается в непосредственном управлении социумом с помощью превентивного устрашения. Это проявляется в угрозе насилия, поддержании состояния постоянного страха с целью достижения определенных политических или иных целей, принуждении к определенным действиям, привлечении внимания к личности кибертеррориста или террористической организации, которую он представляет» [Григорьев 2016: 228]. Так, например, январские события в Казахстане явно свидетельствуют о негативных социально-политических последствиях современного кибернетического терроризма.

Другим способом кибертерроризма является информационная атака на компьютерную информацию, вычислительные системы, аппаратуру передачи данных, иные составляющие информационной инфраструктуры, совершаемая группировками или отдельными лицами. Такая атака позволяет проникать в атакуемую систему, перехватывать управление или подавлять средства сетевого информационного обмена, осуществлять иные деструктивные воздействия, в том числе в сети Интернет [Григорьев 2016: 228]. Можно отметить участвовавшие кибернетические атаки на сайты российских организаций в 2016–2021 годах. Мировая тенденция также свидетельствует о росте числа кибератак. Согласно отчету компании Check Point Research, в 2021 году их число выросло на 40% [Отчет Check Point Software].

В некоторых случаях единственным способом борьбы является блокировка Интернета на всей территории государства. Пути и способы решения возникшей проблемы необходимо решать не только на государ-

ственном уровне, но и на уровне институтов гражданского общества, в том числе посредством взаимодействия со своими международными институциональными партнерами. В противном случае доверие к власти может быть подорвано.

Тем не менее наличие кибертерроризма и киберпреступлений не должно оказывать значительного негативного воздействия на развитие сетевых обществ, поскольку они выступают новыми гражданскими институтами. Очевидно, что процесс глобальной цифровизации сегодня охватил фактически все виды деятельности в политической, общественной и экономической сферах. Используемые новые технологии способствуют развитию сетевой логики изменений в обществе, кардинально меняя не только возможности коммуникации, но и саму структуру общественных отношений. Изменения в социальной коммуникации приводят к тому, что общественные отношения становятся более гибкими, непрерывно изменяющимися и децентрализованными. Чему, без сомнения, способствует активное развитие сетевых сообществ не только в России, но и во всем мире. Здесь проблемой видится достижение баланса государственного контроля над сетевым обществом и влияние сетевого общества на все сферы общественной жизни. Очевидно, без наличия общественного доверия достичь такого баланса будет крайне сложно.

Под общественным доверием автор в данном случае понимает «устойчивую способность человека, группы, коллектива и всего населения добровольно наделять другого человека, социальную группу и население в целом, институт ценностными и общественно значимыми свойствами в интересах обеспечения своих прав и свобод, гарантий и льгот, а в целом – стабильности и безопасности существования» [Бануляк 2013: 5]. Очевидно, что добиться стабильности и безопасности существования общества возможно только в условиях общественной консолидации. Общественная консолидация может воспроизводиться лишь только при условии наличия доверия к институтам власти и гражданского общества. В этом аспекте социальное доверие выступает главным условием ликвидности социального капитала. Как констатируют А. Ю. Антоновский и Р. Э. Бараш, «Утрата доверия (ключевого нематериального фактора консолидации) приводит к инфляции социального капитала. Граждане могут перестать “принимать к оплате” условные “векселя” (например, ожидания властью электоральной поддержки) как потерявшие валидность, причем независимо от действительной ценности оказанной властью услуги. Ведь в отличие от юридически валидных векселей договор о сотрудничестве между обществом и властью является виртуальным» [Антоновский 2021: 56].

Наиболее значимым для консолидации власти и общества является институциональное доверие, которое может возникать у людей только в том случае, если государственные органы и общественные объединения работают максимально эффективно и в должной степени отвечают кри-

териям справедливого устройства [Вахтина 2011: 60]. Стоит отметить, что в представлениях граждан эти свойства сочетаются редко. В случае совпадения «эффективности» и «справедливости» возникает глубинное доверие к конкретному социальному или политическому институту, а также его деятельности. Это возможно только при наличии доверия к институту гражданского общества, активной гражданской позиции и стремлении участвовать в его деятельности. Так, например, Общественная палата РФ отмечает рост доверия к сектору в 2021 году, который основан на эффективном диалоге между гражданским обществом и государством на новом качественном уровне. В Докладе отмечается, что «результатом активной работы некоммерческих организаций в период пандемии стал значительный рост доверия общества к деятельности НКО и волонтеров, а государство продолжило воспринимать некоммерческий сектор в качестве равноправного надежного партнера в реализации социальной политики и решении общественных проблем [Доклад Общественной палаты 2021: 12]. Считаем, что такие отношения являются основой для достижения глубинного социального доверия.

Под глубинным социальным доверием понимаем устойчивую уверенность в честности, порядочности и доброжелательности групп интересов к различным социальным и политическим институтам, их готовность к диалогу и достижению консенсуса по спорным вопросам на основе открытости, публичности и партнерства.

Для достижения глубинного доверия необходимо на государственном уровне создание условий для гражданской активности и творческой самореализации граждан. Общественная палата РФ отмечает значительное усиление инфраструктуры поддержки и развития гражданского общества в 2021 году. Так, например, в прошлом году состоялся первый конкурс Президентского фонда культурных инициатив, благодаря деятельности которого сегодня формируется новый сектор креативной экономики. В сфере креативных индустрий в 2021 году был реализован проект «ArtMasters», деятельность которого была направлена на поиск и выявление талантливых людей. Не менее уникальной площадкой для творческой самореализации отметим действие арт-кластера «Таврида», который представляет собой экосистему проектов, способствующих реализации творческого и профессионального потенциала молодых деятелей культуры и искусств. Конечно, это не полный перечень мероприятий, направленный на повышение творческой самореализации граждан в современной России. Остается надеяться, что указанные выше инициативы послужат основанием для дальнейшего развития гражданского общества в России, достижения глубинного социального доверия к социальным и политическим институтам.

Для эффективного решения указанных выше задач необходимо не просто обеспечить полноценный диалог с властью, но еще достичь в ре-

зультате этого диалога справедливых решений. Очевидно, что достижение этой цели возможно только при условии доверия со стороны граждан к политическим институтам и институтам гражданского общества. Только достижение взаимного доверия может стать фактором системных изменений, направленных на решение остросоциальных проблем, развитие нашей страны и достижение ощутимых качественных изменений во всех сферах жизни.

Список источников

1. Актуальная общественная повестка: доверие, забота о людях, социальная ответственность. URL: <https://report2021.oprf.ru/1/index.html> (дата обращения: 21.02.2022).
2. Антоновский А. Ю., Бараш П. Э. Нематериальная консолидация – формы, факторы, ключевые подходы // Человек. 2021. Т. 32, № 3. С. 46-72.
3. Баннуляк Н. А. Новые информационно-коммуникационные технологии как инструмент формирования общественного доверия к органам государственной власти России: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / [Место защиты: Рос. акад. народного хозяйства и гос. службы при Президенте РФ]. М., 2013. 25 с.
4. Вахтина М. А. Доверие к государству как фактор повышения его эффективности // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2011. Т. 3, № 3. С. 57-65.
5. Глушко И. В. Диалектика доверия и согласия в социальном дискурсе // Теория и практика общественного развития. 2010. № 2. С. 44-52.
6. Григорьев Н. Ю., Родюков Е. Б. Современный кибернетический терроризм и его социальные последствия // Вестник университета. 2016. № 5. С. 227-234.
7. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2021 год. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2021. URL: <https://report2021.oprf.ru> (дата обращения: 20.02.2022).
8. Конторович С. Н. Социальная нетерпимость: философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Морд. гос. ун-т им. Н. П. Огарева. Саранск, 2005. 24 с.
9. Макаренко Д. Г. Общественное доверие как ресурс власти и управления // Бюллетень науки и практики. 2016. № 8 (9). С. 129-132.
10. Молодов О. Б. Доверие как фактор консолидации общества (на примере Вологодской области) // Вопросы территориального развития. 2013. № 5 (5). С. 1-4.
11. Отчет Check Point Software «О кибербезопасности за 2021». URL: <https://www.checkpoint.com/pages/cyber-security-report-2021> (дата обращения: 20.02.2022).
12. Портрет социальной активности в цифровую эпоху. URL: <https://report2021.oprf.ru/2/index.html> (дата обращения: 21.02.2022).
13. Рассадина Т. А. Феномен доверия в условиях «Общества риска» // Система ценностей современного общества. 2011. № 17-2. С. 91-96.
14. Российское гражданское общество и государство в условиях пандемии и парламентских выборов: монография / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]; отв. ред. В. К. Левашов; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 110 с.

Метельских Екатерина Владимировна,
студент 3 курса направления подготовки «Политология»,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал,
molodegkr@mail.ru

Холова Диана Файзулловна,
студент 3 курса направления подготовки «Политология»,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал,
dkholova42@gmail.ru

Шибанова Елена Климентьевна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры политологии, истории
и философии, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
shibanova-ek@ranepa.ru

БРЕНД ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье отражены особенности бренда политического лидера, даны характеристики бренда политического лидера с позиции современной молодежи. На основе опроса, проведенного среди студентов, были выявлены представления современной молодежи о бренде политического лидера на региональном уровне.

Ключевые слова: бренд политика; политические лидеры; политические деятели; политические коммуникации; молодежь

Metelskih Katharine Vladimirovna,
Student of the 3rd year of the Training Direction “Political Science”,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Chelyabinsk branch,
molodegkr@mail.ru

Kholova Diana Faizullova,
Student of the 3rd year of the Training Direction “Political Science”,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Chelyabinsk branch,
dkholova42@gmail.ru

Shibanova Elena Klimentievna,
Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Department
of Political Science, History, Philosophy, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk branch,
shibanova-ek@ranepa.ru

THE BRAND OF A POLITICAL LEADER IN THE IDEAS OF MODERN YOUTH

Abstract. The article reflects the features of the brand of a political leader, gives the characteristics of the brand of a political leader from the position of modern youth. Based on a survey conducted among students, the ideas of modern youth about the brand of a political leader at the regional level were revealed.

Keywords: brand policy; political leaders; politicians; political communications; youth

Политическое лидерство – одна из интереснейших тем в политической науке, неотъемлемая часть сегодняшнего политического процесса. В современном мире, когда ничего не постоянно и когда в мире начала главенствовать модель VUCA-мира, политическим лидерам нужно уметь подстраиваться под изменения и уметь быстро реагировать на проблемы, а также уметь учиться новому и разучиваться, отказываясь от старых привычек [Казимирчик 2014: 124].

Лидер, пренебрегающий интересами своего государства, не выполняющий свои политические обязанности, должен нести ответственность за свои действия. Если политический деятель нарушает установки людей, которые делегировали ему свои полномочия, это рассматривается как политическая безответственность, приводящая к отторжению лидера и санкциям со стороны последователей.

В России, к сожалению, можно проследить тенденцию того, что политические деятели часто уходят от политической ответственности. Также легко лидеры могут отменить Конституцию и закон, ссылаясь на «политическую целесообразность» или на «юридический формализм» закона. Такой прием позволяет, не отчитываясь за провалы и просчеты политики, продолжать оставаться у власти.

Политическое лидерство – процесс взаимодействия между людьми, в котором наделенные реальной властью авторитетные люди осуществляют легитимное влияние на общество (или его часть), которое отдает им часть своих политико-властных полномочий и прав [Джанталеева 2010: 26].

Бренд является одним из главных методов достижения успеха и потому он активно используется как в бизнесе, так и в политике. Исходя из этого, для взаимодействия с населением (народом) необходимо обратить внимание на брендинг политика, так как это является ключевым фактором завоевания доверия среди общественного мнения [Капферер 2007: 237].

Согласно классическому определению, бренд – это торговая марка, предназначенная для отличия конкретного продукта от продукции конкурентов. Основными характеристиками бренда являются узнаваемость, известность и распространенность. Брендинг – это деятельность, направленная на разработку и продвижение определенной марки продукта, обеспечение ее престижности, а также подразумевающая мониторинг соответствия данной марки требованиям рынка. Главными задачами

брендинга являются правильное позиционирование бренда и его эмоционирование [Зазыкина].

Бренд – это то, каким видит продукт или компанию конечный потребитель. Это некое абстрактное понятие, совокупность продукта, маркетинговых коммуникаций и фирменного стиля, которая в конечном итоге ассоциируется с конкретным товаром или человеком. Например, когда мы слышим Apple, то представляем не только технику, но также Стива Джобса, надкушенное яблоко, думаем про высокое качество, моду и революцию в отрасли современных технологий. Если пойти дальше, то мы вспомним про вдохновляющие видеоролики и выступления Джобса на презентациях айфона. Бренд – это лицо продукта. Именно он формирует в нашей голове определенные ассоциативные, а затем логические связи с определенным продуктом.

Брендинг – это продвижение бренда. Если бренд – это статика, то брендинг – это динамичный процесс, который делает из неприметной марки запоминающийся бренд. К брендингу относятся реклама, общение с клиентами, акции и другие маркетинговые активности.

Брендинг состоит из следующих элементов:

- 1) нейминг, разработка названия бренда;
- 2) выявление ценности в глазах потребителя (позиционирование);
- 3) определение отличий, которые позволяют дифференцировать бренд и удовлетворять потребности покупателей;
- 4) продвижение и популяризация бренда.

Разберем их подробнее на примере Apple.

1. Нейминг. Наверное, все мы знаем историю, когда Стив Джобс заявил, что, если до конца дня никто ему не придумает название для компании, он назовет фирму Яблоко. Так и случилось. Яблоко совсем не ассоциируется с техникой или новыми технологиями, но тем не менее оно емкое и необычное. При этом Apple утверждала, что нашла яблоку лучшее применение, чем Адам.

2. Позиционирование. Apple позиционирует себя как домашний компьютер, а Стив Джобс на своих выступлениях говорит, что ПК – ваш лучший друг.

3. Определение отличий. Именно Стив Джобс настоял на том, чтобы компьютеры были внешне привлекательными, клавиши – мягкими и похожими на леденцы, а интерфейс – интуитивным и максимально понятным. Пока остальные продавали громоздкие черные ящики, Apple сделали ставку на стиль и дизайн. И это сработало. Стив Джобс отлично понимал свою целевую аудиторию – новое поколение людей-миллениалов, которым хочется быть необычными и выделяться среди толпы.

4. Продвижение и популяризация бренда. Знаковым для Apple и для рекламной индустрии становится 1984 год – год создания нового продукта компании – Macintosh и одного из лучших рекламных роликов за всю

историю рекламы – «1984». В основу сюжета был положен роман-антиутопия Джорджа Оруэлла «1984»: в роли «большого брата» показана IBM, а в роли единственной надежды на избавление от серой безликой массы – Apple Macintosh.

Apple – это культовое надкушенное яблоко: сначала в радужных цветах, а затем – в монохромном черном. Все визуальные элементы, которые мы видим и запоминаем, создают фирменный стиль. Например, тот же Apple. Для начала посмотрите на эти факты:

1. Компьютеры Apple занимают более 90% рынка компьютеров дороже 1 000 долларов.

2. Планшет iPad породил новый рынок и занял в нем абсолютно доминирующее положение с долей от 70% до 90%.

3. Однако с 1997 года компания не выпустила ни одного настоящего инновационного продукта.

С 1997 ни одного инновационного продукта. Тем не менее получить новый макбук – мечта многих. Почему так? Все дело в сильном бренде. Стив Джобс был гениальным маркетологом, поэтому продавал не технику (как это делали другие), а определенный стиль жизни. В рекламных роликах Apple показывают не преимущества нового планшета, а жизнь, которую мы получим, если купим этот планшет. Отличный пример – реклама Apple Your Verse («Ваш стих»). На заглавной странице звучал вопрос: «Каков будет ваш стих?». Это знаменитая фраза из монолога Робина Уильямса из фильма «Общество мертвых поэтов». Реклама рассказывает о новом iPad, а пользователь думает, что он уже успел сделать для этого мира.

Не менее успешна и реклама того периода: она характеризуется всемирно известной рекламной «Think Different» («Думай иначе»). Изначально в рекламе планировали использовать образы известных режиссеров. Джобс настоял на том, чтобы вместо них в ролик были включены известные всему миру деятели из различных отраслей, такие как Альберт Эйнштейн, Ричард Брэнсон, Пабло Пикассо и др.

В продвижении бренда также можно задействовать другие маркетинговые коммуникации. Главное – определиться с концептом, не отступать от него и строить с потребителями доверительные отношения.

Элементом брендинга является фирменный стиль. Это та визуальная совокупность элементов, по которым клиент отличает один бренд от другого. Он состоит из логотипа, фирменных шрифтов и цветов и других элементов.

Политический брендинг – это процесс, целями которого являются создание и позиционирование уникального «лица» политика, политической партии или политического движения. Конечная цель политического брендинга – создание политического бренда. Политический бренд выполняет коммуникационную функцию, функции политической социализации.

зации, идентификации, интеграции и функцию манипулирования [Ильин 2016: 21].

Если перенести указанные характеристики на человека, то главным для брендинга персоны является построение запоминающегося образа, который будет легко узнаваем. Бренд, в частности, необходим для достижения власти, для победы в политической борьбе. Человек, профессионально занимающийся политикой, должен показывать себя как лидер, который способен решать проблемы, стоящие перед обществом и страной. Это будет привлекать к нему постоянное внимание и интерес со стороны широкой общественности, в результате чего будет формироваться бренд данного политика как лидера и победителя. Жизненно важна для любого брэнда, в том числе и политического, его уникальность.

Персональный бренд политика можно сравнить с конструктором, где из отдельных элементов складывается цельная, мощная конструкция. Бренд политика состоит из таких элементов:

1. Политическая идентичность – совокупность значимых политических взглядов и убеждений, которые определяют поведение и политические установки.

2. Экспертность – область знаний и компетентности политика.

3. Ценности – в общественной и личной жизни, отношениях в семье.

4. Цели – бренд политика демонстрирует стремление изменить к лучшему жизнь своей аудитории и всего общества.

5. Уникальность – отличия и преимущества перед конкурентами.

Задача брендинга политика – построить уникальный и неповторимый бренд-код. Это заявление о его целях и обязательствах перед избирателями, набор политических принципов и идеалов. Бренд-код служит ориентиром и руководством к пользованию для команды лидера. Он основывается на:

- 1) миссии, задачах и обязательствах политика перед обществом;

- 2) пользе, которую он обязан приносить людям;

- 3) визуальном образе политика – внешнем виде и манере поведения;

- 4) стратегии развития общества;

- 5) стратегии и тактике политической борьбы;

- 6) моральных ценностях.

Команда политика должна определить его целевую аудиторию, категории избирателей и конкурентные преимущества. Это определяет правильное позиционирование и стратегию политика. Бренд-код выстраивается раз и навсегда. От его успешного создания во многом зависит будущая политическая карьера.

По мнению Ж.-Н. Капферер, личный бренд хрупок и уязвим. Серьезному политику приходится постоянно проявлять бдительность в соблюдении стандартов, которые он установил для своего бренда. Доста-

точно одной серьезной ошибки и выстроенная годами деятельность рухнет [Капферер 2007: 240].

Выделим основные ошибки, которые могут нанести ущерб бренду политика.

1. Устаревание и закостенелость. Даже идеальный бренд политика не может останавливаться в развитии. Нужно сохранять актуальность своего бренда, адаптировать его под новые условия и изменения потребностей целевой аудитории.

2. Непоследовательность. Люди хотят знать, что можно ожидать от лидера. Это дает им комфорт и уверенность в том, что они могут на него рассчитывать. Политику приходится быть последовательным в рекламных кампаниях, одежде, словах и поступках, неуклонно следовать фирменному стилю. Люди доверяют только последовательным лидерам.

3. Нежелательные дискуссии и необдуманные фразы. Ирония брендинга: слова не могут построить бренд и должны подкрепляться действиями. В то же время необдуманные фразы и дискуссии на нежелательные темы (религия, контраверсионные события в мире) подрывают личный бренд. Политический лидер обязан взвешивать последствия высказываний.

4. Некорректное поведение в обществе. Политик на публике всегда представляет личный бренд. Быть бдительным, даже если кажется, что никто на нас не смотрит, – значит сохранять положительный имидж.

5. Игнорирование критики. Отсутствие реакций и коммуникации с людьми негативно сказывается на персональном бренде, особенно если это происходит на политических и общественных мероприятиях. Личный бренд политического деятеля построен на служении обществу. Игнорировать потребности избирателей – терять их голоса и поддержку.

6. Игнорирование мнений специалистов. Невозможно быть экспертом во всем, поэтому прислушивайтесь к критике и устраняйте негативные стороны, на которые вам указывают специалисты.

7. Недооценка лидеров мнений. Политик должен заручиться поддержкой влиятельных лиц: бизнесменов, журналистов и блогеров. Важно поддерживать с ними связь и быть в хороших отношениях.

Политика – искусство компромиссов. Персональный брендинг политика – искусство ходить по тонкому льду. В современном мире каждый необдуманный шаг мгновенно становится достоянием гласности. Можно восстановить позиции на рынке, но невозможно завоевать утраченное доверие избирателей. Лучшая страховка от ошибок – довериться экспертам.

Рассмотрим примеры успешного личного брендинга в политике.

Самый яркий пример успешного личного бренда в политической борьбе – Дональд Трамп. Его избрали на пост президента США в 2016 году. Яркий брендинг и многократное повторение девиза «Сделаем Америку великой опять» стали причиной любви половины американских избирателей к образу политика. Сработал эффект «принадлежности к

команде», и подтвердился тезис ученых-когнитивистов о том, что чувство «команды» является мощным триггером для избирателей.

Впоследствии бывший личный адвокат Трампа Майкл Коэн сказал: «Дональд Трамп – человек, который баллотировался на пост президента, чтобы сделать свой бренд великим, а не сделать нашу страну великой. У него не было ни желания, ни намерения возглавить нацию. Трамп хотел только продавать себя, укреплять свое богатство и власть». Он часто заявлял: «Эта президентская кампания станет величайшим рекламным роликом в политической истории». Даже на посту президента все действия Трампа были направлены на укрепление личного бреда. Как человек-бренд, он знал, что повторение крылатых фраз – лучший способ закрепить концепции в сознании аудитории.

Избрание предыдущего президента, Барака Обамы – еще один пример успешного брендинга. Если в рекламе Трампа эксплуатировался яркий вызывающий образ альфа-лидера, политическая реклама Обамы строилась на создании имиджа спокойного, опытного менеджера. На фоне экономического спада избиратели хотели перемен в экономике. Ключевым стало обещание Обамы изменить внутренний и внешнеполитический курс, закончить войну в Ираке, заняться «оздоровлением» экономики.

Среди факторов, которые повлияли на успех политика, политологи называют его личное обаяние и правильную организацию избирательной кампании, особенно в интернете. Крис Хьюз, один из творцов Facebook, разработал персональный сайт претендента. Специалисты также задействовали 16 популярных социальных сетей. Новинкой стала система онлайн-пожертвований, а главным открытием – именная социальная сеть. Больше трех миллионов человек сделали взносы на кампанию Обамы.

Можно говорить и об антибрендинге политического лидера, что, безусловно, приводит к негативным последствиям как для самого лидера, так и его последователей. Приведем пример с противоречивыми близнецами: президент Польши Лех Качиньский и премьер-министр Ярослав Качиньский. Их бренд стал негативным для граждан. По словам британского эксперта по брендам Уолли Олинса, приглашенного для пересмотра имиджа страны, положение Польши в мире запятнано скандальными близнецами, которые руководят ее правительством.

В нашем стремительно меняющемся современном мире быть лидером для молодежи – непростая задача. В представлениях современной молодежи (по исследованию А. В. Пономарева) лидер должен быть инноватором, быстро реагировать на социальную несправедливость, постоянное стремление к саморазвитию. И лидер любого из звеньев для молодежи обязан соответствовать запросам и технологиям, иметь авторитет, развитые личностные и профессиональные качества [Пономарев 2020: 19].

«Омолоаживание» лидера – тоже современный бренд среди молодежи. Стилистика молодежной среды проникает в различные сферы общества –

от ситуативных взаимодействий до высокой политики, именно молодежь формирует современные тренды как адресат политического лидера.

Стоящие сегодня перед молодежью проблемы: получение образования, проблемы трудоустройства, проблемы жилья, проблемы качества жизни и пр. – требуют от бренда политического лидера работоспособности и профессионализма, харизмы, коммуникационных и цифровых компетенций.

С точки зрения современных молодых людей, бренд политического лидера зависит от его уникальных способностей, от творчества, высокой адаптивности к ситуации. Лидер, сообщающий информацию, должен не просто говорить: своими словами он должен возбуждать в людях энтузиазм, быть убедительным, обладать отличными ораторскими способностями, высвобождать энергию, скрытую в окружающих [Пономарев 2020: 19].

Для осуществления всех этих функций необходимы знания, умения и навыки эффективного лидерства, одним из элементов которого могут быть социальные коммуникации. Таким образом, мы рассматриваем лидерство как форму эффективной коммуникации между субъектом управления и его объектом.

Современному лидеру присущи такие особенности, как высокий уровень развития интеллекта, активная жизненная позиция, способность убеждать, талант установления позитивных отношений в социально-психологической группе и крупном коллективе, способность влиять на поведение объектов управления [Джнталеева 2010: 26].

Для молодежи особенно важно умение лидера пользоваться каналами связи, т. е. бренд политического лидера – это бренд «коммуникативной личности».

Для изучения вопроса, что является брендом политического лидера в представлении молодежи, был проведен социологический опрос в период с апреля 2021 по февраль 2022 гг. В опросе приняли участие 267 человек, все респонденты являются студентами Российской академии народного хозяйства и государственной службы Челябинского филиала (РАНХиГС ЧФ) г. Челябинска, из которых 66,7% женщин и 33,3% мужчин в возрасте от 18 до 23 лет.

Опрос включал в себя лидеров политической элиты, в частности губернаторов Челябинской области в период с 2014 по настоящее время (фрагмент).

Результаты представлены в таблице.

Проанализировав данные опроса, можно увидеть закономерность в том, что молодежь будет увлечена политикой, а также будет активно интересоваться политическими деятелями, если информация будет часто дублироваться в социальных сетях, если политический лидер будет открыт к диалогу с избирателями, будет иметь хорошую репутацию.

Участникам опроса был задан вопрос о том, каким должен быть «идеальный политик». Участники отметили, что идеальный политический лидер должен иметь харизму, чтобы направлять народ для достижения общих целей; быть открытым с народом, не игнорировать вопросы населения, а также должен отслеживать состояние области и следить за урбанистикой города и области.

Таблица

**Бренд политического лидера
(губернаторов Челябинской области в период
с 2014 по настоящее время) (фрагмент)**

ФИО губернатора	Годы управления в должности губернатора	Мнение участников опроса
Борис Дубровский	24 сентября 2014 – 19 марта 2019	По данным опроса, участники не выбрали данного политического деятеля
Петр Сумин	22 декабря 1996 – 22 апреля 2010	Всего 1 участник опроса проголосовал за Петра Ивановича. Аргументировал свой выбор тем, что губернатор «занимался городом»
Алексей Текслер	20 сентября 2019 – (19 марта 2019 года назначен временно исполняющим обязанности губернатора)	Большую часть голосов получил Алексей Леонидович. Участники выделили такие симпатизирующие качества, как: ведение социальных сетей, диалог с народом, напоминающая предвыборная кампания в 2019 году
Михаил Юревич	22 апреля 2010 – 15 января 2014	Почти 1/5 часть участников (16,7%) отдали свой голос за Михаила Валерьевича. Свою симпатию участники аргументировали тем, что Михаил Валерьевич был харизматичным политическим лидером

В данном опросе большее число голосов набрал Алексей Леонидович Текслер. Черты идеального политика, которые описали участники опроса, также дублируются в ответах о характеристике симпатии того или иного губернатора. Исходя из этого, можно сделать вывод, что респонденты видят в новом губернаторе те черты, которые, по их мнению, должен иметь политик. Такие данные, в свою очередь, доказывают, что население положительно относится к политическому лидеру, а также поддерживает его.

Респонденты отмечали воздействие политического лидера на экономическое развитие региона, деятельность институтов региональной поли-

тической власти и региональные политические процессы, а также положительные и отрицательные тренды в изменении жизни регионального социума, умение не допустить роста социальной напряженности, лоббистские возможности персоны, а также возможность оказать влияние на процесс принятия важных как для региона, так и для какой-то группы интересов управленческих решений, степень включенности и уровень управленческой эффективности в той или иной сфере жизнедеятельности региона.

Таким образом, бренд политического лидерства должен тщательно исследоваться, так как политический лидер имеет весомую роль в обществе. Для политика важно иметь поддержку со стороны населения, уметь мотивировать людей, для того чтобы население понимало и помогало решать проблемы, которые связаны с ними.

Список источников

1. *Джанталева М. Ш.* Анализ процесса формирования современного политического лидерства в России // *ARS ADMINISTRANDI. Искусство управления.* 2010. № 3. С. 26.

2. *Зазыкина И. А., Ефимова И. А., Фокина В. В.* Коммерческий, социальный и политический бренды: сравнительный анализ. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22663638> (дата обращения: 09.02.2022).

3. *Ильин В. В., Коваль Б. И.* Личность в политике: кто играет короля // *Полис.* 2016. № 6. С. 21.

4. *Казимирчик Л. В.* Политический бренд в условиях медиатизации и виртуализации современной публичной политики // *Теория и практика общественного развития.* 2014. № 13. С. 124-126.

5. *Капферер Ж.-Н.* Бренд навсегда: создание, развитие, поддержка ценности бренда / перевод с англ. Е. В. Виноградовой; под общ. ред. В. Н. Домнина. М.: Вершина, 2007. С. 234-248.

6. *Пономарёв А. В.* Лидерство в молодежной среде. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 19.

Мубаракшина Алина Васильевна,
магистрант 2-го курса, Уральский гуманитарный институт,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
mubarakshina98@list.ru

**ФЕНОМЕН СОЛИДАРНОСТИ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ
И ВОСПРОИЗВОДСТВА СОЦИУМА: РАЗМЫШЛЕНИЯ
АНТИЧНЫХ ФИЛОСОФОВ И ТЕОРИИ КЛАССИКОВ
СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ**

Аннотация. Солидарность или неравнодушное отношение к собратьям, соплеменникам и согражданам выступает залогом успешного социального воспроизводства социума во всех его ключевых сферах. Вызовы современности, с которыми сталкивается общество, актуализируют вопрос изучения феномена солидарности, который берет начало еще в период античности. Запрос на поиск возможных вариантов противодействия дезинтеграционным процессам и тенденциям повышает интерес к теме социальной конъюнкции и, соответственно, поднимает вопрос о необходимости упорядочивания, уточнения и обобщения существующих научных концепций солидарности, что поспособствует выработке адекватных и эвристичных теоретико-методологических оснований ее изучения.

Ключевые слова: солидарность; социум; социальная конъюнкция; разделение труда; общественное сознание; коллективные представления; насилие; социальное действие; консолидация общества; античная философия; античные философы; история социальной мысли

Mubarakshina Alina Vasilovna,
2nd year Master's Degree Student, Urals Institute of Humanities,
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
mubarakshina98@list.ru

**THE PHENOMENON OF SOLIDARITY AS THE BASIS
FOR THE FORMATION AND REPRODUCTION OF SOCIETY:
REFLECTIONS OF ANCIENT PHILOSOPHERS
AND THE THEORIES OF SOCIAL CLASSICS**

Abstract. Solidarity, or a caring attitude toward fellowmen, tribesmen, and fellow citizens, is the key to successful social reproduction of society in all its spheres. The challenges faced by society today actualize the issue of studying the phenomenon of solidarity, which dates back to antiquity. The demand to find possible ways of counteracting disintegration processes and tendencies raises the interest in the topic of social conjunction and raises the issue of the need to streamline, clarify and generalize the existing scientific concepts of solidarity, which will contribute to the development of adequate and heuristic theoretical and methodological foundations for its study.

Keywords: solidarity; society; social conjunction; division of labor; public consciousness; collective representations; violence; social action; consolidation of society; ancient philosophy; ancient philosophers; history of social thought

Проблема солидарности рассматривается представителями различных направлений всего спектра наук об обществе, таких как социология, политология, социальная философия, экономика, социальная психология, а также с недавнего времени и социальная биология. Изначально феномен солидарности начал рассматриваться в рамках социальной мысли, откуда и появляются теоретические основания его трактовки. Солидарность здесь рассматривается как часть консолидационных процессов, происходящих в социуме.

Социальную солидарность можно назвать одним из важнейших условий возникновения и существования любого общества. Это связано с тем, что основной функцией рассматриваемого нами феномена является воспроизводство социальной системы на любом уровне: от первичных, небольших социальных групп до общества в целом. Кроме того, эффективность других ключевых сфер социума (экономика, отношение между властью и народом, приспособление к меняющейся окружающей среде, внутренняя и внешняя безопасность государства и др.) также зависит от уровня солидарности между индивидами, группами и в обществе в целом.

Актуальность исследования феномена социальной солидарности заключается в нескольких аспектах. Во-первых, исходя из вышесказанного, вопрос создания и поддержания солидарных отношений в нормально функционирующем обществе должен являться одним из ключевых. На него должно быть направленно пристальное внимание не только правящей группы (сохранение власти которой напрямую зависит от сохранения и воспроизводства общества, в котором она функционирует, соответственно, от уровня общественной солидарности), но и различных социальных институтов (чья деятельность напрямую обусловлена уровнем социальной консолидации), а также других локальных сообществ и отдельных индивидов (чья выживаемость и гармоничность развития прямо пропорциональны уровню солидарности, царящей в обществе). Во-вторых, актуальность изучения феномена солидарности возрастает в условиях современных вызовов: проблем создания общего социокультурного поля, общей нормативно-символической системы, непротиворечивых правил социального общежития, которые были бы приняты, по крайней мере, релевантным большинством членов отечественного социума, процессов микросоциальной и макросоциальной консолидации, формирования относительно гармоничных взаимоотношений власти и общества. Таким образом рефлексия по поводу уровня социальной солидарности, основных ее характеристик, сфер реализации и перспектив является сегодня крайне необходимой, в частности, и для российского общества. Необходимо бороться с дезинтеграционными процессами и искать ресурсы, способствующие со-

лидаризации российского социума. В связи с этим, в-третьих, возрастает роль научной экспертизы в сфере анализа солидарности общества, поэтому трудно переоценить актуальность верифицирования и уточнения основных теоретико-методологических обоснований феномена социальной солидарности.

Фундаментальные теоретико-методологические основы феномена солидарности начали формироваться в классический период развития социальной мысли, в связи с теоретизированием «отцов-основателей» социологии над вопросами создания, сохранения, воспроизводства и изменения общества. Однако, на наш взгляд, интересно бы было углубиться еще сильнее и для начала обратиться к самым первым шагам общественной рефлексии, ведь многие мыслители еще античного периода уделили внимание в своих работах вопросам социальной солидарности.

В размышлениях Платона феномен солидарности трактуется через понятия дружелюбности, дружелюбия. Философ пишет: «дружелюбные взаимоотношения и отсутствие ненависти и мятежей <то есть> – единодушие, <которое> одинаково обеспечивает согласие не только государству, но и частным лицам – как с самими собой, так и с другими частными лицами» [Платон 1990: 133]. Древний мыслитель также обращает внимание и на процесс разделения труда (например, философ считает необходимым деление граждан на три сословия, согласно их профессиональной принадлежности: философы, войны, ремесленники и земледельцы), который запускает конъюнктивные процессы в обществе и ведет к состоянию солидарности. Платон же заостряет внимание на том, что разделение труда ведет не только в общем к консолидации общества, но и в частности к такому солидаризирующему процессу, как создание государства: «Каждый человек привлекает то одного, то другого для удовлетворения той или иной потребности. Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства» [Платон 2004: 369].

Аристотель же, развивая мысли своего учителя, говорит о том, что гармоничные отношения между людьми являются одним из результатов разделения труда: «<общественные> взаимоотношения возникают не тогда, когда есть два врача, а когда есть врач и земледелец и вообще разные...» [Аристотель 2002: 155], а также обуславливаются такими факторами, как общение и дружба: «государство не есть общность местожительства, оно не создается для предотвращения взаимных обид или ради удобства обмена. Конечно, все эти условия должны быть налицо для существования государства, но даже и при наличии всех их, вместе взятых, еще не будет государства; оно появляется лишь тогда, когда образуется общение между семьями и родами ради благой жизни. Все это основано

на взаимной дружбе, потому что именно дружба есть необходимое условие совместной жизни» [Аристотель 2002: 445].

Другой выдающийся мыслитель Цицерон в своих трудах продолжил философские размышления Платона и Аристотеля и считал разделение труда одним из основных факторов, обуславливающих процесс консолидации общества, как и дружбу: «Великое дело – иметь одни и те же памятники предков, совершать одни и те же священнодействия, иметь общие места для погребения. Но из всех обществ нет лучшего, нет более прочного, чем такое, где честные мужи, нравами своими одни на других похожие, связаны дружескими отношениями» [Цицерон 1974: 75]. Помимо этого, Цицерон привносит и совершенно новые идеи, которые найдут отражение в различных концепциях социальной науки классического и современного периода. Например, философ заостряет свое внимание на феномене (как бы мы его сейчас назвали) социальной идентичности, который также выступает у мыслителя как фактор, влияющий на создание солидарных отношений в обществе: «Если оставить в стороне беспредельное общество, то существует более близкое нам, основанное на общности племени, народа, языка и теснейшей объединяющее людей. Еще более тесные узы – принадлежность к одной и той же гражданской общине» [Цицерон 1974: 77]. Кардинально новым в измышлениях Цицерона является выделение биологического фактора, обуславливающего солидарность общества. Философ высказывает мысль о том, что человек изначально по своей биологической природе обречен на социальность: «Государство есть достояние народа, а народ – не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собой согласием в вопросах права и общностью интересов. Первой причиной для такого соединения людей является не столько их слабость, сколько, так сказать, врожденная потребность жить вместе» [Цицерон 1966: 21].

Таким образом, мы видим, что тема социальной солидарности поднималась еще в трудах древних мыслителей Греции и Рима. Конечно, у античных философов не фигурирует термин солидарности, они, задаваясь вопросами возможности существования общества, выражали свои предположения в простых терминах, наподобие дружбы, верности, взаимоотношений, различия профессий и взаимных потребностей людей в плодах труда друг друга.

Теоретизирование на тему солидарности общества выходит на новый уровень в классическую эпоху развития социальной науки. Как свойственно классическому периоду развития любой науки, на данном этапе появляется описание фундаментальных исследовательских объектов и методологий исследования, задаются основные векторы развития научной мысли, формируется тезаурус, и, что примечательно, уже на

этом этапе социальная солидарность входит в ряд ключевых понятий социальной науки.

Первым теоретико-классиком, поднявшим вопрос социальной солидарности, и в чьих трудах впервые фигурирует данное понятие, является Огюст Конт. У данного представителя позитивизма прослеживается следующая трактовка: «социальная солидарность создается в основном постоянным распределением различных видов человеческого труда». Разделение труда выступает у Конта одним из основных факторов формирования социальной солидарности, но, что важно, не единственным. Философ упоминает и роль биологического фактора в формировании солидарности – естественной природы человека, подлинный принцип которой, согласно размышлениям Конта, заключается в постулате «жить для других» [Comte 1875: 243]. Философ утверждает, что постепенно естественным путем к людям приходит осознание «полезности жизни для других», однако при этом состояние солидарности должно поддерживаться и осознанными усилиями членов общества. Исходя из этого, в трудах философа появляется еще одно важнейшее положение теории солидарности, заключающееся в том, что формирование и главным образом реализация социальной солидарности осуществляется через два главных общественных института: семья и государство. В рамках семьи, по мнению Конта, «люди приобретают опыт исторической преемственности и научаются (что служит условием цивилизации) передавать от поколения к поколению материальные капиталы и интеллектуальное имущество» [Кармадонов 2012: 8] (что бы мы сейчас назвали социализацией), а также знакомятся с первичной профессиональной дифференциацией и приходят как раз к осознанию «полезности для себя других семей, а точнее продуктов их деятельности...; и к осознанию собственной полезности для других семей». Государство же выступает у Конта другим ключевым институтом формирования и поддержания стремления к солидарности, но с использованием силы и насилия, доминируя над отдельными индивидами. Однако, на наш взгляд, важно отметить, что несмотря на то, что в трудах французского мыслителя применение доли насилия является неотъемлемым интегративным механизмом, все же истинная солидарность, по Огюсту Конту, предполагает наличие и «достаточно активного духовного начала – консолидацию общества на основе определенных ценностей и нравственных ориентиров. Именно духовное влияние должно, по мысли Конта, упорядочивать внутреннюю жизнь людей, объединять их ради совместной жизни и деятельности. Оно же призвано и освящать мирскую власть для того, чтобы убедить людей в необходимости повиновения» [Кармадонов 2012: 9]. Таким образом, можно сказать, что еще в XIX веке Огюст Конт отмечал важность как эволюционной составляющей социальной солидарности (включающей в себя, например, естественную при-

роду человека, разделение труда, коллективные верования и ценности), так и репрессивной (включающей в себя процесс применения насилия).

Эмиль Дюркгейм в своих работах продолжает вслед за Огюстом Контом рассматривать разделение труда в качестве одного из основных факторов, влияющих на возникновение и развитие социальной солидарности. Однако в трудах Дюркгейма прослеживается более глубокий анализ процесса разделения труда, а понятие социальной солидарности занимает одно из центральных мест, нежели у Конта. В своих рассуждениях Эмиль Дюркгейм обращается к последствиям разделения труда и говорит о том, что «специализация этого процесса приводит не просто к увеличению производительности труда, но и к трансформации самих основ общественных отношений, что меняет и характер социальной солидарности» [Ковригина 2015: 15]. В этом и выражается известная дуальная система типов солидарности Дюркгейма, включающая механическую солидарность и органическую солидарность. Первый вид солидарности присущ традиционным обществам, где индивиды не вольны выбирать свою идентичность и профессиональную принадлежность, они определены условиями социальной среды, здесь все исполняют схожие функции и находятся в схожих статусах. Органическая же солидарность встречается уже в современных обществах, где социальный статус, идентичность и профессиональная принадлежность – осознанный личный выбор индивида. В таких обществах благодаря развитию процесса разделения труда происходит усложнение функциональной деятельности и, следовательно, усложнение общественной системы отношений. Однако важно отметить, что «роль, которую каждый из отмеченных типов солидарности играет в дюркгеймовской теории, невозможно считать однозначной и непротиворечивой, ... сам он явно и неявно признавал недостаточность своей дуальной системы типов солидарности, поскольку вынужден был признать сохранение важного значения механической солидарности в обществах с преобладанием органической...» [Гофман 2015: 186].

Помимо уже отмеченного разделения труда Эмиль Дюркгейм обращается и к другим факторам, способствующим социальной солидарности: насилие (вслед за Контом) и общественное сознание (коллективные верования, представления, установки, ценности).

Несмотря на то, что у Дюркгейма разделение труда играет самую важную роль в процессе солидаризации общества, нельзя все-таки гиперболизировать воззрения философа и рассматривать солидарность, с его точки зрения, только как само разумеющийся «побочный продукт» эволюции. Дюркгейм также говорит о необходимости целенаправленной деятельности по формированию и поддержанию солидарности, и таковым выступает процесс принуждения, насилие, которое присуще, по мнению мыслителя, любому обществу. Однако, что интересно, здесь Дюркгейм снова выделяет особенности, характерные для разных видов общества от-

носителем уже репрессивной составляющей. В традиционном обществе с механической солидарностью зачастую наиболее тяжким наказанием облагается нарушение самой связи социальной солидарности: «В низших обществах, наиболее многочисленные проступки те, которые оскорбляют нечто общественное; это проступки против религии, нравов, авторитета и пр. Именно эти преступления наказываются наиболее сурово» [Кармадонов 2012: 11]. А в современных обществах с органической солидарностью наиболее тяжкими являются преступления против личности, что является одним из показателей утраты значения общего сходства членов сообщества и достаточного уровня разделения труда [Дюркгейм 1996: 101].

Что касается общественного сознания, это, по мнению Дюркгейма, важный фактор консолидации общества, однако менее значимый, чем разделение труда, которое принимает на себя «роль, которую некогда исполняло общественное сознание; именно оно главным образом удерживает единство социальных агрегатов высших типов» [Дюркгейм 1996: 118]. Так, описывая и разделение труда, и коллективное сознание как ключевые факторы конъюнктивных процессов общества, Дюркгейм уточнял, что коллективные верования, представления, ценности, установки являются важным, но не единственным условием социальной солидарности, наиболее значительную роль играют факторы социально-экономического характера (экономический взаимный интерес), вызванные функциональной дифференциацией.

Таким образом, Эмиль Дюркгейм внес большой вклад в развитие общей теории солидарности, рассуждая о ее основных факторах: детализировал принцип разделения труда, описал значимость насилия и коллективного сознания в конъюнктивных процессах общества.

К. Маркс и Ф. Энгельс также в своих рассуждениях обращаются к факторам, солидаризирующим общество, однако рассматривают их с критической позиции и в рамках парадигмы классовой борьбы. Разделение труда, например, у данных мыслителей является не столько объединяющим, сколько разъединяющим людей фактором, так как усугубляет классовую эксплуатацию. В традиционных обществах, где функциональная дифференциация еще не сильно выражена и общественные отношения складываются стихийно, разделение труда не способствует консолидации общества, так как «пока разделение деятельности совершается не добровольно, а стихийно, – собственное деяние человека становится для него чуждой, противостоящей ему силой, которая угнетает его, вместо того чтобы он господствовал над ней» [Маркс 1966: 26]. А в современных же обществах разделение труда не способствует единению общества, по мнению мыслителей, так как «разделение труда, создавая конкретные сферы функциональной реализации, как будто замыкает в них индивида навсегда, практически исключая для него возможность поменять сферу деятельности» [Ковригина 2020: 38]. Помимо этого, разделение труда, по

мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, тесно связано еще с двумя важными консолидирующими общество факторами – *сознанием* и с *коллективными представлениями*.

Развитие *сознания* трактуется немецкими мыслителями в первую очередь как «осознание того, что человек живет в обществе», что схоже с современным феноменом рефлексивности. Это «осознание» подталкивает человека понять необходимость вступления в отношения с другими индивидами, что является естественным процессом эволюции. А связь сознания и разделения труда К. Маркс и Ф. Энгельс трактуют следующим образом: «Разделение труда становится действительным разделением лишь с того момента, когда появляется разделение материального и духовного труда. С этого момента сознание может действительно вообразить себе, что оно нечто иное, чем осознание существующей практики, что оно может действительно представлять себе что-нибудь, не представляя себе чего-нибудь действительного, – с этого момента сознание в состоянии эмансипироваться от мира и перейти к образованию “чистой” теории, теологии, философии, морали» [Маркс 1966: 23].

Другая духовная составляющая консолидационных процессов общества также находится в тесной связи с разделением труда. По мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, в процессе разделения труда происходит неравномерное распределение собственности, что приводит к несправедливому устройству жизни в обществе, основанному на эксплуатации. «Побочным эффектом» разделения труда неизбежно является возникновение противоречий между интересами отдельного индивида и общественными интересами. Данные противоречия существуют как в разделяемых индивидами *коллективных представлениях*, так и в виде реальной зависимости друг от друга, связанной с функциональной специализацией. К *коллективным представлениям* К. Маркс и Ф. Энгельс тоже относятся критически, так как считают, что коллективные представления работают в первую очередь на благо правящего класса, который умело ими манипулирует. Здесь философы говорят о том, что для правящего слоя важнейшей задачей является создание и сохранение солидарного отношения в обществе, так как это позволит им дольше продержаться у власти. Однако эту солидарность нельзя назвать подлинной, так как реализуется она в интересах правящего класса и управляется им же за счет использования различных социальных чувств индивидов, в частности чувства идентичности, причастности к сообществам (формируется ложное чувство «всеобщности»). Таким образом, правящий класс, стремясь удержать и максимизировать свою власть, начинает доминировать не только в материальном плане, но и в духовном, становясь субъектом духовного производства в обществе, так как формирует идеи, воззрения, влияющие на коллективные представления и в целом общественное сознание, создает-

ся управляемое большинство, готовое добровольно пребывать в подчиненном положении.

Так как феномен разделения труда был рассмотрен в работах всех упомянутых нами классиков социальной мысли, отметим схожие и отличительные аспекты трактовки данного феномена в классических концепциях. Стоит отметить, что наиболее критическими являются подходы О. Конта и марксистов. Они считали, что социальным последствием развития профессиональной дифференциации может стать ложная или отрицательная солидарность. То есть, например, по О. Конту, может возникнуть солидарность внутрикорпоративного, узкого консенсуса, а по К. Марксу и Ф. Энгельсу, узкая солидарность внутри определенного класса, что будет угрожать солидарности общесоциального уровня. К. Маркс и Ф. Энгельс считали разделение труда еще одним средством закрепощения личности. А Эмиль Дюркгейм, наоборот, соотносил феномен разделения труда со свободой и считал, что таким путем человек освобождается от ограничений, диктуемых окружающей средой и коллективными установками: «индивидуальные натуры, специализируясь, становятся сложнее и в силу этого избавлены от коллективного воздействия и от наследственных влияний» [Дюркгейм 1996: 412]. Таким образом, в понимании Э. Дюркгейма подлинная солидарность возможна только при наиболее высоком уровне развития социальной дифференциации в обществе, а в видении К. Маркса и Ф. Энгельса подлинная солидарность возникает лишь в результате упразднения такой дифференциации.

Обращал внимание на проблему солидарности и М. Вебер. В своих работах он рассматривает данную проблематику через призму теории социального действия. Он акцентировал внимание на взаимодействии отдельных субъектов общества, что в итоге приводит, по его мнению, к созданию социальной структуры. Это взаимодействие, согласно рассуждениям М. Вебера, в результате приводит к формированию «добровольных» или «целевых» ассоциаций, участники которых способны прийти к соглашению, приемлемому для всех сторон и определяющему основные принципы, цели и задачи данного объединения. Причем рациональность действия такого рода не обязана своим происхождением добровольности данных ассоциаций, хотя и может появиться на их основе [Weber 1978: 1377]. Таким образом, в концепции Макса Вебера социальное действие выступает в качестве феномена социальной связи, когда индивиды в процессе постоянного взаимодействия вырабатывают систему символов, ведут себя понятным и предположительным образом (предпосылки символического интернационализма), что позволяет выстраивать дальнейшую коммуникацию и взаимно ориентированные линии поведения. Такое «направленное действие» у М. Вебера в конечном счете имеет цель формирования общественной солидарности. Несмотря на то, что автор в качестве ключевого аспекта выделяет добровольность формирования

солидарности, но он так же, как и другие ранее упомянутые философы, отмечает возможность применения мер насильственного характера против тех, кто препятствует достижению социального консенсуса.

Концептуализация солидарности Анри Бергсона отличается от других, ранее упомянутых нами. Он считает, что солидарность, как и вся социальная сущность человека в целом, – это главным образом результат биологической природы человека, нежели эволюционного развития: разделения труда или технологического прогресса. В рамках данной трактовки рассуждал еще Цицерон (о чем мы писали ранее), а также мнение А. Бергсона схоже с мнением О. Конта, который отмечал роль семьи в формировании солидарности, имея в виду, что сообщество в естественной природе человека воспроизводится прежде всего в своих базовых структурах (семья, род), именно они и обеспечивают по большей части воспроизводство общества в целом. В работах Анри Бергсона снова прослеживается деление общества на два типа: открытое, или можно назвать его современным, и закрытое, которое можно назвать традиционным. Автор считал, что природный инстинкт социальности обеспечивает консолидацию и в традиционном, и современном обществе (только скрытно), так как основывается на глубинном стремлении к выживанию. Он пишет: «<социальная сплоченность> связана с необходимостью для членов данного общества защищаться от других обществ, и прежде всего против всех других людей заключают союз и любят тех людей, с которыми вместе живут. Таков первобытный инстинкт. Он все еще сохраняется, благополучно скрытый под достижениями цивилизации, но и теперь мы естественно и непосредственно любим наших родителей и наших сограждан, тогда как любовь к человечеству носит опосредованный и приобретенный характер» [Бергсон 2009: 33].

Таким образом, мы видим, что вопрос солидарности волнует всех мыслителей, которые пытались рассуждать на тему существования общества и человека в нем, еще со времен античности. После рассмотрения некоторых концепций социальной солидарности становится ясно, что данный феномен может быть детерминирован в первую очередь через такие обществообразующие факторы, как разделение труда, коллективное сознание, роль социальных институтов, прежде всего таких ключевых, как семья и государство.

Вторя «поздним классикам» эпохи становления социальной науки (начало XIX–XX веков), мы можем рассматривать солидарность как феномен, определяющий возможность существования и жизнеспособность любого общества. Только достигнув определенного уровня солидарности, общество способно к самовоспроизводству.

На наш взгляд, ключевой особенностью феномена социальной солидарности является дуализм ее формирования и поддержания, который заключается в следующих аспектах.

– Во-первых, можно выделить две основные составляющие социальной солидарности: эволюционную и репрессивную. Эволюционная представлена таким консолидирующим инструментом основных институтов (семьи и государства), как воспитание/социализация, а репрессивная – применением насилия.

– Во-вторых, социальная солидарность является феноменом, обусловленным, с одной стороны, естественным развитием социума и биологической природой человека, с другой стороны, целенаправленными усилиями отдельных индивидов и определенных сегментов общества. То есть социальная солидарность – это частично спонтанное, частично намеренное состояние общественных отношений, которое достигает социум в определенный момент.

– В-третьих, социальную солидарность стоит рассматривать одновременно в двух измерениях – горизонтальном и вертикальном.

Последнее положение хотелось бы пояснить более подробно. Практически во всех рассмотренных нами концепциях отдельное внимание уделялось мыслителями вопросу влияния государства (правлящей группы) на консолидацию общества. Некоторые классики социологии, конечно, критично относились к этому процессу, отмечая его эксплуататорский характер, но все же у всех мыслителей власть государства выступала в качестве одного из наиболее влиятельных интегративных инструментов общества. Это, безусловно, закономерно, ведь интегрированное общество становится более предсказуемым и лояльным, что хорошо не только для правящего класса, стремящегося к сохранению своих позиций, но и для рядовых членов общества, стремящихся к безопасности в повседневной жизни. То есть для стабильного существования и развития общества необходимо поддержание солидарности как на вертикальном уровне: от власти к обществу и обратно, так и на горизонтальном: внутри сообществ и между сообществами, из которых формируется общество в целом. Особенно это важно в период социальных трансформаций, что подтверждает горький российский опыт революции 1917 года и перестройки 1985–1991 годов, когда социальные преобразования происходили в рамках таких общественных отношений, где не было единства горизонтальной и вертикальной солидарности.

Таким образом, социальная солидарность – это такой феномен, который, с одной стороны, выступает неотъемлемой частью развития собственно общества и человеческих отношений, с другой стороны, при этом является результатом осознанных действий членов социума, в особенности наиболее рефлексивной его части – власти или государства, то есть той социальной группы, для которой социальная интеграция должна быть предметом постоянной профессиональной заботы. Схоже с мнением большинства представителей социальной мысли, на наш взгляд, солидарность можно трактовать в первую очередь как определенное состояние общественных отношений, при которых происходит слияние индивидов в одну

сплоченную группу, которое способствует установлению социального порядка и успешной социальной координации совместных действий членов социума. Однако мы считаем, что при анализе данного феномена стоит учитывать и факторы естественного порядка (биологический и психологический) и не рассматривать солидарность только как достигаемое и регулируемое, то есть практически полностью искусственное состояние.

Список источников

1. *Аристотель*. Этика. М.: Изд-во «АСТ», 2002. 496 с.
2. *Бергсон А.* Два источника морали и религии. М.: Директ-Медиа, 2009. 550 с. ISBN 978-5-99891-514-7.
3. *Гофман А. Б.* Традиция, солидарность и социологическая теория. Избранные тексты. М.: Новый Хронограф, 2015. 496 с. ISBN 978-5-94881-293-9.
4. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.
5. *Кармадонов О. А.* Консолидация российского общества: потоки и преграды: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. 223 с. ISBN 978-5-9624-0575-9.
6. *Ковригина Г. Д.* Социальная солидарность как метаинститут: дис. ... д-ра филос. наук. Иркутск, 2020. 304 с. // Российская государственная библиотека [веб-сайт]. URL: <https://dlib.rsl.ru/01010254342> (дата обращения: 01.02.2022).
7. *Ковригина Г. Д.* Социокультурные ресурсы социальной консолидации российского общества: дис. ... канд. филос. наук. Иркутск, 2015. 183 с. // Российская государственная библиотека [веб-сайт]. URL: <https://dlib.rsl.ru/01008146260> (дата обращения: 05.02.2022).
8. *Маркс К.* Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. М.: Политиздат, 1966. 635 с. // Электронная библиотека RoyalLib.com [веб-сайт]. URL: https://royallib.com/book/marks_karl/feyerbah_protivopolognost_materialisicheskogo_i_idealistichekogo_vozzreiy_novaya_publicatsiya_pervoy_glavi_nemetskoj_ideologii.html (дата обращения: 03.02.2022).
9. *Платон*. Государство. М.: Директ-Медиа, 2004. 635 с.
10. *Цицерон*. Диалоги. О государстве. О законах. М.: Наука, 1966. 223 с.
11. *Цицерон*. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1974. 249 с.
12. *Comte A.* System of Positive Polity. Vol. 2. Social Staties, Or The Abstract Theory of Human Order. London: Longmans, Green, And Co, 1875. 428 p. URL: <https://archive.org/details/systemofpositive02comt> (accessed: 02.02.2022).
13. *Weber M.* Economy and Society. Vol. 2 / ed. by G. Roth, C. Wittich. Berkeley; Los Angeles; London, 1978. 1400 p. URL: https://archive.org/stream/MaxWeberEconomyAndSociety/MaxWeberEconomyAndSociety_djvu.txt (accessed: 04.02.2022).

Начапкин М. Н.,

кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения,
права истории и русского языка, Российский государственный
профессионально-педагогический университет,
maks.nachapkin@mail.ru

**КОНСЕРВАТИВНЫЙ ПУБЛИЦИСТ М. О. МЕНЬШИКОВ
О СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ РОССИИ И ТРУДНОСТЯХ
В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Аннотация. Консервативный публицист М. О. Меньшиков в своих «Письмах к ближним» и других публикациях поднял в начале XX века целый ряд актуальных для России социальных вопросов: об огромной детской смертности, отсутствии земли и чистой воды для крестьян, нормального медицинского обслуживания. Меньшиков предложил создать в 1902 г. с учетом европейского опыта государственную систему социального обеспечения по болезни и возрасту. Им был предложен целый ряд мер по борьбе с ужасной детской смертностью. Он также отмечал важную роль благотворительных организаций как организаций гражданского общества в деле нравственного воспитания общества, повышения уровня образования, проведения досуга, считал, что в России нужно использовать опыт создания народных университетов во Франции.

Ключевые слова: социальные проблемы; гражданское общество; российское общество; благотворительность; консервативные публицисты; досуг; народные университеты

Nachapkin M. N.,

Candidate of History, Associate Professor of Department
of Document Management, Law of History and the Russian Language,
Russian State Vocational Pedagogical University,
maks.nachapkin@mail.ru

**CONSERVATIVE PUBLICIST M. O. MENSHIKOV
ON SOCIAL PROBLEMS OF RUSSIA AND DIFFICULTIES
IN THE FORMATION OF CIVIL SOCIETY AT THE BEGINNING
OF THE 20TH CENTURY**

Abstract. Conservative publicist M. O. Menshikov, in his Letters to Neighbors and other publications, at the beginning of the 20th century, raised a number of social issues relevant to Russia about huge infant mortality, lack of land and clean water for peasants, and normal medical care. Menshikov proposed to create in 1902, taking into account the European experience, a state system of social security for sickness and age. They proposed a number of measures to combat the terrible infant mortality. He also noted the important role of charitable organizations as civil society organizations in the moral education of society, raising the level of education, leisure activities, and believed that Russia should use the experience of creating public universities in France.

Keywords: social problems; civil society; Russian society; charity; conservative publicists; leisure; folk universities

Современная социальная политика России имеет существенные недостатки. Низкие заработные платы и пенсии, плоская шкала налогов, бедственное состояние здравоохранения. Результатом такой политики является существенное сокращение населения России. Можно провести параллели между современной социальной политикой и социальной политикой Российской империи в начале XX века. Можно сделать вывод, что для России характерна историческая традиция, связанная с отсутствием политики сбережения народа. Об острых недостатках социальной политики России в начале XX века много писал в своих публикациях консервативный журналист М. О. Меньшиков.

Михаил Осипович Меньшиков (1859–1918) прожил удивительную жизнь. После окончания в 1878 г. училища Кронштадтского морского училища участвовал в дальних плаваниях. Отличался любознательностью, интересом к знаниям и технике. В 1910 г. совершил первый полет на аэроплане. У него очень рано пробудился писательский талант. С 1891 г. М. О. Меньшиков начинает печататься в «Петербургских ведомостях» и еженедельной газете «Неделя». В газете «Новое время» А. С. Суворина М. О. Меньшиков в течение 15 лет, с 1902 г. по 1917 г., ведет рубрику «Письма к ближним», принимает активное участие в общественно-политической жизни. В своих статьях Михаил Осипович затрагивал множество острых тем: от проблем сокращения населения, бедственного положения крестьянства, страдающего от недостатка земли и чистой воды, женского бесправия и насилия в семье, воспитания и образования молодежи, создания народных университетов, спорта, благотворительности, помощи детям-инвалидам, развития женского образования до проблем внешней политики, мировых войн. В советское время публикации М. О. Меньшикова находились под запретом. Первые исследования о его взглядах и жизненном пути стали появляться в начале 1990-х годов [Российский архив 1993: 271]. В 1997 г. вышла работа П. И. Шлемина [Шлемин 1997: 264]. Подробно рассказано об эволюции социально-политических взглядов М. О. Меньшикова, признании им необходимости народного представительства, необходимости общественного контроля за деятельностью исполнительной власти в монографии Д. Л. Коцюбинского [Коцюбинский 2001: 528]. Об оценке правления Николая II, упущенных возможностей реформирования России в эту эпоху написал в своей статье М. Н. Начапкин [Начапкин 2017: 83-92]. В другой публикации М. Н. Начапкина было исследовано содержание «Писем к ближним» как важного исторического источника по истории российской повседневности начала XX века [Начапкин 2020: 450-464].

Можно сделать вывод, что Меньшиков в начале XX века предложил развернутую концепцию социальной политики в России. Она включала

активную роль государства в решении проблем бедности, сокращения огромной детской смертности, введения по примеру стран Западной Европы, прежде всего Германии, системы государственного страхования по старости и болезни. Для Михаила Осиповича большое значение имело создание неправительственных общественных организаций с целью решения проблем бедности, здравоохранения, образования и досуга.

Одной из важных тем его публицистики стали заметки о необходимости формирования в России с учетом опыта стран Западной Европы и Северной Америки гражданского общества. Он правильно отмечал значительное отставание России в этом вопросе от стран Западной Европы. В странах Западной Европы были сильны традиции христианской и социальной благотворительности, ставящей целью уважение к человеческой личности, раскрытие возможностей для получения образования. Ссылаясь на Феликса Адлера, Меньшиков отмечал, что нужно добиться, чтобы пробудить в обществе сознание необходимых социальных реформ: «В высших и низших классах многие живут в полном равнодушии, не чувствуя ни своей ответственности, ни своего сообщества в несчастьях настоящего времени. Прежде чем мы будем в состоянии рассчитывать на содействие значительной части общества в деле преобразования общества, надо развить и углубить в обществе нравственные потребности» [Меньшиков 2022: 71]. Призывая представителей имущих классов активно жертвовать в пользу обездоленных и бедных представителей общества, Михаил Осипович обращался к христианской идее добра и самопожертвования.

Его публикации объективно показывают противоречивость жизни российской империи в эпоху Николая II. При этом важно отметить, что Меньшиков был консерватором новой формации. В начале XX века, во время революции 1905–1907 гг. он признал необходимость формирования народного представительства, партийной системы. Выступал за доступность к образованию детей из малообеспеченных семей, создание высших учебных заведений для девушек и женщин. Обладая даром предвиденья, он писал том, что в будущем большое развитие получат новые виды транспорта – авиационный, морской. В частности, Михаил Осипович отмечал, что в ближайшем будущем будут востребованы и новейшие на тот момент средства связи (телефонной и радио). Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. Меньшиков выступал за строительство миноносцев и подводных лодок, критиковал правительство за создание дорогих, но уязвимых броненосцев. В 1904 г. Михаил Осипович стал одним из инициаторов создания Союза борьбы с детской смертностью.

В начале XX века Россия вступила в стадию империализма. Быстрое развитие промышленности, активные процессы урбанизации привели к большому социальным противоречиям. Происходили размывание патриархального уклада, разрушение кустарной промышленности, наблюдался упадок религиозности. С каждым десятилетием усиливались позиции

либеральной бюрократии и интеллигенции, выступающих за ограничение самодержавной монархии. Таким образом, российское общество в начале XX века находилось в глубоком духовном разладе.

Среди важнейших тем публицистики Меньшикова была тема воспитания и образования молодежи. Но эти проблемы он рассматривал в неразрывном единстве с острейшей проблемой сокращения численности российского населения. В статье «Гибель расы» он обращает внимание на чудовищное материальное расслоение, большую детскую смертность среди малообеспеченных слоев населения: «С одной стороны, невероятная роскошь обстановки богатых детей, с другой – гибельная нищета деревенских ребят, прямо смертельная нищета» [Меньшиков 2021: 86]. Так что не все было благополучно в николаевской России: «Исключительно по глубокой нищете народной и его невежеству мы ежегодно теряем население целого королевства... два миллиона в один год» [Меньшиков 2021: 88]. Из четырех миллионов детей два миллиона не доживали до пятилетнего возраста. Огромную детскую смертность Меньшиков связывал с повальными детскими болезнями, крестьянской бедностью, ослабленными родителями, антисанитарией, нездоровой пищей. Он бил в набат, призывая государства и имущие классы заняться этой острейшей проблемой. Тем более что эта проблема напрямую была связана с безопасностью, выживанием самой России: «Россия погибает от несоразмерности территории с населением. В то время, как на Западе единицу пространства обслуживают 16 человек, у нас ее обслуживает всего один... наше малолюдие парализует земледелие, в годы блестящих урожаев у нас не хватает рук... Малолюдие создает малоземелье. Культурной земли мало, а некультурной – огромные пространства... в виде пустошей, болот, лесов» [Меньшиков 2022: 89]. Сокращение российского населения не позволит удержать и освоить Сибирь. Критикуя Мальтуса, он писал, что для России рост населения не зло, а спасение.

Какие же меры предлагал Меньшиков для того, чтобы сократить убыль населения? Прежде всего, государство должно было выделить средства для борьбы с бедностью. Он писал, что 200 миллионов рублей, направляемых западным банкирам на выплату кредитов, должны быть направлены для решения проблемы бедности в России.

Михаил Осипович полагал, что Россия должна использовать опыт стран Западной Европы в создании благотворительных обществ. Малоимущие граждане должны получать материальную помощь. Важно учитывать, что публицист писал об этом в 1902 году. В этом плане мы должны рассматривать его как мыслителя, опередившего свое время.

Можно перечислить очень интересные статьи Меньшикова: «Нравственное движение за границей», «Нравственное движение и благотворительность», «Нравственное движение вне союзов», «Народные университеты во Франции». Михаил Осипович полагал, что важными элементами

гражданского общества являются благотворительные организации. Обычно консерваторы выступали противниками заимствования какого-либо западноевропейского опыта. Однако в случае с консервативным журналистом Меньшиковым можно говорить о том, что он был не против использования позитивного западного опыта. В частности, он писал, что для России будет полезен опыт создания народных университетов по примеру Франции. Он полагал, что народное образование в виде свободного университета после окончания школы должно способствовать распространению среди людей нравственности, красоты и истины. В народном университете могли учиться люди разных социальных групп: рабочие, служащие, чиновники и крестьяне. Общесословный характер народного университета он считал важным условием формирования в будущем свободной демократии. Меньшиков считал, что преподавание курсов и лекций в народном университете должно чередоваться с развлечениями. В каждом народном университете должны быть: музей, зал для гимнастических упражнений, библиотека, консультационные кабинеты по медицине, экономике, юриспруденции, безалкогольный ресторан. Положительным моментом в создании народных университетов являлось активное участие в образовательном процессе женщин. Оплата за учебу в народном университете Франции предполагалась шесть франков в год. Еще одной из интересных статей Меньшикова была статья «О государственном страховании». В этой статье он приводит положительный пример политики государственного страхования в Германии. Уже в 1899 г. были застрахованы от заболеваний 9,5 млн мужчин и 2 млн женщин. Благодаря страхованию, борьбе с туберкулезом население Германии каждые 75 лет удваивалось. Меньшиков писал, что государственную политику Германии в области социального страхования можно заимствовать в готовом виде. Как большое достижение Бисмарка Меньшиков выделял следующую меру страхованию рабочих: в случае болезни рабочие получали половину заработка в течение 13 недель.

Среди публикаций Меньшикова большое количество посвящено спорту, формированию здорового образа жизни, воспитанию, образованию и защите прав детей. В статье «О здоровии народном», написанной в январе 1902 года, Михаил Осипович критиковал людей за безразличие к своему телу. Он противопоставлял современных людей древним грекам: «...здоровье не только благо, но и нравственный долг наш... Тело в наш хилый век не пользуется уважением, но это глубокая ошибка. Мы позабыли, что тело, союз органов, в своем целом есть орган счастья... До какой степени древние были умнее нас, до какой степени их взгляд на тело был благороднее? Они чувствовали, что тело – дух, что это – видимость чего-то божественного, и вот они берегли тело как священный храм, держали его в великой чистоте, всеми мерами заботились о красоте, силе, свежести, непрерывной молодости организма... Прекрасное тело было

идеалом...» [Меньшиков 2021: 342]. Русский народ, по мнению публициста, за время своей нелегкой истории надорвался, истощил свои силы. Связывая физическое нездоровье с психологическим состоянием измятого, унылого духа, не способного на масштабные реформы и свершения, характеризуя свое поколение, Меньшиков писал: «...в тысячелетних войнах... слишком утомилось наше племя, изболело, зачахло. Поглядите на народную толпу – что это в большинстве случаев за заморыши! Поглядите на нашу культурную толпу – что это за вырожденцы! Недоедание внизу, переедание наверху; сверхработа внизу, сверхпраздность наверху. Крайности вызывают друг друга и сходятся. Падает физический тип, а за ним неотвратимо падает и духовный облик племени, когда-то богатырского. Падает мускульная сила, падает душевная крепость» [Меньшиков 2021: 343]. Михаил Осипович подвергал острой критике внешнюю политику российской империи за ненужные стране войны: «Весь избыток народной энергии идет на цели вне страны, – отсюда страшная отсталость внутри. Некогда и не на что стране заняться внутренним расстройством» [Меньшиков 2021: 344]. Он пишет о таких бедах России, как хронические неврозы, опустошение лесов, почв и воды, хронические недоедание и вымирание крестьянских детей, упадок промыслов. Большой негативный вклад в упадок нации внес капитализм, разделивший народ на кучку богачей и море нищих. Меньшиков считал, что лозунгом государственной политики России должен стать лозунг «Будь здоров». Для того чтобы обеспечить народу физическое здоровье, он предлагал наделить каждую деревенскую семью достаточным количеством земли и чистой воды: «Земля и вода дают хлеб, хлеб дает здоровье, здоровье – само по себе счастье...» [Меньшиков 2021: 345]. Важнейшей национальной задачей Меньшиков считал народосбережение, сокращение ужасающей смертности. Пьянство, по его мнению, было главной национальной опасностью для России. Оно подрывает источник народной силы – здоровье. Меньшиков отмечал с горечью, что все великие моменты жизни – «...рождение, крещение, заключение брака, смерть... непременно требуют питья водки» [Меньшиков 2007: 499]. Он писал, что за алкоголизацией тянется потомство идиотов, эпилептиков, психопатов. Алкоголики грубы, обидчивы, утрачивают стыд и совесть. Они представляют собой толпу, готовую на бунт: «...по словам героев Горького, весь мир “трахнуть” так себе в припадке злобы» [Меньшиков 2007: 515]. Вину за такую ситуацию он возлагал на царских министров С. Ю. Витте и В. Н. Коковцева, которыми была введена губительная по своим последствиям винная монополия. Меньшиков предложил объявить крестовый поход против пьянства: «Надо вызвать инстинкт народного самосохранения, надо воззвать к таланту и совести народа, к чувству его человеческого достоинства, к здравому смыслу» [Меньшиков 2021: 388].

Важное место в публицистике М. О. Меньшикова занимали вопросы образования молодежи. По этой теме у него вышла целая серия статей: «Ученость и образование», «Труд как школа», «Деревенский университет». Прежде всего, его беспокоило разлагающее влияние либеральной печати на систему воспитания. Одной из своих задач как журналиста он видел в борьбе против развратной, порнографической печати. Меньшиков писал, что в одном из вопросов 3/4 петербургских юношей объявили себя венериками. Развратные вечеринки, свободная любовь, ранние половые связи растрачивают прежде времени энергию молодежи. Он сетовал, что при капитализме, где все является товаром, школьникам с детства внушается гадкое отношение к женщине как к товару. Кроме того, он полагал, что после довольно жесткого, консервативного правления Александра III пришло время распушенности. С негодованием он пишет о падении авторитета учителей и наставников. Он пишет, что в гимназиях ученики подвергают оскорблениям своих учителей, играют в карты и хулиганят. Меньшиков связывает такую позицию молодежи не только с ослаблением дисциплины, но и с деятельностью интеллигенции, которая с ее идеями свободы, равенства толкала молодежь, легко поддающуюся внушениям, на участие в революционных выступлениях. Кроме того, как консервативный журналист он обращает внимание на негативное культурное и образовательное влияние стран Западной Европы на Россию. Меньшиков выступал за создание качественного общего образования, усиление в школах религиозного, православного воспитания, более строгий качественный отбор абитуриентов в вузы. Он предлагал сделать упор на связи образования с природой, производительным сельским трудом: «Если бы еще немножко физического труда, да притом, производительного – вроде обслуживания школьных ферм, огородов и садов» [Меньшиков 2022: 44]. Можно согласиться с предложением Меньшикова о необходимости введения в школьную программу дисциплин, предполагающих близкое знакомство учеников с родным народом и родной страной. Он полагал, что школа должна давать начальные знания и в языках, и в математике, знакомить с основами литературы, наук и искусств. Журналист выступал за доступность образования: «...каждой развивающейся душе должны быть предоставлены средства развития...» [Меньшиков 2022: 54].

В статье «Наша сила», опубликованной 28 июня 1909 года, Меньшиков размышляет о том, что же составляет силу русской национальности. Для него неперменной ее частью было здоровье народное, физическая крепость: «На великие дела нужен большой запас телесной свежести» [Меньшиков 2007: 358]. Второе качество силы национальности он видел в душевном здоровье: «Душевное здоровье характеризуется моментом, когда у человека устанавливается прекрасное самочувствие, и он всем доволен» [Меньшиков 2007: 359]. Народу помогала сохранить душевное здоровье целая система культов – религиозного, государственно-

го, семейного. Особенно важна в обретении душевного здоровья была роль православной веры.

В статье «Поучение о зрячих» Меньшиков обращает внимание на острую проблему детей инвалидов. Он выступает за создание школ для слепоглухонемых детей: «... даже таких, пораженных слепотою, глухонемых, можно подходящей школой делать полезными тружениками» [Меньшиков 2007: 394]. Меньшиков пытался воззвать к совести чиновникам, богатым людям, духовенству: «Скажите, как без ласки жить ребенку? Неужели Россия не в силах приютить даже 2 000 ребятишек, которые погибают, как слепые котят? Им нужно, прежде всего, как котят, добра и корма, а потом участливое учение научит их труду. Без слуха, без зрения, без голоса они все-таки в состоянии иметь свой бедный кусок хлеба. Надо только помочь распорядиться остатками их способностей» [Меньшиков 2007: 395-396].

Еще одной темой публицистики Меньшикова стала тема необходимости создания высшего женского образования. Он выступил за создание в Киеве женского университета имени Святой Ольги. Важнейшую роль, кроме исторического и юридического факультетов, в нем должен был иметь богословский факультет: «...почему религиозно настроенным девушкам не дать возможности пройти курс истории церкви... Для чего девушкам богословская наука? Для утверждения веры и нравственности у будущих жен и матерей, на уме и сердце которых лежит все моральное будущее потомства» [Меньшиков 2007: 407]. Меньшиков приветствовал решение Николая II, принятое в 1908 г., завести в каждой деревенской школе обучение детей строю и гимнастике. Публицист придавал правильному воспитанию детей большое значение. Необходимо воспитывать детей в духе патриотизма, любви к труду, почитания родителей. Очень интересными представляются заметки Меньшикова о создании скаутского юношеского движения. Он досконально изучил опыт его создания в Англии, Чехии. Но России нужны свои юношеские организации. Скауты должны воспитываться на романах Майн Рида, Ф. Купера, на романтике приключений: «Необходимо подготовить каждого ребенка, развивать в нем рыцарский дух, гражданский долг, симпатию к людям и горячую любовь к Отечеству» [Меньшиков 2007: 440]. Каждый отряд должен иметь свое название, например «Черные Орлы», свою форму, знамя и присягу. Молодые скауты должны в обстановке игры сформировать качества воина-рыцаря, строить шалаши, готовить пищу, разводять костры. Алкоголь и курение подлежали бы в таких отрядах полному запрету.

Много статей Меньшиков посвятил необходимости борьбы с огромной детской смертностью. Он приветствовал создание в 1913 году общества под названием «Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества». Созданное под покровительством императрицы Александры Федоровны – многодетной матери, оно ставило своей целью

объединение усилий общества и власти с целью воспитания здорового и сильного населения. Важно отметить, что еще до русско-японской войны М. О. Меньшиков создал «Всероссийское общество по борьбе с детской смертностью», но из-за войны деятельность его заглохла. Что же предлагал сделать Меньшиков для улучшения жизни младенцев: 1) устроить ясли по всей стране; 2) завести молочные фермы и обеспечить снабжение семей молоком; 3) устраивать больше больниц и лабораторий; 4) вести учебу и пропаганду рационального ухода за младенцами. Очень верно и актуально звучат его слова и сегодня: «Необходимо, чтобы на страже жизни, на страже материнства и младенчества стал законодатель, судья и духовный пастырь» [Меньшиков 2007: 644]. Важно помнить, что отсталая государственность не может никак организовать труд, спорт и сбережение народа. Как публицист Михаил Осипович стремился внести свой вклад в создание деятельной, сильной, трудолюбивой, просвещенной России. По мнению Меньшикова, формированию в России гражданского общества препятствовали следующие факторы: 1) долговременный негативный эффект крепостного права: неприученные к уважению частной собственности крестьяне стали пьянствовать и злодействовать; 2) недостаток образования и политической культуры; 3) слабое развитие институтов гражданского общества, в частности благотворительных организаций.

Список источников

1. Коцюбинский Д. Л. Русский национализм в начале XX столетия. М.: РОССПЭН, 2001. 528 с.
2. Меньшиков М. О. Письма к ближним. Полное собрание: в 16 т. Т. 3. 1904 г. СПб.: Машина времени, 2021. 930 с.
3. Меньшиков М. О. Русское пробуждение. М.: Книжный мир, 2007. 416 с.
4. Меньшиков М. О. Как воскреснет Россия? Избранные статьи. СПб.: Русская Симфония, 2007. 672 с.
5. Меньшиков М. О. Письма к ближним. М.: АСТ, 2022. 464 с.
6. Начапкин М. Н. Оценка личности и правления императора Николая II, упущенных возможностей реформирования России в дневнике консервативного журналиста М. О. Меньшикова // Урал в судьбе Романовых: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 25 октября 2017 г. Екатеринбург: УрГЭУ, 2017. С. 83-92.
7. Начапкин М. Н. «Письма к ближним» консервативного публициста М. О. Меньшикова как источник по истории российской повседневности начала XX века // Научный диалог. 2020. № 5. С. 450-464.
8. Российский архив (история отечества в свидетельствах и документах XVII–XX в.) Выпуск IV. М. О. Меньшиков. Материалы к биографии. М.: Российский архив, 1993. 271 с.
9. Шлемин П. И. Меньшиков: мысли о России. М.: ИНИОН РАН, 1997. 264 с.

Новосёлов Эдуард Алексеевич,
студент 4-го курса департамента политологии и социологии,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
e.a.novosyolov@gmail.com

РОЛЬ СИМУЛЯКРОВ В ОСВЕЩЕНИИ ЗАПАДНЫМИ СМИ КОНФЛИКТА НА ДОНБАССЕ

Аннотация. Данная статья посвящена изучению процесса освещения западными СМИ конфликта на Донбассе за второе полугодие 2021 – начало 2022 годов. В ней рассматриваются методы информационной войны, примененные зарубежными СМИ, которые описаны Жаном Бодрийяром в статьях, посвященных «Войне в Заливе».

Ключевые слова: Донбасс; зарубежные СМИ; средства массовой информации; информационные потоки; освещение событий; симулякры

Novosyolov Eduard Alexeyevich,
Student of the 4th year of Department of Political Science and Sociology,
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
e.a.novosyolov@gmail.com

THE ROLE OF SIMULACRA IN WESTERN MEDIA COVERAGE OF THE CONFLICT IN DONBASS

Abstract. This article is devoted to the study of the process of Western media coverage of the conflict in Donbas for the second half of 2021 – early 2022. It examines the methods of electronic warfare used by foreign media, which are described by Jean Baudrillard in articles dedicated to the “Gulf War”.

Keywords: Donbass; foreign media; mass media; information flows; coverage; simulacra

В 1991 году французский философ Жан Бодрийяр написал серию статей, посвященных Войне в Персидском заливе. Каждая статья рассматривала определенный этап вооруженного конфликта. Первая статья «Войны в Заливе не будет» посвящена периоду подготовки США и их союзников к вторжению в Ирак. В ней Ж. Бодрийяр размышляет о современном миропорядке, оторванности информации от реальности и кризисе войны как средства ведения политики. Вторая статья «Действительно ли идет война в Заливе?» уделяет внимание способам «продажи войны» народу, неравной военной мощи, затянутости конфликта, а также отсутствию рациональной логики в действиях США. Последняя статья «Войны в Заливе не было» подводит итоги применения чрезмерной технологической силы, подчеркивает эмоциональный шантаж зрителя со стороны СМИ, делает вывод о том, как Запад докатился до такой фаль-

шивой войны, и констатирует, что подобные информационные войны станут неотъемлемой частью современного мира.

Главной связующей нитью между тремя статьями стал мотив манипуляции сознанием населения со стороны СМИ. По мнению Ж. Бодрийера, вся информация, которую получали граждане, являлась продуктом пропаганды. События, которые реально происходили, максимально искажались и подстраивались под риторику запугивания населения мощью и угрозой, исходящей от Ирака. Поэтому главным оружием стран Запада была не доминирующая военно-техническая мощь, а средства массовой информации. Их основным инструментом воздействия Бодрийер назвал симулякры [Бодрийер 2016: 23].

«Симулякр – это копия, изображающая что-то, что ранее существовало, но утратившее оригинал, либо же изображающее что-то, чего ранее вообще не существовало» [Бодрийер 2013: 7]. По мнению Ж. Бодрийера, в современном обществе реальность представляет собой навязанный извне концепт, то есть символическую реальность. В ней реальных событий не существует до тех пор, пока их не осветят в СМИ. Исходя из этого, появляется возможность использования фейк-информации, так и применения симулякров. Таким образом, проверка информации (фактчекинг) в условиях постоянного информационного потока затруднена или вообще невозможна. В условиях символической реальности это гарантирует возможность модулировать и видоизменять мнение человека. Гарантом работоспособности данного механизма является то, что получить достоверную информацию о происходящих событиях сложно или невозможно.

Одним из основных современных «конфликтов» является противостояние западных стран и Российской Федерации. Главным камнем преткновения интересов в данном конфликте является безопасность. Россия считает угрозой для себя вхождение в НАТО стран, находящихся вблизи ее границ. Стоит отметить, что такая позиция небезосновательна по причине того, что альянс, созданный чтобы противостоять СССР, но после его распада потерявший идеологического врага, вновь его обрел. Это подтверждается тем, что на саммите НАТО 2016 Россия была признана главной угрозой безопасности, а ее сдерживание стало главной целью альянса [РИА Новости 2022].

Можно говорить о том, что зачастую противостояние основных геополитических игроков происходит на территории других государств. Так, одним из основных полей битвы Запада и России стала Украина.

Украина с момента своего отделения от СССР представляла собой государство-лимитроф. Находясь между двумя геополитическими гигантами, она не смогла найти баланс между прозападной и пророссийской политикой. Выбранная ею идеологическая линия «европеизации» фактически поставила ее в зависимое положение от стран Запада. Тем самым

страна потеряла свой реальный суверенитет и начала медленное движение к противостоянию с Россией.

За последние годы Украина слабо продвинулась к закреплённой в Конституции цели – евроинтеграции [Конституция 1996: ст. 102], более того, государство практически утратило экономический потенциал. Тем не менее в стране распространились крайне националистические настроения, и страна значительно милитаризировалась. В дипломатическом же плане страна потеряла свою самостоятельность, и каждое решение, прежде чем будет принято, обсуждается с ведущими странами Запада. Закономерным стало и желание Украины вступить в альянс НАТО. Именно это решение Россия воспринимает как угрозу своей национальной безопасности и всячески пытается противостоять этому.

После событий 2014 года конфликт между Россией и Украиной находился вне пристального внимания СМИ, противостояние центральной украинской власти и самопровозглашенных Луганской и Донецкой народных республик изредка появлялось в информационном поле. Однако в конце 2021 года конфликт резко обострился в связи с появлением в зарубежных СМИ провокационной информации относительно действий России в отношении Украины. Это и многое другое подтверждает концепт символической реальности, в которой живет человек. Поэтому методология, выделенная Ж. Бодрийяром, корректно описывает все механизмы формирования общественного мнения посредством симулякров и фейк-информации.

Возвращаясь в 2014 г., важно обратить внимание на непризнание миром референдумов, проведенных как в Крыму, так и на Донбассе. Изучая «Войну в Заливе», Бодрийяр подчеркивал подозрительное молчание сторонников «прав человека» и других организаций. Подобную ситуацию можно наблюдать и в данном конфликте. Один из основных принципов международного права – право народов на самоопределение – удивительным образом игнорируется по отношению к референдумам в Крыму и на Донбассе.

Тем не менее попытка дипломатического урегулирования конфликта была предпринята, но и в этой ситуации компромиссные Минские соглашения не были исполнены в полной мере. Это произошло во многом из-за поставки западными странами Украине современных вооружений, что позволило ей укрепить свои военные силы и перейти к силовому воздействию в республике, игнорируя выполнение Минских соглашений.

В связи с этим возникает вопрос: а действительно ли США и НАТО поддерживают Украину исключительно исходя из идеи мира и демократии или преследуют свои собственные интересы в этом конфликте, а именно давление на Россию?

Можно предположить, что если бы Запад действительно хотел мира, то уже давно бы завершил конфликт с помощью принуждения – инстру-

мента, которым он часто пользуется. Однако для США гораздо выгоднее сделать этот конфликт как можно более продолжительным по экономическим, политическим и информационным причинам.

Так, можно отметить выгодные для американского военно-промышленного комплекса постоянные поставки вооружений, позволяющие очистить склады от устаревшей техники, пополнить их новейшими вооружениями. Более того, отосланное оружие обязательно будет названо в СМИ «наисовременнейшим, самым мощным и не имеющим аналогов в мире» – полноценным арсеналом демократии, переданным Украине.

Обращаясь к информационной составляющей, можно говорить, что для США наличие подобных продолжительных конфликтов слабой интенсивности открывает возможности спекуляции и формирования повестки дня вокруг них, что позволяет переключать внимание собственного населения с внутренних проблем на внешние. По Бодрийяру, подобные информационные махинации осуществляются путем следующих действий: различные «эксперты» и «стратеги» спекулируют на теме конфликта, нагнетая страх и ужас, а также формируя образ «врага». В сюжетах обычно неважен результат события или действий, главный фактор – это то, как показано и позиционируется их начало. Обязательно наличие драматических сюжетов, показывающие слабых силой, но стойких духом «сторонников демократии», которым для победы нужны очередные поставки вооружений. При таком потоке симулякров и субъективной информации, по мнению Бодрийяра, даже не придется оправдывать «тупость» тех или иных действий, ведь завтра будет еще абсурднее [Бодрийяр 2016: 47].

Какой же итог всех этих действий? Жан Бодрийяр считает, что никакой. Неважно кто победит, а кто проиграет в данном конфликте. В любом случае Запад получит свои репутационные и экономические преференции, а его оппонент будет клеймен всеми возможными преступлениями против «свободы» и «демократии». Все вышеуказанное можно применить и к конфликту на Донбассе.

Информационный пузырь вокруг Украины и ситуации с ЛДНР подгревался на протяжении всей второй половины 2021 года. Гигантское количество субъективной и неподкрепленной фактами информации циркулировало в СМИ и социальных сетях западных стран. Апогеем этого стала публикация 3 декабря немецкой газетой «Bild» спекулятивных планов о том, как «Путин может уничтожить Украину» [Bild 2022]. В данной статье высказывалась точка зрения, что мир находится на грани «войны». Однако западные спецслужбы уже давно знают обо всех планах военного вторжения российских войск [The Washington Post 2022]. И это несмотря на то, что в российских СМИ не прослеживались мотивы подготовки населения к войне. Сроками возможного нападения были обозначены январь-февраль 2022 года. Была предоставлена карта «планов» с подробным описанием всех этапов атаки. В качестве вывода в статье резюмиро-

валась жесткая нехватка современных вооружений у Вооруженных Сил Украины для противостояния России. И это при условии, что совокупные поставки США и стран НАТО превысили уже несколько миллиардов долларов [РИА Новости 2022]. 2 ноября и 24 декабря были опубликованы снимки военной техники Вооруженных Сил Российской Федерации, якобы свидетельствующие о подготовке к нападению [Politico 2022]. СМИ окрестили это «новой стадией конфликта в Донбассе». Тем не менее до января следующего года сохранялось относительное спокойствие в информационном поле. Однако оно было прервано 18 января 2022 года громогласным заявлением пресс-секретаря Белого Дома Джен Псаки о том, что «РФ может напасть на Украину в любой момент» [Газета.ru 2022]. Позднее сроки «нападения» также без предоставления доказательств пододвинули на середину февраля [РИА Новости 2022]. 22–28 января в свете вышесказанных событий на Украину прибыли экстренные партии вооружений [ТАСС 2022].

1 февраля CNN опубликовал идеальный в пропагандистском смысле материал о подготовке к войне гражданского населения [CNN 2022]. Фотографии, на которых мужчины и женщины бегают с деревянными автоматами, облетели весь западный мир. Неоднозначная идея привлекать к военной службе гражданское население напоминает немецкий «Фольксштурм» и в очередной раз свидетельствует о радикальной милитаризации украинского общества, на которую закрывают глаза западные СМИ.

Нагнетать панику грядущего конфликта стало и ОБСЕ, заявляя о некой «крупномасштабной войне» [Радио Sputnik 2022]. Однако в рамках современных военно-технологических достижений заголовки относительно крупномасштабных войн предстают гиперболизированными. Невозможность таких событий видел и Жан Бодрийяр, считавший, что крупномасштабных конфликтов между обладателями ядерного вооружения, гарантирующего взаимное уничтожение, больше никогда не произойдет [Бодрийяр 2016: 52]. Его слова подтверждаются тем, что помимо США и их союзников, предпочитающих силовой вариант решения, большая часть остальных стран мира предпочитает в решении конфликтов полагаться на экономическую и дипломатическую силу.

Но вернемся к «вторжению», реальность которого подвергло сомнению даже украинское издание «Апостроф», которое подняло вопрос о фейк составляющей западных новостей и нагнетании обстановки [Апостроф 2022]. Тем не менее градус накала обвинений не спадал. Госсекретарь США Энтони Блинкен обвинил Россию в «угрозе всему миру, включая Австралию» [Радио Sputnik 2022]. В СМИ начались спекуляции на тему даты «вторжения». Так, британский таблоид «The Sun» ранее заявил, что Россия «вторгнется» на Украину в 3.00 по киевскому времени 16 февраля. Американское издание «Politico» со ссылкой на источник сообщало, что президент США Джо Байден в ходе разговора с лидерами

союзных стран также утверждал, что Россия может напасть на Украину 16 февраля [Газета.ru 2022]. Источники агентства «Bloomberg», в свою очередь, заявляли, что Россия может напасть на Украину 15 февраля [Bloomberg 2022]. Эти постоянно меняющиеся даты «вторжения» стали поводом шуток как в социальных сетях, так и на дипломатическом уровне. Официальный представитель МИД РФ Мария Захарова попросила западные СМИ «огласить график вторжений на Украину», чтобы «спланировать отпуск» [Газета.ru 2022].

Тем не менее в информационном поле сгустились краски. Американское издание «Foreign Affairs» опубликовало статью, посвященную «мрачным» перспективам, если Россия захватит Украину [Foreign Affairs 2022]. Уровень спекуляций был переplянут 20 февраля, когда в прямом эфире канала CBS было заявлено о «передаче войскам РФ приказа о вторжении в Украину» [Газета.ru 2022]. «Washington Post» написал об угрозе применения ядерного оружия против НАТО, если оно вмешается во вторжение ВС РФ на Украину [The Washington Post 2022]. Видимо, градус абсурда был чрезмерным даже для западных СМИ, и некоторые стали высказываться о том, что это «вторжение» существует лишь в воображении США и Европы [Spiked 2022]. Но были и те, кто досрочно приписали России поражение от Запада и его коллективной стойкости [The Telegraph 2022]. Ироничным было выступление президента Украины Владимира Зеленского на Мюнхенской конференции. В нем он обвинил Запад в том, что тот требует невозможного от страны и потребовал активнее помогать Украине. Украинское издание «Страна.ua» охарактеризовало данное выступление как «обиду» В. Зеленского на западное сообщество, когда оно потребовало от него выполнения обговоренных реформ [Страна.ua 2022].

Таким образом, на основании вышесказанного можно утверждать, что весь информационный поток со стороны западных СМИ, используя терминологию Ж. Бодрийера, был полон симулякров. Перегруженное субъективной информацией и спекуляцией информационное поле вокруг конфликта на Донбассе дало возможность США переключить внимание населения с внутренних проблем, а именно сильной инфляции, кризиса доверия Демократической партии, беспрецедентного роста преступности, внутреннего раскола общества и других проблем.

Более того, события на Украине являются одним из главных инструментов давления западных стран на Россию, открывая дорогу для введения санкций. Ввиду этого Запад заинтересован в затягивании решения проблем. Это позволяет держать в постоянном напряжении Россию и обеспечивать себе отвлечение внимания населения от внутренних проблем посредством очернения репутации другой страны.

В итоге Жан Бодрийер поразительно точно описал форму противостояния между геополитическими игроками – информационную войну.

Она характеризуется активным применением симулякров как одного из инструментов переписывания и видоизменения реальных событий. Их применение во время «Войны в Заливе» практически полностью совпадает с методами освещения конфликта на Донбассе. Последующая реакция западного сообщества на признание Россией ЛДНР не была молниеносной. Ему понадобилось несколько дней, чтобы сориентировать совместные действия. Это доказывает то, что несмотря на информационный поток, очерняющий Россию и спекулирующий на «датах вторжения», Запад реально не предполагал, что Россия что-либо предпримет.

Список источников

1. *Бодрийяр Ж.* Дух терроризма. Войны в Заливе не было / пер. с фр. А. Качалова. М.: Рипол-классик, 2016. 224 с.
2. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции / перевод О. А. Печенкина. Тула, 2013. 204 с.
3. Конституция Украины от 28 июня 1996 года № 254к/96-ВР, раздел V Президент Украины, статья 102.
4. Американский телеканал CBS сообщил о передаче войскам РФ «приказа о вторжении» на Украину // Газета.ru [веб-сайт]. URL: <https://www.gazeta.ru/army/news/2022/02/20/17319421.shtml?refresh> (дата обращения: 21.02.2022).
5. В Белом доме заявили, что Россия может атаковать Украину «в любой момент» // Газета.ru [веб-сайт]. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/01/18/17159347.shtml?updated> (дата обращения: 19.02.2022).
6. В ОБСЕ заявили о наивысшем риске войны в Европе // Радио Sputnik [веб-сайт]. URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20220208/obse-1771773811.html?in=t> (дата обращения: 19.02.2022).
7. Госсекретарь США обвинил Россию в угрозе всему миру, включая Австралию // Радио Sputnik [веб-сайт]. URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20220210/blinken-1772114408.html?in=t> (дата обращения: 19.02.2022).
8. Захарова призвала западные СМИ огласить график российских «вторжений» на Украину // Газета.ru [веб-сайт]. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/02/16/17298109.shtml?updated> (дата обращения: 19.02.2022).
9. Иностранные поставки вооружения Украине // РИА Новости [веб-сайт]. URL: <https://ria.ru/20220119/vooruzheniya-1768545024.html> (дата обращения: 18.02.2022).
10. Оборона и диалог: саммит НАТО согласовал позицию по России // РИА Новости [веб-сайт]. URL: <https://ria.ru/20160709/1462603370.html> (дата обращения: 20.02.2022).
11. Почуял «развод» и включил «обиду». Что означает речь Зеленского в Мюнхене // Страна.ua [веб-сайт]. URL: <https://strana.news/news/377839-rech-zelenskoho-v-mjunkhene-2022-analiz.html> (дата обращения: 22.02.2022).
12. Хроника конфликта и поставок на Украину современных видов оружия // ТАСС [веб-сайт]. URL: <https://tass.ru/info/13560249> (дата обращения: 19.02.2022).
13. Шерман «подвинула сроки» эскалации на Украине // РИА Новости [веб-сайт]. URL: <https://ria.ru/20220126/ukraina-1769659449.html?in=t> (дата обращения: 20.02.2022).

14. In Ukraine, it's not just soldiers training for war // CNN [веб-сайт]. URL: <https://edition.cnn.com/2022/02/01/europe/gallery/ukraine-russia-training-fadek/index.html> (accessed: 21.02.2022).

15. No, Vladimir Putin hasn't humiliated the West // The Telegraph [веб-сайт]. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2022/02/17/no-vladimir-putin-hasnt-humiliated-west/> (accessed: 22.02.2022).

16. Russia aims to ward off NATO in the event of a Ukraine invasion // The Washington Post [веб-сайт]. URL: <https://www.washingtonpost.com/national-security/2022/02/15/russia-ukraine-nato/> (accessed: 21.02.2022).

17. Satellite images show new Russian military buildup near Ukraine // Politico [веб-сайт]. URL: <https://www.politico.com/news/2021/11/01/satellite-russia-ukraine-military-518337> (accessed: 17.02.2022).

18. The Sun назвал точное время «вторжения» России на Украину // Газета.ru [веб-сайт]. URL: <https://www.gazeta.ru/army/news/2022/02/15/17294605.shtml> (дата обращения: 19.02.2022).

19. The West's dangerous delusions of war // Spiked [веб-сайт]. URL: <https://www.spiked-online.com/2022/02/17/the-west-s-dangerous-delusions-of-war/> (accessed: 21.02.2022).

20. U.S. Orders Kyiv Embassy Staff Out After Warning on Russia // Bloomberg [веб-сайт]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-02-11/u-s-warns-of-risk-that-russia-moves-against-ukraine-next-week?srnd=premium-europe> (accessed: 21.02.2022).

21. What if Russia Wins? // Foreign Affairs [веб-сайт]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/ukraine/2022-02-18/what-if-russia-wins> (accessed: 20.02.2022).

22. Why the CIA is so worried about Russia and Ukraine // The Washington Post [веб-сайт]. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2021/11/30/why-cia-worried-russia-ukraine/> (accessed: 19.02.2022).

23. Вторгнення онлайн та інші «плани Барбаросса»: чому Захід продовжує лякати українців нападом Росії // Апостроф [веб-сайт]. URL: <https://vk.com/away.php?utf=1&to=https%3A%2F%2Fapostrophe.ua%2Fua%2Farticle%2Fpolitics%2F2022-02-08%2Fvtorjenie-onlayn-i-drugie-planyi-barbarossa-pochemu-zapad-prodoljaet-pugat-ukraintsev-napadeniem-rossii%2F44366> (дата обращения: 18.02.2022).

24. So könnte Putin die Ukraine vernichten // Bild [веб-сайт]. URL: <https://www.bild.de/politik/ausland/politik-ausland/bild-exklusiv-russlands-kriegsplaene-so-koennte-putin-die-ukraine-vernichten-78425518.bild.html#fromWall> (accessed: 20.02.2022).

Пантюшев Алексей Вячеславович,
студент 4 курса, Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Yporotukot@gmail.com

Олин Александр Игоревич,
студент 2 курса, Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Sasha30109mail@mail.ru

ПАРТИЯ «ШВЕДСКИЕ ДЕМОКРАТЫ» В УСЛОВИЯХ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА

Аннотация. В статье рассматриваются основные особенности и масштабы миграционных проблем, а также анализируются действия политической элиты в Швеции. Миграционный кризис повлиял на рост правых партий на политической арене Швеции. Партия «Шведские демократы» стремительно стала набирать голоса на выборах, из-за этого смогла получить неплохое количество мест в Риксдаг. При рассмотрении политической программы партии можно лучше понять их точку зрения на проблемы страны. Возможно, что после выборов в правительство, которые пройдут в 2022 году, партия «Шведские демократы» сможет активнее влиять на внутреннюю политику страны.

Ключевые слова: миграция населения; миграционные процессы; политические партии; миграционный кризис; миграционная политика; правый популизм; беженцы; безработица

Pantjushev Alexey Vyacheslavovich,
4th year Student, Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Yporotuko@gmail.com

Olin Alexander Igorevich,
2nd year Student, Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Sasha30109mail@mail.ru

IMPACT OF THE MIGRANT CRISIS ON SWEDISH DEMOCRATS

Abstract. The article examines the main features and scale of migration problems, as well as analyzes the actions of the political elite in Sweden. The migration crisis has influenced the rise of right-wing parties in the political arena in Sweden. The Swedish Democrats began to rapidly gain votes in the elections, thanks to which they were able to get a good number of seats in the Riksdag. When considering the political program of the Swedish Democrats, one can better understand their point of view on the problems of the country. It is possible that after the government elections, which will be held in 2022, the Swedish Democrats will be able to more actively influence the country's domestic politics.

Keywords: population migration; migration processes; political parties; migration crisis; migration policy; right-wing populism; refugees; unemployment

На протяжении целого века Швеция предпочитала социал-демократическую модель государства. Швеция еще в XIX веке отказалась от империалистических войн и взяла путь на мирное сосуществование. Страна решила оказывать гуманитарную помощь политическим и военным беженцам, так как у Швеции были все необходимые экономические ресурсы для этого. Плюсом служил тот факт, что Скандинавская модель произвела фурор в середине XX века на территории Европы. Швеция имеет самый низкий государственный долг среди стран Европы. Но из-за большого количества беженцев в стране появились проблемы с безработицей и преступностью.

Сейчас в Швеции проживает большое количество мигрантов, которые занимают 10% от общего населения страны, из-за этого политика мультикультурализма является неотъемлемым элементом национальной самоидентичности. Согласно исследованию, ежегодно страна нуждается в 64 000 новых иммигрантов трудоспособного возраста, способных возместить естественную убыль населения. Иммигранты с высокой квалификацией являются более приоритетными для страны, а также имеют большой шанс на получение работы. Но в основном иммиграционный прирост происходит за счет беженцев из бедных стран, среди которых встречаются люди с низким уровнем образования. Из-за большого количества иммигрантов в Швеции появился дефицит муниципального жилья. Также некоторые беженцы уклоняются от программы по интеграции в новое общество. Например, в 2015 году среди тех, кто завершил участие в программе годом ранее, только 11% мужчин и 5% женщин смогли самостоятельно найти работу. Еще 25% мужчин и 10% женщин устроились на субсидируемые государством рабочие места. В случае тех беженцев, чей уровень образования оказался ниже среднего, показатели были еще ниже. По состоянию на 2015 год примерно у одной трети прибывших в страну беженцев отсутствовало законченное среднее образование.

Основные проблемы, из-за которых беженцы не могут получить работу на местном рынке труда:

– Во-первых, Швеция является страной, в которой очень низкий показатель безработицы, из-за этой бешеной конкуренции на рынке труда беженцам сложно найти нужную работу.

– Во-вторых, проблемы языкового барьера.

– В-третьих, неспособность службы занятости найти сразу же свободное место для приезжих, так как все конкурсы происходят в закрытом порядке. Большинство мест находятся по связям, передачей нужной информации от человека к человеку или через знакомство с местными работодателями.

– Четвертой проблемой является дискриминация беженцев на рынке труда. Большинство работодателей малого и среднего бизнеса не хотят брать на работу иммигрантов.

Решением проблем может стать сотрудничество между социальными службами и предприятиями.

Миграционный кризис повлиял не только на экономику, но и на внутреннюю политику страны. Лидирующей политической силой в Швеции на 2022 год является партия социал-демократов, которая возглавляет коалиционное правительство. Основная программа партии заключается в том, чтобы построить идеальное демократическое общество, которое будет основываться на свободе, толерантности и равенстве. Но после 2014 года популярность партии социал-демократов подорвал миграционный кризис. После этих событий на политической арене страны возникает новый игрок, а именно оппозиционная партия «Шведские демократы». С каждым годом процент голосов консервативной партии растет, а процент партии социал-демократов падает. Журналисты называют партию «Шведские демократы» популистами, ультраправыми и даже неонацистами. Сама партия придерживается социал-консервативной идеологии. Согласно официальной программе члены партии не являются противниками иммиграции, однако призывают держать ее под контролем, чтобы она не представляла угрозы национальной идентичности, а также процветанию и безопасности страны. Консервативная партия стремится остановить процесс массовой иммиграции, а также сместить фокус правительства с политики мультикультурализма, обратив его на исконно шведские ценности. Во время избирательной кампании партия «Шведские демократы» указала главные проблемы иммиграции, а именно проблема образования, рост преступности, чрезмерная нагрузка на муниципалитеты, которые несут большую долю ответственности за расселение и интеграцию беженцев, а также страх перед исламом.

С точки зрения партии «Шведские демократы», иммиграция несет несколько угроз шведскому обществу:

- во-первых, она рассматривается как угроза шведской культуре и национальной идентичности;

- во-вторых, иммиграция приводит к источникам преступлений, которые могут довести общество до мятежных настроений. Один из членов партии избирательной кампании 1998 года сказал, что: «всегда трудно делать заявления относительно расписания, но мне кажется бесспорным, что еще четыре года такой же миграционной политики, и мы закончим чем-то не очень далеким от гражданской войны... Все чаще и чаще слышишь о четырех темнокожих парнях, грабящих и нападающих на беззащитных пожилых людей, возвращающихся с почты домой со своей скудной пенсией. А наших молодых людей, голубоглазых, светловолосых, унижают и отбирают у них мобильные телефоны. Совершенно новый феномен в шведской истории – групповые изнасилования наших девушек»;

- иммиграция также допускает появление безработицы и финансовых трудностей в государстве;

– иммигранты обвиняются в жилищном кризисе и недостаточном уровне жизни пенсионеров.

Партия «Шведские демократы» часто использует популистическую риторику в своих выступлениях. Они заявляют, что именно партия «Шведские демократы» продвигает истинную демократию, в то время как остальные партии роют ей могилу. По словам партийного руководства, партия «Шведские демократы» не играет в политкорректность, а «говорит то, что думают обычные люди, и говорит это громко». Партия активно критикует политику интеграции иммигрантов и обвиняет политическую элиту в игнорировании этого вопроса. Они показывают себя со стороны защитников обычного народа, которого угнетают приезжие мигранты. Сама партия «Шведские демократы» неоднократно заявляла, что попытки шведских политиков навязать стране некие туманные идеалы служения общей гуманитарной цели выглядят по меньшей мере странно. Избранная власть, по словам представителей партии, должна служить интересам своего народа, а не мировому сообществу. Иммиграционная политика Швеции зависит в большой степени от договоренности и сотрудничества различных партий и идеологий [Известия из Новости 2022].

В 2010 г. партия «Шведские демократы» набирает 5,7%, что позволило им пройти необходимый порог в 4% для того, чтобы вступить в национальный парламент. Хотя соперники набрали в 7–8 раз больше, чем партия «Шведские демократы». Так, у партии социал-демократов – 31%, а у партии умеренных – 30% набранных голосов. Но хоть партия «Шведские демократы» набрала маленькое количество голосов, для них это была грандиозная победа, так как впервые за всю историю партии им удалось войти в национальный парламент. В 2014 году партии «Шведские демократы» удалось удвоить свой результат на выборах в Риксдаг. Они набрали 12,86% голосов избирателей, вызван такой успех активной иммиграционной политикой, которая увеличивает рост преступности в стране. У партии социал-демократов рост голосов не изменился, она до сих пор является лидирующей партией в Швеции. Но у партии умеренных поддержка избирателей сократилась на 23%, мы можем заметить, что эта партия активно теряет популярность, но все равно остается в политической игре. В 2018 году партия «Шведские демократы» набирает 17,52% голосов, хотя аналитики прогнозировали более успешный результат на данных выборах в национальный парламент. Но у соперников дела обстоят еще хуже: партия социал-демократов набирает 28%, а партия умеренных – 20% голосов. Идет заметный спад популярных партий, которые активно влияли на политику Швеции. Но при этом ни одна партия не захотела быть в коалиции со «Шведскими демократами», что нарушило баланс сил на политической арене. Данный политический ход был выгодным для партии «Шведские демократы», поскольку это дало им внимание и популярность со стороны средств массовой информации.

Так, «Шведские демократы» вошли в топ-3 самых сильных политических партий в стране. При рассмотрении таблицы можно увидеть, как партия «Шведские демократы» активно набирает популярность у граждан и меняет баланс сил в стране [РБК Новости 2022].

Таблица

Результаты выборов в Риксдаг в 1994–2018 гг. (в %)

Партия / годы выборов и явка избирателей	1994	1998	2002	2006	2010	2014	2018
Социал-демократы	45,4	36,6	39,9	35	30,7	31	28,3
Умеренная коалиционная партия	22,2	22,7	15,3	26,2	30,1	23,3	19,8
Шведские демократы	0,3	0,4	1,4	2,9	5,7	12,9	17,5

Успех партии «Шведские демократы» был не только в национальном парламенте, а еще и на выборах в Европейский парламент. Так, в 2009 году партия не могла набрать нужное количество голосов для того, чтобы войти в парламент ЕС, а уже в 2014 году легко набирает 10% голосов. В 2018 году партия присоединяется к группе Европейских консерваторов и реформистов в Европейском парламенте, с помощью этого в 2019 году партия «Шведские демократы» набирает 15% голосов. Для партии парламент ЕС не был основной целью, так как все внимание было направлено на проблемы Швеции. Вход в Европейский парламент был дополнительным бонусом, так как популярность партии растет с каждым годом [Филипович 2019].

Шведская модель смогла догнать европейские страны, но в будущем социал-демократический проект приобрел такой же рыночный вид. Швеция испытывает те же трудности, что и остальная Европа: отсутствие своего производства, избыток рабочей силы, политическое ослабление социал-демократии. Стоит также сказать про беженцев, которые сидят на пособиях. Шведская модель запечатлелась в национальном сознании, стала его базовым элементом. Но с помощью партии «Шведские демократы» данную модель можно будет изменить. Успех «Шведских демократов» можно с уверенностью отнести к числу наиболее значимых событий новейшей истории Швеции. Выборы в Риксдаг в 2022 году могут повлиять на изменения внутренней политики страны. Многие политики считают, что в стране сформируется правое правительство, а партия социал-демократов полностью потеряет свое влияние. «Это основные социальные проблемы, в решении которых, я полагаю, хотят участвовать Шведские демократы. И тут они имеют большое влияние», – призналась лидер либералов Нямко Сабуни [Regnum 2022].

Список источников

1. Филипович А. Влияние крайне правых в Швеции на процесс евроинтеграции // Мировая политика. 2019. № 4. С. 46-60.

2. Евгений Погудкин. Выборы в парламент; Рост правых сил // РБК Новости [веб-сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/09/2018/5b9262839a7947402ea7e18b> (дата обращения: 20.02.2022).

3. Владимир Добрынин. Проблема с мигрантами; Рост популярности партии «Шведские демократы» // Известия из Новости [веб-сайт]. URL: <https://iz.ru/786088/vladimir-dobrynin/ultrapravyyi-povorot-v-shvetscii-ne-zhelaiut-miritsia-s-immigrantami> (дата обращения: 20.02.2022).

4. Болотникова Е. Г. Праворадикальные партии современной Швеции // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 5. С. 174-181.

5. Большаков Г. А. Кризис модели государства всеобщего благоденствия на примере Норвегии, Дании, Швеции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2016. № 4. С. 36-43.

6. Плевако Н. С. Выборы в Швеции: Шведские демократы смешали карты // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 5. С. 71-75.

7. Смирнов А. Д. Факторы поддержки Шведских демократов на выборы в Риксдаг в 2014 // Актуальные вопросы гуманитарных наук. 2018. С. 149-153.

8. Сухинин В. М. Истоки Шведской миграционной политики // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2021. С. 405.

9. Зыкина А. В. Эффект праворадикальных настроений в Швеции в условиях Европейского миграционного кризиса // Развитие Северо-Арктического региона: проблемы и решения. 2019. С. 39.

10. Большаков Г. А. Сравнительный анализ политики интеграции и мультикультурализма в странах Скандинавии // Теория и практика общественного развития. 2013. № 5. С. 225-228.

11. В Швеции в 2022 году сформируется правое правительство – лидер «Либералов» // Regnum [веб-сайт]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3456049.html> (дата обращения: 20.02.2022).

12. Ретина М. Современная иммиграционная политика Швеции: проблема в реализации? Таллин, 2017. 83 с.

13. Джими Окссон. Программа партии Шведских демократов // Сайт партии «Шведские демократы» (SD) [веб-сайт]. URL: <https://sd.se/vad-vi-vill/> (дата обращения: 22.02.2022).

14. Валери Хадсон. Европейская проблема мужчин // Politico Magazine [веб-сайт]. URL: <https://www.politico.com/magazine/story/2016/01/europe-refugees-migrant-crisis-men-213500/> (дата обращения: 22.02.2022).

15. Элизабет Брау. Беженцы разжигают напряженность между шведскими городами // Politico new [веб-сайт]. URL: <https://www.politico.eu/article/sweden-migration-asylum-refugees-crisis-malmo-stockholm/> (дата обращения: 22.02.2022).

16. Правительство Швеции. Fast track – a quicker introduction of newly arrived immigrants // government offices of Sweden [веб-сайт]. URL: <https://www.government.se/articles/2015/12/fast-track---a-quicker-introduction-of-newly-arrived-immigrants/> (дата обращения: 23.02.2022).

Симонова Ева Витальевна,
бакалавр 4 курса Уральского гуманитарного института,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
eva.simonova.2000@bk.ru

Трошкова Александра Вадимовна,
бакалавр 4-ого курса обучения
бакалавр 4 курса Уральского гуманитарного института,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
av.troshkova15@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. Статья посвящена раскрытию основных теоретических подходов к изучению понятия политических ориентаций в зарубежной и отечественной научной литературе. Представлены результаты исследования формирования политических ориентаций современных российских школьников на примере Свердловской области.

Ключевые слова: политические ориентации; политическое воспитание; российские школьники; формирование политических ориентаций

Simonova Eva Vitalievna,
Undergraduate Student of 4th year of Ural Institute for Humanities,
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
eva.simonova.2000@bk.ru

Troshkova Alexandra Vadimovna,
Undergraduate Student of 4th year of Ural Institute for Humanities,
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
av.troshkova15@mail.ru

FEATURES OF THE FORMATION OF POLITICAL ORIENTATIONS OF MODERN RUSSIAN SCHOOLCHILDREN

Abstract. The article is devoted to the disclosure of the main theoretical approaches to the study of the concept of political orientations in foreign and domestic scientific literature. The results of a study of the formation of political orientations of modern Russian schoolchildren in the Sverdlovsk region are presented.

Keywords: political orientations; political education; Russian schoolchildren; formation of political orientations

В настоящее время проблема вовлеченности российских школьников в политическую жизнь страны является одной из наиболее сложных и актуальных в современном мире. Переходя во взрослую жизнь, молодые люди очень часто сталкиваются с различными экономическими и социальными вызовами, что, соответственно, отражается на их вовлеченности в общественно-политические процессы как отдельного района, области, так и страны в целом.

Безусловно, все это во многом зависит от их ценностных, социальных и политических ориентиров. Школьники представляют собой одну из самых активных частей населения, именно в их руках находится будущее нашего государства. Следовательно, изучение политических ориентаций российских школьников является наиболее важной и актуальной темой в современном мире.

В социологии выделяется несколько подходов при изучении политических ориентаций. Так, например, по мнению американских политологов Г. Алмонда и С. Вербы, политические ориентации – это основная составляющая политической культуры, в структуре которой можно выделить следующие элементы:

1) «когнитивные ориентации» – знание и вера в политическую систему, ее роли и содержание этих ролей, что она получает на входе из окружающей среды и ее результативность;

2) «аффективные ориентации» – чувства по отношению к политической системе, ее роли, персонам и эффективности;

3) «оценочные ориентации» – суждения и мнения о политических объектах, которые обычно включают сочетание стандартов ценностей и критериев с информацией и чувствами [Алмонд 1992].

Советский и российский политолог Г. Г. Дилигенский определял политические ориентации в качестве представлений людей о соответствующих потребностях, целях политической деятельности и приемлемых для них средствах достижения этих целей. Следовательно, исходя из данного определения, политические ориентации – это механизм приобщения личности к обществу или социальной группе, результат ее включенности в происходящие процессы в социально-политической сфере жизнедеятельности человека [Дилигенский 1994].

Таким образом, исходя из вышеизложенных подходов, можно сказать, что политические ориентации представляют собой направленность личности на определенные политические ценности, процессы, идеи и интересы, которые в совокупности являются внешними факторами, способными регулировать мотивацию личности, а также ее поведение в политической сфере.

С целью изучения особенностей формирования политических ориентаций современных российских школьников в одной из школ Свердловской области посредством анкетирования было проведено социологи-

ческого исследование, в ходе которого были опрошены около 100 человек в возрасте от 14 до 18 лет.

Таблица 1

Наличие чувства патриотизма (в % по столбцу)

Предлагаемые варианты ответа	%
Да	51,3
Скорее да, чем нет	24,8
Скорее нет, чем да	6,1
Нет	1,7
Затрудняюсь ответить	16,1
ИТОГО:	100,0

На вопрос «Считаете ли Вы себя патриотом России?» около половины процентов опрошенных дали однозначный положительный ответ, одна четвертая ответила «Скорее да, чем нет». Однозначно «нет» заявили всего лишь 1,7%, «Скорее нет, чем да» – 6,1%, затруднились с ответом – 16,1% (см. табл. 1).

При таком разбросе значений было интересно выяснить, что же вкладывают современные российские школьники в понятие «патриот России» (см. табл. 2).

Таблица 2

Определение понятия «патриот России» (в % по столбцу)

Предлагаемые варианты ответа	%
Любовь к Родине	58,4
Гордость за великие достижения страны	42,9
Исполнение обязанностей гражданина, соблюдение законов государства	35,6
В случае необходимости защита страны с оружием в руках	29,1
Знание и гордость культуры страны	28,7
Вера в великое будущее страны	21,5
Активная борьба с угрозами, которые разрушают страну изнутри	18,3
Ностальгия вдали от Родины	6,9
ИТОГО:	241,4*

*Сумма ответов более 100,0%, т. к. каждый респондент мог давать неограниченное количество ответов.

В целом по результатам исследования можно отметить, что среди современных российских школьников доминирует позитивное отношение к понятию патриотизма; они верным образом трактуют данный термин.

Результаты исследования показали, что 65,1% опрошенных с уверенностью ответили, что по достижении совершеннолетия обязательно будут принимать участие в выборах (см. табл. 3).

Таблица 3

Степень участия школьников в выборах (в % по столбцу)

Предлагаемые варианты ответа	%
Да	65,1
Скорее да, чем нет	21,8
Скорее нет, чем да	7,2
Нет	3,5
Затрудняюсь ответить	2,4
ИТОГО:	100,0

Однако, несмотря на стремление участвовать в выборах, школьники не склонны интересоваться социально-политической и экономической жизнью страны. Лишь 22,1% опрошенных внимательно следят за происходящими в стране событиями, а 29,4% делают это без особого интереса. Более трети респондентов вообще не интересуются социально-политическими и экономическими событиями.

Таблица 4

**Уровень заинтересованности школьников
в социально-политических и экономических событиях,
происходящих в стране (в % по столбцу)**

Предлагаемые варианты ответа	%
Да, внимательно слежу за развитием ситуации	22,1
Слежу за развитием событий, но мне это не очень интересно	29,4
Нет, меня это не интересует	35,8
Затрудняюсь ответить	12,7
ИТОГО:	100,0

Что же касается факторов, которые обуславливают формирование системы политических ориентаций школьников, то большинство опрошенных отметили, что ими являются Интернет (57,7%), СМИ (48,1%) и семья (47,4%). Школа в качестве фактора формирования политических ориентаций выделили лишь 30,9% респондентов, органы государственной власти и личное окружение – около 15% (см. табл. 5).

Таблица 5

**Факторы, влияющие на политические ориентации школьников
(в % по столбцу)**

Предлагаемые варианты ответа	%
Интернет (социальные сети, мессенджеры)	57,7
Средства массовой информации (СМИ)	48,1
Семья	47,4
Школа	30,9
Личное окружение	15,6

Органы государственной власти	13,7
ИТОГО:	213,4*

*Сумма ответов более 100,0%, т. к. каждый респондент мог давать неограниченное количество ответов.

Проведенное социологическое исследование показывает, что современные российские школьники обладают определенными политическими ориентациями. Однако, несмотря на то, что большая часть учащихся осознанно причисляют себя к патриотам своего Отечества, верно определяют смысл понятия «патриот», школьники представляют собой политически неактивную социальную группу общества. Следовательно, мы можем говорить о неустойчивом состоянии их политических ориентаций и ценностей.

Список источников

1. Алмонд Г. А. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992. № 4. С. 45-77.
2. Диллигенский Г. Динамика и структурирование политических ориентаций в современной России // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М., 1994. С. 176-183.

Соловьев Игорь Максимович,
студент 4 курса, бакалавриат,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
solovev_16.10@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОНСОЛИДИРОВАННОГО БЮДЖЕТА НА ПРИМЕРЕ РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы формирования консолидированного бюджета, сущность и предназначение консолидированного бюджета, его роль в регулировании процессов современной рыночной экономики.

Ключевые слова: консолидированный бюджет; расходы; государственный бюджет; доходная часть бюджета; расходная часть бюджета; российская экономика

Solovyov Igor Maksimovich,
4th year Student, Undergraduate,
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
solovev_16.10@mail.ru

PROBLEMS OF FORMING A CONSOLIDATED BUDGET ON THE EXAMPLE OF RUSSIA

Abstract. The article deals with the problems of formation of the consolidated budget. The essence and purpose of the consolidated budget, its role in regulating the processes of the modern market economy.

Keywords: consolidated budget; expenses; the state budget; the revenue part of the budget; the expenditure part of the budget; Russian economy

В условиях сложной экономической ситуации, вызванной рядом проблем, в частности политической нестабильностью, эпидемиологической ситуацией, несовершенством законодательства и др., консолидированный бюджет сохраняет свою важную роль. Потому что качественная и эффективная его реализация как основного централизованного фонда средств является неотъемлемым фактором обеспечения не только текущей экономической стабильности, но и потенциального развития государства в целом.

Консолидированный бюджет является одним из основных составляющих государственного бюджета. Государственный бюджет представляет собой совокупность экономических отношений по поводу распределения и перераспределения стоимости валового внутреннего продукта (ВВП) с целью денежного обеспечения реализации функций страны. Распределение ВВП в стране свидетельствует о нормальной финансовой ситуации. В определенных условиях объектом финансовых отношений может быть и национальное богатство, выраженное в стоимости накоп-

ленных в обществе материальных благ и природных ресурсов [Комягин 2014: 146].

Сущность консолидированного бюджета реализуется через его функции. Их две: распределительная и контрольная. Из-за распределительной функции государство сосредотачивает в своих руках все источники бюджетных поступлений, чтобы потом использовать их с наибольшей эффективностью. Сущность контрольной функции состоит в том, что общество в лице государства или негосударственных структур контролирует и выравнивает бюджетное деление. Консолидированный бюджет как одно из звеньев финансовой системы отражает производственные дела, воспроизводит и опосредует движение денежной массы.

Государство использует бюджет как инструмент реализации своей социально-экономической политики, поскольку он отражает сложную систему перераспределительных отношений в обществе, охватывает практически каждое юридическое и физическое лицо.

Состав структуры консолидированного бюджета России формируется по приоритету правового влияния субъектов России. Равное значение имеют федеральный бюджет России и консолидированные бюджеты субъектов России. Из консолидированного бюджета субъектов России формируются бюджеты республик, краев, областей, округов, городов федерального значения, региональные бюджеты, а также консолидированные бюджеты муниципальных образований (местные бюджеты). Местные бюджеты выделяют бюджет муниципального района, бюджет городского округа, бюджеты внутригородских муниципальных образований городов федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга, Севастополя, бюджеты городских и сельских поселений. В настоящий момент консолидированный бюджет России включает: федеральный бюджет, 21 республиканский бюджет республик в составе России, 55 краевых и областных бюджетов и бюджетов городов федерального значения, один областной бюджет автономной области, 10 окружных бюджетов, автономных округов и около 29 тысяч местных бюджетов (районные, городские, поселковые и сельские бюджеты).

Взаимодействие муниципальных, региональных и федеральных бюджетов базируется на следующих принципах: 1. Дифференциации (разграничения) доходов по разным уровням (субъектам) внутри бюджетной системы. 2. Анализе бюджетных потребностей субъектов России. 3. Равенстве прав субъектов России в вопросе бюджета. 4. Баланса бюджетного обеспечения субъектов России. На основании данных принципов бюджетные расходы могут передаваться между уровнями (из федерального бюджета в бюджеты субъектов России, а из бюджетов субъектов РФ – в местные). Целями организации системы межбюджетных отношений могут быть: выравнивание бюджетной обеспеченности; стимулирование роста налогового потенциала; финансовое управление территори-

альным развитием; снижение рисков недофинансирования ключевых бюджетных услуг на местном уровне [Дерюгин 2014: 7].

Субъекты России в основном являются распорядителями бюджетов на всей территории района, включая территории поселений: сельские поселения, входящие в район, не имеют бюджетов, а только сметы расходов. Городской район также осуществляет выравнивание уровня бюджетной обеспеченности поселений, входящих в состав городского района, за счет средств бюджета городского района. Муниципальные районы являются распорядителями консолидированных бюджетов района.

Доходы консолидированного бюджета России делятся на: 1) налоговые поступления; 2) неналоговые поступления; 3) доходы от операций с капиталом; 4) официальные трансферты.

Одна из основных проблем формирования консолидированного бюджета – выполнение доходной части. Основными элементами доходов в консолидированный бюджет являются налогооблагаемая база и ставка налога. От уровня определенности этих элементов зависит уровень обособанности и определенности плановых сумм налогов, сборов и других обязательных платежей. Сложность этого процесса заключается в вероятностном характере планов, ведь никто заранее, даже при детальном и профессиональном анализе, не может указать точные суммы будущих доходов. Известно, что основой успешного исполнения бюджетов является своевременное и полное поступление всех доходов, которое обеспечивается рационально организованной системой их взыскания. Система мобилизации доходов должна обеспечить равномерное, регулярное, устойчивое поступление средств на счета бюджета.

Наблюдается тенденция концентрации значительного уровня национальных доходов в центрах (в крупных городах), что приводит к необоснованности межбюджетного выравнивания территорий. Это приводит к росту количества рецессивных регионов в государстве. В рамках консолидированного бюджета происходит непропорциональное и нецелесообразное расходование средств между субъектами России. Важное значение приобретают планирование и выполнение доходной и расходной частей бюджета, поскольку несовершенная система планирования доходов приводит к значительным объемам недопоступлений в бюджет, отсутствие разработанной экономической стратегии страны на несколько лет способствует усилению неопределенности при планировании и выполнении доходной части.

На стадии планирования можно выделить следующие факторы необоснованности планов: 1) отсутствие гармоничного сочетания стратегических и тактических целей развития экономики; 2) несовершенство прогнозирования макроэкономических расчетов сводного бюджета на следующий год; 3) необоснованное целевое программирование, вызванное относительно недавним введением программно-целевого метода бюджетирова-

ния, несовершенство законодательной базы, большой объем бюджетных программ; 4) стремительный рост цен на энергетические ресурсы и продукты питания мирового хозяйства, который с большим трудом поддается прогнозированию; 5) недостаточный уровень доработки, согласования, сбалансирования проекта консолидированного бюджета на соответствующем этапе; 6) наличие явления политической целесообразности при планировании доходов консолидированного бюджета [Сенчагов 2015: 34].

На стадии исполнения можно выделить следующие недостатки: 1) неэффективность использования бюджетных средств из консолидированного бюджета; 2) отсутствие определенности характеристик использования бюджетных средств консолидированного бюджета; 3) отсутствие разработанных методов четкой регламентации результативности программ; 4) недостаточный контроль при исполнении доходной части бюджета.

Планирование и выполнение доходной части консолидированного бюджета имеет одно из ключевых значений для развития экономики государства, ведь планирование доходов является начальным этапом бюджетного процесса, на котором указываются объемы финансовых ресурсов государства, осуществляются предусмотренные налоговые обязательства налогоплательщиков, регулируются финансовые возможности государства в плановом году. На стадии исполнения доходов консолидированного бюджета проводится сравнительный анализ между плановыми и фактическими объемами доходов, проверяется эффективность использования бюджетных средств.

Планирование консолидированного бюджета и его расходов связано прежде всего с необходимостью обеспечения пропорционального развития экономики государства. В отличие от планирования доходов планирование расходов не носит вероятностный характер.

Дефицит консолидированного бюджета России в 2020 году составил 4,294 триллиона рублей. В том числе доходы бюджета составили 37,857 триллиона рублей, расходы – 42,151 триллиона [Официальный сайт Федерального Казначейства России]. Среди текущих расходов в России большая доля идет на финансирование управленческих нужд. Вследствие роста доли текущих расходов растет дефицит бюджета. Происходит стагнация новых материальных и нематериальных ценностей.

Бюджетный дефицит в России возникает вследствие: 1) предпочтения финансирования текущих потребностей; 2) значительной части управленческих расходов; 3) больших затрат на финансирование обороны государства; 4) явления «тенизации» экономики, когда скрываются реальные доходы субъектов хозяйствования; 5) неоптимальной налоговой политики, в результате которой значительно уменьшается плановая и реальная доходная часть бюджета.

Показатели консолидированного бюджета фактических значений расходов за последние пять лет меньше запланированных. Это говорит о следующем: 1) недополучение распорядителями средств части бюджетных ассигнований вследствие недопоступления бюджетных средств из-за просчетов при планировании и значительной доли «теневой экономики»; 2) неэффективное использование бюджетных средств; 3) отсутствие отделения планирования, финансирования, мониторинга текущих расходов от расходов на развитие [Романова 2018: 384].

Таким образом, планирование и выполнение расходной части бюджета имеет немаловажное значение для формирования консолидированного бюджета. Активное бюджетное регулирование темпов и пропорций развития экономики методом планирования и выполнения расходной части бюджета нужно государству с хоть какой системой хозяйствования. Только благодаря государственному финансированию можно обеспечить структурную перестройку экономики, повышение ее эффективности.

Слабый уровень централизации финансовых ресурсов также препятствует формированию консолидированного бюджета. Отсутствие правового контроля за налоговыми поступлениями. Если предоставить большую финансовую независимость регионам в сфере расширения финансовой базы, это решит сразу две проблемы: снимет необходимость выделения значительного уровня дотаций, расширит финансовые возможности территорий, и они смогут за свои средства финансировать свои расходы. Конечно, не каждый регион способен удовлетворить все свои потребности, даже полностью отказавшись от отчисления трансфертов, поэтому отказываться от субвенций и дотаций в полной мере не следует.

Несмотря на региональные особенности и отличия в уровнях социально-экономического развития регионов, государство должно обеспечивать межрегиональное единство воспроизводственных макроэкономических процессов, а также создать экономические интересы в активной социально-экономической деятельности регионов, пытаясь обеспечить стратегическую цель развития, структурного и качественного обновления хозяйства.

Для решения проблем формирования консолидированного бюджета необходимо прозрачнее использовать бюджетные средства. Благополучие общества в значительной степени зависит от регулирования консолидированного бюджета. Необходимо сбалансирование доходов и расходов консолидированного бюджета. Средства должны тратиться на увеличение экономического потенциала страны, в этом случае «инвестиции» государства в экономику будут наиболее выгодным капиталовложением. Расходы бюджетов должны направляться в сферу производства, в поддержку инновационно-инвестиционной деятельности, на финансирование капитальных расходов, в поддержку малого и среднего бизнеса, поскольку

ку постоянное финансирование потребления не приводит к развитию экономики [Калимуллин 2018: 602].

Эффективность государственного регулирования развития регионов в значительной степени зависит от эффективной политики консолидированного бюджета, где закладываются принципы распределения доходов и расходов между государственным и местным бюджетами; основы формирования и использования средств местного бюджета.

Важно отметить, что консолидированный бюджет должен работать на результат, необходимый для правильного функционирования государства. Для этого в рамках консолидированного бюджета необходимо: усовершенствовать систему бюджетирования на стадии планирования; повысить эффективность использования бюджетных средств; восполнить пробелы в несовершенной законодательной базе путем утверждения приоритетных направлений развития регионов; усовершенствовать систему межбюджетных отношений (наладить принцип баланса распределения бюджетов) [Калимуллин 2018: 603].

Важным условием для финансовой стабилизации экономики является бездефицитность государственного бюджета страны. В условиях финансового кризиса первоочередным шагом в любой стране является сбалансирование ее главной сметы. Для компенсации растущих расходов возникает необходимость увеличить доходы бюджета. Это возможно реализовать посредством функционирования рациональной структурированной налоговой системы, которая должна основываться на объективно необходимых объемах финансового обеспечения общегосударственных функций и задач, в том числе и поступления в консолидированный бюджет. Также необходимо уделять внимание наименее развитым статьям доходов, таким как доходы от операций с капиталом, целевые фонды, увеличение которых позволит снизить нагрузку и зависимость государственного бюджета, например, от налоговых поступлений.

При этом при осуществлении расходов прежде всего следует исходить из величины полученных доходов и распределять их таким образом, чтобы получить максимальный эффект и обеспечить пропорциональность темпов роста доходной и расходной частей консолидированного бюджета России. Большое внимание также следует уделить необходимости усиления контроля за движением средств и ответственности за неэффективное использование бюджетных ресурсов.

Целесообразность осуществления тех или иных расходов следует рассматривать еще на стадии планирования бюджета, учитывая реальные экономические показатели и кризисное состояние экономики, тогда бюджетный дефицит будет оправдан, а в перспективе – уменьшен.

Список источников

1. Дерюгин А. Н., Назаров В. С., Мамедов А. А. Формирование консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации в среднесрочной перспекти-

ве: проблемы и решения // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2014. № 3. С. 5-19.

2. *Калимуллин Л. В., Калимуллина Е. С., Шагиев З. И.* Активная региональная экономическая политика как ответ на глобальные вызовы // Финансы и кредит. 2018. № 4. С. 596-611.

3. *Комягин Д. Л., Козырин А. Н., Пащенко А. В.* Государственная казна как источник бюджетных доходов: коллективная монография. Москва: Наука, 2014. 504 с.

4. Официальный сайт Федерального Казначейства России. URL: <http://www.roskazna.ru/o-sayte/index.php> (дата обращения: 19.02.2022).

5. *Романова В. В.* Лучшая практика субъектов Российской Федерации по формированию и реализации мероприятий по оптимизации бюджетной сети и численности работников бюджетной сферы // Актуальные вопросы современной экономики. 2018. № 6. С. 384-387.

6. *Сенчагов В. К., Губин Б. В., Иванов Е. А., Караваяев И. В.* Бюджет России: развитие и обеспечение экономической безопасности: монография. М.: ИНФРА-М, 2015. 383 с.

Степанидина Екатерина Евгеньевна,
студент 4 курса кафедры политических наук,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
KatyStep0422@mail.ru

«ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ»: РАЗВИТИЕ ИНИЦИАТИВЫ КИТАЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема, связанная с реализацией экономической инициативы Китая «Один пояс – один путь» в условиях пандемии COVID-19. Выделяются основные негативные последствия мирового финансового кризиса, вызванного коронавирусной инфекцией, для дальнейшего существования ИМД (инициативы мостов и дорог), а также тенденции восстановления экономики Китайской Народной Республики и государств-союзников.

Ключевые слова: китайские инициативы; коронавирус; COVID-19; пандемия; эпидемии; мировая экономика; экономическое сотрудничество; экономические отношения

Stepanidina Ekaterina Evgenievna,
4th year Student of Department of Political Science,
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
KatyStep0422@mail.ru

“ONE BELT – ONE WAY”: DEVELOPMENT OF CHINA’S INITIATIVE UNDER COVID-19

Abstract. This article discusses the problem associated with the implementation of China’s economic initiative “One Belt – One Road” in the context of the COVID-19 pandemic. The main negative consequences of the global financial crisis caused by Coronavirus infection for the continued existence of IMD are highlighted, as well as the trends in the economic recovery of the People's Republic of China and the allied states.

Keywords: Chinese initiatives; coronavirus; COVID-19; pandemic; epidemics; world economy; economic cooperation; economic relations

Во второй четверти XXI века все сферы жизни общества начали переживать кризис, вызванный коронавирусной инфекцией и заболеванием, к которому она привела, – COVID-19. Масштаб проблемы увеличивался с каждым днем: источником вируса стала центральная часть Китая. Позднее к зараженным территориям присоединились Индо-Тихоокеанский регион, Северная Америка, наиболее интенсивно влияние COVID-19 ощущалось в таких горячих точках, как Испания и Италия. Таким образом, через несколько месяцев проблема коронавируса стала причиной одного из самых глобальных экономических кризисов.

Для Китайской Народной Республики как центра зарождения коронавирусной инфекции проблема пандемии приобрела многогранный характер. Во-первых, вирус затронул процессы внутри государства, в частности нарушил производственные процессы путем быстрого заражения работников во всех регионах. Также в связи с сокращением числа рабочей силы постепенно началось разрушение закономерности поставок, что привело к ухудшению импортных и экспортных производств.

Как следствие, экономический срыв на территории Китая привел к глобальному разрушению цепочки поставок по всему миру, что привело к серьезным задержкам в реализации различных государственно-значимых проектов, таких как возобновленная экономическая инициатива Китая «Один пояс – один путь». В связи с масштабом пандемической проблемы государствам необходимо было направить силы на борьбу с распространением коронавирусной инфекции и оказание помощи собственной экономике, что отвело внимание представителей правительственных организаций стран от внешнеэкономических вопросов [Моуриц 2020].

Возвращаясь к более детальному рассмотрению последствий пандемии, вызванной COVID-19, необходимо отметить значимость упомянутого выше экономического проекта Китайской Народной Республики «Один пояс – один путь». Данная концепция стала результатом слияния Экономического пояса Шелкового пути и Морского пути. Инициатива играет большую роль как во внутренних процессах КНР, так и на внешней мировой арене по следующим причинам: во-первых, слияние двух концепций призвано придать мотивацию к развитию Китая через выявление новых источников роста в условиях трансформации модели развития экономики. Также это приведет Китай к инновационной модели развития через повышение собственной роли в региональных и глобальных производственных цепочках. Наконец, сами лидеры КНР рассматривают такую экономическую инициативу как новый проект интеграции с Китаем как с лидером, способным предоставить «общественные блага» странам региона. Стоит отметить, что концепция «Один пояс – один путь», несмотря на последствия коронавирусной инфекции и вызванное ей заболевание COVID-19, является одним из самых перспективных проектов, успешная реализация которого приведет к увеличению взаимосвязи Азии и Евразии на многих уровнях, а также к расширению масштаба присутствия Китайской Народной Республики на производственной сцене [Киреева 2018].

Таким образом, актуальность исследования экономической инициативы Китая «Один пояс – один путь» задействована на нескольких уровнях сфер жизни общества, включая трансформацию производственной модели до и после проблем, вызванных пандемией COVID-19. Однако если последствия ближайших десятилетий возможно выстроить путем эмпирических исследований, в долгосрочной же перспективе все зависит от того, как долго коронавирус будет наносить ущерб мировой экономи-

ке. Что же касается Китая, правительство государства настроено решительно и готово продолжать работу по улучшению производственного процесса. Если экономической концепции удастся продержаться в течение всего периода пандемии, коронавирус откроет новые возможности для будущих проектов и укрепления глобального положения Китая в международной экономической среде.

Прежде всего с целью успешного исследования экономической инициативы Китая «Один пояс – один путь» в условиях пандемии COVID-19 необходимо выявить ее основное значение, цели и задачи, направленные на улучшение экономического положения Китая и других стран-союзников.

История формирования модернизированного Шелкового пути и, как следствие, новой экономической концепции берет начало в 2013 году с заявления Председателя КНР Си Цзиньпина об инициативе возрождения Экономического пояса Шелкового пути, связывающего Китайскую Народную Республику со странами Евразии, а также Среднего и Ближнего Востока. Данная инициатива достаточно быстро обрела одно из ключевых положений во внешнеэкономической и внешнеполитической стратегиях, сама же концепция была призвана воплотить «китайскую мечту» о великом возрождении своей нации, а также реализовать основные «цели столетия»:

1. Завершение строительства общества средней зажиточности, или саокан, к столетию КПК в 2021 г.

2. Создание цивилизованного демократического и социалистического государства к столетию образования КНР в 2049 г. [Киреева 2018].

Стоит отметить, что в период с конца 2013 г. – настоящее время экономическая концепция «Один пояс – один путь» вызывала значительный интерес со стороны как российских, так и зарубежных исследователей. Так, в работе А. А. Киреевой «Инициатива пояса и пути: содержание, цели и значение» можно выделить основную информацию, необходимую для более глубокого понимания базового значения данной инициативы Китая, что впоследствии поспособствует качественному анализу развития феномена в современных реалиях.

Автор выделяет следующие составляющие рассматриваемой концепции:

Во-первых, это развитие инфраструктуры с целью усиления экономического сотрудничества на международной арене, включая развитие портового, железнодорожного, а также автомобильного взаимодействия. В данном случае стоит отметить, что экономическая концепция поспособствует не только созданию ответвлений инфраструктур Китая, но и поддержанию качества существующих линий экспорта и импорта.

Второй составляющей успешного экономического развития КНР является поддержание статуса мирно развивающегося государства, усиление

ние которого не приводит международное сообщество к различного рода конфликтам, а наоборот, способствует совместному развитию регионов. В данном случае правительство Китая обращается к концепции «win-win situation», так как «данная инициатива способна дать толчок инфраструктурному развитию, инновациям, улучшить бизнес-климат в регионе, сделать более равномерным размещение факторов производства, ускорить развитие отдаленных районов, снизить издержки за счет развития экономических коридоров и индустриальных парков, технологических цепочек, сотрудничества в сфере финансов и ИКТ, электроэнергетики и туризма и усилить гуманитарное сотрудничество и международные обмены» [Киреева 2018]. Иными словами, инициатива Председателя КНР Си Цзиньпина в 2013 году значительными темпами обрела свою значимость на микро- и макроуровнях политической и экономической среды, что привело концепцию к скорейшей реализации.

Однако на начальном этапе возрождения и модернизации древняя экономическая концепция Китая подвергалась критике, появление иного аспекта по реализации проекта обуславливалось следующим образом: вопреки, в рамках проекта инициативы не были выявлены конкретные цели и средства, в частности выпущенная в 2015 году концепция представляла собой только общую идею, в рамки которой могут быть вписаны практически любые предложения. Также не было выявлено наличие определенных проектов, что позволило бы правительству выдвинуть любой проект как часть новой экономической инициативы.

Вместе с тем несмотря на то, что большая часть зарубежных и российских экспертов делали акцент исключительно на экономическом характере инициативы, появились оценки, выделяющие другие факторы проекта, в частности затрагивающие необходимость обеспечения безопасности. Предполагается, что реализация новой инициативы Китая поспособствует присоединению культурных, энергетических и других проектов, что, в свою очередь, выстроит ряд лояльных к КНР государств и укрепит безопасную позицию республики на международной арене.

Таким образом, после первых нескольких лет реализации нового экономического проекта инициативу Китая можно было охарактеризовать как один из самых амбициозных региональных проектов в мире. В первую очередь такой потенциал связан с созданием новых производственных цепочек, а также привлечением инвестиций и финансирования последующих проектов. В комплексе данные положительные результаты послужат огромным стимулом развитию всех государств – союзников концепции «Один пояс – один путь», а на региональном уровне сообщества всех стран смогут объединиться ради общей цели совместного развития и ослабления конфликтов.

Создание «пояса и пути», по мнению представителей концепции, в частности Председателя КНР Си Цзиньпина, отвечает тенденциям к мно-

гополярности и поспособствует формированию интеграции на межгосударственном уровне. В реализации же инициативы Китай выражает свою потребность и полную готовность к ответственности и открытости к внешнему миру, желание внести значительный вклад в развитие человечества. В качестве пяти приоритетов сотрудничества указываются: политическая координация, взаимосвязанность инфраструктуры, свободная торговля, финансовая интеграция и свободное передвижение капитала, гуманитарные обмены [Россия и АТР 2015].

Однако как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе полная реализация данного проекта не могла быть осуществлена в оперативном порядке. Одной из таких причин стал кризис второй четверти XXI века, вызванный новой коронавирусной инфекцией и последующим за ней заболеванием COVID-19. Центром данных событий стал сам Китай, а тема развития экономической инициативы «Один пояс – один путь» в условиях пандемии все больше обретала интерес со стороны российских и зарубежных исследователей.

Так, в своей статье «Последствия пандемии COVID-19 для китайской инициативы “Один пояс, один путь”» Фрэнк Моуриц рассмотрел краткосрочные и долгосрочные последствия пандемии COVID-19 для инициативы «Один пояс, один путь» и выделил следующие основные моменты [Моуриц 2020].

В первую очередь автор опровергает суждения о том, что экономическая инициатива Китая «Один пояс – один путь» ускорила процесс распространения коронавирусной инфекции через развитую инфраструктуру. Фрэнк Моуриц отсылает читателя к зарождению чумы, распространение которой было стремительно несмотря на явную неразвитость различного транспорта, передвижения людей и товаров. Несомненно, взаимосвязь государств на торговом уровне сыграла роль в передаче вируса, однако полная изоляция торговых путей и международного обмена не является эффективной защитой континентов, что и продемонстрировало стремительное распространение COVID-19.

Но все же такой масштабный сбой, как пандемия, имеет огромные последствия по всему миру. В частности, страдает международная экономическая цепочка экспорта и импорта, что, в свою очередь, приводит к нарушению деятельности таких проектов, как «Один пояс – один путь». Так, в период разгара коронавирусной инфекции на территории КНР были приостановлены поставки сырья и производственная деятельность. Многие рабочие не смогли выйти на рабочее место по причине болезни или же из-за карантина или страха заразиться.

Также пандемия продемонстрировала острую зависимость других государств от Китая на экономическом уровне: большинство проектов финансируется китайскими деньгами и реализуется китайскими компаниями. Таким образом, если внутренняя экономическая ситуация Китая

подорвана, то же самое начинают испытывать и соседние государства, зависимые от производственного успеха КНР.

В период распространения пандемии с 2020 года появилось немало теорий на тему существования и развития инициативы мостов и дорог на территории Китая.

Так, несмотря на очевидные проблемы, которые все больше затрагивали части мира, китайская сторона уверенно заявляла о способности поддержания экономических проектов, несмотря на международный финансовый кризис. Однако, учитывая глобальные новости, распространяющиеся с большой скоростью, и последствия вируса, правительство вынуждено было признать негативный исход для ИМД (инициативы мостов и дорог).

Позднее, после снятия ограничений в Китае, партия объявила о перезапуске большинства проектов, что также указывало на возможность временного приостановления концепции «Один пояс – один путь», о чем другим сторонам не было известно. Таким образом, даже после полного восстановления производственных цепочек поставок и международных связей маловероятно, что инициатива мостов и дорог сможет вернуться к прежнему плану и продолжить работу в соответствии с ним. Несмотря на все заявления правительства об успешном существовании проектов в период распространения COVID-19, ИМД все же придется столкнуться с серьезными экономическими проблемами, вызванными пандемией XXI века.

Таким образом, можно выдвинуть суждение о том, что последствия для производственной деятельности Китая обрели негативную окраску. Лишь немногие из существующих компаний вернулись к прежней работе на полную мощность, перезапуск же цепочек поставок требует слишком длительного времени, вместе с тем наблюдаются рост затрат и снижение производительности. На региональном уровне данные проблемы привели к безработице, что также связано с отсутствием возможности мигрантов вернуться на свое рабочее место из-за карантина.

Однако можно выделить и положительные аспекты на тему последствий для экономической инициативы Китая «Один пояс – один путь». Данный вопрос затрагивается в работе «Возможности развития инициативы «Один пояс, один путь» после пандемии» Сяо Янь Цзы.

В первую очередь кризис, вызванный COVID-19, дал новый импульс для развития экономической инициативы – обмен опытом относительно возможной новой волны коронавирусной инфекции, развитие сотрудничества в области здравоохранения, а также гармонизация цепочки поставок.

Также можно выделить следующие основные вопросы, актуальность которых возросла в «постковидных» реалиях:

1. Постпандемическая глобализация, возможно, во главе с Китаем.
2. Биполярное расстройство мировой системы, разрушение двухполюсной структуры мировых политических сил.

3. Парадигма глобализации сменяется глобализацией, соотношение национального превалирует над глобальным в постпандемической экономике. Страны отдают предпочтение устойчивости и надежности производства, а не экономии средств и эффективности посредством глобального аутсорсинга.

4. Неолиберальный консенсус фундаменталистского рынка сдает позиции, исчезли дискуссии об установках «жесткой бюджетной экономии» и ограничениях общественной политики [Киреева 2018].

Исходя из указанной выше информации, автор представляет различные направления по восстановлению экономической обстановки Китая:

Во-первых, это инновационное развитие: кризис предстал как возможность перехода экономики КНР в состояние новой промышленной революции и создания интеллектуальной инфраструктуры.

Также коронавирусная инфекция поспособствовала перенаправлению экономического развития на обеспечение будущего, основной ценностью которого станет развитие человеческой личности.

Наконец, переломный момент в финансовой среде КНР послужил развитию нового глобального курса «Зеленое развитие». Особенность данного проекта заключается в вовлеченности экологической составляющей в производственную деятельность Китая и его экономические инициативы. К основным экологическим вопросам зеленого развития относятся: развитие сети экологического мониторинга; экологический контроль за реализациями проектов и анализ результатов; экологическая оценка.

Также в условиях постпандемии свое развитие получили проекты, связанные с цифровизацией общественной деятельности, одним из таких примеров является «Цифровой шелковый путь». Стоит отметить, что продвижение цифрового развития и технологических инноваций входит в список основных задач, выделенных автором Т. В. Колесниковой в работе «Роль инициативы “Один пояс, один путь” в условиях COVID-19», вместе с предотвращением распространения вируса и обеспечением национальной безопасности, а также анализом развития других финансово значимых проектов КНР [Ху М., Колесникова].

В работе отмечено, что популяризация вакцины станет ключевым событием в победе над коронавирусной инфекцией. Однако стоит отметить, что в данном вопросе немаловажную роль играет развитость здравоохранения государств – союзников в концепции «Один пояс – один путь». Таким образом, для совместного решения проблемы странам необходимо перейти к оптимизации собственных ресурсов и созданию многогранного механизма по профилактике и контролю на межрегиональном уровне.

Очевидны также преимущества цифровизации как одного из способов борьбы с пандемией. Данного рода развитие включает в себя и технологические инновации. Страны, расположенные вдоль «Пояса и Пути», должны обладать возможностью создавать наиболее продвинутые и

удобные платформы по сотрудничеству в области научно-технологических исследований, а также активно развивать исследовательские таланты и проводить совместную работу по улучшению научных и технологических инноваций. Так, взаимодействие государств в рамках указанных сфер здравоохранения и цифровизации поможет не только укрепить развитие инициативы «Один пояс – один путь», но и обеспечить всему миру скорейшее восстановление национальных экономик за счет налаживания международных экономических связей.

Что же касается государств – союзников экономической инициативы Китая, исходя из российских и зарубежных исследований, можно выделить следующую информацию.

Ситуация в странах, проекты которых принимают финансирование со стороны КНР, значительно хуже, нежели на территории самого очага распространения COVID-19. В основном это связано с тем, что страны ставят в приоритет не поддержание развития инициативы мостов и дорог, а борьбу с пандемией и кризисом, вызванным экономическими последствиями. Так, страны Центральной Азии, Ближнего Востока и Африки не способны в полной мере осуществить финансирование системы здравоохранения, в связи с чем наиболее уязвимы.

Иными словами, в настоящее время правительства государств – союзников Китая озабочены в первую очередь спасением жизней и прекращением роста новых инфекций. Реализация же экономических проектов вынужденно ушла на второй план.

Таким образом, в отличие от Китайской Народной Республики, многие страны по всему миру еще долгое время не смогут полностью восстановить свою экономику, в частности в сфере инициатив мостов и дорог. Им необходима помощь по восстановлению экономической мощи, что, в свою очередь, может привести к сокращению ресурсов по развитию новых и поддержанию прежних проектов.

Стоит также отметить, что несмотря на наличие стран, желающих вести работу по реализации экономических проектов в прежнем режиме, возможности такой может не представиться в связи с долговыми кризисами, вызванными пандемией. Задержки, связанные с прерыванием международных цепочек и с проблемами национальной экономики, также сделают проекты инициатив мостов и дорог наиболее дорогими. Чтобы иметь возможность поддерживать экономическую инициативу Китая, таким странам, как Камбоджа, Кыргызстан, Шри-Ланка, Пакистан, Джибути или Черногория, потребуются списание долгов, с чем материковый Китай может не согласиться.

Учитывая такую неопределенность в долгосрочном будущем, как КНР, так и его страны-союзники сталкиваются с трудным решением касательно того, стоит ли продолжать поддержку развития ИМД и ждать быстрого восстановления международной экономической ситуации или

же отказаться от сотрудничества с инициативами Китая с целью правильного выстраивания внутривнутриполитических приоритетов и минимизации потерь.

Однако здесь стоит также отметить: во-первых, страны, чей финансовый долг перед Китаем уже слишком велик, что отнимает у них возможность выйти из китайской инициативы, а другие государства рассматривают «Один пояс – один путь» как единственно верный способ восстановления собственной экономики. В данных ситуациях правительству остается лишь смягчать уже произошедшие негативные последствия в производственной и других сферах.

В настоящее время многостороннее развитие ИМД является одним из устойчивых и приоритетных, по мнению российских и зарубежных исследователей, решением. В связи с возрастанием цены на экономическую инициативу, а также негативными последствиями коронавирусной инфекции и вызванным ей заболеванием COVID-19 Китаю необходимо становиться более открытым в создании проектов с участием иных сторон и передать долю ответственности своим союзникам. Так, ИМД не только снизит зависимость других стран от КНР, но и способствует внедрению прозрачности, эффективности и устойчивости в экономическую деятельность государств. «Шансы договориться с Китаем о более выгодных условиях сотрудничества никогда не были лучше, потому что ИМД стал слишком важным с точки зрения внешней политики и слишком большим с экономической точки зрения, чтобы он потерпел неудачу» [Моуриц 2020].

Подводя итоги, о самой экономической инициативе Китая «Один пояс – один путь» и последствиях, с которыми явлению пришлось столкнуться в условиях постпандемии, следует выделить следующее:

1. Переживание второго периода расцвета экономической инициативы Китая «Один пояс – один путь» началось в одно время с мировым кризисом, с которым столкнулись все континенты и регионы. Данные экономические проблемы вызвали коронавирусная инфекция и заболевание COVID-19, источником чего стала Китайская Народная Республика, что в большей степени усугубило положение всей производственной деятельности.

2. Вирус затронул процессы государства на микро- и макроуровнях, к числу которых относилось поддержание таких финансово значимых проектов, как инициатива мостов и дорог. Такой экономический срыв на территории КНР привел к глобальным негативным последствиям в цепочке поставок по всему миру. Перед правительством Китая встало решение по сохранению значимости ИМД на международной арене, а также борьба с коронавирусной инфекцией, уносившей жизни людей.

3. На протяжении длительного времени государствами проводилась усердная работа по поддержанию экономической стабильности и соблюдению первоначальных ценностей инициативы мостов и дорог: придание

мотивации развитию Китая через новые источники роста; создание инновационной модели развития путем повышения собственной роли в цепочке поставок; наконец, поддержание Китаем статуса лидера, способного взять на себя масштабную ответственность и дать обществу все необходимые блага. Что же касается внутренних целей реализации данной инициативы, правительство рассматривало данный проект как успешный путь к созданию великой китайской нации.

Несомненно, на протяжении всего периода формирования ИМД концепция подвергалась критике. В частности, иные аспекты были связаны с отсутствием конкретики в документе, опубликованном правительством КНР в 2015 году. Исследователи также отмечали возможность добавления практически любых новых проектов в «Один пояс – один путь», что, в свою очередь стирало границы установленных идей инициативы.

Однако правительству КНР удалось сохранить часть значимой роли ИМД и продолжить реализацию возрожденной инициативы «Один пояс – один путь» с применением новых инновационных идей, затрагивающих экологию и цифровизацию.

Таким образом, после анализа развития ИМД до и после условий пандемии COVID-19 можно утверждать о том, что проект является одним из самых перспективных во всем мире. И его успешная реализация приведет к увеличению взаимосвязи Азии и Евразии, а также расширению Китайской Народной Республики и стран-союзников в производственной среде.

Список источников

1. *Киреева А.* «Инициатива пояса и пути»: содержание, цели и значения // Сравнительная политика. 2018. № 9 (3). С. 61-74.
2. *Ху М., Колесникова Т. В.* Роль инициативы «Один пояс, один путь» в условиях COVID-19 // Семьдесят четвертая международная студенческая научная конференция ГУАП. 2016. С. 251.
3. *Глянц М.* Инициатива Китая «Один пояс – Один путь» и пандемия коронавируса // Проблемы постсоветского пространства. 2020. № 7 (2). С. 120-129. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-120-129>.
4. *Моуриц Ф.* Последствия пандемии COVID-19 для китайской инициативы «Один пояс, один путь» // Connections QJ. 2020. № 2. С. 129-139.
5. Реформ Г. П. Д. Р. И. и др. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI века // Россия и АТР. 2015. № 3 (89). С. 255-270.

Устинов Дмитрий Игоревич,
студент 4-го курса обучения, Уральский гуманитарный институт,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
udi1409ekb@gmail.com

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО КАК СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИИ: ПРАКТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена практике применения информационных технологий, в частности «электронного правительства», в борьбе с коррупцией в Российской Федерации. Обсуждаются факторы, способствующие коррупционному поведению должностных лиц, и способы их преодоления путями «электронного участия». В статье также дается обзор существующих в России институтов «электронного правительства» на данный момент и перспективы их развития.

Ключевые слова: электронное правительство; электронное участие; информационные технологии; противодействие коррупции; борьба с коррупцией; коррупция

Ustinov Dmitriy Igorevich,
Undergraduate Student of the 4th year, Ural Institute for Humanities,
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
udi1409ekb@gmail.com

E-GOVERNMENT AS A MEANS OF COUNTERING CORRUPTION IN RUSSIA: PRACTICE AND PROSPECTS OF APPLICATION

Abstract. The article deals with the practice of information technologies application, such as e-government, in dealing with corruption in the Russian Federation. Factors contributing to government officials' corrupt behavior and ways of overcoming them via e-participation are discussed. The article also gives an overview of the institutes of e-government that exist in Russia at the moment as well as prospects of their development.

Keywords: e-government; e-participation; Information Technology; anti-corruption; fight against corruption; corruption

Актуальность темы борьбы с коррупцией в России на сегодняшний день не вызывает сомнений. Эту борьбу используют в качестве средств собственного продвижения на политической арене некоторые оппозиционные силы (Алексей Навальный, например), да и многие россияне имеют опыт столкновения с коррумпированностью государственных чиновников на местном уровне. Наиболее частыми формами ее проявления являются, конечно, дача взятки должностному лицу за ускорение решения собственной проблемы или другие нерегламентированные формы материального и нематериального (блат, кумовство) вознаграждения за вы-

полнение управленцами своих обязанностей. Ряд общественных деятелей вообще не то что не считает коррупцию вредной, но и признает полезность подобных «подарков» [Матвейчев 2018: 7].

В этой связи в нашем обществе сформировался некий двойной стандарт отношения к проблеме коррупции: с одной стороны, она признается преступлением и делом общественно вредным, снижающим эффективность деятельности публичной власти и разлагающим ее. С другой – люди так часто о ней слышат, так часто встречаются с фактами коррупции в повседневной жизни (или же просто иногда просматривая ленту новостей в интернет-изданиях или соцсетях), что для россиян она стала нормой, своеобразной данностью жизни в стране. Эта двойственность сильно препятствует искоренению данного, безусловно, вредного явления.

Собственно, что мы понимаем под термином «коррупция»? В России при всей, казалось бы, обыденности и вездесущности этого явления все же существует антикоррупционное законодательство. В Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ мы находим следующую трактовку: «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [№ 273-ФЗ 25 декабря 2008 г.] – что вкратце можно сформулировать как злоупотребление публичной властью ради личного обогащения. Заметим, что речь идет именно о злоупотреблениях госслужащих.

Сам по себе государственный сектор – в противовес коммерческому – является питательной средой для проявлений коррупции. Причин тому достаточно: во-первых, монополизированность сферы – отсутствие у граждан выбора в том, какой организации или лицу доверить решение той или иной административной проблемы, а следовательно, и в том, получит ли данная организация или лицо достойное вознаграждение – или же оно достанется другим. Отсутствие финансового стимула – вернее, риска его лишиться – понижает эффективность деятельности чиновников: затягиваются сроки решения проблем, и большинство дел «спускаются на тормозах». Если, конечно, заинтересованная сторона не попытается на дополнительные «стимулы».

Во-вторых, сами особенности государства, такие как размытость ответственности госслужащих, закрытость механизмов принятия решений как для публики, так и иногда для самих должностных лиц – что значительно осложняет контроль за этим процессом со стороны рядовых граждан [Солодов 2006: 2].

В-третьих, нельзя игнорировать и субъективный, «чисто человеческий» фактор. Человек в своем поведении не обходится и без некоторого влияния «природного наследия» своего вида, который за миллионы лет своей эволюции привык к жизни в иерархическом социуме – у чего, видимо, была своя адаптивная ценность, ведь мы просуществовали достаточно долго, чтобы сегодня позволить себе удовольствие научных дискуссий и написания подобных статей в два часа ночи. Иерархия, в свою очередь, отчасти обеспечивается механизмами, схожими с коррупцией: ограбление других особей на правах силы или же своего более высокого ранга [Ермаков 2017: 38]. При таком взаимодействии необходим непосредственный, личный контакт сторон при совершении акта подкупа и проч.

Борьба с коррупцией – это устранение влияния вышеперечисленных факторов на протекание административных процессов и деятельность государственных служащих. Заметим, что борьба с коррупцией может быть разделена на три направления: первое – «перевоспитание» госслужащих, формирование норм профессиональной этики, искоренение устоявшихся в обществе стереотипов о распространенности коррупции и ее мнимой необходимости для «эффективной» работы государственных структур. Данная задача уже звучит по меньшей мере крайне трудной и ресурсозатратной – особенно в плане времени. Второе – совершенствование антикоррупционного законодательства, ужесточение наказаний за злоупотребления публичной властью – устрашение госслужащих, другими словами, ведь страх – хороший мотиватор. Однако внимание данной статьи будет сосредоточено на третьем направлении – пресечении самой возможности коррупционных действий путем опосредования личных контактов населения и чиновничества, обезличивания управления. Здесь как нельзя лучше подходят такие меры, как введение «электронного участия» и «электронного правительства».

В рамках цифровизации всех сфер жизни общества логично, что и политическая сфера не останется в стороне. Само понятие «электронное правительство» можно трактовать как широкое использование информационных технологий, в частности сети Интернет, для оптимизации работы органов власти и их взаимодействия с гражданами [Hague, Loader 1999: 3]. Примечателен тот фактор, что правительства, говоря о введении подобных систем, акцентируют внимание именно на их потенциале повышения эффективности работы госаппарата, не придавая большого значения их антикоррупционному действию [Солодов 2006: 4]. Зачастую это воспринимается как положительный сторонний эффект, не цель. Важно здесь отметить то, что введение «электронного правительства» является мерой не столько по автоматизации управленческих процедур, сколько по преобразованию каналов взаимодействия органов власти между собой и с населением, расширению и упрощению инструментария этого взаимодействия. При этом сама коренная природа принятия решений остается

неизменной, находящейся в руках управленцев – государственное управление никоим образом не отдается на откуп «машине». Расширяя и упрощая спектр средств общения публичной власти и гражданского общества, подобная система накладывает и определенные ограничения – прежде всего на «слуг народа» – и данные ограничения хорошо дополняют прочие меры по реализации антикоррупционной политики.

На сегодняшний день существует устоявшееся мнение в политической науке о том, что цифровизация политического участия положительно влияет на уровень коррупции в данной стране – подкрепленное многими эмпирическими исследованиями как в странах Запада [Lupu, Lazăr 2015: 370], так и Азии и Ближнего Востока [Park, Kim 2020: 691]. В основе успеха этого метода лежит главным образом принцип ограничения личного контакта госслужащего и гражданина в рамках взаимодействия по административным делам и, таким образом, некоторое обезличивание такого взаимодействия.

Согласно т. н. принципу «одного окна», предполагающему оказание всех необходимых государственных услуг гражданину в одном определенном месте, сокращается количество личных взаимодействий гражданина и чиновника, что явно препятствует возможности вымогания взятки и прочих злоупотреблений.

Потом, сама природа системы предполагает четкую формализацию всех административных процедур, в результате чего разрабатывается единый алгоритм принятия решений, обязательный к исполнению во всех случаях. Таким образом, места для решения вопросов «задним числом» просто не остается. Это также вносит ясность и со стороны гражданина: он точно знает, сколько времени займут обработка его запроса и принятие соответствующего решения – что подводит нас к следующему характерному аспекту «электронного правительства» – прозрачности.

Системы «электронного участия» дают гражданам возможность контролировать деятельность органов публичной власти на разных стадиях административного процесса. Важно отметить, что указанная «прозрачность» не должна ограничиваться лишь публикацией официальной информации на интернет-порталах соответствующих государственных органов (так, например, мы можем проследить стадии рассмотрения Государственной Думой различных законопроектов при помощи ресурса <http://duma.gov.ru>). Важно также давать гражданам возможность контролировать деятельность отдельных чиновников. Среди традиционных инструментов такого контроля, как известно широкой публике благодаря расследованиям Навального: декларации о доходах и имуществе конкретных государственных лиц, данные о госзакупках, находящиеся по большей части в открытом доступе (нужно только уметь искать). Вдобавок к этому существует и т. н. «Реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия», также доступный любому и придающий словосочетанию «профессиональная

репутация» большой вес. Ведь если чиновник уже единожды был лишен должности, предав «доверие» власти, вряд ли ему предоставят шанс сделать это снова. И вряд ли какой-нибудь чиновник станет рисковать своими будущими карьерными перспективами, совершая правонарушение – о чем, конечно же, узнает будущий потенциальный работодатель.

Заметим, что крайне важно введение данных систем на низшем уровне управления – где осуществляется непосредственный контакт граждан с управленцами и, таким образом, создается самая благоприятная среда для развития коррупции. Несмотря на относительно небольшой размер взяток, вред от такой коррупции сравним с хищениями государственного масштаба, поскольку не только тормозит механизмы решения социальных проблем в государстве на местном уровне, но и создает благоприятный психологический климат для развития других видов коррупции – значительно больших масштабов.

Итак, рассмотрим практику внедрения «электронного правительства» в рамках антикоррупционной борьбы в Российской Федерации, а также взглянем на некоторые его результаты. Здесь важно, что полноценное «электронное правительство» – это результат как совместной деятельности органов власти по обеспечению граждан доступом к информации «сверху», так и активности самого гражданского общества в стремлении «добиться правды» или же просто обеспечить более эффективное решение насущных проблем административного характера со стороны властей.

Относительно первого, концепция «электронного правительства» была утверждена в России Распоряжением Правительства от 6 мая 2006 года № 632-р. В соответствии с ним в течение нескольких последующих лет были приняты соответствующие нормативно-правовые документы, регламентирующие разработки в этой сфере.

Логическим продолжением реализации обозначенных мер стала государственная программа «Информационное общество 2011–2018 гг.», предусматривающая создание всеобщей цифровой инфраструктуры и переход к цифровой экономике, что также должно повысить эффективность управления. Была поставлена задача создания национальной платформы распределенных вычислений, что также способствовало бы удобству принятия решений на разных уровнях государственного управления.

Среди прочих проектов властей на пути к «электронному правительству» многочисленны проекты типа «Открытое правительство» (<http://большоеправительство.рф/>), призванные повысить прозрачность процессов принятия государственных решений и вовлечь в них рядовых граждан; проект Минкомсвязи «Концепции развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 г.» и портал Российской Общественной Инициативы – названия которых говорят за себя. Наконец, создание веб-ресурсов, наподобие уже описанных выше (Пор-

тал Государственной Думы, сайты ведомств вроде kremlin.ru, сайт Правительства <http://government.ru> и т. д.).

Пожалуй, самым знаковым среди этих проектов стало учреждение «Многофункционального центра оказания государственных и муниципальных услуг населению». Среди его изначальных целей в том числе значится «снижение уровня коррупции и повышение общественного доверия к деятельности исполнительных органов...» – когда проект был на апробации на территории Волгоградской области.

При всем этом, на наш взгляд, больший интерес в связи с борьбой с коррупцией представляет именно гражданский компонент «электронного правительства». Естественно, больше всего антикоррупционный эффект данной системы интересует рядовых граждан, ведь он непосредственно влияет на то, как быстро и качественно меняется та среда, в которой они проживают. Создаются сайты, правозащитные организации, интернет-блогеры ведут собственные расследования с целью разоблачения недобросовестных «слуг народа» и свершения правосудия в интересах пострадавших от неправомερных действий чиновников граждан.

Среди таких организаций и ресурсов: Фонд «Демократор», основное назначение которого состоит в составлении коллективных обращений населения в органы власти, обсуждении общественно значимых проблем, контроле деятельности органов местной власти и ее оценке.

Большой вклад в развитие «электронного правительства снизу» внес Иван Бегтин, в число проектов которого входят «Открытые Данные в России», «РосГосЗатраты», OpenGovData. Как уже говорилось, прозрачность – один из главных столпов, на которых держится эффективность «электронного правительства», и большинство неправительственных организаций в этой сфере занимается сбором и обнародованием информации, касающейся принятия управленческих решений и непосредственно тех, кто их принимает.

Также ведется учет финансового аспекта управления. Примером ресурса с такой задачей является проект Алексея Навального «РосПил» от 2011 года (до недавнего времени функционировал как часть Фонда борьбы с коррупцией, ликвидированного в июне 2021 года). В ведение проекта попадали траты бюджетных средств в сфере госзакупок. Отсюда рядовой гражданин мог узнать, например, о фиктивных сделках, нарушениях в проведении конкурса на исполнение государственных заказов, золотых ложках и прочем. И своей деятельностью организаторы проекта действительно добивались привлечения недобросовестных чиновников к ответственности – как, по крайней мере, следует из отчетов о деятельности фонда: по данным на 2012 год было выиграно 11 дел [Проект «РосПил». Отчет за 2011–2012 гг.].

Стоит отметить и такие ресурсы, как сайт «ДалСлово.ру» (DalSlovo.ru), цель которого, как следует из названия, – контроль за исполнением кандидатами предвыборных обещаний, и многие другие.

Таким образом, концепция «электронного правительства» реализуется на территории России уже достаточно времени, чтобы судить о ее эффективности. Что же у нас есть? Цифровизация государственного управления в стране, безусловно, набирает обороты. Рассмотрим динамику, предположительно, сопряженного показателя – индекса уровня коррупции по данным Transparency International – на протяжении трех последних лет (таблица).

Как следует из приведенных данных, внедрение «электронного правительства» не имеет прямого влияния на успехи страны в борьбе с коррупцией. Мы видим, что несмотря на расширение применения информационных технологий в сфере управления с каждым годом, Россия уверенно держит свои позиции в нижних строках рейтинга, а сам индекс коррумпированности системы со временем даже падает. Очевидно, здесь имеют влияние другие факторы: культурные, экономические, социальные. Так, можно заключить, что внедрение «электронного правительства» может способствовать устранению коррупции лишь тогда, когда оно подкреплено мерами противодействия в сферах образования, культуры, экономики, правового контроля и др.

Кроме того, данная система сама по себе – не панацея. Наоборот, она даже может способствовать появлению новых видов коррупции. В этой связи в литературе существует термин Э-коррупции. Суть его в том, что цифровизация в некотором отношении упростила определенные способы неправомерного обогащения должностных лиц. Например, увеличив скорость и устранив физические препятствия проведения транзакций, и в то же время, дав возможность обрабатывать запросы населения легко и упорядоченно, такая система открывает возможность постановки нелегальных услуг, вроде подделки документов, «на поток», тем самым лишь способствуя большему обогащению тех, кто обладает необходимыми полномочиями.

Таблица

**Рейтинг стран по уровню коррупции за 2019, 2020, 2021 годы.
По итогам исследования Transparency International.
Минимальный уровень коррупции – 100, максимальный – 0**

Страна	Индекс за 2019	Индекс за 2020	Индекс за 2021
Дания	87	88	88
Финляндия	86	85	88
Новая Зеландия	87	88	88
Норвегия	84	84	85
Сингапур	85	85	85
Швеция	85	85	85

...
Мали	29	30	29
Россия	28	30	29
...
Южный Судан	12	12	11

В заключение можно констатировать, что система «электронного правительства» имеет как свои плюсы, так и минусы применения. Не являясь комплексным средством противодействия коррупции по своей природе и изначальному назначению, системы «электронного участия» тем не менее явились хорошим вспомогательным средством, при помощи которого гражданское общество может осуществлять контроль за своими управленцами и повысить эффективность их деятельности в решении проблем населения.

Россия на сегодня является далеко не последней страной в плане развития данной технологии, и перспективы ее применения довольно широки. На наш взгляд, для совершенствования демократических институтов и системы управления необходимо, во-первых, наладить систему электронного голосования: обеспечить защищенные каналы передачи информации и в то же время полную прозрачность процесса подсчета голосов. Во-вторых, не секрет, что некоторые организации, отнесенные нами выше к «гражданскому компоненту» «электронного правительства», ощущают на себе довольно неблагоприятное отношение властей – это, определенно, создает препятствия реальному гражданскому контролю и противодействию коррупции на уровне гражданского общества. В-третьих, конечно, чтобы все эти инновации имели эффект, необходимо подходить к решению проблемы коррупции комплексно, совершенствуя механизмы нормативно-правового регулирования, технологического обеспечения данной сферы, а также искореняя устоявшиеся в российском обществе представления о месте коррупции в его жизни.

Список источников

1. *Агалин Д. С.* Электронное правительство и региональные антикоррупционные практики на современном этапе политической модернизации России (на примере Волгоградской области) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2008. № 2. С. 162-166.
2. *Ермаков Ю. А.* Коррупция публичной власти: российский вариант. Опыт противоборства. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 288 с.
3. *Матвейчев О. А., Аюбян А.* Мифы о коррупции. М.: Книжный мир, 2018. 576 с.
4. Проект «РосПил». Отчет за 2011–2012 гг. // Рустрана: [веб-сайт]. URL: <https://www.slideshare.net/ros-pil/2011-2012-15696503#btnPrevious> (дата обращения: 25.02.2022).

5. *Ровинская Т. Л.* Российская модель электронной демократии в международном контексте // *Мировая экономика и международные отношения*. 2014. № 8. С. 76-90.

6. *Солодов В. В.* E-government и борьба с коррупцией // *Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество)*. 2006. № 1. С. 47-70.

7. *Hague B. N., Loader B. D.* Digital democracy: an introduction // *Digital democracy: Discourse and decision making in the information age*. 1999. P. 3-22.

8. *Lupu D., Lazăr C. G.* Influence of e-government on the level of corruption in some EU and non-EU states // *Procedia Economics and Finance*. 2015. Vol. 20. P. 365-371.

9. *Mistry J. J., Jalal A.* An empirical analysis of the relationship between e-government and corruption // *International Journal of Digital Accounting Research*. 2012. Vol. 12.

10. *Park C. H., Kim K.* E-government as an anti-corruption tool: Panel data analysis across countries // *International Review of Administrative Sciences*. 2020. Vol. 86, No. 4. P. 691-707.

Харисова А. И.,
студент 4 курса кафедры политических наук,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
gn.kharisova@bk.ru

Беркутова А. С.,
студент 4 курса кафедры политических наук,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
anastasya.berkutoff@gmail.com

АНАЛИЗ АККАУНТОВ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ В ТИКТОК

Аннотация. Использование TikTok в качестве важного полит-технологического инструмента для влияния на потенциальных избирателей, применяя в качестве определяющей деятельности российских политиков. Будет проведен анализ этой формирующейся социальной сети, чтобы понять ее функционирование и механизмы распространения определенного контента, связанного с политикой, и его применимость политическими деятелями для своего продвижения. Каждый из трансцендентных случаев будет изучен, чтобы выделить стратегии продвижения контента аккаунтов политиков на данной платформе. TikTok – это социальная сеть, которая объединяет пользователей позитивным имиджем и креативными идеями, поэтому для успешного распространения политической повестки информация должна быть творчески адаптирована под тренды платформы.

Ключевые слова: российские политики; политические деятели; интернет-технологии; интернет-коммуникации; социальные сети; аккаунты; политические коммуникации

Kharisova A. I.,
4th year Student of Department of Political Sciences,
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
n.kharisova@bk.ru

Berkutova A. S.,
4th year Student of Department of Political Sciences,
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
anastasya.berkutoff@gmail.com

ANALYSIS OF ACCOUNTS OF RUSSIAN POLITICAL FIGURES IN TIKTOK

Abstract. The use of TikTok as an important political and technological tool to influence potential voters, using Russian politicians as a determining activity. An analysis of this emerging social network will be carried out in order to understand its functioning

and mechanisms for the dissemination of certain content related to politics, and its applicability by political figures for their promotion. Each of the transcendental cases will be studied to highlight strategies for promoting the content of politicians' accounts on this platform. TikTok is a social network that unites users with a positive image and creative ideas, therefore, for the successful dissemination of the political agenda, information must be creatively adapted to the trends of the platform.

Keywords: Russian politicians; politicians; Internet technologies; Internet communications; social networks; accounts; political communications

В быстроразвивающихся современных реалиях большое значение имеет тема сетевой культуры TikTok: платформа социальных сетей на основе коротких видео становится все более популярной.

TikTok был выпущен в 2016 году китайской группой ByteDance. Два года спустя ByteDance купила конкурсное приложение Musical.ly, которое к тому времени добилось успеха в основном на европейском и американском рынках, и объединил два приложения в одно [Богомолова 2020: 44]. С тех пор платформа, с одной стороны, пользуется растущей международной популярностью, но с другой стороны, она также подвергается резкой критике.

Рассмотрим рейтинг TikTok на двух глобальных площадках для размещения мобильных приложений: App Store для iOS и Play Market для Android. Так, на февраль 2022 года данная социальная сеть в Play Market находится в топе бестселлеров с более миллиардом скачиваний и более 45 миллионами отзывов [Google Market TikTok]. Что касается App Store, то TikTok находится на втором месте в категории топ-чартов с более 25 миллионами скачиваний и более 1,2 миллионами отзывов [App Store TikTok].

Популярность платформы TikTok обусловлена несколькими факторами. Во-первых, это удобный и многофункциональный интерфейс, который являет собой совокупность нескольких приложений, отвечающих за съемку контента, его редактирование и место продвижения. Во-вторых, эпидемиологическая ситуация в мире, связанная с COVID-19 и его ограничительными мерами, заставила людей искать новые информационные и развлекательные платформы. Именно таким образом TikTok приобрел значительный рост: к концу февраля 2020 года приложение достигло 2 000 миллионов загрузок.

Касаясь функций данной платформы, которые позволяют создавать контент, соответствующий вкусам и видению авторов, следует выделить такие инструменты, как видеоредактор, хештеги и звуковое сопровождение. Такой встроенный и постоянно обновляющийся конструктор видеороликов предполагает создание уникального контента без использования дополнительных приложений.

Статистические данные подтверждают популярность TikTok среди молодого поколения, однако пользователями данной сети не являются

исключительно подростки, следовательно, возможна перспектива более серьезного контента для всех возрастных групп.

Внутреннее функционирование платформы отличается особенностью алгоритмической системы. Отличие алгоритмов данной социальной сети способствует вирусизации контента в максимально сжатые сроки. Это происходит благодаря более лояльным условиям системы TikTok, не требующим финансового подкрепления и сложных алгоритмических последовательностей, позволяющим вывести видеоролик в рекомендации платформы. В противовес приведем такие популярные социальные сети как YouTube, Facebook и Instagram, в которых для продвижения контента требуются финансовые вложения и следование строгим правилам сообщества, усложняющие старым и тем более новым пользователям выход в тренды.

Алгоритмы платформы TikTok засекречены, что позволяет пользователю сети быть уверенным в своих возможностях попадания в тренды. Однако сами разработчики заявляют, что приветствуют новых пользователей и в своих официальных отчетах раскрывают некоторые закономерности, способствующие популяризации роликов и контента в целом [How TikTok recommends videos #ForYou].

Следует отметить, что TikTok имеет свою команду модераторов, отвечающих за отбор и популяризацию креативных видеороликов путем размещения отобранного контента в новостные ленты огромного числа не связанных между собой пользователей. При этом в момент продвижения данных видео количественные показатели самих авторов и внутренние алгоритмы платформы не имеют значения, все происходит по воле персонала.

Также в само приложение TikTok встроена система геолокации. Такая функция позволяет системе автоматически соотносить контент и пользователей, в данный момент находящихся в пределах одной области.

По данным Центра контент-маркетинга Backlinko, TikTok – одно из самых скачиваемых приложений в мире, проник в треть всех пользователей социальных сетей на этой планете менее чем за 6 лет, отметим, что Facebook и Instagram потребовалось почти десять лет, чтобы получить базу пользователей такого размера, что позволяет данной социальной сети иметь огромное влияние на мировую культуру [TikTok User Statistics 2022].

TikTok долгое время считался приложением с развлекательным несерьезным контентом для подростков. Однако на основе данных из отчета официального сайта TikTok о прозрачности деятельности за второе полугодие 2020 года [TikTok transparency report] выясняется, что возрастная группа, наиболее представленная на данной платформе в мире, составляет 18–24 года, около 38% пользователей. Чуть менее 29% пользователей в возрасте от 13 до 17 лет, пользователи в возрасте от 25 до 34 лет составляют четверть.

Статистические данные подтверждают популярность TikTok среди молодого поколения, однако пользователями данной сети не являются исключительно подростки, следовательно, возможна перспектива более серьезного контента для всех возрастных групп.

Приложение TikTok длительный период времени не было заинтересовано в становлении платформы для политических коммуникаций. Генеральный директор TikTok Чжан Имин для журнала «Forbes» дал свое видение политической ситуации на платформе: «Все приветствуются с нами. Но я надеюсь, что TikTok по-прежнему будет восприниматься как место для развлечений, а не как политическая платформа» [Forbes 2021].

По идее создателей TikTok изначально задумывался аполитичным, поэтому был проведен необходимый процесс переговоров о том, какой контент и в какой степени необходимо модерировать и как обращаться с различными культурными условиями. Размещение (политического) контента в TikTok требует высокой грамотности в средствах массовой информации.

По правилам платформы платная предвыборная реклама запрещена. Тем не менее пользователям безразличны намерения платформы. Не позднее чем в результате протестов Black Lives Matter и президентской кампании Трампа в США пользователи поколения Z становятся все более политизированными, а также четко обозначают свою политическую позицию и взгляды в TikTok в виде сатиры, пародий, мемов и хештегов на политическую ситуацию или на определенного политика.

Приведем пример популярного в западном пространстве TikTok хештега #VladdyDaddy, связанного с президентом России В. В. Путиным, который насчитывает 44,3 миллионов просмотров и 70 тысяч загруженных видео [TikTok #Vladdy Daddy]. Данный флешмоб в шуточной форме просит Vladdy Daddy («Владимир папочка»), то есть президента РФ, не и начинать войну с Украиной.

Также в последнее время часто встречается хештег ww3, который приобрел большую популярность в январе 2020 года в связи с предполагаемым началом 3-й мировой войны после того, как президент США Дональд Трамп согласился на атаку беспилотников под руководством США, в результате которой был убит генерал Ирана Касем Сулеймани. В 2022 году данный хештег возродился и стал активно использоваться к видео, содержащим оценку ситуации на Украине. На февраль 2022 года хештег #ww3 имеет более 3,9 миллиардов просмотров [TikTok #ww3].

Первый месяц 2022 года ознаменовался скандалом на платформе TikTok между американскими и российскими пользователями сети. Начало противостояния положили американские школьники с русофобским трендом о превращении России в 51 штат США под звук «Hard N Da Paint» [TikTok звук «Hard N Da Paint»]. Русскоязычные пользователи дали свой аргументированный ответ на данное заявление. В основном в

содержании русскоязычных роликов высмеивалось плохое знание географии, климатических условий, что способствовало поднятию у российской молодежи патриотического настроения.

Создателями политического контента на платформе TikTok являются не только обычные пользователи, но и политические деятели, хотя и в меньшем количестве. Однако отметим, что среди пользователей не так много аккаунтов официальных партий и политических лиц.

Большая часть российских политических деятелей только освоила Instagram, как появилась более современная и популярная платформа TikTok, к которой на данный момент нет доверия среди чиновников не только России, но и других государств. Например, в США при президенте Дональде Трампе представителям властных структур запрещено было пользоваться данным приложением из-за угрозы шпионажа со стороны КНР [BBC.Russian 2020].

В TikTok не так часто можно встретить официальные аккаунты отечественных политиков, поэтому базой нашего исследования будут активные официальные аккаунты российских политических деятелей: @fedot_tunusov; @sergeyvoroparov; @grigorev_yurii; @valery_gartun; @sardanaavksentieva.

Для данного исследования был применен метод контент-анализа, который характеризуется тем, что является формой исследования, анализирующей содержание текстов и информативных источников. По сути, рассмотрено, как менеджменту социальных сетей с политической точки зрения удастся влиять на целевую аудиторию и набрать больше подписчиков.

В общей сложности 50 видеороликов, опубликованных 5 политиками – Ф. С. Тумусов, С. А. Воропанов, Ю. И. Григорьев, В. К. Гартунг и С. В. Авксентьева, внесут свой вклад в настоящее исследование для анализа использования TikTok в российской политической коммуникации.

Одним из популярных российских политиков-тиктокеров является депутат Государственной Думы Федерального Собрания 66-летний Федот Семенович Тумусов, аккаунт в TikTok @fedot_tunusov, где происходит творческое адаптирование политического контента на более молодую аудиторию. На данный момент за аккаунтом следят более 117 тысяч пользователей, а общий охват оцененных видео составляет более 2 миллионов [TikTok аккаунт Ф. С. Тумусов].

Самое успешное и популярное видео на аккаунте соответствует молодежному тренду, связанному с популярной игрой GTA, где депутат объясняет «пацанам с района», почему «Справедливая Россия» – лучшая партия [TikTok видео с аккаунта Ф. С. Тумусов]. После чего видео приобрело резонанс в комментариях. Пользователи сходятся во мнении, что Ф. С. Тумусов один из немногих, кто идет «в ногу со временем» и грамотно использует молодежные тренды TikTok. Самые популярные комментарии: пользователь @zdfibr1 «теперь молодежь знает за кого голосовать» – поддержали

4 883 человек; пользователь @_ag_78 «правильный подход к получению голосов, с юмором и молодежно» – поддержали 6 480 человек; пользователь @kino.vincent «а дед умеет переманить на свою сторону, я в деле, Единая Россия уже давно отстала» – поддержали 240 человек. Не менее важно и то, что депутат идет на диалог со своими подписчиками и отвечает им на комментарии, что создает атмосферу прямого общения.

В своем аккаунте депутата грамотно совмещает сатирические и юмористические видео с серьезной политической повесткой, которая легко воспринимается пользователями сети.

Известным представителем в российском полит-TikTok можно считать 41-летнего мэра города Вологда Сергея Александровича Воропанова с аккаунтом @sergeyvoropnov со 114 тысячами подписчиков и более 2 миллионами оценок, который позиционирует себя как первый мэр в TikTok [TikTok аккаунт С. А. Воропанов]. Анализируя деятельность аккаунта Воропанова, можно прийти к заключению, что мэр Вологды следит и применяет тренды указанной платформы, выгодно выстраивает свою политическую стратегию по продвижению в TikTok, по итогу получая интересные современные и обсуждаемые пользователями видеоролики.

Принимая во внимание увлеченность С. А. Воропанова актуальными тенденциями на рассматриваемой платформе, следует привести в пример один из популярных видеороликов мэра [TikTok видео с аккаунта С. А. Воропанов]. Отметим, что суть используемого тренда заключается в обозначении стоимости всех вещей, которые в момент записи ролика были на человеке. Изначально данная тенденция носила показательный характер и происходила в виде интервью с целью демонстрации своего социального статуса и достатка, преимущественно выше среднего. Ожидается, обычные пользователи сети подхватили данный тренд и уже в сатирической манере начали снимать ответные ролики.

С. А. Воропанов, переняв и адаптировав тренд под собственные потребности и обстоятельства, продемонстрировал свою политическую позицию, подразумевающую ответственное отношение к занимаемой должности, не приветствуя коррупционные махинации, указав на стоимость своего костюма и место его производства, которым является одна из вологодских фабрик [TikTok аккаунт С. А. Воропанов]. Следует вывод, что мэр преследовал несколько целей. Во-первых, продемонстрировать свою близость к народу, сократить дистанцию между гражданами Вологды и их представителем. А во-вторых, поддержать местного производителя и призвать к импортозамещению.

Несмотря на трендо-ориентированность, Воропанов продвигает не только свою медийность, но и активно рекламирует Вологду, вологодские особенности языка («хорошо-баско») и культуры [TikTok видео с аккаунта С. А. Воропанов]. В целом контент Воропанова показывает ре-

альный рабочий процесс мэрии, совмещая информативный контент с модными медиатрендами.

В противоположность депутат Государственной Думы от Забайкальского края Юрий Иннокентьевич Григорьев также имеет свой аккаунт в TikTok @grigorev_yurii с 4 тысячами подписчиков и с небольшими охватами, не пользуется особой популярностью у русскоязычной аудитории [TikTok аккаунт Ю. И. Григорьева]. Контент построен однотипно, с популистскими высказываниями о российской политике, эпидемиологической ситуации, не вызывая интереса среди пользователей сети.

Анализ аккаунта депутата вывел следующие специфические черты. Во-первых, использование популярных, но не подходящих инструментов продвижения видеороликов в тренды платформы TikTok, такие как хештеги известных компаний (#AvonПодаркиВсем, #МагнитНаЛёд) и звуковое сопровождение, представляющее собой отрывки популярных песен в данной социальной сети (Amaarae – SAD GIRL LUV MONEY, Britney Spears – Toxic). Эффективность использования данной методики продвижения контента показана на примере видеоролика, загруженного на аккаунт Ю. И. Григорьева два раза с разницей в один день. Примечательно, что у видео, собравшего более 36,9 тысяч просмотров, присутствует популярное звуковое сопровождение [TikTok видео с аккаунта Ю. И. Григорьева], тогда как у видео, набравшего 2 640 тысяч просмотров, отсутствуют элементы, способствующие популяризации [TikTok видео с Ю. И. Григорьева], при этом оценки на двух видеороликах идентичны, что говорит о непопулярности контента депутата среди пользователей.

Рассмотрим аккаунт @valery_gartun с 78 тысячами подписчиков и более чем 800 тысячами лайков Депутата Государственной Думы Валерия Карлович Гаргунга. В общем обзоре аккаунта все видеозаписи связаны единым оформлением: черный шрифт на белом фоне, данный прием помогает пользователям сразу понять, о чем говорится в видео, не заглядывая в описание или комментарии [TikTok аккаунт В. К. Гаргунга].

Самый популярный контент набирает почти 9 миллионов просмотров и более 300 тысяч оценок с тематикой пенсионного возраста в России, где депутат резко критикует результаты пенсионной реформы 2019 года и требует снизить возраст выхода на пенсию [TikTok видео с аккаунта В. К. Гаргунга]. Стоит отметить, что данное видео – одно из самых первых в аккаунте, и далее, анализируя контент Гаргунга, депутат не отходит от пенсионной темы, что делает его ориентированным не на молодое поколение пользователей TikTok, а на людей в возрасте, для которых данная проблема имеет актуальность.

Из этого следует, что депутат уловил тенденцию постепенной популяризации TikTok у старшего поколения и подстраивает формат видеороликов под данную возрастную группу, что позволяет ему не гоняться за быстротечными трендами платформы, при этом набирая свою аудиторию.

Далее, обратим внимание на аккаунт экс-мэра города Якутска, действующего депутата Государственной Думы Сарданы Владимировны Авксентьевой, которая также ведет свой блог @sardanaavksentieva с общим охватом аудитории 60 тысяч в TikTok. В отличие от рассматриваемых ранее политиков-тиктокеров, Сардана Владимировна визуально демонстрирует свою принадлежность к партии «Новые люди» посредством фирменного бирюзового цветового оформления аккаунта, использования логотипа и мерча [TikTok аккаунт С. В. Авксентьева].

Контент для TikTok взят с платформы YouTube и является вырезанными моментами с высказываниями депутата, возможно, этим и обуславливаются небольшие просмотры при внушительной аудитории для политика в России.

Можно предположить, что число подписчиков более 60 тысяч является результатом не содержательной составляющей аккаунта политика, а интересом к его сформированной медийной личности благодаря правильному политическому позиционированию в прошлом. Издание «Forbes Woman» отмечает достижения экс-мэра Якутска Авксентьевой: «...пересадила чиновников на такси, предложила выставить на продажу здание мэрии, голосовала против поправок к Конституции и выступала в защиту мигрантов на антимигрантском митинге. Сардана Авксентьева – спикер первого международного форума Forbes Woman Day о гендерном равенстве в бизнесе, политике, обществе, мире» [Forbes Woman 2021].

Так, лояльное отношение и поддержка граждан за прошлые заслуги политика могут позитивно сказываться на охвате аудитории в TikTok. Однако это скорее не факт, а лишь исключение из правил благодаря незапятнанной политической репутации Сарданы Владимировны Авксентьевой.

TikTok – это быстро развивающаяся социальная сеть с пользователями разных возрастов, главная привлекательность, которой заключается в создании коротких видеороликов с легким и быстрым редактированием, множеством эффектов и звуков. Алгоритм данной платформы точно определяет, какой контент может заинтересовать пользователей, какую политическую позицию они занимают, и воспроизводит этот контент тем, кто его использует.

Анализ платформы показал, что на данный момент времени такое явление, как политизация русскоязычной стороны TikTok, только начало приобретать тенденции к развитию. Малая часть политических деятелей смогла преодолеть стереотип о некомпетентности приложения, используя его в своих целях: продвижение политического имиджа; привлечение потенциальных избирателей; популяризация политики среди молодежи, которая является основным потребителем контента данной социальной сети.

Из исследования выделяются три наиболее перспективных стратегии ведения политического аккаунта в TikTok. Первая стратегия ориен-

тирована на молодое поколение, которому присущи следование трендам, применение сатиры, использование популярного звукового сопровождения, которые актуальны для молодежи, как это сделали депутаты Ф. С. Тумусов, С. А. Воропанов с более 100-тысячным охватом аудитории, что является позитивным показателем для политического блога. Вторая стратегия заключается в ориентировании на старшее поколение, так как таких пользователей становится все больше на платформе. Данную стратегию выбрал В. К. Гартунг, который строит свой контент на проблемах и потребностях людей пенсионного возраста.

Суть третьей стратегии заключается в возможности использования уже сформированной популярности и медийности, как это сделала мэтр Якутска С. В. Авксентьева. Однако существует риск превратить аккаунт в «мертвый», виральность (вовлеченность) пользователей будет иметь низкий показатель, что проявляется в соотношении большего числа подписчиков и минимальных просмотров видеороликов.

Исходя из анализа аккаунтов, выделяется неудачный вариант ведения политического блога на платформе TikTok, Ю. И. Григорьев допустил ряд ошибок в виде отсутствия приоритетного направления: молодежь – тренды TikTok, старшее поколение.

Тем не менее любая деятельность, которую организуют политики на платформе TikTok, имеет коммуникационную и политическую стратегию, руководствуясь помощью имиджмейкеров, они стремятся получить наибольшее влияние.

Список источников

1. *Богомолова Д. А.* Социальная сеть TikTok как элемент интегрированных маркетинговых коммуникаций // Скиф. 2020. № 4 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-set-tik-tok-kak-element-integrirrovannyh-marketingovyh-kommunikatsiy> (дата обращения: 20.02.2022).

2. BBC.Russian Трамп подписал указ против «угрозы TikTok». Он ввел санкции против компании ByteDance, которой принадлежит соцсеть // BBC.Russian [веб-сайт]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-53689368> (дата обращения: 20.02.2022).

3. Forbes Woman. Такси для чиновников и голосование против поправок к Конституции: чем запомнилась мэтр Якутска Сардана Авксентьева // Forbes Woman [веб-сайт]. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/418237-taksi-dlya-chinovnikov-i-golosovanie-protiv-popravok-k-konstitucii-chem> (дата обращения: 20.02.2022).

4. AppStore TikTok // AppStore [веб-сайт]. URL: <https://apps.apple.com/ru/app/tiktok-тикток/id835599320> (дата обращения: 20.02.2022).

5. Forbes. The Inside Story OF TikTok Tumultuous Rise- And How It Defeated Trump // Forbes. [веб-сайт]. URL: <https://www.forbes.com/sites/abrambrown/2021/05/05/tiktok-trump-bytedance/?sh=1c64b00175f6> (дата обращения: 20.02.2022).

6. GoogleMarket TikTok // GoogleMarket [веб-сайт]. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.zhiliaoapp.musically&hl=ru&gl=US> (дата обращения: 20.02.2022).

7. How TikTok recommends videos #ForYou // TikTok [веб-сайт]. URL: <https://newsroom.tiktok.com/en-us/how-tiktok-recommends-videos-for-you> (дата обращения: 20.02.2022).

8. TikTok #Vladdy Daddy // TikTok [веб-сайт]. URL: <https://www.tiktok.com/discover/vladi-daddy?lang=ru-RU> (дата обращения: 20.02.2022).

9. TikTok #ww3 // TikTok [веб-сайт]. URL: <https://www.tiktok.com/tag/ww3> (дата обращения: 20.02.2022).

10. TikTok transparency repost // TikTok [веб-сайт]. URL: <https://www.tiktok.com/safety/resources/transparency-report-2020-2?lang=en&appLaunch=> (дата обращения: 20.02.2022).

11. TikTok User Statistics (2022) // TikTok [веб-сайт]. URL: <https://backlinko.com/tiktok-users> (дата обращения: 20.02.2022).

12. TikTok аккаунт депутата Государственной Думы от Забайкальского края Ю. И. Григорьева // TikTok [веб-сайт]. URL: https://www.tiktok.com/@grigorev_yurii (дата обращения: 20.02.2022).

13. TikTok аккаунт депутата Государственной Думы С. В. Авксентьевой // TikTok [веб-сайт]. URL: <https://www.tiktok.com/@sardanaavksentieva?lang=ru> (дата обращения: 20.02.2022).

14. TikTok аккаунт депутата Государственной Думы Федерального Собрания Ф. С. Тумусова // TikTok [веб-сайт]. URL: https://www.tiktok.com/@fedot_tumusov (дата обращения: 20.02.2022).

15. TikTok аккаунт мэра города Вологда С. А. Воропанова // TikTok [веб-сайт]. URL: <https://www.tiktok.com/@sergeyvoropanov> (дата обращения: 20.02.2022).

16. TikTok видео с аккаунта депутата Государственной Думы от Забайкальского края Ю. И. Григорьева // TikTok [веб-сайт]. URL: https://www.tiktok.com/@grigorev_yurii (дата обращения: 20.02.2022).

17. TikTok видео с аккаунта депутата Государственной Думы от Забайкальского края Ю. И. Григорьева // TikTok [веб-сайт]. URL: <https://vm.tiktok.com/ZSe3eNqPa/> (дата обращения: 20.02.2022).

18. TikTok видео с аккаунта депутата Государственной Думы Федерального Собрания Ф. С. Тумусова // TikTok [веб-сайт]. URL: <https://vm.tiktok.com/ZSe3Jwayb/> (дата обращения: 20.02.2022).

19. TikTok видео с аккаунта мэра города Вологда С. А. Воропанова // TikTok [веб-сайт]. URL: <https://vm.tiktok.com/ZSe3eLnjv/> (дата обращения: 20.02.2022).

20. TikTok видео с аккаунта мэра города Вологда С. А. Воропанова // TikTok [веб-сайт]. URL: <https://vm.tiktok.com/ZSe3erauT/> (дата обращения: 20.02.2022).

21. TikTok звук «Hard N Da Paint» // TikTok [веб-сайт]. URL: <https://www.tiktok.com/music/Hard-N-Da-Paint-6784646393987368961> (дата обращения: 20.02.2022).

22. TikTok аккаунт депутата Государственной Думы В. К. Гартунга // TikTok [веб-сайт]. URL: https://www.tiktok.com/@valery_gartung?lang=ru (дата обращения: 20.02.2022).

23. TikTok видео с аккаунта депутата Государственной Думы В. К. Гартунга // TikTok [веб-сайт]. URL: https://www.tiktok.com/@valery_gartung/video/7052208516529949954?is_copy_url=1&is_from_webapp=v1&lang=ru (дата обращения: 20.02.2022).

Черкашина Татьяна Валерьевна,
студент 4 курса обучения,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Cherkashina.t.3@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПОИСКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена изучению проблем поиска, выбора и формулирования национальной идеи в России. Проанализированы основные причины актуализации поиска национальной идеи в постсоветское время. Рассмотрены основные факторы, затрудняющие конструирование и дальнейшее закрепление национальной идеи на современном этапе. Также показана несостоятельность патриотизма как национальной идеи.

Ключевые слова: национальная идея; российское общество; идеологический вакуум

Cherkashina Tatyana Valerievna,
Undergraduate Student of the 4th year,
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Cherkashina.t.3@mail.ru

PROBLEMS OF SEARCHING FOR A NATIONAL IDEA IN RUSSIA

Abstract. The article is devoted to the study of the problems of searching, choosing and formulating a national idea in Russia. The main reasons for the actualization of the search for a national idea in the post-Soviet period are analyzed. The main factors hindering the construction and further consolidation of the national idea at the present stage are considered. The failure of patriotism as a national idea is also shown.

Keywords: national idea; Russian society; ideological vacuum

Как в целом для политической науки, так и для российской политической практики тема «национальной идеи» является одной из наиболее сложных и противоречивых. На сегодняшний момент все более очевидным становится факт того, что России для выхода из кризиса, существующего во всех сферах общественной жизни, необходимо формирование новых идейных концептов, способных объединить и мобилизовать население.

Прежде всего стоит обратиться к истории развития понятия «национальная идея». Сам термин появился в Европе в XIX веке и был связан с деятельностью немецкого философа Фридриха Гегеля. Политическое понятие «национальная идея» сформировалось после буржуазной революции среди французских консерваторов. В тот момент произошло разграничение между такими терминами, как этнос и нация.

В России развитие понятия «национальная идея» также начинается в XIX в. Огромный вклад в этот процесс внесли отечественные философы А. С. Хомяков, В. С. Соловьев, Ф. М. Достоевский, Н. А. Бердяев и др.

На протяжении истории развития данного понятия были представлены различные, иногда совершенно противоположные друг другу учения, концепции и подходы – от полного отрицания национальной идеи до мессианских теорий.

В данной работе национальная идея понимается как «устойчивое представление индивида об основополагающем в прошлом, настоящем и будущем своей страны, мобилизующее его на жизненные усилия, а также соответствующее состояние общественного сознания» [Сулакшин 2012: 13]. При таком подходе термин связывается не только с этнической составляющей, но и с вниманием на приоритетной роли национальной идеи в прошлом, настоящем и будущем. Национальная идея выступает в данном случае как основа для обеспечения эволюционного развития общества и государства.

Выполняя в обществе такие функции, как мировоззренческая, консолидирующая, когнитивная, ценностная и регулятивная, национальная идея транслирует смысл существования государства, она дает возможность сформировать программу шагов, которая обеспечит его развитие [Багдасарова 2004: 58].

Поиск национальной идеи в России актуализировался в связи с распадом СССР. После событий 1991 года в обществе не осталось легитимных идей. Общество оказалось в условиях совершенной неопределенности. По мнению Шейлы Фицпатрик, за время функционирования советского государства образовался новый тип «homo sovieticus», привыкший к тому, что его деятельность направляет консолидирующая идея [Фицпатрик 2008: 169]. Именно поэтому распад СССР и возникающая в результате этого неопределенность не только привели к идеологическому кризису, но и актуализировали поиск новой самоидентификации.

Особенности ее поиска определялись сразу несколькими факторами. Во-первых, Россия после распада СССР сохранила потенциал великой державы. Россия выступала значимым субъектом во всех ключевых институтах глобального управления. Во-вторых, Россия и после распада СССР оставалась многоэтничным государством. В-третьих, само общество явилось одним из важнейших факторов. Распад СССР стал тяжелой травмой. Произошел разрыв с основными принципами, историей и образом жизни. «Российский гражданин потерял сам себя, превратился в маргинала, даже если и был в числе обеспеченного меньшинства. Он был вырван из советского контекста и одновременно понимал, что вряд ли станет частью Запада. Он оказался изгоем и за рубежом, и в своей собственной стране. Его жизнь в политическом обществе оказалась лишенной смысла» [Тимофеев]. Все эти факторы, с одной стороны, актуализи-

ровали проблему поиска национальной идеи, а с другой стороны, осложняли ее.

Более того, стоит отметить отношение к идеологии, которое сформировалось после распада СССР. Сторонники либерализма в 1990-е гг. внедряли новую аксиому о том, что идеология и любая консолидирующая идея – один из главных барьеров на пути построения демократического и свободного государства. Распространялось мнение о вторжении в частную жизнь, принуждении к единомыслию, к покорности и т. д. В результате в Конституции (ст. 13 ч. 2) государства был закреплён курс на деидеологизацию: «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [СПС «КонсультантПлюс» 2022 – Конституция Российской Федерации]. Данный отказ был реакцией на сверхидеологизацию советского общества. Деидеологизация стала подтверждением «нормальности» России. Однако неидеологическое общество существовать долго не может. «Место одной идеологии занимает другая, что в условиях возникшего идеологического вакуума привело к капитуляции перед западной идеологией...», – говорит Павел Родькин [РИА Новости 2022 – История идеологии в современной России: отказ, имитация, обретение]. Тем не менее реализация либеральных ценностей в России оказалась не соответствующей ожиданиям людей. Произошло отчуждение общества от государства, тотальная гламуризация и пиарократия, которые проникли в политику, экономику, культуру и общество.

С приходом к власти Владимира Владимировича Путина возникли новые подходы к осуществлению власти. Нынешний Президент, вступив в должность, начал постепенно восстанавливать суверенитет страны и преобразовывать ее в различных сферах. Результаты этих действий дали возможность вывести страну на новый уровень.

Однако дальнейшее развитие будет не очень успешным без разработки и принятия национальной идеи и официальной цели развития. Сегодня как внутреннее, так и внешнеполитическое состояние, а также курс на суверенитет и самостоятельное развитие страны сталкиваются с рядом трудностей именно из-за отсутствия четкой национальной идеи и конечной цели.

Тем не менее попытки сформулировать национальную идею предпринимались уже не раз. Так, в 2012 году в «Российской газете» было опубликовано крупное исследование по данному вопросу, которым занимались ученые во главе с С. Сулакшиным. Сформулированная ими национальная идея звучит следующим образом: «Моя страна должна быть, и должна быть всегда». В 2012–2013 гг. был организован конкурс арт-концепций. Победителем стал маркетолог В. Сабуров, предложивший арт-концепцию «Россия-невалюшка. Страна Ванька-встанька». Данная арт-концепция была представлена в виде скульптуры со слоганом «Россия – попробуй завали».

Однако стоит отметить, что данная концепция отражает лишь культурно-исторический образ России, но не дает вектор развития и не ставит цели. Относительно же работы «Национальная идея России» под редакцией С. С. Сулакшина можно сказать то, что она в большей степени рассматривает национальную идею с точки зрения научной доктрины, такой объем информации не может быть доведен до народа, он предназначен в основном для представителей власти и учебных заведений.

Говоря о национальной идее, необходимо отметить мнение Президента РФ. Так, в 2016 г. Владимир Путин сказал: «У нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма» [РБК 2022 – Путин назвал единственно возможную для России национальную идею]. В мае 2020 года Владимир Путин также высказался на тему патриотизма как о ключевой идее нашего государства [РИА Новости 2022 – Путин рассказал о национальной идее в России].

Идея патриотизма во все времена занимала особое место не только в духовной жизни общества, но и во всех важнейших сферах его деятельности. Однако его способность выступать в качестве самостоятельной национальной идеи не настолько очевидна.

Чувство патриотизма в той или иной степени присуще всем народом, почти каждому человеку. «Патриотизм – одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств», – сказал Владимир Ильич Ленин [Ленин 1974: 190].

Многие исследователи считают, что патриотизм является врожденным рефлексом. Истоки патриотизма можно увидеть в генетических механизмах животного мира. Известен рефлекс импринтинга, который «привязывает» рождающихся особей к месту своего рождения. Таким путем обеспечивается охрана от посягательства чужаков. Можно сказать, что это биологический прообраз социального патриотизма.

Безусловно, патриотизм осуществляет консолидирующую функцию, объединяя людей, но одновременно он может разъединять и противопоставлять их. Можно обратиться к словам Л. Н. Толстого: «...тот самый патриотизм, который произвел объединение людей в государства, теперь разрушает эти самые государства. Ведь если бы патриотизм был только один: допустим, патриотизм англичан, то можно было его считать объединяющим или благотворным. Но когда ...есть патриотизм: американский, английский, немецкий, французский, русский, все противоположные один другому, то патриотизм уже не соединяет, а разъединяет» [Толстой 1958: 47].

Еще одним нюансом является размытое содержание как самого понятия «патриотизм», так и любви, которая подразумевается в нем. Очень сложно определить, какой должна быть любовь к Родине, в чем она должна выражаться и как ее можно измерить. Примером может послужить Гражданская война в России. В войне были две стороны – «крас-

ные» и «белые». «Красные» патриоты защищали Отечество, но и «белые» отстаивали свою Родину. Таким образом, патриотизм сложно поставить в какие-либо рамки и четко описать его проявление и критерии.

Также стоит отметить, что патриотизм – это чувство, убеждение, вера, любовь, но не план действий. Патриотизм сам по себе не определяет ни образ будущего, ни стратегических целей дальнейшего развития государства, что уже делает его несостоятельным в качестве национальной идеи.

В результате, несмотря на все попытки, в России так и не сложилась официальная национальная идея. В целом на пути стоят различные факторы, не позволяющие ее конструированию и дальнейшему закреплению.

Среди этих факторов можно выделить проблему формирования национальной идентичности России, которая связана прежде всего с вопросом «Россия – это Восток или Запад?». Следующим фактором являются многонациональность и многорелигиозность РФ. В числе внутренних проблем, которые тормозят развитие России и препятствуют формированию национальной идеи, можно выделить: нестабильность почти во всех сферах общественной жизни; влияние партикуляристских настроений и национального нигилизма 90-х гг.; социальные и региональные противоречия; поколенческий разрыв ценностных представлений; несформированность общегражданского сознания; незрелость и неготовность значительной части российского общества здраво оценить меру и масштаб современности для достойного решения вопроса о национальной идее.

Для достижения национальной идеи необходимо пройти еще очень длинный путь. Но несмотря на все возникающие трудности, тенденция к ее формированию имеется. При конструировании национальной идеи важно понимать, что она должна отвечать следующим требованиям: быть пригодной в качестве «идеологии смены курса» на более национальный, суверенный и при этом незападный; апеллировать к духовным и культурным архетипам сознания, к национальной ментальности народа; быть пригодной для объединения подавляющего большинства населения России.

Учитывая то, что Президент позиционируется как «национальный лидер» и продвигает развитие России как «государства-цивилизации», наиболее разумным вариантом видится использование «национально-консервативного» проекта в качестве основы для национальной идеи, с включением в него дополнений как из либеральной, так и из социалистической идеологии [Хомяков 2017: 709]. Подобный синтез, не нарушающий базовых ценностей и смыслов, взятых за основу, способен не только обогатить основу для национальной идеи, но и сделать ее приемлемой для абсолютного большинства населения России.

Список источников

1. Багдасарова А. Б. Национальная идея: сущность и ее трансформация в русской социально-философской мысли // Наука. Инновации. Технологии. 2004. № 36. С. 55-62.

2. История идеологии в современной России: отказ, имитация, обретение // РИА Новости [веб-сайт]. URL: <https://ria.ru/20150319/1053364423.html> (дата обращения: 18.02.2022).

3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года: (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» [веб-сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 17.02.2022).

4. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. 1974. Т. 37.

5. Национальная идея России: в 6 т. Т. I / под общ. ред. С. С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2012. 752 с.

6. Путин назвал единственно возможную для России национальную идею // РБК [веб-сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/02/2016/56b1f8a79a7947060162a5a7> (дата обращения: 18.02.2022).

7. Путин рассказал о национальной идее в России // РИА Новости [веб-сайт]. URL: <https://ria.ru/20200510/1571238023.html> (дата обращения: 20.02.2022).

8. *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 90. М.: Госхудлитиздат, 1974.

9. *Тимофеев И. Н.* Российская идентичность. От Большой Европы к Большой Евразии. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/rossiyskaya-identichnost-ot-bolshoy-evropy-k-bolshoy-evrazii/> (дата обращения: 15.02.2022).

10. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / пер. с англ. Л. Ю. Пантина. 2-е изд. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 336 с.

11. *Хомяков В. Е.* Общенациональная Идея в истории и современной России // Россия: тенденции и перспективы развития. 2017. № 12-3. С. 707-713.

Чиркин Дмитрий Юрьевич,
бакалавр 4 курса обучения Уральского гуманитарного института,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
4ir_dim@mail.ru

Колмаков Андрей Дмитриевич,
бакалавр 4 курса обучения Уральского гуманитарного института,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
a-kolmakov@inbox.ru

АКТИВНОСТЬ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ КАК ФАКТОР ПОБЕДЫ КАНДИДАТА НА ПРИМЕРЕ ПРАЙМЕРИЗ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье изучается взаимосвязь социальных сетей и избирательных кампаний. Исследование проведено на примере праймериз «Единой России», проводившегося весной 2021 г. Авторами рассматривается роль социальных сетей в победе кандидатов. Также выявляется эффективность использования социальных сетей в избирательной кампании. В результате была создана стратегия использования социальных сетей для улучшения предвыборной агитации. Авторы также предлагают несколько рекомендаций кандидатам по использованию социальных сетей для увеличения своего рейтинга.

Ключевые слова: цифровизация общества; интернет-технологии; интернет-коммуникации; социальные сети; политическая агитация; голосование; избирательный процесс; выборы; праймериз; кандидаты; Свердловская область; пандемия; коронавирус; эпидемии; COVID-19

Chirkin Dmitry Yurievich,
Undergraduate Student of the 4th year of Ural Institute for Humanities,
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
4ir_dim@mail.ru

Kolmakov Andrey Dmitrievich,
Undergraduate Student of the 4th year of Ural Institute for Humanities,
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
a-kolmakov@inbox.ru

THE ACTIVITY OF CANDIDATES IN SOCIAL NETWORKS AS VICTORY FACTOR ON EXAMPLE OF PRIMARIES IN THE SVERDLOVSK REGION

Abstract. The article studies the connection between social networks and electoral campaigns. The research was conducted on example of primaries of “United Russia”, which were carried out in spring of 2021. The authors consider role of social networks

in the electoral campaign. The efficiency of using social networks in electoral campaign is proven too. As a result, there was created a strategy of behavior in social networks which enhances conducting electoral campaign. Authors also suggest some recommendations for candidates how to use social networks for developing their rating.

Keywords: digitalization of society; Internet technologies; Internet communications; social networks; political agitation; vote; electoral process; elections; primaries; candidates; Sverdlovsk region; pandemic; coronavirus; epidemics; COVID-19

Введение

Интернет давно стал такой же важной частью жизни человека как чистая вода или электричество. Всемирная сеть создала новую реальность, которая иногда оказывается привлекательней настоящего мира. Эта реальность объединяет людей в глобальную общность, позволяя обмениваться мыслями почти мгновенно – почти как Ноосфера Вернадского. В Сеть переместились развлечения, общение, услуги и многие другие аспекты общественной жизни. Это было лишь вопросом времени, когда в Интернет переместилась бы и политика в контексте избирательных кампаний. Помимо дани прогрессу, есть и утилитарные причины «политизации Интернета»: люди объединены в политические сообщества более явно, информация распространяется мгновенно, есть возможность двусторонней коммуникации с аудиторией. Также не стоит забывать и про «ризомную» модель коммуникации в Интернете – пользователь, однажды получив информацию, может свободно распространять ее среди других пользователей, а те еще дальше, образуя сеть, что аналогично ризоме гриба.

В июне 2021 года на территории всей страны прошло предварительное голосование партии «Единая Россия», по итогам которого были выбраны кандидаты от этой партии на выборы в Государственную Думу (Госдума) и Законодательное Собрание Свердловской области (ЗакСО) 19 сентября. Особенность данных выборов заключалась в том, что на период избирательной кампании с марта и до дня голосования 5 июня была общероссийская пандемия коронавируса, приведшая к запрету массовых мероприятий. Данное решение губернатора Свердловской области лишило кандидатов одного из каналов агитации – массовых митингов [Указ Губернатора Свердловской области от 18.03.2020]. Поэтому весьма вероятно было, что кандидаты станут использовать Интернет в принципе и социальные сети в частности для агитации как части избирательного процесса. Более того, с введением коронавирусных ограничений люди стали больше проводить времени в интернете, в особенности в социальных сетях [Черноусов 2021]. С другой стороны, за последнее десятилетие социальные сети достигли такого охвата, что стали цифровым двойником человека – каждый второй россиянин имеет аккаунт в социальной сети ВКонтакте [Балашова 2021]. Вследствие обозначенных факторов роль социальных сетей в избирательном процессе значительно возрастает и представляет собой предмет для изучения. С целью анализа роли социальных сетей в избирательном

процессе было проведено исследование активности кандидатов в предварительном голосовании от партии «Единая Россия» в социальных сетях [Предварительное электронное голосование, pger.ru].

Впервые Интернет для избирательной кампании использовали на родине Всемирной сети – в США. Во время президентских кампаний 1990-х годов использовался формат Web 1.0 – однонаправленная коммуникация по отношению к пользователю, в данном случае – к избирателю. Затем появился стандарт Web 2.0. – двусторонняя модель коммуникации «сайт-пользователь», когда пользователь может отправлять информацию на сайт и взаимодействовать с ним. К такому формату можно отнести и социальные сети (соцсети), где пользователи могут взаимодействовать друг с другом. Создав свой сайт, а также начав избирательную кампанию в Facebook, кандидат в президенты США Барак Обама добился победы на выборах. Имидж «обычного человека» в Facebook и оперативное общение с избирателями обеспечили Обаме широкую поддержку в соцсети – у него было около 24 000 000 друзей [Надпорожский 2018: 118].

В нашей стране Интернет и политика долгое время взаимодействовали в формате Web 1.0, хотя уже на президентских выборах 2004 года у каждого кандидата был собственный сайт. Возможно, это было связано с низким охватом Интернета в России или с тем, что традиционные методы агитации успешно работали. Исключением был разве что сайт кандидата в президенты Владимира Путина на выборах президента России 2000 года www.putin2000.ru. На этом сайте пользователь мог подать свое обращение к кандидату, правда, после регистрации на сайте. Тем не менее нельзя сказать, что российская политическая сфера игнорировала Интернет и Web 2.0. Во время протестов 2011–2012 гг. лидеры протестных движений использовали социальные сети Facebook и Twitter для распространения своих идей, координации митингов и коммуникации со своими сторонниками [Надпорожский 2018: 119]. Также к Интернету обращались и участники выборов в Государственную Думу в 2011 году. Партия «Единая Россия» в основном использовала рекламу баннеров в Интернете, КПРФ и ЛДПР использовали YouTube для размещения своих предвыборных видео. Стоит отметить, что у лидеров партий ЛДПР и КПРФ, В. Жириновского и Г. Зюганова соответственно, было значительное количество подписчиков в социальных сетях Twitter, Facebook, ВКонтакте, однако они не использовали свои аккаунты для агитационной работы. Особую активность в социальных сетях проявлял лидер партии «Яблоко» Г. Явлинский. Имея аккаунты в Twitter, Facebook, ВКонтакте, Явлинский отвечал на вопросы подписчиков, размещал свои лозунги и агитационные видео.

Во время избирательной кампании по выборам в Государственную Думу в 2016 году партии «Единая Россия» и КПРФ, будучи представленными в социальных сетях и имея собственные сайты, вели менее активную агитацию в Интернете, чем «Справедливая Россия», Родина и Пар-

тия роста. Это было связано с тем, что «Единая Россия» и так имела высокую поддержку по причине «Крымского консенсуса». Сетевая активность оппозиционных партий проявлялась по-разному: с помощью таргетированной (выбор аудитории на основании определенных параметров) и посевной (размещение ссылок на свою группу в других группах) рекламы Родина размещала ссылки на сайт своей партии среди определенной аудитории в соцсетях, «Справедливая Россия» размещала ролики юмористического характера, стилизованные под смесь дебатов и рэп-баттлов в сети YouTube, Партия роста вела агитацию в сети Telegram и ВКонтакте. Во ВКонтакте агитация Партии роста приняла форму мемов (картинка или высказывание обычно ироничного характера), высмеивающих конкурентов, а также форму юмористических роликов [Танцура, Гриценко, Прокопчук 2018: 11-12].

Если же говорить о Свердловской области, то в этом регионе Интернет также использовался для избирательных кампаний. Например, во время выборов мэра Екатеринбурга в 2013 году победивший кандидат Евгений Ройzman от партии «Гражданская платформа» вел активную агитацию в социальной сети Twitter, а также имел в союзниках интернет-издание URA.RU. До него к помощи социальных сетей обращался на выборах депутатов Городской Думы Екатеринбурга и депутат Леонид Волков – с помощью многочисленных публикаций в социальной сети LiveJournal и Одноклассники он смог обойти своих конкурентов и выиграть мандат [Винокурова 2013]. Кроме того, для агитации через социальные сети электорат Свердловской области готов и с технической стороны – в 2020 году насчитывалось 75% активных пользователей Интернета [Аргументы и факты 2021].

Необходимо отметить, что тема обращения к социальной сети одной из частей избирательной кампании в Интернете не нова в научном сообществе. Данному вопросу посвящены исследования Прокопчука, Гриценко и Нечая в 2017 году (исследование аккаунтов в социальных сетях) и Коньшевой и Хайретдиновой в 2017 году (ведение аккаунта в социальной сети как часть интернет-кампании кандидата). Но почему же изучались именно социальные сети, а не сайты кандидатов или партий? Дело в том, что социальные сети обладают некоторыми характерными особенностями: они представляют «цифрового двойника» человека, страницы пользователей отображают информацию о них, люди объединяются в сообщества по интересам, а также именно в социальных сетях наиболее ярко выражена ризомная модель коммуникации: с помощью репоста пользователь копирует информацию ради интереса, без цели манипуляции, на свою страницу, а его подписчики могут скопировать эту же информацию на свои страницы [Строганов 2021: 95-96]. Тот факт, что на своих страницах пользователи обычно размещают достоверную информацию о себе, позволяет экономить на социологических исследованиях

и дает возможность политтехнологам и службам аналитики аккумулировать весь этот массив информации для разделения потенциальных избирателей на группы интересов. К каждой из групп интересов можно подобрать свой подход и сообщать именно ту информацию, которую группа стремится услышать. Именно так действовал избирательный штаб кандидата в президенты США от Республиканской партии Дональда Трампа в 2016 году. С помощью компании Cambridge Analytica были проанализированы пользователи Facebook и Twitter, агитация была более индивидуальной, понятной почти каждому пользователю [Авзалова 2018: 189-190].

Другой аспект социальных сетей, заслуживающий внимания при анализе их роли в избирательной кампании, – это взаимосвязь конструируемого имиджа политика и его личной информации. Интерес вызывает то, как кандидату удастся найти баланс между позиционированием себя как человека и тем какой образ он ретранслирует. Для чего он использует страницу: для себя или для политической кампании? Такой дуализм накладывает определенные ограничения на характер размещаемой информации – личная информация должна хотя бы не противоречить политическим идеям, возмущенным на странице. Кроме того, сам факт того, что политические воззвания и агитационные материалы расположены на личной странице политика, означает, что он согласен с ними и ведет свой блог от первого лица, выражая свое мнение. Все это говорит о том, что социальные сети играют важную роль в избирательной кампании.

Вследствие вышеперечисленных факторов возникает вопрос: возможно ли использовать успешный опыт применения социальных сетей на президентских и парламентских выборах, на выборах более мелкого масштаба – на предварительном голосовании и выборах регионального парламента?

Для решения данного вопроса были сопоставлены итоги предварительного голосования и активность кандидата в социальных сетях, а также проведен сравнительный анализ роли социальных сетей в победе кандидата. Исследование было проведено методом контент-анализа.

Объект исследования – аккаунты кандидатов предварительного голосования партии «Единая Россия» в социальных сетях Instagram, Facebook, ВКонтакте, Одноклассники, Twitter.

Предмет исследования – информация на страницах кандидатов и политические технологии, использованные при размещении данной информации.

Для проведения исследования была использована статистическая программа IBM SPSS. В программе SPSS применялись качественные и количественные методы исследования. Качественным методом исследования был выбор тем для подсчета количества публикаций на эти темы. В данном случае применялся метод контент-анализа. Для анализа среднего и максимального количества оценок, репостов, просмотров страниц, а

также количества подписчиков применялся количественный метод подсчета через специальные приложения (Popsters). Для исследования были выбраны 4 наиболее популярные социальные сети в России: ВКонтакте, Instagram, Одноклассники, Facebook. Изначально в исследовании присутствовал Twitter, но в силу его низкой популярности среди кандидатов он был исключен.

В ходе исследования был создан набор переменных, позволяющий проанализировать активность кандидата в социальных сетях. Было выделено 7 переменных:

1. **Наличие у кандидата аккаунта в любой из крупных социальных сетей:** ВКонтакте, Facebook, Одноклассники, Twitter, Телеграм.

2. **Количество постов на определенные темы.** Для исследования был выбран набор тем, потенциально ожидаемых от политика, часто присутствующий на страницах в социальных сетях, а также наиболее интересный среднему пользователю. К таким темам можно отнести отчеты о политической работе, предвыборную агитацию и решение о баллотировании. Имидж как гражданина и человека формируют посты о волонтерстве, информация о личной жизни, а также сообщения об обнаружении на территории избирательного округа проблем или их решение. К традиционной для социальных сетей теме можно отнести поздравление с разного рода праздниками, что тоже показывает близость кандидата с избирателями, так как демонстрирует, что кандидат разделяет те же ценности, что и избиратель.

3. **Количество подписчиков.** Данный критерий позволит узнать потенциальную аудиторию кандидата.

4. **Средние и максимальные показатели лайков, репостов и просмотров.**

5. **Наличие видео.** Видео является наглядным отображением офлайн-деятельности кандидата.

6. **Победа кандидата.** Данный критерий позволит узнать – была ли эффективной онлайн-активность кандидата в достижении его цели.

Всего была проанализирована активность в социальных сетях 127 кандидатов на предварительном голосовании на участие в выборах в Государственную Думу и 100 кандидатов на участие в выборах в Законодательное Собрание Свердловской области.

В ходе исследования изучались страницы кандидатов с 15 марта 2021 года по 1 июня 2021 года, так как, по статистическим наблюдениям, именно в этот момент начинаются избирательная кампания и агитация – за 2 месяца до начала голосования.

Таблица 1

Присутствие кандидатов в социальных сетях (% от общего числа)

	Аккаунт есть	Аккаунт с постами	Аккаунта нет
Законодательное Собрание Свердловской области	57%	47%	43%
Государственная Дума	37%	30%	63%

Таблица 2

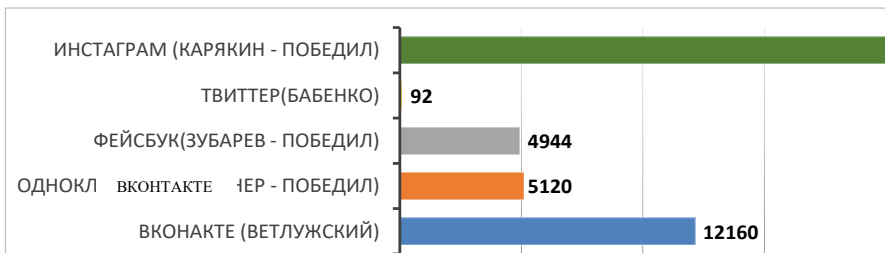
**Содержание страниц кандидатов в социальных сетях
(% от общего числа)**

	Законодательное Собрание Свердловской области	Государственная Дума
Личная жизнь	20%	9%
Праздники	19%	14%
Работа	18%	Не обнаружено
Баллотирование	17%	11%
Волонтерство	11%	10%
Агитация	10%	16%
Проблемы	6%	10%

Таблица 3

**Наиболее популярные социальные сети среди кандидатов
(% от общего числа)**

	Законодательное Собрание Свердловской области	Государственная Дума
ВКонтакте	24%	37%
Facebook	11%	24%
Instagram	11%	28%
Одноклассники	11%	17%
Twitter	3%	3%

**Рисунок 1. Кандидаты в Законодательное Собрание
с максимальным количеством подписчиков**

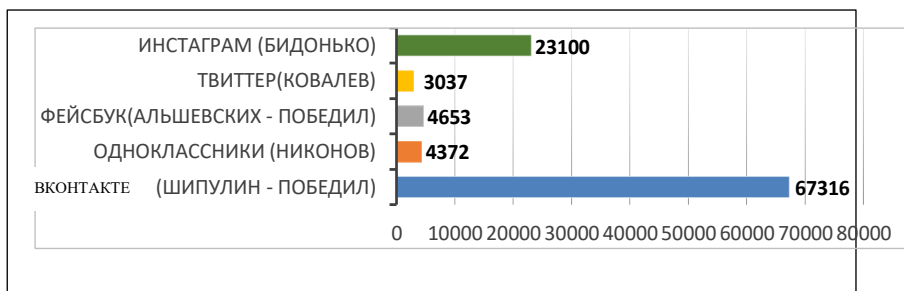

Рисунок 2. Кандидаты в Государственную Думу с максимальным количеством подписчиков

Рисунок 3. Кандидаты в Законодательное собрание с максимальным количеством оценок

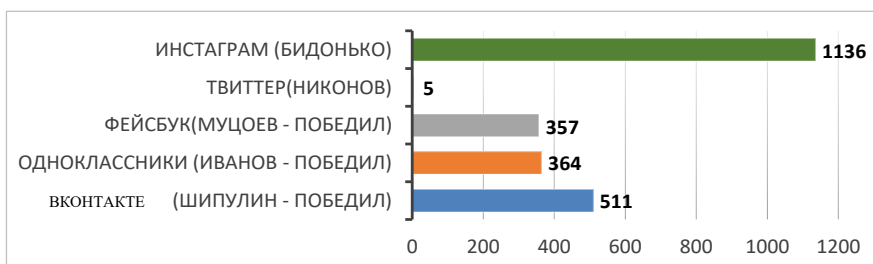

Рисунок 4. Кандидаты в Государственную Думу с максимальным количеством оценок

Сравнение кандидатов в Законодательное Собрание Свердловской области и Государственную Думу с максимальным количеством подписчиков и оценок демонстрирует разницу в охвате потенциальной аудитории в зависимости от уровня баллотирования. У кандидатов в Государственную Думу потенциально больше возможностей обеспечить себе офлайн и онлайн известность, а также многие из них являются знаменитыми людьми в неполитической сфере.

Большинство кандидатов предпочитают не заводить аккаунты в соцсетях – среди депутатов в ЗакСО лишь 57% имели аккаунт в какой-нибудь социальной сети, в то время как среди кандидатов в Госдуму их

число было 37%, т. е. чуть больше трети. Скорее всего, это обусловлено тем, что большинство кандидатов предпочитают работать с традиционными методами агитации (плакаты, листовки, митинги). Распределение кандидатов по соцсетям в целом повторяет общероссийскую картину: наиболее популярные соцсети – это Инстаграм и ВКонтакте. Однако среди кандидатов в Госдуму пользователей Одноклассников и Фейсбука меньше, чем у кандидатов в ЗакСО. Скорее всего, это обусловлено нацеленностью кандидатов в Госдуму на работу в определенной соцсети. Наиболее популярными темами среди кандидатов в ЗакСО стали отчеты об их общественно-политической деятельности, поздравления подписчиков с праздниками, а также освещение своей личной жизни. Возможно, на это влияют личные качества кандидатов в ЗакСО – многие из них непрофессиональные политики, поэтому частично используют свою страницу для личных целей. У кандидатов в Госдуму самыми популярными темами стали агитация поддержки себя на предварительном голосовании, тема поздравлений, а также темы волонтерства и проблем. Вероятно, причинами популярности последних тем являются большая значимость мандата и значительность самого кандидата – часто кандидаты в Госдуму весьма обеспеченные люди, у которых есть средства и ресурсы для решения проблем и волонтерской деятельности. В случае с обеими категориями кандидатов тема праздников наиболее вероятно обусловлена созданием близости с народом, а тема работы и агитации обусловлена желанием показать отчет о своей деятельности, хорошие результаты которого могут вдохновить подписчиков на поддержку кандидата на предварительном голосовании. В наименее популярных Одноклассниках и Фейсбук средняя частота постов у кандидатов в ЗакСО составила 5 и 4 поста в неделю соответственно. У обеих категорий депутатов оказалась примерно одинаковая частота постов в этих соцсетях – 3 поста в неделю во ВКонтакте и 2 поста в неделю в Инстаграм. Среди кандидатов в ЗакСО количество постов в Одноклассниках достигло 36 и в Facebook 33 поста, в то время как среди кандидатов в Госдуму количество постов в данных соцсетях достигло 28 в Одноклассниках и 42 в Facebook. В случае с ВКонтакте и Инстаграм начинает проявляться отличительный тренд в характеристиках страниц кандидатов в Госдуму в сравнении с кандидатами в ЗакСО. Количество постов кандидатов в ЗакСО к 20 мая 2021 года составило 28 постов во ВКонтакте и 20 постов в Инстаграм. В то время как аналогичные критерии у кандидатов в Госдуму выше – 22 поста в Инстаграм и 34 поста во ВКонтакте. Конечно, не все переменные вносят одинаковый вклад в «победу» кандидатов. Наибольший вес имеют такие характеристики, как «Максимальное количество подписчиков, лайков и постов» в Одноклассниках, а также в Facebook.

Это и нижеперечисленные отличия можно объяснить большей опытностью в политике кандидатов в Государственную Думу, большим

количеством ресурсов для продвижения, а также большими сроками пребывания в соцсетях. Данный тренд продолжается и в сравнении кандидатов с максимальным количеством оценок в соцсетях, в сравнении кандидатов с наибольшим количеством подписчиков, в сравнении кандидатов с наибольшим средним количеством оценок – в наиболее популярных соцсетях ВКонтакте и Инстаграм лидируют кандидаты в Госдуму Евгений Куйвашев (текущий губернатор Свердловской области) и спортсмен-биатлонист Антон Шипулин. Каждая из вышеперечисленных характеристик выше, чем у аналогичных лидеров списков кандидатов в ЗакСО – Ветлужского (лидера всероссийской организации профсоюзов) и Карякина (спортсмена-гонщика). Таким образом, можно увидеть, что популярность человека в реальной жизни и важность его должности обеспечивают ему популярность и в соцсетях.

В итоге можно сделать вывод, что социальные сети являются хорошим средством для политической агитации, тем не менее требующим финансовых и временных затрат. Социальные сети усиливают реальную известность человека, однако сохраняется возможность использования социальных сетей как канала создания политического имиджа даже людьми, далекими от политики.

В итоге тезис о значительной роли социальных сетей в деле агитации и информирования избирателей подтвердился. На выборах кандидатов в Законодательное Собрание по одномандатным округам кандидаты с развитыми соцсетями выиграли в 60% случаев или в 15 из 25 избирательных округах. На выборах кандидатов в Государственную Думу по одномандатным округам кандидаты с развитыми соцсетями победили в 5 из 7 округах.

На основании изучения страниц кандидатов в соцсетях был создан список рекомендаций, позволяющий использовать потенциал этого канала информации на 100%. Выбор рекомендаций был обусловлен объективными факторами, влияющими на популярность кандидата в онлайн- и офлайн-среде, а также обеспечивающими его победу. К таким факторам можно отнести конкретные значения и показатели ранее обозначенных критериев:

1. **Наличие у кандидата аккаунта** в любой из крупных социальных сетей: ВКонтакте, Facebook, Одноклассники, Twitter, Телеграм.

2. **Количество постов на определенные темы.** Наиболее влияющими на успех кандидата темами оказались тематика поднимаемых и решаемых проблем, а также агитация. Когда подписчики видят неравнодушное отношение кандидата к ситуации в избирательном округе, доверие к пользователю страницы повышается. Также важна и агитация, так как позволяет лучше ознакомиться со взглядами кандидата и программой партии, которую он представляет.

3. **Количество подписчиков.** Важно не просто количество подписчиков в любой из социальных сетей, а именно в Одноклассниках и

Facebook, так как в этих соцсетях находится аудитория среднего возраста, наиболее активная на выборах. Согласно расчетам, высока вероятность, что среди активных избирателей больше всего подписчиков этой социальной сети. Среднее число подписчиков должно быть не менее 1 300 в Одноклассниках и 3 400 в Facebook, так как в региональном интернет-пространстве после этого числа идет ризомное распространение информации. ВКонтакте тоже имеет значение как самая популярная соцсеть в России, и число подписчиков должно быть не менее 1 800.

4. **Средние и максимальные показатели** лайков, репостов и просмотров. Оценки в социальных сетях демонстрируют уровень поддержки пользователя среди его подписчиков и других пользователей социальной сети. Чем больше лайков – тем больше людей разделяют идеи кандидата. В соответствии с уровнем охвата каждой из социальных сетей можно вывести рекомендации того количества лайков, к которому странице кандидата надо стремиться. Для ВКонтакте будет достаточно 90 оценок, для Одноклассников – 120, для Facebook – 63, а для Instagram – 131. Столь высокие требования к количеству оценок в Одноклассниках и Instagram обусловлены тем, что такое количество является символом доверия к кандидату. К тому же часто аудитория Одноклассников и Instagram обращает внимание не только на сам пост, а на количество других пользователей, согласных с данным постом.

5. **Частота и количество постов.** В данной сфере поведения в социальной сети кандидату необходимо избегать двух крайностей – слишком редкие посты создадут атмосферу оторванности кандидата от жизни общества, а слишком частые «обесценят» смысл каждого поста. В результате, оптимальным решением будет иметь 35 постов во ВКонтакте за 2 месяца до дня выборов и 25 постов в Facebook.

6. **Наличие видео.** Видео должно отображать «реальность» кандидата, его речь и поведение в обществе.

Заключение

Проведенное исследование продемонстрировало существенную корреляцию между активностью кандидатов в социальных сетях и их успехом на предварительном голосовании. Возможно, это обусловлено и фактором малого освещения предварительного голосования в традиционных СМИ, и основную информацию избиратели получали из социальных сетей кандидатов. Роль социальных сетей в избирательном процессе повышается еще и по причине мобилизации ядерного электората из подписчиков кандидата, которые могут иметь к нему большую симпатию по причине большей осведомленности о нем. Признанные лидеры сферы социальных сетей Instagram и ВКонтакте доказали свое превосходство и в избирательном процессе – большинство победивших кандидатов, как правило, активно вели агитацию и информирование населения именно в этих соцсетях. Возможно, это связано с тем, что в Instagram легко созда-

вать контент в виде фотографий, а во ВКонтакте зарегистрирована большая часть потенциального электората. Несмотря на то, что среди самих политиков доля проникновения социальных сетей меньше, чем среди электората, все же побеждают именно те кандидаты, которые вели активную агитацию в социальных сетях.

Тем не менее политика и активность в социальных сетях в частности и в Интернете в целом, несмотря на то, что относятся к общественной деятельности, все же являются разными вещами. Это подтверждается ситуацией с количественными показателями, такими как оценки постов, количество постов или количество подписчиков. Не все кандидаты с высокими данными показателями смогли победить. На победу влияют еще и реальный авторитет, и признание среди населения избирательного округа. Реальные дела и работа с людьми – вот что отличает политика от блогера. Успешен тот кандидат, который совмещает как онлайн-деятельность, так и офлайн.

Все же проведенное исследование позволяет прийти к выводу, что в ближайшем будущем связь избирательного процесса и Интернета будет усиливаться. Уже в нескольких регионах России было проведено дистанционное электронное голосование, все больше партий и кандидатов используют Интернет для агитации, и скорее всего информация с личных страниц кандидатов будет так же важна для победы, как и комплекс традиционных агитационных мер.

Список источников

1. *Авзалова Э.* Интернет-коммуникации в избирательной кампании США // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2017. № 22. С. 185-194.
2. *Балашова А., Скобелев В.* Пользователи стали чаще лайкать и сидеть в соцсетях с компьютеров // RBC.RU: Технологии и медиа [веб-сайт]. URL: <https://ria.ru/20210706/sotsseti-1740025260.html>.
3. *Винокурова Е.* Это противостояние выборами не кончится // Газета.ru [веб-сайт]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2013/09/06_a_5640609.shtml.
4. В Свердловской области выросла доля активных пользователей интернета // Аргументы и Факты [веб-сайт]. URL: https://ural.aif.ru/society/v_sverdlovskoy_oblasti_vyroslo_dolya_aktivnyh_polzovateley_interneta.
5. Кандидаты // Предварительное электронное голосование [веб-сайт]. URL: <https://pg.er.ru/candidates>.
6. *Надпорожский И.* Применение интернет-технологий в российских избирательных кампаниях // Скиф. 2018. № 1 (17). С. 117-121.
7. *Строганов В.* Ризоморфная политическая манипуляция в интернете: специфика и технологии // Вопросы управления. 2021. № 6 (73). С. 94-104.
8. *Танцуря М., Грищенко Р., Прокочук Д.* Сравнительный анализ использования интернет-технологий для политической агитации в России в избирательных циклах 2011 и 2016 гг. // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 1. С. 9-14.
9. Указ Губернатора Свердловской области от 18.03.2020 № 100-УГ О введении на территории Свердловской области режима повышенной готовности и при-

нятии дополнительных мер по защите населения от новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV). URL: http://gubernator96.ru/uploads/document/633/100-ug_180320.pdf.

10. Черноусов И. Аналитики назвали самые популярные соцсети в России // Специальный проект RG.RU DIGITAL [веб-сайт]. URL: <https://rg.ru/2021/12/08/analitiki-nazvali-samye-populiarnye-socseti-v-rossii.html>.

Шабалина Анна Игоревна,
бакалавр 4 курса Уральского гуманитарного института,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
a.shabalinaa@gmail.com

ВЛИЯНИЕ «ФЕЙКОВОЙ» ИНФОРМАЦИИ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ГРАЖДАН РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена изучению процесса влияния «фейковой» информации на политическое сознание граждан России и на формирование электоральных предпочтений в частности. Описываются механизмы внедрения недостоверной информации и основные задачи «фейка». Подробно рассматривается использование «фейков» на выборах в Государственную Думу VIII созыва.

Ключевые слова: фейковая информация; СМИ; средства массовой информации; политическое сознание; россияне; российское общество; фейковые новости

Shabalina Anna Igorevna,
Undergraduate Student of the 4th year of Ural Institute for Humanities,
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
a.shabalinaa@gmail.com

THE INFLUENCE OF “FAKE” INFORMATION ON THE POLITICAL CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN CITIZENS

Abstract. The article is devoted to the study of the influence of “fake” information on the political consciousness of Russian citizens and on the formation of electoral preferences, in particular. The mechanisms of introducing false information and the main tasks of “fake” are described. The use of “fakes” in the elections to the State Duma of the VIII convocation is considered in detail.

Keywords: fake information; mass media; political consciousness; Russians; Russian society; fake news

В XXI веке с бурным развитием новых технологий и киберпространства количество окружающей нас информации возросло в разы, а скорость ее получения сократилась до доли секунд. Увеличились не только объемы информации, но и разнообразие ее подачи. Информационные агентства, интернет-порталы, блоги на различных площадках, социальные сети, сайты изданий, пресса и имеющее стабильную аудиторию телевидение – и это только основные каналы коммуникации. В таком изобилии информации все сложнее становится отличать правду от лжи, которая в большинстве случаев публикуется сознательно, преследуя определенную цель. Сегодня доступ к интернет-среде есть не только у официально зарегистрированного СМИ или лидера общественного мн-

ния, но и у любого человека, что значительно увеличивает количество недостоверной информации («фейков»).

Понятие «fake news» вовсе не новое, однако волну популярности по всему миру оно получило только в 2016 году, во время предвыборных кампаний в США, когда в медиапространстве о кандидатах распространялась ложная информация, выдаваемая как новости. Популяризировал это словосочетание и Дональд Трамп, который неоднократно употреблял выражение в речах и заявлениях [Галяшина 2021: 9]. Для авторов, которые запускают в сеть сфабрикованные новости, важен масштаб. Задача фейка – охватить большую аудиторию, пользователь должен не только воспринять ложную информацию, но и передать ее дальше. При создании фейков не преследуются цели разоблачения или критики, чаще всего они служат для дискредитации, отвлечения внимания или манипуляции [Ершов 2018: 246]. Грамотно поданная фейковая информация способна влиять на сознание людей, в том числе на формирование политических предпочтений.

Сегодня у каждой политической партии есть свой персональный сайт в Интернете, их лидеры и другие политики активны в социальных сетях – ведут блоги, сообщают новости, общаются с гражданами и отвечают на их вопросы. Заявления, сделанные ими в соцсетях, моментально разлетаются по лентам информагентств и иным площадкам. В таких условиях часто читатели не перепроверяют информацию в первоисточниках, получая ее в искаженном виде или вовсе откровенный фейк, замаскированный под высказывания политических лидеров и их решения. Чем громче повод, появившийся в информационном пространстве, тем больше обращено к нему внимание общественности, особенно если это событие на мировой арене с участием России или же предстоящие выборы. В таких случаях количество недостоверной информации значительно возрастает, располагают условия – после просмотра десятков новостных публикаций и знакомства с различными мнениями экспертов у читателя снижается критическое мышление, столь необходимое при выявлении фейков. К тому же между самими СМИ существует явное противостояние: независимые издания обвиняют государственные в пропаганде и подмене фактов, последние, в свою очередь, – в настраивании граждан против власти и разжигании ненависти. Потребитель информации находится «между двух огней», не понимая, кому можно доверять.

Согласно социологическому опросу Фонда общественного мнения (ФОМ) о популярности источников информации, россияне чаще всего получают ее из телевидения – 59%, затем следуют новостные интернет-сайты – 45%, социальные сети – 23% и лишь 8% получают ее из печатной прессы. При этом уровень доверия к телевидению за семь лет сократился на 20%, респонденты отметили ухудшение качества программ и возросшее количество необъективной, ложной информации, тогда как интернет-источники прибавили 10% доверия граждан [Социологическое ис-

следование Фонда общественного мнения]. Многие люди, теряя доверие к телевидению, начинают принимать любую информацию в интернете за «чистую монету», либо привыкнув не задумываться над тем, что транслируется по ТВ-программам, либо разочаровавшись в одном, искренне верят, что в интернете врать незачем. Распространители фейковой информации пользуются таким доверием к новым медиа, давая на мысль о том, что в интернет-источниках, в отличие от телевидения, лжи быть не может. Те же пользователи, которые ищут в интернете спасение от государственной пропаганды, из-за которой доверие к телевидению стремительно снижается, найти его не смогут. На помощь властям пришло довольно новое явление – цифровая дипломатия. «Ее отличительной чертой является широкое использование социальных сетей, блогов, видеохостингов и других виртуальных площадок для продвижения внешнеполитических интересов государства и создания благоприятного имиджа страны» [Касуканова 2016: 93].

Чем же так опасна фейковая информация? Манипуляцией сознанием, потерей доверия к СМИ, а впоследствии «разрушением структуры общественного доверия» [Fake-news: правда о неправде]. Опасность представляют именно последствия. Даже после того, как фейк раскрыт, а факты проверены, в сознании читателя остается неприятный осадок. Побочный же эффект от недостоверных новостей связан с «загрязнением информационной среды и поражением базового доверия аудитории к сообщениям СМИ» [Ершов 2018: 248].

Говоря о политической стороне вопроса, слово «фейк» довольно новое для российского избирателя, а вот схема его работы известна хорошо. В 1990-х годах, когда политическое пространство России только осваивало различные технологии борьбы при проведении избирательной кампании на конкурентных выборах, появился такой метод, как кандидат-спойлер или, попросту говоря, подставное лицо. Псевдокандидат используется в качестве инструмента борьбы, забирая базовый электорат у конкурентов. Избиратели путаются в схожих, а часто и идентичных именах и фамилиях кандидатов, в похожих названиях и символике, говоря о партиях, не различая, где оригинал, а где спойлер.

Для наглядности стоит проанализировать прошедшие в сентябре 2021 года выборы в Государственную Думу VIII созыва, которые были известны рекордным количеством фейковых атак, в частности о нарушении проведения процедуры. Голосование проходило в три дня, в течение которых в интернете распространялись фейковые специально подготовленные видео, фотографии и сообщения о вбросах на избирательных участках. По словам главы координационного совета Общественной палаты по контролю за голосованием Максима Григорьева, только за первый день выборов, 17 сентября, было выявлено почти 7 тысяч ложных сообщений [Статья газеты «Известия» от 19.09.2021]. К примеру, по-

явившаяся на сайте одной из политических партий информация о том, что камера видеонаблюдения на избирательном участке в Новосибирской области показывает видео предыдущего дня. Однако Центр общественного наблюдения после проведения проверки сделал заявление, что видео идет в установленном порядке [Статья «Российской газеты» от 17.09.2021]. Ожидаемыми стали фейки касательно осложнивших проведение выборов антиковидных мер и вокруг нововведенного электронного голосования в ряде российских городов. Так, в Хабаровском крае в социальных сетях активно распространялись сообщения о нарушении санитарно-эпидемиологических норм членами комиссий, которые якобы не выдавали избирателям защитные средства – маски и перчатки, подтверждалось это фотографиями с участков. Однако после проверки стало известно, что на материалах кадры выборов прошлых лет [Статья «Российской газеты» от 17.09.2021]. У некоторых фейков масштаб был куда больше, чем один регион, собственно, как и их подготовка: в Москве полиция вычислила домашнюю студию по производству видео о нарушениях на выборах, с урнами для голосований и поддельными бюллетенями. В свою очередь директор Лиги безопасного Интернета Екатерина Мизулина предположила, что такая «киностудия» не одна: «Думаю, они распространены в разных регионах – и локально снимаются и на Юг России, и на Сибирь, и на Дальний Восток» [Статья от 18.09.2021 на официальном сайте телевизионной программы «Вести» компании ВГТРК].

Однозначным лидером по числу фейков стал Санкт-Петербург [Статья РИА Новости от 19.09.2021]. Там же произошла едва ли не самая громкая история прошедших выборов, связанная с фейковыми кандидатами. Против политика из партии «Яблока» Бориса Вишневецкого из двух конкурирующих партий были выставлены кандидаты-спойлеры не только с идентичными именами и фамилиями, но и похожими лицами на ознакомительных материалах. Всего по стране насчитали 24 пары кандидатов, выдвинутых по одномандатным округам в Госдуму, со схожими или одинаковыми фамилиями, больше 15 из которых считались «двойниками» и ни до выборов, ни после не заявляли о себе. Ожидаемо больше всего однофамильцев было зарегистрировано в Москве, от двух конкурирующих партий – «Коммунисты России» и КПРФ. Так, в Ховринском округе столицы выдвинулись сразу трое человек со схожими фамилиями: «экс-глава подмосковного поселка Андреевка Иван Ульяновченко (КПРФ), заместитель председателя ЦК “Коммунистов России” Илья Ульянов и Сергей Ульянов от “Партии пенсионеров”» [Статья газеты «Коммерсантъ» от 23.07.2021].

Помимо ложной информации, распространяемой в социальных сетях, о нарушении процедуры голосования и выдвижения кандидатов-спойлеров, существует еще метод фейковой рекламы или антирекламы от той или иной партии или кандидата, созданной чаще всего конкурентами.

Цель такой «рекламной кампании», как и во многом других фейков, – не в повышении негативного отношения к сопернику, а в снижении желания у сомневающегося избирателя идти на участки, считают политтехнологи. Ведь репутация у героев, которые имитируют поддержку, может быть, мягко говоря, неоднозначная. Как было и с распространившимся в телеграм-каналах видео, где в поддержку КПРФ выступает Виктор Мохов, больше известный как «скопинский маньяк». В ролике он агитирует за лидера партии Геннадия Зюганова, параллельно демонстрируя книгу по пчеловодству, подаренную якобы самим Зюгановым [Статья «Русской службы ВВС» от 08.09.2021]. Несмотря на все заявления партии о том, что Мохов не имеет к ним никакого отношения, новость о «поддержке» КПРФ маньяком прогремела по всем лентам информагентств и социальных сетей. Такие видеоролики вызывают у человека, который активно не следит за политикой, отторжение и отвращение от выборов, а соответственно, пропадает и малейшее желание идти голосовать. Происходит понижение явки – то, чего и добивались авторы антирекламы. Фейки ставят под сомнение легитимность и серьезность всего избирательного процесса. Замечая в медиапространстве очередного кандидата-спойлера или порцию громких, но фейковых информационных поводов, сомневающиеся избиратели решают игнорировать весь процесс и еще дальше отходят от участия в политической жизни страны. Такое мнение отчасти подтверждает Санкт-Петербург с самой низкой явкой по стране осенью 2021 года [Статья газеты «Комсомольская правда»]. И если принятые в марте 2019 года поправки в Федеральный закон «О защите информации» [Статья на официальном сайте Государственной Думы РФ] направлены на противодействие фейковым новостям и уже имеется обширная судебная практика, то против фейковых кандидатов закона пока не предусмотрено. «На формирование способности самостоятельно распознавать недостоверную информацию» [Самородова 2021: 51] направлен сегодня ряд федеральных программ, в частности Стратегия развития информационных технологий до 2025 года, где приоритетным направлением является повышение цифровой грамотности населения.

На какие же моменты стоит обращать внимание для распознавания фейковой информации? Прежде всего на заголовки: их задача – максимально привлечь читателя, захватить его внимание, заинтриговать для перехода к основному тексту. Поэтому к заголовкам, которые несут сенсацию, призыв или пугающую новость, стоит относиться с осторожностью.

Обращайте внимание на характер подачи информации: срочная новость, разоблачение, раскрытие тайн – такие материалы чаще остальных необходимо перепроверять в других источниках. Сообщения, которые не представляют доказательной базы, больше апеллируют к эмоциям и чувствам для усиления воздействия на аудиторию.

Личное мнение, догадки и домыслы подаются под видом анонимного источника или неопределенного эксперта. Качественная статья должна содержать конкретные имена, названия компаний, изданий, ведомств – на кого ссылаются. Новостям с неопределенными источниками лучше не доверять.

Главными распространителями фейков сегодня считаются боты (сокращенно от робота). Автоматизированное программное обеспечение, которое имитирует присутствие человека на интернет-площадках и проведение им активной деятельности [Касюк 2021: 30]. Чаще всего боты поддерживают и продвигают определенную идею в социальных сетях под видом реального пользователя.

На первый взгляд, борьба с фейковой информацией – совершенно несерьезная проблема, которая не несет реальной угрозы. Однако это не так. Большое количество исследований посвящено сегодня изучению такого феномена, как фейк, а правительства стран ставят борьбу с недостоверной информацией в приоритетные задачи. В мире появляются целые понятия, обозначающие новую реальность, к примеру термин «постправда» – определенная информационная среда, которая строится в большинстве за счет СМИ, является отличной от реальности и действует для манипуляции общественным сознанием. В такой среде факты и объективные вещи уже не играют серьезной роли. Недостоверные новости, подмена происходящего и фейковая информация – все это двигатели на пути к постправде. При этом распространять ложь и манипулировать могут не только вышеупомянутые боты, но и лидеры общественных мнений, которым доверяют сотни и тысячи. Блогеры, журналисты, общественные деятели вещают сегодня на большую аудиторию в интернете и либо непреднамеренно от незнания и непонимания сути происходящего, либо сознательно, преследуя определенные цели, могут изменять взгляды тысяч людей. Человеку свойственно доверять и прислушиваться к тому, кого он знает, кто ему симпатичен, за кем давно наблюдает. Рядовой российский пользователь не обладает достаточной медиаграмотностью, является политически пассивным и не вовлеченным в происходящее, поэтому ему проще всего прислушаться к словам авторитетной для него личности. Лидеры мнений, в основном блогеры, этим фактом умело пользуются, транслируя в преддверие важных политических событий определенный контент, на который был произведен заказ извне.

Для противодействия информационному манипулированию необходимо широкое медиаобразование граждан, которое бы обязательно включало освещение локальных СМИ. Рассказы о существовании разнообразных проверенных государственных и независимых, но официально зарегистрированных каналов информации нужны для того, чтобы у пользователей сети не возникало потребности в поиске. Необходимо помнить, что редакции изданий не являются основным создателем фейковых новостей,

однако могут им активно противодействовать через публикацию достоверной информации и формулировку точных заголовков. Фейк прежде всего – это коммуникационная стратегия, а также частая практика организаций, которые таким образом ведут борьбу с посторонней идеологией, стремятся дискредитировать лица, компании и целые государства, получая при этом политические или денежные дивиденды [Ершов 2018: 246].

Список источников

1. «В НОМ рассказали о разоблачении фейков на выборах» – статья газеты «Известия» от 19.09.2021 // Официальный сайт газеты «Известия»: [https://iz.ru/]. URL: <https://iz.ru/1223948/2021-09-19/v-nom-rasskazali-o-razoblachenii-feikov-na-vyborakh> (дата обращения: 16.02.2022).

2. *Галяшина Е. И.* «Фейкинг» как новая угроза медиабезопасности: лингво-юридический аспект // Этнопсихоллингвистика. 2021. № 2 (5). С. 7-24. DOI: 10.31249/epl/2021.02.01.

3. *Ершов Ю. М.* Феномен фейка в контексте коммуникационных практик // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 52. С. 245-256.

4. «Источники информации. Телевидение» результаты опроса Фонда общественного мнения (ФОМ) // Официальный сайт Фонда общественного мнения (ФОМ): [https://fom.ru/]. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14688> (дата обращения: 22.02.2022).

5. «Кандидаты-двойники и поддержка от маньяка: как на выборах-2021 используют черный пиар» – статья «Русской службы ВВС» от 08.09.2021 // Официальный сайт «Русской службы ВВС»: [https://www.bbc.com/russian]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-58481940> (дата обращения: 17.02.2022).

6. *Касуканова К. Е.* Новые медиа как инструмент влияния на общественное мнение // Научный журнал. Институт социо-гуманитарного образования. Московский педагогический государственный университет. 2016. № 4 (5). С. 92-97.

7. *Касюк А. Я.* Информационно-психологическое воздействие в информационном противоборстве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. № 1 (842). С. 22-34.

8. «О фейках и фактах: как в первый день голосования разоблачали недостоверную информацию» – статья «Российской Газеты» от 17.09.2021 // Официальный сайт «Российской газеты»: [https://rg.ru/]. URL: <https://rg.ru/2021/09/17/reg-sibfo/o-fejkah-i-faktah-kak-v-pervyj-den-golosovaniia-razoblachali-nedostovernuiu-informaciiu.html> (дата обращения: 21.02.2022).

9. «Петербург лидирует по числу фейковых атак на результаты выборов в Госдуму» – статья РИА Новости от 19.09.2021 // Официальный сайт РИА Новости: [https://ria.ru/]. URL: <https://ria.ru/20210919/vybory-1750845384.html> (дата обращения: 16.02.2022).

10. «Раздвоение пройденного» – статья газеты «Коммерсантъ» от 23.07.2021 // Официальный сайт газеты «Коммерсантъ»: [https://www.kommersant.ru/]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4910820> (дата обращения: 17.02.2022).

11. *Самородова Э. В.* К вопросу о противодействии фейковым новостям в цифровом пространстве // МедиаАльманах. 2021. № 6 (107). С. 42-53.

12. «Топ самых популярных фейков о выборах: кто, где и как их делает» – статья от 18.09.2021 на официальном сайте телевизионной программы «Вести»

компании ВГТРК // Официальный сайт «Вести.Ru»: [<https://www.vesti.ru/>]. URL: https://www.vesti.ru/article/2615152?utm_campaign=notification (дата обращения: 22.02.2022).

13. «Что такое фейковые новости и как за них будут наказывать» – статья на официальном сайте Государственной Думы РФ // Официальный сайт Государственной Думы РФ: [<http://duma.gov.ru/>]. URL: <http://duma.gov.ru/news/48121/> (дата обращения: 21.02.2022).

14. «Эксперты объяснили, почему Петербургу оказались неинтересны выборы в Госдуму» – статья газеты «Комсомольская правда» // Официальный сайт газеты «Комсомольская правда»: [<https://www.kp.ru/>]. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/28332.5/4477227/> (дата обращения: 19.02.2022).

15. Fake-news: правда о неправде // Riddle. URL: <https://ridl.io/fake-news-pravda-o-nepravde/> (дата обращения: 21.02.2022).

Швецова Ольга Владимировна,
аспирант 2 курса обучения,
Тюменский индустриальный университет,
olga_shvetsova@me.com

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ
КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
(НА ПРИМЕРЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Аннотация. В статье будут обсуждаться возможности повышения политической активности молодежи путем вовлечения в политическую коммуникацию. Рассмотрены точки зрения ведущих ученых в области политологии и психологии на молодежную электоральную тему. Обосновывается тезис о том, что достаточная осведомленность молодежи о политических процессах в стране может привести к их активному участию в проектах для людей в возрасте от 18 до 35 лет с целью приобретения новых навыков и знаний, связанных с политикой. Теоретическое исследование подкреплено данными социологического опроса, из которого можно сделать вывод об участии молодежи в политических процессах в Тюменской области. В заключение были сделаны выводы и предложения по совершенствованию этой практики.

Ключевые слова: молодежь; политическая активность; активная гражданская позиция; гражданское общество; осведомленность молодежи; политические коммуникации; молодежные проекты; молодежные политические организации; региональный аспект

Shvetsova Olga Vladimirovna
2nd year Postgraduate Student,
Industrial University of Tyumen,
olga_shvetsova@me.com

**POLITICAL ACTIVITY OF YOUTH AS A FACTOR
IN THE DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY
(ON THE EXAMPLE OF THE TYUMEN REGION)**

Abstract. The article will discuss the possibilities of increasing the political activity of young people by engaging in political communication. The points of view of leading scientists in the field of political science and psychology on the youth electoral theme are considered. The thesis is substantiated that sufficient awareness of young people about political processes in the country can lead to their active participation in projects for people aged 18 to 35 years in order to acquire new skills and knowledge related to politics. The theoretical study is supported by the data of a sociological survey, from which it can be concluded about the participation of young people in political processes in the Tyumen region. In conclusion, conclusions and suggestions were made to improve this practice.

Keywords: youth; political activity; active citizenship; civil society; youth awareness; political communications; youth projects; youth political organizations; regional aspect

В современной России велика роль государства как основы для социализации молодежи, поскольку именно от активности молодого населения, его участия в политической коммуникации зависит построение гражданского общества. Основу этому закладывают мероприятия для молодежи, проводимые на различных уровнях: молодежные форумы на актуальную тематику, создание Общественных молодежных палат при Думах, волонтерские проекты и другое. В настоящей работе мы рассмотрим точки зрения различных авторов и их публикации разных лет.

Молодежь – это особая социальная группа, которая намного больше вовлечена в использование новых IT-технологий, но наряду с этим политическое участие парадоксально варьируется от очень пассивного до бурного «молодежного трясения» [Гришин 2021: 54-55]. Интернет-СМИ неоднозначно влияют на политическое участие: с одной стороны, они подкрепляют пассивность, а с другой – становятся причиной протестных настроений (например, в 2017, 2019, 2021 годах). Есть ли среди молодежи сегрегация? Ответ на этот вопрос зависит от различных факторов, которые непосредственно влияют на становление будущего гражданина. К ним можно отнести: семью, окружение молодого человека, даже его правосознание, потому что от этого фактора зависят его активная позиция по соблюдению установленных рамок поведения, российских законов и иная ситуация, когда действия или бездействие идут в противовес в том числе нормам морали. Разделение молодежи на активную и пассивную, полагаем, – понятие не до конца сложившееся, поскольку поколения нынешних 18-летних и 18-летних 10 лет назад разительно отличаются, при этом влияние цифровизации в обществе становится определяющим фактором для установления и поддержания коммуникации, в том числе политической. Более взрослое население – «35+» – далеко не всегда «понимает» стремления молодежи, поскольку в настоящее время большой скорости обработки поступающей информации молодежи легче сориентироваться, однако при отсутствии государственной цензуры не все молодые люди могут отделять полезный «контент» от вредного, не придают значения факторам, на которые обращает внимание более старшее поколение – прагматичность принимаемых решений, необходимость построения карьеры только после получения высшего образования или начало политической карьеры после 40 лет. Молодое поколение более активно и неоднородно, при этом в Тюменской области ребят, более заинтересованных в своей будущей политической карьере, больше именно в этом возрастном диапазоне. Безусловно, изучение вопросов активности и вовлеченности молодежи в политические процессы становится все более актуальным, поскольку, как полагают Л. А. Погосян и Т. В. Веселая, «усиление политической культуры молодежи является решающим фактором развития России» [Погосян, Веселая 2015: 276]. Молодые люди в возрасте от 14 до 35 лет, являясь наиболее деятельным населением, нахо-

дятся в поиске собственного общественного предназначения, в том числе, как отмечает В. В. Маленков, и из-за патерналистских установок российского общества: из-за высокой степени ожиданий населения от государства сформировался особый тип культуры, молодежь, при сочетании пассивности других групп населения и своей активности в силу возраста, сформировала свой особый тип «культуры наблюдателей» [Маленков 2021: 132]. Как полагает О. Ю. Гребешкова, «активность молодого человека в сфере политики основывается на мотивационных особенностях формирования им жизненной концепции; включенность в политическую деятельность влияет на формирование жизненной концепции, способствует преодолению фрагментарности картины мира и в целом продуктивно влияет на развитие личности» [Гребешкова 2004: 6]. Как отмечает В. М. Барсегян, «работа с политически активными молодыми людьми в сложившейся политической системе важна как для поддержания стабильности политического процесса в стране, так и для его модернизации» [Барсегян 2016: 3]. В качестве одного из основных мероприятий для активной молодежи этот автор называет Всероссийский молодежный форум «Селигер» «как поддержка социальной мобильности молодых людей, их продвижения по карьерной лестнице». По его мнению, для этого форума основой является тиражирование успешных молодых людей, которые «прошли путь» от активиста для известного политика. Каждый гражданин в возрасте от 18 до 35 лет может вдохновиться этим успешным примером и последовать ему, главное, как нам представляется, знать, что это довольно трудный путь, требующий большого внимания и сил. Кроме того, автор формулирует понятие «политической активности», рассматривая ее как «набор типичных, легитимных практик, которые воспроизводятся в определенных типичных, повторяющихся ситуациях – аренах взаимодействия, которые могут обладать разной степенью институционализации» [Барсегян 2016: 4]. Как нам представляется, молодой человек должен обладать высоким уровнем правосознания для того, чтобы включиться в политическую активность, ведь понимание о поведении «правильном» и нарушающем закон формируется в сознании человека, в том числе при коммуникации с другими людьми. Положительные примеры в таком случае скорее правило, чем исключение. Молодежь, иницирующая свои проекты в политике, уже находится в стадии готовности к политической карьере. Помимо собственно заявлений и программы действий по улучшению жизни в обществе, молодые люди осваивают ораторское искусство, ведение дебатов, вырабатывают собственный стиль поведения, реагирования на вызовы из внешней среды. Это можно отнести к «гибким» навыкам (или *soft skills*) современного поколения от 18 до 35. Практическая польза от овладения этими навыками колоссальна: независимо от становления в политической карьере, такие навыки будут полезны человеку XXI века.

Как указывает К. А. Котова, «молодежные политические организации являются неотъемлемым элементом политического пространства современной России, ... молодежь – носитель инновационного потенциала, определяющего дальнейшее развитие общества» [Котова 2013: 1]. Как отмечает автор, нельзя более отрицать роль молодежных политических объединений, они являются реальной силой, которая может показать государству как готовность продолжать идеи развития гражданского общества, так и протестное поведение. Тот инновационный потенциал, который упоминает К. А. Котова, – это, по сути, новые идеи, которые молодежь может реализовать в том числе в политической сфере. Готовность участвовать в выборах, например, связана с пониманием, для чего те или иные люди идут в политику, насколько понятна их программа действий и готовы ли они нести ответственность за невыполнение обещаний. В ситуации, когда нет единого понимания программы кандидата, нет возможности говорить на «одном» языке, вряд ли можно ожидать поддержки со стороны молодежного сообщества. Понимание места и роли в политике – это тоже своего рода инновационный потенциал, который может повлиять на развитие гражданского общества.

Вовлечение молодежи в активную социальную и политическую деятельность по обновлению своей страны является очень важной задачей [Коряковцева 2010: 3]. Как полагает автор, «для выработки стратегии активизации молодежи необходим тщательный анализ историко-культурных, социально-экономических и политических условий, обеспечивающих возможности реализации этого процесса в современной России». О. А. Коряковцева указывает на любопытный момент: «многообразие подходов к классификации форм политического участия ... следует рассматривать как комплексный феномен, состоящий из автономной активности личности и мобилизационной активности, то есть политизации». Таким образом, автор отмечает, что «необходимо рассматривать отдельно свободное проявление личностью не только активности действий, но и активности духа. Мобилизационная активность (принудительная) синонимична политизации и представляется ... в виде реализации соответствующих возрастнo-ориентированных молодежных государственных программ» [Коряковцева 2010: 17].

Как указывает Л. С. Пастухова, «возрастные акценты участия граждан в формировании гражданского общества в России смещаются в сторону молодежи» [Пастухова 2007: 1], и с этим нельзя не согласиться. Ведь современная молодежь иначе относится к политическим и социальным процессам, не обременена ностальгией о советском прошлом, она свободна и открыта для осознания и активного участия в демократических преобразованиях в стране [Пастухова 2007: 1]. В Тюменской области, да и в ряде других регионов, уже с уверенностью можно говорить о том, что политические процессы выстраиваются не только и не столько

для молодежи, в большей степени именно при ее непосредственном участии. Молодежь показывает готовность участия в политическом диалоге с учетом собственного видения, проявляет интерес в коммуникации с политиками. Определенная свобода выбора вида деятельности позволяет самим молодым людям решать насущные вопросы, постоянно находясь в диалоге с представителями государственных органов. Политическая социализация молодежи становится в последнее время все более очевидной с точки зрения науки социологии и иных смежных наук. В практическом аспекте политическая социализация выступает как фактор, отвлекающий молодое население от иного поведения, которое может быть в том числе наказуемым – несанкционированные протестные акции, нарушение законов или поддержка организаций, запрещенных в РФ.

По мнению С. Ц. Хобракова, «в последнее время в политическом процессе России сформировались и действуют активные политические молодежные объединения различной направленности. Идет интенсивное расширение форм политического участия молодежных объединений: молодежные парламенты, молодежные правительства, молодежные отделения политических партий... возрастает роль молодежных объединений как института политического участия. Расширение форм политического участия молодежных объединений еще одна из возможностей укрепления позиций России в мире, обеспечение ее конкурентоспособности» [Хобраков 2009: 1]. Соглашаясь с этим автором, отметим, что такие вызовы не могут остаться без ответа, и для осуществления государственной молодежной политики участия в политических процессах граждан в возрасте от 18 до 35 лет требуется совершенствование действующих и построение новых способов взаимодействия. Молодежные организации выказывают готовность взаимодействовать с органами власти, что тоже является существенным показателем развития гражданского общества в России. Современная наука стремится к выработке прогнозов политических и социальных процессов, в которых непосредственное участие принимают молодые люди, к созданию понятных алгоритмов доступа молодежи к политическим процессам и участию в политической коммуникации. Важна при этом и роль самой молодежи – ее активные креативные предложения, сформированные в духе времени и скорости обработки информации.

К сожалению, необходимо отметить и про оборотную сторону активного поведения. Как отмечает А. Е. Москалев, «изменения... в системе ценностей россиян ...способствуют проявлениям национализма, нетерпимости, политического радикализма, что находит выражение в возникновении новых оппозиционных общественных объединений, вовлекающих в свою деятельность молодое поколение, и в перспективе может оказать существенное негативное влияние на устойчивость политической системы России и привести к ее дестабилизации» [Москалев 2011: 2]. И в этой связи полагаем, что сегрегирующие факторы, упомянутые ранее,

могут повлиять на принятие решения молодым человеком: соблюдать установленные правила социума или «идти» против них. Нельзя отрицать влияния на принятие решения таких условий, которые связаны с культурой и образованностью, экономическим положением и благополучием, в которых человек растет и развивается. Как справедливо отмечает этот автор, «курс правящего класса на деполитизацию молодежи постепенно сменяется использованием активистов из молодежной среды в качестве политического ресурса» [Москалев 2011: 2]. В то же время молодежные объединения возникают не всегда по признакам неприятия законов, требований и правил, то есть в противовес гражданскому обществу. Идеи объединения по признаку наличия общей цели, способствующей возникновению или продолжению коммуникации с органами власти, преобладают в современном обществе. Для молодежи XXI века это, пожалуй, тот социум, в котором есть возможность получить ответы на ежедневные вопросы, в том числе связанные с политическими процессами в России и мире. В гражданском обществе стремление к балансу между политическими силами может и должно уравниваться наличием взаимодействия между всеми членами этого социума. Молодежь в таком случае – это поколение, которое сможет воспринять как хорошее, так и плохое в поведении у предыдущего поколения и взаимодействовать, пользуясь навыками коммуникации, искать и находить возможные компромиссы разрешения существующих проблем между всеми участниками взаимодействия на уровне государства, государственных органов, населением и между всеми ними для достижения общих целей – сотрудничество, сохранение стабильности в обществе, взаимопомощь. Поэтому очень важно изучать причины, способствующие определению критериев политической активной молодежи, вовлечению ее активистов в политический диалог и перспективам построения карьеры политика.

Увеличение способов взаимодействия и коммуникаций в обществе, как отмечает И. В. Кирдяшкин, «не снижает конфликтность социализации молодежи и сложности ее становления как граждан, обусловленных, в частности, дефицитом мотиваций, поднимающих человека над индивидуальным бытием, и соответствующего им социокультурного и политического опосредования» [Кирдяшкин 2012: 4]. Этот автор предполагает, что наличие полного взаимопонимания – не всегда обязательный аспект взаимодействия молодежи с иными участниками социума, ведь всякий раз обозначая свою позицию, молодой человек может и должен быть готов услышать несогласие с ней. Навыки *soft skills* могут помочь отразить аргументы оппонента, не «заходя» в конфликтное поле. Отражение возражений позволяет тренировать и развивать навыки будущих политических коммуникаций, в частности дебатов. И если идет речь о кооперации, то есть основе взаимодействия между членами общества, то она предполагает поиск талантов, определение уровней менталитета и его стилей,

которые будут отражать смысловые факторы. Важно определение «фокуса внимания» молодежи, поскольку это повлияет на улучшение государственной политики, оказание содействия молодежным организациям и выстраивание с ними диалога, в том числе в политической плоскости.

Соглашаясь с указанными авторами, отметим, что для политически активного молодого человека участие в политике может быть связано с решением самых актуальных для него жизненных задач, таких как: самоопределение, в том числе профессиональное определение, поиск своего предназначения и «второй» половины – спутника жизни. Реализуясь во всех этих трех сферах, человек приобретает навыки создания и выстраивания активной жизненной позиции, политической позиции, ответственное поведение за свою жизнь, приходит понимание отношения к власти, социально-политической ситуации в обществе, понимание того, как выстраивать свое будущее. Как справедливо отмечает О. Ю. Гребешкова, «динамичная, критически осмысляющаяся концепция жизни молодого человека, мотивирующая активность личности в сфере политики, в целом, продуктивно влияет на развитие личности» [Гребешкова 2004: 9].

Активность молодежи имеет проявления в каждом регионе. В настоящей работе рассмотрим политически активное поведение молодежи на примере Тюменской области. В частности, идет речь об исследовании активности молодежи в политических коммуникациях, возможностях построения политической карьеры в будущем, участии в выборах и в целом об участии в общественно-политической жизни региона. Исследование проводилось в виде опроса на Google-платформе с использованием Google-таблиц в период с 21 по 30 января 2022 года, возраст участников – от 18 до 35 лет (всего 603 человека, 2/3 – девушки), проживающих на территории Тюменской области. В исследовании приняли участие представители всех 26 муниципальных образований региона.

Рассмотрим результаты опроса. 46% опрошенных – молодые люди в возрасте от 31 до 35 лет, имеющие высшее образование. 70% опрошенных интересуются общественно-политической жизнью региона. Уникальным выводом из проведенного опроса является то, что информацию о политике, деятельности политических партий в регионе и в стране молодежь получает из Интернета, например социальных сетей, интернет-СМИ, YouTube-каналов, Telegram-каналов, что показывает высокую степень наличия навыков электронной коммуникации. Из опроса также был сделан вывод о незначительном обращении к печатным изданиям (всего 19%) – молодежь все меньше доверяет этим источникам, предположим, из-за объективной невозможности стремительно обновлять новостную ленту. При этом если говорить про интернет-источники, то молодые люди предпочитают ориентироваться на официальные порталы органов государственной и региональной власти, и уже потом – на их официальные аккаунты в социальных сетях, а далее – на ленты информационных агентств,

федеральных и региональных. Из 100% опрошенных 74% активно заявляют, что являются участниками общественно-политических событий в жизни региона и страны, более половины точно знают и разделяют позиции определенного общественно-политического движения. Среди очевидных проблем низкой активности молодежи опрошенные отметили недостаток информации об акциях и мероприятиях в сфере общественно-политической жизни региона; молодежь готова активно включиться в образовательные проекты. Приятным добавлением к результатам опроса было то, что почти 90% опрошенных принимали участие в общественно-политических акциях и проектах Общественной молодежной палаты при Тюменской областной Думе, Собрании молодых депутатов при Тюменской областной Думе, Молодой Гвардии Единой России, в волонтерском движении региона, проектах «Моей территории», образовательных проектах «Политстартап» и Высшей партийной школы «Единой России». Упоминание только этих проектов показывает достаточно высокий уровень активности молодежи Тюменской области, учитывая то, что проекты носят перманентный характер и помогают в поиске талантливой молодежи, готовой попробовать применить себя в новом качестве. Следует отметить, что участники опроса, равно как и те, кто участвовали в проектах, хотят продолжить приобретать полезные навыки политической коммуникации. Важна в этом роль наставников, которые также готовы помогать молодому поколению парламентариев. Люди, родившиеся в 1990–2000-е годы, обладают стремлением поиска себя через самореализацию, политическая сфера не является исключением. В условиях цифровизации у каждого заинтересованного представителя молодежной группы есть возможность задать вопрос и получить на него ответ от уже состоявшихся политиков. В настоящее время молодежь в большей степени замотивирована на электоральную активность. Общественно-политическая деятельность – это очень важно для каждого молодого гражданина, потому что если он больше вовлечен в нее, то органы власти более оперативно могут реагировать на проблемы. Люди 18–35 лет очень энергичны, готовы помогать другим, делать что-то совместное, объединяться для решения многих проблем, а также предлагать проекты по благоустройству целого города. Этот возраст человека характеризуется наибольшей активностью, которую можно применить на благое дело. Часть молодежной политики – это гражданско-патриотическая деятельность, которую нужно развивать в просвещении политико-правовой грамотности, потому что молодежь не очень хорошо знает о каналах взаимодействия с властью, считая, что только «выборы» (причем на которые не все ходят) – это и есть реальное взаимодействие. В эту деятельность можно включить все большее привлечение молодежи к национальным проектам, комиссиям при департаментах.

Стоит отметить, что в постиндустриальную эпоху повышается цифровизация населения, все услуги для человека становятся «под рукой», так и молодежная политика все более перетекает в онлайн-формат (хотя и не может его заменить полностью). Самым большим допущением было бы сказать, что онлайн заменит офлайн, но, как оказалось, нет. Пандемия коронавируса в 2020 году и в последующие годы показала, что обычное человеческое общение нельзя заменить мессенджерами, социальными сетями. Через социальные сети и интернет-СМИ молодежь активно вовлекается в различные движения (форумы, арт-кластеры, патриотика, студенческий туризм), а также узнает о событиях из мира политики. Через офлайн-мероприятия происходят «хакатоны», проектная деятельность, открытые мероприятия по спорту и т. д.

Для совершенствования культуры политического участия молодежи и молодежной политики в Тюменской области предлагается следующее:

1. Прививать электоральную активность путем внедрения проектов по политико-правовой грамотности с вовлечением молодежи всех возрастных групп.

2. Привлекать молодежь к экспертным комиссиям, комиссиям по благоустройству, социальной политике, поскольку молодые люди могут видеть проблемы в этой сфере «изнутри». Студенческие советы вузов Тюменской области являются «кузницей» кадров, получая в них поддержку, молодой человек стремится участвовать во внешних мероприятиях, в том числе политического характера. Студенческие советы вузов чаще всего имеют больше непосредственных коммуникаций с молодежью, а также напрямую заинтересованы во взаимодействии с органами власти.

3. В студенческой среде необходимо поддерживать межвузовскую коммуникацию, так как это в дальнейшем даст мультипликативный эффект: общее студенческое пространство, избыточные молодежные мероприятия, расширение проектной деятельности. Эффективное развитие студенческих советов может помочь в становлении конкуренции и политической активности, кроме того, для молодежи это будет способ «показать себя и на других посмотреть», особенно когда нет «замыкания» только на своем вузе. В данном случае речь о субъекте РФ, на территории которого есть достаточно большое количество вузов с талантливой молодежью.

4. Для молодежи важны диалоги «на равных» с политиками, потому что недопонимание – это «огромная пустота, которая заполняется обидой и бессмысленным искажением смысла». В условиях современных электронных коммуникаций это становится более перспективным, даже несмотря на пандемический эффект 2020–2022 годов. Свобода задавать вопросы, свобода предложений по участию и совместным проектам позволит молодежи объединиться с политическими силами, которые подберут их таланты.

5. Развитие проектной деятельности среди молодежи. Необходимо разъяснение по организации, проведению и реализации проектов, в том числе с участием молодежи. Чаще всего у молодых людей имеется лишь отдаленное понимание о проектной деятельности, однако этот вопрос является решаемым, и помощь в понимании, разъяснении и содействии в проектной деятельности позволит выявить наиболее деятельных молодых людей, способных создать важнейшие проекты для региона.

Подводя итог настоящему исследованию, отметим, что в настоящее время в Тюменской области созданы все необходимые условия для того, чтобы молодежь могла получить всю необходимую информацию о проектах, в которых есть возможность приобрести новые знания, умения и навыки, приобрести навыки политической коммуникации, изучить опыт ранее проводимых мероприятий и присоединиться к продолжению их реализации. Все эти факторы указывают на то, что первоначальный тезис о патерналистских факторах может быть преодолен путем проявления активности со стороны молодежи, вовлеченности в политические процессы и тем самым является ответом на вопросы о месте и роли в обществе и в профессии. Достижению общей цели – политической активности молодежи – может и должно способствовать информирование о политических процессах, выборах, когда совершеннолетние напрямую сталкиваются с использованием своих политических прав, кроме того, обращение к органам власти, трансляция политических знаний в школах. Помочь в реализации этой задачи могут действующие представители власти – депутаты областной и государственной Думы. Этот процесс будет длиться не один электоральный цикл, даже больше, потому что есть большие пробелы в знаниях о политических правах и свободах. Политическая активность будет возрастать, в том числе по мере появления нового поколения 18–35-летних, умеющих генерировать новые идеи и имеющих представление о том, как их реализовать, а органам власти можно и нужно прислушиваться к инициативам молодежи, поскольку именно они будут решением сложных и давно не решенных проблем в обществе.

Список источников

1. Барсебян В. М. Политическая активность молодежи как канал социальной мобильности в современном российском обществе: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Москва, 2016. 29 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/politicheskaya-aktivnost-molodezhi-kak-kanal-sotsialnoi-mobilnosti-v-sovremennom-rossiiskom> (дата обращения: 20.02.2022).

2. Гребешкова О. Ю. Потребностно-мотивационная сфера личности как фактор политической активности молодежи: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.12. Санкт-Петербург, 2004. 20 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/potrebnostno-motivatsionnaya-sfera-lichnosti-kak-faktor-politicheskoi-aktivnosti-molodezhi> (дата обращения: 19.02.2022).

3. Гришин Н. В. «Теория подкрепления» и изучение влияния интернет-технологий на политическое участие современной молодежи // Вестник Россий-

ского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. С. 47-59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-podkrepleniya-i-izuchenie-vliyaniya-internet-tehnologii-na-politicheskoe-uchastie-sovremennoy-molodezhi> (дата обращения: 12.02.2022).

4. *Кирдяшкин И. В.* Молодежная политика как фактор социализации современной российской молодежи: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. Томск, 2012. 40 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/molodezhnaya-politika-kak-faktor-sotsializatsii-sovremennoi-rossiiskoi-molodezhi> (дата обращения: 31.01.2022).

5. *Котова К. А.* Участие молодежи в политических организациях в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Москва, 2013. 25 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/uchastie-molodezhi-v-politicheskikh-organizatsiyakh-v-sovremennoi-rossii> (дата обращения: 20.02.2022).

6. *Коряковцева О. А.* Государственная молодежная политика как фактор общественно-политической активизации молодежи в постсоветской России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. Москва, 2010. 47 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/gosudarstvennaya-molodezhnaya-politika-kak-faktor-obshchestvenno-politicheskoi-aktivizatsii> (дата обращения: 18.02.2022).

7. *Маленков В. В.* Активное гражданство: концепт и его эмпирические проекции (по результатам исследования тюменской молодежи) // Социологические исследования. 2021. № 3. С. 131-136. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jid=8551&jn=socis (дата обращения: 22.02.2022).

8. *Москалев А. Е.* Оппозиционные молодежные общественные объединения в политическом процессе современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Москва, 2011. 26 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/oppozitsionnye-molodezhnye-obshchestvennye-obedineniya-v-politicheskom-protsesse-sovremennoi> (дата обращения: 20.02.2022).

9. *Пастухова Л. С.* Молодежный парламентаризм как фактор развития гражданского общества: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Москва, 2007. 21 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/molodezhnyi-parlamentarizm-kak-faktor-razvitiya-grazhdanskogo-obshchestva> (дата обращения: 22.02.2022).

10. *Погосян Л. А., Веселая Т. В.* Формирование и специфика политической культуры молодежи в современном российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2015. С. 276-282. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-i-spetsifika-politicheskoy-kultury-molodezhi-v-sovremennom-rossiyskom-obshchestve> (дата обращения: 23.02.2022).

11. *Хобраков С. Ц.* Молодежные общественные объединения как институт политического участия в современной России: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 23.00.02. Москва, 2009. 26 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/molodezhnye-obshchestvennye-obedineniya-kak-institut-politicheskogo-uchastiya-v-sovremennoi> (дата обращения: 23.02.2022).

Ямина Полина Дмитриевна,
бакалавр 4 курса Уральского гуманитарного института,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
pyamina@mail.ru

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Аннотация. Статья рассматривает изменения ориентаций избирателей под влиянием пандемии COVID-19. Исследуются различные внешние и внутренние факторы электорального поведения. В контексте внешних факторов рассмотрены особенности избирательной и партийной системы страны. Внутренние факторы разделены на долговременные и кратковременные. К долговременным отнесены социальная, партийная и идеологическая идентификации избирателей. В числе кратковременных факторов рассматриваются позиции избирателей по проблемам политического курса, информационная активность кандидатов, эмоции, эвристические суждения, а также оценки уровня эффективности работы правительства. Проанализированы степень владения партиями информационной повесткой и их политическая активность в период пандемии.

Ключевые слова: электоральное поведение; избирательные кампании; избирательный процесс; политические партии; экономическое голосование; пандемия; коронавирус; эпидемии; COVID-19; информационные повестки

Iamina Polina Dmitrievna,
Undergraduate Student of the 4th year of Ural Institute for Humanities,
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
pyamina@mail.ru

ANALYSIS OF THE FACTORS OF ELECTORAL BEHAVIOR IN A PANDEMIC

Abstract. This article explores changes in voter orientations under the influence of the COVID-19 pandemic. Various external and internal factors of electoral behavior are investigated. In the context of external factors the peculiarities of the electoral and party system of the country are considered. The internal factors are divided into long-term and short-term. The long-term ones include social, party and ideological identification of the electors. The short-term factors include voters' positions on the problems of political course, information activity of the candidates, emotions, heuristic judgments, as well as assessments of the level of government effectiveness. The degree of ownership of the information agenda by the parties and their political activity during the pandemic are analyzed.

Keywords: electoral behavior; election campaigns; electoral process; political parties; economic voting; pandemic; coronavirus; epidemics; COVID-19; information agendas

Электоральное поведение зависит от совокупности различных объективных и субъективных факторов политического, социально-экономического и психологического характера, которые в конечном счете определяют позицию различных категорий избирателей. Важнейшей особенностью выборов депутатов Государственной Думы РФ восьмого созыва стала сложная эпидемиологическая обстановка, вызванная пандемией COVID-19. Карантинные ограничения в субъектах РФ вводились с марта 2020 г., т. е. за полгода до Единого дня голосования 19 сентября, в связи с чем политические партии были вынуждены оперативно менять свою политическую повестку и организационную стратегию в рамках подготовки к избирательным кампаниям.

Ввиду того, что дальнейшее обострение эпидемиологической ситуации не исключено, очевидна актуальность причинно-следственного исследования и анализа политической активности российских партий как важнейших институтов гражданского общества с целью фиксирования приобретенного организационного опыта и выработки механизмов их работы в случае обострения эпидемиологической обстановки.

Исследование факторов электорального поведения целесообразно начать с разбора внешних и внутренних условий голосования [Lewis-Beck et al. 2008]. В научной литературе нет единого мнения о том, какие факторы электорального выбора являются внешними. Одни ученые называют социально-экономические [Campbell et al. 1960] и социокультурные [Norris 2004] условия, характерные для избирательного процесса в конкретной стране. Другие говорят о более частных случаях – стратегических и тактических действиях элит во время избирательной кампании [Bartels 2010]. Кроме того, изучая внешние условия голосования, исследователи часто обращают внимание на различные характеристики институционального политического контекста выборов, где в качестве ключевых элементов выделяют избирательную и политическую системы страны.

Используемый формат избирательной системы формирует набор стимулов для кандидатов, определяя таким образом основные характеристики партийной системы страны – число релевантных политических партий, идеологическую дистанцию между ними, а также степень изменчивости структуры межпартийного соперничества [Klingemann 2005]. Количество партий в научной литературе соотносится с доступным избирателям числом значимых электоральных альтернатив, в то время как уровень поляризации и волатильности – с разнообразием и стабильностью электорального предложения. Изменения в каждом из этих параметров могут активировать определенные внутренние мотивы голосования и тем самым косвенно повлиять на избирателя [Anderson, Dalton 2011]. Важно отметить, что на выбор электората может повлиять не только избирательная система страны, но и более общие «режимные» инсти-

туты, сдерживающие от участия в выборах те или иные политические силы.

Внутренние факторы голосования в исследовательских работах обычно разделяют на долговременные и кратковременные [Thomassen 2005]. К долговременным факторам относят социальную, партийную и идеологическую идентификации избирателей [Lewis-Beck et al. 2008; Jacoby 2010]. В числе кратковременных факторов выделяют позиции избирателей по актуальным проблемам политического курса, оценку уровня эффективности работы правительства, мнение о персональных качествах кандидатов, реакции людей на избирательную кампанию, СМИ и ближайшее социальное окружение, а также эмоции и поверхностные эвристические суждения [Kam, Zechmeister 2013; Loewen, Hinton, Sheffer 2015]. Далее рассмотрим каждый из этих факторов подробнее, учитывая влияние пандемии COVID-19 и связанного с ней экономического кризиса в России.

Позиции избирателей по проблемам политического курса как фактор электорального поведения обосновал Э. Даунс в работе «Экономическая теория демократии» [Downs 1957]. Фундаментальное положение данной концепции состоит в том, что избиратели голосуют за ту партию, которая, по их мнению, предоставит им больше выгод, чем любая другая. Позднее логику проблемно ориентированного электората объясняли с помощью теории близости [Enelow, Hinich 1984], согласно которой избиратели голосуют за того кандидата, позиция которого им наиболее близка; уровня заметности разных политических вопросов для избирателей [Niemi, Bartels 1985] и владения повесткой – представление избирателей о том, какие партии могут лучше справиться с решением насущных проблем [Petrocik 1996].

Избирательная кампания как важный фактор электорального поведения получила широкое признание среди исследователей только во второй половине 1990-х – начале 2000-х годов [Jacobson 2015]. В числе основных механизмов, объясняющих влияние избирательной кампании на электоральное поведение, выделяют обучение (повышение уровня компетентности избирателей о кандидатах и проблемах кампании) и формирование информационной повестки (освещение сюжетов и тем, выгодных одной из сторон электорального соревнования). Вместе с тем в процессе кампании могут активироваться практически любые критерии электорального выбора, в их числе гендерная и расовая идентификация, партийная приверженность, идеология, экономические и эмоциональные оценки.

Среди основных параметров избирательной кампании, влияющих на электоральный выбор, выделяют характер политического позиционирования кандидатов (позитивный или негативный, «консолидирующий» или «противопоставляющий» [Ахременко 2007]), а также целевую аудиторию и содержание месседжей кампании. Помимо деятельности кандидатов и СМИ исследователи отмечают эффекты восприятия информации,

получаемой избирателями от ближайшего социального окружения [Ahn et al. 2010].

Значительное влияние на электоральные настроения также оказывают эмоции. С помощью них происходят поиски и усвоение новой информации о кандидатах, формируется политическое суждение, происходят запоминание одной электорально значимой информации и обесценивание (забывание) другой [Armoudian, Crigler 2010].

В теориях голосования избирателей часто называют «когнитивными скупцами», стремящимися минимизировать свои затраты на получение электорально значимой информации [LewisBeck et al. 2008]. Изучение методов экономии избирателями интеллектуальных усилий при принятии электорального решения развивалось в рамках теорий схематического суждения [Miller, Wattenberg, Malanchuk 1986], рассуждающего избирателя [Popkin 1994], а также с использованием понятий «эвристические суждения» [Пушкарева 2003] и «когнитивные ярлыки» [Lupia 1994]. К эвристическим механизмам принятия электорального решения относят информацию о расовой и этнической принадлежности кандидатов, сведения об их партийном и идеологическом позиционировании, суждения о том, как изменилось благосостояние населения за время нахождения у власти действующей администрации, а также информацию о персональных качествах кандидатов [HaYES 2010]. Однако существуют и более «радикальные» возможности сокращения интеллектуальных затрат в процессе принятия электорального решения, например присоединение к большинству, голосование по привычке, выбор наиболее известного кандидата или партии и голосование за первого кандидата в списке [Loewen, Hinton, Sheffer 2015].

Голосование с опорой на эвристические суждения свойственно, как правило, «подвижным избирателям», слабо вовлеченным в электоральный процесс и принимающим решение практически в момент акта голосования [Zaller 2004]. При этом отдельные виды эвристических суждений (например, узнавание имени кандидата или голосование за первого кандидата в списке) очень неустойчивы. Их значение сильно снижается, если индивид получает более релевантную политическую информацию.

Суммируя вышеуказанные тезисы и сложную эпидемиологическую обстановку, вызванную пандемией, выдвинем следующую гипотезу: «Больше поддержки получит тот, кто лучше воспользуется коронавирусной новосткой».

Одной из наиболее популярных проблем в период избирательной кампании 2021 года стала обязательная вакцинация. Согласно Указу мэра Москвы С. С. Собянина от 22 июня 2021 г. (22.06.2021) № 35-УМ «О QR-кодах» с 28 июня 2021 года людей, не имеющих сертификата о вакцинации, отрицательного ПЦР-теста или не перенесших в течение последних шести месяцев COVID-19, не пускали во внутренние помещения заведе-

ний общепита и на массовые мероприятия численностью более 500 человек. В июле такую систему посещения ввели и некоторые музеи Москвы. Кроме того, ряд губернаторов в своих регионах ввели обязательную вакцинацию 60% сотрудников сферы услуг.

Такая дискриминационная мера вызвала волну недовольств среди населения. Мнения партий разделились, в связи с чем изменился их рейтинг. Так, согласно данным ВЦИОМ на 20 июня 2021 года, партия «Единая Россия», активно выступающая за вакцинацию и введение системы QR-кодов, имеющая рейтинг 30,4% к августу снизила его до 27,8%. Подобная тенденция случилась и с партией ЛДПР, когда ее лидер В. В. Жириновский заявил, что вакцинация добровольной быть не может. В результате чего рейтинг партии с 10% снизился до 9,6%. Противоположные результаты получила партия КПрФ, которая выбрала для себя иную крайность, заявив, что под предлогом прививки людей могут подвергнуть массовой «чипизации». В итоге с 11,9% их рейтинг в августе поднялся до 15,6%.

Однако повестку об обязательной вакцинации нельзя назвать ключевым фактором, определившим электоральные предпочтения. Чтобы понимать выбор избирателей, важно сравнить политическую активность партий в период распространения коронавирусной инфекции начиная с марта 2020 года. Так, согласно аналитическому докладу Института новейших государств «Политические партии России в период распространения коронавируса» наиболее деятельной оказалась «Единая Россия». Партия поддержала выдвинутую Президентом программу чрезвычайных мер во всех проявлениях своей политической активности. В их числе законодательская деятельность на федеральном и региональном уровнях; публичные политические заявления и экспертные комментарии в СМИ и социальных сетях; реализация гражданских инициатив; организация волонтерской работы с активным привлечением молодежи.

Информационную активность также проявила «Партия Роста», разместившая на своем сайте сообщения о развитии пандемии в стране и мире, аналитические материалы об эффективности карантина, а также информацию о том, как представители малого и среднего бизнеса в разных регионах России помогают бороться против вируса. Ее примеру последовала и «Партия пенсионеров за социальную справедливость», которая продемонстрировала ответственный и конструктивный подход к работе со своими избирателями. Деятельность партии по поддержке пожилых людей в период самоизоляции не ограничилась политическими заявлениями. Велась большая разъяснительная работа, в то числе были выпущены видеоролики о мерах предосторожности при эпидемии коронавируса.

Активно действовали и четыре новые партии, зарегистрированные в 2020 году, – «За правду», «Новые люди», «Зеленая альтернатива» и Партии прямой демократии. Они с первых дней своего существования активно включились в актуальную новостную повестку, организовав нестан-

дартные форматы взаимодействия с избирателями. Так, например, партия «За правду» в рамках Правозащитного проекта открыла «горячую линию» правовой помощи в период пандемии, осуществляющую бесплатную юридическую консультацию для работников, работодателей и представителей малого бизнеса.

Среди парламентских партий только «Единая Россия» оказалась способна оперативно изменить политическую повестку в соответствии с эпидемиологической ситуацией, а также организовать активную волонтерскую помощь врачам и нуждающимся гражданам. Оппозиционные парламентские партии начали действовать либо позже, как КПРФ и «Справедливая Россия – За правду», либо, как ЛДПР, которая вместо того, чтобы изменить свою повестку, попыталась приспособить неактуальные тезисы к новой реальности.

Таким образом, приведенные данные подтверждают выдвинутую гипотезу. Актуальная повестка – борьба с коронавирусной инфекцией. Изучив электоральные мнения по данному вопросу, партии выдвинули лозунги, которые должны были привлечь электорат на их сторону. Большинство населения было недовольно ограничительными мерами, следовательно, партиям, выступавшим против введения системы QR-кодов, удалось повысить свой рейтинг. Кроме того, значительное влияние на электорат оказали политическая активность партий, организация волонтерской деятельности, помощь с финансовыми трудностями и пр.

Помимо вышеуказанных факторов, на электоральное поведение также влияет оценка уровня эффективности работы правительства. Этот показатель исследователи приравнивают к экономическому голосованию. Фундаментом в данной области исследования стала теория поощрений и наказаний, предложенная В. О. Ки [Key 1966]. Согласно мнению ученого, голосуя, население поощряет действующее правительство за улучшение и наказывает за ухудшение собственного материального положения. В дальнейших исследованиях в качестве важнейшего измерения в модели экономического голосования рассматривается выбор избирателей между действующим держателем должности и претендентами на выборный пост [Wattenberg, Powell 2015].

Согласно исследованию Р. Ф. Туровского, Ю. О. Гайворонского [Туровский, Гайворонский 2017: 59] о влиянии экономики на электоральное поведение в России, наиболее электорально чувствительными к улучшению материального благополучия (то есть наиболее рациональными в логике экономического голосования) являются пенсионеры. Учитывая, что в период пандемии, согласно данным Росстата, реальный размер назначенных пенсий увеличился на 2,4% и в сентябре 2021 года пенсионеры получили единовременные выплаты, действующая власть могла рассчитывать на голоса этой категории граждан.

Что касается остальной части электората, то по логике экономического голосования население должно было «наказать» действующее правительство за ухудшение собственного материального положения. По данным Росстата, реальные денежные доходы населения в период пандемии снизились на 3,1%, а уровень безработицы повысился на 2,8%. Однако, чтобы реабилитироваться в глазах населения, по инициативе «Единой России» были введены несколько новых видов государственной поддержки, льгот и пособий для разных категорий граждан. В результате увеличилась минимальная сумма больничных, появились кредитные и ипотечные каникулы, доплаты медработникам, единовременные выплаты для семей с детьми до 16 лет и пр.

Учитывая, что лидирующей партией на выборах 2021 года вновь стала «Единая Россия», можно сделать вывод, что избиратели не «наказали» действующую власть за ухудшение экономической ситуации в стране, а наоборот. Этот факт можно объяснить компенсацией в виде единовременных выплат определенным категориям граждан, т. е. концепцией «Экономической теории демократии» (рассмотренной ранее), согласно которой избиратели голосуют за ту партию, которая, по их мнению, предоставит им больше выгод, чем любая другая.

Таким образом, пандемия внесла значительные изменения в информационную повестку и организационную стратегию подготовки избирательных кампаний. Наиболее популярными темами стали: самоизоляция, обязательная вакцинация, введение QR-кодов. Изучив электоральные мнения по данному вопросу, партии выдвинули лозунги, которые должны были привлечь электорат на их сторону. Партиям, принявшим активное участие в поддержке населения, удалось повысить свой рейтинг.

Список источников

1. *Ахременко А. С.* Структуры электорального пространства / Каф. гос. политики, Филос. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва: Социально-политическая мысль, 2007. ISBN 978-5-91579-002-4.

2. *Пушкарева Г. В.* Изучение электорального поведения: контуры когнитивной модели // ПОЛИС. Политические исследования. 2003. № 3. С. 120-130.

3. *Туровский Р. Ф., Гайворонский Ю. О.* Влияние экономики на электоральное поведение в России: работает ли «Контракт» власти и общества? // Полития. 2017. № 3 (86). С. 42-60.

4. *Ahn T. K., Huckfeldt R., Mayer A. K., Ryan J. B.* Politics, Expertise, and Interdependence within Electorates // The Oxford Handbook of American Elections and Political Behavior / ed. by J. E. Leighley. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 278-299.

5. *Anderson C. J., Dalton R. J.* Nested Voters: Citizen Choices Embedded in Political Contexts // Citizens, Context, and Choice. How Context Shapes Citizens' Electoral Choices / ed. by R. J. Dalton, C. J. Anderson. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 241-256.

6. *Armoudian M., Crigler A. N.* Constructing the Vote: Media Effects in a Constructionist Model // The Oxford Handbook of American Elections and Political Behavior / ed. by J. E. Leighley. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 300-325.

7. *Bartels L. M.* The study of electoral behavior // *The Oxford handbook of American elections and political behavior*. 2010. P. 239-261.
8. *Campbell A., Converse P. E., Miller W. E., Stokes D. E.* *The American Voter*. N.Y.: John Wiley and Sons, 1960. 576 p.
9. *Downs A.* *An Economic Theory of Democracy*. N.Y.: Harper Collins Publishers, 1957. 310 p.
10. *Enelow J. M., Hinich M. J.* The spatial theory of voting: An introduction. CUP Archive, 1984. 238 p.
11. *Hayes D.* Trait Voting in U.S. Senate Elections // *American Politics Research*. 2010. Vol. 38, No. 6. P. 1102-1129.
12. *Jacoby W. G.* The American Voter // *The Oxford Handbook of American Elections and Political Behavior*. 2010. P. 262-277.
13. *Kam C. D., Zechmeister E. J.* Name recognition and candidate support // *American Journal of Political Science*. 2013. Vol. 57, No. 4. P. 971-986.
14. *Key V. O.* *The Responsible Electorate: Rationality in Presidential Voting 1936–1960*. New York: Vintage, 1966. 158 p.
15. *Klingemann H. D.* Political Parties and Party Systems // *The European Voter: A Comparative Study of Modern Democracies* / ed. by J. J. Thomassen. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 22-63.
16. *Lewis-Beck M. S., Jacoby W. G., Norpoth H., Weisberg H. F.* *The American Voter Revisited*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2008. 494 p.
17. *Loewen P. J., Hinton K., Sheffer L.* Beauty contests and strategic voting // *Electoral Studies*. 2015. Vol. 38. P. 38-45.
18. *Lupia A.* Shortcuts versus encyclopedias: Information and voting behavior in California insurance reform elections // *American Political Science Review*. 1994. Vol. 88, No. 1. P. 63-76.
19. *Miller A. H., Wattenberg M. P., Malanchuk O.* Schematic Assessments of Presidential Candidates // *American Political Science Review*. 1986. Vol. 80, No. 2. P. 521-540.
20. *Niemi R. G., Bartels L. M.* New Measures of Issue Salience: An Evaluation // *Journal of Politics*. 1985. Vol. 47, No. 4. P. 1212-1220.
21. *Norris P.* *Electoral Engineering. Voting Rules and Political Behavior*. Cambridge University Press, 2004. 390 p.
22. *Petrocik J. R.* Issue Ownership in Presidential Elections, with a 1980 Case Study // *American Journal of Political Science*. 1996. Vol. 40, No. 3. P. 825-850.
23. *Popkin S. L.* *The Reasoning Voter: Communication and Persuasion in Presidential Campaigns*. 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 336 p.
24. *Thomassen J. J. A.* Introduction // *The European Voter: A Comparative Study of Modern Democracies* / ed. by J. J. A. Thomassen. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 1-20.
25. *Wattenberg M. P., Powell S.* A Policy-Oriented Electorate: Evaluations of Candidates and Parties in the Obama Elections Compared to the 1952–1980 Period // *Presidential Studies Quarterly*. 2015. Vol. 45, No. 3. P. 540-557.
26. *Zaller J.* Floating Voters in the U.S. Presidential Election, 1948–2000 // *Studies in Public Opinion: Attitudes, Nonattitudes, Measurement Error, and Change* / ed. by W. E. Saris, P. M. Sniderman. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2004. P. 166-212.

Научное издание

**КУЛЬТУРА, ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО
В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ И ПОСТ-ПАНДЕМИИ:
МЕТОДОЛОГИЯ, ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

**Материалы XXV Международной конференции
памяти профессора Л. Н. Когана**

Уральский государственный педагогический университет.
620091 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.
E-mail: uspu@uspu.ru